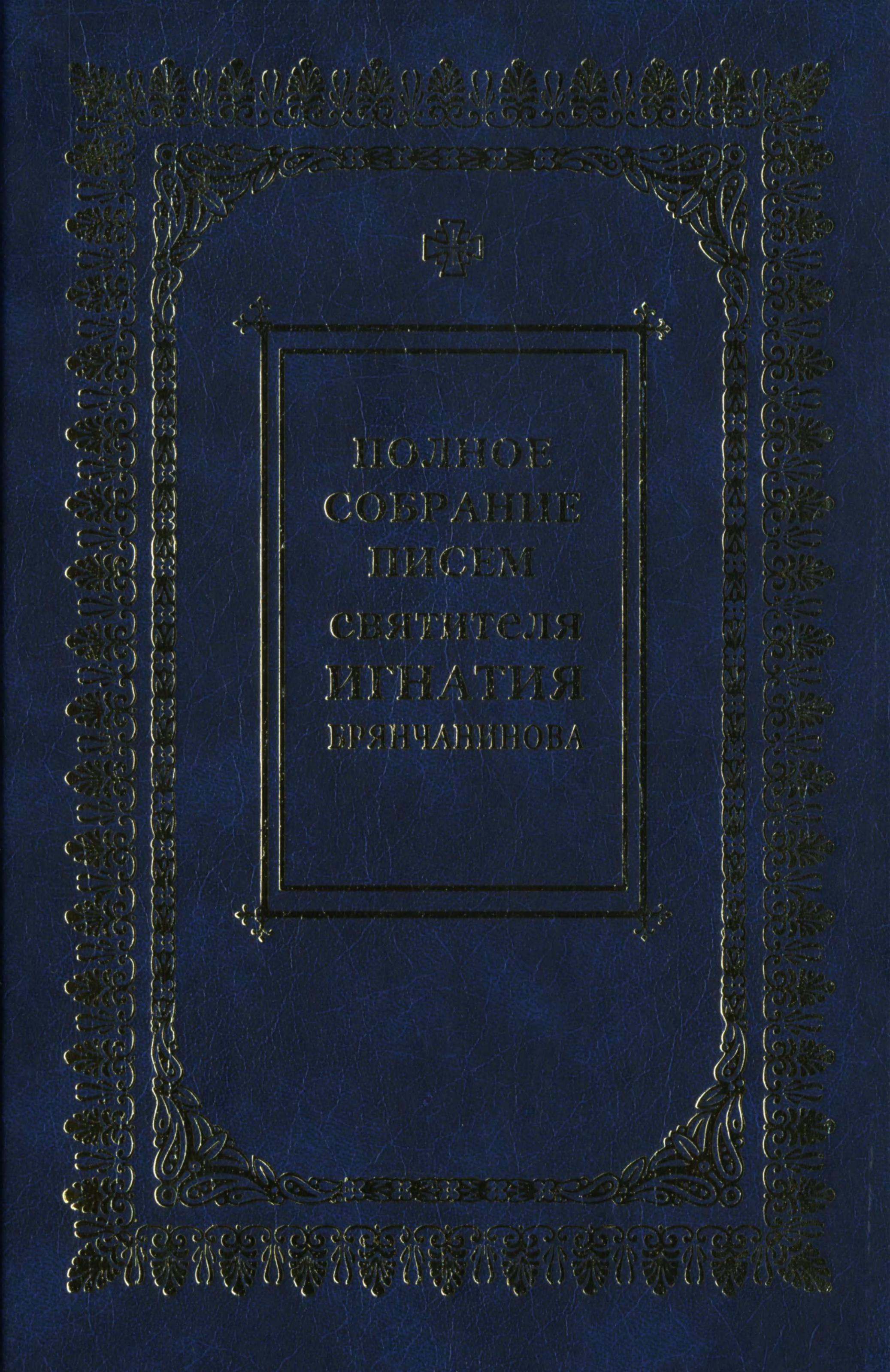
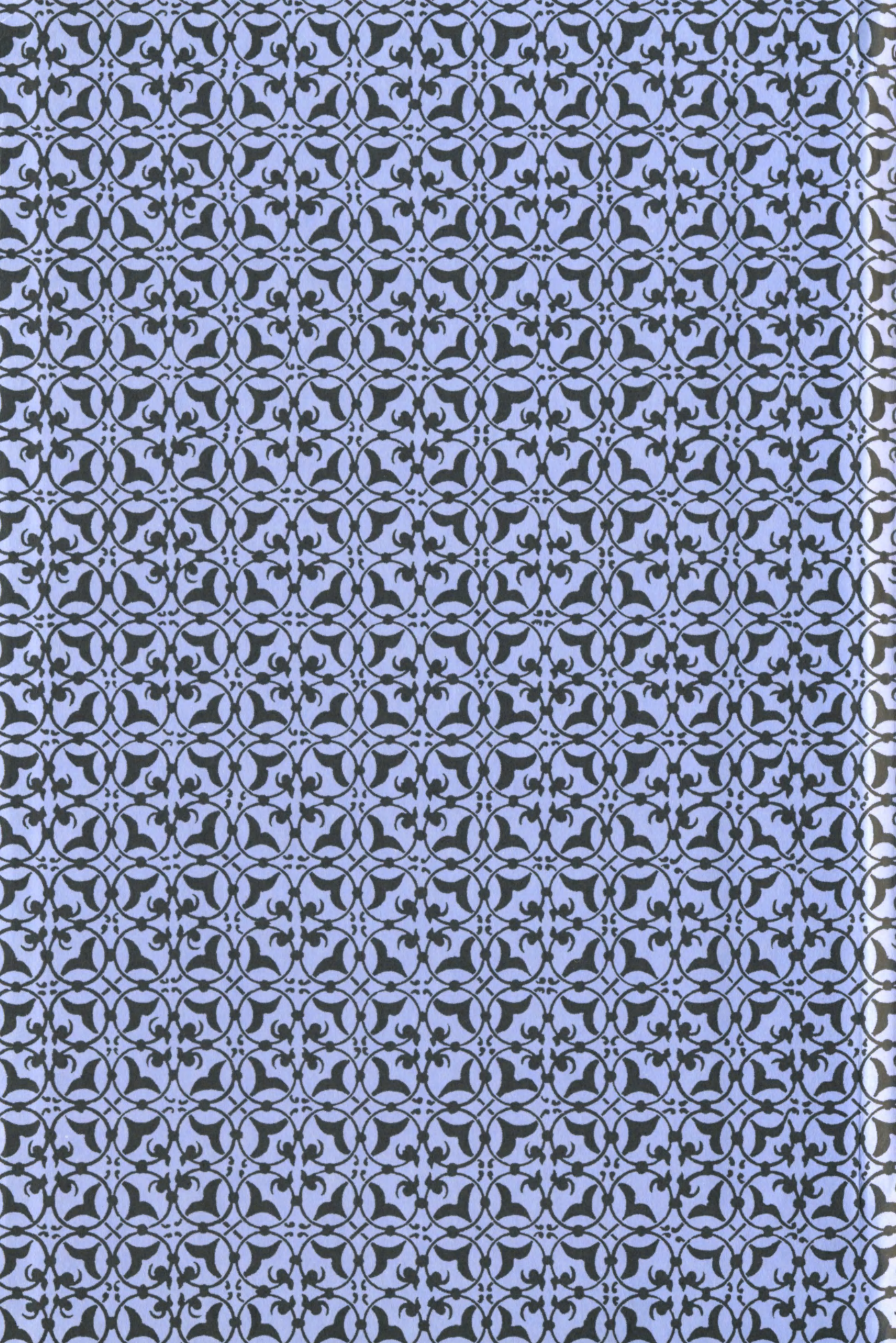
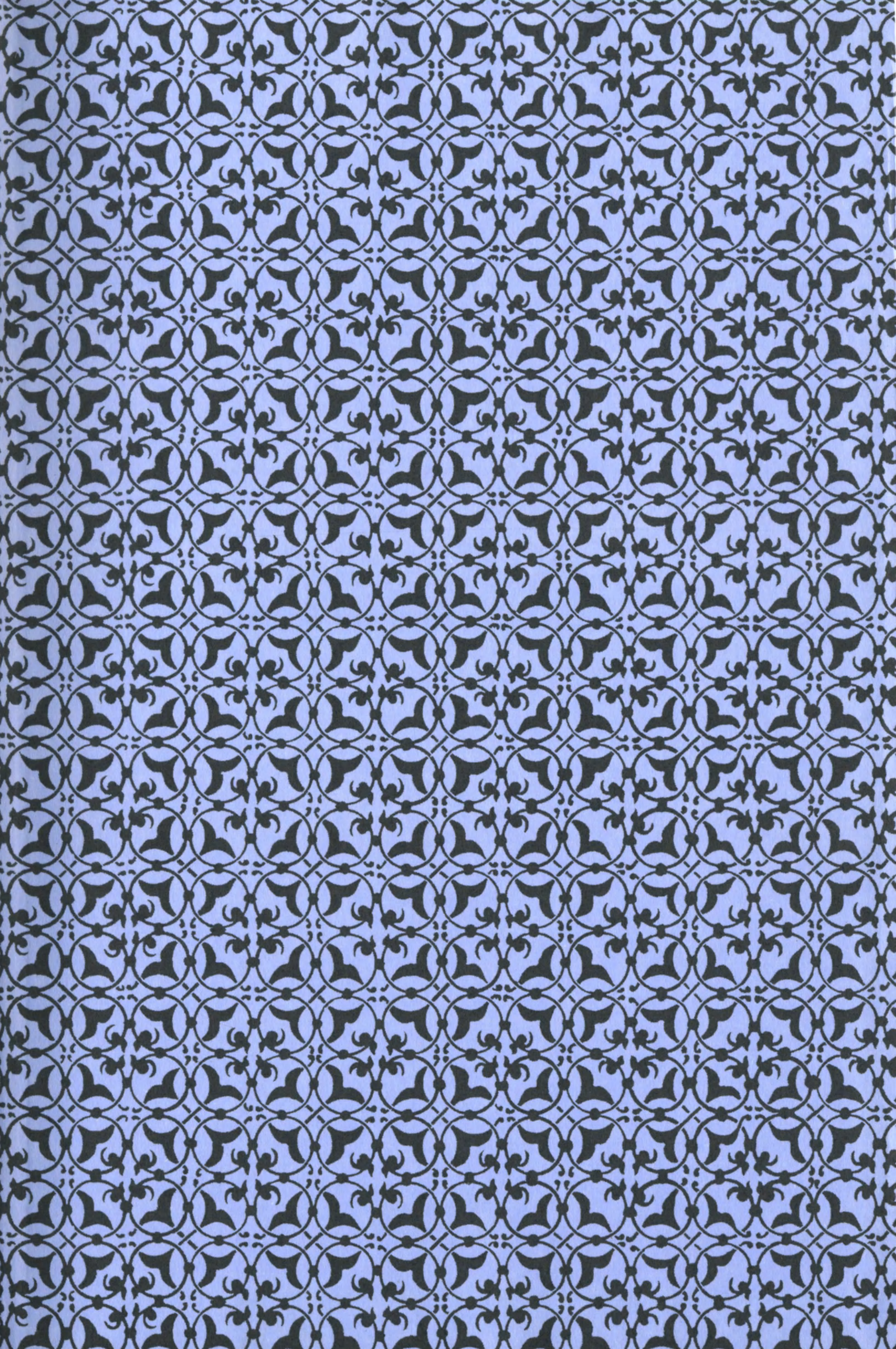

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ПИСЕМ
СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ
БРЯНЧАНИНОВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПИСЕМ

святителя

ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том III

Переписка с мирянами

УДК 242
ББК 86.37.42
Б 89

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 10-09-0532

Составление
О. И. Шафранова

Игнатий Брянчанинов, святитель.
Б 89 Полное собрание писем: В 3 т. Т. 3: Переписка с мирянами / Сост. О. И. Шафранова.— М.: Паломник, 2011. — 672 с.

ISBN 5-88060-250-8

Предлагаемое читателям полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова в 3-х томах представляет собой драгоценнейшее эпистолярное наследие этого выдающегося подвижника Божия. «Пишу к вам прямо из сердца», — обращался святитель Игнатий к своим корреспондентам. Современные боголюбивые читатели, несомненно, также смогут ощутить это сердечное участие, находя в письмах великого учителя благочестия духовное утешение, разрешение своих недоумений, конкретные духовные советы на пути ко спасению.

Полное собрание писем входит в Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова.

УДК 242
ББК 86.37.42

ISBN 5-88060-250-8

Ольга Шафранова

РОДИТЕЛИ, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

Бог ведает, сколько человека должно продержать среди волн и бурь житейского моря, и когда ввести его в тихое пристанище, не развлекаемое волнами, — для покаяния.

Святитель Игнатий

I

Родители святителя Игнатия Брянчанинова

В жизнеописаниях святителя Игнатия достаточно подробно рассказывается об отношениях между его родителями и их детьми. На характере отца, Александра Семеновича Брянчанинова (7 мая 1784 — 19 апреля 1875), быть может, сказалась неудачно сложившаяся его жизненная ситуация. Получив образование в аристократическом Императорском пажеском корпусе (в котором воспитывались дети Императорской Фамилии), он вынужден был отказаться от великосветской карьеры и вернуться в провинциальную Вологду, чтобы спасать свое имение от окончательного разорения. Еще в 22–23-летнем возрасте ему пришлось предпринимать героические усилия, чтобы избавиться от долгов, оставшихся ему от его родителя. Этим, скорее всего, объясняется та экономия, даже скупость, о которой упоминается в жизнеописаниях. Тем не менее к его чести следует сказать, что женился он не по расчету, так как его жена Софья Афанасьевна не была наследницей богатых имений. А также и то, что детям своим он постарался дать прекрасное воспитание. Со временем Александр Семенович примирился с участью провинциального помещика, поселился в своей родовой вотчине — селе Покровском, из которого «воля его и вкус создали маленький Версаль». А свои амбиции он старался реализовать через своих детей. Именно поэтому желание самого талантливого из них уйти в монастырь встретило столь жесткое сопротивление. И даже когда Дмитрий Александрович стал уже известным архимандритом Игнатием, отношение к нему его отца оставалось если не отчужденным,

то всегда сдержанным. И навестил он его лишь спустя пять лет после его назначения настоятелем Сергиевой пустыни.

С матерью, Софьей Афанасьевной (урожденная Брянчанинова; 1786 — 25 июля 1832), отношения были несравненно теплее. Еще в детстве он был ее «любимчиком». И непреклонное отношение к его желанию уйти в монастырь, возможно, проявлялось у нее под влиянием мужа. Во время ее последней болезни «сын священноинок старался приготовить ее к переходу в вечность беседами духовными... духовные понятия Софьи Афанасьевны сделались неузнаваемы: она не знала, как благодарить Бога, сподобившего ее счастья видеть своего первенца принятым Царем царствующих, Господом, Творцом и Спасителем нашим, в служение Ему священноиноческое»[1]. Сам святитель Игнатий годы спустя писал: «Моя родительница много огорчалась при вступлении моем в монастырь; но на смертном одре, за несколько минут до кончины, произнесла: "Теперь, в этот час, у меня одно утешение: мой старший сын — в монастыре"».

Впрочем, приведенные ниже письма Дмитрия Александровича — отца Игнатия, относящиеся ко времени его ухода в монастырь и к первым годам его службы в Сергиевой пустыни, свидетельствуют о том, что он всегда был по отношению к родителям почтительным сыном, и значительно дополняют сведения, приведенные в жизнеописаниях, об их взаимоотношениях[2].

Письма святителя Игнатия к родителям — Софье Афанасьевне и Александру Семеновичу Брянчаниновым*

№ 1

Почтеннейшие Родители!

Наконец-то я вышел из больницы, где провел около пяти недель. Слава Богу, я чувствую себя гораздо лучше и надеюсь, что смогу догнать в учебе. Великий Князь[1] засвидетельствовал

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002. С. 84. || [2] Подробнее о А. С. и С. А. Брянчаниновых см.: Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова (далее — ПСТ). Т. 3. М., 2002. С. 567–575.

* Христианство и русская литература. Сб. 2. СПб., 1996. С. 9–23 (публикация А. Грязева, А. Орлова, о. Геннадия Беловолова); письма № 5, 12, 13, 15, 18, 21 и 22 впервые опубликованы в ПСТ. Т. 8. М., 2007. С. 329–347.

большое расположение ко мне: он посылал ко мне ежедневно своего доктора, и тот каждый раз, приходя ко мне, расспрашивал о моих недугах, говорил мне много приятного. Князь Сиверс посылает *papa* поклон. Тетка моя, Сухарева, в прошлый четверг навещала меня, она стала гораздо добрее ко мне и говорила обо мне с генералом Оперманном. Молодой М. Магницкий и М. Волоцкой посетили меня.

Время, проведенное в больнице, сделало меня более мудрым. Мне наложили на всю поверхность пластырь, и бедная моя спина превратилась в сплошную рану, которая не позволяла мне пошевелиться. В таком состоянии я пробыл целую неделю, утешаясь иногда чтением. Остаток времени я мог спокойно размышлять, прикованный к постели, которую я не мог покинуть в течение всех следующих недель. Я много думал о ценности человеческой жизни и только теперь смог оценить все значение известных слов Христа: *Я есмь Альфа и Омега, Начало и Конец* (Откр. 1. 8). Эти слова заключают в себе все Священное Писание, так Священное Писание позволяет нам понять наше начало, наше естество и законы, ведущие нас к концу, который должен быть столь же прекрасен, как и наше начало: наше происхождение от Бога неизбежно направляет нас к поискам нашего конца в Боге.

Заранее предупреждаю вас, что не смогу вам много писать, так как должен нагонять класс, который за пять недель продвинулся далее меня.

Я с нетерпением жду *maman* к 13-му, как она написала, и надеюсь, что она уже в дороге и приедет точно. Мечтая о встрече, я буду трудиться с еще большим усердием, на какое только способен.

Целую братьев и сестер. Прощайте, мои родные.

Всегда ваш преданный сын — Димитрий Брянчанинов.
1823 года 10-го декабря.

[1] Будущий Император Николай I.

Перевод с французского А. В. Даниловой

№ 2

Почтеннейший папинька!

Покорнейше Вас благодарю за сообщенные исторические сведения об отце Феофане[1], также и за пряники. Присылаю фасад нижнего этажа на цензуру и исправление; намерен сделать еще фасад

с другой стороны и планы верхнего этажа и фундамента, которые, когда поспеют, намерен к Вам переслать. Мы, слава Богу, довольно здоровы; раза два на неделе ездим гулять. Любезнейшей маменьке всеусердный мой поклон, также братьям и сестрам.

Ваш покорнейший сын Дмитрий.

М<ихаил> В<асильевич> усерднейше кланяется.

1830 г.

[1] Об отце Феофане Новоезерском см.: Т. 1. С. 467–471.

№ 3

Любезнейшая маминька!

Письмо Ваше, посланное Вами с соловецким иеромонахом Моисеем, получил я от него перед самою Алексеевскою ярмонкою, которая кончилась два дни тому назад. Не грустите, что я от Вас уехал, и без того бы пришлось куда-нибудь выезжать в то время, когда вы из города стали бы перебираться в Покровское: 200 верст не так далекое расстояние, и отчего бы мне бояться Вашего приезда. — Притом если б жил я где близко Вологды, то не было б мне покоя, пока не побывал бы в Новоезерском монастыре у отца Феофана, — теперь же это дело уже в шляпе. Придется ли здесь мне жить, не знаю: место низкое, сырое, окруженное водою, — сказывают, что летом, когда подует ветер с Белого озера, то все ходят в шубах, иногда и в Петровки; весною, пока лед не растает, — воздух очень острый, а осенью холодный от воды. Также и вода здешняя не по моему желудку.

Приехав сюда, стал я чувствовать очень сильное биение сердца и боль в левом боку, почему и решился припустить три пьявки, от которых мне сделалось большое облегчение, — биение сердца совершенно прекратилось, боль в боку пропала так, как и во всей груди. Между тем, мало-помалу, начало портиться пищеварение, и приключилась сильная лихорадка, в которой нахожусь и поныне, хотя и чувствую некоторое облегчение. Многие здешние рассказывают про Семигороднюю пустыню, что жить в оной ничем не хуже здешнего, а местоположение гораздо лучше, ибо лежит на лощине, окруженной лесом; в самом монастыре находится ключ; от Вологды только в 70 верстах; заутрени начинаются с четырех часов, а здесь с двух; вообще вся служба несколько здешнего покороче. Все сие при моих обстоятельствах и здоровье весьма не худо; думаю, и Вы с этим согласитесь.

Об Новоезерском много чрезвычайного слышал; мало из слышанного увидел; порядок в Белых берегах гораздо строже и лучше, всенощные ровнехонько вдвое дольше, каша лучше здешней, рыбы здесь гораздо изобильнее. Братия очень свободны в обращении: про Михаила Васильевича говорят: «О! Это наш Новоезерский», а про меня: «Это пустынный». Виделся с о. Феофаном несколько раз, и он рассказывал о себе, что служил в штатской службе в Москве, будучи осьмнадцати лет оставил мир, жил несколько времени в Санаксарской пустыне при о. Феодоре Ушакове, потом в Молдавии при Феодосии, а Паисия Нямецкого и не видал, десять лет был келейником митрополита Гавриила и 30 с лишком здешним настоятелем. Из Молдавии в Россию приехал с племянником графа Потемкина, который ушел тайно из России в Молдавию и был лет около десяти конюхом в монастыре, коего настоятелем был вышеупомянутый Феодосий. Он из дворян и теперь семидесяти девяти лет от роду. До сих пор еще не дали нам своей постоянной келлии, а живем в чужих. Михайло Васильевич у Комаровского[1], а я у Яковлева[2]; хотя и поместили нас обоих к Комаровскому, но мое пребывание у Яковлева есть следствие его особенного ко мне благоволения. Слава Богу, что брат Петр здоров и надеется вскоре возвратиться в Россию.

Михайло Васильевич усерднейше Вам кланяется, теперь он здоров, а с приезда тоже прихворнул было лихорадкою. Наконец, прося молитв и родительского благословения как у Вас, так и у Почтеннейшего Папиньки и желая вам всем истинных благ, честь имею пребыть, почтеннейшие Родители, вашим покорнейшим сыном.

Димитрий Брянчанинов.

P. S. Любезным братьям и сестрам кланяюсь. Хорошо, если бы Вы изволили прислать за мною бричечку. Самсон с особенным усердием мне прислуживает.

1830 г.

[1] О Комаровском см.: Т. 2. С. 247–248.
[2] О Яковлеве см.: Т. 2. С. 528–566.

№ 4

Почтеннейший Родитель!

Не нахожу довольно слов благодарить за все оказанные мне милости, кои трогают до глубины мое сердце.

Преосвященный[1] приехал к нам в пятницу вечером с двумя архимандритами. В субботу ездил освящать церковь в Рабан-

ской волости на Сухоне, откуда возвращался со мной в бричке на двух воронках новых. Вечером приказал петь всенощную по монастырскому уставу, — а в воскресенье за обеднею меня посвятил в игумены и, отобедав, уехал в большом удовольствии. Иван и Михайло действовали с полным усердием. Василий в стихаре подавал жезл и орлецы в монастыре и на освящении.

О. Виктор весьма беспокоится о деньгах, кои назначает он для своего несчастного сына, и просит убедительно, чтоб Вы не отказали ему в благодеянии взять оные деньги к себе для приращения и тем доставить кусок хлеба сколько-нибудь верный его сыну и Вашему крестнику.

За тем остается мне благодарить Вас за чашки и прочие присланные ко мне вещи и с искреннейшею преданностию и высокопочитанием пребывать покорнейшим сыном.

Игумен Игнатий.

Был я у Ж<андра>[2], который чрезвычайно был рад моему приезду.

Любезнейшим сестрицам усердно кланяюсь и желаю им всякого благополучия.

[1833 г., конец января — февраль]

[1] *Преосвященный Стефан* (С.Л. Романовский; 1787–1841) — с 1828 г. епископ Вологодский.

[2] *Жандр* — муж сестры святителя Игнатия, Александры Александровны.

№ 5

Почтеннейший родитель!

При сем честь имею препроводить к Вам 100 рублей ассигнациями, из коих 58 полагаю в уплату за работника Ефрема Семенковского; а из остальных всепокорнейше прошу приказать, чтоб люди Ваши купили повозку зимнюю с просторною и плотною кибиткою рогожною — мне для переезда отсюда в Москву, о чем до меня доходят довольно верные слухи. Весьма желаю приехать к Вам, или в воскресенье вечером или в понедельник: тогда обо всем подробно сообщу и дополню, чего о. Виктор не скажет. Затем с истинным почтением и преданностью честь имею быть

Ваш покорнейший сын

Игумен Игнатий.
17-е ноября 1833 г.

№ 6

Почтеннейший Родитель!

На сей почте пришло предписание, дабы нимало не медля отправлялся я в Петербург к митрополиту Филарету на подворье. Митрополит пишет мне своеручное письмо, в коем говорит, что сие путешествие мое не от него зависит. Почему, сдав Лопотов монастырь, должен я приехать в Вологду и нимало не медля ехать в назначенный путь, что все должно произойти на следующей неделе.

Ваш покорнейший сын

Игумен Игнатий.

28 ноября [1833 г.]

№ 7

Почтеннейший Родитель!

Благодарение Милосердному Господу, прибыл я благополучно в Петербург 5-го числа вечером и остановился на Троицком подворье. Причина моего сюда путешествия объяснилась и подтвердила Ваши и мои догадки. Михайла и Семена видел, Александра надеюсь скоро видеть. Мое дело не получило еще настоящей развязки: ибо я еще не представлялся Государю. Оба митрополита, Петербургский[1] и Московский[2], особливо последний, очень ко мне милостивы. Синодский обер-прокурор также.

Что далее происходить будет, о том Вас уведомить не замедлю. Любезнейшим сестрам усердно кланяюсь. За тем с искреннейшим высокопочитанием и преданностию честь имею пребыть

Ваш покорнейший сын

Игумен Игнатий.

1833 года декабря 12 дня

Адрес мой на Троицком подворье.

[1] *Митрополит Серафим* (С.В. Глаголевский; 1763–1843) — с 1821 г. Новгородский и Петербургский.

[2] *Митрополит Филарет* (В.М. Дроздов) — о нем см.: Т. 1. С. 7–21.

№ 8

Почтеннейший Родитель!

Поздравляю Вас с наступающим праздником Рождества Христова и с Новым Годом; желаю Вам всего благого, приятного и полезного!

12 числа сего месяца, вечером в шесть часов представлялся я Государю Императору наедине, в его кабинете. Трогательно было и интересно сие представление. Государь обнял меня — я его; он повторял неоднократно: Друг мой! Друг мой! — я кричал: Отец мой! Отец мой! — Изволил подробно расспрашивать о обстоятельствах моей жизни в монашестве; между прочим рассказал я ему о болезни и кончине Маминьки, что он изволил выслушать с большим соболезнованием. Спрашивал о братьях; я рассказывал отдельно о каждом. Он не знал, что Михайло и Александр мои братья. Наконец объявил мне свою волю, чтоб я оставался близ Петербурга в Сергиевской пустыне, находящейся в пятнадцати верстах от столицы по Петергофской дороге. (Сия пустыня есть второклассный монастырь, имеющий до семидесяти тысяч дохода; настоятелем в ней здешний викарный архиерей.) А для того, чтоб дать мне время полечиться у доктора Арндта, Государь не открывал некоторое время воли своей Синоду.

Между тем продолжал я жить на Троицком подворье, пользуясь особенными милостями митрополита Филарета, который есть редкость в нынешнее время. С решительною приверженностию к православной Церкви соединяет он Христианскую деятельность и естественный проницательный аналитический ум. Каждый день, если куда не отозван, обедаю у него, и он бывает столько снисходителен, что весьма подолгу со мною беседует о духовных предметах. Арндт, очень добрый человек, посещает меня и пользует с хорошим успехом; дает мне слизегонительные порошки и холодный чай из тысячелиственника, и, благодарение Господу, чувствую себя гораздо лучше.

Михайло бывает у меня довольно часто и служит довольно благополучно; Семен премилый, прерачительный, скромный и осторожный. Александра еще не видал, — хотя с первых дней моего приезда послал к нему известие и просил, чтоб он приехал ко мне для свидания, и денег 15 рублей на дорогу. Сухарева хлопочет. Я у нее однажды обедал, и она дважды у меня была. Александр Александрович[1] вечерком сидел у меня довольно долго. Нередко является Павел Иоакимович[2].

31 числа декабря, приехав из Зимнего дворца, где представлялся Государыне, опять видел и Государя и вкруг их все семейство, — нахожу у себя письмо Ваше, извещающее меня о кончине сестры Софии Александровны! Тоскуя невольно, не знаю, тосковать ли, ибо, сколько ни рассматривал, тем более уверялся, что она не на руки попалась, и со страхом опасался, чтоб

не поразила слух мой печальная весть о неблагополучной развязке. И ей, бедной, как было трудно заглушать свои сердечные чувствования и беспрестанно себя насиловать, — что все она мне поверяла с полною откровенностию. Остается то в утешение, что она была от всего сердца привязана к Господу и к святым Его заповедям и пострадала довольно. — Он взял ее и в руках Его вернее ей будет. 31 декабря был у меня Михайла, а сегодня Семен, премилый юноша. От него получил письмо ваше в ответ на первое мое: оно пролежало на почте лишнюю неделю.

Сего дня за обеднею по повелению Государя Императора произведен был в Казанском соборе в архимандрита в Сергиевскую пустыню; а викарному архиерею дано к содержанию его другое средство.

Хотел было сообщить Вам и других довольно новостей, — но весть, от Вас полученная, отнимает чувство писать об них. Простите! Почтеннейший Родитель! Не предавайтесь печали: ваша бодрость нужна для многих, простите!

С искреннейшею преданностию, честь имею пребыть

Ваш покорнейший сын

Архимандрит Игнатий.

1834-го года 1-е генваря

P.S. Не велите продавать моих лошадей: я за ними пошлю; а за прокормление готов заплатить, и денег мне не присылайте, если получите от Геркулесова; благодаря Бога, здесь ни в чем не нуждаюсь.

Присылаю Вам книгу: «Путешествие в Иерусалим». Примите благосклонно!

Любезнейшие сестрицы!

Желаю Вам всякого добра. Каково-то Вы поживаете. Весьма был бы я Вам благодарен, если б Вы потрудились описать мне подробнее в простых речах кончину сестры Софии Александровны. Вы знаете ее ко мне и мою к ней привязанность. В здешнем мире живут люди вместе по плотским связям, а в будущем веке Господь вселяет единомысленных в дом покоя, уготованный для тех, кои здесь единым сердцем правильно исповедают Создателя.

Прощайте, буди над Вами благословение Божие.

Ваш преданнейший брат И<гнатий>.

О. Михаил просит, нельзя ли известить его сестру о кончине их матери Катерины Михайловны.

[1] Александр Александрович Сухарев, сын Агафоклеи Марковны Сухаревой. О ней см.: ПСТ.Т. 3. С. 551 и 571.
[2] Мальцев.

№ 9

Почтеннейший Родитель!

Письмо Ваше получил от брата Михайла. Вероятно, и Вы получили мое от Дмитрия — человека, принадлежавшего отцу Михаила Чихачева, которого отправил я за лошадьми и который, должно быть, теперь уже находится на обратном пути. Не писал я по почте после 1-го января, весьма сумневаясь в известной Вам статье и поджидая отъезда Дмитрия, который с неделю похворал и потому выехал не так скоро, как я предполагал.

Очень жалею, что Вы были нездоровы, и благодарю милосердного Бога за облегчение Вашей болезни. Здоровье мое по милости Божией в здешнем месте поправляется. Продолжаю жить довольно благополучно. Строюсь. Удивителен и жалок владыка Стефан! По одному подозрению, якобы я его оклеветал, он перешел от большой ко мне любви к большой ненависти. Даже вздумал жаловаться на меня в Синод, не рассудив того, как примет его жалобу Синод, и без того негодующий на него, между тем как Государь Император изволил меня рекомендовать столь милостиво. Надо бы узнать, совершенно ли основательно сомнение, на которое и я имею некоторые причины. Если оно основательно, то можно бы шелунов за ушенки подрать.

Михайло и Семен приезжали ко мне в монастырь 11-го марта. Александра до сих пор еще не видел.

Простите, Почтеннейший Родитель, желаю Вам доброго здоровья и во всем благополучия. С истинным высокопочитанием и преданностью остаюсь

Ваш покорнейший сын

Архимандрит Игнатий.

13 марта 1834 г.

№ 10

Почтеннейший Родитель!

Приятнейшее письмо Ваше получил я от Галактиона и весьма оному обрадовался, я весьма сомневался, доходят ли мои

письма до Вас. Однако, если и доходят, то некоторые не дошли: ибо помню, что извещал Вас и благодарил за лошадей, которые дошли в добром порядке и теперь очень хорошо служат.

Александру гораздо получше, хлопочу, нельзя ли его произвести в офицеры: если сие не удастся, то буду хлопотать, по приказанию Вашему, чтоб его уволили в отпуск, вместе с Михаилом. Семен приезжал ко мне в монастырь 10-го июня вместе с дядею Павлом Алексеевичем Шипиловым. 15-го был Григорий Платонович Волков. Степан Дмитриевич Рындин посылает ко мне письма за письмами, хлопочет о Вологодском Архиерее, но едва ли что выхлопочет. Его история или поступок относительно меня заставил пристальнее взглянуть на различные жалобы на него, в Синод присланные. Много найдено в его поступках противозаконного, и посланы к нему три выговора, один вслед за другим. Ныне еще какое-то поступило дело, кажется тоже для него невыгодное: ибо Митрополит Филарет, прощаясь со мною при отъезде в Москву в последних числах мая, сказал: «Еще пришла жалоба на вашего Стефана, он час от часу становится мудренее».

С месяц времени живу безвыездно в монастыре и хвораю лихорадкою. Государь живет в Петергофе; к нему отправляется из Петербурга первая знать и к нам в обитель заезжает. О брате Петре я еще ничего решительного не имею. Хочется выторговать, чтоб на нашей стороне барыш был. Постройка моя приходит к окончанию; настоятельские келлии отделаны; перебрался я в них накануне Троицына дня. Бричка мне здесь не нужна. Сделайте милость, продайте оную, если для Вас она не понадобится, а цену оной позвольте мне пожертвовать двум сестрицам, при Вас живущим, на их надобности. Нередко бывает у меня Храповицкий, который теперь уже полным генералом, он свидетельствует Вам свое высокопочитание.

Усерднейше поздравляю Вас с устроением сестры Александры Александровны и желаю ей всяческого благополучия. Простите, Почтеннейший Родитель, с искреннейшей преданностию и почтением честь имею быть

Ваш покорнейший сын

Арх[имандрит] Игнатий.
19 июля [1834]

№ 11

Почтеннейший Родитель!

В письме моем к Вам, посланном с Галактионом, упоминал я, что хлопочу об Александре, дабы произвели его в офицеры.

Дело имело хороший ход: ибо их генерала Жадовского просили люди, могущие не только его просить, но почти ему приказывать. Но поелику всякого юнкера, производимого в офицеры, должно непременно представлять на лицо Великому Князю, то и производство Александра оставлено до того времени, как он поправится. Он еще слаб и теперь гостится у меня в монастыре. Причем добрые люди мне дали следующий совет: не захочу ли я, чтоб он был произведен в офицеры в пехоту? На что я с радостью согласился, с тем чтоб перевести в Семеновский полк для сослужения с братьями. Прошу Вас покорнейше на сию статью прислать мне предписание, как выше сказано, или с какими изменениями. Прибавлю: он на первый случай должен быть произведен в армию, ибо и теперь в армии служит.

2-е. Писал я Вам также о Петре, что хлопочу о помещении Петра в штабе первой армии; ибо хлопотать о переводе его в гвардию мне было б очень трудно. При сем открывается для него выгоднейший случай. В намерении поместить его в штаб 1-й армии писал я письмо к генерал-адъютанту Муравьеву вместе с его братом, здесь служащим в Синоде[1]. Ответ Муравьева ко мне и к брату при сем прилагаю. Кажется, самая судьба представляет сему офицеру решительный оборот в службе и Вам случай довершить Ваши ему благодеяния. На короткое время усилив Ваши вспомоществования, Вы приведете его в состояние совсем не нуждаться в Вашей помощи. Притом, перевод его в гвардию и экипировка гвардейская никак менее бы не стоила. Муравьев редкий человек, по своим правилам строгий христианин и по службе употребляется в важных обстоятельствах; например, послан был в Египет для переговоров с Пашею, потом командовал отрядом, посланном на помощь турецкому султану против Ибрагима. Что Вы относительно чего рассудите, сделайте милость, по первой же почте меня уведомить, дабы я мог соответственно Вашему предписанию распорядиться.

Здоровье мое, слава Богу, поправляется. Был у меня в гостях Наследник; сам ездил в Александрию для освящения домашней церкви в присутствии всей Императорской фамилии. Царь обещается ко мне побывать и с Царицею.

Простите, почтеннейший Родитель,

с нежнейшим высокопочитанием и преданностью, остаюсь Вашим покорнейшим сыном

Арх<имандрит> Игнатий.

23 июля [1834]

P. S. Ответ генерала Муравьева ко мне и его брату, сделайте милость, ко мне пришлите обратно по первой почте.

[1] О братьях Муравьевых см.: Т. 3. С. 260–261.

№ 12

Почтеннейший родитель!

И сею почтой хочу Вас обеспокоить малыми строками. Справлялся я о окладе, получаемом генеральским адъютантом: он получает 200 р. в квартерных и 300 р. — на содержание лошади; притом 700 р. следующие по чину поручика, в коем теперь Петр. Уверяют меня, что помощь с Вашей стороны должна быть небольшая — разве на первый случай, на экипировку. Стол всегда у генерала.

Александра опять обещают к сентябрю произвести в офицеры в Австрийский полк, причисленный ныне к Гвардейскому корпусу. А в Кирасирском полку для одной обмундировки нужно по крайней мере пять тысяч! Он все еще гостит у меня. Простите, Почтеннейший родитель! С искреннейшей преданностию, честь имею быть

Вашим покорнейшим сыном

А<рхимандрит> Игнатий.
30 июля 1834 г.

№ 13

Почтеннейший Родитель!

Приятнейшее письмо Ваше получил. Очень понимаю, что нужное для Петра количество денег на его экипировку для Вас отяготительно, но опять совершенно ясно и то, что Вы, доставив ему сие место при Муравьеве, дадите ему большее имение. Ибо ход его по службе сделается гораздо быстрее, общество лучше, и в скором времени он может получить такое место, занимая которое не будет Вас тревожить просьбами о пособии и удобно может составить для себя все земное нужное. Михаилу сообщал я Вашу волю, чтоб он приехал в отпуск. Александр чувствует себя гораздо лучше. Семен учится и ведет себя очень хорошо: степенный и скромный молодой человек! Деньги, Вами присланные, им отданы. Михайлу и Семену дал по 50 р<ублей>; Александру во уважение его болезни дал 100 р<ублей>. Вероятно, если Вы будете присылать деньги по-прежнему на имя каждого, то сие будет спокойнее, а они все довольно основательны, а кто и не был таковым, то обстоятельствами научен.

Здоровье мое, хотя и лучше прежнего, однако все еще чувствую лихорадочные припадки. Здешних подробностей Вам не описываю, ибо монаху не следует услаждаться земными благами и, следовательно, подробно о них говорить. Только сие скажу: Господь сыплет на меня свои благодеяния, а я не престаю прогневлять Его своими грехами.

В двадцатых числах августа посещали обитель Государь Император, Государыня Императрица и Наследник. При сем бывший Стефан Дмитриевич Рындин, вероятно, все подробности Вам расскажет.

Простите, Почтеннейший Родитель! С истинным высокопочитанием и преданностию, честь имею быть Ваш покорнейший сын

Арх<имандрит> Игнатий.

Августа 27 дня [1834]

Любезнейшим сестрицам кланяюсь и покорнейше благодарю за приятнейшие письма.

№ 14

Почтеннейший Родитель!

Очень сожалею, что не исполнилось желание Ваше видеть двух братьев, Михаила и Александра, в отпуске. Последний, хотя и очень поправился, однако до сих пор не может иначе выезжать, как в карете. Его дело, получив сперва хороший ход, впоследствии замялось, — но, может быть, к лучшему: ибо теперь мои агенты зачинают опять действовать с живостию, хлопочут о переведении его офицером в Кирасирский полк, стоящий за Москвою, по его собственному желанию, а не в пехоту, коей служба ему не знакома. Я делаю, что могу, и не без труда; но на самих господ не иначе действую, как убеждениями, которые не всегда бывают действительны.

О Петре сделано представление. Не оставьте его: ибо его место стоит хорошего имения, — и совершенно справедливо, что при переводе его в Гвардию нельзя сделать менее издержек.

По милости Божией живу я довольно благополучно. Недели с две чувствую себя порядочно здоровым и хлопочу до усталости. Устаю не столько от дела, сколько от частых разъездов. Митрополит Филарет, мой особенный покровитель, нынешнюю зиму не будет присутствовать в Синоде.

В. А. Волоцкой[1] опасно болен нервическою горячкою; доктора уже отказались.

Простите, Почтеннейший Родитель! С истинным высокопочитанием и преданностию честь имею быть

Ваш покорнейший сын

Арх<имандрит> Игнатий.
1834 г. — 16-е октября

Любезнейшим сестрицам кланяюсь и желаю им всех благ.

Хочу печатать, — и получаю Ваше письмо от 5-го октября. Жалею о сестре Александре! Что делать? Петру, если возможно, пошлите хоть две тысячи, а третью я беру на себя — в следующем порядке: возьмите годичный вексель, а в продолжении года надеюсь Вам возвратить капитал, и с процентами. Но чтобы Петр, когда и если придет в состояние, то положил бы себе непременным правилом оную тысячу возвратить мне, или в случае моей смерти — в Сергиеву пустыню. Ибо доходы монаха, получаемые от олтаря, не должны входить в собственность частного человека. Если же он не будет в состоянии возвратить, — то Бог простит всякому неимущему.

Если же Вы и теперь ему откажете, то 1-е — он лишится выгоднейшего места; 2-е — всякое мое ходатайство потеряет вес, а в настоящем случае принесет немалое бесчестие.

Притом на первый раз ему должно экипироваться, а потом для поддержания дальнейшей службы ему не нужно более 1000 рублей ежегодно.

Отяготительно их поддерживать в начале службы, но если не поддержать, то век свой прослужат и ничего не выслужат. Здесь все ахают, называя Петра счастливым: ибо точно ему доставлен редкий случай.

[1] *В.А. Волоцкой* — сосед Брянчаниновых по имению.

№ 15

Почтеннейший родитель!

Письмо Ваше со вложенными ассигнациями 250 р. имел честь получить. Очень жалею, что Вы изволили стеснить себя высылкою прогонных денег, следовавших Угрешскому игумену; я не имел в них крайней нужды. Памятник над усопшим лучше ставить весною, ибо в замерзшей земле неудобно делать фундамент.

О Михайле и Семене давно ничего не слышу; мои, бывая в Петербурге, все их не заставали дома, а они в монастыре давно не были. Благодаря Бога чувствую себя гораздо поздоровее.

Простите, почтеннейший родитель! С истинным почтением и преданностию имею честь быть

Вашим покорнейшим сыном

Архимандрит Игнатий.

25 ноября 1834 г.

Любезнейшим сестрицам усердно кланяюсь.

№ 16

Почтеннейший родитель!

Приятнейшее письмо Ваше от 22-го октября получил 30-го. Искреннейше поздравляю Вас с получением знака отличия за 25 лет. Представление, уже утвержденное Государем, находится у Министра и, вероятно, скоро будет сообщено Вологодскому Губернатору. Сделайте милость, не беспокойтесь о высылке мне денег; благодаря Бога, я не нуждаюсь, и весьма бы нашел справедливым, если бы Вам благоугодно было зачесть оные за те, кои Вы мне пожаловали при отъезде моем из Вологды в Петербург.

Вы изволите знать мое усердное желание добра всем членам нашего семейства. Но суждение мое одностороннее; оно согласуется с родом жизни, который я провожу. Мне всегда казалось, тем более теперь кажется, супружество игом тяжким и неудобь носимым; я страшился оного и не понимал, и теперь не понимаю, как могут люди решаться на оное. И потому сделайте милость, устраните меня от суждения в сем деле; предоставьте мне желать благополучия своим братьям и сестрам, какой бы они ни избрали род жизни — брак или безбрачие. Петр представлен к Станиславу; он в хороших руках, развертывается, и выходит дельный парень. Надо ожидать, что он далеко пойдет. Нынешнею осенью был я очень болен горячкою, после которой начал себя чувствовать лучше и лучше. Думаю — много к сему способствует прекрасный со всеми удобствами дом в коем живу, и ангелоподобная братия, меня окружающая, успокоевающая меня душевно и телесно.

Простите, почтеннейший Родитель. С истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть

Вашим покорнейшим сыном.

Архимандрит Игнатий.

1835 г. ноября 4-го дня

№ 17

Почтеннейший Родитель!

Честь имею поздравить Вас с наступившим Новым Годом 1836-м, коим пугали многие многих. Усерднейше желаю Вам проводить оный в полном здравии и благополучии. Здесь все по-старому: покупают, строят, забавляются, женятся и посягают. Кажется иным, что небо иногда гневно смотрит на землю. Сей гневный взор очень заметен был нынешнею зимою, когда при совершенной ясности неба, при ярком солнце днем, при ярких звездах ночью лютый мороз свирепствовал несколько недель, убивая и людей, и животных. Гневный взор неба был заметен и летом, когда несколько недель не было ни капли дождя, воздух был наполнен душным дымом, сквозь который краснело солнце, как кровь.

Благодаря Господу Богу нынешние осень и зиму провожу спокойно, не тревожимый никакими особенными болезненными припадками. Вижу нередко братьев. Семен очень хорош в офицерском мундире, степенен, основателен, в обществе скромен и благоразумен, по службе точен и осторожен. Петр получил Станислава, очень делен, очень способен к военной службе, должно ожидать, что он далеко пойдет.

Простите, почтеннейший Родитель! Желая искренно Вам всех благ, с истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть

Вашим покорнейшим сыном

Архимандрит Игнатий.
1836 года генваря 10-го дня
Сергиева пустынь

Любезным сестрицам усердно кланяюсь и благодарю за присланные уксус, сухари, варенье и сиропы, раньше не благодарил, ибо не знал, что оные Вами присланы.

№ 18

Христос Воскресе!

Почтеннейший родитель!

Позвольте усерднейше поздравить Вас с наступившим днем Воскресенья Христова и пожелать Вам доброго здоровья и всех благ.

Братьев, Михайла и Семена, видел ныне в Петербурге. Дмитрий Иванович уехал с надеждою, что возвратят ему его собственность, захваченную г-м Граве. Во взятии завода в казну отказано; кажется, можно сделать, что и впредь отказывать будут, если

только люди, могущие иметь здесь на подобные дела влияние, будут вовремя уведомлены.

Простите, почтеннейший родитель; с истинным высокопочитанием имею честь быть

Ваш покорнейший сын

Архимандрит Игнатий.
7 апреля [1836]
Память о покойном Саше[1]

[1] Александр Александрович Брянчанинов скончался 7 апреля 1835 г.

№ 19

Почтеннейший Родитель!

Имею честь поздравить Вас с наступающими днями рождения Вашего и Ангела, усерднейше желаю Вам доброго здоровья и прочих благ видимых и невидимых. О себе уведомляю Вас: слава Богу, довольно здоров, — при строжайшей осторожности. Ни утром, ни вечером не выхожу из дому, и тем только избегаю лихорадки и судорог в желудке. Внешние мои обстоятельства довольно благополучны.

Любезнейшим сестрицам усердно кланяюсь и желаю всего доброго. Затем с истинным почтением и преданностию имею честь быть

Ваш покорнейший сын

Арх<имандрит> Игнатий.
1836 года маия 4-го дня

№ 20

Почтеннейший Родитель!

Сегодня или завтра отправляюсь в Валаамский монастырь для некоторых распоряжений, недели на три или четыре. Прошу Вас покорнейше — пришлите людей, коих были милостивы мне обещать, также косули[1] две железные и несколько простых на доброй рабочей лошади. — Что сие будет стоить — не премину к Вам выслать деньги или братьям передать. Храповицкий усердно Вам кланяется: он на днях у меня обедал с Киевским Митрополитом[2]. Если невозможно будет мне видеться с Вологодским губернатором, то мои знакомые передадут ему все, что следует.

Простите, почтеннейший Родитель.

С истинным почтением имею честь быть

Ваш покорнейший сын

Арх<имандрит> Игнатий.
[1838 г., 31 января]

[1] *Косуля* — вид сохи, отваливающей землю только на одну сторону.
[2] Митрополит Филарет (Ф. Г. Амфитеатров) — о нем см.: Т. 1. С. 31–33.

№ 21[1]

Христос Воскресе!

Почтеннейший Родитель!

Имею честь поздравить Вас со всерадостным праздником Воскресения Христова. За нас пострадавший и нас с собой совоскресивший Богочеловек да исполнит жизнь Вашу вечными благами.

Всепокорнейше благодарю Вас за милостивое внимание к моей покорнейшей просьбе. Люди прибыли сюда благополучно с лошадью и косулями, и доставили записку о количестве потраченных на сии предметы денег. С сестрой Алекс<андрой> Александровной послал я 300 руб. асс., почему и прошу Вас всепокорнейше остальные деньги раздать домашним двум: Васильеву и Ивану Николаеву, каждому по равной части: они мне говорили, что им очень нужно для дома, для найма работников, а Ивану для покупки лошади.

Затем пожелав Вам доброго здравия, с истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть Почтеннейший Родитель!

Ваш покорнейший сын

А<рхимандрит> Игнатий.
4-го Августа 1838

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 17.

№ 22

Почтеннейший родитель!

Милостивейший государь!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим праздником, равно как и с приближающимися днями рождения и Ангела Ваших. Искреннейше желаю, чтобы милость Божия сопутствовала Вам на пути жизни и покрывала Вас от всякого зла, особливо в настоящих многотрудных обстоятельствах, долженствующих сопровождать важный государственный переворот и последовать ему.

О себе скажу Вам, что я очень доволен Ставрополем. Жители оказывают мне всевозможное внимание. Место новое! Почти ничего нет; надо все заводить, начиная с дома, который полагаю сначала выстроить деревянный. Недостаток помещения при нынешней необычайно холодной зиме в Ставрополе имеет вредное влияние на мое здоровье, так что и теперь едва оправляюсь

от простуды. Немедленно после Пасхи полагаю отправиться в Область черноморских казаков, потом в Пятигорск к водам; придется возвратиться в Ставрополь в конце августа. Очень утешает меня брат Петр Александрович благочестием своим; сын его — очень милое и благонравное дитя.

Предполагаемый рановременный выезд мой заставил меня поспешить сим письмом: вероятно, Вы получите его на Страстной неделе.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Ваш

Покорнейший сын

Недостойный Епископ Игнатий.

1858-го года, февраля 21-го дня

P.S. Адрес мой: В Ставрополь Кавказский.

Предполагал я отправить это письмо 21-го февраля, в почтовый день понедельник, как получил Ваше драгоценное письмо от 5-го февраля. Письмо Ваше, в ответ на мое по посвящении моем в Епископа, я получил в Петербурге. Но я там был очень болен пред моим выездом и при том необыкновенно слаб. По приезде сюда нашел довольно залежавшейся письменной работы, от которой очень изнемогаю, будучи еще весьма слаб и крайне расположен к простуде. А помещение мое еще крайне неудобно: например, в комнатах моих нет черных полов, от этого при письменных занятиях ужасно зябнут ноги, делаюсь больным, даже до лихорадки; едва оправлюсь, как уже ожидает новая кипа письменных занятий. Надеюсь, что в течение лета мой деревянный домик приведут хотя несколько в порядок; а сам постараюсь пожить подольше на водах, чтоб привести мое здоровье в некоторый порядок. Я чрезвычайно переменился: сделался очень стар и хил; да и Петр Александрович уже совсем не молодец. Посмотрю иногда на него в церкви: это согбенный старец.

Снова приношу Вам усерднейшее поздравление с приближающейся Святою Пасхою. Искренно желаю, чтобы спокойствие Ваше не было нарушено предстоящими переворотами, трудными для всякого, особливо трудными для того, который по годам своим уже нуждается в нерушимом спокойствии. Дай Бог, чтоб Россия выдержала переворот без нарушения своего благополучия.

22 февраля

Святитель Игнатий Брянчанинов

КЛАДБИЩЕ

После многих лет отсутствия посетил я то живописное село, в котором я родился. Давно-давно принадлежит оно нашей фамилии. Там — величественное кладбище, осеняемое вековыми древами. Под широкими развесами дерев лежат прахи тех, которые их насадили. Я пришел на кладбище. Раздались над могилами песни плачевные, песни утешительные священной панихиды. Ветер ходил по вершинам дерев; шумели их листья; шум этот сливался с голосами поющих священнослужителей.

Услышал я имена почивших — живых для моего сердца. Перечислялись имена: моей матери, братьев и сестер, моих дедов и прадедов отшедших. Какое уединение на кладбище! какая чудная, священная тишина! сколько воспоминаний! какая странная, многолетняя жизнь! Я внимал вдохновенным, Божественным песнопениям панихиды. Сперва объяло меня одно чувство печали; потом оно начало облегчаться постепенно. К окончанию панихиды тихое утешение заменило собою глубокую печаль: церковные молитвы растворили живое воспоминание о умерших духовным услаждением. Они возвещали воскресение, ожидающее умерших! они возвещали жизнь их, привлекали к этой жизни блаженство.

Могилы праотцов моих ограждены кругом вековых дерев. Широко раскинувшиеся ветви образовали сень над могилами: под сенью покоится многочисленное семейство. Лежат тут прахи многих поколений. Земля, земля! сменяются на поверхности твоей поколения человеческие, как на деревьях листья. Мило зеленеют, утешительно, невинно шумят эти листочки, приводимые в движение тихим дыханием весеннего ветра. Придет на них осень: они пожелтеют, спадут с дерев на могилы, истлеют на них. При наступлении весны другие листочки будут красоваться на ветвях, и также — только в течение краткой чреды своей, также увянут, исчезнут.

Что наша жизнь? Почти то же, что жизнь листка на древе!

Май 1848 года[1].
Село Покровское Вологодской губернии.

---

[1] Указанная в прежних изданиях дата, «20 мая 1844», уточнена на основании письма Святителя к сестре Е. А. Паренсовой от 16 мая 1848 г. Кроме того, статья «Кладбище» свидетельствует, что святитель Игнатий, возвращаясь из Николо-Бабаевского монастыря в Петербург, заезжал в родительское село Покровское, о чем не сказано ни в одном жизнеописании.

II

Брат Святителя Игнатия — Петр Александрович Брянчанинов

Петр Александрович был третьим ребенком в семействе А. С. и С. А. Брянчаниновых. Он родился 24 марта 1809 г. В жизнеописании святителя Игнатия рассказывается, что он не только по возрасту, но и по характеру был ближе других детей к старшему брату. Однако по выходе из родительского дома их жизненные пути разошлись и почти не пересекались на протяжении четверти века.

Единственным источником сведений о жизнедеятельности Петра Александровича за этот период, то есть до момента его прибытия в Ставрополь, до недавнего времени оставалась краткая справка в примечаниях в 7-м томе Собрания сочинений святителя Игнатия (М., 1993), в которой сказано, что он: «получил образование в Военно-инженерном училище. В службу вступил кондуктором в Кондукторскую роту Главного Инженерного училища 3 июня 1824 г. с оставлением в том же училище. Переведен в 7-й пионерный батальон 20 декабря 1828 г. За отличие в сражении против турок произведен в подпоручики 30 августа 1829 г. Произведен в поручики 26 марта 1832 г. Произведен в штабс-капитаны с переводом в Бородинский Егерский полк с назначением адъютантом к начальнику Главного Штаба бывшей 1-й армии генерал-адъютанту Муравьеву 1-му — 23 ноября 1834 г. Произведен в капитаны 29 декабря 1835 г.; в майоры — 26 марта 1839 г.; в подполковники — 6 декабря 1847 г. за выходом в отставку, а 14 марта 1848 г. высочайшим приказом по Гражданскому Ведомству причислен к Министерству Внутренних дел. Высочайшим приказом назначен Костромским Вице-губернатором 16 декабря 1852 г. Высочайшим приказом 24 октября 1855 г. назначен Ставропольским Вице-губернатором; Высочайшим приказом от 1 августа 1859 г. назначен Ставропольским Губернатором и 17 декабря 1859 г. произведен за отличие в действительные статские советники».

Эта сухая справка не позволяет даже предположить, как непросто складывалась служебная карьера и вообще жизненная ситуация Петра Александровича. Ценнейшим материалом для получения более полных биографических сведений, также и для характеристики его чисто человеческих качеств, явились не так

давно обнаруженные в архиве его письма к выдающемуся военному и государственному деятелю Н. Н. Муравьеву-Карскому[1].

Окончив Военно-инженерное училище в 1828 г. и уже в следующем году отличившись в сражении против турок, Петр Александрович продолжал оставаться в 7-м пионерном батальоне без какой-либо служебной перспективы. В 1834 г. его участью занялся старший брат, прибывший в Петербург и назначенный архимандритом в Сергиеву пустынь. Святитель Игнатий еще в годы учебы сошелся с родственным семейством Муравьевых и теперь помог брату определиться адъютантом к генерал-адъютанту Николаю Николаевичу Муравьеву. Н. Н. Муравьев отличался прямолинейным характером и неподкупной честностью. Далеко не всякому удавалось войти к нему в доверие, тем более установить с ним дружеские отношения. Но качества, привитые Петру Александровичу суровым семейным воспитанием, безусловная честность, приверженность к вере привлекли его к молодому поручику. С другой стороны, характеру Петра Александровича присущ был некоторый сентиментализм, а то, что он не чувствовал никакого участия со стороны отца, да и других родственников, и ощущал полное одиночество, необыкновенно притягивало его к Николаю Николаевичу. Их совместная служба продолжалась менее трех лет, а отношения сохранились на всю жизнь. Это несмотря на то, что личные их встречи были очень редки и их общение развивалось только посредством переписки. За период с 1837 по 1866 г. сохранилось более 150 (!) писем П. А. Брянчанинова к Н. Н. Муравьеву-Карскому.

Служба П. А. Брянчанинова адъютантом Н. Н. Муравьева прервалась из-за вынужденной отставки последнего. Из писем видно, что Петр Александрович, оставшись не у дел, оказался в тяжелом материальном положении. Николай Николаевич выручил его, рекомендовав в адъютанты к генералу Данненбергу. Спустя некоторое время он был повышен в чине и получил в командование батальон в 5-м корпусе Кавказской армии. Письма его, подробнейшие, на пяти, шести и более листах, описывают смотры, перестановки командиров, передвижения частей войск и т. п. Также он рассказывает о своих неудачах и разочарованиях: «Отчужденный от семейства, бродя постоянно между людьми чужими, с каждым

[1] О Н. Н. Муравьеве-Карском см.: Т. 3. С. 259–268.

днем более и более удостоверяюсь в трудности найти людей прямых, искренних и соответствующих мне по духу...» Из писем можно сделать вывод, что П. А. Брянчанинов не имел определенной жизненной цели, на военную службу попал не по призванию, ему не повезло участвовать ни в одном значительном сражении, и он оставался добросовестным службистом, хотя служебную лямку тянул без всякого интереса и энтузиазма, лишь ради средств к существованию. Он часто болел, потому вынужден был часто брать отпуск и рано начал задумываться об отставке.

Следует отметить, что во все время военной службы Петра Александровича его имя почти не встречается в переписке святителя Игнатия с сестрами и другими близкими людьми; и между ними самими, по-видимому, переписка носила лишь случайный характер: во всяком случае, за период до 1852 г. не сохранилось ни одного письма Святителя к этому его брату. Также и сам Петр Александрович в своих письмах к Н. Н. Муравьеву за десять лет, минувших после 1837 г., ни разу не упоминает брата архимандрита. Даже о самых интимных личных переживаниях он предпочитает сообщать Николаю Николаевичу, а не родственникам, как это было с его женитьбой и трагическим окончанием брачной жизни. Потому что именно от Николая Николаевича он ожидал сочувствия и добрых советов, а не осуждения за столь скоропалительный брак. История эта, подробно описанная им в письмах с января 1841 по август 1846 г., вынуждала его дважды увольняться со службы и возвращаться на нее опять с помощью Н. Н. Муравьева.

После смерти жены он начал задумываться об уходе в монастырь, о чем написал брату. В письме от 20 июня 1852 г. архимандрит Игнатий отвечал ему: «Что сказать Тебе в ответ на Твои мысли об удалении от мира? Господь, благословивший и установивший такое удаление, вместе с тем заповедал сперва сосчитать имение свое — достаточно ли оно для созидания этой высокой жизни, — и количество сил своих для борьбы с силами противными. Советую Тебе сводить этот счет молитвою, отдаваясь на волю Божию. <...> В настоящее время ты необходим для Алеши, на которого, в случае твоего удаления, с полным правом накинется его дед и сделает его несчастным по душе и по телу». С этого момента началось новое сближение братьев — архимандрита Игнатия и Петра Александровича Брянчаниновых.

В 1852 г. П. А. Брянчанинов был командирован в Кострому в распоряжение губернатора, еще одного члена разветвленной

фамилии Муравьевых, Валериана Николаевича[1]. Эта командировка оказалась переломной в служебной карьере Петра Александровича и во всей его дальнейшей судьбе. 16 декабря 1852 г. Высочайшим приказом он был назначен Костромским вице-губернатором. «Ознакомившись с городом в его летнем наряде и зимнем разгуле, нахожу, что при дешевизне жизненных потребностей (относительно) лучшего назначения мне желать было бы неразумно. Кроме того, что в самом месте служения моего я имею очень хороших, благонамеренных и добросовестных Советников, все почти Председатели Палат люди хорошие, из них управляющий удельной конторой Лутковский бывал у Вас, как конно-пионер. Губернатор очень деятелен, очень внимателен к людям», — писал он 16 апреля 1853 г.

В конце 1854 г. Н. Н. Муравьев распоряжением Государя Императора Николая I был назначен Главнокомандующим и Наместником на Кавказе. А 5 мая 1855 г. П. А. Брянчанинов писал ему, что «Ставропольский вице-Губернатор Борзенко предложил поменяться с ним местами», и в октябре этого же года он был переведен вице-губернатором в Ставрополь. Таким образом, вместо военной службы у него теперь была возможность трудиться параллельно с Николаем Николаевичем на поприще гражданском.

Но опять недолго. Осенью 1855 г. Н. Н. Муравьев одержал важнейшую в ходе войны победу над турецким городом Карсом. В награду за эту победу к его фамилии было добавлено «Карский». Но уже в следующем году он, не согласный с итогами Парижского соглашения, подал в отставку.

Тяжело было Петру Александровичу оставаться в Ставрополе после ухода Н. Н. Муравьева-Карского с поста Наместника края, и он начал хлопоты о своем переводе в Тобольск. В то же время к нему все чаще возвращалась мысль об уходе в монастырь. Святитель Игнатий не отговаривал, но старался приблизить его к пониманию целей монашества. «Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений мира, соединить его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нем отселе Царствие Божие», — писал он ему 14 февраля 1856 г.

Все планы, однако, поменялись после состоявшейся в Петербурге хиротонии архимандрита Игнатия во епископа Кавказского

[1] *Муравьев Валериан Николаевич* (1811–1869) — сенатор, тайный советник.

и Черноморского с кафедрой в Ставрополе. Теперь у Петра Александровича появилось одно-единственное желание: никуда не перемещаться. 8 ноября 1857 г. он писал Николаю Николаевичу: «Барятинский отозвался, что он очень неохотно со мной расстанется. ...Вместе с тем из Петербурга получил я письмо от брата Архимандрита, коим уведомляет, что 27 октября имеет быть посвящение его в Епископа Кавказского и Черноморского в Ставрополь. Все это вместе заставило меня написать князю Барятинскому, что будущее направление моей службы я предоставляю на его волю». Конечно, и епископ Игнатий предпочитал на новом, совершенно ему незнакомом месте служения иметь сотрудником близкого ему человека. «Усердно желаю, чтоб ты остался в Ставрополе, — писал он брату 19 декабря 1857 г., — и чтоб нам Бог благословил потрудиться вместе для пользы христианства и человечества». А Петр Александрович рассчитывал, что близкое общение с братом-подвижником принесет ему пользу, поможет избавиться от суетливых помышлений прежних лет. «Со дня на день ожидаю сюда приезда брата Преосвященного в уповании, что в сообществе его найду ту утешительную силу духа, в которой нуждаюсь, чтоб доживать век свой разумно готовясь к близящемуся концу. Ясный, светлый взгляд его уяснит мне темные мои стороны, которые не вижу, ибо огрубел взгляд мой, двигавшийся побуждениями греховными», — писал он 26 декабря 1857 г.

В самом деле, полное единодушие с ставропольским губернским начальством, которое представлял П. А. Брянчанинов вначале как вице-губернатор, а с 1 августа 1859 г. как губернатор, значительно способствовало успеху мероприятий, которые епископ Игнатий счел необходимым провести в епархии для улучшения духовного состояния паствы[1]. 2 октября 1858 г. Петр

[1] Примером взаимодействий Преосвященного Игнатия и Петра Александровича Брянчаниновых может служить так называемое «Дело о скворцах», о котором рассказал в своей монографии Л. А. Соколов:

«Просматривая дела архива Кавк. дух. Консистории, имеющия отношение к характеристике нравственнаго состояния духовенства и паствы Кавк. епархии за время управления Игнатия Брянчанинова, автор (т. е. Соколов Л. А.) встретил странное по заглавию — Кавказской духовной Консистории по первому столу № 94 за 1861 г. "Дело о скворцах, признаваемых Кизлярскими армянами чудотворными". Сущность этого любопытного и чисто местного дела заключается в следующем. — Настоятель Кизлярскаго монастыря Архимандрит Герман рапортом от 17 марта 1861 г., за № 312, донес Преосвященному Игнатию о суеверии Кизлярских армян относительно почитания рябых скворцов и воды, привозимой в Кизляр из Эчмиадзинского монастыря. Армяне почитают

Александрович писал Николаю Николаевичу: «Преосвященный Игнатий на днях возвратился из Кизляра; в пути своем в Червленной Станице имел продолжительную беседу со Старообрядцами, в Моздоке — с Черкесами, в Кизляре — с Армянами. Ваше слово о влиянии веры — справедливо, но без покровительства делу со стороны мирских властей трудно бы было иметь успех значительный, хотя бы и при ревности главного духовного лица в крае».

Святитель Игнатий подробно посвящал брата и в свои действия и в свои планы, как это видно из письма от 24 октября 1858 г., которое он начинает словами: «Благодарю тебя за все твои действия в пользу Кавказской Церкви» и далее пишет о необходимости построения новой церкви в Моздоке[1], учреждения крестных ходов, приведения в порядок духовного училища, в котором можно было бы готовить причетников из черкесских и осетинских детей, и т.д., а на все нужны средства, «потому что без них ничего не сделаешь, а их то и нет». Петр Алексан-

---

рябых скворцов как истребителей саранчи. Предусматривая появление саранчи в известный год, армяне ставят на полях столбы, а на них сосуды с водой. Когда появляется саранча, то рябые скворцы инстинктивно бросаются на нее и бьют до изнеможения; если поблизости есть вода, то рябые скворцы пьют ее, отдыхают и снова бросаются на саранчу и тем спасают от нея посевы. Архимандрит Герман в донесении своем имеет тенденцию суровых мер против армянского почитания скворцов и запрещения им привозить воду из Эчмиадзина. Но Преосвященный Игнатий, при отношении от 12 июля 1861 г., за № 2213, сообщил записку Архимандрита Германа Ставропольскому гражданскому губернатору П. А. Брянчанинову, брату своему, на рассмотрение и для распоряжения, чтобы изложенное в записке не могло послужить вредным разглашением армян православным жителям г. Кизляра. Губернатор П. А. Брянчанинов, от 16 июля 1861 г., за № 129, собственноручно писанным отношением уведомил Преосвященного Игнатия, что привозка воды из Эчмиадзина есть священный обряд Армяно-Грегорианской Церкви, соединенный с постом, молитвами, сохранением чистоты и другими подвигами обрядовыми, которые при веротерпимости, составляющей основной закон государства, составляют неотъемлемое право жителей Армяно-Грегорианскаго исповедания. Что касается до скворцов, истребляющих саранчу и будто бы привлекаемых перенесением Эчмиадзинской воды, то это поверье, которое действительно существовало между армянами, само собою должно упасть, когда, как говорит о. Герман, оно не оправдалось в действительности. На отношении П. А. Брянчанинова Преосвященный Игнатий положил резолюцию от 18 июля 1861 г., за № 1167: “В Консисторию. Приложить к делам, без всякаго по сему обстоятельству дальнейшаго действования”. Так и закончилось дело о скворцах» (*Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Ч. 1. С. 263). ‖ [1] По поводу постройки каменной церкви в Моздоке Преосвященный Игнатий обратился с официальным письмом к начальнику губернии, т.е. к П. А. Брянчанинову, от 1 января 1860 г. № 1 — напечатано ниже.

дрович с большим сочувствием относился к этим планам, о чем писал и Николаю Николаевичу. Он понимал, что труды владыки Игнатия содействуют решению задач, поставленных временем, по общему преобразованию края и старался всячески помогать ему. Переписка между братьями, ввиду частого непосредственного их общения, случалась, по словам Петра Александровича, «весьма редко и притом житейская, ограничивавшаяся дневными случайными потребностями». В письмах же Н. Н. Муравьеву-Карскому он подробно сообщал о своих служебных перипетиях, о том, что службой он в основном удовлетворен, что отношения с новым наместником на Кавказе, князем Барятинским, сложились для него положительно, что ему даже предлагалось губернаторское место в Тифлисе. Брат также подтверждал, что Петр Александрович на Кавказе «поживает благополучно, по службе деятелен, распорядителен и отлично благороден».

Но болезненное состояние и чрезмерное переутомление заставили епископа Игнатия более настойчиво хлопотать об увольнении, и 31 августа 1861 г. он написал Петру Александровичу: «На письмо твое от 22-го августа из Херсона отвечаю: я уже не Кавказский и Черноморский Епископ. 21-го августа получено мною письмо от Синодального Обер-Прокурора следующего содержания: “По Высочайшему повелению имею честь уведомить Ваше Преосвященство, что всеподданнейшее письмо Ваше от 24-го минувшего июля Его Императорским Величеством принято благосклонно и выраженные в нем желания Ваши удовлетворены. 6-го августа 1861 года”. — По частным письмам, Государь сдал письмо мое в Синод 4-го августа; Синод выразил свое согласие на удовлетворение моего желания 5-го.

Такова о мне всемилосердная воля Божия, дающая мне время и удобство к тщательному приготовлению себя к переходу в вечность при посредстве тщательного покаяния».

Из последующих писем П. А. Брянчанинова Н. Н. Муравьеву-Карскому создается впечатление, что служба теперь потеряла для него всякий смысл: «Все обстоятельства, сопровождающие мое служение, сложились так, что лучшее, что я могу предпринять, — это отставка. По образу мыслей, по убеждению о полезном, по понятию о добре и зле я так расхожусь с пониманиями и стремлениями большинства деятелей общественных, что или должен нарушить святость совестливых убеждений моих, или (большею частию безуспешно для дела) бороться и раздражать

большинство. При этом напряженном состоянии я ощутительно стареюсь, утраты способностей с каждым днем делаются ощутительнее. В виду у меня жизнь с братом и сыном; тем пенсионом, который я выслужил, прослужив более 35 лет Отечеству и обществу. Остальное не мое — отдаюсь в волю Божию и молю Господа даровать мне полезнейшее для приготовления к исходу; но искренно говорю Вам: тягощусь даже мыслию возможности оставаться среди среды, в которой стою — одинокий, по убеждениям и стремлениям, благодаря Бога за самую скорбь!»

Все то время, которое прошло после ухода святителя Игнатия на покой, Петр Александрович обсуждал с ним возможность своего поступления в монастырь. Святитель Игнатий, по-видимому, обдумывал, в какой форме это лучше совершить. Наконец в письме от 24 февраля 1862 г. он подробно изложил программу действий, которая, по его мнению, лучше всего подходила его брату: «Святые Отцы утверждают, что всякому желающему вступить в монастырь надо избрать образ жизни, который соответствовал бы его духовной цели и вел к ней. Рассуждая о положении, которое приличествовало бы наиболее упомянутому Богомольцу [то есть Петру Александровичу], я признаю наилучшим для него вступить в отношения к монастырю монастырского ктитора. ...Переход от светского развлечения к нерушимому глубокому безмолвию должен быть постепенен. После занятий, сопряженных с некоторым общеполезным и полезным для монастыря и братства трудом, Бог устроит положение очень спокойное, основанное на предшествовавших трудах, сопряженных с развлечением».

21 июня 1862 г. прошение об отставке Петра Александровича было удовлетворено: он был уволен от службы с чином действительного статского советника, «с производством ему во внимание к особой служебной ревности и труда, сверх следуемой пенсии, по смерть, полного оклада Губернаторского содержания». И уже 1 июля 1862 г. он написал Николаю Николаевичу: «22-го Июня приехал я к брату Преосвященному и сыну[1]. Более близких людей в мире у меня нет, имения, собственно мне принадлежащего, у меня нет, а потому я намерен оставаться здесь на правах гостя, не стесняя себя ограничением времени. Получаемая мною пенсия дает мне возможность в материальном отношении не быть в тягость ни Владыке, ни Монастырю, а между

[1] В Николо-Бабаевский монастырь.

тем, соединяя меня с сыном, доставляет мне самое существенно полезнейшее положение».

Новый этап наступил в жизни П. А. Брянчанинова. Судьба наконец подарила ему возможность приступить к исполнению основного его жизненного предназначения.

Непосредственное общение с святителем Игнатием на протяжении последних десяти лет (1852–1862) очень сильно повлияло на Петра Александровича: изменился его характер, изменился образ мыслей. Из его писем Н. Н. Муравьеву-Карскому исчезло мелочное, суетливое, даже личностное, чему прежде посвящал многие строки. Зато он стал острее воспринимать глобальные события и изменения, происходящие в стране, в обществе: «Напрасно Вы думаете, что я несколько остыл сердцем, что совершающееся вне стен моего жительства не касалось бы меня, было бы совершенно чуждо мне. Нельзя не внимать к происходящему пред глазами. Недостаток в добросовестных и правильно понимающих дело деятелей ощущается повсюду. Литература, такая, как она сложилась у нас, этому недостатку не помогает да и не может помочь, потому что с немногими исключениями, сами литераторы, пропитанные материализмом, а потому и полнейшей безнравственностию, посевают больше зла, чем искореняют его мнимою пользою гласности, под покровом которой действуют часто (и даже по большей части) зависть, мщение, клевета и ложь; правила же нравственные, ими распространяемые, способны только уничтожить то немногое добро, которое держится в народе его религиозными преданиями». Эти мысли преследуют его: «13-го числа вечером я приехал сюда и отдыхаю от напряженной Петербургской жизни; где при всем моем малом внимании к происходящему, нельзя было не видеть, а особенно не слышать о страшном развитии и цинизме разврата литературного и деятельного прогрессистов. Что разврат этот проникает всюду, что он выносится из столицы в провинции, из среды зараженных в среды незараженные и там разливает яд свой — это неоспоримо. Но чем и когда может быть восстановлена нравственность в массе народа — когда она в ней будет потеряна? а религии — вере Православной война объявлена открыто литературой и распространителями раскола, его защитниками, как явления политического. Цензура пропустила множество сочинений — изложения учений разных ересиархов, — дала повод простому народу верить, что книги эти напечатаны по воле Государя, и раскол усиливается в необъятных размерах. Это явление близко сходством с явлением Проте-

стантизма на Западе — разница та, что оно образовывается в одном и том же Государстве. Спаси Господь от тех последствий, которые нам указывают примеры народов отживших или еще хуже — последствий беспримерных! — по беспримерности характера народа».

Все время Петра Александровича, все заботы связаны с Николо-Бабаевским монастырем. Иногда он сообщает интересные подробности из жизни монастыря. «Вы спрашиваете, не был ли я в Нижнем в приезд Государя? — Нет — но видел преданность народа к Царственному Дому в приезд Наследника[1], который заезжал к нам на Бабайки, 29 июня слушал Литургию, по окончании которой Преосвященный поднес ему икону (копию с чудотворной) Святителя Николая, сказав: "Ваше Императорское Высочество! Святитель Христов Николай, преподававший душеспасительнейшие советы Царям, да глаголет сердцу Вашему вся благая о Вас Самих и о Православном Русском народе". — Тысячи народа (простой народ, исключительно крестьяне и все бывшие помещиков, потому что в нашем кутке и слухом не слыхать Государственных) собрались и с любовию приняли и глядели на Царственного Юношу.

Он заходил к Преосвященному, пил у него чай и завтракал и удивлялся, что он прежде никогда не видывал Преосвященного, хотя тот постоянно жил около Петербурга. Но Бабайки и теперь не были в маршруте, а посещение это устроилось совершенно неожиданно».

Петр Александрович оказывает большую помощь отцу наместнику монастыря Иустину в налаживании хозяйства, употребляя на это всю свою пенсию, хлопочет о монастырских делах в Синоде. Но главная его забота — издание творений святителя Игнатия. Уже 11 октября 1862 г., то есть спустя всего три с половиной месяца после своего прибытия на Бабайки, он пишет Николаю Николаевичу: «С собою в Петербург я привез некоторые из сочинений Преосвященного Игнатия и намерен попытаться напечатать их. Удастся ли мне это — не знаю, но приложу старания, сколько могу, чтоб исполнить. Трудно потому, что Преосвященный поставил условием, что не принимает никакой Цензурной поправки, изменяющей или ослабляющей выраженную им мысль». Это письмо свидетельствует также и о том, что

[1] *Наследник* — Цесаревич Николай Александрович, старший сын Александра II, скончавшийся 12 апреля 1865 г., после чего Наследником был объявлен будущий Александр III.

Преосвященный Игнатий, несмотря на усиливавшееся болезненное состояние, по прибытии в Бабаевский монастырь упорно трудился над редакцией своих сочинений и уже подготовил к печати ряд статей из «Аскетических опытов». Причины, по которым он не соглашался принимать поправки, вытекали из его прежних отношений с цензорами. Они «так перемарывали рукопись и так изменяли сочинение, что рукопись делалась никуда не годною, а сочинение делалось чуждым мне и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешищем публики».

В своих хлопотах по изданию творений брата Петр Александрович выступал как значимое лицо, как бывший губернатор, с которым приходилось считаться. Несомненно, что успеху этих хлопот способствовала его абсолютная уверенность в сугубой необходимости предпринятого дела: «Утешаюсь, что труд, который был возложен на меня братом, послужит чистым утешением для многих собратьев Христиан, ищущих душеспасительного духовного чтения».

Всего попечениями Петра Александровича при жизни святителя Игнатия были изданы такие важнейшие его творения, как «Слово о смерти», «Чаша Христова», «Слово о спасении и христианском совершенствовании», «Слово о чувственном и духовном видении духов и совещание души с умом» и др., и наконец в 1865 г. — два тома «Аскетических опытов» и в 1866–1867 гг. — еще два тома: «Аскетическая проповедь» и «Приношение современному монашеству».

«Не без Промысла Божия устраивается напечатание их, доселе встречавшее затруднения», — писал святитель Игнатий. В этих словах также — признание труда Петра Александровича Брянчанинова.

Петр Александрович привык к монастырю, привык к монастырской жизни — в душе он уже «был монах». «Живя со стариком — старцем — братом, в его обществе нахожу возможное утешение, а в образе жизни возможно удовлетворительнейшее — по мне — положение». Судя по письмам, единственное большое искушение, которое пришлось пережить ему за эти годы, было связано с его сыном, Алексеем. В 1864 г., наряду с вопросами, связанными с изданием сочинений, тема сына Петра Александровича — племянника Преосвященного Игнатия, была основной в переписке братьев. Алексею Петровичу в это время 20 лет. Оставшись младенцем без матери, он до десятилетнего возрас-

та мало виделся и с отцом, вначале оставался с тетей, сестрой матери, затем жил то в Покровском у деда, то у сестры отца, Е. А. Паренсовой, и у других родственников в Вологде. В 1852 г. Петр Александрович, устроившись в Костроме, взял сына к себе и определил его в гимназию, а переместившись в 1855 г. в Ставрополь, увез его с собой. 21 января 1860 г. он писал Н. Н. Муравьеву-Карскому: «На днях я отправил Алешу своего в Москву готовиться к экзаменам в Университет. Будьте сыну то же, что были отцу, которого Вы перевоспитали в Вашего». Также и Преосвященный Игнатий, беспокоясь об Алексее, писал своему доброму знакомому, Преосвященному Леониду (Краснопевкову): «Позвольте просить милостивого внимания Вашего к подателю сего письма, Алексею Петровичу Брянчанинову, моему родному племяннику, единственному сыну моего брата, здешнего Начальника Губернии. Алексей Петрович желает вступить в Московский Университет. Не откажите ему в полезных наставлениях, в которых всегда нуждались молодые люди, а теперь, при умножении соблазнов, еще более нуждаются. Мой брат — самый религиозный человек; старался воспитать сына в страхе Божием, а теперь, отпуская из своего личного надзора, поручает его Богу и Божиим служителям».

Однако молодой человек, впервые ощутивший свободу, не оправдал доверия отца и дяди и, едва поступив в Университет, вынужден был его оставить. Н. Н. Муравьев-Карский, принимавший в Алексее большое участие, писал Петру Александровичу замечания по поводу его воспитания, на что тот отвечал 14 марта 1860 г.: «Не сетую я за правду — и не оправдываю неумения моего — безуспешность всего предпринимаемого мною, чтоб развить в нем расположение и охоту к труду». А уже 28 ноября того же года сообщал: «В последние месяцы пришлось пережить годы. Сын мой Алексей, выйдя на волю, сначала не сумел распорядиться ею, а потом, оставив определенный ему путь, пошел жить в монастырь, Настоятель которого, человек весьма нравственный, оказал ему милость, приняв юношу под покровительственное начальство свое». Настоятель, о котором писал Петр Александрович, это друг молодости святителя Игнатия, тогдашний архимандрит Николо-Угрешского монастыря Пимен (Мясников)[1]. А святитель Игнатий по этому же поводу писал своей сестре, Е. А. Паренсовой: «Об Алексее Петровиче пишут, что он

[1] Об архимандрите Пимене (Мясникове) см.: Т. 1. С. 313–326.

поживает в монастыре благополучно. Дай Бог, чтобы он удержался и укрепился. Настоятель Угрешского монастыря — Вологодский уроженец и в Алексее души не слышит: а как настоятель очень нравствен, то это для Алексея великая находка. Здесь молодой человек не сказал никому ни слова о своем намерении; да видно и намерения не было, а оно явилось в Москве, когда он увидел скользкость широкого пути в свете, на котором по слабости своего характера он не мог бы удержаться в нормальном положении, что он прямо высказал в письме отцу и что отец, знающий его характер, нашел основательным».

Алексей Петрович пробыл в Угрешском монастыре до ухода дяди своего, епископа Игнатия, на покой, после чего переместился к нему в Николо-Бабаевский монастырь, куда 22 июня 1862 г. прибыл и его отец. «Алеша был наружно и внутренне похож на мать, — писала его двоюродная сестра, А. Н. Купреянова, — веселая мягкость его характера и бьющая ключом жизнерадостность мешали ему сделаться в душе монахом». Дядя его, епископ Игнатий, прозорливо предвидел, что монашеский удел не для Алексея, и потому отказал ему в свое время в постриге. Отец его, напротив, хотел видеть сына — монахом и был разочарован, что так не получилось. «Нисколько не смутись выходом Алексея из монастыря, — писал ему святитель Игнатий. — Насильственному и фальшивому его положению в монастыре непременно должен был последовать какой-либо исход. Слава Богу, что исход устраивается разумный, а не комический или трагический». Эту же мысль Святитель повторял и в следующих письмах. В продолжение нескольких месяцев дядя уделял Алексею большое внимание, он специально беседовал с ним, чтобы отвратить его от дальнейших ошибок и наставить на будущую жизнь. «По особенной милости Божией, Алексей начинает усматривать всю неправильность своего вступления в монастырь и своего поведения в монастыре. Я стараюсь ему помогать в необходимом для него покаянии, выказывая точно так, как тебе написано, фальшивость и мрачность его поступков, чтобы покаяние его было истинным и послужило прочным основанием для предлежащего ему течения по поприщу земной жизни. ...Он понял, что слова мои, несмотря на наружную горесть их, существенно полезны для него. Дело дошло до того, что он просит меня на будущее время не оставлять его... что я ему и обещал». Святителю Игнатию удалось убедить брата, что будущее его сына не в монастыре; 25 апреля 1864 г. он писал сестре, Е. А. Паренсовой: «Петр

Александрович в Петербурге; полагает приехать сюда во второй половине мая, и потом, взяв Алексея, отправиться в Вологду. Кажется, что дитя понимает значение своего проступка — вступления в монастырь с целию прикрыть этим то поведение, которое он допустил себе в Москве и по причине которого он не мог оставаться в Университете. Служба в Вологде есть наилучшее для него положение: потому что во всяком другом месте его ожидает увлечение, особливо в столицах». И наконец 4 июля 1865 г. Петр Александрович сообщает Н. Н. Муравьеву-Карскому: «Алеша назначен чиновником особых поручений при Вологодском Губернаторе, ростом догнал меня».

Алексей Петрович с годами остепенился, «перешел к правильному и прочному настроению христианина» и сохранил это настроение на всю жизнь. Он переехал в Петербург, сдал экзамены за университет. Поступил на службу и закончил ее в должности Управляющего делами Комитета министров в чине тайного советника, в звании сенатора. Но остался бессемейным[1].

И вот, спустя тридцать лет после начала переписки, последнее письмо Петра Александровича Брянчанинова Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому от 4 июля 1966 г.: «Чувство искреннего, как бы сыновнего почитания приводит меня к Вам с приветом поздравления Вас с наступающим днем рождения Вашего и благопожеланиями моими Вам всего лучшего, возможного человекам в земной жизни их...»

А 5 ноября 1866 г. Николай Николаевич скончался.

Горечь этой утраты, конечно, была бы гораздо острее, если бы не возникшая в последние годы особенная близость Петра Александровича с братом — Преосвященным Игнатием. А. Н. Купреянова пишет в своих воспоминаниях: «Величественный с нами, Петр Александрович держался перед братом почтительно... Он жил в Бабайках при брате мирянином... все понимали, что он в душе монах и держит монашеское правило, хотя и не принимает пострижения, быть может, для того, чтобы ему удобнее было хлопотать по поводу сочинений владыки». Преосвященный Игнатий уделял брату очень большое внимание, заботясь

[1] После кончины отца к Алексею Петровичу перешли наследственные права на издание творений Преосвященного Игнатия. По соглашению с ним книгоиздательство И. Л. Тузова в 1893–1906 гг. осуществило издание нескольких отдельных произведений Преосвященного, также 4-е издание «Отечника» и третье издание пяти томов: первого, второго и третьего — «Аскетические опыты», четвертого — «Аскетическая проповедь и письма к мирянам», пятого — «Приношение современному монашеству».

о его духовном преуспеянии, которому, по его мнению, весьма способствовали труды Петра Александровича: «Промысл Божий доставил Тебе такие труды, которыми приготовляется истинное, сердечное, духовное безмолвие, основанное на служении духа, а потому чуждое прелести, труды, которыми устраивается такому безмолвию прочное основание». Петр Александрович, живя в монастыре, ежедневно наблюдая монашествующих, стремился подражать им в их образе жизни. Святитель Игнатий предостерегал его, находя такое стремление преждевременным: «К келейному безмолвию ты еще не созрел». То же он писал и относительно исповеди: «Когда метут комнату, то не занимаются рассматриванием сору, а все в кучу да и вон. Так поступай и ты. Исповедуй свои грехи духовнику, да и только, а в рассматривание их не входи. Святые Отцы очень запрещают это тем, которые не могут правильно рассматривать себя: такое рассматривание сбивает с толку, приводит в расслабление и расстройство». Из писем видно, что Петра Александровича особенно волновали мысли об умной молитве, о правильной молитве. «Говорил я тебе о необходимости отсекать волю твою, — писал ему Святитель. — Это отно́сится именно к молитвенному подвигу. Ты должен отречься сам в себе от всякого сознания в достоинстве и преуспеянии, и в нищете духа (что и есть отсечение воли), во внимании словам и страхе Божием предстоять мысленно Богу, вопиять о помиловании и всего ожидать от милости Божией». И далее: «На днях прочитал я внимательно “Слово о Иисусовой молитве”. В нем со всею ясностию изложено, что моление с заключением ума в слова молитвы есть самое полезное и безопасное, что механизм чрез ноздренное дыхание с усилием взойти умом в сердце воспрещен святыми Отцами для не созревших к такому молению! Тебе необходимо молиться первым способом, принимая в руководство общее правило и не принимая в руководство исключений из общего правила». И снова, настаивая на этом правиле: «Весьма ошибочно твое искание места сердечного! Если будешь заключать ум в слова, то сердце придет в сочувствие уму. Сперва надо молиться при этом сочувствии. Такая молитва есть молитва покаяния. Когда же чрез покаяние очистится человек, то место сердечное обозначится само собою». И в последующих письмах Святитель еще не раз возвращался к пояснениям о молитвенном подвиге: «Если оставишь всякое стремление к мнимому преуспеянию, возложив дело преуспеяния Твоего на Бога и вручив временную и вечную участь

Твою воле Божией, — будешь заботиться при молитве Твоей единственно о внимании... то молитвенный подвиг Твой получит правильность. Это значительно успокоит Тебя».

Письма последних лет жизни святителя Игнатия к его брату чрезвычайно важны не только для характеристики деятельности и образа жизни Петра Александровича, но и потому, что позволяют более подробно узнать, как прожил эти годы сам их автор. Потому что никакие слова ни в одном из его жизнеописаний не дают такого представления об огромной силе духа, о непрестанной работе его мысли, об огромном чувстве ответственности за каждое предпринятое им дело, какое можно получить из этих собственноручных писем Святителя. О его требовательности в отношении отделки — смысловой и литературной — своих сочинений П. А. Брянчанинов писал: «В молодости своей еще юнкером, инженерным офицером, находясь часто в кругу современных литераторов и пользуясь особым расположением одного из них, Гнедича, Преосвященный Игнатий принял за правило и часто повторял совет Гнедича: чтоб сочинения, писанные до сорока лет, без всякого исключения считать решительно неоконченными, в том убеждении, что с этих только лет в авторе может быть признаваема достаточная зрелость ума, опыта и вкуса, а потому все, вышедшее из-под пера до сорока лет, следует не издавать печатно, а оставлять до упомянутого периода жизни, в который, пересмотрев сочинение, переправить оное и тогда произнести о нем свой суд или отдавать в печать, или уничтожить. Это правило, которого держался Преосвященный Игнатий, служит объяснением того, почему он, говоря о своих сочинениях, считает все, написанное им до сорока лет, как бы несуществующими, а те, которые написаны им в сорокалетнем возрасте, он признает незрелыми относительно настоящей духовной высоты его понимания». Именно этой переправке, отделке, редакции своих сочинений посвятил святитель Игнатий последние годы жизни.

«С прошедшей весны я почувствовал себя особенно слабым»; «В июле месяце я доходил до крайнего изнеможения, и теперь плох. Совсем нет сил»; «Боли сердца увеличились и действуют на весь организм», — пишет Святитель родным. И в то же самое время он упорно трудится над «Отечником». «Занимаюсь Изречениями. Какое было время для монашества! Какое обилие духовных старцев! Сколько было тогда созидающих ближнего! А ныне сколько разрушающих и губящих ближнего!» —

это писалось за два года до его кончины! «Ищу, как сокровищ, замечаний, исходящих из истинного расположения и из знания». И посылая в Оптину Пустынь вышедшие из печати два первые тома сочинений, просит старцев: «Вместе с тем предлагаю Вам мою покорнейшую просьбу, исполнение которой сочту для себя величайшим одолжением. Примите на себя труд составить на эту книгу замечания, нисколько не стесняясь и не останавливаясь от какого-либо замечания, при мысли, что оно может огорчить меня».

А в письме Петру Александровичу: «Желаю пересмотреть последние два тома наиболее и почти единственно для слога. Самые "Опыты" требуют пересмотра, что я и намерен сделать, на всякий случай. Всегда признавал я строгую критику, тщательный пересмотр и беспощадное очищение лучшими средствами к доставлению сочинениям совершенства». Эти мысли занимали святителя Игнатия до самых последних дней его земной жизни: «Странна судьба последней статьи 4-го тома! Нужны были 36-ть лет, чтоб ей вызреть, и потом уже появиться печатно. Теперь странно действие ее!.. Многие... рыдают над ней», — писал он за пять дней до перехода в вечность!

И вот пришло время расставания.

При всей болезненности святителя Игнатия, кончина его была неожиданной для близких ему людей. Для Петра Александровича она стала жестоким ударом. Его племянница, Александра Васильевна Жандр, писала тогда Преосвященному Леониду (Краснопевкову)[1]: «То утешение, которое я сама получила от Вашего Преосвященства, заставляет меня просить Вас не оставить без слова письменного утешения — дядю моего Петра Александровича. Он очень скорбит о своем сиротстве: и это понятно, потому что на земле у него не осталось другой такой опоры, такого Друга, такого духовного Отца и Наставника, каким был для него покойный Владыка». Сам Петр Александрович, немного оправившись от удара, счел необходимым по свежей памяти составить «Описание обстоятельств кончины покойного Святителя»[2]. Два экземпляра этого «Описания» он направил Преосвященному Леониду: один для него, второй — для Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета. В ответ Преосвященный Леонид писал: «Надобно было почтить Вашу печаль молчанием или кратким только словом

---

[1] О Преосвященном Леониде (Краснопевкове) см.: Т. 1. С. 80–108. || [2] Полностью вошло в Жизнеописание Святителя.

ограничиться, пока свежа была рана, внезапно нанесенная Вашему сердцу кончиною Вашего брата по плоти, отца по духу. Рана так глубока, что и теперь прикосновение к ней не может не произвести болезненного ощущения; но теперь в молитве и смирении Вы, конечно, уже нашли врачевство и оно начинает производить свое действие. <...>

Думается, что со временем могли бы Вы для пользы иночества извлечь из его писаний то, что особенно общедоступно, понятно и назидательно для тех иноков, кои человеческою мудростию не богаты, но духом в Бога богатеют, а также и то, что полезно для простых читателей мирян».

Пожелание «сохранить для веков» память о Преосвященном Игнатии высказал и Архиепископ Костромской Платон: «На вас, достопочтеннейший Петр Александрович, лежит обязанность собрать все, какие только возможно, сведения о жизни и деятельности Преосвященного Игнатия. Вы знаете и места и лица, откуда можно получить сведения. Собирайте всякое сказание, всякое сведение. Обязанность эта возлагается на вас не связью только родственною с почившим, но и Церковию. Вас никто не может в этом случае заменить. Ни на час не откладывайте сего дела, возлагаемого на вас Церковию. Люди преходят, и ныне бывает сделать невозможно то, что вчера не стоило ничего сделать. Запишите, что сами слышали от покойного. Соберите и сохраните все письма его»; и через некоторое время снова напоминал ему: «Не забудьте, достопочтеннейший Петр Александрович, мою просьбу о собрании всех доступных вам сведений о Преосвященном Игнатии. Если время и обстоятельства теперь не позволят всему явиться на свет, то все пригодится к другому времени. Вы обязаны принять на себя это послушание: не как брат только, но как православный христианин, желающий блага Церкви».

Петр Александрович и сам понимал, что обязан сделать все от него зависящее для сохранения памяти своего выдающегося брата-аскета и подвижника. Наряду с занятиями по изданию его творений он начал привлекать близких ему людей для написания воспоминаний о нем. В 1875 г. он обратился к Павлу Петровичу Яковлеву с письмом: «Имею намерение предложить Вам и просить Вас, не признаете ли возможным посодействовать составлению жизнеописания покойного святителя Игнатия очертанием его служебной деятельности Настоятеля Сергиевой Пустыни и благочинного монастырей СП-бургской Епархии.

Описание общее начал я составлять и дошел до поступления в Александро-Свирский монастырь». Кроме П. П. Яковлева, сотрудниками Петра Александровича по составлению Жизнеописания Святителя Игнатия, которое вышло в свет в 1881 г., были М. В. Чихачев, отец архимандрит Игнатий (Малышев), С. И. Снессорева, родственники Святителя.

В своем Завещании, составленном на имя Петра Александровича Брянчанинова, святитель Игнатий записал: «Сочинения мои, остающиеся в рукописях, передаю сполна в Ваши собственность и распоряжение». Теперь, после кончины Святителя, основной жизненной задачей Петра Александровича было приведение в порядок и издание его сочинений, которые не были еще напечатаны. Этим он и будет заниматься до конца своих дней. Внешне же жизнь его не изменилась. Он оставался в Николо-Бабаевском монастыре при архимандрите Иустине, с которым находился в самых близких дружеских отношениях. Помогал ему в монастырских делах, особенно заботясь о строительстве храма во имя Иверской иконы Божией Матери, на которое еще при жизни брата пожертвовал около 5 тысяч рублей — все свое состояние — и теперь отдавал большую часть пенсии. По издательским делам, по делам монастыря часто выезжал в Санкт-Петербург и в Москву.

Всю свою сознательную жизнь Петр Александрович привык изливать в письмах свои чувства, переживания, рассказывать о своих жизненных обстоятельствах и получать взамен слова сочувствия и добрые советы при разных недоумениях. Вначале — в переписке с Н. Н. Муравьевым-Карским, с 1852 г. — также с братом, святителем Игнатием. Теперь не стало этих корреспондентов, и чувство одиночества от этого еще более усугублялось. Вскоре, однако, милосердый Промысл Божий послал ему неожиданного друга. В начале 70-х гг. монастырь посетила знаменитая игумения Усть-Медведицкого Преображенского монастыря войска Донского матушка Арсения (1833–1905), в миру Анна Михайловна Себрякова, из богатой дворянской семьи, прекрасно образованная, в монастырь поступила в 17-летнем возрасте, через четыре года была пострижена в рясофор, а еще через пять лет — в мантию. В 1864 г., на 31-м году жизни, она была посвящена в сан игумении (по смерти ее предшественницы, матушки Вирсавии). Игумения Арсения всегда интересовалась духовной литературой, и когда вышли из печати творения святителя Игнатия, она была поражена высоким словом его произведений.

Узнав, что ближайшие ученики и родной брат почившего уже Святителя проживают в Николо-Бабаевском монастыре, она, бывши в Москве, проехала туда, чтобы поклониться его праху. Встретив в лице архимандрита Иустина и Петра Александровича родственные души, она стала горячей почитательницей певческого таланта первого, а во втором обрела собственного почитателя и деятельного помощника в монастырских трудах. Как раз в это время она задумала строить в своем монастыре храм во имя иконы Казанской Божией Матери. Увидав в Бабайках почти завершенный строительством храм по проекту архитектора И.И. Горностаева, она, с помощью Петра Александровича, привлекла этого архитектора к работе над проектом своего храма (который явился впоследствии как замечательный шедевр церковного строительства). Петр Александрович, часто бывая в столицах, помогал игумении Арсении в оформлении разных документов, помогал и своими денежными средствами. И между ними завязалась самая откровенная дружеская переписка. После кончины Петра Александровича «остался целый том матушкиных писем к нему», часть из которых приводится ниже.

Еще одним другом Петра Александровича явилась «выдающаяся труженица на ниве Божией» игумения Антония, настоятельница Московских монастырей Страстного (1861–1871) и Алексеевского (1871–1897). Матушка Антония (1821–1897), в миру Александра Николаевна Троилина, получила прекрасное образование, была талантливая музыкантша и в юности выступала как солистка на фортепиано с полным оркестром. После долгого сопротивления отца она в 19 лет поступила в Спасо-Бородинский монастырь, где до самой кончины игумении Марии (Тучковой) оставалась ее любимейшей послушницей и помощницей в ведении монастырских книг. Там в 1847 г. она познакомилась с посетившим монастырь архимандритом Игнатием Брянчаниновым. Конечно, и ее он имел в виду, когда писал, что «многие сестры с хорошим светским образованием». Пострижение ее состоялось в 1858 г.

Ее «светлые умственные способности» привлекли внимание Митрополита Филарета, который посоветовал ей, после кончины игумении Марии, перейти в Аносин-Борисоглебский монастырь, а в 1861 г. назначил ее игуменией Московского Страстного монастыря. Своей активной деятельностью по восстановлению монастыря она производила большое впечатление на Преосвященного викария Леонида (Краснопевкова), который рекомендовал

ее Митрополиту Иннокентию, и тот пожелал перевести ее (после кончины игумении Паисии) в Московский Алексеевский монастырь. Перевод состоялся 4 февраля 1871 г. Здесь она сразу же озаботилась введением общежительного устава, уже в мае этого же года, в присутствии Преосвященного Леонида, осуществила закладку двухэтажного каменного здания, а 21 ноября оно уже было освящено Митрополитом Иннокентием; организовала рукодельные мастерские: золотошвейную, живописную, переплетную и т. д. «Достойным венцом ее строительных работ является возведение роскошного храма во имя Всех Святых».

Свою любовь к музыке матушка Антония вложила в церковное пение, что ее особенно сблизило с архимандритом Николо-Бабаевского монастыря Иустином. А с Петром Александровичем она близко познакомилась еще при жизни святителя Игнатия. Он был очень расположен к матушке Антонии, навещал ее во время приездов в Москву. Она выражала ему живейшее сочувствие в связи с кончиной его брата; 10 октября 1868 г. он отвечал ей: «Милостивейшее письмо Ваше от 1 октября я имел утешение получить и принял как благословение лица многочтимого мною по духу учения его древне-отеческому, по жизни, проникнутой этим учением, лица, память о котором сохранял — по этой же причине — всегда и в Бозе почивший святитель епископ Игнатий!»

Петр Александрович и в этом случае принимал самое деятельное участие во внешнем устроении и украшении монастыря, а матушка Антония помогала ему и архимандриту Иустину в сборе средств на окончание строительства храма в Николо-Бабаевском монастыре. Она сама неоднократно бывала в этом монастыре: приезжала, чтобы поклониться праху чтимого ею святителя Игнатия, а также чтобы послушать певчих и самого архимандрита Иустина. В письме от 23 декабря 1882 г. Петр Александрович, отвечая на полученное от нее письмо, называет его «словом духовного смирения, терпения и преданности воле Божией в постоянно неизменной любви к ближнему, выраженной соболезнованием и сочувствием и к его радостям, и к его горям... В этом основании Ваших отношений к ближнему — причина такого общего благоговейно-преданного расположения к Вам всех, кто приведен был Промыслом Божиим к знакомству с Вами».

Последнее из обнаруженных в архиве писем Петра Александровича к игумении Антонии написано 13 марта 1889 г.:

«Достопочтенная Матушка Игумения Антония! Милостивое письмо Ваше от 20 февраля я имел честь и утешение получить.

Душевно благодарю Вас за слово и чувство милости ко мне, выраженные как в благожелательном привете, так и в назидательном примере истинного о Господе единения.

Примите мое почтительнейшее поздравление с наступающим храмовым праздником Святой обители Вашей. Батюшка Отец Архимандрит Иустин поручил мне передать Вам его поздравление и искреннейшие благопожелания обретения радости утешения духовного. О. Иустин не нарадуется, что Господь послал нам Епископа монаха.

Поручая себя покрову Ваших святых молитв и испрашивая Вашего благодатного благословения, остаюсь с чувством искренней о Господе преданности Вашим неизменным послушником

П. Брянчанинов.

P. S. Всем вашим присным сестрам усердно кланяюсь, прося их святых молитв»[1].

Упоминание о Петре Александровиче Брянчанинове имеется в недавно опубликованных дневниковых записях еще одной игумении. Это настоятельница Московского Сретенского монастыря Евгения (в миру Евдокия Семеновна Озерова). 13 октября 1880 г. она записала: «Сегодня были в Алексеевском монастыре. Там встретила нового своего знакомого, Петра Александровича Брянчанинова, брата известного епископа Игнатия (Брянчанинова), окончившего жизнь на покое в Бабаевском монастыре и проходившего подвиг умной Иисусовой молитвы.

Петр Александрович человек умный, старичок, был губернатором в Ставрополе, где епископствовал брат его, в одно время с ним. Человек начитанный и духовно направленный, много видевший, слышавший от разных лиц, весьма приятный.

Беседуя о книгах и о подвижниках, коснулась речь о. Серафима Саровского, его дивной жизни, необыкновенных подвигов, покровительства и по кончине Дивеевской обители. <...>

Много еще рассказывал Петр Александрович о Дивеевской пустыни и о предстательстве о. Серафима за дивеевских сирот, как он их называл. Много писали жизнеописаний о. Серафима, но самое справедливое о нем сказание иеромонаха Саровской пустыни Авеля. Но теперь его уже трудно найти, оно не было перепечатано.

День провели весьма приятно. Когда встречаешься с личностью серьезною и духовно направленною, отдыхает душа. Разговор

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 11.

ведется без осуждений, без пустоты, чувствуется, что беседуют христиане, возросшие уже, а не дети умом и расположениями»[1].

Общение с этими великими подвижницами согревало душу Петра Александровича на протяжении двадцати четырех лет, которые ему довелось прожить после ухода его брата, святителя Игнатия.

Скучать ему тоже не приходилось, он был занят выполнением задачи, которую сам перед собой поставил. Уже в 1867 г. он издал на свои средства «Судьбы Божии: Предсмертное творение епископа Игнатия (Брянчанинова), жительствовавшего на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии» со своим предисловием. В следующем году — так же — «О терпении скорбей, учение святых Отцов, собранное епископом Игнатием, жительствовавшим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии»; и в 1869–1870 гг. еще восемь изданий он осуществил на свой счет. Кроме того, в 1870 г. в типографии И. И. Глазунова был напечатан капитальный труд Святителя — «Отечник» с заголовком: «Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (с его же Вступлением и заключением)». В последующие годы издания продолжались. Наконец в 1886 г. было осуществлено второе издание, исправленное и пополненное, «Сочинений епископа Игнатия Брянчанинова» в пяти томах.

Эти труды Петра Александровича Брянчанинова явились главным делом его жизни, ими он заслужил признание и благодарную память следующих поколений.

В 1885 г. Петр Александрович был пострижен архимандритом Иустином в монашество с именем Павел. Скончался он в Бабайках 25 июля 1891 г. П. П. Яковлев писал: «Отпевание Петра Александровича совершено 29-го числа о. Ильею[2] с приехавшим из Невской Лавры иеромонахом Вениамином[3].

Скончался 25-го в 11 ч. ночи.

Могила рядом с покойным архимандритом Арсением — справа от него, если идти в Собор.

Сын Алексей Петрович один час не захватил его в живых.

Отпевание было монашеское с именем Павла (пострижен о. Архимандритом 6 лет назад).

Он постепенно в течение года угасал».

---

[1] Альманах «Дворянское собрание». М., 1997. № 6. С. 163–164. || [2] Настоятель Николо-Бабаевского монастыря после архимандрита Иустина. || [3] Бывший последний келейник святителя Игнатия — Василий Павлов.

Письма святителя Игнатия к брату Петру Александровичу Брянчанинову

№ 1

Что сказать Тебе в ответ на Твои мысли об удалении от мира? Господь, благословивший и установивший такое удаление, вместе с тем заповедал сперва сосчитать имение свое — достаточно ли оно для созидания этой высокой жизни, — и количество сил своих для борьбы с силами противными. Советую Тебе сводить этот счет молитвою, отдаваясь на волю Божию. Я сколько ни молил Бога, чтобы даровал мне уединенную жизнь, но и до сих пор остаюсь в Сергиевой Пустыни, подвергаясь развлечениям различного рода. Недостаточно, чтоб мы хотели: надо, чтоб воле Божией сообразно было наше хотение. Мы хотим теперь, а Бог уготовляет иногда это же самое чрез многие годы. В настоящее время ты необходим для Алеши, на которого, в случае твоего удаления, с полным правом накинется его дед и сделает его несчастным по душе и по телу.

Описанные Тобою видения не должны привлекать твоего внимания: путь Л. А. особенный, а от таких особенностей Св. Отцы велят отстраняться тем, которым предназначено идти общим христианским путем. Мой совет — занимайся душеполезным чтением, им руководствуйся в действиях, врачуй покаянием согрешения и предавайся воле Божией, предлагая Богу тайную мысль свою и намерение.

20 июня 1852 года

№ 2

Много виноват перед тобою тем, что долго не отвечал на письмо твое по известной тебе моей хворости и множеству занятий, увеличившихся ныне великопостною службою. Первую неделю служил сам ежедневно, и сил только хватало на служение и на необходимый прием посетителей.

В духовнике, по мнению моему, великое достоинство — простота, неуклонное последование учению Церкви, чуждое всяких своих умствований. Есть строгие, есть умные: но строгие и умные по-своему никуда не годятся для душевного назидания. И строгий, и умный, и милостивый, и снисходительный, и простосердечный, но верный сын Церкви могут быть одинаково полезны. Да дарует тебе Бог духовника по желанию твоему.

28 марта 1853 года

№ 3

Весьма благоразумно делаешь, что не сводишь близкого знакомства ни с одним духовным лицом: такое знакомство может очень легко послужить ко вреду и весьма, весьма редко к пользе. Советуйся с книгами Святителя Тихона, Димитрия Ростовского и Георгия Затворника, а из древних — Златоуста; говори духовнику грехи Твои — и только. Люди нашего века, в рясе ли они, или во фраке, прежде всего внушают осторожность. Молитвы читай утром и вечером следующие: Трисвятое, Отче наш, 12 Господи помилуй, Псалом 50-й, Символ веры, Богородице и некоторые поминания; после сего клади 10 поясных поклонов с молитвою: Боже, очисти мя грешного.

29 апреля 1853 года

№ 4

Воодушевление народа (по случаю войны) здесь необыкновенно. Смешны французы и англичане! Фактически доказывают, что России необходимо владеть Босфором, без чего ее береговые владения на Черном море всегда могут подвергаться, и на большем протяжении, нападению врагов.

18 сентября 1854 года

№ 5

Николай Николаевич [Муравьев] глубоко добрый человек. Многие отнюдь не подозревают в нем этого качества, напротив того, считают холодным, потому что он не льстив и не ласков, между тем как истинная любовь строга и, являясь в делах, не нуждается в личине — ласковости и льстивости, которыми непременно прикрывает себя самолюбие для обмана ближних.

3 августа 1855 года

№ 6

Мне бы желалось переслать к тебе «Слово о смерти»; надеюсь это сделать по прошествии некоторого времени, когда мы справимся здесь с этою статьею, потому что она очень велика, с подробностью излагает таинство смертное и показывает, как надо жить, чтобы умереть благополучно.

Мое здоровье очень плохо: совсем не выношу воздуха: пока в келлии — чувствую себя порядочно, лишь вышел, как начинаю пухнуть.

17 сентября 1855 года

№ 7

Мое желание переместиться из шумной Сергиевой пустыни в уединение, чтобы там тщательнее приготовиться к переходу в вечность, разгорается более и более. Когда получу от тебя письмо из Ставрополя, тогда напишу об этом подробнее.

5 февраля 1856 года

№ 8

Чем больше прохожу путь жизни и приближаюсь к концу его, тем более радуюсь, что вступил в монашество, тем более воспламеняюсь сердечною ревностию достигнуть той цели, для которой Дух Святый установил в Церкви монашество. Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений мира, соединить его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нем отселе Царствие Божие. Милость из милостей Царя Царей, когда Он призовет человека к монашеской жизни, когда в ней дарует ему молитвенный плач и когда причастием Святого Духа освободит его от насилия страстей и введет в предвкушение вечного блаженства. Людей, достигших сего, случалось видеть.

Но что приобрели прочие люди, гонявшиеся за суетою в течение всей своей земной жизни? Ничего; а если и приобрели что временное, то оно отнято у них неумолимою и неизбежною смертию, которая оставила при них одни грехи их. Посему велика милость Божия к тому человеку, которого сердце не вполне прилепилось к земле и которого Бог призывает к монашеской жизни таинственным призванием. *Днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец Ваших* (Евр. 3. 7, 8, 15).

Вот мой ответ на твое намерение окончить дни твои в монастыре для покаяния и для прочного примирения с Богом.

Относительно же сына твоего: нелицеприятный Бог принял и его желание, только в настоящее время этого исполнить невозможно, не потому, чтобы дитя не могло вступить в монастырь, но потому, что в наше время монастыри находятся в ужаснейшем положении, и многие хорошие люди, вступив в них без должного приготовления, расстроились и погибли. Пусть Алеша приучает себя к монастырскому послушанию послушанием родителю; пусть приготовляет себе занятия в монастыре, соответственные своему происхождению, правилам и силам, тщательным изучением наук, русской литературы, языков, хорошо бы

латинского и греческого, между прочим. Не надо пренебрегать и каллиграфией. Ученость дает возможность сохранить в монастыре уединение при келейных занятиях и может сделать инока полезным обществу в нравственном отношении.

Для уединенного жительства и для удобства к покаянию у меня есть в виду Оптина пустынь, Калужской губернии, близ города Козельска, в пяти верстах. Удобства этого места суть: при пустыни находится скит, куда запрещен вход женскому полу, окруженный мачтовыми соснами, следовательно, защищенный от ветра вполне; в этом скиту живет довольно дворян. Под руководством старца, также из дворян, весьма хорошей жизни, занимаются переводом с греческого Св. Отцов и изданием их. Вот нравственная сторона: есть уединение и есть духовное общество, свое, благородное, а этого нет ни в одном монастыре русском. Св. Пимен Великий сказал: всего важнее хорошее общество. И так, что особенно важно в мирском быту для благовоспитанного человека, то остается особенно важным в монашестве. Это, важное для нас, будет чрезвычайно важно для тех юношей, которые будут сопутствовать нам: умирая, мы будем утешаться мыслию, что оставляем их на хороших руках. В материальном отношении Оптина пустынь также хороша: невыгодная сторона состоит в том, что живой рыбы мало и дорога́, также и дрова дороги.

На мысль об учреждении своего нового монастыря скажу, что заведение своего монастыря повлечет нас к материальным попечениям, кои будут препятствовать попечению о наших душах. Сильная зависимость нашего духовного состояния от нашего наружного состояния и познание человека, заимствованное из опытных наставлений Св. Отцов, приводит к тому заключению, что гораздо больше можно преуспеть, живя странниками и пришельцами в чужой стороне, нежели если б мы основали монастырек на своей родине, где нас все знают и многие уважают. Вот мое суждение о нашем общем жительстве, может быть, в единонадесятый час нашей земной жизни.

Что касается собственно до меня, то я обязан многим людям за многое, и между прочим за дружеское расположение, мною ничем не заслуженное, я обязан Николаю Николаевичу [Муравьеву]. Но Богу я обязан безмерно: потому что Он посетил меня милостию свыше, которой я должен соответствовать моим поведением. Это соответствие может заключаться, по моему мнению, только в том, если я проведу остаток дней моих в глубоком и строгом уединении. Это непонятно для других, для которых

сокрыта моя совесть и которые могут судить о мне только по наружности, но для меня вполне ясно. Всякая добродетель с развлечением — не моя. Искание или желание какого-либо высшего сана для меня — грех и безумие. Если увидишься с Николаем Николаевичем, то объясни ему это. Впрочем, я и сам хочу написать ему и просить его, чтоб он оставил свои виды на меня. По особенному недоверию так именуемого духовного звания к дворянству, представятся Николаю Николаевичу большие затруднения в исполнении его намерения, даже можно предсказывать верную неудачу. Я не желаю, чтобы он компрометировал себя ради меня; не желаю, чтоб из-за меня высшие духовные лица взволновались; наконец, и для себя нахожу более выгодным удаление, нежели возвышение, и возвышение бесплодное, на короткое время остатка земной жизни.

Призывающий на тебя...

14 февраля 1856 года

№ 9

Господь да исполнит твои благочестивые намерения и да укажет Тебе путь, по которому возможешь приблизиться к Нему. О сем и ты молись. Что-нибудь решительное тебе тогда только можно будет предпринять, когда я перемещусь в Оптину; если Н. Н. захочет переместить тебя в Тифлис, перемещайся в видах пользы его самого; многие им приближенные худо ему платят!

3 апреля 1856 года

№ 10

Любезнейший Друг и Брат, Петр Александрович!

На письмо твое от 24 апреля, полученное мною в Петербурге, отвечаю из Оптиной пустыни, находящейся в Калужской губернии, в 4-х верстах от города Козельска. — Скажу тебе, что я очень рад, что ты мог уклониться от управления имением Николая Николаевича. Пожертвование, которое человек приносит собою достойному человеку, особливо когда с таким пожертвованием соединена польза отечества, — прекрасно; но пожертвование собою Богу, Которому мы и без того принадлежим, несравненно превосходнее. Сверх того, последнее пожертвование, собственно, для нас необходимо; необходимо нам прежде смерти примириться и соединиться с Богом, посредством покаяния, чтоб не услышать на суде Его: «Не вем вас: отыдите от Мене, называвшие Меня Господом своим и нарушавшие Мои заповедания».

Живя в Сергиевой пустыни, которая все-таки монастырь, я не выдерживаю напора волн и вихрей житейских, часто колеблюсь и падаю; что ж сказать о жизни в полной зависимости от мира и посреде его?

В таком убеждении я захотел соглядать собственными очами Оптину пустыню, которая в настоящее время есть бесспорно лучший монастырь в России в нравственном отношении, особливо Скит ее, находящийся в 100 саженях от самой Пустыни, огражденный со всех сторон вековыми соснами, на песчаном грунте, недоступный для женского пола, может удовлетворить благочестивым желаниям отшельника в наш век. В нем живет много дворян, занимающихся духовною литературою; но тамошнее сокровище — духовник, или старец их, в руках которого нравственное руководство скитской братии и большей части братий монастырских, т.е. всех благонамеренных и преуспевающих в добродетели. Он — из дворян, 68-ми лет; со мною в самых дружеских отношениях. Соображая потребности души моей и моего тела, я избрал скит местом для окончания дней моих в безмолвии и, чтоб дать этому начинанию некоторую прочность, покупаю корпус деревянных келлий. При этом деле я упомянул здешним главным инокам, беседовавшим со мною, и о тебе. Келлии требуют поправки, даже перестройки: для жительства они будут годны лишь к лету 1858-го года. Таковы мои собственные действия, в которых явствует мое произволение и суждение; но это произволение, это суждение, эти действия вручаю Воле Божией, моля Ее руководить мною и располагать по Ее премудрым и всеблагим целям.

Весьма хорошо сделаешь, отдав Алешу в семейство Муравьевых и потому, что образовать его в Тифлисе гораздо удобнее, и потому, что тебе, вероятно, придется проводить много времени в разъездах. Кроме того, молодой человек, воспитываясь на чужих руках, лучше обтирается; семейство же Муравьева строгой нравственности. Николай Николаевич, кажется, прочен на своем месте. Много было толков в Петербурге, что с ним никто не уживается, что по этой причине дадут ему другое назначение; но пред моим отъездом уже толковали, что не уживаются с ним взяточники и прочие лица, расположенные к злоупотреблениям, что по этой причине надо подержать его на Кавказе, чтоб он успел истребить гнездо взяточников и завести семью благонамеренных людей.

Остается мне пожелать Тебе благополучного лечения в Пятигорске, о чем не оставь написать по окончании курса вод подробно, и прочих всех временных и вечных благ.

Тебе преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.
11 июня 1856 года

№ 11

На намерение наше нужно Божие благоволение и благословение, особливо в наше время, в которое страсть к деньгам прокралась во все сословия и саны, заглушила и подавила все благие побуждения и все священнейшие обязанности.

Хотелось бы написать статью «Человек», с тою целью, чтобы уяснить цель существования человека на земле; но не знаю, буду ли иметь время на это занятие и возможность, потому что для таких занятий нужно уединение и здоровье. Того и другого я почти лишен. Грудь ужасно слаба, и силы очень слабы; истощаюсь чрезвычайно скоро от самого малого труда, особливо письменного.

12 июля 1856 года

№ 12

Любезнейший Друг и Брат, Петр Александрович!

Письмо твое от 26-го июля я получил 13-го августа. Прежде всего скажу тебе в дополнение к прежним письмам, что, несмотря на мое желание остаться в Оптиной пустыни, я не сошелся с настоятелем ее, и потому время удаления моего из Сергиевской отсрочилось на неограниченное время. Отдаюсь на волю Божию. Приходится жить иначе, нежели как рассуждается. Такова участь не одного меня. По человеческому суждению общество скита Оптинского и духовник — отец Макарий — лучшее, чего бы можно было желать по настоящему состоянию христианства и монашества в России, но Промысл Божий, руководящий нашей участью, мудрее суждения человеческого.

Относительно книги для чтения, к сожалению, должно сказать, что у нас удовлетворительно объясняющей христианство нет. За неимением лучшей, полагаю прислать Богословие Макария, которая много повреждена школьною системой, данною книге. Странно видеть систему, по которой изложены механика, аналитика и прочее тому подобное, приложенное к изучению Бога! Впрочем, эта книга есть наилучшая у нас.

Очень радуюсь, что воды подействовали благодетельно на Алешу. Может быть, к тому времени, как он будет в состоянии управлять сам собою, твое желание уединения сделается удобоисполнимее.

Призывающий на Тебя и на него обильное Божие благословение Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
13 августа 1856 года

№ 13

Мое положение здесь представляется мне очень непрочным; хорошие мои знакомые вымерли, сам я сделался крайне хвор. Впрочем — таков мой взгляд и суд человеческий. Но суд Божий бывает иной, и Промысл Божий о человеке неведом.

2 декабря 1856 года

№ 14

С праздников долго времени я хворал; мои болезни не могут помириться со здешним климатом; но все попытки мои вырваться отсюда остаются тщетными, почему я вполне предался воле Божией, отвергнув в сторону все мои разумения и рассуждения.

Неминуемо благотворный климат Кавказа должен быть полезен для твоего здоровья, а усиленная деятельность для твоей души. И при деятельности можно внимать себе в страхе Божием, наблюдая, чтоб душевными движениями и зависящими от них действиями управляло не разгорячение бессловесное, но здравый разум, основывающийся на желании общественного и потом частного блага, озаряющийся светом Евангелия.

23 января 1857 года

№ 15

Относительно образа твоей жизни признаю лучшим избранное мною и для меня самого: предаться воле Божией, потому что мы не знаем наверно, где встретит нас душевная польза и где встретит нас душевный вред. Надо постоянно молиться Богу, чтоб Он, по бесконечной Его благости, премудрости и силе, наставил нас на путь спасения и устроил нам его. Поползновения свои должно врачевать покаянием и терпеливо переносить самую удобопоползновенность свою, доколе сила Вышнего не осенит нас и не освободит от работы греху. В свое время Бог покажет нам, что делать с собою.

Мое здоровье — так себе; обстоятельства — так себе. При нынешнем общем обороте дел, где все стремится к обширнейшему материальному развитию и потому без умолку и отдыха суетится, работает, торопится, было бы несправедливым (уже так представляется) и в самом монастыре искать спокойствия. Поэтому каждый должен дорожить своим местом и временем, не поддаваясь лестному совету врага нашего, внушающего нам: «сегодня веди себя как-нибудь; придет время, дастся удобное место — тогда уже поведешь себя, как должно». В противность сему совету, поведем себя каждый день и везде, как должно, а нарушения в должном уврачуем покаянием. Враг льстит, чтоб украсть все время, данное на покаяние. Но мы, уразумев лесть врага, каждый день должны прибегать к покаянию и полагать благое начало. Человеку, который отдал себя Богу, надо считать свое ныне лучшим временем для спасения.

Книга сочинений преп. Аввы Дорофея помогает рассматривать себя, также доставляет превосходное руководство для воспитания молодых людей

16 марта 1857 года

№ 16

Письмо твое от 14 марта я получил 30-го. Охрани сына от ядовитых еретиков. Нареканий от него за недостаток погибельной, излишней светскости — не бойся; убойся того грозного изречения Господня, которое ожидает родителей на Страшном Суде Христовом за воспитание детей для вечной погибели; убойся тех отчаянных и бесполезных слез и проклятий на родителей, которые тогда произнесут дети, воспитанные для ада.

Ты грустишь в твоем одиночестве по духу? Это состояние — состояние почти всех. 38 лет лежал расслабленный в притворе Соломоновом среди многолюднейшего Иерусалима; но когда подошел к одру его вочеловечившийся Господь, то он принес Ему жалобу: *человека не имам*[1]. Расслабленный не мог завестись человеком в продолжение 38 лет! — И в этом случае надо положиться на Бога: Он попускает человеку потомиться голодом, чтоб человек дал должную цену пищи в то время, когда она будет ему предложена. *Душа сытая*, — говорит Писание, — *сотом рыгается*[2]. Благословение Божие да почиет над Тобою и Твоим сыном!

30 марта 1857 года

[1] Ин. 5. 7.

[2] *Сытая душа попирает и сот* (Притч. 27. 7).

№ 17

Над всеми нами да будет воля Господа Бога нашего, гораздо более, нежели мы, ведающего, что полезно нам. С верою предадим себя Ему. Такая вера — смирение, как сказал один Св. Отец: потому что смирение есть полная преданность Богу при полном недоверии к себе. Не смущайся, что по временам чувствуешь ожесточение, хладность и действие страстей. Эти периоды душевного нестроения надо переносить с терпением. Св. Макарий Великий сказал: «в каждом из нас бывают перемены, как в воздухе: то стоит ясная погода, то льются дожди, шумит ветер и стоит ненастье...» Другой святой, преп. Исаак, приводя и объясняя эти слова преп. Макария, говорит: «...заметь слово: в каждом. Оно поставлено не без цели, но употреблено с тою целью, чтоб показать, что все человеки, без изъятия, не только грешные, но и святые, по временам обуреваются страстями. Постоянной непогрешительности и постоянного душевного состояния нет на земле. Непременяемость есть достояние будущего века». Поэтому должно смотреть на свои душевные перемены с благоразумием, как бы показывая и открывая Богу свою греховность, и вместе с тем предаваясь Его Святой воле и прося Его милости и помощи.

5 мая 1857 года

№ 18

Весьма радуюсь, что князь Барятинский[1] обратил на тебя свое внимание: усердно желаю, чтобы это внимание не было одним лишь приветствием, нужным по времени и на время. Таково мое для тебя желание по человеку; а по духу — сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим, ибо Он Един знает, что нам полезно, и устраивает наши судьбы для вечных польз наших, попуская в здешней временной и кратчайшей жизни поскорбеть соответственно нашим силам, дабы души наши не прилепились к земле, а постоянно отторгались от нее различными скорбями и обращались, теснимые отовсюду, к Господу Богу нашему. — Мое положение похоже на твое: сватают, сватают и не просватывают. Впрочем, и в Сергиевой пустыни пользуюсь таким благоденствием, какое редко можно встретить на земле в настоящее время, — особенно в духовном отношении. Следовательно, священная обязанность моя: не желать ничего по моему разумению, воле и самооправданию, желать, чтоб во всем совершалась воля Божия. Новый Митро-

полит Григорий[2] — весьма благочестивый пастырь; ко мне являет особенное расположение. Здоровье мое так себе. По особенной милости Божией мой доктор открыл, что в весьма сложной болезни моей очень значительную роль играет золотуха. Противозолотушные средства действуют отлично, особенно Аделаидские воды, имеющие в себе йод, и при них мазь, которою заменяются ванны, почти невозможные в здешнем климате и при моих обязанностях. — В чужие края уехало множество: бегут от петербургского убийственного климата. А мне, под конец жизни, куда-нибудь в тихий край родной России, подальше от Питера, который и по климату, и по всему прочему для меня не сроден. Впрочем, не моя, но Божия воля да будет. Призываю Божие благословение на тебя и твоего сына.

22 мая 1857 год

[1] *Барятинский Александр Иванович* (1815–1879) — князь, генерал-фельдмаршал, в 1856–1861 гг. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армии.

[2] О Митрополите Григории см.: Т. 1. С. 232, примеч. 1.

№ 19

Письмо твое от 10 июня я получил сейчас и, нисколько не медля, отвечаю на него.

Бог, управляющий всем, особенно бдит над людьми, желающими служить Ему, хотя бы они и побеждались своими немощами. Он ведет их путем скорбным, скорбями отрешая от мира и приводя к Себе. Потом избавляет их от всех скорбей, чтобы они зрели Его всеблагий Промысл и стяжали веру в Него. Надо помнить смерть, устрашать себя неизвестностью ее часа и грозным истязанием, вслед за нею ожидающим каждого человека; но и то надо знать, что по уверению Св. Отцов внезапная смерть не случается с людьми, желающими очистить себя покаянием, хотя бы они по временам и побеждались своими немощами; но Правосудный и Милосердный Бог дает им кончину, сообразную их намерениям.

26 июня 1857 года

№ 20

От всей души желаю, чтобы Милосердный Господь устроил твои обстоятельства наилучшим образом и ко временному, и к вечному твоему благу. Надо предаваться воле Божией и все помыслы — непокорства смирять, сколь бы раз эти помыслы

не восставали. Мое здоровье плохо, так плохо, что служу с величайшим трудом и усилием. Доктора признают, что здешний климат причиною моей болезненности. Опять: да будет воля Божия. Милого Алешу целую.

30 сентября 1857 года

№ 21

18 декабря прибыл я в Харьков, где нашел от тебя письма, за которые премного благодарю. Усердно желаю, чтоб ты остался в Ставрополе и чтоб нам Бог благословил потрудиться вместе для пользы христианства и человечества, иначе для пользы Церкви православной и тесно связанной с нею пользы отечества. В Петербурге говорили мне весьма верные люди, что князь Б<арятинский> к тебе очень расположен. Всесвятая воля Божия да совершается над нами и да дарует нам грешным спасение!

Цель моей жизни в Ставрополе — благочестие. Усердно желаю и молю Господа, чтобы даровал мне посвятить себя всецело учению Христову, как этого и требует моя обязанность, и этим учением пропитывать себя и ближних во спасение.

19 декабря 1857 года

№ 22

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Письмо твое от 13-го октября я получил 23-го. Долго странствовало письмо Твое. Благодарю тебя за все твои действия в пользу Кавказской Церкви.

Мне чрезвычайно приятно, что мы совпадаем с Алексеем Федоровичем Крузенштерном[1] в одно понятие о действии религиозном на горцев. По моему мнению, Моздок, в настоящее время, есть единственный пункт, из которого можно действовать с успехом; может быть, впоследствии на правом фланге будет служить подобным пунктом резиденция командующего. Но то впереди: прежде надо сделать то, что под руками, — надо образовать и усилить то, что уже действует, будучи предоставлено само себе. — В Моздоке есть Апостол для горцев, несравнимый ни с какими миссионерами: чудотворная икона Божией Матери, к которой во множестве притекают даже магометане горцы. При церкви, в которой пребывает Икона, имеется 800 душ мужеского пола осетин-христиан и 700 душ христиан-черкесов. Церковь, где Икона, премаленькая и преветхая. Для построения новой собрано несколько тысяч денег;

если к ним прибавить от казны небольшую сумму, то можно выстроить прекрасную церковь, которая приведет осетин и черкесов в восторг. Надо учредить крестные ходы с Иконою за Терек. Весьма бы хорошо учредить при церкви и Иконе монастырь общежительный: монахи — наилучшие миссионеры; сверх того, в монастырь могли бы вступать в число братства осетины и черкесы, к чему они наклонны. В Моздоке имеется духовное училище, в беднейшем положении; его надо привести в порядок, и надо дать ему возможность обучать черкесских и осетинских детей, с целью приготовить из них причетников. Быв ныне в Моздоке, я велел взять в училище четырех мальчиков, и один умненький 15-летний юноша приехал ко мне в Ставрополь, чтоб приготовиться к принятию священства. При всех этих распоряжениях непрестанно является вопрос о средствах, потому что без них ничего не сделаешь, а их-то и нет. В здешней Семинарии я предложил усилить преподавание осетинского языка; надо бы ввести и развить в Семинарии преподавание и прочих местных языков и наречий, именно в видах церковной пользы края, а здесь хотели было уничтожить преподавание осетинского языка, развить же преподавание французского и немецкого. Изволь видеть направление! Оно не без начальной причины и мысли и не без цели.

Посылаю к Василию Антоновичу при письме те сведения, которые я мог найти об обеих суммах. Причиною, что мне не высланы деньги, — новость графа Толстого[2] в делах и крайняя беспамятливость Митрополита Григория, с одной стороны, с другой — нерасположение ко мне мелких чиновников Синода, служащих по этой части, каковым нерасположением я постоянно пользовался, и — горжусь!

Алешу я не раз приглашал к себе по твоем отъезде, а вследствие твоего письма и приказание дал, чтоб при всяком свободном времени являлся ко мне. Мои очень кланяются тебе и благодарят за воспоминание. Домик мой необыкновенно комфортен и тепел. Весьма хорошо сделаешь, если проследишь за делами в Тифлисе, и последишь вполне: дела, как и дети, имеют необходимую нужду в няньке. Без попечительной няньки, того и смотри, поделаются уродами. Потрудись написать мне твой адрес. Воды продолжают сильно действовать на меня: теперь в переборе голова.

Благословение Божие да почиет над Тобою. Будь здоров и благополучен. Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24 октября 1858 года

Потрудись выписать для меня Кавказский календарь и газету «Кавказ» на следующий 1859-й год.

[1] *Крузенштерн А. Ф.* — статс-секретарь, управляющий гражданской частью Кавказского наместничества.

[2] Граф А. П. Толстой — Обер-прокурор Синода; о нем см.: Т. 2. С. 682–694.

№ 23

От души поздравляю тебя со днем твоего Ангела. Верховный Апостол Петр, когда исповедал Господа Иисуса Христа Богом и Сыном Божиим, тогда услышал от Господа, что это открыл ему Сам Отец Небесный. Итак, познание Господа есть не что-нибудь случайное, но особенный дар Божий. Душа, принявшая этот дар, да возрадуется о Господе. Это я тебе говаривал, а в день твоего Ангела этим и письменно тебя приветствую. Да продлит Господь над тобою Свою милость до конца, чтоб ты данный тебе дар возделал и явился Лицу Господню с усугубленным талантом.

29 июня 1859 год

№ 24

Поздравляю тебя с милостию Божией, по мановению которой действует и милость человеческая. Господь да направит и остальную часть земного странствования твоего, по Святой Его воле, к блаженному вечному пристанищу.

15 августа 1859 года

№ 25

Граф Евдокимов просил меня сообщить тебе, что депешей из Петербурга извещают его о прибытии Государя Императора на Кавказ. В Ставрополе Государь не будет.

Из Питера я получил официальное уведомление, что бумаги мои прибыли 1-го августа и того же дня розданы по адресам. Государь выезжает из Петербурга 7-го или 8-го.

Заключает Церковь все свои разнообразные прошения к Богу следующими словами: «сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим!» Заключаю этими словами и письмо мое.

17 августа 1861 года

№ 26

На письмо Твое от 22-го августа из Херсона отвечаю: я уже не Кавказский и Черноморский Епископ. 21-го августа получено мною письмо от Синодального Обер-Прокурора следующего

содержания: «По Высочайшему повелению имею честь уведомить Ваше Преосвященство, что всеподданнейшее письмо Ваше от 24-го минувшего июля Его Императорским Величеством принято благосклонно и выраженные в нем желания Ваши удовлетворены. 6-го августа 1861 года». — По частным письмам, Государь сдал письмо мое в Синод 4-го августа; Синод выразил свое согласие на удовлетворение моего желания 5-го.

Такова о мне всемилосердная воля Божия, дающая мне время и удобство к тщательному приготовлению себя к переходу в вечность при посредстве тщательного покаяния. Некоторые полагают, что мне нужно бы было оставаться на поприще служебном, для общественной пользы. На это имеется ответ в Евангелии, которое говорит: *Кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свои отщетит?* Занявшись приобретением души моей для Бога, я могу тем удобнее помогать тем моим ближним, которые имеют намерение приобрести свою душу, будучи неразвлекаем внешними попечениями о церковной администрации, в которую вкралось много нецерковного.

Не будучи уже Епископом Черномории, я не имею права встречать Государя в Екатеринодаре.

В ответ на письмо Твое от 18-го услышь следующие наставления Св. Отцов: «Корабль, доколе находится в море, по необходимости должен подвергаться многообразному влиянию стихий; когда же войдет в пристанище, тогда наслаждается спокойствием, и хозяин корабля производит прибыльнейшую для него куплю. Последнего, то есть спокойствия и выгодной торговли, никак не было, если б не было предпринято многотрудное плавание по морю и если б не преодолены были все препятствия и бедствия». Отнеси это к себе и утверждай себя надеждою на Бога, Которому ты вознамерился послужить и присоединиться. Плыви и переплывай о Господе бурную пучину. Повреждения, которым нельзя не случаться, исправляй покаянием. Веруй и никак не расслабляйся. При этом непременно спасешься. Ибо Бог никак не оставляет того человека, который сам не оставляет Бога, несмотря на встречающиеся преткновения по немощи и повреждению естества грехом. Таковово Бог приведет непременно к спасению. А указывать Богу: так и так меня спаси — невозможно. Потому что спасение, как дар Божий, выше постижения человеческого. Почему желающий спастись должен просить себе спасения у Бога как неизреченной милости Божией, предавая себя вполне воле Божией.

31 августа 1861 года

№ 27

Указа об увольнении меня на покой еще нет, — впрочем, я наготове. Таким образом всесвятая и всеблагая воля Божия о мне определилась. Она доставляет мне возможность быть полезным для себя и для ближних в духовном отношении, в отношении существенно-нужном и полезном. Слава Промыслу и Милосердию Божию! — Как уволенный от управления епархией, я не счел себя вправе выезжать в Екатеринодар.

Относительно преткновений, случающихся христианину, доколе он по неисповедимым судьбам Божиим находится среди мира, было написано следующее мнение Св. Отцов, которое повторить не мешает. Христианин подобен кораблю, а жизнь христианина, посреде человеков и мира подобна плаванию корабля по морю. Корабль, доколе находится в море, подвергается влиянию ветров, течениям, бурным волнам, ударяется о подводные камни, сталкивается с другими кораблями, подвергается многоразличным опасностям, терпит многоразличные повреждения, которые исцеляются покаянием. Когда же он войдет в пристань, тогда бывает вне всякой опасности; хозяин выгружает товары, которыми был наполнен корабль, производит торговлю и наживает большие барыши. Невозможно требовать для корабля, когда он находится в открытом море, того спокойствия, которым он пользуется в пристани; нельзя на открытом море производить торговли имеющимся на корабле товаром. Опять невозможно кораблю войти в тихое пристанище, если он не подвергнется сперва многотрудному плаванию в открытом море. Точно так и человеку, доколе он находится среди человеков, невозможно не подвергаться многоразличным напастям, возникающим из мира и из собственного падения, доколе Бог не приведет его в тихое пристанище. Бог ведает, сколько человека должно продержать среди волн и бурь житейского моря и когда ввести его в тихое пристанище, не развлекаемое волнами, для покаяния. Но обильный плод, собираемый в уединении, есть последствие многотрудного пребывания между человеками. Второе есть основание для первого, и первое не может состояться, если ему не предшествует второе. Почему все, желающие непогрешительно спастись, должны предать себя с полною верой Всесвятой воле Божией и молить Бога, чтоб даровал им спасение, ибо спасение не есть человеческое начинание или человеческое дело, но дело Божие и дар Божий человеку.

4 сентября 1861 года

№ 28

Слава Богу за все! Слава Богу, дарующему провести остаток дней вне развлечения тому человеку, который имеет крайнюю и существенную нужду принести покаяние в согрешениях, соделанных при развлечении.

Я мирен к действиям Московского Митрополита и других, ибо они совершаются не без попущения Божия, а Бог приводит человека к духовным целям такими путями, которые по наружности имеют характер неприятностей и несчастий. Слава Премудрости Всеблагого Бога нашего.

11 сентября 1861 года

№ 29

11-го вечером получил Синодский указ о предоставлении мне в управление Бабаевского монастыря на правах епархиального Архиерея с 1000 руб. сер<ебром> пенсии. Остается благодарить и славословить Бога, дарующего мне положение, какого лучше желать нельзя. Полагаю выехать 15-го. Синод не дал ни прогонов, ни подъемных. Из Тифлиса также нет ничего.

[1861]

№ 30

По милости Божией, я прибыл благополучно 30-го сентября вечером в Москву: остановился у Пр<еосвященного> Викария[1], коим, равно как и Митрополитом, принят был очень ласково. Если они и действовали против меня, то делали это в омрачении и увлечении, а не по злонамеренности, так как искушение, изгнавшее меня из епархии, было устроено демонами, по попущению Бога, Который допустил и демонов, и действовавших под их влиянием людей действовать против меня, но тем содействовать исполнению воли Божией о мне, благоволившей даровать мне время на покаяние прежде кончины моей. Препод<обный> Марк Подвижник сказал: «пришедшу искушению, не ищи как и от кого оно пришло, а ищи того, чтоб перенести его с благодарением». Воспрещенное преп. Марком разбирательство приводит только душу в смущение и способствует насеяться в ней семенам ненависти и памятозлобия к ближним; а благодарение Бога за посланное искушение вводит душу в пристанище веры, мирит с ближними и служит причиною духовной радости. При таком взгляде на действия враждебных людей я привлекаю в душу свою мир.

Алешу я нашел в самом удовлетворительном положении. Он вступает на истинный путь и начинает понимать монашество, как оно есть. В этом вижу неизреченное благословение Божие и благоволение к тебе и к Алеше. Все недоумения, посеянные врагом между им и тобою, рассеялись сами собой по милости и мановению Божию. Тебе остается утешаться и благодарить Бога; на основании полученных духовных благодеяний надеяться, что и впредь эти благодеяния будут изливаться, вместе с тем бодрствовать и трезвиться, чтоб даемыя благодеяния не были исхищены из самых рук наших невидимыми и недремлющими врагами. Спасайся!

Недостойный Е<пископ> Игнатий.

5 октября 1861 года

[1] *Преосвященный Леонид (Краснопевков)* — о нем см.: Т. 1. С. 80–108.

№ 31

Письмо твое из Курска получил. Алексей поживает благополучно; приметно поправляется в здоровье; занимается монашескою жизнию со вниманием и усердием. Бог да благословит это милое дитя!

Особенная милость Божия привела меня в тихое пристанище. Кто желает служить Богу, тот должен молить Бога, чтобы Бог принял такое его намерение и устроил для него исшествие из мира. В твоих глазах устроилось мое исшествие. Когда же представится удобство, то и самому не должно предаваться двоедушию. Час единонадесятый! Поприще покаяния в непродолжительном времени может быть закрыто смертью. Заглядываться на стороны некогда.

25 ноября 1861 года

№ 32

Письмо твое от 26-го ноября получил. Живем благополучно; я в немощи очень отягощаюсь недостаточным теплом в помещении, а Алексей Петрович очень поправился здоровьем, приучается к истинной духовной жизни.

Все помещение требует значительной переправки. В моих келлиях комнатная температура с трудом возвышается до 12°.

Спасение есть дар Божий. Кто хочет получить спасение, тот должен молить Бога, чтобы Он даровал ему Свой дар.

Бабаевский монастырь очень уединен, особливо зимой, а потому здесь ощутительно действуют бесовские брани; но Бог — Царь мира и Вседержитель, почему для предавшегося Богу бесовские брани не страшны, а способствуют преуспеянию.

9 декабря 1861 года

№ 33

Поздравляю тебя с праздниками и Новым годом. Милость Божия да покроет тебя. Желающий спастись должен предаться воле Божией и молить Бога, чтоб Бог *сказал*, т.е. указал ему путь спасения. Человеку неизвестно, что предназначено ему Промыслом Божиим. Особливо в наше время всеобщего колебания всякое положение делается неверным и непрочным, если Бог Своею всесильною Десницей не упрочит его и не сделает верным.

25 декабря 1861 года

№ 34

Письмо твое от 17-го декабря я получил 3-го января. Да устроит Тебя Господь по Своей всесвятой воле и по Своей неизреченной милости. Положись на Бога. Если пришло время Твоему увольнению, то уволят; если же оставят, то будь мирен и старайся жить в угождении Богу, удаляясь от греха, особенно смертного. Богу мы не говорим: так и так спаси меня, но говорим: *«Имиже веси судьбами спаси мя»*. Спасение — дар Божий, а не человеческое изобретение. Если есть воля Божия на то, чтоб тебя уволили, то все обстоятельства будут спопешествовать увольнению. В твоих глазах совершилось случившееся надо мною: выхватило вдруг из одного положения как бы вихрем и поставило в другое. Но и это другое положение еще не может быть признано основательным по неосновательности обстоятельств: нужно некоторое время, чтоб оно обозначилось определеннее.

Алексей очень поправился и уже с румянцем на щеках.

Желательно, чтоб Тебе дали обещанную пенсию: твои годы идут к старости, и недостаточность содержания очень стеснит, а достаточное — доставит удобства, которые можно назвать необходимыми. Деньги Алексея Петровича должно оставить неприкосновенными, ибо такова его мысль, и противное ей распоряжение может очень смутить его. Мысль основательная при наступающих обстоятельствах! Может быть, придется юноше оканчивать монашескую жизнь вне монастыря. Из выходящих

в свет сочинений видно, что все образованное общество во всех сословиях приняло направление, долженствующее иметь соответствующие себе результаты. Хлеб повсеместно дорожает; по сильной убавке посевов надо ожидать значительной дороговизны его и при хороших урожаях. Безденежье — повсеместное! Впрочем, вести из столиц доходят сюда труднее, нежели на Кавказ; часто приходят сюда очень искаженными. Бабаевский монастырь — как отдельный мир! Такое достоинство его доставляется ему его необыкновенным уединением.

7 января 1862 года

№ 35

Бог да устроит тебя по Своей святой воле! Земная жизнь ничего не значит перед вечною. Первая дана единственно для приготовления ко второй. Не должно терять времени, иначе неприметным образом подкрадется смерть и восхитит на суд Божий неприготовленными. Впрочем, повторяю: положиться надо на волю Божию. Ныне не поймешь и не предусмотришь, что надо делать и как должно поступить. *Не веси что породит настоящий день*[1], говорит Священное Писание. При нынешнем направлении умов неизвестно, долго ли подержатся монастыри и насколько благонадежен приют в них. По этой причине я смотрю с соболезнованием на Алексея! Мы стары, отживаем век наш, а он начинает жить. Надо молить Бога, чтоб Он совершил над нами Свою святую волю, а не упорствовать в последовании своей, хотя она и благонамеренна.

Сюда назначили г. Щапова[2], для вразумления его. Какая поздняя мера! Когда сочинения его разошлись по России, были читаны, а вероятно, и теперь читаются большинством с восторгом и увлечением; когда Щапов дело свое вполне совершил — тогда и присылают его в монастырь. Монастырь для лица, если к нему есть милость Божия, может быть полезен; но это лицо уже чуждо своему делу, получившему собственные и значение и самостоятельность. Оба воспитанника Кавказской Семинарии, посланные при мне в Казанскую Академию, замешаны в деле. Это — жертвы; жрецы в стороне. Всякий пустяк, который ныне выходит печатно, пропитан революционным духом. Направление сделалось всеобщим. Вопрос крестьянский сделался вопросом всероссийским. Умаление средств у помещиков отозвалось на благосостоянии купечества; возвышение цены на хлеб и про-

чие жизненные припасы, цены, постоянно возвышающиеся и долженствующие возвышаться, отзываются на положении всех городских жителей. Крестьяне заражаются самым буйным духом, который распространяют в них разные неблагонамеренные извне и из среды их.

Будь здоров и благополучен. Милость Божия да хранит Тебя. Храни и храни Твою душу среди общего нравственного потопа.

15 января 1862 года

[1] Притч. 3. 28.
[2] О нем см.: ПСТ. Т. 2. С. 451 и далее.

№ 36

Тобою с Твоей стороны сделано все, остальное да устроит Милосердый Господь по Своей Святой Воле. *Дние лукавы суть*[1], говорит Священное Писание. Неприметным образом утекают один за другим. Ныне век идет быстро; кажется, с осени, с моего приезда сюда, пошел еще быстрее; осенние события дали большой толчок, сделали значительный переворот. Игнатьев, Путятин заменены людьми иного направления. Направление старое уступает место направлению новому; новое еще не определено. Не знаешь, что делать и как быть. О ходе болезни князя Барятинского положительно ничего не слышно; слышно только, что он неисцелимо болен. Как все в жизни превратно! Того и смотри, что он, или кто подобный, и подобные ему сойдут со сцены. — Цены на хлеб возрастают. В Питере купцы, торгующие предметами роскоши и удобства, не знают, что и делать: покупателей нет. Предметы необходимой потребности идут, но цены на все очень высоки. Рабочие руки вздорожали. Великое дело освобождения крестьян сопряжено с значительными трудностями, для преодоления которых, во-первых, нужна особенная помощь Божия, а потом — самая мудрая, недремлющая человеческая деятельность. Тебе, как губернатору, нужны эти сведения к соображению.

Я никуда не выхожу: очень плох здоровьем. С этим состоянием я свыкся, а потому оно и не представляется мне очень тяжелым.

Так как очевидно, что хлеб будет более и более возвышаться в цене, то хочу усилить монастырское хлебопашество. Что Бог даст: все неверно; всякое положение неверно: ничего серьезного, требующего для исполнения времени, предпринять нельзя. —

Надо подумать об Алексее. Мы стары, отживаем: он дитя, лишь вступает в жизнь.

22 января 1862 года

[1] Еф. 5. 16.

№ 37

Вижу, что рука Божия тебя выводит из Кавказа. Николай Николаевич написал тебе под влиянием современных обстоятельств, которые, со времени его письма, далеко подвинулись вперед. О перемене власти на Кавказе ничего не слышно; но перемена непременно должна последовать, как логичное последствие прочих перемен. О новостях Петербургских ничего не пишу. Ход непрестанно ускоряется и принимает характер решительный. Едва начатое можно считать оконченным. Лица прежнего направления почти все сошли с служебного поприща, они заменяются людьми нового направления, молодыми, способными к их делу, полными энергии, действующими единодушно. Вероятно, и добрый знакомый наш, Неверов, пойдет в ход. Настало трудное время!

№ 38

На этой почте получил отношение из Кабинета о выдаче мне в пенсию 3000 р<ублей> сер<ебром> из Ярославского казначейства. Мне бы желалось из этих денег дать что-нибудь в монастырь, но и на устройство приюта с мебелью нужно больше этой суммы. — Я не выхожу из комнаты и при строжайшей диете чувствую необыкновенное умножение крови.

Здешнее уединение очень утешительно: оно производит спасительное влияние на душу, изглаждая мало-помалу воспоминания мирские. Что Богу угодно, то и будет с нами в нынешний трудный век!

17 февраля 1862 года

№ 39

Благодарю за поздравление с днем рождения во временную жизнь. Точно; поздравлять не с чем! Неизвестно, чего причиною послужит это рождение: вечной ли радости или вечного горя. Когда душа, миновав, по милости Божией, бесовские мытарства, вступит в небо, тогда встречают ее небожители с любовью и радостью, приносят ей поздравление. Вот поздравление правильное, безошибочное.

Алексей Петрович сделал большую ошибку; не понимает положения: дитя. Он еще не развился. Милое, доброе дитя, овечка. Дела идут чрезвычайно быстро. С того времени, как ты был здесь, протекло как бы десять лет. Мое положение мудреное. Но у Бога и мудреное не мудрено. Молись, Батюшка, о мне Богу, чтоб Он сподобил меня вести себя как подобает рабу Христову и не попустил увлечься внушениями сатаны. Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим.

20 февраля 1862 года

№ 40

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Если последует на то Божие соизволение, то некоторый Богомолец имеет желание поступить в Баб<аевский> монастырь для сожительства со мною и приготовления себя к переходу в вечность, к каковому переходу и я призываюсь непрестанно возрастающими и умножающимися немощами моими.

Святые Отцы утверждают, что всякому желающему вступить в монастырь надо избрать образ жизни, который соответствовал бы его духовной цели и вел к ней. Рассуждая о положении, которое приличествовало бы наиболее упомянутому Богомольцу, я признаю наилучшим для него вступить в отношения к монастырю монастырского ктитора. Оставаясь в светском звании и одежде, он может постоянно жить в монастыре: делая посильный произвольный денежный вклад, заведуя сельским хозяйством монастыря, которое непременно должно улучшиться, заведуя постройками, занимаясь хождением по делам монастыря в столицах и соседних городах; ктитор будет иметь характер благотворителя пред монастырским братством и вообще пред духовенством. Такое наружное положение соответствует и душевной потребности вновь вступившего в монастырь и нуждающегося в вещественных занятиях. Переход от светского развлечения к нерушимому глубокому безмолвию должен быть постепенен. После занятий, сопряженных с некоторым общеполезным и полезным для монастыря и братства трудом, Бог устроит положение очень спокойное, основанное на предшествовавших трудах, сопряженных с развлечением. Этот общий порядок указывают святые Отцы при обыкновенном ходе дел. Но при общественных переворотах и злоключениях бывает иначе, и никак нельзя предугадать, что последует, чем и как кончится земное странствование.

Мы должны исполнить свое и предоставить Богу приводить в исполнение недоведомые судьбы Его. Смотря на настоящее благоденствие и всеобщее спокойствие, представляются баснoподобными бедствия от Батыя или литовцев. Однако ж они были; наступили, когда их вовсе не ждали, застали народ неприготовленным к ним. Кажется, бедствия от литовцев были тяжелее, нежели от Батыя. Этот прошел по России скоротечною бурею, истребляя почти одни города, а литовцы гнездились долгое время, губя и города, и села. В Череменецком монастыре С.-Петерб<ургской> Епархии сохранилось сведение, что они перерезали все братство этого монастыря. Так поступали они с весьма многими монастырями. Кончина, представляющаяся по наружности несчастною, может быть в сущности самой блаженною. Конечно, в эти тяжкие времена многие из православных увенчались венцом.

Алексей Петрович сегодня приобщался Святых Таин. После приобщения лицо его получило необыкновенно приятное выражение. О. Феофан свидетельствует, что у него самое мягкое сердце. Положение ктитора и для Алексея Петровича будет весьма полезно, кто знает, долго ли я потянусь. Очень истощен! В случае моей кончины все о Господе братство понуждается в защитнике с значительным весом.

Будь здрав и благополучен. Благословение Божие да почиет над тобою. Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

24 февраля 1862 года

№ 41

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Письмо Твое от 14-го февраля я получил сего 10-го марта. Так как ответ этот должен придти к тебе около 23-го марта, то и поздравляю Тебя с днем рождения, усердно желая, чтобы день вступления в бытие был для тебя истинно счастливым днем, как залог блаженства. Новоявленный угодник Божий Тихон говорил о своем времени, что оно очень трудно для спасающихся по умножившемуся числу людей противного направления; что же сказать теперь? Да совершается воля Всесвятого Бога, как в действиях Его, так и в попущениях Его.

Деньги за панагию 3125 р<ублей> сер<ебром> я получил 4-го марта. 1000 отдал в монастырь, а остальные храню до твое-

го приезда или до определенности Твоего положения, какое получится им направление. Положись на волю Божию. Ты сделал свое. Мы не знаем будущего; судим сообразно своей недальновидности, а потому в решении дел должны полагаться на Бога, Который все предусматривает и нередко не дает нам того, что мы признаем за необходимое для нас добро и что, будучи само по себе точно добрым, нам не дается, потому что для нас оно может иметь другие последствия. Предавайся воле Божией и будь мирен.

Алексей Петрович принимал некоторое время в самом малом количестве salfur, отчего золотуха начала высыпать наружу, на лицо и голову. Это хорошо. Думает продолжать употребление полезного лекарства. Вообще гомеопатия действует здесь с отличным успехом. — Особенных новостей здесь нет. Назначен новый Обер-прокурор в Синод, Ахматов, бывший Харьковский военный губернатор; Толстой — в Государственный Совет. В конце февраля получил уведомление, что г. Щапов прощен Государем Императором и в Бабаевский монастырь не прибудет.

Будь здоров и благополучен. Обильное благословение Божие да почиет над тобою. Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.
10 марта 1862 года

P.S. Я писал в С.-Петербург к Сергиевскому Архимандриту[1], чтоб он поторопил Горностаева относительно высылки планов Моздокской церкви.

[1] *Сергиевскому архимандриту* — Игнатию (Малышеву).

№ 42

Всего более озабочивает меня Алексей. Дитя! Он желал быть постриженным в рясофор, но я отложил до твоего приезда. Время трудное! Далее еще труднее! Он этого не видит и никак не подозревает, что при действиях для настоящего надо очень серьезно думать о будущем. В нравственном отношении он утешает. Имеет очень мягкое сердце.

Милосердый Господь да дарует тебе окончить твои дела благополучно. У тебя ничего нет в сем мире. Один сын! И тот в обители.

18 марта 1862 года

№ 43

Новые молодые министры подвизаются с деятельностью, и, вероятно, успех увенчает их работу. В Синоде новый Обер-прокурор Ахматов, хороший знакомый Андрея Муравьева, который писал ко мне, выражая желание, чтобы я вступил снова, по поправлении моего здоровья, в общественное служение. Я отвечал решительным отказом, но по способности обстоятельств к переворотам, ничего впредь не узнаешь, а потому загадывать ничего нельзя. Также ничего настоящего нельзя признавать за верное.

Милосердый Господь да устроит Твои обстоятельства по Своей Всесвятой воле и Своей великой милости. Неизреченная милость Божия, когда Бог призовет кого во время сей жизни к покаянию и к тщательному приготовлению к вечности.

25 марта 1862 года

№ 44

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Письмо Твое от 15-го марта я получил сейчас и спешу отвечать: потому что Николай мой завтра едет в Ярославль по последнейшему и уже очень трудному зимнему пути; затем надо ожидать распутицы, при которой недели с две не будет сообщения между монастырем и соседними ему губернскими городами.

С сердечным участием услышал я весть о кончине Александры Ивановны Марковой, к которой я очень расположился. Потрудись передать Сергею Александровичу мое благословение и усердный поклон. Бог, по неизследимым судьбам Своим, попустивший ему тяжелую скорбь, силен послать и духовное утешение. Во временных скорбях часто приносит его, особливо при смерти близких, мысль о своей собственной смерти.

О предсмертных явлениях не полезно любопытствовать. Если б Богу было угодно показать что-нибудь с ясностью, то оно и было бы так показано. Все человеки, без исключения, вступают смертью в мир духов. Иным этот мир открывается раньше, другим позже. В Петербурге одна светская дама, в бытность мою настоятелем Сергиевой пустыни, три дня была истязуема в услышание всех присутствующих. Путей Божиих не понять. Иногда дается чудо самым неверующим и ожесточенным людям, и они остаются в своем неверии и ожесточении. Судя по тому,

что Ты пишешь, надо понимать, что почившая имела перед смертью видение. То же можно заключать относительно покойного о. Александра — Андрюши, скончавшегося при мне; я во время его кончины сидел у его кровати. Неясное, как я сказал, лучше оставлять без истолкования, потому что попытка к истолкованию может быть душевредна, может послужить поводом к неприметному увлечению себя в обман, к получению настроения, способного к обману себя.

Очень жаль князя Барятинского как человека. Вот один из печальных образцов земного счастья. Как все здешнее суетно, превратно, непрочно, ничтожно! Князь — посреди счастья — несчастливец, посреди наслаждений — страдалец. Все блестящие земные положения изменчивостью своею подобны его положению, с тою ничтожной разницей, что одни положения скорее рушатся, а другие не так скоро. В сравнении же с вечностью и скорое и нескорое земное одинаково скоры.

Мы поживаем благополучно. Давно никакие известия из шумного света не приходили в нашу тихую обитель. Здоровье мое как будто получше. Гомеопатия начала действовать на меня благотворно после кровопускания, которое было не что иное, как последствие лечения водами. Однако говорят мои спутники, что я очень изменился в лице. Предаюсь воле и милости Божией.

Благословение Божие да почиет над Тобою

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

30 марта 1862 года

№ 45

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Приношу Тебе искреннейшую благодарность за поздравление с Праздником Праздников в письме Твоем с 11-го по 12-е апреля. Может быть, этот ответ мой найдет Тебя еще в Ставрополе, и потому не останавливаюсь писать.

Святые Отцы уподобляют жизнь христианина плаванию корабля в море, а удаление в уединение вступлению корабля в пристань. Доколе ты в море, говорит святой Варсонофий, жди ветров и бурь; редко бывает там тишина или вполне попутный ветер. Следовательно, нельзя и не должно требовать от сердца постоянного пребывания в святых ощущениях: и то хорошо, что

эти ощущения даются хоть на некоторое время, оставляя потом сведение в душе о своем существовании.

В делах Твоих положись на волю Божию. Нам обоим уже недолго странствовать на земле. Моли Бога, чтоб даровал остаток земной жизни провести в покаянии; это великий дар Божий, дар вечный, как имеющий решительное влияние на нашу судьбу в вечности. Св. Тихон Воронежский перед кончиною своею особенно благодарил Бога за то, что ему дан был этот дар. Точно: при кончине именно окажется вся драгоценность этого дара. Так мы рассуждаем и так должны молиться. Но, говорит святой Исаак Сирский, если ты помолишься Богу о чем-либо и Он медлит дарованием просимого, то ты не скорби; ты не премудрее Бога. Это случается по разным причинам, непостижимым для ограниченного человека. А потому вполне справедливо при самых благих желаниях и начинаниях предавать себя воле Божией.

Мы поживаем благополучно. Кажется, гомеопатия начинает помогать мне. Ее действие можно уподобить действию долота и резчика, для которых нужно предварительное действие топора и других грубых инструментов, действию которых уподобляю действие на меня кавказских вод. — Алексей Петрович растет. Справедливо Твое замечание, что к нему особенная милость Божия, приведшая его в монастырь в самое трудное время жизни в нравственном отношении. Особливо здешний монастырь драгоценен по уединению своему от предметов соблазна; к тому же юноша вступил в близкое и частое сношение с духовником своим, о. Феофаном, который и утешает его и побранивает: то и другое благотворно. Невозможно требовать с Алексея, чтоб он понимал современность, но моя обязанность, в особенности Твоя: предохранить его от пропасти, в которую он легко может вринуться по слепоте своей. Милосердый Господь, начавший устроять путь его, да устроит и до конца.

Михаил Чихачев, пишут мне, начинает терять здоровье, разваливается. На все свое время. Все мы — гости на земле.

Благословение и милость Божии да почиют над Тобою.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

26 апреля 1862 года

№ 46

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Письмо твое от 22-го апреля получено мною 7-го мая. Отвечаю, полагая, что ответ мой может еще застать тебя в Ставрополе.

Благо, что Ты сделал относительно себя все то, что зависело от тебя, остальное возлагаешь на Господа Бога. Приходящее Тебе страхование приходит с левой стороны. Докажется это тем, что оно отойдет от помыслов веры, когда возложишься на Бога, в воле Которого и жизнь наша и смерть. Умереть каждому из нас непременно надо. Благовременное приготовление к смерти есть драгоценный дар Божий, и потому невидимые враги наши усиливаются похитить его у нас. Милосердый Господь да упразднит их, послав нам правильный взгляд на временную и вечную жизнь, чтоб мы, для снискания блаженства во второй, должным образом употребили первую, которая сама по себе, как быстропреходящая, не имела бы никакого значения, если б не решала нашей вечной участи. Святителя Тихона, когда он оставил Епархию и поместился в монастырь, лукавые помыслы в течение года выманивали из монастыря, представляя ему, что он может быть полезен среди мира. Когда Святой понял, что это кознь вражеская, покушающаяся под благовидным предлогом похитить у него данное Богом время на покаяние, тогда он успокоился и обратил все внимание на то, чтоб воспользоваться даром Божиим.

Когда сии строки были написаны 8-го мая вечером, то во время благовеста ко всенощному бдению (9-го храмовый Праздник монастыря) я получил письмо твое от 25-го апреля через Александру Ивановну Самарину и спешу ответить на него, чтоб сегодня же письмо мое могло быть отправлено в Ярославль с тем лицом, которое доставило мне Твое письмо.

Непременно дождись отставки. Вера должна быть соединена с благоразумием, которое признается величайшей христианской добродетелью. Не требуй от себя праведности и не смущайся возникающими греховными помыслами и ощущениями: в противном случае вся деятельность Твоя примет фальшивое направление. Надо противиться греху и не увлекаться им. Действуй благоразумно и осмотрительно. Сам видишь, что вообще дела принимают запутанный характер. *Блюдите, как опасно ходите*[1], —

говорит Священное Писание. Милосердый Господь да вразумит и благословит тебя.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.
9 мая 1862 года

[1] Еф. 5. 15.

№ 47

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Письма Твои от 4-го и 9-го мая я получил 20-го, в день Ангела Алексея Петровича. На вопрос главный Твой и на прочие второстепенные вопросы я отвечал Тебе. Спасибо доброму совету из Тифлиса: он гласит также, что надо ожидать решения, т.е. отставки. Дела вообще таковы, что надо действовать ради Бога, руководствуясь Богом данными законом и разумом, остальное все возлагая на Бога: ибо никакой нет возможности признавать какое-либо благоразумнейшее соображение верным, так все шатко. Здесь носятся слухи, которые должно считать правдоподобными, что Государь Император по внушению Ангельского своего сердца хочет по случаю наступающего тысячелетия России даровать подданным своим очень многое. Вслед за решением крестьянского вопроса должно последовать решение другого или других вопросов, не менее важных, а каких — не знаю, да и не любопытствую знать, будучи занят своею болезненностию по преимуществу. Известно же, что вслед за вопросами передовыми всегда стоят или возникают вопросы им последующие, о существовании которых часто не предполагается, между тем как они важностью своею покрывают отцов и матерей своих. Так, когда выводят фундамент, то работа кажется куда какою огромною; но когда построится здание, то фундамент совершенно делается невидным. Неизвестно, что из всего этого выйдет; всячески надо ожидать больших реформ. Милость Божия да покроет Россию!

Кажется, я писал Тебе, что не должно преступать воли Божией своею волею, а сделав с своей стороны должное, остальное представлять Богу.

Благодарю Бога за устройство Кавказской кафедры, в чем Ты принял значительное участие и за что благословение Божие да почиет над Тобою. Не оставь без внимания дела дома Архиерейского с Крупенским.

Мое здоровье как будто поправляется от гомеопатии, действующей особенно хорошо после вод; это действие мелких долот после топора. Потрудись передать всем моим добрым знакомым мой усерднейший поклон, а Голоушевым — сердечную радость о выздоровлении главы семейства. С особенною благодарностью вспоминаю о их расположении ко мне.

Твое чадо и прочие братия усерднейше тебе кланяются.

Тебе преданнейший друг и брат

Епископ Игнатий.

21 мая 1862 года

№ 48

В «Слове о различных отношениях естества человеческого к добру и злу» описано с подробностью, как в человеке, начинающем истинно богоугодную жизнь, начинают возникать различные греховные помыслы, через что фактически обнаруживается перед ним состояние падения, в котором находится все человечество. Такое воззрение на себя приводит к истинному покаянию. Следовательно, нисколько не должно смущаться от возникающих во множестве помыслов. Это облако пыли, нанесенное ветром. Ветер с другой стороны унесет его.

27 мая 1862 года

№ 49

Милосердый Господь устроит Твой путь и доставит Тебе спасение, имиже весть судьбами Своими. Повторяю изречение Исаака Сирского: «Если молишься Богу о чем-либо и Он медлит услышать Тебя, не скорби об этом; ты не умнее Бога. Делается же это так по премудрейшему Промышлению Божию, непостижимому человеческим разумом». А тому, что Бог любит нас несравненно более, нежели сколько мы любим и можем любить себя, надо веровать несомненно. «Все, — заключает Святой суждение свое об этом предмете, — удобно достигаемое и утрачивается скоро. Все же обретенное с болезнью сердца хранится тщательно».

Да совершается над всеми все благоугодное Богу, все попускаемое Богом, а нам надо внимать себе и не заглядываться на стороны, ибо переселение наше в вечность приблизилось. Нечего засматриваться на гостиницу — землю и на совершающееся в ней.

5 июня 1862 года

№ 50

Благословен Бог, освободивший Тебя от уз мира и дарующий Тебе возможность приготовиться покаянием к переходу в вечность. Бабаевский монастырь есть весьма удобное место для такой жизни, с такой целью, с целью приготовления себя в вечность. Монастырь очень уединен, не только зимой, но и летом. В бытность Твою в Москве Тебе не мешает побывать у Митрополита и у Викария и принять благословение их, как у Святителей.

14 июня 1862 года

№ 51[1]

Ваше Превосходительство,
Любезнейший Братец,
Петр Александрович!

Видя себя пришедшим в крайнее изнеможение и болезненность, знаменующие приближение общего всем человекам переселения из гостиницы — земли в вечность, покорнейше прошу Вас принять на себя, в случае моей кончины, распоряжение всем моим, впрочем весьма небольшим, имуществом, согласно прилагаемой при сем копии с предложения моего Костромской Духовной Консистории и **согласно словесно сделанному мною Вам завещанию**. Получив от Вас значительное денежное пособие во время нахождения моего на Кавказской Кафедре, я прошу Вас принять те вещи, какие найдете нужными и полезными для себя и для сына Вашего, Алексея Петровича, в Вашу и его собственность; другие отдать настоятелю и раздать братиям, преимущественно же тем из них, которые послужили мне лично. Главные предметы имущества моего состоят из: 1) Библиотеки, 2) Белья, шуб и разного платья, из которого цветные и бархатные рясы предназначены мною для ризницы Бабаевского Монастыря, 3) Экипажей: доршеза, кареты и зимнего возка. — Сочинения мои, остающиеся в рукописях, передаю сполна в Ваши собственность и распоряжение.

Вам известен мой образ мыслей: почему понятно для Вас и то желание мое, чтоб оставшееся после меня имущество, как приобретенное при убогом служении моем Церкви, а не от родственников, поступило в пользу Церкви, ее служителей и нашей братии. Я убежден, что Вы исполните отчетливее и лучше мое желание, нежели как исполнил бы его я сам, и потому останав-

ливаюсь от всякого мелочного распоряжения, могущего неожиданно затруднить Вас в Вашем действовании.

Милосердый Господь, по единой милости Своей, да отверзет мне врата милосердия Своего, да примет в них сиротствующую и нищую душу мою из среды многомятежного мира сего, да упокоит ее во Царствии Своем. В свою чреду, которая непременно наступает для каждого земного странника, воззваны будете и Вы предстать Богу. От всея души желаю, чтоб это воззвание было услышано Вами с радостию, как призвание к радости вечной, не наветуемой и не пресекаемой уже никакою скорбию.

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга и брат

Епископ Игнатий.
июля 9-го дня, 1862 года

[1] Завещание святителя Игнатия.

На подлинном завещании Епископа Игнатия имеются следующие надписи:

1) «Что сие письмо написано и подписано рукою Его Преосвященства Епископа Игнатия, в том удостоверяю. Костромской губернский прокурор Коллежский Советник и Кавалер Петр Николаев Кащиев. Что сие письмо написано и подписано рукою Его Преосвященства Епископа Игнатия, в том удостоверяю — Советник Костромского губернского Правления Надворный советник Александр Васильев Попов. В том же удостоверяю Председатель Костромской гражданской Палаты Коллежский Асессор Петр Иванов Коровин.

2) «По указу Его Императорского Величества учинена сия надпись в том, что настоящее домашнее духовное завещание, по смерти завещателя Преосвященного Епископа Игнатия, последовавшей 30-го апреля сего 1867 года, к явке в Костромскую Палату Гражданского Суда представлено 12-го мая сего же года при прошении родного брата завещателя, Действительного Статского Советника Петра Александровича Брянчанинова. Гражданская Палата по отобрании от подписавшихся под завещанием лиц установленных допросов, постановлением, состоявшимся 20 сего июля, заключила: усматривая, что домашнее духовное завещание Преосвященного Епископа Игнатия в форме своей составлено согласно 1014, 1046, 1050, 1051 и 1054 ст. I ч. X т., к явке представлено в установленной 1060 и 1063 ст. срок, подлинность

его удостоверена законным числом свидетелей и спора на завещание ни от кого не объявлено, Гражданская Палата, не входя, за силою 1042 ст. I ч. X т., в рассмотрение законности содержащихся в завещании распоряжений, определяет: подлинность сего завещания засвидетельствовать со внесением в крепостную книгу и о том учинить на завещании установленную 917 ст. I ч. X т. надпись, выдать оное предъявителю Действительному Статскому Советнику Петру Александровичу Брянчанинову, при чем взыскать с него за акт 3 р<убля>, гербовые пошлины за употребленную по этому делу вместо гербовой простую, пять листов, бумагу — 2 р<убля> и за лист, следующий для написания завещания, по цене имения 700 р<ублей> и по количеству не полученной завещателем пенсии 250, итого девятьсот пятидесяти рублей, — 3 р<убля> 50 к<опеек>, а всего восемь рублей 50 к<опеек>, крепостных же пошлин с цены завещанного имения, на основании 372 ст. т. V Уст. о пошлине и 376 ст. того же тома и устава по продолжению 1864 года, не взыскивать, так как имение переходит к родному брату завещателя с выдачею из оного некоторых вещей братии Николаевского Бабаевского монастыря. О записке денег 8 р<ублей> 50 к<опеек> в приход приходорасходчику дать указ. Вследствие чего означенные пошлины 8 р<ублей> 50 к<опеек> взысканы и в приход записаны, а сие домашнее духовное завещание, по записке подлинником в крепостную книгу под № 35-м, выдано Действительному Статскому Советнику Петру Александровичу Брянчанинову с распискою в той книге июля 25 дня 1867 года.

За председателя товарищ его Н. Френев, секретарь Николай Баскаков, И. д. Столоначальника Ремщов. Печать Костромской Гражданской Палаты».

№ 52

Милосердый Господь да благословит твое путешествие и да дарует из духовной сокровищницы Своей разум и премудрость совершить все по Его воле, во славу Его святого имени и к пользе душ наших.

Когда я жил в Сергиевой пустыни, тогда не благоволили, чтоб мои сочинения были издаваемы печатно, имея на то свои причины. Может быть, эти причины существуют и доселе. Что ж касается до меня, я никак не ищу напечатания моих сочинений, никак не признаю их достойными напечатания или способными к назиданию христианского общества. Следовательно, если встре-

тится препятствие к напечатанию, то не усиливайся, чтоб напечатали. Сначала мне не указывали прямо: на отказ употребляем был свой прием. Именно: так перемарывали рукопись и так изменяли сочинение, что рукопись делалась никуда не годною, а сочинение делалось чуждым мне и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешищем публики. Впоследствии один цензор был столько добр, что сказал о существовании тайного приказания относительно моих сочинений, после чего я не стал беспокоить цензуру представлением туда трудов моих[1]. И теперь буду вполне мирен, если откажут в напечатании. Вообще, писания людей, проводивших аскетическую жизнь, гораздо удобнее печатать по смерти их. Итак, если предварительно изъявят согласие, то пусть напечатаются те сочинения, которые я назначил к напечатанию. Если ж увидишь сомнения и колебания, то это — верный признак нежелания. Никак не попусти, батюшка мой, измарать рукопись «Поучений». Она у нас одна, и может быть полезною для келейного нашего употребления. Бог да устроит лучше! Может быть, отказ в напечатании послужит мне же, и вообще нам, к добру: охранит от многих неприятностей, которые могут возникнуть из самого напечатания, по духу времени и по множеству недоброжелателей. Наш век очень мудр и требует особенной мудрости в поведении.

Впрочем, да дарует Тебе Господь поступить с мудростию. По мнению моему, должно охранять с величайшим тщанием наше положение, нам устроенное и даруемое Самим Богом для нашего приготовления к переходу в вечность, к граням которой мы оба приблизились, особливо приблизился я.

30 сентября 1862 года

[1] Не знаю, о ком хотел сказать Пр<еосвященный> Игнатий, не назвав цензора, передавшего ему тайное распоряжение, но знаю верно, что Варшавский Архиепископ Иоанникий, бывший некогда также цензором, то же самое передавал С.-Петербургской купеческой жене Татьяне Семеновне Митрополовой (Никифоровой). — *Примеч. П.А. Брянчанинова.*

№ 53

Мое здоровье как и было. То поотдаст, то опять так прижмет, что поневоле начнешь думать о смерти. В моей спальне повесили густые ситцевые занавеси, отчего эта келлия приняла характер затворнический. Никогда помещением своим я не был так доволен! Иногда взглянешь на мои две комнатки —

и они представляются как бы раем. Вообще положение мое на Бабайках самое соответствующее состоянию моего здоровья и душевному настроению, а потому и самое удовлетворительное. Заметно, что оно становится лучше и лучше! Это заставляет предполагать, что мы будем очень спокойны, когда пообживемся да устроимся, — когда опасающиеся нас убедятся, что нечего опасаться.

14 октября 1862 года

№ 54

Во-первых, милость и благословение Божие да покроют нас и да даруют Тебе устроить все по святой воле Божией к нашему спасению и спокойствию; к спасению и спокойствию сожительствующим нам отцам и братиям. О сочинениях моих. Не без Промысла Божия устраивается напечатание их, доселе встречавшее затруднения. Недавно мы говорили с о. Иустином, что древние отеческие книги для монахов никак не могут быть применены вполне к современному русскому монашеству. Наиболее применимая книга — это преп. Нила Сорского, но и та написана именно для безмолвников. Что ж я увидел недавно, пересматривая написанное мною для переписки о. Моисеем. Увидел, что мои грешные сочинения содержат в себе приспособление учения преп. Нила к современному монашеству, а именно «Аскетические Опыты» могут удовлетворить этой цели. Их и переписывает о. Моисей.

Сердечно радуюсь, что ты сошелся с П. И. Соломоном[1]. Лично я его не знаю, но с Евдокией Ст. и А. В. нахожусь в лучших отношениях. Вероятно, я знаком с супругою Соломона, но не помню ее и не знаю имени; напиши мне его. Не подивись приему Ахматова: люди, хорошо знающие свет, обыкновенно недоверчивы, и это очень умно; а кто доверчив, того горькие опыты выучат быть недоверчивым. Наши нужды очень мелочны. О них не стоит беспокоить Обер-Прокурора. Если будет внимателен к ним Петр Иванович — этого предовольно. Очень буду рад лично познакомиться с П. И. и его семейством, если они посетят Бабаевский монастырь, который по направлению братства и по уставу очень похож на Оптину. Монастырь здешний менее посещаем, и братство проще.

Об о. Иустине и старшей братии. Совет Петра Ивановича считаю очень основательным, а потому и не буду делать иного представления. Надо дать время, чтоб в нас всмотрелись и в нас

удостоверились. Св. Тихон Воронежский пишет в келейных письмах, что люди судят по себе. Ты думаешь, нас не подозревают в какой-либо земной цели те, которые кроме земной цели иной не имеют? Подозревают, знай наверное.

Милостыню подавай понемногу, лишь бы не огорчить просящих отказом. Относительно себя, благодушествуй. Преподобный Варсонофий Великий писал Пр<еподобному> Иоанну, который прежде вступления в безмолвие должен был похлопотать и потрудиться для устройства обители, для чего и ездил из Палестины в Египет: «Не унывай в скорбях и трудах телесных, которые несешь, трудясь ради нас и ради нашего общежития, ибо и это также значит положить душу свою за братий. Надеюсь, что велика будет награда за труд сей» (Ответ 9-й). На настоящем Твоем развлечении основано Твое будущее — прочность Твоего спокойствия.

18 октября 1862 года

[1] *Соломон Петр Иванович* — статский советник, Директор канцелярии Святейшего Синода.

№ 55

Сегодня получил письмо Твое от 20-го. Сон Твой прими, как напоминание о смерти, не приписывая ему ничего особенного и не отвергая его: так завещают святые Отцы. На Валааме иеросхимонаху Клеопе явился наяву Ангел и объявил ему, чтоб он приготовлялся к смерти, что иеросхимонах и исполнил, но скончался через девять лет. *У Бога день один, яко тысяща лет, и тысяща лет, яко день один*[1], — сказал Апостол.

25 октября 1862 года

[1] 2 Пет. 3. 8.

№ 56

Справедливо и весьма справедливо говоришь, что равнодушие, выказываемое нам, может обратиться к особенной пользе нашей — доставить нам, как забытым и устранившимся от общества, спокойно окончить остаток земного странствования нашего в приготовлении к будущей жизни. Выраженное участие могло бы притягивать нас к миру. Прекращение сношений с П. П. также может обратиться к умножению спокойствия, преградив возможность рассуждать с ним о положении Церкви, о которой печется Всемогущий Господь, которою Он невидимо управляет, попущая

то, что Ему благоугодно попущать. Святые Отцы не велят безмолвствующим вдаваться и в благую, по-видимому, заботу о Церкви, так как они на это не призваны, а внимать себе.

28 октября 1862 года

№ 57

Сердечно буду рад, если всех сочинений моих будет издателем В. И. Аскоченский[1], и прошу его об этом. Да и в самом деле он — двигатель этого дела! Я вполне уважаю то самоотвержение, с которым он действует. Нападки прогрессистов, которым он подвергается, в глазах моих суть величайшие похвалы для него, так, как нападки бесов на угодников Божиих.

Очень был бы я рад, если б известное Тебе предположение мое оказалось несправедливым! Я так напуган, столько видел злонамеренности, что почти потерял веру в существование благонамеренности. Вчера получил письмо от Угрешского Архимандрита Пимена; пишет, что его покровитель Пр<еосвященный> Леонид беседует с митрополитом о предоставлении мне епархии, что до них дошли слухи о впадении моем в уныние и проч. Я отвечал, что настоящим моим положением я вполне доволен и что болезненность моя делает для меня невозможным исправление служебной обязанности.

Посылка из Петербурга получена. Спаси Господи за труды Твои. Вообще, как полагаю, поездка твоя уясняет, определяет наше положение. Доставя спокойствие и пособие всему обществу, сам непременно ощутишь спокойствие, даже увидишь, что духовное занятие пойдет успешнее.

В<иктор> И<патьевич>, как издатель, может разослать и все мои сочинения от себя. Отсюда рассылать очень неудобно.

8 ноября 1862 года

[1] *Аскоченский Виктор Ипатьевич* (1813–1879) — редактор-издатель журнала «Домашняя беседа».

№ 58

Весьма благодарен Тебе, что Ты дал всем правильное понятие о моем положении. Надеюсь, что и Петр Иванович [Соломон] убедится, что для меня общественное служение невозможно и что можно быть полезным христианскому обществу из уединения, если в уединение человек призван Богом. «Опыты» никогда не вышли бы такими, какими оказываются ныне,

если б не были плодом уединения. Современная потребность «Опытов» будет ясно усмотрена всеми, понимающими практическую христианскую, особливо иноческую жизнь.

С особенным участием прочитал я известие о кончине А. А. Сухарева и об опасной болезни князя Барятинского. В тот путь, в который один ушел, а другой собирается, подобает непременно в свое время, назначенное Богом, отправиться всем нам. При виде приходящей смерти теряют всякое значение все земные приобретения.

20 ноября 1862 года

№ 59

Начало письма моего будет ответ на конец Твоего, от 8-го ноября. Невозможно среди молвы удерживать свое настроение в одинаковом положении, как это возможно в уединении. Впрочем, и в уединении случаются уклонения, производимые страстями падшего естества, которые не могут не проявлять своего присутствия в человеке. На эти изменения должно смотреть благоразумно, как бы на перемены погоды, по сравнению, сделанному Пр<еподобным> Макарием Великим, и не оставаться долго в увлечении, скорее выходить из него.

Потрудись передать П. В., что я хотя и не знаком с нею лично, но по духу весьма знаком и очень радуюсь ее знакомству с Оптинскими старцами. Судьбы Божии — непостижимы, но по человеческому суждению нельзя довольно не пожалеть о кончине о. Макария Оптинского. Этот человек был неоцененное сокровище для христиан, живущих среди мира. Он был приготовлен и предназначен для того служения, которое проходил. Простота и свобода в обращении, любовь и смирение врожденные, образование себя чтением Отеческих книг, повиновение искусным старцам дали ему возможность рано сделаться духовником и наставником, а долговременный опыт усовершил его в этом служении. Совет его А. В.[1] был бы существенно полезным. Мой путь был совсем другой: я был часто и подолгу болен, подолгу не выходил из своей келлии, терпел много неприятностей. Все это отделяло меня от общества человеческого и сосредоточивало в себе. Такое душевное положение лишило меня знания человеков. Чем далее иду путем жизни, тем более удаляется от меня это знание, потому что иду очень одиноко. Тебе известно, что и монах тогда только может взойти в сношение со мною, когда очень, очень приглядится ко мне. Странное

дело! Когда мое самовоззрение увидят написанным, тогда оно нравится. Почему? Потому что привлекает также к самовоззрению. Полагаю, что о. Антоний Бочков может быть гораздо удовлетворительнее меня: он гораздо знакомее меня с человеками. Если же А. В. угодно будет что написать мне через П. В., то я сочту обязанностью своею отвечать тем же путем, что Богу угодно будет даровать в ответ.

Репный сок очень сильно гонит мокроты золотушные и ревматические. Советы с врачами отлагаю до весны. Хотел бы не лечиться вовсе — отвлекает от духовного делания.

21 ноября 1862 года

[1] *Александра Васильевна Жандр* — племянница святителя Игнатия.

№ 60

Сегодня кончено перепискою «Слово о страхе Божием и о любви Божией». Выправка дает статьям, написанным в разные времена и давно и очень давно, характер зрелости и характер целого. Как в настоящий труд я взошел не самопроизвольно, а как-то введен стечением обстоятельств, при том вижу, что выходит что-то особенное, то и позволяю себе полагать, что совершающееся совершается не без Промысла Божия. Когда возвратишься сюда и займешься чтением того, что переписано, сам увидишь значение, которое получают «Опыты». Составление их не отношу к себе, а к милости Божией, во-первых, ко мне, а во-вторых, к ближним моим. Открытая жизнь моя в Петербурге, в которой наружным блеском прикрывалось страдание, соблазняла многих и еще теперь многих удерживает в соблазне: «Опыты» могут значительно соблазнившихся уврачевать, а с меня снять грех, хотя отчасти, соблазна ближних моих. Притом эта книга может быть очень полезною, как я тебе писал, для всех иноков, даже мирян, которые желают быть христианами на самом деле, практически. Как книга ни скудна в сравнении с творениями Духоносных Мужей, но она из них заимствована, а это слабое заимствование куплено мною ценою жизни.

Св. Иоанн Дамаскин, когда возвратился старцем на жительство в обитель Препод<обного> Саввы, где он и начал свое монашество, то занялся пересмотром и исправлением своих сочинений. Блаженный Августин в старости составил отдельную книгу, которую назвал «Retractiones». В ней он изложил те изменения, которые признавал нужными в своих сочинениях, так как самых сочинений, уже

распространившихся по всему свету, по сей причине исправлять было невозможно. Прочитывая теперь сочинения, написанные мною, тогда как мне было сорок лет, нахожу много незрелого, недостаточно понятного, а потому недостаточно объясненного.

22 ноября 1862 года

№ 61

Напечатание «Слов» состоялось по особенному Промыслу Божию. Этим же Промыслом Божиим могут охраниться книги от злонамеренных замыслов.

Смущения твои возложи на Бога, Который предвозвестил, что соблазнам подобает придти. Нам надо внимать себе, своему спасению, и знать, что предречение Святого Писания о всеобщем отступлении от православной веры должно совершиться в свое время.

3 ноября 1863 года

№ 62

Монах Авель, предсказавший взятие Москвы французами, говорил, что наступит время, когда монахов сгонят в несколько монастырей, а прочие монастыри уничтожат. Надо понимать дух времени и не увлекаться прежними понятиями и впечатлениями, которых в настоящее время осуществить невозможно. Важность — в христианстве, а не в монашестве; монашество в той степени важно, в какой оно приводит к совершенному христианству. И самые церковные бедствия без попущения Божия совершаться не могут.

«Аскетические Опыты» и «Аскетическая Проповедь» должны составить чтение крайне полезное для современных истинных христиан, крайне нужное для них по духу и настроению современным. Надо каяться, молиться и охраняться от прелести, потому что в настоящее время большая часть желающих благочестно жить и мнящих о себе, что они живут благочестно, разгорячены вещественным разгорячением и находятся в большем или меньшем самообольщении.

17 ноября 1863 года

№ 63

Все мы под Промыслом Божиим. Устройство внешних дел в настоящее время приготовит спокойствие к тому времени, когда

спокойствие внешнее будет нужно по причине приобретенного внутреннего спокойствия. Теперь Тебе нужно изучить в себе падение человека. «Отдай долг страстям», — сказал св. Исаак Сирский. Я во внешних делах мало знаю толку, и ум мой, будучи с юности направлен к самовоззрению, мало способен к удовлетворительному обзору внешней, временной, земной обстановки человека.

Слышу, что писания мои, заимствованные из изучения Отцов, встретили нарекания и некоторые гонения: это благой признак. Бог праведен и возмеряет в меру, в которой человек возмерил своим ближним. За насыщение душ духовною пищею твоя душа будет насыщена ею. Это не мое слово, это слово Евангелия. Лишь бы дело делано было не для человекоугодия и не для тщеславия, а во славу Божию и в пользу христианства. Много многие соблазнялись: пусть уврачуются, по милости Божией, назидательным словом во спасение свое и мое.

Тебе с сыном остается благодарить Бога и хранить дарованное вам Богом стремление ко спасению яко вся земная мимо идут, а приобретенное во времени вечное спасение сопутствует человеку в область загробную и вводит его в небо.

Так назрело в монастырях внутреннее расстройство, что ему необходимо разразиться самыми ужасными приключениями. Общее нравственное расстройство и утрата веры предсказаны в Священном Писании: нам надо внимать себе.

Какие времена! Не к кому обратиться с доверенностью. Милость Божия привела нас в уединеннейший уголок, и притом когда я уже потерял всю надежду видеть на земле живой Сосуд Святаго Духа, открыла такой Сосуд и ввела в ближайшее общение с Ним.

27 ноября 1863 года

№ 64

Господь не оставляет тех, которые предают себя в служение Ему: попуская им разлиться скорби для их обучения и воспитания, Он держит их в деснице Своей, храня, яко зеницу ока. По временам приходят брани: да кому же они не приходят? Они необходимы для духовного преуспеяния.

Плотские чувства, истекающие из плотского родства, препятствуют усвоению чувств духовных и самой деятельности по закону духовному, требующему распятия для плотского мудрования. Духовного преуспеяния Тебе надо искать в отсечении Твоей воли.

Это дело умерщвляет страсти, и изводит, как из ада, из плотского мудрования. В отсекающем свою волю действие молитвы является само собою при упражнении во внимательной молитве с заключением ума в слова молитвы. Если предварительно не очистится человек отсечением воли, то истинного молитвенного действия в нем никогда не откроется. Когда же откроется молитвенное действие, тогда сделается ясным, что оно — не что иное, как полное отвержение своей воли ради воли Божией.

22 декабря 1863 года

№ 65

Сейчас должна быть у меня всенощная. В эти часы, в 1827 году, я прибыл в Александро-Свирский монастырь на жительство, прямо из офицерского мундира.

24 декабря 1863 года

№ 66

В разговоре о монашестве то место, которое изменено при напечатании в «Домашней Беседе», я вовсе выкинул, заменив десять страниц двумя, благочестиво и назидательно (в частном смысле), отказавшись от суждения о приведении монастырей в порядок, хотя недавно, в сочинениях преподобного Антония Великого, прочитал именно такое предсказание о монастырях и о причине их упадка, какое было написано мною. Не хочу, чтоб от меня выходило подло-уклончивое и колеблющееся свидетельство об истине. Не желают слушать? Так лучше молчать. Возгласят события. Заразительная смертоносная болезнь, когда ее не лечат правильно, а только прикрывают, — усиливается и усиливается. Должна ж она и разразиться. «Опыты» доказали это.

Темное и отвлеченное понятие о духах, заимствованное у западных схоластиков, равновесно совершенному отвержению их и может решительно сбивать с толку истинных подвижников, как это делают многие новейшие сочинения, написанные из одного знания по букве, по наружности своей принадлежащие Православной Церкви, но по духу более или менее отделившиеся от нее. Цель Матвеевского [критик «Слова о Смерти»] и партии его состояла и состоит в том, чтоб отвлечь читателей от сочинений определенно-православных, а для достижения цели нужно было закидать сочинения грязью. Этим я не смущаюсь, напротив того, ободряюсь и утешаюсь. Наругания служат очищением для меня. Притом из Церковной Истории

видно, что лица и писания точно — церковные были встречаемы и преследуемы ненавистью сынов мира. Но сила Божия являлась из немощи человеческой, и тогда гонимые и угнетаемые одерживали победу над сильными гонителями своими в результате борьбы.

Монастырская жизнь открывает человеку его немощи. Св. Исаак Сирский сказал о себе, что он получил в этой жизни бесчисленные уязвления от врага. Не кто иной — Бог попускает врагу ударять нас для нашего смирения. Будь мирен и спокоен, хранясь от поползновений *и не требуя от себя непоползновенности.*

27 декабря 1863 года

№ 67

Говорил я Тебе о необходимости отсекать волю Твою. Это относится именно к молитвенному подвигу. Ты должен отречься сам в себе от всякого сознания в достоинстве и преуспеянии и в нищете духа (что и есть отсечение воли), во внимании словам и страхе Божием предстоять мысленно Богу, вопиять о помиловании и всего ожидать от милости Божией. Он сотворит с нами по воле Своей и по милости Своей: тогда ясно будет, что дарованное Богом совсем иное, нежели что предполагал получить человек. Для не отрекшихся от своей воли опасна прелесть. Говорю существенно нужное для тебя.

Кому поддержать Церковь? Для этого нужны люди благодатные, а плотское мудрование способно только повреждать и разрушить, хотя оно в гордости и слепоте своей мечтает и провозглашает о созидании.

4 января 1864 года

№ 68

Сочинения принадлежат не мне, а милости Божией, которая захотела ими вознаградить мое убогое произволение, данное ею же, и те лютые скорби и гонения, которые мне были попущены и от которых Господь избавил меня, выведя из житейского моря в пристанище уединения.

«Странник», журнал вредный для духовенства, как отделяющий его от народа в касту и не только не укрощающий, но и разжигающий ненависть касты к прочим сословиям. Для овец оружие волков неестественно. Овцы покоряли волков любовию и кротостию, а если в дело пошли зубы, то овцам не устоять,

особливо при нынешнем охлаждении мирян к религии, а паче к духовенству.

Об епархии думать мне невозможно по расстроенному моему здоровью и по отдельному, отдельному совершенно характеру моему от всех архиереев. Они — воспитанники Академий, а я — воспитанник монастыря, следовательно, персона решительно отсталая, нисколько не подходящая к целому составу. Настоящее мое положение — самое нормальное.

8 января 1864 года

№ 69

Напечатание моих сочинений, очевидно, дело Промысла. И я, и ты, и о. Фотий, и В. И. Аскоченский, и Глазунов, и София Ивановна — орудия. Всем дано дело в общую пользу, а следовательно и в свою.

Изучающие христианство по букве и утратившие деятельное изучение его, имеют одно учение для себя, а другое для других.

10 января 1864 года

№ 70

При молитве нужно отрицаться от себя, т. е. не признавать себя достойными какого-либо преуспеяния, а заботиться о том, чтоб молитва была совершаема со вниманием. Впоследствии увидишь, что все Твои стремления к преуспеянию были не что иное, как увлечения — по причине вещественного разгорячения, без чего невозможно обойтись всякому, вновь начинающему молитвенный подвиг, в котором сосредоточиваются и для которого предпринимаются, как служебные ему, все другие подвиги. С разгорячением всегда соединено самомнение. От самоотвержения, которое выше объяснено, является истинное смирение духа, нищеты духа, а такое смирение привлекает к человеку милость Божию.

Когда человек сподобится ощутить что-либо духовное, т. е. ощущение от Бога, тогда он поймет, что все собственные душевные ощущения ничтожны, сопряжены с самообольщением. К земле обетованной надобно пройти чрез пустыню. Идя по этой пустыне, надо знать, что она — пустыня, а не земля обетованная, чтоб не принять какого-либо оазиса пустынного с роскошною и богатою природою за землю обетованную и по этой причине не лишиться земли обетованной. Оазисы суть те утешения и особенно ясные

самовоззрения, которые даются по временам новоначальному в подвиге молитвы. На них не должно обращать особенного внимания. Первый духовный дар есть благодарное внимание при молитве, какового при одном собственном усилии невозможно иметь.

11 января 1864 года

№ 71

Когда старые люди с растраченным здоровьем, оставя направление, которого держались век свой, усиливаются идти наряду с молодыми, то положение их делается странным. Только мешают!

Добрые дела сопряжены с трудом и скорбями. «Добродетель, — сказал некоторый отец, — не сопровождаемая скорбью, не есть добродетель».

16 января 1864 года

№ 72

Очень согласен я напечатать «Взгляд» в «Домашней Беседе», равно и «Дополнительные цитаты к Слову о Смерти о местонахождении рая и ада». Эти статьи могут служить материалом или справкою для тех, которые захотят заняться составлением систематического сочинения по сему предмету. Так оглашено Богослужебными книгами и вообще Церковными, издаваемыми по определению или одобрению Святейшего Синода, что возглашением против этого учения, сделанным священником Матвеевским, возбуждено негодование многих православных, о чем писали мне многие, предлагая подать свой голос. При этом делаемы были вопросы: чему нам прикажут верить, когда велят отвергать то, чему мы научаемся веровать из Богослужения нашего и при чтении книг святых отцов Православной Церкви. В Питере пятьдесят священников соблазнились на «Отзыв» в минуту разгорячения, а в России всё читающее Православие соблазнилось на возглашение священника, соблазнилось как на содержание его, так и на образ изложения.

Пастырям Петербургским надо быть подальновиднее, понимать, что переходное состояние для всех переходное, и не отталкивать от себя паствы, из которой верхний слой склоняется более, нежели к индифферентизму, а нижний — к отпадению в раскол. И первые, и вторые подчиняются неблагоприятному

на них влиянию по той причине, что не видят веры и плодов ее там, где должно видеть их. Что же еще, когда и голос раздается против Церкви? Я знаю Петербургское духовенство. Очень добрые люди, и сердятся на меня не в первый раз. Могу к ним относиться как к знакомым, почему прошу Виктора Ипатьевича передать им сообщаемые здесь сведения. Право, осмотрительность и благоразумие нужны. Увлечение может очень повредить. Напечатанное в «Домашней Беседе», что некий мусьё обещал сынку своему ребенку, что ко времени его вступления в супружество попов не будет, произносится многими мусьё.

Потрудись передать от меня Виктору Ипатьевичу, что он подвижник, как единственный современный голос, противящийся реформационному в деле веры и Церкви началу и за это подвергающийся скорбям и поношениям, которые поставляют его на почетное и высокое место в глазах Православных. Это не мой отзыв исключительно: это общий отзыв. Добродетель, сказали Отцы, не искушенная напастью, не есть добродетель.

Смотря на происходящее в мире, смотря на назначение тех или других лиц на те или другие места, положимся, батюшка, на Бога и возблагоговеем пред самыми попущениями Его. Он промышляет о всех. Например, взгляни на себя: хлопоты Твои о духовных книгах сколько раскрыли Тебе глаза! А это необходимо в основание жительства духовного. Слепой праведник тотчас в яму ввалится. Ты сам можешь уже понимать, как слепота и неправильность взглядов вредны. Все дело портят.

1 февраля 1864 года

№ 73

Посылаю «Взгляд» и дополнительные цитаты к «Слову о Смерти». Они составляют собою материал для разработки вопроса без всякой полемики. В сущности, материал этот таков, что он заградит уста, отверзающиеся против прямого и открытого учения Церкви. Из «Взгляда» видно, что все понятия заимствованы рецензентом из западного учения, противного учению Восточной Церкви.

3 февраля 1864 года

№ 74

Памфлет Матвеевского (этой ругательной и злобной рецензии, иначе назвать нельзя) напечатан беспрепятственно, несмотря на то, что в нем отвергается учение, преподаваемое в Православном

Богословии, общепринятом в духовных учебных заведениях по определению Святейшего Синода. «Отзыв» на этот памфлет также напечатан во успокоение остающихся чад Православной Церкви. Если напечатаются «Цитаты» и «Взгляд», то для успокоения чад Церкви более ничего и не надо. Возгласы священников, если и будут напечатаны, не будут иметь никакого значения для чад Церкви, кроме того значения, что эти священники отступили от учения Церкви. Полемику с нашей стороны можно будет признать конченною. Если духовное начальство захочет принять меры к прекращению соблазна, то это его добрая воля. Соблазн истекает из действий «Странника», но нам никак входить в это дело не должно. Вероятно, если что и сделают, то сделают под рукою. Напечатание же «Цитат» и «Взгляда» для всех будет полезно, потому что редко кто знает, что в Богослужебных книгах наших выражается с такою определенностию местонахождение рая и ада. Стихиры и тропари, в которых излагается это учение, читаются наиболее наскоро и без внимания, а потому остаются непримеченными большинством даже священнослужителей. Из дела скорбного и неприятного может, по милости Божией, выйти дело общеполезное.

Об «Отзыве», сделай милость, никому, никому из духовных не говори: это их только обеспокоит и нам принесет непременно вред. Как будто ничего не было. Делу не должно давать вида серьезного. Прочитают «Цитаты» и «Взгляд» и сами поймут, что неловко им выставить себя перед публикою отступниками от Церкви. Таким образом дело затихнет и на будущее время будут осторожнее из опасения «Отзыва». Я их знаю: самые добрые люди.

5 февраля 1864 года[1]

[1] Писано в ответ на предложение действовать против распространения злоучения рецензии Матвеевского чрез высшее духовное начальство. — *Примеч. П.А. Брянчанинова.*

№ 75

На монастыри плоха надежда: они внутри выпрели и уничтожились, их еще поддерживает рука Божия ради нескольких благонамеренных иноков, как обетовано было Богом пощадить Содом и Гоморру, если б нашлись в них десять праведных людей. Иеромонах И. в Семинарии был недавно на большом обеде, и когда начался разговор о монашестве, то, сказывают, он подал голос и витийствовал, что надо бы уничтожить это бесполезное

сословие тунеядцев. Также некоторый архимандрит, высоко стоящий в епархии, говорил о себе, что он непременно оставил бы монашество, если б не затрудняли его постановления для оставляющих оное. Не все так откровенны, но большинство так думает, т. е. большинство настоятелей, преимущественно из духовного звания. Многие монастыри из пристанищ для нравственности и благочестия обратились в пропасти безнравственности и нечестия: самому твердому характеру не устоять. По этой причине нужна молитва, усердная молитва к Богу, чтобы Он наставил Алексея на путь Свой по Своей святой воле. Мнение разгоряченное слепцов, которые все видят в цветущем виде, не должно иметь никакого веса.

Все дела, которые делаются ради Бога, сопряжены со скорбями. Святые Отцы признают добродетель, не сопряженную со скорбию, отверженною Богом. На впечатлении, производимом в душе добрыми делами, сопряженными со скорбями, зиждется истинная молитва.

Писания Отеческие были запечатлены скорбями написавших оныя Отцов. Преподобному Максиму отрубили кисти рук за его сочинения против монофелитов. Итак, не дивись нашим малым скорбям и не унывай от них, паче же смотри на них как на свидетельство милости Божией.

7 февраля 1864 года

№ 76

Монастырь принес Алексею несомненную пользу, дал ему благочестивое направление, которое обыкновенно остается на всю жизнь, иногда засыпает на время, но потом снова пробуждается.

Нисколько не смутись выходом Алексея из монастыря. Насильственному и фальшивому его положению в монастыре непременно должен был последовать какой-либо исход. Слава Богу, что исход устраивается разумный, а не комический или трагический. Я принадлежу к ревностнейшим монахам и признаю монашество учреждением Божественным. Что ж делать, когда человеки переделали его по своему плотскому мудрованию в карикатуру и истинное монашество захотели заменить в глазах человеческих актерством, мысль о Боге и Его вездесущии и совершенстве, обозревающих все и глубины сердца, оставив в стороне и забытии.

Положимся на Бога, Который предвозвестил, что придут соблазны и отступления. Когда таково попущение Божие, то нам нечего говорить и не подобает смущаться. Пусть все делается так, как попускает всему делаться Бог. Мы должны благоговеть пред судьбами Его.

10 февраля 1864 года

№ 77

Не смущайся по причине этого скорбного обстоятельства, но со смирением, без порывов, изливай твою печаль пред Богом, моли Бога, чтоб Он покрыл сына Твоего милостью Своею, и предай его воле Божией, а сам позаботься о спасении души Твоей; это нужно тем более, что уже немного времени остается Тебе для земного странствования и для приготовления себя к вечности. Переживаем трудное время в духовном отношении! За сто лет до нас св. Тихон говорил: «Ныне почти нет истинного благочестия, а одно лицемерство». Пороки зреют от времени. Ныне лицемерство достигло до неимоверной наглости и бесстыдства. Опытность духовная дорого дается. Лучше выйти из монастыря и проводить в мире жизнь, соответствующую своему расположению, нежели, живя в монастыре с враждебным к нему чувством, проводить жизнь, нисколько не сообразную с монашескими правилами, чего неминуемым последствием обыкновенно бывает самый ужасный разврат.

14 февраля 1864 года

№ 78

Слава Богу за все! Да совершается Его Всесвятая воля над нами, а нам да даруется благоговение и покорность, которые мы обязаны иметь к судьбам Божиим. Не смущайся совершающимся, но положись на Бога о сыне Твоем, нуждающемся в особенной милости Божией. Я продолжаю беседовать с ним за послеобеденным чаем: целию моею при этих беседах — желание доставить ему правильное направление при вступлении его в новую жизнь и укрепить в нем веру, к которой начало раскрываться сердце его и которой он прежде не понимал. Вместе с тем советую Алексею принести раскаяние пред Богом, чтоб получить от Бога прощение и привлечь на последующую жизнь свою Божие благословение. Я говорю с любовию, даже с веселостию, хотя и положительно: он выслушивает со вниманием и, может быть, с душевною пользою.

Святый Иов сказал, что вся земная жизнь человека сплошное искушение. Когда так определено Богом, то мы должны с покорностию переносить скорби от постигающих нас искушений и вразумляться ими для дальнейшей нашей деятельности. Преподобный Нил Сорский говорит: «Мнозем ненавидимо велие сие еже по Бозе своея воли отсечение, но кийждо ныне свое лихоимствует оправдание». — О таковых в «Божественной Лествице» речеся: «Лучше есть отгнати от Обители, нежели оставить послушника свою волю творити: отгнавый бо множицею отгнаннаго смиреннейша сотвори, и свою прочее научи отсекати волю», а кто под видом человеколюбия снисходит к таковым, то их доводит до того, что они во время исхода ужасно проклинают его. В этой же статье преподобный Нил говорит, что непременно подобает монашествующему жить по преданию святых Отцов: хотя мы и не можем сравниться с Отцами, но непременно должны жительствовать в их направлении и стяжать с ними единение в духе.

Святые Отцы смотрели на жительство отца с сыном в монастыре следующим образом: «Преподобный Мукий пожелал поместиться с осьмилетним сыном своим в некотором епископском общежитии, коего игумен был муж благодатный. Он уразумел, что к Мукию есть особенная милость Божия, и принял обоих, отца и сына. По принятии они были разъединены, и, чтобы ввести Мукия в опытное познание самоотвержения, сын его подвергнут был и постоянно подвергаем разным скорбям, особенно тогда, когда он находился в глазах отца. Мукий пребыл твердым, при помощи того старца, которому он был вручен, и начал ощущать по причине самоотвержения своего духовное преуспеяние. Игумен, прозрев это, восхотел возвести его в более трудный подвиг. Однажды, представясь рассерженным на сына, он приказывал отцу кинуть его в реку. Отец немедленно исполнил это, но у самого берега удержан был братиями, которые предварительно были тут посажены. В то же время последовало игумену Божественное Откровение о Мукии, и когда игумен кончался, то он ни кого иного, а Мукия назначил своим преемником, как достигшего высшей степени самоотвержения, послушания и веры». Эту повесть передает преподобный Кассиан в общее назидание монашествующим. Чтоб действовать точно так, надо иметь благодать св. Игумена с одной стороны и силу произволения Мукия с другой, но действовать в этом духе — необходимо. Противное этому действие признается в духовном отношении

прелюбодеянием и сопричисляется к действиям во спасение души в веце сем для погубления ее в вечности, в противность заповеди Спасителя, Который повелел погублять душу свою в веце сем для спасения ее в вечности. Таково плотское милосердие, упоминаемое преподобным Нилом: это то милосердие слепое, которое губит и себя, и того, о ком оно милосердствует. Пишу это, чтобы ты уразумел кознь вражескую. Монастырская жизнь — дело мудреное: на ней враг старается уловить и повредить подвижника своими непотребными правдами. Познается же действие вражеское по отъятию у сердца спокойствия и по состоянию недоумения, в которое приводится человек. *Трезвитеся, бодрствуйте*, — говорит Святой Апостол Петр, — *зане супостат ваш диавол яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*[1]. Диавол действует именно против желающих спастись, а не против преданных греху и суете, яко самоуловленных. Бог же попускает все это для нашего смирения, чтобы мы видели, как легко бываем поруганы невидимым врагом и как удобна для него погибель наша по причине нашего скудоумия и нетвердости в вере: тогда Господь изъемлет нас Промыслом Своим и являет тем неизреченную Свою любовь и милость к нам, а сеть врага расторгается, как бы паутинная. Это все ясно видно из бывшего искушения.

Ты видишь теперь, как важно для спасения направление, доставляемое изучением святых Отцов, как оно редко и как доселе сильно и непреоборимо, Ты видишь, как козни демонские тонки, как они опутывают человека неприметно для него; Ты видишь, как современные люди плутоваты, как легко спасающийся (который по свойству жительства своего обыкновенно стяжевает простоту сердца) может быть обманутым. Горе единому, говорили святые Отцы, брат же от брата укрепляем, яко град утвержден. Молю милосердого Господа, чтоб Он благословил намерение твое и мое не разлучаться нам до смерти. О. Иустин есть единственное лицо, вступившее со мною в единение по духу, имеющее самоотвержение и способное носить немощи ближних. Он понимает Тебя с совершенною правильностию и видит Твою способность к самоотвержению. Это человек, которому после меня наиболее свойственно быть близким к Тебе. О<тец>... слабого характера и побежден глубоко прелестью, которую захватили в Никифоровской, ища наслаждения прежде покаяния. Он расстроил этим дух свой, скривил ум, а самомнением и гордостью прелесть в нем поддерживается.

У нас в России люди более православны по чувству сердца, нежели по умственному убеждению.

20 февраля 1864 года

[1] 1 Пет. 5. 8.

№ 79

Первое слово этого письма об Алексее. Он продолжает беседовать со мною на послеобеденном чае. Сознание, в какой бы степени оно ни было, вывело его из фальшивого, напряженного состояния в более правильное, а потому и более спокойное. Совет мой, что нужно принести Богу покаяние в драматическом вступлении в монастырь и в драматическом пребывании в монастыре для отвращения гнева Божия и для привлечения благословения Божия на последующую жизнь, он принял и занят этим в настоящее время с очевидною пользою для себя. Слава Богу!

Что касается до меня, то я гляжу на попущенное искушение как на свое, по выражению святых Отцов, т.е. как на такое, которое было необходимо для душевной пользы моей, и потому именно было попущено Промыслом Божиим. По этой причине ни на кого никакой претензии не имею, тем паче на Алексея, а забота моя сосредоточена на том, чтоб плод искушения был обращен в пользу как его, так и всех тех, которых искушение касалось. О. Иустин, единодушно со мною, находится в таком же настроении, как и я. Относительно Алексея сущность дела состоит в том, чтоб жительство его в монастыре оставило на нем благое впечатление. Это должно иметь влияние на всю жизнь его, на его веру, на его спасение. Сообщая это Тебе, желаю, чтоб и Ты вступил в одно настроение со мною, т.е. сознал, что искушение было нужным для Тебя, что оно очень полезно Тебе, как открывшее Тебе глаза на людей и на современное религиозное направление. Затем, поведение Твое относительно Алексея должно быть благоразумным и Богоугодным. Без первого не может быть второе. Необходимо оставить плотскую нежность, как средство обольщения, а действовать по правилам любви, заповеданной Словом Божиим. Прошедшее надо оставить, не входя подробно в тонкие расспросы и вопросы, что вовлечет его в ложь и обманы и уничтожит благие плоды, явившиеся в душе от некоторого сознания, к какому он был способен. Способность сознаваться является не вдруг, но от понуждения себя к постоянному сознанию и от навыка. Все нужное должно предоставить Богу, умоляя Его о милости. В этих случаях молитва бывает сильнее собственных действий.

Не скорби, что некоторые из сослуживцев твоих холодны к Тебе. Святитель Тихон написал из своего опыта, что когда человек посвятил себя Богу, тогда знакомые и ближние его становятся вдали от него, и чем он будет более приближаться к Богу, тем они будут более отдаляться. Недолго осталось нам пространствовать на земле! Великая милость, что Он даровал Тебе стремление к Богопознанию и спасению, что едино на потребу и что будет сопутствовать Тебе за гроб.

24 февраля 1864 года

№ 80

Постоянное благоговение пред судьбами Божиими необходимо для правильности духовного жительства. В это благоговение и в покорность Богу должно приводить себя верою. Все совершающееся совершается или по милости Божией, или по попущению Божию, т.е. все совершающееся совершается по судьбам Божиим, непостижимым для человека. Святые три отрока в пещи Вавилонской исповедали Бога, исповедали, что все гражданские и духовные бедствия, попущенные на них, и на Израильский народ, попущены по праведному суду Божию. Такое воззрение привлекает в душу мир, не попускает увлекаться разгорячением, направляет зрение ума к вечности, доставляет терпение в скорбях, которые и представляются кратковременными, ничтожными случайностями и мелочами. Всякий, призванный Богом к спасению, должен благодарить Бога за призвание и стараться воспользоваться им. Слова, сказанные Господом Апостолам Его: *не вы Мене избрасте, но Аз избрах вы*[1], относятся ко всем, призванным во спасение. Поверяю это по своей жизни и по жизни известных мне спасающихся: поверяя, нахожу высказанное мною мнение вполне оправдываемым опытами.

«Отзыв Православного» сделал свое дело и имеет свое значение. Он объяснил православным Церковное Предание, особенно важное для аскетов, а людям противного мнения заградит уста.

Матвеевский, хотя имел намерение подорвать мнение о «Слове» читающей публики, но послужил к оглашению и к усовершенствованию «Слова», которое сверх достоинства аскетического получило достоинство Богословского сочинения, первого по этому предмету на отечественном языке, как говорил это Матвеевский в своей рецензии. Промысл Божий устроил напечатание «Слова о Смерти» и «Опытов» точно так же, как Он устроил

и написание их. Не признаю эти сочинения принадлежащими мне. Они истекли из Отеческих Писаний и из милости Божией, а написать их даровано мне для пользы многих душ, следовательно и для пользы души моей. Также и Тебе даровано в этом деле потрудиться для спасения души Твоей. Сам видишь, какая настает нужда, чтобы деятельное учение Отцов, нравственное предание Церкви, почти совершенно забытое, было напомянуто. Служение Слову Божию всегда было сопряжено со скорбями, как противное духу мира. Но и над попущением скорбей бодрствует Промысл Божий, попускает каждому делателю поскорбеть столько и так, чтоб дело Божие было совершено с великим смирением и очищено было от примеси тщеславия и превозношения.

По особенной милости Божией, Алексей начинает усматривать всю неправильность своего вступления в монастырь и своего поведения в монастыре. Я стараюсь ему помогать в необходимом для него покаянии, выказывая точно так, как тебе написано, фальшивость и мрачность его поступков, чтобы покаяние его было истинным и послужило прочным основанием для предлежащего ему течения по поприщу земной жизни. Отверзши двери в свое сердце для убогих слов моих посредством малейшего сознания, он постепенно переходит к большему сознанию, доставляющему ему спасительное самовоззрение. По причине этого самовоззрения он пришел в правильное душевное настроение, за которое я благодарю Бога. Он понял, что слова мои, несмотря на наружную горесть их, существенно полезны для него. Дело дошло до того, что он просит меня на будущее время не оставлять его, по причине того благодетельного сближения, к которому привела его искренность, что я ему и обещал. Сознание должно храниться в человеке, как величайшее духовное сокровище, как основание всех благ духовных.

Извини, что беспокою тебя заботами по делу о постройке Церкви. Тебе известно, как я не желал затевать в монастыре никакой постройки, но необходимость приводит к попечениям. Живем не так, как бы желалось, но как Бог приводит жить. Он ведает полезнейшее, и настоящее положение должно признавать Его великою милостию.

25 февраля 1864 года

[1] *Не вы Меня избрали, а Я вас избрал* (Ин. 15. 16).

№ 81

Да совершается воля Бога нашего, Управляющего и судьбою обществ, и судьбою каждого человека в частности, и потому слава Богу и в действиях Его, и в попущениях Его!

У петербургских во взгляде их обыкновенно бывает так называемая arriére penseé, дающая взгляду недоверчивость и подозрение, что в известном отношении имеет свое основание. Но от arriére penseé, более терпят благонамеренные люди, всегда имеющие в сердцах простоту и прямоту, как бы они ни были умны и способны для дела, нежели люди неблагонамеренные и своекорыстные, которые обыкновенно бывают хитры, как бы они ни были ограниченны. В этом я убедился долговременными наблюдениями. Следовательно, ежели окажется возможным, постарайся, кому нужно, дать правильный взгляд на мое положение. Я уверен, что многие в Петербурге подозревают во мне искательство и замыслы. Не имея понятия об истинном монашестве, находят монашество там, где одно лицемерство и ханжество и не видят его там, где оно точно есть, или судя по себе, не понимая, что даже может существовать искание вечного. Я уверен, что многие не верят, что я так ужасно болен и истощен, как я точно болен и истощен, сочиняют для меня настроения, сообразно своему настроению и принимают против этих сочиненных ими намерений свои меры. На это я имею доказательство. Нам надо сделать то, что зависит от нас. Затем: да будет воля Божия!

Когда священник Красноцветов издал «Историю Нового Завета», в которой говорилось, что Божия Матерь по Рождении Богочеловека престала быть Девою, и множество подобных хул, то многие из Петербургского духовенства ужасно рассердились на меня за то, что я в Сергиевой пустыни остановил эту книгу и препроводил ее к высшему начальству. Подобное видение в Церковной Истории: духовник Констанция, арианин, постоянно действовал против святого Афанасия, патриарха Александрийского; так и ариане постоянно направляли императрицу Иустину против святого Амвросия Медиоланского. Поборники Церкви всегда были гонимы. Слава Богу!

26–27 февраля 1864 года

№ 82

Пребывание в монастыре без искреннего желания вести жизнь монашескую, и потому устраняя от себя то поведение, которое

требуется правилами святых Отцов, может служить только вредом и поведет насилуемого к такой жизни к самым печальным последствиям.

Назначение архимандрита Иоанна[1] и другие назначения нисколько не заслуживают ни Твоего, ни моего внимания. Это — в характере современных событий, последствия которых ясны. К Иоанну не расположена партия Б-ва; вероятно, она будет интриговать против этого назначения. Равно и воззвание «Русского Вестника» не будет иметь никакого значения; не таков дух времени.

2 марта 1864 года

[1] *Архимандрит Иоанн (Соколов)* — о нем см.: ПСТ. Т. 2. С. 451 и далее.

№ 83

Монашество есть установление Божественное, при посредстве которого христианство достигает своего высшего развития. В числе правил этого Божественного установления имеется и то, чтоб вступали в монашество люди с истинным произволением и подвергали это произволение прежде принятия обетов строгому рассматриванию и испытанию.

Имеющим холодное и колеблющееся произволение строго воспрещено вступление в монашество. Я вижу, как и прежде видел, что Алеша нисколько не был приготовлен к монашеской жизни, что он не мог иметь к ней правильного и основательного произволения, не имея о ней никакого понятия. Что в настоящее время смягчилось его сердце от сознания, и он вследствие такого смягчения располагает последовать моему совету, то такое расположение никак нельзя признать за произволение к монашеству. Оно — только следствие сознания и той доверенности, которая обыкновенно является по всяком, получившем облегчение и успокоение от сознания. Воспользоваться таким временным чувством для склонения к монашеству было бы с моей стороны преступным. Почему я признаю исшествие из монастыря для Алеши необходимостью, по неимению им произволения, а потому и нужных способностей к монашеской жизни, исшествие же, при чувстве сознания всей греховности своего поведения в монастыре, при чувстве раскаяния признаю особенною милостью Божией. Это может служить основанием для Божия благословения на будущую его жизнь. Если ж теперь оставить его в монастыре, то впоследствии, и даже в самом скором

времени, недостаток истинного произволения возбудил бы в нем самое неприятное чувство к монастырю и к тем, которые воспользовались бы безрассудно и в противность святым правилам минутною сердечною мягкостью молодого человека. Затем помещение в Вологде близ людей, которые могут поддержать Алексея, признаю самым лучшим для него.

3 марта 1864 года

№ 84

Алексею необходимы опыты жизни. Опыты всегда имеют свою горесть и свой труд. Но без них человек остается на всю жизнь свою куклою пустою. Опыты при жизни в Вологде будут наилегчайшие. Там нет таких бурь и пропастей, какие в шумном свете. Надо, чтоб мы поступили по воле Божией, а не по чувствам обманчивой и пагубной нежности: остальное Бог устроит судьбами Своими. Выход Алексея из искушения устроился милостью Божиею к пользе души его, приведши его к сознанию и к плодам сознания, что все доселе было незнакомо ему. После сознания, поступив по совету моему, он ощутил особенное облегчение. Это признак действия истины. Ты хорошо сделаешь, не позволив себе подробных расспросов, потому что святые Отцы воспрещают их делать прикоснувшемуся спасительного сознания. Очевидно: от стеснительных расспросов человек, лишь сознавшийся и сознавшийся с большою экономией, может перейти опять от сознания к запирательству и обманам, причем все благое действие, произведенное сознанием, изгладится из души. Непременно надо, чтоб оно осталось. Вероятно, он и сам выскажет тебе что-нибудь, из чего можешь заключить и о всем.

Храм вчерне должен строится три года. О! Как много времени для старых и больных! И для всех вообще! В такое время может случиться много вовсе неожиданного. Сделаем, что можно и что требует долг перед ближними, а об остальном положимся на Бога. Твое призвание к исследованию спасения очевидно. Ты помнишь, как долго в Ставрополе я останавливался говорить тебе многое о христианстве, вообще будучи не охотник тратить слова об этом святом предмете напрасно. Но Твое сердце согрелось по милости Божией и последствием Твоего внимания и усердия служит дарование Богом Тебе твоего единонадесятого часа на усвоение Ему.

7 марта 1864 года

№ 85

Когда метут комнату, то не занимаются рассматриванием сору, а все в кучу да и вон. Так поступай и ты. Исповедуй свои грехи духовнику, да и только, а в рассматривание их не входи. Святые Отцы очень запрещают это тем, которые не могут правильно рассматривать себя: такое рассматривание сбивает с толку, приводит в расслабление и расстройство. От грехов остерегайся, в сделанных по немощи и увлечению раскаивайся, не позволяя себе при раскаянии приходить в недоумение и уныние, а безгрешности от себя не жди.

10 марта 1864 года

№ 86

Алексей Петрович процвел: очевидно, от прекращения внутреннего смущения. Твое замечание справедливо, что впоследствии он будет жалеть о своем поступке; но дело делается согласно его произволению, по требованию совести и отеческих постановлений: если б это произволение насиловать, то такое насилие в скорейшем времени привело бы его в расстройство, которого уже и не поправить.

12 марта 1864 года

№ 87

Скорбями обучается каждый человек, которого благоволил Бог приблизить Себе. Скорби действуют подобно Vomitivum, извергая из внутренности зло и обличая его пред подвижником, да исцелится покаянием.

15 марта 1864 года

№ 88

Алеша очень поправился и очень весел, несмотря на Великий пост. Тяжкое бремя свергнуто с души! Произволения проводить монашескую жизнь у него не было и нет; вместе с тем монастырь принес ему существенную пользу, дав спасительно продолжительный отдых от гибельного кутежа и ознакомив с христианскою верою. По его собственному сознанию, он ничему не верил, когда выехал с Кавказа. Весьма хорошо сделаешь, взяв Пасху в Петербурге, иначе остаток поста будет потерян и для Тебя, и для Алексея: он отнимется возмущающими духовное настроение беседами и объяснениями.

Благословение Божие да почиет над Тобою за труды Твои о делах монастыря и напечатании книг, существенно нужных для христианства. Не думай, что эти труды устроились для Тебя без Промысла Божия: труды эти и сопряженные с ними скорбишки были для Тебя вполне полезны, открыв Тебе глаза на многое и доставив много случаев смириться. К келейному безмолвию Ты еще не созрел.

21 марта 1864 года

№ 89

За № 101-м донесено Синоду о спасении 14 человек от потопления. Их принесло пред монастырь на тихвинке и затерло льдом ближе к противоположному берегу. Поднялся вопль народа, находившегося на судне и увидевшего опасность своего положения; некоторые стояли с воздетыми к небу руками, как видно, на молитве. Помощь казалась невозможною, потому что река была покрыта ледяными глыбами. Одно известное Тебе самоотвержение о. Иустина могло воодушевить некоторых из братий. Они, имея во главе настоятеля, отправились на реку и, подвергая себя очевидной опасности, спасли жизнь 14-ти человекам. Особенно отличились иеромонах и иеродиакон Никодим.

2 апреля 1864 года

№ 90

Промысл Божий доставил Тебе такие труды, которыми приготовляется истинное, сердечное, духовное безмолвие, основанное на служении духа, а потому чуждое прелести, труды, которыми устраивается такому безмолвию прочное основание. Можешь сам заметить, что в этих трудах скорбь соединена с утешением, а сами труды соединены со смирением, а не с тщеславным блеском. Образец таких трудов можно видеть в переписке преподобного Варсонофия Великого с Иоанном. С этой переписки начинается книга Варсонофия.

Алексей после сознания своего становится ко мне ближе и ближе. Он скорбит, что должен оставить монастырь, но видит и необходимость этого, не имея к монастырской жизни ни произволения, ни призвания.

Время много способствует к тому, чтоб установился правильный взгляд на предметы. Это могу сказать по отношению к «Аскетическим Опытам». Напечатание их устроилось Промыслом

Божиим. Сличая их с писаниями святых Отцов, вижу, что «Опыты» преподают самое новоначальное духовное делание, в разнообразной литературной форме, облегчающей чтение и заинтересовывающей к нему, что для настоящего христианского поколения крайне нужно и полезно. Отцы, по возвышенности своей, несмотря на простоту слога, мало понятны для этого поколения, в котором христианство до крайности слабо.

12 апреля 1864 года

№ 91

Получил книги «Патрологии». Как жаль, что наша Церковь лишена подобного сокровища, на стяжание которого употреблены были огромные средства. Видно, таково попущение Божие! Занялись не прославлением Бога, а суетным прославлением себя, и «студ» лица нашего покрыл нас.

Относительно наименования книги моей «Аскетическими Опытами» остаюсь при прежнем своем мнении. Теперь, по пересмотре, значительнейшем исправлении и огромном пополнении статьями иного рода, не видится возможности без серьезного и точного наименования: того требует свойство книги. Это книга мученика! Мученика за грехи свои и от грехов своих, но мученика. Книга легка по духу, но мысли и чувствования в ней глубокие и высокие. Легкое название, название нежное, — не идет к ее характеру серьезному: она должна носить наименование строгое.

20 апреля 1864 года

№ 92

Над построением храма Богоматери очевиден перст Богоматери; даруется человекам, труждающимся в деле, помощь; вместе даруется им побороться с препятствиями и поскорбеть для их же душевной пользы, чтоб очистить дело от примеси тщеславия и других увлечений, чтоб оно было совершено в богоугодном смиренномудрии. Таков обычный ход дел, покровительствуемых Богом.

Апостол Павел пишет, что ему сатана дважды возбранял придти к Солунянам для благовестия Христова. Иерусалимский храм выстроен во второй раз при многих препятствиях, а в первый при споспешествовании всех обстоятельств; но духовную славу первого храма далеко превзошла слава второго храма, удостоившись приять в свои недра вочеловечившегося Бога. Преподобный Антоний Печерский говорил, что многие богатые князья

и бояре с чувством самонадеянности и тщеславия выстроили монастыри и храмы на свое иждивение, беструдно; но храмы и монастыри, выстроенные иноческими слезами, молитвами их и усердием лиц, имевших смиренное положение в мире, оказались много превосходнейшими первых. Бог не любит разгорячения и не любит, чтобы дело, Ему благоугодное, делалось с разгорячением, а любит, чтоб оно делалось с упованием на Него, Всемогущего и Всеблагого, с терпением и смирением, с благоразумием, которое невозможно соблюсти при увлечении в разгорячение. *С премудростию зиждется дом*, — говорит Писание, — *и с разумом исправляется* (Притч. 24. 3). Надо последовать наставлению Писания: торопливость может испортить дело.

Алеша очень мирен и очень мирен по духу, но его озабочивает предстоящая перемена жизни. Сознание, столько новое для души его, произвело в нем сильный переворот. В монастыре, и именно в Бабаевском монастыре, он приобрел веру, которой не имел до вступления в этот монастырь. Он очень сблизился со мною и на днях опять просил меня, чтоб я не прерывал сношений с ним, что я ему и обещал. Он увидел многое в другом виде, нежели в каком оно ему представлялось доселе. Дальнейшая его судьба в руце Божией, как и каждого из нас.

11 мая 1864 года

№ 93

Алексей от сознания, что он поступил в монастырь легкомысленно и в нем вел себя неправильно, перешел к правильному и прочному настроению христианина, сколько я могу то понимать. Чувство, которое он ощутил, обыкновенно не забывается во всю жизнь и является Ангелом-Хранителем даже при увлечениях, извлекая блаженным воспоминанием о себе из самой бездны.

Над всеми нами да будет воля Божия!

14 мая 1864 года

№ 94

Да совершится воля Божия по отношению к храму Божию в Бабаевской обители! Да совершается воля Божия во всех делах Божиих и во всех попущениях Божиих. Нам должно внимать себе и молить Бога, чтоб Он даровал нам окончить дни наши в покаянии.

17 мая 1864 года

№ 95

Необходима преданность воле Божией в самых попущениях Божиих. Очевидно, что христианство — этот таинственный духовный дар человекам — удаляется неприметным образом для не внимающих своему спасению из общества человеческого, пренебрегшего этим даром. Надо увидеть это, чтобы не быть обманутым актерами и актерством благочестия; увидев, надо отвратить взоры от грустного зрелища, чтоб не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении, т. к. милость Божия еще дарует возможность спастись тем, которые произволяют спастись.

NB. «Опыты», будучи книгою чисто духовною, должны быть полезными отечеству и в гражданском отношении. Книга производит сильное впечатление на многих, впечатление, совершенно отдельное от впечатления, производимого современными духовными сочинениями. Она становит внимательного читателя в разряд истинных православных христиан и дает ему решительное, одностороннее, спасительное направление. От развития идей православия и от твердости в православии зависит энергия народа нашего, самостоятельность его духа.

23 мая 1864 года

№ 96

Слава Богу за все! Поздравляю тебя с окончанием трудов твоих, которые возложились на тебя по Промыслу Божию, велись под покровом Божиим, окончились по милости Божией. Уповаем, что милость Божия покроет нас и на будущее время, попуская необходимые скорби для обучения и вразумления нашего и дивно изводя из них с плодом терпения и смирения.

№ 97

Относительно неприятности твоей по имению, то она не что иное, как искушение, подобное прочим искушениям. Осуждать себя полезно: это приводит к смирению. Засуждать себя вредно: это ввергает в уныние и расслабление. Дело кидать не должно, тем более что ты положил намерение употребить деньги на добрые дела, также оставление дела на произвол действующим неправильно, есть как бы принятие участия в неправильном действии, ко вреду их душ и ко вреду души твоей.

22 октября 1864 года

№ 98

Время наше — время тяжкое для истинных христиан по всеобщему охлаждению народа к вере и благочестию. Приехали наши сборщики с Кавказа, насбирав всего на все 100 р. с., они передавали мне слова некоторых благочестивых людей: «Прошло только 3 года, как Владыка уехал с Кавказа, но если б он возвратился теперь, то не узнал бы направления народа, устремившегося всецело к “светскости”». На обратном пути сборщики видели то же направление. Совершается предречение Писания об отступлении от христианства народов, перешедших к христианству от язычества.

NB. Книга «Опыты» доставит существенную пользу желающим спастись (в последнее время), существенно необходимое для них учение о молитве и о прочих содействующих молитве христианских добродетелях.

19 декабря 1864 года

№ 99

Сочувствую тому, чтоб на 1-й раз были напечатаны одни «Опыты»; не могу дать ясного отчета, почему я желал этого, но желал. Устроилось так милостивою судьбою к нам, грешным, поставившею нас на путь душеполезных скорбей и явно покровительствующею на этом пути.

22 декабря 1864 года

№ 100

Скудные вести, приходящие в наш монастырь, о состоянии христианской веры в России крайне неутешительны. С одной стороны, раскол, с другой — решительное отступничество. Общая безнравственность приготовляет отступничество в огромных размерах. Спасаяй, да спасает свою душу! Нынешним подвижникам предоставлен путь скорбей, внешних и внутренних, как самый благонадежный.

29 декабря 1864 года

№ 101

Заезжал ко мне протоиерей из того села, в котором живут потомки Сусанина, человек довольно умный. Он сказывал, что крестьяне пропились и обнищали донельзя, что этого тока ничем

удержать нельзя, потому что вдавшиеся в пьянство будут пить водку и тогда, когда бы вздумали повысить на нее цену. Это доказано опытами. Вместе с разгульною жизнию явилось особенное охлаждение к Церкви и духовенству. Кутилы из крестьян кутят и впали в индифферентизм по отношению к религии; некутилы обращаются в большом количестве к расколу. Дворянство бедно и не может помогать церквам и духовенству, как помогали прежде. Содержание духовенства скудеет и скудеет. Протоиерей, имеющий практический взгляд, говорил, что этому положению не видно исхода и что последствия этого положения должны быть многоплодны.

Прогресс идет изумительно быстрыми шагами. Кто остановит его?

6 января 1865 года

P. S. Занимаюсь Изречениями. Какое было время для монашества! Какое обилие духовных старцев! Сколько было тогда созидающих ближнего! А ныне сколько разрушающих и губящих ближнего! Нам надо благодарить Бога за излиянную Им милость на нас, редкую в наше время, и милость Его да совершит эту милость до конца.

С замечаниями Софии Ивановны [Снессоревой] в значительной степени я согласен. Ищу, как сокровищ, замечаний, исходящих из истинного расположения и из знания. Желаю пересмотреть последние два тома наиболее и почти единственно для слога. Самые «Опыты» требуют пересмотра, что я и намерен сделать, на всякий случай. Всегда признавал я строгую критику, тщательный пересмотр и беспощадное очищение лучшими средствами к доставлению сочинениям совершенства. Вообще разговоры, как то: *об Иисусовой молитве, о смирении и о монашестве* не довольно пересмотрены и очищены. У них слог иной и должен быть иным, нежели у поэтических сочинений, каковы «Плач», «Блажен муж», «Чаша», «Зрение греха своего». Опять иной слог у статей Богословских (напр<имер>, о Евангельских заповедях), иной у статей, принадлежащих к христианской нравственности и философии, напр<имер>, об истинном и ложном смирении. «Аскетическая Проповедь» имеет свой отдельный слог, но вообще эта «Проповедь» недостаточно пересмотрена и вычищена. Разнообразие слога нахожу неизбежным; будучи естественным, оно составляет одно из достоинств собрания сочинений. Здоровье имеет большое влияние на слог: у больного слог больной.

№ 102

Очевидно, что отступление от веры православной всеобщее в народе. Кто открытый безбожник, кто деист, кто протестант, кто индифферентист, кто раскольник. Этой язве нет ни врачевания, ни исцеления. Спасаяй, да спасает свою душу! Заметно, что ныне всем, желающим спастись, посылаются скорби. Это совершается и над Александрой Васильевной Жандр[1].

11 января 1865 года

[1] Племянница святителя Игнатия.

№ 103

И тому я очень рад, что «Опытами» закончится теперь печатание моих сочинений. Необходимо выждать более благоприятного положения. Если Богу угодно, чтоб устроилось напечатание, то Он устроит. Если же не угодно Богу, то и я не желаю. Нам драгоценнее всего то, чтоб состоять под водительством воли Божией, и вне ее не делать ничего, каковы бы ни были представления плотского мудрования нашего и других людей.

14 января 1865 года

№ 104

И здесь пред Крещением была самая тяжелая погода, долго шел проливной дождь и было очень тяжко от густоты облаков. Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим — так молится Святая Церковь и так научает нас молиться.

16 января 1865 года

№ 105

На днях прочитал я внимательно «Слово о Иисусовой молитве». В нем со всею ясностию изложено, что моление с заключением ума в слова молитвы есть самое полезное и безопасное, что механизм чрез ноздренное дыхание с усилием взойти умом в сердце воспрещен святыми Отцами для не созревших к такому молению! Тебе необходимо молиться первым способом, принимая в руководство общее правило и не принимая в руководство исключений из общего правила, совершившихся по особенному смотрению Божию. Я стараюсь приобучаться единственно к первому способу, как необходимому для внимания. Внимание — душа молитвы. Стараюсь даже устранять все прочее, чтоб дела-

ние было вполне бескорыстным, чтоб преуспеяние было вполне предоставлено воле Божией.

21 января 1865 года

№ 106

На днях я взглянул в книгу Варсонофия Великого; открылась книга на стран<ице> 362, где на первой же строчке сказано: «Благому непременно сопротивляется скорбь от зависти диавольской, но молитвою оное благое умножается». Это можно отнести и к напечатанию «Опытов». Видно и действие против напечатания, и действие, содействующее напечатанию, устрояемое Промыслом Божиим. Помяни, Батюшка мой, какие труды и скорби потерпели все, распространявшие Слово Божие и истинное учение о Боге. Скорби служат свидетельством последования истине в этом деле. Напротив того, с невозбранным от миродержца успехом, с наградою от мира, печатаются книги в духе и видах миродержца, хотя бы они и носили название, заимствованное из христианства.

В настоящее время — существенная нужда в правильной молитве, а ее-то и не знают! Не знают, что она должна быть орудием и выражением покаяния, ищут наслаждения и восторгов, льстят себе и орудием, данным во спасение, убивают свои души. Существенно нужно правильное понимание молитвы в наше время! Она — существенный, единственный руководитель в наше время ко спасению. Наставников нет! Лучшие, сколько известно, наставники Оптинские. Но они исключительно телесные делатели, и потому сами во тьме ходят и последующих им держат во тьме, удовлетворяясь сами и требуя от других единственно телесного исполнения заповедей.

Иоанн[1], по открытости своей, нравился мне более, нежели современные ему академисты. И тогда многие баре восхищались его проповедями, направленными к освобождению крестьян, не поняв, что Иоанн отнюдь не духовный проповедник, а рьяный фанатик сословный и что у него замаскирована мысль о резне дворян и о предоставлении своей пастве первенства и в гражданском и церковном служении. Другие, имея эту же мысль, лучше скрывают ее, а потому Иоанн, как откровеннее других высказывающихся, нравственно выше других. В книжке «Христианского чтения» за декабрь имеется примечательная статья «Новые издания по расколу» И. Нильского. Тут смело

выставлены уклонения Великороссийской Церкви. Сильно задет Филарет по участию в масонском учении.

Все мы, хотим ли или не хотим, находимся в руце Божией. Почему, действуя по степени данных от Бога разума и совести, остальное должны возлагать на Бога, Промыслителя нашего.

29 января 1865 года

[1] См. письмо № 82 и примеч.

№ 107

Приношу тебе искреннейшую благодарность за поздравление меня грешного с днем Ангела. Мое единое желание да дарует мне милосердый Господь покаяние и прощение грехов моих, а даров духовных я недостоин и неспособен должным образом сохранить их, — образ мыслей, на котором должна быть основана вся деятельность христианина, желающего и ищущего спасения.

6 февраля 1865 года

№ 108

Хотим ли мы или не хотим — находимся во всемогущей воле Божией. Самое правильное последствие такого понятия состоит в том, чтоб мы покорились воле Бога нашего и из этого чувства покорности умоляли Его, да сотворит милость с нами. Я писал тебе, что очень нужно тебе вчитываться в «Слово об Иисусовой молитве» (Аскет. Опыты. Том 2). Там изложено с ясностию, кому какой механизм приличествует. Держись решительно заключения ума в слова молитвы. Если при этом явится какой-либо иной механизм, сам собою, то пусть действует, доколе не отойдет. Если отойдет, то не смущайся. У тебя молитва еще вполне вещественна. И потому самые механизмы, которых ты прежде держался неправильно, могут исправиться заключением ума в слова молитвы. При этом последнем механизме является в свое время неоцененное молитвенное действие, вполне духовное.

Весьма ошибочно твое искание места сердечного! Если будешь заключать ум в слова, то сердце придет в сочувствие уму. Сперва надо молиться при этом сочувствии. Такая молитва есть молитва покаяния. Когда же чрез покаяние очистится человек, то место сердечное обозначится само собою.

Когда при молитве ощущается нечувствие, то, несмотря на это состояние нечувствия, полезно нудиться к внимательной молит-

ве и не оставлять молитвенного подвига, творя молитву гласно и неспешно, потому что после нечувствия внезапно прикасается к сердцу благодать Божия и оно приходит в умиление.

Периодом борьбы со страстями никак не должно отягощаться. Период этот назначается Богом, по Его премудрому смотрению. Писание говорит: *Терпя, потерпех Господа, и внят ми*[1]. Также: *Гнев Господень подвину, яко согреших Ему*[2]. Преждевременное освобождение от внутренних браней душевредно.

12 февраля 1865 года

[1] *Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне* (Пс. 39. 2).

[2] *Гнев Господень я буду нести, потому что согрешил пред Ним* (Мих. 7. 9).

№ 109

Благую часть ты избрал, оставя все механизмы и довольствуясь заключением ума в слова: это поведет к самым правильным результатам, без всякой примеси прелести, которой ты мог подвергнуться и отчасти уже подвергался, употребляя механизмы, которые тебе нейдут. Для себя я держусь, когда держусь, единственно заключения ума в слова молитвы: все прочее является, когда является, само собою.

Относительно моего примирения с Преосвященным Иоанном, то оно, если совершится, будет для меня событием самым приятным. Расположению его к монашеству очень рад и нахожу, что по открытости и прямоте его характера он очень способен к принятию истинного монашества и даже к благодатному ощущению милости Божией, от чего является в человеке живая вера. Я и не ссорился с Иоанном, а только дал отзыв на статьи Г-на Щапова, которые на Кавказе так разгорячили, что «потребовали крови». Сколько неправилен и вреден образ мыслей в этих статьях, доказали опыты и еще докажут. Именно, статьи забыты, но о духе их и пишется и говорится, — дух и направление получают огромный объем.

Состоящие под руководством старца не должны выходить из его системы наставления. Этого и я требую от тех, которые руководствуются моими советами, особливо в отношении чтения книг, даже Отеческих.

К положению Церкви должно мирствовать, хотя вместе должно и понимать его. Это — попущение Свыше, которого мы понять не можем. Старец Исаия[1] говорил мне: «Пойми время. Не жди благоустройства в общем церковном составе, а будь доволен тем,

что предоставлено в частности спасаться людям, желающим спастись». Сколько могу понять: не предвижу, по духу времени и вообще по нравственности всего народа, чтоб могло быть восстановление Церкви в древней красоте ее, так же, как и монашества. И то должно будет счесть великою милостию Божиею, если не последует вскоре какого-либо тяжкого удара на монастыри.

24 февраля 1865 года

[1] О нем см.: Т. 1. С. 506–508.

№ 110

С тем, кто вступил в служение Богу, начинаются *искушения особенные*. «Отдай долг страстям, — сказал св. Исаак Сирский, — борьбою с ними». На поприще борьбы бывают победы и побеждения. Побеждения должно врачевать покаянием. Оно врачует их со всею удовлетворительностью.

Для преуспеяния в молитве и для избежания прелести необходимо самоотвержение, научающее искать в молитве одного внимания. Тогда подвиг молитвенный упростится и облегчится; облегчатся и искушения, которые, однако, всегда сопутствуют подвигу. Если же кто преждевременно стремится к раскрытию в себе действий сердечной молитвы, «*тому*, — говорит Пр<еподобный> Нил Сорский, согласно с прочими святыми Отцами, — *попускаются тяжкие, превыше сил, искушения от бесов*». Слово второе. Прочитай его. Такому стремлению служат основанием непонимаемые превозношение и высокоумие, представляющиеся усердием.

Рассматривая книгу «Опытов» и то влияние, которое она производит на других, полагаю, что второе издание ее неминуемо. Когда и как оно устроится — это дело Божие, а моя обязанность состоит в том, чтоб доставить книге возможную удовлетворительность и усовершенствование. Отношения мои к книге изложены в письме к братии Оптинской пустыни, список с которого прилагаю[1].

Алексею Петровичу не ставь всякое лыко в строку; предостереги его слегка: это будет действительнее.

Сновидения Софии Ивановны я признаю милостью к ней Божиею, призывающею ее к истинно благочестивой жизни. Они — не из прелести и не своего сочинения.

Знакомство с преосв. Иоанном показало и тебе и мне положение Церкви. В высших пастырях ее осталось слабое, темное, сбив-

чивое, неправильное понимание по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство, которое есть дело, а не буква. Иоанн откровеннее других — только. Искать ни в ком нечего! Должно бежать в горы — в положения изолированные! Бог даровал нам такое положение. Очевидно, что примирение может быть лишь наружное, а не в духе. И того довольно. Для наружного примирения нужна книга в переплете. Также очевидно, что не должно беспокоить просьбою о составлении замечания на книгу, тем более что я не отвечаю на последнюю статью Матвеевского, несмотря на то, что ответ на нее очень прост: он навязал Отцам *понимание Декарта* о невещественности духов, *отнял у них собственное их понимание* и на этом основал *столкновения* между ними и *разноречия* которых нет. Передай это Игнатию[2]. Полемика может соблазнять благочестивый люд, которого образ мыслей сформировался на чтении Четьих Миней и прочих подобных книг. Академический журнал «Христианское чтение» выше «Странника», в котором помещены две статьи Матвеевского против моих сочинений и много статей о современных случаях явления духов — за мои сочинения. Мысль о разборе моих сочинений в «Христианском чтении» надо оставить, хотя и невозможно будет сказать того печатно, что он сказал при свидании. Отцов он не знает.

Батюшка мой! Понеси благодушно Твой труд в столице. Соверши этот труд с оконченностью. Ты трудишься для пользы и истинной нужды остатка истинных христиан. По этой причине против книги действует зависть диавола, служащая свидетельством милости Божией и к книге, и к Твоему труду. Теперь о. Иустин почитывает братьям статьи из «Опытов» и видит их действие, что за книгу крепко возьмутся и будут держаться ее все желающие спастись. Иустин редкий монах и настоятель в наше время, далеко выше Сергиевского Игнатия, который, впрочем, имеет особенную способность и находчивость в своих сношениях с светскими.

1 марта 1865 года

[1] См.: Т. 2. С. 145–146.

[2] Архимандрит Сергиевой пустыни Игнатий (Малышев).

№ 111

Если оставишь всякое стремление к мнимому преуспеянию, возложив дело преуспеяния Твоего на Бога и вручив временную

и вечную участь Твою воле Божией, — будешь заботиться при молитве Твоей единственно о внимании, от которого обыкновенно является и которому обыкновенно содействует умиление, то молитвенный подвиг Твой получит правильность. Это значительно успокоит Тебя. Спокойствие будет знамением милости Божией. Также я не советовал бы тебе очень вдаваться в рассматриванье своей греховности. Достаточно, если будешь знать это. Духовный подвиг должен быть как можно менее сложным.

Разбор «Опытов» в «Христианском чтении» едва ли удобен для самого этого журнала, который — орган Академии. Впрочем, как угодно. «Взгляд» в настоящем его виде так силен, что трудно справиться с ним критику, незнакомому с Отцами и с монашеским подвижничеством. Если и напишут что, то это послужит поводом к более точному определению предметов, которые подвергнутся критике, следовательно, дадут возможность усовершить книгу ко второму изданию, какого усовершенствования я сердечно желаю для общей пользы современного христианства.

16 марта 1865 года

№ 112

Приношу Тебе искреннейшее поздравление с наступающим днем рождения Твоего. Искренно желаю Тебе, чтоб это рождение в земную жизнь было вместе и рождением в жизнь вечную, в вечное блаженство.

В подарок посылаю тебе одно из изречений Пр<еподобного> Пимена Великого, великого делателя умной молитвы. Предостерегая учеников своих от козней диавольских, он говорит: «Все, что превыше меры, — от бесов». Познается же приносимое бесами по смущению — этому непременному и неизбежному плоду их действия. В умном делании, в самом покаянии должно избегать чрезмерности. Надо делать в великой тихости. Правильность такого делания свидетельствуется миром, приносимым душе.

Благословение Божие да почиет над тобою.

22 марта 1865 года

№ 113

Велия милость Божия — напечатание «Опытов». Милость Божия ко всем, потрудившимся в этом деле для пользы хри-

стианского общества. «Взгляд» выходит в настоящем его виде гораздо сильнее, нежели в его виде первобытном. Преважно определение слова дух святого Кирилла Иерусалимского. Не все академики упорно держатся мнения Декарта о духах: основательные из них на моей стороне. И я не скоро получил то понятие, которое имею теперь. В течение долгого времени мое понимание духов оставалось очень темным и неопределенным.

24 марта 1865 года

№ 114

Печально современное религиозное и нравственное направление народа. В течение трехлетнего пребывания нашего в Бабаевском монастыре это несчастное настроение подвинулось гигантскими шагами вперед и приняло обширнейшие размеры. Все совершающееся да совершается под взорами Бога.

Относительно раздачи книг, доставшихся на нашу часть, не должно торопиться. Много нужно нам здесь на подарки братии и благотворителям. Может быть, через год времени понадобится новая пропорция в Оптину. По монастырям же без разбору посылать нечего: во многих интересуются исключительно «Колоколом», «Искрою» и проч.

Молитвенный подвиг, Батюшка мой, есть *подвиг*. Надо потрудиться. Кто терпеливо молится *своею оскверненною молитвою*, сказал св. Иоанн Лествичник, и не покидает ее, наскучив ее скверною, тому Бог в свое время дает истинную молитву. ***Внимай себе, т. е. словам молитвы, а не внимай помыслам, приходящим во время ее***. Не вдавайся в разбирательство себя. Это разбирательство замени чтением статей о молитве в «Опытах». Тебе должно очень устраняться от того дробного анализа, к которому Ты привык и на основании которого враг смущает Тебя помыслами.

На вопрос твой о страннице Глинки [«Разговор Ф. Н. Глинки с странницей», помещенный в «Дом<ашней> Беседе» 1865 г.>] скажу тебе, что я читал эту статью, но ничего особенного не нашел, весьма вероятно, по той причине, что я воспитан учением Святых Иноков и от всякого пути особенного устраняюсь. Путем особенным, по особенному избранию и призванию Божиему может идти угодник Божий, что случается очень редко. Наиболее путем особенным идут или находящиеся в самообольщении, или направившиеся к самообольщению. Нам должно держатся вдали и в осторожности от всех, идущих путем особенным, загадочным.

О. Иустин принял отказ о возведении в сан архимандрита с таким благодушием, как подобает монаху. Промысл Божий ведет его не по цветам, а по пути прискорбному, посреди поношения человеческого, чем отмечается человек, любимый Богом. Отказ этот душеполезен и для него, и для меня. Принимаем его как от руки Божией.

Очень грустно положение митрополита в Синоде. Грустно оно не для личности, но для *митрополита* и как перевес, взятый священниками над архиереями. Дело православной веры можно признавать приближающимся к решительной развязке. Падение монастырей, значительно совершившееся, неминуемо. Одна особенная милость Божия может остановить нравственную, всегубящую эпидемию, остановить на некоторое время, потому что надо же исполниться предреченному Писанием.

29 марта 1865 года

№ 115

Письмо Твое от 5 апреля получено. На этой же почте получил письмо от А. Н. Муравьева, которому, как видно, «Опыты» не понравились, — вероятно, как конкуренция на литературном поприще. Особливо «Плач» смутил его, по его выражению. Я отвечаю, что этой статьи не хотел печатать, но она оказалась нужною для тех, которые находятся в подобных обстоятельствах на гранях между монашеством и миром, и напечатана для них, по просьбе некоторых из них.

15 апреля 1865 года

№ 116

Спаси Господи за труды Твои по напечатанию книги «Аскетические Опыты» и поздравляю с окончанием этого труда, за который да воздаст Тебе милосердый Господь. Дай Бог, чтоб книга была сколько-нибудь полезна современному христианству. Получил от архимандрита Игнатия и от Норова письма, в которых видно их сердечное сочувствие к учению, изложенному в «Опытах».

Положение Церкви и христианства самое горестное, горестное повсеместно. Предсказанное в Писании совершается: охлаждение к вере объяло и наш народ и все страны, в которых доселе держалось православие. В особенной чистоте оно было сохраняемо в Молдавии, Валахии, Сербии.

Никак не бери на себя напечатания остальных двух процензурованных частей моих сочинений. Это вовлечет тебя в самое затруднительное положение, сопряженное с душевным расстройством. Слава Богу за то, что напечатаны «Аскетические Опыты». В них — великая помощь для желающих истинно молиться и истинно подвизаться.

1 мая 1865 года

№ 117

Искушение, постигшее Тебя[1], есть не что иное, как искушение, которое, по милости Божией, мимо идет. Этим искушением свидетельствуется избранный Тобою путь. В делании терпения имеются свои меры и степени. Совершенные сохраняют совершенное молчание при обвинениях, соответствующее степени их самоотвержения, и терпят все последствия такого молчания, как, например, св. Андрей и Симеон, Христа ради юродивые. Тебе это делание не только нейдет, как превышающее меры Твои, но и крайне душевредно, потому что Тебе не выдержать его. На отзыв сделай печатный отзыв без разгорячения; дай отзыву силу фактами; дело же поведи законно и с твердостью, призвав помощь Божию. С сердечными чувствами злобы и мщения поборись. Именно при таких случаях и притупляется памятозлобие борьбою с ним; ничем не затрагиваемое, оно остается жить в сердце непримеченным. Очищение Твоего имени необходимо для Тебя и для твоего сына, по вашему положению благочестивых мирян. И Апостол Павел просил суда и апелляции у Кесаря. Успокойся, Батюшка мой, Господь не оставит Тебя. Благословение Божие да почиет над Тобою.

25 октября 1865 года

[1] По поводу клеветы, взведенной гласно посредством печатной статьи «Одесского Вестника», в которой П. А. Брянчанинов был обвинен несправедливо в недобросовестных действиях.

№ 118

Юму нельзя верить. Такие господа говорят и предсказывают иногда удачно с тою целию, чтоб завладеть доверенностью людей и тем вернее вредить им. Так наставляет преподобный Антоний Великий. Бог изменял Свои определения, объявленные и чрез святых пророков, как то: пророчество пророка Ионы о ниневитянах, Илии о Ахаве (3 Цар. 21. 29), Исаии о Езекии (4 Цар. 20. 1–11);

тем удобнее не сбыться предсказанию лжепророка, если б оно и имело какое основание. Кто предал себя и все воле Божией, тому ничего не нужно знать вперед. Над всеми нами да будет воля и милость Божия.

7 января 1866 года

№ 119

Милосердый Господь да покроет останок верующих в Него! Но останок этот скуден; делается скуднее и скуднее. Н. Я. Ш. не мог умиротворить себя и окончательно вышел из монастыря. Я не счел себя вправе удерживать его уговариванием: это было б против совести; а посоветовал ему вступить в законный брак и жить благочестно в мире. На монастыри делают нападки извне, но они и внутри себя истлели.

Должно благодарить В. И. Аскоченского, и много благодарить! Судя по отзыву Филарета [Московского] они решились написать что-нибудь, последуя примеру и вызову Аскоченского. Пусть напишут что-нибудь. Это что-нибудь может иметь какое-нибудь значение для людей, не понимающих ничего, и отсрочит на сколько-нибудь времени затеи реформаторов. Очень верно отвечал Константинопольский Патриарх лютеранам, известившим его о своих действиях: «Вы *хорошо* сделали, что отвергли заблуждения папистов, но сделали *худо*, заменив эти заблуждения своими заблуждениями: вам следовало бы обратиться к преданию вселенской первенствующей Церкви». То же можно сказать и о монастырях: для исправления уклонений должно возвратиться к правилам святых Отцов. Этого не захотят сделать защитники монашества из сонма Филаретов: им нужно сохранить многие уклонения для защиты выгод своих. И потому с обеих сторон порождается софистика. Для дела Божия не выйдет никакого результата, кроме разве того, что при посредстве этой меры Господь потерпит еще несколько времени нашей немощи, нашему расслаблению, нашей греховности. И за это — слава Богу.

В «Дом<ашней> Беседе» за 1865 год, в выпуске 50-м, помещена статья *«Новое Миссионерское общество в России»*. Я прочитал ее нарочно для того, чтоб ознакомиться с духом современной деятельности Синода. Видна пламенная ревность, за которою нам никак не поспеть, а потому должно быть очень осторожным и благочестивым.

Сейчас приходил ко мне Матфей[1] с сознанием, что он письма мои привез обратно с собою сюда и сжег их в печи. Вот како-

во общее состояние нравственности в христианском обществе. Чего требовать от монастырей, когда мир доставляет им людей испорченных, когда они отовсюду окружены безнравственностью, когда сверху гнетет их безнравственность? Язва, которая исцеляется одною смертию.

12 января 1866 года

[1] Возвращенный из сбора послушник — сборщик, обнаруживший неблагонадежные наклонности, — хотя по виду казался самой безукоризненной наружности. — *Примеч. П.А. Брянчанинова.*

№ 120

Очень благодарю Тебя за письмо Твое от 10-го января. Ничего нет лучше, как успокоить людей и для врагов сделать ненужным враждование. Важнейшее служение, служение слову Божию, остается на долю уклонившегося от служения суетности по преимуществу. Утешай и успокаивай всех известием, что мое здоровье расстроено окончательно, что сущая правда.

Сведения, получаемые мною о том, как принимаются «Опыты» личностями, истинно ищущими спасения, очень утешают меня. «Аскетическая Проповедь» и «Советы» пополнят назидательное чтение, дающее читателям решительно православное направление. Делается ясным, что эти книги распространятся и водворятся между упомянутыми личностями. Из Бежецка пишут: «“Опыты” приняты с великою любовию, *эта книга заменяет Добротолюбие для нас,* будучи гораздо понятнее, чем *Добротолюбие* и содержа все, о чем говорится в *Добротолюбии*». Такой взгляд очень верен, и на нем я основываю свое мнение, что книга *водворится.* Ее будут читать и перечитывать для питания, поверки и поддержки своего подвижничества. Теперь оказывается очень важным напечатание 3-го и 4-го томов, которыми *подвижничество* объясняется еще удовлетворительнее, точнее.

15 января 1866 года

№ 121

24-го я получил оба письма Твои: от души благодарю Тебя за подвиг Твой. Слава Богу, изливающему на меня милости Свои. К концу моей жизни, когда мне существенно нужен покой, когда уже мои нервы не выдерживают потрясений, когда мне необходимо приготовиться к переходу в вечность при мирном настроении души, — настал впервые Обер-Прокурор[1], выразивший

сочувствие ко мне. Будет расположен Граф, будут расположены члены Синода. Какое время! Для поддержания Церкви нужно быть во главе управления светскому лицу, потому что обуявшая соль способна только быть попираемою человеками. Впрочем, святой Афанасий Великий говорит, что одним из признаков приблизившегося пришествия антихриста будет переход церковного управления из рук архипастырей в руки светских сановников. Признак очень верный! Это не может состояться иначе, как при утрате духовенством своего существенного духовного значения, своей энергии, порождаемой решительным отрешением от мира. Справедливо заметил Граф, что чиновничеством уничтожено в Церкви существенное значение Иерархии, уничтожена связь между пастырями и паствою, а миролюбие, ненасытное стремление к суетным почестям, к накоплению капиталов уничтожило в пастырях христиан, оставило в них лишь презренных ненавистных полицейских по ненависти их к народу, по злоупотреблениям и безнравственности.

25 января 1866 года

[1] Обер-прокурор Святейшего Синода с 1865 г. — граф Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889).

№ 122

У нас скончался иеродиакон Никодим, драгоценнейший человек для монастыря и в цвете лет. Сплелись кишки, затем последовал антонов огонь. При нас — сюда не поступил ни один благонадежный человек, а из прежнего братства приблизился более всех других Никодим и имел расположение послужить обители. Буди воля Божия! Но, на мой взгляд, все в монастырях, и самых благоустроенных, идет к упадку. Сущность дела, что благонадежные и способные люди делаются крайне редкими. Естественно: диавол видит это и нападает извне. Матфей вышел.

К Сухареву написал по этой почте. Вышли ему экземпляр «Опытов» из Москвы. Книга на новую почву, которую пошевелили скорби, может наложить решительную печать.

28 января 1866 года

№ 123

Буди над всеми нами воля Божия и милость Божия! Милость Божия и Промысл Божий могут даровать способ спасения тем христианам, которые желают истинно спастись, а не стремятся к земному преуспеянию, прикрываясь личиною благочестия.

Очень жалок отзыв М. А. о статье «Земледельца»[1]. Служители и верховные служители слова, остаются без слова и рады спрятаться под покров слова, имеющего исключительный характер частной защиты по частному делу.

Очень жалею Софию Ивановну![2] Дай Бог ей выздороветь! Она не раз была больна очень опасно, и Бог возвращал ее к жизни. И теперь да будет над ней милость и воля Божия. Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро. Некому остановить и противостать. Предпринимаемые меры поддержки заимствуются из стихии мира, враждебного Церкви, и скорее ускорят падение ее, нежели остановят. Опять скажу: буди воля Божия! Что посеют, то и пожнут! Что посеяли, то и жнут! Последнее можно сказать о духовных журналах и о преподавании закона Божия Маловыми с братиею.

2 февраля 1866 года

[1] «Земледелец», статья «Домашней Беседы», в ответ статье «Дня», нападавшей на монастыри вообще и на Сергиеву Пустыню, что близ С.-Петербурга, в особенности. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

[2] Снессореву; о ней см.: Т. 3. С. 604–623.

№ 124

Благодарю тебя за воспоминание дня моего рождения. 59 лет! Прожито довольно; остается жить уже очень мало, судя по постоянно увеличивающемуся истощению сил. 12-го и 13-го выходил в Церковь; посмотрел на братию и порадовался милости Божией к нам в такое время, в какое живем. Все подвигается очень быстро. Буди воля Божия!

Потрудись передать мой усерднейший поклон Софии Ивановне. Уповаю на милость Божию, что она выздоровеет. Жизнь ей нужна по той же причине, по которой нужна и мне, — для приготовления к вечности. Несмотря на всю трудность нашего времени, всемогущая десница Божия не оставляет тех человеков, которые возложились на Бога при посильном служении Ему.

13 февраля 1866 года

№ 125

В разговоре мирянина с монахом[1] предвозвещено, что прикосновение к монастырям такое, какое проповедуют газеты, послужит к окончательному сокрушению монастырей, которые сокрушены уже при отобрании у них имений за сто лет до сего.

Вообще, монастыри обстраивать некому. Должен обстраивать монах. А что сказать монаху? Нечего и некому. Может быть, некоторые монастыри будут выгорожены по какому-либо особому ходатайству, как случилось и за сто лет.

18 февраля 1866 года

[1] См.: «Аскетические опыты». ПСТ. Т. 1. С. 420.

№ 126

Так как дело о напечатании 3 и 4 томов получило надлежащий ход, то зачем оставаться Тебе в Петербурге?

С сердечным сожалением смотрю на неминуемое падение монашества, что служит признаком падения христианства. Кто приходит в монастырь? Люди из низшего класса почти исключительно; почти все приходящие уже расстроили свою нравственность среди мира. Нет условий в самом народе для того, чтоб существование монашества продлилось; так в высохшем дереве нет условий, чтоб оно давало лист и плод! Сверх того, бури извне усиливаются сорвать его с лица земли. По причине направления, принятого высшими слоями общества, и по причине скудости высылаемых подаяний, не трудись печатать приглашений в ведомостях. Саровская пустыня приняла «Опыты» с особенною любовию.

24 февраля 1866 года

№ 127

Из письма М. Д. увидишь, как приняты «Аск<етические> Опыты» в Саровской пустыне и какое там дается значение им. Это показывает всю важность, которую должны иметь 3 и 4 томы. 4-й том изображает монашескую жизнь с определенностию, а первые три тома служат как бы оттушевкою рисунка. Тут действует Перст Божий, благодетельствующий всем участвующим и в издании и в чтении «Опытов».

Потрудись передать С. И. Снессоревой, что лучшая статья о монашестве, о пользе, принесенной монашеством христианству и человечеству, помещена в «Dictionnaire de théologie par l'abbé Bergier. Tom. 5 article: Moine, Monastéres, Etat Monastique». Автор показывает, какой вред государствам причинили европейские государи, уничтожив монастыри, в предположении этою мерою обогатить государство. При пособии разговора монаха с мирянином в «Аскет<ических> Оп<ытах>», где отчетливее разобрана духовная сторона монашества, упомянутая статья Бер-

жье может подействовать наилучшим образом на современное общество, на общество легкомысленное, малосведущее. Бержье писал накануне переворота во Франции. Надо взглянуть и на статьи того же лексикона: Anachorete, Celibat и проч. На них указывается в главной статье. Извлечениями из этой статьи удачно воспользовались у нас после 1825 года. Противники монашества уступили.

28 февраля 1866 года

№ 128

У меня был Кюне, доктор, с каким я еще не встречался. Он нашел золотуху и простуду моею болезнию *второстепенною,* а главною, от которой происходит общее расстройство, *повреждение* сердца, что и доказал положительно, ощупав больные места и сказав о таких припадках, о которых я не говорил ему. Первоначально прописал промывательное из воды и Карлсбадскую соль, которую должно растворять в стакане воды и пить, как пьют минеральные воды. Болезнь признал он неизлечимою, много схожею по последствиям с чахоткою, но действующей очень медленно, почему при условии совершенного спокойствия, полагает, что жизнь может продлиться долго. Служение признал для меня невозможным, равно как и всякое движение и занятие быстрое и усиленное; особенно вредны душевные потрясения, от которых и произошла болезнь.

Костромскому и Нижегородскому епископам даны викарии, преимущественно для обращения раскольников. Дай Бог, чтобы благонамеренный Граф[1] хотя на несколько замедлил ужасное распространение в народе разврата и неверия. Зло легко привилось и прививается к человечеству, а исцелять человечество от зла может един Бог.

Потрудись передать Александре Васильевне[2] мой усердный поклон и мое убогое благословение. Желаю ей мужества и терпения в постигающих ее скорбях. В сношениях моих стараюсь передавать духовные и нравственные понятия, почерпнутые из учения православной Церкви, а до внешних дел не касаюсь, или касаюсь очень поверхностно.

P. S. Сочинение Юрия Самарина о иезуитах писано в духе Новикова «Гус и Лютер», но слог у Самарина лучше. Сочинение Самарина признаю полезным и нужным, а соч. Гр. Толстого «Il Catholicisme Romain» даже необходимым.

11 июня 1866 года

[1] *Граф Толстой Дмитрий Андреевич* — обер-прокурор Святейшего Синода.

[1] *А. В. Жандр* — племянница святителя Игнатия.

Предложение Начальнику губернии от 1 янв. 1860, № 1: О постройке в Моздоке церкви для чудотворной иконы Иверской Божией Матери[1]

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

В городе Моздоке, в Успенской церкви, имеется чудотворная икона Иверской Божией Матери. Икона не только уважается православным населением Кавказа, не только привлекает богомольцев из соседних русских губерний и земли Войска Донского, но и в горских народах громка и славна она чудесами своими.

Деревянная церковь, в которой помещается икона, очень тесна и уже ветха. По этой причине давно предположено выстроить каменный храм. Разные обстоятельства затрудняли приведение этого намерения в исполнение. Но эти затруднения миновали.

Между тем счастливейшее событие на Кавказе — покорение всех горских народов Левого крыла, единодушно признавших себя подданными православного Царя, равно как и незадолго до того объявленная мне Святейшим Синодом благословенная воля Царя о том, чтобы принимаемо было всевозможное старание о доставлении святого христианского верования иноплеменникам, погруженным в идолопоклонство или верующим в нелепые учения и басни ислама, открывают обширное поприще для новых, весьма верных соображений. К величайшему утешению моему 14 декабря я лично услышал из уст фельдмаршала, Князя Александра Ивановича Барятинского, что Его Сиятельство принимает живейшее участие в распространении христианства между горцами. При таких обстоятельствах действие чудотворной иконы на горцев, и ныне сильное, может несравненно более усилиться, — повести к самым благоприятным результатам.

Необходимость в построении каменного храма в настоящее время делается ощутительнее и очевиднее. Чтоб дать этому делу

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 337–342об. Адресат — гражданский губернатор П. А. Брянчанинов. Данное предложение было одобрено Наместником князем А. И. Барятинским, который исходатайствовал разрешение Государя провести всероссийскую подписку на сооружение храма. Проект был составлен А. М. Горностаевым.

скорейший ход, я позволю себе просить Ваше Превосходительство, чтобы Вы, исходатайствовав на то дозволение Его Сиятельства Князя Наместника, встали во главе сего дела, подобно тому как построение храма в Пятигорске поручено барону Унгерн-Штернбергу. Сосредоточение всех действий под Вашим управлением поведет к энергичному и быстрому исполнению благочестивого намерения.

С моей стороны я готов оказывать все зависящее от меня содействие. Первым свидетельством этого содействия да будет то, что я принимаю на себя заботы о составлении проекта нового храма. Я полагаю, изобразив здесь, на месте, архитектурные потребности храма, поручить составление проекта известному профессору Академии Горностаеву, построившему две церкви в Валаамском монастыре и церковь преподобного Сергия в С.-Петербурге, в Сергиевой пустыни, в то время как монастыри эти находились в моем заведывании.

Первые две церкви Государь Император изволил осматривать при посещении им Валаамского монастыря в 1858 году и остался ими отлично довольным, а церковь в Сергиевой пустыни, по сознанию знатоков архитектуры, есть первая церковь в России в архитектурном отношении. Предполагаемый храм в Моздоке и по важному назначению, и как памятник великого события, да будет изящным произведением зодчества!

При сем имею честь приложить записку о чудотворной иконе Божией Матери.

С чувствами и проч.

Записка[1] о чудотворной иконе Иверской Божией Матери в Моздокской Успенской церкви и о необходимости деревянную церковь заменить каменною

В Ставропольской губернии в городе Моздоке находится деревянная церковь Успения Божией Матери. В этой церкви за правым клиросом, в киоте, присутствует древняя и чудотворная икона Иверской Божией Матери. Исторические сведения о сей иконе имеются следующие.

В двенадцатом столетии знаменитая Грузинская Царица Тамара, по кончине первого супруга своего, русского князя Георгия Андреевича, то был сын Андрея Боголюбского, — вступила

[1] Приложение к Предложению Начальнику губернии от 1 янв. 1860. № 1.

в брак с князем Осетинским. Вместе с рукою своею она доставила князю и его народу христианство. Благочестивая Царица не щадила ни трудов, ни издержек для водворения и утверждения святой веры между осетинами. В стране их многочисленные развалины свидетельствуют о многочисленности прежде бывших в них христианских храмов. Созидание этих храмов приписывается преданием Тамаре.

Предание утверждает, что одни из развалин в Карталинском ущелье составляют остаток храма, в котором помещалась и хранилась икона Иверской Божией Матери, как драгоценный дар боголюбивой Тамары осетинскому народу. Два раза храм был разрушен до основания пожаром, и оба раза икону Божией Матери находили целою. Шестьсот лет икона пребывала в Карталинском ущелье.

В конце прошедшего столетия магометанство, при посредстве турецких миссионеров вторглось с величайшим фанатизмом — более политическим, нежели религиозным — в Кавказские горы. Оно уничтожило между народами горскими то слабое христианство, которое еще держалось между ними — держалось более номинально, нежели на самом деле. Осетины склонились к исламу, подобно прочим горцам.

Но они так, как и все горцы, не сделались настоящими магометанами. Алкоран им неизвестен, по незнанию горцами арабского языка, на котором написан Алкоран. Перевода на татарский горцы не имеют. Неизвестен он самым муллам горцев — они считают его недоступною, высшей мудрости книгою. Магометанство горцев заключается в соблюдении некоторых наружных магометанских обрядов. Они склонились к некоторым верованиям, внушенным им миссионерами. Большая часть понятий прежней неопределенной религии, в которой доселе видны признаки христианства, осталась при них. Главнейшею заботою миссионеров было внушать горцам, что их единственный законный государь есть турецкий султан.

В смутное время в религиозном отношении (то есть во время проповеди магометанства между горцами в конце прошедшего столетия) икона Божией Матери сохранила верными христианству многие семейства не только осетин, но и черкесов — сохранила верными посредством дивных знамений. Наше правительство в 1763 году пригласило горцев-христиан и горцев, желающих принять христианство, переступить через Терек и селиться близ

Моздока. Вследствие приглашения в 1793 году партия горцев, накануне преполовения Пятидесятницы прибыла к Моздоку, имея с собою икону Божией Матери.

Икона знаменовала чудесами и путь свой, и прибытие в православный город. Преосвященный Гаий, епископ Моздокский и Маджарский, узнав о прибытии знаменитой на Кавказе иконы, вышел к ней для поклонения с духовенством, с крестами и хоругвями. Архипастырь внес ее в собор, предполагая здесь предоставить почетное место иконе. Но Богоматерь особенным чудом известила епископа, что Она желает пребывать вне города, на том самом месте, на котором Она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбе (так называется двухколесная телега горцев). Преосвященный Гаий поспешил соорудить часовню на указанном месте. Впоследствии прихожане построили деревянную церковь во имя Успения Божией Матери. Икона имеет один аршин и двенадцать вершков вышины, один аршин и семь вершков ширины. Икона, как видно, была написана по золотому фону. Иные утверждают, что впоследствии она была подновлена клеевыми красками. Но моздокские осетины утверждают, что она покрылась копотью во время вышеупомянутых пожаров в ущелье Карталинском. Черты лица Божией Матери на иконе строгие, характер письма грузинский. Иконописец Царицы Тамары, говорит предание, приуготовлялся к написанию иконы сорокадневным постом и сорокадневными молитвами.

В настоящее время при Успенской церкви имеется прихожан 2243 мужеского и 2155 лиц женского пола. Из них осетин и черкесов — 1238 лиц мужского и 1153 лица женского пола. Осетины признают икону своею собственностью, питают к ней пламенную привязанность, с которою должно обращаться весьма осторожно и благоразумно; по пылкости, решительности и невежеству азиатов. Икона славна в горах. На поклонение ей стекается множество горцев-магометан. Армяне грегорианского исповедания чествуют икону наравне с православными. Икона совершает множество исцелений, под нею на шнуре висят многочисленные серебряные изображения членов человеческого тела, привешенные получившими исцеления. Многие магометане, поражаемые чудесами, совершающимися при иконе, принимают христианство. Весьма многие магометане, по той же причине, питая доверенность к иконе, питают доверенность и к христианству. Икона — апостол.

Точно! Чудотворная икона Божией Матери совершает в здешнем крае служение Апостола, споспешествуя христианству и свидетельствуя оное знамениями. Нужно, чтобы и человеки оказывали усилия, им свойственные, к святому делу просвещения горцев светом Христовым.

Успенская церковь в настоящее время имеет 7143 рубля 29 1/2 копеек в Ставропольском Приказе общественного призрения. Такая незначительность капитала не должна останавливать предприятия. Опыт показал, что построение всех церквей, начатое при ничтожном капитале, совершилось с успехом вполне удовлетворительным: почему духовное начальство никогда не останавливалось разрешать построение храма, хотя бы основная сумма и была весьма малою.

Церковь Преподобного Сергия в Сергиевой пустыни начата при капитале в тридцать тысяч рублей серебром, несмотря на то, что на эту церковь употреблены самые ценные материалы. Ее обширный иконостас состоит из дорогих мраморов итальянских и французских, украшен мозаикой, имеет бронзовые Царские врата, а перед всеми иконами большие бронзовые подсвечники. Пол подобен цельному разостланному узорчатому ковру: это сплошная разноцветная мраморная мозаика. Живопись в иконостасе и по стенам стоит тридцать тысяч рублей серебром, гранитная работа — двадцать тысяч. Храм преподобного Сергия устроен по подобию древнейших христианских храмов, построенных равноапостольным императором Константином Великим и его преемниками. Полагаю новому храму в Моздоке дать то расположение, какое имеет соборный храм в Большом Тихвинском монастыре применительно, где присутствует Знаменитая чудотворная икона Тихвинской Божией Матери. Необходимо иметь в виду, что при храме, в одной связи с храмом, должны быть крещальни для мужского и женского пола. А устроение крещален, устроение обширной паперти для приходящего народа весьма удобно при упомянутом расположении храма. В архитектурном значении такой проект может быть поэтически изящен. В экономическом он потребует наименьших издержек, может быть окончательно выстроен и отделан, за исключением стенной живописи, в три года.

III

Братья святителя Игнатия: Михаил, Александр, Семен Александровичи

О Михаиле Александровиче Брянчанинове (13 августа 1811 — 7 января 1887) ничего добавить к тому, что написала о нем А.Н. Купреянова (см.: ПСТ. Т. 3. С. 589–590), нельзя: его жизненный путь ушел бесследно в небытие. Умер он в Оптиной Пустыни смиренным и молчаливым монахом.

Также и Александр Александрович Брянчанинов (род. 1 мая 1814). В двадцатилетнем возрасте он упал с лошади на скачках и разбился. Поспешивший к младшему брату архимандрит Игнатий сразу увидел, что это конец, и убедил его постричься перед смертию в монахи. Через несколько дней, 7 апреля 1835 г., Александр Александрович скончался. Михаил Александрович написал об этом П.П. Яковлеву: «Всемилосердый Создатель посетил наше семейство новым несчастием; вчера в пять часов по полудни Саша преставился, о чем прошу уведомить Дражайшего Отца Игнатия; насчет похорон я уже распорядился, не зная сообразно ли с желанием почтеннейшего Отца Архимандрита. Сегодня поздно или завтра к обеду привезут тело его к Вам к Сергию. ...Все что нужно с помощью Лесниковых уже заказано и лошади наняты. Прося меня уведомить с сим подателем о воле отца Игнатия, честь имею пребыть навсегда ваш покорнейший слуга

Михайло Брянчанинов

8 апреля 1835.

Насчет родных — надо ли кому давать знать о похоронах, а именно Шипилову, Лазареву-Станищеву, Николаю Брянчанинову, Александру Сухареву».

О погребении Александра Александровича написано в жизнеописании Святителя: «Все братство любило почившего юношу. Сослужившие архимандриту при отпевании иеромонахи рыдали, иеродиакон от слез с трудом провозглашал ектеньи, один архимандрит Игнатий тихо и величественно совершал обряд погребения, без слез и смятения отдавая последний долг любимому существу. Глубину же святых чувств своих он излил в небольшой статье, которую озаглавил “Воспоминания о умершем”[1].

[1] Напечатана на с. 135–136 под названием: «Молитва о умершем».

Его собственные слова дадут нам безошибочное понятие о настроении его внутреннего человека в эти многознаменательные служения его, когда он богослужебным обрядом провожал в вечность людей, им многолюбимых».

Самый младший из братьев, Семен Александрович Брянчанинов (3 декабря 1815 — 7 декабря 1863), оставя военную службу в Семеновском полку, вернулся в Вологду, служил в органах местного управления, жил при отце, был его поверенным. Несмотря на свою собственную общественную незначительность, Семен Александрович имеет огромную заслугу перед фамилией Брянчаниновых, подарив ей двух сыновей, которые стали наследниками родового имения, вновь подняли ее значение и оказались единственными продолжателями рода (см.: ПСТ. Т. 3. С. 591–599).

Письмо Михаила Александровича Брянчанинова к святителю Игнатию

Почтеннейший Батюшка

Отец Игнатий!

Чувствительно благодарю Вас за Ваши хлопоты и беспокойства; но мое письмо не пошло в ход; ибо по команде отказался Генерал, а иначе никак нельзя доставить письмо, и Толстой обещался в другом случае, когда случится нужда, помочь, а теперь отказывается и утешает будущим; я его благодарил. Он свидетельствует Вам свое почтение, также и Павел Матвеевич, который действительно добрейший человек, и он-то больше и хлопотал. Спасибо ему.

Пишу от Лесниковых с отцом Иосифом. Прося Вашего благословения и Ваших святых молитв мне и моей жене, остаюсь с чувствами полного уважения и нелицемерной привязанности.

Навеки вам покорный и послушный

М. Брянчанинов.

Письмо Семена Александровича Брянчанинова к святителю Игнатию

Получ<ено> 20 августа 1849

Достопочтеннейший отец Игнатий.

Батюшко поручил мне просить Вас походатайствовать об деле его; они подали частную жалобу в Сенат на определение Граж-

данской палаты Вологодской, которая предписала Вологодскому уездному суду снять запрещение с имения Самарина и тем доставить возможность Самарину передать имение его в другие руки. Тогда как Батюшка представил на Самарина иск в 35 000 рублей серебром за правладение имением, то есть Корбанским в продолжение 30 лет. Вологодский уездный суд вследствие просьбы Родителя с иском на Самарина в 35 000 серебром, наложил запрещение на имение Самарина, который подал просьбу в Гражданскую палату о неправильном наложении на имение его запрещения, а Палата предписала Уездному суду снять запрещение с имения Самарина. Теперь Родитель и просит Сенат: определение Уездного суда об оставлении имения Самарина под запрещением и обеспечение его иска утвердить, и между тем до решения Сената предписать Вологодской Гражданской палате заключения своего о снятии запрещения в исполнение не приводить. В случае же, если Уездный суд исполнил предписание Палаты, то обеспечение иска его в 35 000 серебром, оставить на ответственность членов и Секретаря Гражданской палаты, подписавших определение о снятии запрещения с имения Самарина. — А не мешало бы, если бы Сенат распубликовал сих часть членов Гражданской палаты за несправедливое их определение.

Жена моя свидетельствует Вам глубочайшее почтение, и вместе просим благословения Вашего. При искреннем желании Вам доброго здоровия, честь имею пребыть с чувствами полного уважения и преданности — Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

Симеон Брянчанинов.

23 августа 1849

МОЛИТВА О УМЕРШЕМ

В лютой скорби моей покоряю сердце мое и помышления мои Тебе, Господу Богу моему. Ты даровал мне дар, и Ты отъял его. Буди воля Твоя благословенна от ныне и до века: воля Твоя — свята, все действия Твои святы и премудры. Велик Ты в благодеяниях Твоих человеку, велик Ты и в казнях, которыми караешь его: *яко не оправдится пред Тобою всяк живый*, и Ты всегда побеждаешь, как Всесовершенный, на суде, на котором Ты судишься с совестию человека. Благоговейно преклоняю главу мою пред Тобою, я, недостойное и немощное Твое создание: Твое отдаю Тебе. Прими почившего в Твое вечное блаженство! отъяв у него смертию блага временные, сторично ущедри его

благами вечными. Даруй мне остаток земной жизни провести Тебе благоугодно, в вечную пользу душе моей и душе почившего, и горькую разлуку временную вознагради вечным союзом для вечного блаженства.

А ты, душа, драгоценная для моего сердца, стряхнув с себя бремя плоти, лети в высокий и святой Едем. На пути твоем к небу никто да не дерзнет остановить тебя! да отворятся тебе двери рая! да встретят тебя радушно небожители! присоединись к их святому сонму и наслаждайся вечно лицезрением Бога. Но, когда придешь в рай и стяжешь дерзновение у Господа, вспомни о земном друге твоем, неутешно оплакивающем разлуку с тобою: умоли милосердого Бога, чтоб даровал мне, пожив благочестиво, придти к тебе в твое светлое селение, там, в блаженном, святом соединении с тобою, забыть мое страшное горе и утешиться утешением, для которого нет уже измены.

IV

Сестры святителя Игнатия

Близкие отношения соединяли святителя Игнатия с его сестрами. Можно даже сказать, что при обычной суровости и пробуждавшемся с годами эгоизме их отца, Александра Семеновича Брянчанинова, старший брат оставался для его дочерей не только духовным наставником, но и тем единственным родственником, к которому они прибегали со своими житейскими заботами.

Судьба старшей дочери Александра Семеновича, Александры Александровны (1808 — 18 мая 1858), складывалась очень несчастливо. По словам ее племянницы, А. Н. Купреяновой, «в детстве она была нелюбима матерью и стояла одиноко». Очень рано «по страстной любви» она вышла замуж «за некоего бывшего гвардейца» Василия Андреевича Жандра. Но уже в 1830 г. муж покинул жену, и она осталась одна с маленькой дочкой в небогатом имении Маслине, «где снег заметал крыльцо и волки выли под окнами». Но она по-прежнему любила мужа, и его кончина в 1838 г. стала для нее еще одним тяжелым ударом. Все эти неприятности усугубили присущую ей с самого детства чрезмерную религиозность и отразились на ее психике. Святитель Игнатий старался поддержать ее и своим сочувствием, и своими советами: «Пишешь, что ныне лишена совершенно внутренней радости. — Иногда благодать Божия утешает человека, а ино-

гда скрывается, а все это делает по премудрейшему своему усмотрению, а потому все таковые случаи и перемены должно переносить с терпением и почитать себя недостойной радости или утешения духовного. В свое время опять ощутишь отраду»; «Потерпи и узришь милость Божию! За всю жизнь твою, с самого младенчества твоего, были попущены тебе скорби. Это признак, как утверждают святые Отцы, особенного Промысла Божия. Бог хощет соделать тебя участницей вечного блаженства и подает тебе чашу спасительных скорбей. Успокойся и молись»; «Безмерная скорбь о грехах, доходящая до отчаяния, отвергается по учению святых Отцов. Скорбь эту должно растворять надеждою на милосердие Божие».

В 1848 г., находясь в отпуске в Николо-Бабаевском монастыре, святитель Игнатий пригласил туда погостить Александру Александровну. 23 февраля он писал другой своей сестре: «В Бабаевской обители гостит бедная больная Александра Александровна. Провести здесь последние дни масленицы предложил ей я. ...Больной здесь видимо лучше: пусть поуспокоится и отдохнет». Но болезнь прогрессировала, и родные решили, что для подраставшей дочери лучше будет не видеть страданий матери. Благодаря их хлопотам Саша Жандр была принята в Екатерининский институт пансионеркой Государыни Императрицы Александры Федоровны. Святитель Игнатий писал тогда ее матери: «Твое намерение — не видеть дочь твою во все время твоей земной жизни я благословляю: да примет от тебя Бог эту существенно-нужную жертву и да наставит тебя на путь Свой». Александра Александровна решила уйти в монастырь. Святитель Игнатий не считал, что при ее болезненности жизнь в монастыре принесет ей пользу, но не противился ее решению. Он писал другой своей сестре: «Относительно Александры Александровны, то для нее нет лучше места, как Вологодский монастырь: во-первых, нигде столько ей не будут снисходить, как тут, во-вторых, нигде она не будет менее нуждаться, как тут. Только надо родственникам быть благоразумными и не посещать ее часто, особливо тем, которые себе усвоили сильное нервное влияние на нее».

Однако по причине усиливавшихся болезненных припадков Александра Александровна в монастырь не поступила. Она до конца дней оставалась в Маслине, где вела жизнь самую строгоуединенную, поддерживаемая письмами брата. Предчувствуя кончину, она приехала в родовое гнездо, село Покровское. «До последнего вечера была на ногах и не жаловалась на осо-

бенную болезненность, кроме обычного давнего ее общего болезненного состояния».

Увы! Несмотря на разлуку с матерью, Саша Жандр унаследовала ее болезненность. 16 ноября 1849 г. святитель Игнатий писал своей сестре, Елизавете Александровне: «Отвечаю на письмо твое о Саше Жандр. Думаю, лучше сделать это дело через Мишу, который по силе своей печется о Саше и которому будет прискорбно, если Вы сделаете мимо его. Директриса Родзянко была недавно у меня и говорила о Саше, что ее здоровье не поправляется, что очень бы хорошо было взять ее на лето в деревню. Но вопрос — куда? И по выходе из института неловко ей возвращаться к матери. Саша будет в летах, и впечатления будут действовать сильнее: в таком случае болезнь матери легко может перейти к дочери».

Неприязненно отозвалась о Саше Жандр ее двоюродная сестра А. Н. Купреянова: «Эта девица, после оригинальной жизни, жизни журналистки Катковского лагеря, кончила в доме умалишенных». Но к ее воспоминаниям, написанным много-много лет спустя, нужно относиться осторожно. М. В. Чихачев в своих «Записках» написал другое: «Об Александре Васильевне знавшие ее лица отзываются с глубоким уважением, как о человеке высокообразованном, глубоко религиозном и безупречно правдивом». Выйдя из-под опеки тетушек, Александра Васильевна Жандр жила достаточно независимо, зарабатывая на жизнь литературным трудом. В своем дяде, святителе Игнатии, она видела духовного наставника и глубоко почитала его. Она посещала его в Сергиевой пустыни и в Бабайках. Со времени отъезда Святителя из Петербурга между ними установилась переписка. Последнее из известных писем Святителя к ней помечено 22 июня 1866 г. После его кончины она обратилась с письмом к Преосвященному Леониду (Краснопевкову) с просьбой, чтобы он поддержал своим письмом убитого горем брата Святителя, Петра Александровича Брянчанинова.

Сама она тоже находилась под сильным впечатлением кончины Владыки. М. В. Чихачев записал ее рассказ о трижды явившемся ей во сне видении в звуках встречи святителя Игнатия небесными духами (напечатано ниже).

Следующей по возрасту сестрой святителя Игнатия была Софья Александровна (1810 — 21 декабря 1833). «Изящная Сонечка тянулась душой к Дмитрию и была им любима», — писа-

ла А. Н. Купреянова. Она «сделалась женою образованного молодого человека из лучшего общества». Этот молодой человек, Василий Петрович Боборыкин, принадлежал к столичным аристократическим кругам, он происходил из древнего дворянского рода, представителями которого были известные государственные и культурные деятели, в том числе его племянник, литератор Петр Дмитриевич Боборыкин.

Сохранилось только одно письмо святителя Игнатия, тогда еще 23-летнего юноши Димитрия, к Софье Александровне: «Усердно желаю тебе и телесного и душевного здоровья. Да укрепит тебя всеблагий Господь наш Иисус Христос, искупивший нас Своею неоцененною кровию; да дарует тебе терпение в твоих болезнях и прочих скорбях...» Софья Александровна была больна; она умерла в 23 года. По словам А. Н. Купреяновой, узнав о ее смерти, отец Игнатий написал ее матери, Марии Александровне. «Он просил сообщить подробности о последних днях Софьи Александровны, поясняя, что был связан с нею узами исключительной дружбы и надеется увидеться с нею в будущей жизни, по слову Священного Писания: *Бог вселяет единомысленныя в доме...*»

После так рано умершей Софьи Александровны Боборыкиной остались две малютки-дочки, Соня и Варя, «которые росли, как воспитанные и светские барышни, под надзором отца — настолько умного и любящего, что он не только не подавлял их личностей, но, напротив, помогал им вырабатывать свою самостоятельность и серьезный взгляд на все окружающее». Помогал в воспитании и дедушка, Александр Семенович: «Свою манеру не входить в интимность дед нарушал для сестер Боборыкиных, девушек светских и выросших без матери. Как умел он без расспросов угадывать их затруднения, тепло поддержать в трудную минуту сочувственным взглядом, мимолетным ободряющим словом или иначе: подарить две великолепные розы для корсажа и перекрестить девушку».

Святитель Игнатий также с большой теплотой относился к дочерям своей любимой сестры. «Они часто пользовались его духовными советами. И не одними духовными. Он не пренебрегал заботою о корректном наружном виде; прежний светский человек сказывался в этом. Однажды, в Сергиевой пустыни, заметив, что приехавшие к нему племянницы причесаны не так, как в это время причесывались в столице, он попросил сестру свою, жену генерала, поехать с ними куда следует и устроить, чтобы прическа их была безукоризненною.

Если он видел на сестрах что-нибудь недостаточно изящное, то тихо спрашивал: “Что это у тебя, какой наряд!” — “Так носят, Владыко”. — “Ты не носи”.

У С. В. Боборыкиной была привычка, как и у многих, — идя в церковь, надевать скромное, темное платье. Владыка не одобрял этого.

“Зачем это? — говорил он. — Разве ты думаешь, что Богу приятнее видеть тебя в черном платье, нежели в обыкновенном? Или думаешь, что, переодевшись, ты сделаешься ближе к Богу, достойнее?”

Сестры иногда каялись ему, сокрушаясь о своих грехах, жалуясь на искушения. Он отвечал: “Не надо засуживать себя. Господь пришел в мир для грешных. Что же ты удивляешься, что грешна? Разве ты не такая, как все? Ну и гордость, и прочее. У других это все есть, почему не должно быть у тебя? Ты, значит, считаешь себя лучше прочих? Смиреннее? При моих-то достоинствах... Смирись-ка другой так, как я! Это — гордость смирения”».

Сестры глубоко почитали Владыку. А. Н. Купреянова далее пишет, что из-за весенней распутицы никто из родных не мог поехать на его похороны. «Поехала одна Софья Васильевна Боборыкина, девушка горячая и способная к большой преданности. Дед не хотел отпустить ее». Но она все же уехала одна, только с горничной. По весеннему бездорожью проехала 200 верст до Бабаек. Так как из-за ледохода на Волге против монастыря переправа была запрещена и охранялась стражей, она проехала тремя верстами ниже, наняла там лодочника за хорошие деньги, который и «доставил двух женщин на другой берег, несмотря на опасность переезда».

Софья Васильевна в последние годы жизни другого своего дяди, Петра Александровича Брянчанинова, помогала ему в издании трудов святителя Игнатия. Так, 15 января 1880 г. она, по доверенности Петра Александровича, заключила условие с санкт-петербургским купцом Игнатием Ларионовичем Тузовым, по которому уступила ему право на одно издание «Отечника» и «Слова о смерти».

Ее сестра, Варвара Васильевна Боборыкина, дожила до глубокой старости. Л. А. Соколов, познакомившийся с ней в период своей работы над монографией о святителе Игнатии, писал: «Престарелая, при своем преклонном свыше 80-летнем возрасте, сохранившая в полной ясности воспоминания своего детства и юности,

уносящая нас в период общественной деятельности и отшельнической жизни Епископа Игнатия. ...При полной ясности мысли, редкой основательности и логичности суждений, глубоко образованная В. В. Боборыкина вызывает глубокое к себе уважение полной определительностию своего взгляда на жизнь и на смерть и готовностию перехода в потусторонний мир по зову Божию в уповании при этом на предстательство Епископа Игнатия, в лице которого родичи Епископа Игнатия и сродные ему по духу жизненных упований имеют своего небесного предтечу».

«Из всех моих родственников Паренсовы — за ним сестра моя, оказывают мне наиболее внимания», — писал святитель Игнатий о своей третьей сестре. Елизавета Александровна (1813 — 27 апреля 1886) замужем была за государственным чиновником, Димитрием Тихоновичем Паренсовым. Наиболее близкие отношения у Елизаветы Александровны сложились с братом во время его отпуска в Николо-Бабаевском монастыре и затем протянулись на всю их жизнь. «Скажу тебе, — писал он ей 11 декабря 1847 г., — в глубине моего сердца всегда была тайная скорбь о тебе. Я помышлял: "сколько посторонних людей притекает ко мне, обновляется душами в познании истины и в утешении сердца, предвкушающего будущее блаженство, утешения, которое раждается единственно от познания истинного Христова учения! А та сестра моя, которую Бог привел воспринимать от купели и которой я обязан словом спасения, — стоит от меня вдалеке, — и не знаю — в каком состоянии душа ее?" Бог, по неизреченной благости Своей, отъял эту скорбь от сердца моего и заменил ее утешением, присовокупив это утешение ко многим другим утешениям, нисшедшим ко мне от Руки Божией».

За период с сентября 1847 г., когда святитель Игнатий пребывал в отпуске на Бабайках, и до последнего письма, помеченного 26 февраля 1867 г., известны 73 письма Святителя к Елизавете Александровне Паренсовой. Письма эти, помимо сведений о сугубо семейных личных обстоятельствах, о здоровье самого Святителя и его близких, содержат ценнейшую информацию для пополнения его жизнеописания. В частности, благодаря этим письмам можно совершенно точно установить время написания им некоторых его духовных сочинений. Например, в письме от 16 мая 1848 г. он писал: «А между тем прилагаю здесь брошюру под названием "Кладбище". Ее написал я на пути из Вологды в Петербург — в то время как остановился на дороге отдохнуть денек в Никола-

евском Старо-Ладожском монастыре». (В издававшихся до сего дня собраниях творений Святителя помечена дата создания «Кладбища» — 20 мая 1844 г., с. Покровское.) Также он писал: «...многие хлопоты препятствуют мне похлопотать о издании Иосифа, которое на первый случай встретило неудачу». Значит «Иосиф. Священная повесть из книги Бытия», вошедшая во второй том «Аскетических опытов» святителя Игнатия, была написана им в Бабайках в 1847 г. Из последующих писем узнаем, что издана она была в 1849 г. В том же 1849 г. 7 декабря Святитель пишет еще об одном его известном творении: «На днях надеюсь получить вышедшее в печати небольшое сочинение мое “Чаша Христова”, которого несколько экземпляров надеюсь прислать тебе».

Из писем можно узнать, что за время службы в Сергиевой пустыни Святитель был духовным советником для представителей целого ряда исторических фамилий: Кавелиных, Муравьевых, Горчаковых, Фридериксовых, Анненковых, Моллер и других. О своем друге, статс-даме Императрицы баронессе Фридерикс, он, например, пишет: «Обязанная каждый день проводить во дворце, как самая приближенная особа к Государыне, она все мысли свои и ощущения посвящает Богу». Упоминаются в письмах митрополиты Филарет Московский и Антоний Новгородский и Санкт-Петербургский. Так, именно в письме к Елизавете Александровне находится известное выражение о Московском Митрополите: «Умен Филарет, умен как день».

Во время отпуска святителя Игнатия в Николо-Бабаевском монастыре Елизавета Александровна приезжала к нему, чем «очень его утешила». А на обратном пути в Сергиеву пустыню он заезжал в ее имение Ивашево. «Ваше простое, уединенное, милое Ивашево, — писал он, — мне очень понравилось. Образ Вашей жизни мне очень понравился! А отношение Ваше ко мне — мое сокровище». С годами отношения становились еще более близкими. Святитель Игнатий принимал участие в служебных обстоятельствах мужа Елизаветы Александровны, устройстве будущности ее детей, Петра и Софии. «Особенное милосердие Божие к нашему семейству, — писал он уже будучи епископом, 28 февраля 1858 г., — это благочестие и Православие нашего семейства. Очень часто вспоминаю о Петре Дмитриевиче и Софии Дмитриевне: видя их направление, я вполне уверен, что их покроет благословение Божие». Из письма от 14 ноября 1858 г. можно узнать, что Петя прибыл в Петербург и «приютился у Арсеньевых»; уже из следующего письма от 24 февраля 1859 г. видно, что сын Арсе-

ньевых, Юлий Константинович, очарован сестрой Пети, Соней: «умный и сериозный человек, человек, принадлежащий службе, будет удовлетворен такою супругою, воспитанною в правилах благочестия и скромности, какова София Дмитриевна». И в письме от 7 июля 1859 г.: «Искренно поздравляю тебя с устроением дочери твоей, которую да благословит Милосердый Господь благословением свыше; поздравляю также и с сыном Камер-пажем. Передай мое усердное поздравление Димитрию Тихоновичу: Бог видимо благословляет его в детях его».

В 1860 г. Димитрий Тихонович Паренсов был произведен в «полные генералы», а София Дмитриевна подарила родителям внучку. В следующем году Елизавета Александровна овдовела. Утешением ей было благополучно складывающаяся судьба дочери: «Очень порадовался, услышав, что Арсеньевы губернаторствуют в Смоленске. Изволишь видеть, что милосердый Господь тебя не оставляет, но утешает и при самых скорбях милостями». 3 ноября 1864 г. он поздравил сестру с внучком; в этом же месяце она приезжала в Николо-Бабаевский монастырь повидаться с братом — в последний раз.

Елизавета Александровна тоже начала болеть. Но все-таки она пережила брата почти на 20 лет.

Ее дети. Петр Дмитриевич с большим почтением относился к дяде, часто писал ему о своих делах. При жизни Святителя он служил в Николаевской Академии Главного Штаба. Софья Дмитриевна, овдовев в 1877 г., поступила в том же году на службу по Духовному ведомству. 3 марта 1889 г. Павел Петрович Яковлев писал вдове Тайного Советника Начальнице женского Минского училища Духовного ведомства Арсеньевой Софье Дмитриевне: «26-го прошедшего Января в Бабаевской обители освящен в основанном покойным Владыкою в 1865 году великолепном храме престол во имя священномученика Игнатия Богоносца. Вот милостию Божию сооружен почившему молитвенный памятник вечный, ежели есть на земле что-либо вечное.

Покойная Ваша матушка, сколько мне известно, весьма бы утешена была таким сообщением; не сумневаюсь и в Вашем сердечном участии».

В августе 1843 г. Елизавета Александровна в письме из Вологды к святителю Игнатию, между прочим, писала: «Вижусь всякий день с сестрою Марией Александровной. ...Мария Александровна живет в довольстве, но здоровье жалкое, страдания ежечасные».

Мария Александровна — это самая младшая из сестер Брянчаниновых (родилась в 1817 г.). По словам ее дочери, А. Н. Купреяновой, «моя мать сделалась женою молодого соседнего помещика, человека безусловной честности и прямоты, но не равного ей по образованию и привычкам». Молодой человек этот, Николай Филиппович Купреянов, ничем особенным не проявил себя в жизни, также и Мария Александровна, которая жила в основном в своем имении Вепрево, изредка выезжая в Санкт-Петербург и Москву.

Известны девять писем святителя Игнатия к этой его сестре за период с 1840 по 1863 г. Письма очень ласковые, полные слов духовного назидания и утешения в ее болезненном состоянии. Но нет в этих письмах никаких сообщений о жизни самого Святителя, ни об обстоятельствах, о которых он писал ее сестре, Елизавете Александровне. Единственным свидетельством об их встрече являются воспоминания ее дочери: «За четыре месяца до смерти епископа Игнатия мать моя ездила в Бабаевский монастырь, где он жил на покое, и брала меня с собою. Я была мала, и впечатления мои уцелели отрывками. Помню просторную архиерейскую гостиную с окнами на реку. Она не мрачна: одноцветные стены ее приятного шоколадного тона. Над диваном висят большие овальные портреты братьев в золоченых рамах. Масса книг на столах, на полу: гостиная служит и кабинетом. Мебели немного, но все солидное: простота высокоразвитого вкуса. За этой комнатой находилась другая, узкая спальня, имевшая вид более интимного приюта. Здесь висели на стенах рясы, а на столе лежало несколько красивых четок — дары друзей.

Сам Епископ был высокий человек, важный, очень уже пожилой, но не казавшийся стариком. Только лицо его, полное и бледное, обличало внутреннюю болезненность. Помню, что он сидел обыкновенно на диване, моя мать также, а рядом с Епископом на кресле помещался Петр Александрович... Долгие часы просиживала я возле матери, слушая малопонятные мне речи...»

Письма святителя Игнатия к сестре Александре Александровне Жандр

№ 1

Искренне говорю тебе — ты счастлива, потому что идешь путем спасения, потому что ты познала, что человек должен искать свое счастие не во временном и земном, но в Божественном и вечном.

Что человек на земле? — Путник. — Что такое смерть? — Эпоха, с которой начинается наша действительная жизнь. — Продолжительно странствуя в этой тьме ночной, посреди слабостей и искушений, руководимые светом истинной веры, мы достигаем наконец до той грани, которою отделяется свет от тьмы. — Счастлив человек, бывший истинным христианином.

Димитрий.
1824 г.

№ 2

Ты, упомянув о моих молитвах, меня громом поразила. Разумеется, молиться друг за друга мы должны не только как христиане, но и как единокровные... Мою грешную молитву нельзя еще назвать и молитвой; ибо, что такое молитва? Молитва есть разговор человека с Богом; признаюсь тебе с горестною откровенностию, что почти всегда язык мой только произносит кое-как молебные слова без всякого участия ума и сердца. И так молюсь ли я? Нет, более грешу, чем молюсь; однако надеюсь на Всемилостивого Господа, что поможет мне некогда вкусить и силу молитвы.

Димитрий.
1829 г.

№ 3

Дело твое совершенно не удалось, слава Богу! Бог знает, что делает. Никто у Бога не забыт и над каждым бдит недремлющее око Божие и строит все к его пользе. Итак, положись на Бога и оставь излишнее желание, которое тебе приносит враг, чтоб смутить тебя.

Знаю, что трудно и очень трудно тебе бывает. Но что делать? Нет другого средства, кроме терпения и благодарения Богу, на нас пристально Смотрящему. Зачем же ты сердишься при твоих занятиях? «Помысли, — говорит Великий Варсонофий, — что все земные занятия пройдут, а терпение, которое окажешь при этих занятиях, — то останется с тобою, пойдет за гроб и оправдает или осудит тебя перед Богом. Смотри не погубляй этого хлеба насущного (т.е. терпения), который тебе понадобится на дорогу от земли на небо». Точно понадобится! Пишешь, что ныне лишена совершенно внутренней радости. — Иногда благодать Божия утешает человека, а иногда

скрывается, а все это делает по премудрейшему Своему усмотрению, а потому все таковые случаи и перемены должно переносить с терпением и почитать себя недостойною радости или утешения духовного. В свое время опять ощутишь отраду.

Также не должно человеку отчаиваться, как бы велики грехи его ни были: ибо человек спасается не своими добрыми делами, единою верою во Христа Спасителя, а делами должно доказывать свою веру. Подумай, что и «оный великий Петр плакася горько».

Средство переменить место жительства теперь не предвидится (разве что состроит Господь непредвидимо) и потому должно укрепиться всевозможным терпением и благою надеждою. Зачем ты отчаиваешься? Или считаешь Бога немилостивым? Как можно! Он-то и есть самое доброе. Надейся на Него и крепись. Не забывай молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Молитва эта может совершаться при всех занятиях, сверх того отгоняет скверные помыслы и разливает в нас веселие. Прости!

Димитрий.
1830 г.

№ 4

Любезнейшая сестра Александра Александровна!

Благодарю тебя за приятнейшие Твои строки, желаю Тебе и малютке Твоей всего доброго. Богу угодно было освободить тебя от супружества, столько скорбного. Г-н Жандр на днях скончался и погребен в Невской Лавре. Ты приезжала сюда проститься с ним последним погребальным прощанием. Свобода твоя должна быть для тебя средством работать Господу. Ему жертвуй сей свободой и не сковывай ее узами плотскими. Есть у тебя дитя, которому, дав бытие существенное, должна ты дать и жизнь духовную, т. е. научить веровать во Христа и исполнять Его Священные заповеди, в коих заключается любовь. Хранящий заповеди Христовы любит Христа, не хранящий заповедей — чужд любви.

Господь да благословит и матерь и чадо. Христос с тобою.

Искренне любящий тебя брат

Архим<андрит> И<гнатий>.
26 апреля 1838 г.

№ 5

Приношу тебе искреннейшую благодарность за то, что ты вспомнила меня грешного и больного в дни величайшего христианского праздника! Да благословит тебя Бог за это доброе воспоминание! Да утешит тебя в скорбях твоих! Да дарует тебе силы переносить их с великодушием и терпением! Ибо и утешение и силу терпения проливает в нас единая милость Божия, единая благодать Божия!

О приходящих помыслах неверия и хулы не смущайся. Это явная бесовская брань, которая случалась со многими святыми, и продолжалась весьма долго. Такою бранью томим был в продолжение четырех лет Святый Нифонт. Посмотри житие его в Четьих Минеях, 23 декабря. В таких бранях никак не надо смущаться, не надо приходить в отчаяние, но повергаться пред всевидящим и всемогущим Богом и, предавая в Его волю душу свою, просить у Него милости. От смущения и отчаяния укрепляется на нас брань вражеская, а если будем смотреть на эту брань с великодушием, говоря себе: «Что ж? Господь видит эту брань и попускает ее — значит такова Его святая воля и мне это на душевную пользу»; тогда брань ослабевает и умаляется.

Потерпи и узришь милость Божию! За всю жизнь твою, с самого младенчества твоего, были попущены тебе скорби. Это признак, как утверждают святые Отцы, особенного Промысла Божия. Бог хощет соделать тебя участницей вечного блаженства и подает тебе чашу спасительную скорбей. Успокойся и молись. Благословение Божие да почиет над тобой и над чадом твоим.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
10 мая 1838 г.

№ 6

Бог да подкрепит тебя в скорбях твоих! Прими и мое грешное и недостаточное слово утешения, которое присылаю тебе в этих строках, чтоб утешить тебя Богом, как и Пророк Давид сказал: *Отвержеся утешитися душа моя; помянух Бога и возвеселихся*[1]. Во-первых, каждый христианин должен веровать, что он находится под непрестанным Промыслом Божиим. Этому научает нас Евангелие. Сам Спаситель говорит: *И власы глав ваших изочтены суть*[2]. Поэтому христианин, когда будут ему попущены скорби, должен несомненно веровать, что эти скорби попущены ему Самим Всеблагим и Премудрым Богом, Который

предвозвестил Своим возлюбленным: *В мире скорбни будете*[3]. Итак, не должно считать странным, видя себя в скорбях, не должно предаваться унынию; напротив того, должно благодарить Бога за скорби как за знак избрания к блаженной вечности. От благодарения не только притупляется лютое жало скорби, но и вселяется в сердце благодарящего небесное, духовное утешение. Благодарить можно словами праведного Иова.

Во-вторых, все мы грешники пред Богом. Грешник не должен считать странным, когда ему посылается наказание. Нет! Он должен открыться пред Богом, признавать себя достойным посланной на него скорби и радоваться, что в земной жизни приемлет наказание за согрешение в ведении и неведении и тем избавляется от вечных мук. При таком размышлении полезно произносить со святым разбойником: *Достойное по делом моим восприемлю, помяни мя, Господи, во Царствии Твоем.*

Христос совершил земное течение Свое в непрестанных страданиях. Едва Он родился, как уже люди устремились на убиение Его. Учеников Своих Он приглашает к страданиям, а тому, кто не хочет страдать, говорит: *Иже не возьмет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин*[4]. Рассмотри жития всех Апостолов: все они проводили жизнь и окончили в страданиях. Рассмотри жития мучеников: они кровию и бесчисленными муками купили себе небо. Рассмотри жития преподобных: не была ли вся жизнь их продолжительным, невидимым мученичеством? *В пустыне скитающеся, в вертепах и пропастях земных, лишени, скорбящи, озлоблени*[5], — по словам Апостола, — многими кровьми и смертьми, — по выражению Требника, наследовали они блаженную вечность. «Никто же взыде на небо с ослабою, — говорит святой, великий Исаак Сирский, — напротив того, о сем познавается человек, находящийся под особенным Промыслом Божиим, когда ему пошлются непрестанные скорби. Итак, благодари, смиряйся, веруй, предавайся воле Божией, молись за тех, в коих сердце немирно. В сих только возможешь найти утешение и исцеление.

А<рхимандрит> И<гнатий>.

1839 г.

[1] *...душа моя отказывается от утешения. Вспоминаю о Боге и трепещу* (Пс. 76. 3–4).

[2] *...у вас же и волосы на голове все сочтены* (Мф. 10. 30).

[3] Ин. 16. 33.

[4] *...и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10. 38).

[5] *...скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли, терпя недостатки, скорби, озлобления* (Евр. 11. 38, 37).

№ 7

Письмо твое от 2-го октября я получил. Милосердый Господь да не оставит тебя! Он попущает нам скорбь для очищения нашего от грехов; Он посылает нам и утешение, чтоб мы не до конца изнемогли под бременем скорби.

Безмерная скорбь о грехах, доходящая до отчаяния, отвергается по учению святых Отцов. Скорбь эту должно растворять надеждою на милосердие Божие; должно вместе печалиться и надеяться; печалиться, потому что мы грехами своими прогневляем Бога, удаляемся от Бога; надеяться — потому что мы имеем всесильного Врача для грехов наших, Господа Иисуса Христа, пролившего за нас кровь Свою.

Когда приходят хульные помыслы неверия, сомнения и тому подобные, то, по учению святых Отцов, не должно этим смущаться, а знать, что эти помыслы не принадлежат душе нашей, а врагу нашему диаволу. Не должно ими смущаться, не должно принимать их и укосневать в них.

Больному человеку полезнее частая молитва, но краткая. Хорошо молиться несколько раз в день по краткому времени. Прекрасны молитвы: «Боже, очисти мя грешнаго» и «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Их должно произносить неспешно, заключая ум в слова молитвы, как выражается святой Иоанн Лествичник. Милосердый Господь да поможет тебе и да благословит тебя и дщерь твою!

А<рхимандрит> И<гнатий>.
16 октября 1847 г.

№ 8

Благодарю тебя за письмо твое.

Слышал о твоей болезни. Что делать: ни в чем другом невозможно найти утешение, как в терпении, которое рождается от смирения. Смирение состоит в том, чтоб мы признавали себя достойными скорби, попущенной на нас Промыслом Божиим. «Достойная по делом моим восприемлева», — говорил благоразумный разбойник, и за осуждение себя удостоился высших разумений и ощущений, за которыми следует Царствие Небес-

ное. Скорби всегда были достоянием спасающихся, особливо же они свойственны нынешнему времени, когда человеки ослабели к совершению добродетелей. Итак, не малодушествуй, но в терпении и смирении предавай себя воле Божией и благодари Его Святый Промысл за все, тебе посланное. Благословение Божие буди над тобою и над твоим чадом. Господь с тобою.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
8 января 1846 г.

№ 9

Поздравляю тебя с определением дочери твоей в Екатерининский Институт пансионерской Государыни Императрицы. Моли Бога о здравии и благоденствии Царицы — доброй, как Ангел. Будь мирна: ты сделала относительно твоей дочери все, что зависело от тебя. Поручи ее Богу! А сама займись в тишине твоей пустыни и занятий благочестивых поправлением твоего здоровья. От спокойствия оно может поправиться. Христос с тобою. Молись обо мне.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
16 января 1848 г.

№ 10

Христос Воскресе!

Воскресший Христос да облегчит твои страдания, да дарует терпение и благую спасительную мысль переносить временную болезнь с великодушным терпением и мужеством, с благодарением Богу, временными скорбями устрояющему нашу вечную радость. Благодарю тебя за письмо твое. Даруй Бог тебе поправиться. Уединение много поможет тебе: уединение, соединенное с занятиями простыми, одушевляемыми любовию к ближним и благочестием.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
13 апреля 1848 г.

№ 11

Благодарю тебя за добрейшее письмо твое. Хотя я не видел тебя здесь очами телесными, но вижу очами души. Бог да подкрепит тебя, да дарует тебе нести крест твой с терпением и надеждою. Все мы создания — не что другое. Отдадим себя в руце Создателя: да творит с нами то, что Ему угодно. Я хотел заехать

к тебе, но время так коротко, что мне невозможно этого сделать. Так-то будем поживать в пустынях: я в Сергиевской, а ты в пустыне Маслинской; будем заботиться об исцелении наших душевных и телесных недугов, предаваясь воле Божией. Христос с тобою.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
23 мая 1848 г.
с. Покровское

№ 12

Чудесное письмо твое от 18-го сентября я получил. Какая до сих пор прекрасная рука! Как похожа на руку покойной матушки. Бог да укрепит тебя, да утешит тебя! Пожалуйста, живи безвыездно в Маслине, пока не поправишься: спокойствие необходимо при нервном расстройстве, — спокойствие и удаление от предметов, трогающих сердце. Иначе болезнь может возрасти и обратиться во что-либо серьезное, неисправимое. Прими мой искренний совет.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
1 октября 1848 г.

№ 13

Воистину Христос Воскресе!

Благодарю тебя за дружеское письмо твое и поздравление с Праздником Праздников Воскресением Христовым, с которым я равным образом поздравляю тебя, желая тебе всех истинных благ. Христос, поправший Своею смертию смерть человеков и воскресением Своим даровавший воскресение всем верующим в Него, уже одержал победу и над всеми скорбями твоими, а со Христом одержала и ты эту победу. Терпи великодушно яростные волны, терпи великодушно напор свирепых ветров, терпи силою веры — и Христос приведет тебя в свое время в покой свой. По множеству болезней, которые тебя посещают в этой временной жизни, великие утешения ожидают тебя в вечной жизни. Не тревожься возрастающими страстями, старайся по возможности противиться им: человек, доколе на земле и облечен в бренное тело, дотоле подвержен изменениям, то чувствует сердечный мир и спокойствие, не возмущаемое никакою страстию, то находится в обуревании страстей. Такая изменяемость научает нас самопознанию, смирению; научает прибегать непрестанно

к помощи Божией, которая только что нас оставит, хотя бы на одну минуту, то мы падаем и совершаем бесстрашно беззакония. Призывающий на тебя благословение Божие.

А<рхимандрит> И<гнатий>.

14 апреля 1849 г.

№ 14

Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы[1], — сказал Господь. Благо будет и тебе, обремененной многими скорбями душевными и телесными, послушаться этого призвания спасительного и, оставляя мир, которого попечениями тебе заниматься уже не под силу, взойти в тихое монастырское пристанище.

Твое намерение — не видеть дочь твою во время твоей земной жизни — я благословляю: да примет от тебя Бог эту существенно нужную жертву и да наставит тебя на путь Свой.

Призывающий на тебя благословение Божие

А<рхимандрит> И<гнатий>.

7 декабря 1849 г.

[1] Мф. 11. 28.

№ 15

Посылаемые Господом земные скорби суть залог вечного спасения: почему их должно переносить с терпением, а терпение тогда изливается в душу человека, когда человек за свои скорби благодарит и славословит Создателя. Мы здесь на земли — странники: и хорошее и худое положение человека мимоидет яко сон. Сокровище наше — Господь.

О дочери не скорби, а предоставь ее воле Божией. Не с твоею болезненностию усильно заботиться о ней.

Архимандрит Игнатий.

7 января 1855 г.

№ 16

Советую тебе предоставить дочь попечению сестер в вере и надежде на Господа, а сама прилепляйся Господу милостынею и молитвою; предоставив Сашу сестрам или Батюшке, ты сделаешь пользу и ей и себе. А засуждать ее не надо: мы все немощны, и гордостию заражен весь падший род человеческий.

А<рхимандрит> И<гнатий>.

14 апреля 1855 г.

Письма святителя Игнатия к племяннице своей, дочери А. А. Жандр, Александре Васильевне Жандр

№ 1

Господь да помянет тебя милостию Своею. Болезненностию восполняются подвиги. Болезнь — готовое спасение, когда больной удаляется от дурных слов, помышлений и мечтаний; когда он предается воле Божией; когда благодарит за болезнь, удаляющую его от мира: чего бы он не сделал единственно по собственному произволению.

Извини: пишу мало, хотя и написал много. Я слаб силами, а по причине золотухи, обратившейся к глазам, должен беречь глаза. Призывающий на тебя благословение Божие.

Игнатий Е<пископ> К<авказский> и Ч<ерноморский>
30 декабря 1858 г.

№ 2

Благодарю тебя за письмо твое от 15-го декабря и поздравляю с наступившими Праздниками. Очень справедливо и богоугодно рассуждаешь, говоря, что болезненность и сопряженные с нею тесноты посланы тебе Богом для охранения от грехов и греховных соблазнов, которыми ныне преисполнен мир. Но и ныне избранные спасаются. Печать избрания суть скорби. Господь и кого приемлет в ближайшее усвоение Себе, тому посылает скорби, и кого хочет поддержать в усвоение с Собою, тому посылает скорби, и кого хочет увенчать, того подвергает различным скорбям, чтобы душа, потрясаемая скорбями, прозрела и увидела Бога в Его Промысле. В скорбях очень полезно предаваться воле Божией и благодарить Бога за посланную скорбь. Скорбящим полезно читать житие Великомученика Евстафия Плакиты (Четьи Минеи, 20 сент.). Благословение Божие да почиет над тобою.

Игнатий Е<пископ> К<авказский> и Ч<ерноморский>.
29 декабря 1859 г.

№ 3

Благодарю тебя за воспоминание обо мне и поздравление с Праздниками, взаимно поздравляю тебя, желаю тебе всех истинных благ от десницы Божией.

Предпринимая что-либо, надо, во-первых, рассудить, благоугодно ли дело предпринимаемое Богу и душеполезно ли, потом приятно ли или полезно ли оно нашим ближним?

Угождение Богу и свою душевную пользу, всегда сопряженную с этим угождением, надо предпочитать всему — так научает нас Евангелие. Угождение человеком, когда оно сообразно заповедям Божиим и доставляет душевную пользу, также весьма полезно, как изъявление любви к ближнему, заповеданной Евангелием. Если ж угождение человекам не богоугодно и душевредно, то оно называется человекоугодием и воспрещается Богом. По этим признакам рассмотри свое положение и поступи по воле Божией.

Благословение Божие да почиет над тобою.

Игнатий Е<пископ> К<авказский> и Ч<ерноморский>.

4 января 1861 г.

№ 4

Очень хорошо, когда человек постоянно видит и исповедует себя грешным. От такового самовоззрения дух человека пребывает постоянно в смирении и Боголюбезной печали. Но надобно, чтоб такое самовоззрение было растворено благоразумием и не переходило должной меры. В последнем случае оно может быть вредным, может поставить человека в совершенное недоумение относительно его жительства.

Естество наше повреждено грехом. По этой причине сердце каждого человека производит само собою в большем количестве плевелы. И потому, кто видит возникающие в себе плевелы, никак не должен удивляться этому, как чему-нибудь необыкновенному, не должен приходить в недоумение и малодушие. Так быть должно! Плевелы сердечные делают свое: растут и растут; будучи выполоты, снова появляются. И мы должны делать свое: полоть и полоть плевелы. Таким положением укореняется в человеке смирение. К смирению нисходит милость Божия. Всесильный и всеблагий Бог неуклонно смотрит на нас. Он потому и попускает нам положение, приводящее нас к смирению, чтоб даровать нам свою милость. На все свое время: есть время обработки земли под посев хлеба, есть другое время для посева, опять другое для жатвы, для молочения, для превращения в муку, для печения, наконец для вкушения хлеба.

Душа каждого человека, предавшегося в служение Богу без всякой лукавой, земной цели с целью Богоугождения и своего спасения, находится в руце Божией. Такой душе Бог дарует на время земного странствования тесный путь, состоящий из различных скорбей и лишений, потому что по широкому пути невозможно придти к Богу. С верою предай себя воле Божией, отвергая от себя не трудовое попечение о себе, но попечения мечтательные. Когда придут такие попечения, гораздо лучше обращаться с молитвою о себе Богу, нежели вдаваться в сочинение и живопись разных планов, всегда несбыточных. Благословение Божие да почиет над тобою.

Недостойный Е<пископ> И<гнатий>.
1 февраля 1862 г.

№ 5

Спаси Господи за поздравление с Праздником Воскресения Христова, с которым и я поздравлял тебя, искренно желая встретиться с тобою на вечном Празднике, уготованном для всех христиан воскресшим Христом.

Давно ли видел я тебя в Москве? Кажется, очень недавно, а с того времени пролетело более полугода. Так пролетит и вся земная жизнь. Она дана нам для приготовления к вечности. Благословение Божие да почиет над тобою.

Н<едостойный> Е<пископ> И<гнатий>.
20 апреля 1862 г.

№ 6

Когда человека особенно беспокоят помыслы против его воли, это знак, что к тому человеку есть милость Божия. Нечистые духи завидуют такому человеку и стараются смутить его. Таких помыслов не должно разбирать и обращать на них особое внимание, потому что от этого усиливается смущение. Не найти порядка в тех, в которых все беспорядок. На все смущения должно отвечать краткими словами: «Я отдал себя в волю Божию».

Также и в молитве надо ежедневно просить у Бога, чтоб Он сотворил над нами Свою святую волю, и затем утверждаться верою в Бога, без воли Которого ничего с нами случиться не может.

Воспоминание о смерти, о суде Божием, о вечных муках — хорошо; но когда при этом приходит безнадежие, уныние, отчаяние, то надо знать, что тут есть и примесь бесовская, которая

прогоняется верою. Священное Писание называет Бога верным, а человека — ложью. Бог верен и никак не лишит спасения того человека, который желает спастись; также не пошлет преждевременной и безвременной смерти такому человеку, но даст ему все время на приготовление.

Укрепись верою и предавайся воле Божией. Милость Божия и благословение Божие да почиет над тобою.

Недостойный Епис<коп> Кав<казский> Игнатий.
8 ноября 1862 г.

№ 7

Общее правило для всех, занимающихся молитвою: «заключать ум в слова молитвы», т.е. молиться со вниманием. Что душа для тела, то внимание для молитвы: без внимания она мертва, не имеет никакого значения. Заботиться о заключении ума в слова молитвы должно и при молении молитвою Иисусовою и при чтении акафистов и прочих молитвословий. Святые Отцы советуют желающему преуспеть в молитве заниматься и молением молитвою Иисусовою и чтением правил, попеременно. Такое разнообразие облегчает молитвенный подвиг и способствует преуспеянию. Новоначальным должно заниматься молитвою понемногу, но часто, чтоб сохранить вкус к молитве и не произвести в уме утомления, от которого происходит оставление молитвы.

Когда находишься одна — молись несколько вслух, чтоб слышать самой себя: это способствует к вниманию. На приходящие помыслы, как бы они ни были явственны, не должно обращать никакого внимания. *Свет стезям моим — закон Твой*[1], сказал Пророк, а не что иное. Если при молитве не имеешь должного внимания, то этим не смущайся. Бог даст внимание в свое время тому, кто постоянством в упражнении молитвою и в побуждении себя ко вниманию докажет, что он действительно желает молиться со вниманием. Один святой сказал: «Я все мои немощи возложил на Бога и отдал себя совершенно в Его волю». И ты говори о себе так и успокоишься. Благословение Божие и милость Божия да почиют над тобою.

Епископ Игнатий.
24 марта 1863 г.

[1] Ср.: Пс. 118. 105.

№ 8

Подвижникам, занимающимся умственным подвигом, попускаются преимущественно пред телесными подвигами болезни и другие скорби: от действия их подвижник по необходимости должен возлагать надежду на Бога. От усиления надежды на Бога слабеет самонадеянность; с уменьшением самонадеянности уменьшается самомнение. С ослаблением этих недугов начинает зарождаться в душе истинное смирение, на котором основаны правильность и прочность всякого подвига.

Это сказано в утешение тебе в постигшей тебя болезни. Будем предаваться воле Божией и делать сами то, что зависит от нас.

Сего 22-го июня я получил письмо из М<осквы> от 15-го от П<етра> А<лександрови>ча. Как он извещает меня в этом письме, что 14-го выезжает в П<етер>б<ург>, то потрудитесь переслать ему это письмо мое в подлиннике. В нем ответ на его письмо. 15-го мая кончил я употребление (хренового) сиропа, и до сих пор он действует сильно против худосочия, производя во мне ту же неимоверную слабость, какую производил прошедшего лета, и которая тогда значительно миновалась с прекращением действия сиропа.

Церковь наша выходит необыкновенно хорошею, далеко лучшею, нежели какова она на чертеже, так что рука Божия выказывается в этом деле со всею очевидностию.

Призывающий на тебя обильное благословение Божие тебе преданнейший слуга и родственник

Е<пископ> И<гнатий>.
22 июня 1866 г.

Из записок Михаила Васильевича Чихачева[1]

В автобиографических записках Михаила Васильевича Чихачева записано следующее удивительное явление епископа Игнатия Александре Васильевне Жандр на 20-й день по его кончине, 1867 года 19 мая. Явление это глубоко назидательного смысла по существу и важное для характеристики воззрений современников на личность почившего Святителя.

«Тяжелая скорбь подавила все существо мое с той минуты, как дошла до меня весть о кончине Владыки. Скорбь эта не уступала и молитве: самая молитва была растворена скорбию, невыносимою, горькою. Ни днем ни ночью не покидало сердца ощущение духовного сиротства. И душа и тело изнемогли, до болезни. Так

прошло время до 20 дня по кончине Владыки. На этот день я готовилась приобщиться Святых Таин в одном из женских московских монастырей. Так сильно было чувство печали, что оно даже во время Таинства Исповеди не покидало меня, не покидало и во все время совершения литургии. Но в ту минуту, как Господь сподобил меня принять Святые Тайны, внезапно в душу мою сошла чудная тишина, и живая молитва именем Господа нашего Иисуса Христа ощутилась в сердце. Так же внезапно и для меня самой непонятно печаль о кончине Владыки исчезла. Прошло несколько минут, в течение которых я отошла на несколько шагов от Царских врат и, не сходя с солеи, стала по указанию матери игуменьи на левый клирос, прямо против иконы Успения Божией Матери. В сердце была молитва, мысль застыла в молчании, и вдруг пред внутренними глазами моими, как бы в самом сердце, но прямо против меня у иконы Успения, возле одра, на котором возлежит Царица Небесная, изобразился лик усопшего Святителя — красоты, славы, света неописанных! Свет озарял сверху весь лик, особенно сосредоточиваясь наверху главы. И внутри меня, опять в сердце, но вместе и от лика, я услышала голос; заронились мысль, поведание, луч света; почувствовала радость, пронизавшую все мое существо, а оно и без слов, но как-то дивно передало внутреннему человеку следующие слова Святителя: "Видишь, как тебе хорошо сегодня. А мне, без сравнения, так всегда хорошо, и потому не должно скорбеть обо мне". Ясно и отчетливо я видела и слышала это, как бы сподобилась увидеть Владыку и слышать от него необходимое изустно. Несказанная радость объяла всю душу мою, живым отпечатком отразилась на лице моем так, что заметили окружающие. По окончании литургии начали служить панихиду. И какая это была панихида! В обыкновенных печальных надгробных песнопениях слышалась мне дивная песнь духовного торжества, радости неизглаголанной, блаженства и жизни бесконечных. То была песнь воцерковления вновь перешедшего из земной, воинствующей Церкви воина Христова в Небесную Церковь торжествующих в невечерней славе праведников. Мне казалось, что был Христов день, таким Праздником ликовало все вокруг меня, и в сердце творилась тихая молитва.

Вечером того же дня (19 мая) я легла в постель: сна не было. Около полуночи, в полной тишине ночи, откуда-то издалека донеслись до слуха моего звуки дивной гармонии тысячи голосов. Все ближе и ближе становились звуки: начали отделяться ноты церковного пения ясно, наконец стали отчетливо звучать

слова... И так полно было гармонии это пение, что невольно приковывалось к нему все внимание, вся жизнь... Мерно гудели густые басы, как гудит в Пасхальную ночь звон всех московских колоколов. И плавно сливался этот гул с мягкими, бархатными тенорами, с серебром рассыпавшимися альтами, и весь хор казался одним голосом — столько было в нем гармонии! И все яснее и яснее выделялись слова. Я отчетливо расслышала: "Архиереев Богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало". И вместе с тем для самой меня необъяснимым извещением, без слов, но совершенно ясно и понятно, сказалось внутреннему существу моему, что этим пением встречали епископа Игнатия в мире небесных духов. Невольный страх объял меня, и к тому же пришло на память, что Владыка учил не внимать подобным видениям и слышаниям, чтобы не подвергнуться прелести. Усиленно старалась я не слышать и не слушать, заключая все внимание в слова молитвы Иисусовой, но пение все продолжалось помимо меня, так что мне пришла мысль, не поют ли где на самом деле в окрестностях. Я встала с постели, подошла к окну, отворила его: все было тихо, на востоке занималась заря.

Утром проснувшись, к удивлению моему, я припомнила не только напев, слышанный мною ночью, но и самые слова. Целый день, несмотря на множество случившихся житейских занятий, я находилась под необычайным впечатлением слышанного. Отрывочно, непоследовательно припоминались слова, хотя общая их связь ускользала от памяти. Вечером я была у всенощной: то была суббота — канун воскресения шестой недели по Пасхе: пели Пасхальный канон. Но ни эти песнопения, ни стройный хор Чудовских певчих не напоминали мне слышанного накануне: никакого сравнения не провести между тем и другим. Возвратившись домой, утомленная, усталая, я легла спать. Но сна опять не было, и лишь только что начал стихать городской шум, около полуночи, слуха моего снова коснулись знакомые звуки, только на этот раз они были ближе, четче, и слова врезывались в память мою с удивительной последовательностию. Медленно и звучно пел невидимый хор: "Православия поборниче, покаяния и молитвы делателю и учителю изрядный, архиереев Богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало: писаньми твоими вся ны уцеломудрил еси. Цевнице духовная, новый Златоусте: моли Слова Христа Бога, Его же носил еси в сердце твоем, даровати нам прежде конца покаяние!" На этот раз, несмотря на то, что я усиленно творила молитву Иисусову, пение не рассеивало внимания, а еще

как-то неизъяснимым образом и моя сердечная молитва сливалась в общую гармонию слышанного песнопения, и сердце живо ощущало и знало, что то была торжественная песнь, которой небожители радостно приветствовали преставльшегося от земли к небесным земного и небесного человека, епископа Игнатия. На третью ночь, с 21 на 22 мая, повторилось то же самое, при тех же самых ощущениях. Это троекратное повторение утвердило веру и не оставило никакого смущения, запечатлело в памяти и слова "тропаря", и тот напев, на который его пели, как бы давно знакомую молитву. Напев был сходен с напевом кондаков в акафистах. После мне сказывали, что это осьмый глас, когда я показала голосом, какой слышала напев».

Об Александре Васильевне знавшие ее лица отзываются с глубоким уважением, как о человеке высокообразованном, глубоко религиозном и безупречно правдивом. Ввиду этого и заверяемое ее свидетельством небесное прославление святителя Игнатия, помимо своего общего назидательного смысла, вызывает на размышление о многотрудном житии владыки Игнатия, его непрерывно-напряженном подвиге совершенствования, о его бесконечно чистой и ясной детской вере в страну обетования, в вечную радость Богообщения. И ознакомившись с поведанием А.В. Жандр, читатель невольно склоняется в душе своей к сочувственному движению: по вере вашей да будет вам, и да не посрамит вас упование ваше, а святитель Игнатий действительно мыслится как небесный предтеча своих учеников и чтителей, молящий Господа Бога даровати им прежде конца покаяние.

Не менее важным по своему внутреннему смыслу представляется переданное Софией Снессоревой М.В. Чихачеву чудесное сновидение о епископе Игнатии, по времени примыкающее к ближайшим дням по смерти Святителя. Рассказ о сновидении С.И. Снессоревой[2] представляется в следующем виде. «В последнее свидание с преосвященным Игнатием, 13 сентября 1866 года, он, прощаясь, сказал мне: "София Ивановна! Вам, как другу, как себе говорю: готовьтесь к смерти — она близка. Не заботьтесь о мирском: одно нужно — спасение души! Понуждайте себя думать о смерти, заботьтесь о вечности!" 30 апреля 1867 года (в неделю Мироносиц) преосвященный Игнатий скончался в Николаевском Бабаевском монастыре. Я поехала на его погребение, совершившееся 5 мая. Невыразима словом грустная радость, которую я испытала у гроба его. В субботу, 12 августа

1867 года, ночью худо спала, к утру заснула. Вижу — пришел владыка Игнатий в монашеском одеянии, полный цветущей молодости, и с грустью и сожалением смотрит на меня: "Думайте о смерти, — говорит он. — Не заботьтесь о земном! Всё это только сон, земная жизнь — только сон! Всё, что написано мною в книгах, всё — истина! Время близко, очищайтесь покаянием, готовьтесь к исходу. Сколько бы вы ни прожили здесь, всё это один миг, один только сон". На мое беспокойство о сыне Владыка сказал: "Это не ваше дело; судьба его в руках Божиих! Вы же заботьтесь о переходе в вечность". Видя мое равнодушие к смерти и исполняясь состраданием к моим немощам, он стал умолять меня обратиться к покаянию и чувствовать страх смерти: "Вы слепы, ничего не видите и потому не боитесь, но я открою вам глаза и покажу смертные муки". Я стала умирать. О, какой ужас! Мое тело стало мне чуждо и ничтожно, как бы не мое, вся жизнь "перешла" в лоб и глаза; мое зрение и ум увидели то, что есть действительно, а не то, что нам кажется в этой жизни. Эта жизнь — сон, только сон! Все блага и лишения этой жизни не существуют, когда наступает со смертию минута пробуждения. Нет ни вещей, ни друзей — одно необъятное пространство, и всё это пространство наполнено существами страшными, непостигаемыми нашим земным ослеплением; нечистые кишат вокруг нас в разных образах, окружают и держат. У них тоже есть тело, но тонкое, как будто слизь какая, ужасное! Они лезли на меня, лепились вокруг меня, дергали меня за глаза, тянули мои мысли в разные стороны, не давали перевесть дыхания, чтобы не допустить меня призвать Бога на помощь. Я хотела молиться, хотела осенить себя крестным знамением, хотела слезами к Богу, произношением имени Иисуса Христа избавиться от этой муки, отдалить от себя сии страшные существа, но у меня не было ни слов, ни сил. А эти ужасные кричали на меня, что теперь уже поздно, нет молитвы после смерти! Все тело мое деревенело, голова была неподвижна, только глаза всё видели и в мозгу дух всё ощущал. С помощью какой-то сверхъестественной силы я немного подняла руку, до лба не донесла, но на воздухе я сделала знамение креста, тогда страшные скорчились. Я силилась не устами и языком, которые не принадлежали мне, а духом хвалить имя Господа Иисуса Христа; тогда страшные прожигались, как раскаленным железом, и кричали на меня: "Не смей произносить этого Имени, теперь поздно!" Мука неописуемая! Лишь бы на одну минуту перевесть дыхание! Но зрение, ум и дыхание

выносили невыразимую муку оттого, что эти ужасные страшилища лепились вокруг и тащили их в разные стороны, чтобы не дать мне возможности произнести имя Спасителя. О, что это за страдание! Опять голос владыки Игнатия: “Молитесь непрестанно, всё — истина, что написано в моих книгах. Бросьте земные попечения, только о душе заботьтесь”. И с этими словами он стал уходить от меня по воздуху как-то кругообразно, всё выше и выше над землею. Вид его изменялся и переходил в свет. К нему присоединился целый сонм таких же светлых существ, и все как будто ступенями необъяснимой, невыразимой словом лестницы. По мере восхождения Владыка становился неземным, как и все присоединившиеся к нему в разных видах, принимая невыразимо прекрасный, солнцеобразный свет. Смотря на них и возносясь духом за этою бесконечною полосою света, я уже не обращала внимания на страшилищ, которые в это время бесновались вокруг меня, чтобы привлечь мое внимание новыми муками. Светлые сонмы тоже имели тела, но похожие на дивные, лучезарные лучи, пред которыми наше солнце — ничто.

Эти сонмы были различных видов и света, и чем выше ступени, тем светлее. Преосвященный Игнатий поднимался всё выше и выше. Но вот окружает его сонм лучезарных святителей, он сам потерял свой земной вид и сделался таким же лучезарным. Выше этой ступени мое зрение не достигало. С этой высоты владыка Игнатий еще бросил на меня взгляд, полный сострадания. Вдруг, не помня себя, я вырвалась из власти державших меня страшилищ и закричала: “Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, преосвященного Игнатия, и святыми его молитвами спаси и помилуй меня грешную!” Мгновенно все ужасы исчезли, настала тишина и мир. Я проснулась в жестоком потрясении.

Никогда ничего я не боялась и всегда охотно оставалась одна-одинехонька в доме, но после этого сна несколько дней чувствовала такой ужас, что не в силах была пережить уединение. Много дней я ощущала необыкновенное чувство посредине лба: не боль, а какое-то особенное напряжение, как будто вся жизнь собралась в одно место. Во время этого сна я узнала, что когда мой ум сосредоточивается на мысли о Боге, на имени Иисуса Христа, ужасные существа мигом удаляются; но лишь только мысль развлекалась, в тот же миг демоны окружали меня, чтобы помешать моей мысли обратиться к Богу и молитве Иисусовой»[3].

[1] *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 1. Киев, 1915. С. 332–337.

[2] Софья Ивановна Снессорева (1823–1904), духовная писательница, вела корректуру книг святителя Игнатия; о ней см.: Т. 3. С. 604–624.
[3] Записки М.В. Чихачева. С. 154–161. Рукопись [Примеч. Л. Соколова].

Письмо святителя Игнатия к сестре Софии Александровне Боборыкиной

Усердно желаю тебе и телесного и душевного здоровья. Да укрепит тебя всеблагий Господь наш Иисус Христос, искупивший нас Своею неоцененною кровию; да дарует тебе терпение в твоих болезнях и прочих скорбях, да внушит тебе благодарение за них, как за величайшие благодеяния. Услышь Его святейший глас, вещающий: *Аз их же аще люблю, обличаю и наказую* (Апок. 3. 19). Воспомяни праведного Иова, лишенного чад своих и всего имения, покрытого смердящими струпами, сидящего на гноище и говорящего: *Господь даде, Господь и отъя, буди имя Господне благословенно отныне и до века*[1]. Воспомяни пророка Иону, от чрева китова исповедающего свое прегрешение и прославляющего правосудие Божие. Воспомяни трех отроков, вверженных в пещь огненную и из сердца пещи благословляющих Бога. Воспомяни всех святых и путь, коим они достигли спасения. Не тесный ли и прискорбный путь искушений ввел их в обитель живота?

Воспомяни все это и поревнуй жребию святых, скажи твоим малодушным помыслам: и власы все главы моей изочтены у Бога, то как могу я унывать? *Не пошлю*, — обещает Он мне устами Своего Апостола, — *искушения выше меры твоей*[2]; но в самом искушении сокровенно дарую тебе избавление от искушения. Нарочно токмо посещаю тебя болезнями, поражаю тебя напастями, чтоб ты не пристрастился к чему-либо суетному, но в сокрушении сердца поискал прилепиться ко Мне, Создателю твоему, исполнением Моих заповедей, и стяжал Меня в себе; а когда стяжешь Меня в себе, тогда взыграют все уды твои нескончаемым веселием: ибо Я есмь Само-благость и Само-блаженство неоскудеваемое и непременяемое.

Благодаря за все Милосердого Бога, будем молить Его, чтоб сохранил нас в любви и согласии во славу святого имени Своего. Прости и моли о многогрешном Димитрии.

1830 год

[1] *Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!* (Иов. 1. 21.)
[2] 1 Кор. 10. 13.

Письма святителя Игнатия к сестре Елизавете Александровне и ее мужу Димитрию Тихоновичу Паренсовым

№ 1

Любезнейшая Сестра! Елисавета Александровна!

Усердно благодарю тебя за доброе письмо твое и разделяю твою радость о рождении сына Петра. Дай Бог, чтоб сохранились дни сего младенца к утешению его родителей.

Я недавно возвратился из объезда монастырей здешней губернии — путешествие, которое обязан совершать ежегодно, путешествие довольно неприятное, особливо чрез Ладожское озеро. Здоровье мое слабо; на него очень сильно действует здешний климат. Брата Михаила не вижу, слышу, что он затевает что-то, то есть супружество с девицею без всякого состояния. Некоторые очень добрые и очень почтенные знакомые, услышав это, советовали ему не решаться ни на что прежде свидания со мною; но он им отвечал, что боится мне сказать о сем. Я очень сожалел и о брате Петре, который женился так опрометчиво. Обстоятельства их не таковы, чтоб увлекаться первым порывом сердца.

Благодарю, любезнейшая Сестра, за известие о здоровье Почтеннейшего Родителя, брата Семена и сестер Александры Александровны и Марии Александровны. Я пишу редко, потому что занимаюсь в монастыре единственно духовными предметами, не обращая внимания ни на что светское и не зная никаких новостей С.-Петербургских, хотя и живу так близко от сего города.

Любезнейшая сестра! искренно тебе желаю всех благ настоящих и будущих, Димитрию Тихоновичу прошу сказать мой усерднейший поклон. С искреннейшею преданностию, остаюсь навсегда тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1843, Сергиева Пустынь

№ 2

Любезнейший Друг и Сестра, Елизавета Александровна!

Приятнейшее письмо твое от 2-го октября я получил и прошу великодушного прощения в моем продолжительном молчании, происшедшем от множества дела и от крайней слабости, которую я чувствовал в течение всего лета. Эту слабость произвели

гомеопатические лекарства: они погнали из меня золотуху и простуду ужаснейшими сыпями, испариною и опухолями. В настоящее время испарина прекратилась, но сыпи и опухоли, хотя и в меньшем количестве, продолжаются; вообще же чувствую себя гораздо посвежее — и то только с наступления морозов.

Морозы у нас ранние: каких и старожилы не запомнят. Нева встала, залив покрылся льдом, установилась прекрасная санная дорога. Урожаи здесь были умеренные, до очень хороших не достигли, чему помешали ранние морозы, повредившие значительно овес; особливо же капуста кинута огородниками на грядах несрубленною. Монастырь наш шумен: но нечего делать; живешь не так и не там, как и где бы хотелось, а где и как приводит непостижимый Промысл Божий. Преданность воле Божией и благодарение Богу за все случающееся услаждают всякое положение и научают извлекать из него душевную пользу. Смирение почти рядом идет с подвигом; т.е. оно доставляет почти тот же успех, каковый доставляется подвигом. Смирение одно, само по себе, полезно; а подвиг без смирения не только не приносит никакого плода, — напротив того, приносит вред, вводя в высокое о себе мнение и в осуждение ближних. Смирение состоит в том, между прочим, чтоб признавать себя достойным того положения, в котором мы находимся, и недостойным положения лучшего и высшего, даже и в духовном отношении, и покорно предавать себя воле Божией. Таковое настроение мыслей свидетельствуется в его истине миром, приносимым сердцу, и наставляет человека на путь живота вечного. В наше время Бог дарует спасение более при посредстве смирения, нежели подвига; ныне, при умножившихся немощах, подвиг особенно опасен, как сильно наветуемый осуждением, притом требующий опытного руководителя; а смирение — всегда непадательно. Самые немощи и грехи, когда мы сознаемся в них и раскаиваемся, способствуют к смирению. Таким образом в всесильной деснице Премудрого Бога самое зло споспешествует благому намерением неблагим, по выражению некоторого великого Отца. — Почтеннейшему Димитрию Тихоновичу мой усерднейший поклон! милейших детей обнимаю. Благословение Божие да почиет над тобою и над всем домом твоим.

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
20 октября 1845 г.

№ 3

Любезнейшая Сестра и друг, Елисавета Александровна

<...> Земное благополучие всегда кратковременно и не прочно; неизвестно откуда подымится туча и разразится над головою. Блажен хранящий в душе своей сокровище веры и почерпающий в ней утешение в тяжкие минуты скорби... Мое здоровье становится очень слабо: нынешнюю зиму почти постоянно хвораю. Петербургский климат, особливо морские ветры, действуют на мои нервы очень сильно и вредно; пора бы убираться в какой-нибудь тихой уголок, где климат более способствует нашей монашеской жизни, которая проводится наиболее в церкви и келлии и потому скудна в движении. При усилившейся болезненности я стал очень тих и невзыскателен, а потому должность начальника делается мне не по характеру; желалось бы вне ее окончить дни свои — в глубоком мире. <...> Прекрасна Сергиева Пустыня в настоящем ее состоянии; но для здоровых, которым предстоит жизнь многолетняя.

Прощай! Будь здорова, благополучна и помни тебе преданнейшего брата.

Архимандрит Игнатий.
8 января 1846

№ 4

Любезнейший друг и сестра, Елизавета Александровна!

Принимаю сердечное, искреннейшее участие в скорби, постигшей тебя и почтеннейшего Димитрия Тихоновича[1]. Но должно сознаться, что христиане, умирающие в отрочестве, блаженнее тех христиан, которые умирают в преклонных летах, проведши жизнь среди сует, и нередко и греховную. Сему научает нас наша Церковь Святая и сие должно утешать родителей, которых оставляют их младенцы и отходят в вечность для верного и бесконечного блаженства. Апостол не хочет, чтобы мы, взирая на почивших наших ближних, посещая их могилы и совершая о них воспоминание, предавались неутешной скорби, подобно как предаются ей не имеющие упования язычники, язычники именем и делом, или хотя и одним делом. Мы должны растворять скорбь верою и благою надеждою, а где вера и надежда, там — утешение.

<...>

Желаю тебе и почтеннейшему Димитрию Тихоновичу доброго здравия, с чувством искреннейшей дружбы остаюсь навсегда тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
26 июля 1846 г.

[1] По случаю смерти малолетней дочери Марии.

№ 5

Любезнейшая сестра Елизавета Александровна!

<...>

Точно — путь земной жизни скорбен; когда человек совершит значительную часть его и оглянется назад, то как кажется суетным все приятное земное, к которому он стремился с такою жадностью в юности своей! Не потеряем, по крайней мере, остальной жизни нашей принесением оной в жертву суете; познакомимся с вечностию не по романтическим иностранным книжонкам, ведущим в непременное самообольщение читателей своих, но по руководству Святых писателей нашей Церкви, в которых нет ничего романтического, мечтательного, льстящего и обманывающего ум и сердце. Чтение писателей нашей Церкви сообщает положительное познание отношений человека к Богу, Творцу и Искупителю, и научает приближаться к Нему покаянием, а не льстить себя сладостными чувствованиями мнимой духовной любви, к чему привлекают сумасбродные Фомы Кемпийские, Франсуа де Саль и тому подобные лжеучители. Духовная любовь есть достояние совершенных; а достояние благочестивых и спасающихся есть страх Божий, зрение своих грехов и недостатков; результат того и другого — сердце сокрушенно и смиренно, выражающееся покаянием. Вот истинное нравственное учение Православной Церкви, чуждое обмана и самообольщения.

Призывая на тебя благословение Божие с чувствами сердечной преданности, с желанием всех благ, в особенности же душевного истинного Христианского назидания, которое есть верховное земное благо и залог благ небесных, остаюсь навсегда Тебе искренно преданный брат

Архимандрит Игнатий.
13 января 1847 г.

№ 6

«Бог не без милости», — прекрасно говорит пословица благочестивых русских. Временем скрывается Промысл Божий — как будто его нет, — чтоб мы поуходились, поумучились, поутомились; потом является в полном свете с обильными благодеяниями...

Димитрию Тихоновичу мой усерднейший поклон.

Христос с тобою.

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

11 сентября 1847 г.

№ 7

Письмо твое, истинный друг мой и сестра, я получил. Радуюсь благополучному твоему возвращению и тому, что ты чувствуешь обновление в душе твоей. Можно промотать жизнь, как проматывают имение; можно употребить ее для приобретения блаженной вечности. Ты можешь видеть в твои годы уже по опыту, как все земное ничтожно и какая глупость — все время употребить на снискание того, что отнимает смерть. Спасение — дело простое; только эта простота не дешево достается. Да и тот, у кого шея не вытерта хорошенько скорбями, не дает должной цены этой простоте. Помни, что Господь заповедал душу стяжевать в терпении, сказал о благоугождающих Ему, что они плод творят в терпении. Невозможно разом исправиться. Надо терпеть себя — свои недостатки — и мало-помалу, с постоянством, исправлять их, не унывая от падений, свойственных всякому человеку. Святый Исаак Сирский, великий наставник монашествующих, утверждает, что и святые не были изъяты от перемен, что непеременяемость и беспогрешность — есть несбыточная мечта. — Помни это: такое воспоминание будет воодушевлять тебя твердостно и мужественно в деле Божием.

Димитрию Тихоновичу мой всеусерднейший поклон.

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

15 сентября 1947 г.

№ 8

Извещаю тебя, Любезнейший друг и сестра, о постепенном ходе моего лечения. Болезни выгоняются, но по временам делается значительная слабость. Большую часть времени должно

проводить на постеле. Дня с три как чувствую большую перемену в голове, из которой начали отделяться мокроты в значительном количестве — носом, но без насморку. Ногам и пояснице — также гораздо лучше.

При сем присылаю брульон маленького сочинения для некоторых Петербургских друзей моих. Я надеюсь, что ты его разберешь и он доставит тебе приятную минуту развлечения. Извини, не переписал набело: грудь очень слаба.

А<рхимандрит> Игнатий.
21 сент. 1847 г.

№ 9

Даю тебе отчет, Любезнейшая Сестра, о дальнейшем ходе моего лечения. <...>

Из Петербурга пишут мне и зовут скорее приезжать, т.е. по истечении 6-ти месячного срока; но я вижу, что необходимо пробыть здесь всю зиму. Возвращение в Петербург представляется мне отвратительнейшею микстурою. За счастие бы счел, если б Господь даровал окончить жизнь где-нибудь в смиренной доле между елей и сосен — не отказываюсь от дубов и прочих деревьев, — внимая своему и спасению тех ближних моих, которые со мною в любви ради Бога...

Желаю благополучного и полезного лечения. Димитрию Тихоновичу мой всеусерднейший поклон.

Архимандрит Игнатий.
15 ноября 1847 г.

№ 10

Письмо твое, Любезнейшая Сестра, от 12-го Ноября я получил и, хотя писал на прошедшей почте, — пишу и на нынешней, чтоб доставить тебе при твоем лечении и совершенном уединении какое-нибудь развлечение. Радуюсь, что декокт уже начинает оказывать на тебе свое спасительное действие. Это действие надо мною продолжается до сих пор, несмотря на то, что чувствую совершенное изменение и уже начинаю укрепляться. А скоро три месяца, как начал лечиться. Перебирает оконечности ног и головную кожу, простуженные давным-давно. Явился обильный пот. Все боли продолжают стягиваться в желудок. Пред разрешением и уничтожением боли в каком-нибудь месте, это место начинает особенно болеть. О том, чрез сколько

времени можно выходить после декокта и с просьбою советов полезных, на сей почте пишу к одному Петербургскому знакомому моему, у которого ревматизмом отнято было полтела, а при лечении все боли направились в желудок. Что он напишет мне, не премину сообщить.

Непременно кушай говяжий бульон и другую нужную по требованию твоего тела мясную пищу. Это лекарство требует, чтоб человек был и снаружи и снутри согрет, как сама можешь заметить. Церковь положила в известные времена воздержание от мясной пищи для того, чтоб непрестанно употребляемая мясная пища не разгорячала безмерно тел, чтоб они на растительной пище постного времени прохлаждались и облегчались, а не потому, чтоб употребление мяса заключало в себе собственно какой грех или нечистоту. И потому удаление от мяса при необходимости и болезни есть грубый предрассудок русского человека, обременившего небесную религию многими своими национальными дебелостями, осуждающими комара и пожирающими верблюда. В России — потому что Христианской верой занимаются очень поверхностно и грубо, идут к познанию Христа семинарией и академией, которых Христос не установил, а оставили очищение себя святыми подвигами, которое Христос установил и заповедал, — пребывают вне истинных, живых понятий о вере Христовой. Какое Христианское образование найдем в России? В простом народе — наиболее излишнюю, скрупулезную привязанность ко всему вещественному, к форме, отчего родились расколы; — недостаток, крайний недостаток в познаниях и ощущениях духовных. Этот же недостаток — в обществе образованном; к нему присоединяется небрежение к форме, странно соединенное с врожденным, усвоившимся уродливым уважением к этой же самой форме. — Вы встречаете человека образованного нынешним образованием, заимствованным из развращенной Европы, умеющего расшаркаться, извернуться, быть ловким на бале, в дипломатическом салоне, имеющего о всех предметах кое-какой, свой, по большей части бестолковый толк; — вы находите в нем по отношению к религии неверие, скептицизм и, внезапно, рядом возле философского скептицизма Европы грубое суеверие, предрассудок глупый и смешной избы русской; он ни за что не сядет тринадцатым за стол; чрезвычайно обеспокоится, когда соль будет просыпана; оплевывается на все стороны при встрече с попом или монахом. В человеке, который хвалится своим разумом, — две крайности, две

пропасти погибельные: неверие и суеверие! Где ж вера чистая, святая? — Ее нет ни в слепых односторонних приверженцах формы, ни в превозносящемся разуме и премудрости человеческой, разуме и премудрости падших, отверженных Богом. Вера, святая вера! Вера — око! Которым одним ум человеческий может усмотреть и зреть Святую Истину!.. Шествие ее по пути узкому и прискорбному, ведущему в живот, по пути, почти безлюдному, шествуемому весьма немногими. Ведет человека по этому пути Евангелие.

Подробное изучение веры Христианской и всего, ведущего к точному познанию Христова учения, содержит в себе разрешение множества недоумений, рожденных неверием и суеверием. Церковная история сохранила нам следующее событие времен первых Христианства. На острове Кипре был великой Святости Епископ Спиридон Тримифунтский, живший в конце третьего и начале четвертого столетия, присутствовавший на первом Никейском Соборе, муж, совершивший великие знамения. В Четьих Минеях есть житие его (см. первые числа Декабря).

На первой неделе Великого поста, в пятницу, пришел к нему странник Христианин. При Епископе жила дочь его. Епископ говорит дочери: «нет ли чем у нас угостить странника?» Дочь ответила: «Отец мой! Ты не вкушаешь ничего в эту неделю, и я стараюсь подражать тебе, поэтому у нас нет никакой пищи приготовленной; а есть от мясоеду остаток свиных мяс». Епископ говорит: «поставь это мясо на стол и приготовь нам трапезу». Дочь исполнила приказание отца; угодник Божий пригласил к столу своего гостя и сам сел с ним, чтоб кушать. Странник, увидя мясо на трапезе, говорит Епископу: «я христианин — и не ем мясного в Великий пост». Епископ отвечал ему: «Потому-то, что ты Христианин, а не Жид, — и должен ты есть: мы воздерживаемся от мяс не потому, чтоб они были нечисты или чтоб в этом была какая добродетель, как воздерживаются от них Жиды, но чтоб телеса наши не отягчились объядением и пьянством». — Эта повесть — в одной из драгоценных книг моих, в которых много интереснейших и полезнейших событий и преданий первенствующей Христовой Церкви.

Людям полезно объяснять подобные обстоятельства, не страшась уязвить суеверие (надо носить немощи ближних, но не растить потачкою их предрассудки). Бог, видя прямое твое намерение, подействует во благо на их сердца. Мне привелось видеть этому примеры.

Как древние Христиане ставили превыше всего Евангельскую заповедь, а по ней уже чтили и Церковное предание! Преподобный Кассиан, Отец 4-го века, странствуя по Египту, пришел в постный день к некоторому святому пустынножителю. Пустынножитель представил ему трапезу с некоторым отступлением от постного строгого устава. — Уходя от Старца, св. Кассиан спросил его: «почему иноки в Египте разрешают пост для посетителей, между тем как иноки Сирии этого не делают?» (Иноки Египетские, а между иноками Египетскими иноки Скита почитались — и справедливо — возвышеннейшими по святости и духовному разуму иноками во всем мире.) Пустынножитель отвечал: «пост — мое; когда захочу, могу его иметь; а принимая братьев и отцов, приемлем Христа, Который сказал: *приемляй вас, Мене приемлет,* — и: *не могут сынове брачнии поститися дондеже с ними Жених. Егда же отыдет Жених, тогда постятся*»[1]. Вот истинное понятие о учении Христовом!

Боли от декокта были у меня в желудке сильнейшие, особливо в левом боку. Теперь они прошли, и там — как будто маслицем намазывают. Настойку на тенерифе делаешь точно как должно. — Быв здесь, ты говорила о определении сына в Пажеский Корпус; радуюсь, что желание Ваше исполнилось.

О приезде твоем в Бабаевский монастырь! — Да можно ли будет зимой выезжать тебе! Похоже, что ты на всю зиму — затворница. Вот я три месяца сижу и не знаю, сколько придется еще сидеть. — Вместо Бабаек не сберешься ли весною в Сергиеву. Впрочем — дума за горами. Что Бог даст...

Димитрию Тихоновичу мой всеусерднейший поклон. Обнимаю его. Христос с тобою. Благословение Божие да осеняет и да хранит тебя.

Преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.
24 ноября 1847 г.

[1] Мф. 10. 40; 9. 15.

№ 11

Истинным, сердечным утешением — Любезнейший Друг и Сестра — служат мне письма твои. Какое зрелище на земле может быть приятнее того, когда видишь душу, созданную по образу Божию, искупленную кровию Богочеловека, — что она избирает в удел свой Бога, отсюда уже причисляется к мало-

му стаду, которое поставлено будет одесную Судии нелицеприятного, которому Бог благоизволил дать Царство.

Скажу тебе, в глубине моего сердца всегда была тайная скорбь о тебе. Я помышлял: «Сколько посторонних людей притекает ко мне, обновляется душами в познании истины и в утешении сердца, предвкушающего будущее блаженство, утешении, которое раждается единственно от познания истинного Христова учения! а та сестра моя, которую Бог привел воспринимать от купели и которой я обязан словом спасения, — стоит от меня вдалеке, — и не знаю — в каком состоянии душа ее?» Бог, по неизреченной благости Своей, отъял эту скорбь от сердца моего и заменил ее утешением, присовокупив это утешение ко многим другим утешениям, нисшедшим ко мне от Руки Божией.

О лечении: лекарство действует на тебя прекрасно. Видно, всего более была простужена голова. И простуда еще не укоренилась. У меня она сидит очень глубоко: перешла в систему жил и нерв. Когда натянутся жилы по направлению к желудку, особенно к левому боку, то (довольно забавно!) стоит только подавить в левый бок пальцем, ощущение этого прикосновения по жилам перебегает в ноги и слышится в икре и пяте пресильно! Как у тебя оттаивал череп, так у меня оттаивали оконечности ног — и когда же? В первых числах Декабря! К 1-м числам Ноября только начали пухнуть то тот, то другой пальчик: так глубоко сидела простуда. Вижу, что надо еще долго полечиться. Мой Николай (это келейник, приехавший из Петербурга, который ухаживает собственно за моей персоной и переписывает мои сочинения) — когда оттаивали ноги — снимет чулок с ноги и подставит к подошвам ладони — так и слышит, что из подошв идет тонкий ветерок, как из погребка или ледника. У меня пухли ноги, когда я был юнкером, — вот с которого времени в них простуда.

Сердечно рад, что рекомендованная мною настойка приносит пользу Димитрию Тихоновичу. Странно, с какою верностию предчувствовало это сердце мое. В копии рецепта геморроидальной настойки — количество Александрийского листа означено уже удвоенное, как у меня ее делают. В оригинале, полученном от Вас, было $2\,^{1}/_{2}$ золотн<ика>. — Несколько времени, как я начал чувствовать в ручных костях силу, а несколько дней — как появилась в них испарина и местами лом. Продолжаю пить настойку и думаю, что надо продолжать ее еще долго. Декокт выжимали у меня руками, а, конечно, лучше выжимать его

машинкой. — Сделай милость — вели связать для меня шерстяные перчатки и сшить рукавички на меху. Для объяснения, какие мне надо, прилагается здесь рисунок, с должными пояснениями. Шапка у меня сшита на удивление всей Костроме, в которой ныне хлопочет князь Суворов, добрый сосед нашего монастыря, человек, расположеннейший к добру.

Димитрию Тихоновичу потрудись передать мой всеусерднейший поклон и сказать, что при употреблении этой настойки моцион необыкновенно полезен. Очень хорошо делаешь, что возверзаешь на Бога попечение твое о образе нашего свидания. Бог устроит все по премудрости и благости Своей.

Призываю благословение Божие на тебя и на весь дом твой! Да благословится все житие твое.

Тебе преданнейший брат и друг

Арх<имандрит> Игнатий.
11 декабря 1847 г.

№ 12

Письмо твое, Любезнейшая сестра, от 28 ноября получил. Лечение твое, кажется, благодаря Богу, идет должным порядком. Мнение, что [нрзб.] выходят испариной, — признаю основательным. Дряблость и у меня была во всем теле, зубы были как после значительного употребления красной смородины или брусники, что и теперь продолжается в небольшой степени. Дряблость уже только в оконечностях ног, которые перебирает так, как и голову. Пот у меня был с неделю тому назад пресильный, особливо по ночам; переменял по 5 и 6 рубашек; теперь пот наиболее в ногах. После последнего письма к тебе меня опять перевернуло, поломало, потянуло жилы в желудок (простуда моя сидит глубоко и очень стара), потом я получил значительное облегчение, которому предшествует всегда ломанье. Вижу, что необходимо мне взять здесь весну. В прошедшем моем письме писал я тебе, что писал к одному знакомому петербургскому, который сильно был болен простудой и очень удачно вылечился, чтоб он уведомил, чрез сколько времени по окончании лечения он начал выходить на воздух. Получа от него известие, сообщу тебе. Обыкновенный срок пития декокта 6-ть недель; но этот срок может быть и с надбавкой, смотря по надобности. Если после поту окажется совершенное выздоровление и не окажется никакого другого действия, то можно окончить декокт; если же он начнет разбивать завал или окажется

тянутие жил в желудок, то надо по возможности продолжить, а там за настойку. При сем присылаю рецепт геморроидальной настойки. Сассапарельная настойка настаивается у меня не менее 2-х недель, а по большей части и более. В последнюю полуведерную бутыль положил 6-ть фунтов сассапарели; остальное налито вином полугарным. В Ярославле виноградные вина — нестерпимая гадость. Стоит бутыль возле печки в моей комнате. Чувствую значительное укрепление нервов, но по причине продолжающейся переборки и разрешения застарелых простуд в разных членах — все еще не свой — и признавал бы время мое потерянным для душевной пользы, отданным вполне телу, если б меня не утешало знакомство ради Бога с тобою и еще некоторые другие обстоятельства, в которые я поставлен при временном моем пребывании в Бабаевском монастыре.

Присылаю «Сети Миродержца», написанные прошлого году для моих знакомых петербургских. Думаю, этот взгляд на мир и человека не будет тебе лишним.

Сочинения Святителя Димитрия носят на себе печать благодатного помазания и сообщают это помазание читателям своим. Святитель жил в Западной России, там образовался, а в Западной России имели тогда сильное влияние иезуиты и вообще латинизм. Поэтому сочинения Св. Димитрия не совсем чисты, не вполне в Восточном характере. Этому подверглись некоторые и древние Святые Писатели, между прочим, Св. Григорий Нисский, брат Василия Великого. Что делать? Это значительный недостаток в писаниях Св. Димитрия. По мне лучше всего нравоучения в 4-й части, приложенные к Св. Истории, что, кажется, было его последним сочинением, а потому относительно к духу зрелейшим.

Мой благодетель в Ярославле: Николай Петрович Полозов, Губ<ернский> Прокурор. О треске и прочих подобных совершенствах я писал Сене[1], и он обещал прислать, а ты пришли баночку варенья, что очень не помешает. Димитрию Тихоновичу — мой всеусерднейший поклон.

Благодарю за сведения о Каме и Печоре. Не хлопочите о доставлении больших сведений! Этих довольно. На судьбе моей написано, видно, другое, — и не живать мне на Печоре.

А<рхимандрит> Игнатий.

Декабрь 1847 г.

[1] Брату Семену Александровичу Брянчанинову.

№ 13

Одного письма моего, Любезнейшая Сестра, ты не получила — именно от 14-го; это то число, под которым расписался в принятии его Тимохинский Смотритель.

<...>

Желаю тебе благополучно лечиться: меньше думай. Надейся на Бога. «Ходяй просто, — сказали святые Отцы, — ходит надеяся». — И Бог тебя покроет.

<...> Со мной как можно проще; и как пишешь, то все что легко с сердца идет, пиши; а чуть услыхала заминку — не пиши. Бывает заминка в помысле, на нее смотреть нечего; а смотри на заминку сердечную...

Христос с тобою. Димитрию Тихоновичу — всеусерднейший поклон и братские объятия.

Архимандрит Игнатий.

№ 14

Письменные занятия мои наступившего нового 1848-го года начинаю с письма к тебе, Любезнейший друг и сестра Елизавета Александровна. Поздравляю тебя и Димитрия Тихоновича с наступившим Новым Летом, усердно желаю Вам, чадам Вашим, всему дому Вашему обильного благословения Божия! Да является оно и в духовных вечных благах и временных, доставляющих спокойствие и удобность к достижению благ вечных. Приношу искреннейшую благодарность за все Ваши милости ко мне; все посылки получил исправно. Тенериф чудесный. Истинное, глубокое твое расположение ко мне внушило прислать его. Именно я нуждался в хорошем вине! Холодные мокроты с такою силою и в таком множестве устремились в желудок, что непременно нужно было его согревать. Простое вино для меня почти невыносимо, Ярославский херес и другие вина — гадость еще более невыносимая, самое отвратительное сочинение. Нашел я здесь в соседнем селе какое-то хлебное вино, именуемое бальзам, которое продается по 28 р<ублей> за ведро. Это предпочел я всем прочим винам, и потому просил тебя прислать варенье, чтоб перемешивать с этим бальзамом, предпочитая мое сочинение сочинению Ярославского купца винами. Твой Тенериф отличный — сохранился прекрасно и завелась в нем чудеснейшая горечь; такой тенериф редко случалось мне пить в Петербурге. Если Вы выписываете большим количеством и держите

так долго у себя, то необходимо эти вина держать в погребке, в песку, бутыли и бутылки горлышками вниз. Тончайший эфир, составляющий собою главное достоинство вина, сохранится и сформируется. Планы Печоры, знаменитости вод северных: черную щуку и треску, варенье и, наконец, перчатки и рукавички получил; все прекрасно, за все премного благодарен. Теперь я вполне окопирован и могу в свое время (которое, однако ж, как видно, не скоро настанет!) понемногу приучаться к воздуху. В настоящее время мне ничего не нужно, вообще когда я поздоровее, нужды мои чрезвычайно умаляются. Когда ж будет нужно, я попрошу. Вино, так полезное именно в этом роде болезни, вообще мне вредно, и гораздо лучше если б мне вовсе не пить его. Этого можно б было достичь, если б я остался навсегда Бабаевским жителем. Последние два-три года я постоянно пил вино: требовало этого тело мое. Вижу, что это требование происходило от множества накопившихся во всем теле холодных мокрот, останавливавших кровообращение. От рюмки вина, особливо от двух, согревалось тело, разжижались холодные мокроты, кровообращение делалось свободнее: от всего этого я чувствовал облегчение во всем теле. Причина очень ясная!

О лечении моем. Справедлива пословица: болезнь входит пудами, выходит золотниками, особливо болезнь застарелая, запущенная. Вижу, что основание всех моих болей была простуда оконечностей ног моих, к чему присоединилась простуда, опустившаяся в ноги от лихорадки, которою я был болен еще послушником в Новоезерском монастыре. — Я тебе описывал, как в начале Декабря растаяли мои ноги, т.е. самые оконечности их. С этого начался кризис всей болезни: я решительно сделался сам не свой, пришел в какое-то онемение, одурение, постоянно лежал, то под многими покрывалами казалось мне холодно; то в этой же самой комнате и температуре казалось мне жарко в одном шелковом подряснике. Во всем теле чувствовал брожение. Вместе с этим, несмотря на слабость вообще, чувствовал, что нервы мои укрепляются. Появилась боль и необыкновенная зябкость в кистях ручных и особенно пальцах. Это состояние онемения продолжалось до самого дня Рождества Христова. В этот день я почувствовал себя лучше, был несколько свободен от одурения и часа с два мог заняться; теперь мне становится лучше и лучше: каждый день бываю свободен часа на два и на три. Третьего дня принял ванну между 25-ю и 27-ю градусами Реомюра, после которой было очень

сильное брожение, особенно на другой день, т. е. вчера, а сегодня чувствую особенную свежесть и укрепление. Тело мое вполне изменилось; из дряблого, трухлого сделалось плотным, эластическим. Даю тебе подробный отчет моего лечения, которое уже начинает 5-й месяц; даю для того, чтоб ты могла принимать его в соображение с твоим лечением.

Очень жаль, что употребление на вине сассапарели тебе невозможно! Впрочем, не унывай: мясная пища и бульон очень много могут содействовать при употреблении на воде. Я полагаю, что со временем декокт может подействовать спасительно и на сердечную боль: она должна пройти. Описываемое тобою состояние слабости по утрам и вечерам суть, по мнению моему, начала кризиса. Ты много потерпела от этого спасительного и томительного лекарства; сохрани терпение до конца и не оставляй его до явной и решительной пользы. Должны быть очень полезными и ванны, но не свыше 27 и не ниже 25 градусов Реомюра; сидеть надо от $^1/_4$ часа до 20 минут. Хорошо подкидывать или распускать в кипятке пригоршни две соли. После ванны бывает необыкновенная переделка. Ванну должно принимать при вполне сварившемся желудке; а на другой день после ванны должно одеваться потеплее. У меня при особенном действии кризиса пробегает по наружности кожи зноб, вроде лихорадочного.

Тимохинскую станцию и тракт этот из Ярославля в Кострому уничтожили. Потому письма ко мне надо адресовать в Ярославль, куда я в неделю раз буду посылать нарочного. Это письмо посылаю из Костромы, куда отправляется завтра Игумен; а мой посланный еще не скоро попадет в Ярославль.

Относительно духовного чтения. 4-я часть сочинений Святителя Димитрия особенно хороша, тут можно почерпнуть много сведений очень нужных и очень полезных. Со временем надо будет тебе прочитать толкование на Воскресные Евангелия Никифора, Архиепископа Астраханского, писателя очень основательного и с помазанием. Господь Сам призвал тебя к познанию Святой Истины; храни это познание как драгоценное сокровище. Апостол называет его завещанием (1 Тим. 1. 5). Точно, оно завещание духовное от Бога на получение вечного блаженства. Относительно меня что сказать? Ты имеешь мою дружбу о Имени Христовом, а не по немощной причине человеческой. Смотрю я на это отношение мое с тобою как на дар неба. Господь, ниспославший нам этот дар, да сподобит сохранить его до конца жизни и при-

нести в вечность другой талант, приобретенный на этот талант: наше спасение. Христос с тобою. Димитрия Тихоновича от души обнимаю, как приятнейшего брата.

А<рхимандрит> Игнатий.
1 января 1848 г.

№ 15

При великом происшествии здешнего края, уничтожении Тимохинской станции, я послал к тебе, Любезнейшая Сестра, письмо чрез Кострому, куда ездил о. Игумен по делам своим. Теперь вместо того, чтоб получать письма два раза в неделю, получаю и отправляю однажды в Ярославль. Около 20-х чисел декабря со мною был самый сильный кризис: многие дни я пролежал не только неспособный что-нибудь делать, — даже не способный мыслить. С 25 д<екабря> стало мне полегче: на часок, на два в день делалось столько свободным, что могу почитать и пописать. Эта свобода увеличивается с каждым днем: чувствую радикальное исцеление от болезни, которая была скрытная, немая, внутренняя, потому — загадочная для врачей, неудобоприступна для лекарств. Брожение во всем теле, отделение мокрот продолжается; особенно из кистей ручных, которые болят и зябнут: и они были простужены, а концы пальцев поморожены, эти помороженные места совершенно обозначились — получили очень темный цвет. Присланные тобою перчатки пригожаются мне и в комнате! — принужден надевать их!

Теперь совершает сассапарель еще странное дело! Перерабатывает, впрочем, со значительною болию, мои зубы, — она переработала и все тело, самую кожу! Я весь другой! Заметил, — что боль есть непременный спутник действия сассапарели; непременно пред тем, как освободиться какой-нибудь части тела от засевшего в нем болезненного яду — эта часть тела разболится. Сассапарель — именно лекарство от хронических болезней. Не унывай! И тебе оно должно принести непременную пользу: самые язвы сердечные и завал должны уничтожиться; только при таких хронических болях лечение не может быть быстрым. Я начал пить декокт 5-го Сентября. В декабре последовал решительный кризис, продолжающийся поныне, — и ныне только вижу, что получаю решительное исцеление. — Бульон и мясная пища могут много заменить вино. Теперь я пью только по рюмочке в день лекарства — и нахожу это количество вполне достаточным.

Большее количество, прежде употребленное, предрасположило состав телесный к уменьшенному количеству, действующему вполне удовлетворительно.

При болезни стеклись к 25-му декабря и 1-му января необходимые занятия письменные: надо было написать поздравление Государю Императору, Государыне Императрице и прочим членам Высочайшей фамилии, также и некоторым лицам начальственным. Маленькая Жандр принята — Ангелом благости — Государынею Императрицею в Екатерининский Институт пансионеркою Ее Величества. Пишут мне: «ни почему бы не следовало принять; сделано единственно для того, чтобы вам сделать приятное». С сею же почтою отправляю письмо к Ее Величеству. Судьба так устроила, чтоб эти люди, раздаятели земных благ, полюбили человека хладного к земным благам, пламенеющего к благам вечным, благам души. А эти Люди... я их знаю двадцать семь лет; эти Люди с Ангельскими сердцами. Но эти сердца невинны, как были невинны сердца первосозданных: они так добры, что не «мыслят зла», как выражается Апостол о святой любви. Их осуждают! — Заклеить рот надо таким безумным и дерзким осудителям. Нет совершенства на земле, а они осуждают и совершеннейшее. Рай — небезопасное место для таких сердец; оттуда может их извлечь диавол, притворяющийся добреньким... А дворец!.. опаснее рая!.. И какие физиономии его осаждают. Я видел их лица!..

Утешительны виды Бабаевского монастыря! — Зима покрыта льдом и снегом — как мертвец, покрытый покровом из серебряного глазету; сельская повсюду простота и обычаи Руси, в которых что-то священное!

Димитрию Тихоновичу — мой всеусерднейший поклон! — Желаю тебе милости Божией и в времени и в вечности. Благословение Божие да почивает над тобой и над всем твоим домом!

Тебе преданнейший друг и брат

Арх<имандрит> Игнатий

16 января 1848 г.

№ 16

На два письма твои, Любезнейший друг и сестра, отвечаю одним. Благодарю за поздравление с днем моего рождения, о котором и сам я нередко забываю вспомнить. Ныне, то есть

года два-три как, многие Петербургские узнали это число и своими поздравлениями мне напоминают. Тебя поразило письмо Плещеевой? Это плод ее восьмигодичного знакомства с Сергиевой Пустынею и маленьким Игнатием, другом их дома. Мне еще больше нравится Статс-дама Императрицы Баронесса Фридерикс: прямее и сильнее Плещеевой. Обязанная каждый день проводить во дворце, как самая приближеннейшая особа к Государыне, она все мысли свои и ощущения посвящает Богу. И ты, если будешь заниматься несколько лет постоянно в том направлении и духе, в котором занимаешься теперь, стяжешь и больше просвещения, и больше твердости. Святая Боголюбезная простота требует, чтоб мы не сравнивали себя ни с кем из ближних, а жили просто — для Бога и своего в Нем спасения. При такой простоте все ближние нам начнут казаться лучше нас; а это и нужно — в этом смирение, это ведет в любовь к ближним. Святые Отцы сказали, что смирение — сердечное чувство, заводящееся неприметно в душе от делания заповедей Христовых.

Выходить из комнат в течение всей зимы никак не советую. Помысл, приходящий тебе о лишении Церковной, великопостной службы и предлагающий выезд в Церковь, — суетный. Оставь его без всякого внимания. Уединение имеет свою пользу, пользу существенную; ты же пришла к нему не сама, но приведена перстом Божиим при посредстве болезней. Церковная служба питает душу, а уединение чрезвычайно способствует к рассмотрению себя и покаянию. Потому-то многие святые Отцы удалялись в глубокие пустыни и на многие годы лишали себя Церковной службы. Советовал бы я тебе провести Великий пост безвыходно дома с пользою для души и тела, иногда приглашать Священника для отправления некоторых важнейших служб, — а говение и причащение Святых Таин отложить до Петрова поста. Не то важно, чтоб приобщаться часто, но чтоб приготовиться существенно к причащению и потому пожать обильную пользу. Святая Мария Египетская во всю многолетнюю жизнь свою в пустыне не приобщалась ни разу: эта жизнь была приготовлением ко причащению, которого она удостоилась пред концем жизни. Я до сих пор не выходил из комнаты и вижу, что во все время Великого Поста должен оставаться безвыходно в них. По первому летнему пути располагаюсь выехать; к 25-му Мая мне надо быть в Сергиевской. Подумайте о моем маршруте: из Бабаек я должен съездить в Кострому, потом проехать в Грязовец; оттуда хотелось бы к Марье Александровне,

от ней к Вам, от Вас в Покровское, а из Покровского, если б можно, на Рыбинск или Мологу; мне там надо быть почти непременно. Устройте мой маршрут и напишите мне — как тут сделать. Хорошо б попасть в Покровское на 13-е Мая. Впрочем, все это между нами. Когда время придет к исполнению, тогда могу известить всех официально. — Что Димитрий Тихонович чувствует от действия сассапарели, то чувствовал и продолжаю чувствовать и я: всякое место ушибенное и простуженное переболело. Также были и продолжаются и переходящие боли. Вообще теперь я чувствую болей гораздо больше; прежде болезнь была нема — выражалась какою-то мертвостию, слышимою во всем теле, и ужасным нервным расстройством; болей же я не чувствовал никаких. — Все твои письма я получил исправно: потому что пользуюсь особенным благоволением Николая Никандровича Жадовского, здешнего Почтмейстера, то есть Ярославского.

Желаю тебе всех благ от Десницы Создателя — и всему твоему семейству. Димитрию Тихоновичу — мой всеусерднейший поклон! Маршрут мой сохрани доколе в тайне: мне хотелось бы Вас видеть одних. Общее собрание пусть будет в Покровском.

Тебе преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.
16 февраля 1848 г.

№ 17

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

В Бабаевской обители гостит бедная больная Александра Александровна. Провести здесь последние дни масленицы предложил ей я; а провести первую неделю поста и поговеть предложил добрейший о. Игумен — и с таким усердием, что я поддержал его приглашение. Больной здесь видимо лучше: пусть поуспокоится и отдохнет. — И мне гораздо лучше, но очень вертит; слаб, почти беспрестанно лежу, премного сплю, чувствую брожение во всем теле, но какое-то поверхностное и по временам совершенно прекращающееся.

С благодарностью возвращаю Димитрию Тихоновичу планы Печоры. Должно быть — прекрасные места! Но мне, кажется, суждено большую часть жизни провести в Петербурге. Если б, по милости Божией, возвратилась хотя малейшая часть моего

здоровья, и можно б было сколько-нибудь исправлять свои обязанности, то жизнь в Петербурге еще сносна. Но при постоянном лежании на постеле нужен приют, более спокойный. Здешнее местечко очень спокойно и уединенно; посетителей почти нет никаких. Воздух и воды чудные. О. Игумен с течением времени получает ко мне и особенную доверенность, и особенное расположение. Братия стараются один перед другим оказывать зависящие от них услуги.

Думаю, печора-семга соленая уже приехала в Вологду. Ты мне окажешь великую милость, прислав этой рыбы: потому что семга есть та рыба, которую при нынешнем лечении могу есть; от всякой другой тошнит. К счастью, желудок мой выносит эту тяжелую пищу. Еще и другая просьба: закажи четыре, или пять, или шесть косуль, — или же купи готовые и с извощиками потрудись отправить в Петербург в Сергиеву Пустыню на имя наместника ее Иеромонаха Игнатия. Этим очень меня одолжишь. Я писал наместнику, чтоб он выслал тебе имеющуюся у меня книгу.

Странное дело! Французы приобрели много драгоценных манускриптов, принадлежащих Восточной Церкви, при помощи их издали много прекрасных сочинений, относящихся к Церкви, и, между прочими, вышеупомянутую книгу, в которой описаны жития некоторых Святых, именно принадлежащих нашей Церкви. При житиях помещено и извлечение из писаний отеческих. По подробности и верности изложений — книга эта драгоценна; сохраняет даже характер старинной простоты, с которою изложены подлинники.

Призывающий на тебя, на Димитрия Тихоновича, на чад и домочадцев Твоих благословение Божие

Тебе преданнейший друг и брат

Арх<имандрит> Игнатий.
23 февраля 1848 г.

№ 18

Два письма твои, Любезнейшая Сестра и Друг Елизавета Александровна, — одно по почте, другое с кучером сестры А<лександры> А<лександровны > при посылке, — я получил. Приношу искреннейшую благодарность за присланный провиант, — только мне совестно, что Вы препроводили ко мне весь имевшийся у Вас грибной провиант. Печора — очень хороша,

и теперь пожаловала весьма кстати на Бабайки, где запасы рыбные кончились, а аппетит странствующего там только что стал возрождаться. Со мною происходит большая перемена: кажется, это — решительное исшествие простуды. С некоторого времени усилилась испарина, особливо по ночам; покрываются ею самые больные места: затылок, левый бок, ноги. По исшествии ее каждый раз чувствую значительное облегчение. Но долговременным лечением я истощен. Встав от сна, кажусь сам себе бодрым и свежим, но по прошествии кратчайшего времени этот мнимый богатырь ложится на постель. Сколько переменилась моя наружность, об этом скажет очевидец, сестра А. А. Лекарство — сассапарельную эссенцию — принимаю с 1-го марта в двои сутки однажды по столовой ложке. Этой ложки вполне достаточно для поддержания работы и брожения, произведенных во всем теле прежними сильными приемами. На воздух не выхожу и вижу, что надо дождаться прекрасных, совершенно теплых вешних дней для выхода безвредного и безопасного. Все это описываю с такою подробностию, чтоб ты и Димитрий Тихонович, при вашем лечении, принимали мои опыты к сведению для соображения. Вижу, что при лечении сассапарелью непременно надо долечиться. Никак не решайся на выезд прежде летнего пути! Решиться на него — значит подвергнуть себя — не опасности — верной и роковой болезни. Приношу совершенную благодарность за косули. У нас земля легкая, а пашня глубокая; под рожь первый раз пашут плугом. Получив письмо от Батюшки, в котором он заботится о нашем свидании, и, не желая его беспокоить путешествием в Бабайки, также видя себя в совершенном несостоянии принять его, я отклонил его от поездки сюда обещанием приехать в Мае в Покровское; в Вологду, сказал я, приехать мне невозможно, потому что это отнимет у меня много времени на визиты, которых не выполнить невозможно. Получил ответ ласковый... О поездке к Вам я не говорил ему ни слова. Лошадей хочется нанять в Грязовце на все проселочное путешествие, чтоб быть по этой части в приятной и спокойной независимости. Особенно утешительно будет мне приютится под Вашим кровом, посмотреть на Ваш домашний быт! Где нет искренности и простоты сердечной, там нет истинного христианского чувства. Роюсь в сердце моем... хотелось бы усмотреть в нем все, что скрывается в нем сложного и лукавого, чтоб выкинуть это сложное и быть только добрым. В простоте нет взора лукавого, взора подозрительного, взора,

осуждающего ближних! Из простоты глядит чистая добродетель! Из простоты глядит беспримесная любовь. Простота образуется в сердце человеческом учением Евангелия. От чего она исполнена такой высокой мудрости. Найдешь примеры и святой простоты, и высокой мудрости в деяниях и наставлениях <...>. Жития гораздо подробнее, чем в Четьих Минеях. Также не заботься о толковании Воскресных Евангелий: я писал, чтоб выслали на твое имя из Петербурга. Писатель Грек — в мирском быту граф Феотока, образовавшийся в Европейских Университетах, потом вступивший в монашество, приглашенный в Россию и произведенный в Архиепископа Астрахани. Он стоит несравненно выше всех наших церковных писателей русских, соединяя в себе основательную ученость с духовным помазанием. Есть признаки, по которым догадываются, что тело его нетленно. Сама увидишь — как превосходна его книга, и потому какое имеет духовное достоинство Писатель. Ах! не хотелось бы мне ехать в шумный, интрижный Петербург, где доминирует сценическое благочестие, ищущее произвести только эффект пред людьми, ищущими и довольствующимися только кратковременным эффектом. Сценический эффект отвергается духовным учением[1]. Для эффекта достаточно быть, почти непременно должно быть езуитом. Те, на которых подействовал эффект, или скоро ощущают уничтожение его, или же делаются фанатиками. Эффект, произведенный актерством, в сущности есть обман, плоды его не могут быть добрыми. — Не находя во мне эффекта, Петербургские долго устранялись от меня. Прежде всего начал являться плод в братии, а потом некоторые угнетаемые жестокими скорбями нашли нужду в утешении не актерскими выходками, а истинным духовным учением, и — сблизились со мною. Малопомалу мое знакомство расширилось: составился круг, в котором господствует милая, искренная, образованная, веселая простота, чуждая всякой принужденности и церемонии. Если Бог приведет меня снова водвориться в Петербурге и Сергиевой Пустыне, то, поехав туда, ты найдешь людей, которые встретят тебя с отверстыми объятиями; особливо вы сойдетесь с Баронессою Фридерикс, с которою у вас есть сходство и которая мне — преданнейший человек. — Общество же политическое собирается у меня редко, и его можно удобно избегнуть. — По моей болезненности, по прекрасному климату, по уединению Бабаевской обители — не надо бы лучше места для жительства моего; к тому же о. Игумен предобрый человек, и все братия, начиная

с него, меня очень полюбили и пламенно желают, чтоб я здесь остался. Но в Петербурге любимых моих гораздо больше — сильнее и разумнее любят. Что Бог даст! Отдаюсь на Его волю.

Александра Александровна чувствует себя здесь очень хорошо, теперь собирается ехать. Мои, т. е. Стефан и Николай, благодарят за варенье и сверх того для подробных изъяснений благодарности надеются лично явиться. — В здешней Губернии, близ Соль Галича, устроены соляные ванны, которые очень полезно принимать по изгнании простуды: если б я остался здесь, то отправился бы летом на эти соляные воды. Что делать, прожил в монастыре, истратил жизнь свою, не так, как понимал ее, но как привелось, под влиянием людей, вовсе не знающих ее. А теперь не хотелось бы в Питер, климат которого отяготителен для моего слабого здоровья, с езуитами и актерами которого я никак не могу согласить моего поведения грешного, но имеющего целию существенное.

Димитрию Тихоновичу — мой всеусерднейший поклон: буду очень счастлив, увидев его в недре его благословенного семейства. По карточке я вижу, где Ивашево. Из Покровского, с балкону кабинета, надо глядеть на него чрез Никольское озеро.

Призывая на тебя и на чад твоих благословение Божие, с чувством сердечной о Господе любви остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
6 марта 1848 года

[1] Господь сказал, чтоб и милостыня, и пост, и молитва были в тайне, чтоб собственная шуица не знала, что творит десница.

№ 19

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Благодарю тебя за добрейшее письмо твое. Здоровье мое поправляется, но не поправилось еще вполне: простуда продолжает выходить то испариною, то сыпью, то опухолями, то посредством желудка. С наступлением теплой погоды это разложение, кажется, усилилось. — Болезнь и другие занятия оставляют меньше времени, нежели сколько оставляли его прежде, для занятия сельским хозяйством. Рожь и первые посевы ярового взошли хорошо, равно как и сеянные травы. Обыкновенно в здешнем краю в весь май стоит засуха, а ныне, напро-

тив, перепадали дожди, отчего растительность получила сильный ход. Я писал к Батюшке краткое поздравительное письмо к дням его рождения и Ангела, на которое получил очень ласковый ответ.

Из особенной ласковости этого ответа я увидел, что молчание мое было понято. Теперь забываю все прошедшее.

Многие хлопоты препятствуют мне похлопотать о издании «Иосифа», которое на первый случай встретило неудачу. Если невозможно будет его напечатать, то велю переписать для тебя. А между тем прилагаю здесь брошюрку, под названием «Кладбище». Ее написал я на пути из Вологды в Петербург — в то время как остановился на дороге отдохнуть денек в Николаевском Старо-Ладожском Монастыре.

Призывая благословение Божие на Тебя, на многоуважаемого и многолюбимого мною Димитрия Тихоновича и на милейших детей твоих, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший друг и брат

Арх<имандрит> Игнатий.
16 мая 1848 г.

№ 20

Любезнейший Друг и Сестра, Елизавета Александровна! Благодарю Милосердого Господа, сподобившего меня посетить благословенный дом Ваш и насладиться в нем утешением духовным: твоим благочестием, благочестием супруга твоего и милым благочестием детей твоих. Божие благословение да осенит дом Ваш, да излиет на него все блага и да сохранит его от всякого зла.

Путешествие мое я совершил благополучно, хотя и не без утомления: три раза останавливался для ночлега. При последней остановке, — в Старой Ладоге, ночевал две ночи и провел почти два дня для отдыха. Приехал 31-го Мая в монастырь, в час пополудни. Все приняли мирно, многие радостно, некоторые дружески. Теперь отдыхаю, делаю те посещения, которые предписывает делать обязанность. Видел Баронессу Фридерикс, рассказал ей о тебе и что, может быть, ты побываешь сюда. Потом был разговор о дружбе, как мало в нынешнее время друзей. Тогда добрейшая Баронесса воскликнула: <...>. Вот какие чувства заблаговременно вселяются в душу ученикам Христовым. Только та дружба истинна и крепка, которую основывает и скрепляет Христос.

Письмо мое к Димитрию Тихоновичу потрудись переслать в своем.

Христос с тобою и с милейшими чадами твоими.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

1848 года июня 9-го дня
Серг<иева> Пустынь

№ 21

Любезнейший Друг и Брат!

Димитрий Тихонович!

Сердечно радуюсь, утешаюсь, что нашел в душе Вашей соотношение к душе моей: искренность, прямоту, желание быть полезным для ближнего и желание служить Богу по уставам Восточной Церкви, единой истинной и святой. С наслаждением воспоминаю о тех приятнейших часах, которые я провел под кровом Вашим. Да прольется благословение Божие на Вас, на чад Ваших, на весь дом Ваш!

Конечно, письмо мое застанет Вас в дороге. Каково идет лечение Ваше? Мне дорога и наступившее теплое время принесли чрезвычайную пользу. Доктор мой, увидя чрезвычайную перемену во мне, советует продолжать употребление настойки до совершенного окончания брожения. Во все время путешествия моего я пил ее. Теперь потею очень мало, а только чувствую стремление дурных соков по всем жилам к желудку, также чувствую укрепление всех нерв и членов. Желаю, чтоб путешествие принесло Вам такую же пользу, какую оно принесло мне.

Призываю благословение Божие на Вас и на милейших чад Ваших, с чувствами сердечного уважения и искреннейшей преданности имею честь быть

Ваш покорнейший слуга и брат

Архимандрит Игнатий.

1848 года Июня 9-го дня
Сергиева Пустынь

№ 22

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Добрейшее письмо твое и таковое же Димитрия Тихоновича от 20-го июня я получил 29-го. С сердечным утешением воспо-

минаю о Вас: считаю себя счастливым, что Бог привел меня побывать под благословенным кровом Вашим. Я был утешен сугубым утешением: увидел родственников по крови и родственников вместе по духу. Здесь посещают меня два отличные доктора, которые, по слухам, о моем лечении сассапарелью были против него, а теперь, увидев действие ее над мною, сделались за нее. Мое лечение, кажется, подходит к концу: боль в ногах окончательно уничтожается, желвак, скопившийся под затылком, облегчается, освежает голову и уже начал очень уменьшаться. На днях был со мною особенный кризис, от которого я пришел в чрезвычайную слабость, после которой разрешились многие боли и я чувствую значительное облегчение. Кажется, и Димитрию Тихоновичу нечего опасаться случившейся слабости: она обыкновенно предшествует разрешению застаревших болей. На днях посетил меня мой добрый знакомый, помещик Калужской Губернии Полковник Благов: увидя мой образ лечения, он передал мне, что и он лечился точно так же сассапарелью от застарелых ревматизмов, вылечился совершенно, помолодел, теперь не боится никаких сквозных ветров, а чувствовал при лечении все те же перевороты, которым и мы подвергаемся. — Делаю моцион: хожу по хозяйству. Утешительна прогулка по этому хозяйству! Точно — усовершенствование пашни великое дело! Рожь в Сергиевой пустыне — точно лес, частый-пречастый лес; кажется ни одной посторонней травинки нет в этой ржи. От основательной пашки хлеб не боится ни вымочки, ни вымерзания, ни плевелов. Овес тоже — подобен лесу. Покос роскошный. Основательное хозяйство — верный и приятный источник доходов: но для приведения его в порядок нужен труд и время.

13-го июня представлялся я в большой Петергофской придворной церкви по окончании литургии Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице. Они были чрезвычайно ко мне милостивы. По окончании представления, при котором Государь Император осыпал меня многими выражениями милости своей и внимания, — Государыня Императрица необыкновенно кротким и величественным голосом своим говорит мне: «чрез час будьте у меня в Александрии». В этом чудном чертоге своем Государыня Императрица изволила принять меня в своей гостиной; при ней была одна Александра Иосифовна, нареченная невеста великого Князя Константина Николаевича, которая чрез четверть часа ушла. Могу только

сказать, что Россия должна благодарить Бога за всех членов Царской фамилии: они исполнены Ангельской доброты. Дай Бог, чтоб продлилось благоденствие России, пред которым теперь благоговеет и которому завидует вся Европа. — В Петербурге холера сильна; были небольшие волнения в народе: но Государь Император явил при этом случае всегда живущее в Нем величие души, пред которым умолк и преклонил колена народ. — Извини, что мало пишу: все время отнято лечением и заботами. Димитрию Тихоновичу свидетельствую мой дружеский, братский поклон, от всего сердца благодарю за его искренное, родственное, дружеское письмо. Особенным письмом не беспокою, не желая обременить его лишнею перепискою, полагая, что, пиша к тебе, — пишу и к нему. Милейших Петю и Соню целую. Благословение Божие да осеняет и хранит всех Вас.

Ваш преданнейший друг и брат

Архимандрит Игнатий.

1848 года, июля 1-го дня
Сергиева Пустынь

(На обороте письма от 1 июля 1848 г.)

Ваше Превосходительство
Елизавета Александровна!

Приношу Вам сердечную благодарность за воспоминание о мне в письмах Ваших к Батюшке. Давно собирался к Вам писать, но хлопотливое мое послушание отымает время для этого занятия, и потому извините меня за эти скудные строки, в которых приношу Вам чувствительную мою благодарность за память и за любовь милых Ваших Ангеликов-детей, которых от искренности души мысленно целую. Потрудитесь, Елизавета Александровна, засвидетельствовать от меня глубочайшее почтение и уважение Его Превосходительству Димитрию Тихоновичу.

С истинным почтением, остаюсь
Вашего Превосходительства покорный слуга

Николай Рудовский.

№ 23

Любезнейший Друг и Сестра!
Елизавета Александровна!

Письмо твое от 19-го июля я имел истинное удовольствие получить. Точно, в сравнении с другими губерниями, холера

в Вологде действовала меньше. Здесь она свирепствовала короткое время; теперь становится тише и тише. При начальных признаках холеры, как здесь доказал опыт, чрезвычайно помогают капли пиперментной мяты и гофманские. При ощущении тошноты и головокружения должно в полрюмке воды растворить пять капель тех и других, всего десять. Если тошнота не уймется, чрез пять минут повторить прием. На животе носят набрюшники шерстяные; остерегаются употреблять в пищу все сырое, также хранятся от пищи и пития очень холодных. Кто ведет себя таким образом — не подвергается холере; подверглись ей наиболее не сохранившие диеты и простудившиеся. — Относительно себя скажу: чувствую себя очень слабым, но вместе исцеляющимся. Многие советуют прекратить употребление сассапарели по причине приближающихся осени и зимы, без чего необходим будет в течение всей зимы безвыходный затвор. Не знаю, возможен ли для меня этот затвор? Я прекратил бы сей же час употребление сассапарели — так все члены оздоровели, но в голове лекарство еще сильно действует, очищая глаза и извлекая ощутительно из всей головы простуду. Головные болезненные мокроты стягиваются в образовавшийся на затылке желвак, в котором действие подобно природной фонтанели, только не открытой, а закрытой; из нее мокроты опускаются в желудок или выходят испариною. Посмотрю!.. Очень благодарен Вам, что, быв в Покровском, Вы умолчали о некоторых подробностях, мною Вам описанных: я их описал тебе по чувству дружбы, а не для того, чтоб этим кто-нибудь потщеславился и тем осквернил Богом данное добро. — И я того мнения, что Димитрию Тихоновичу лучше отложить путешествие в Мезень до будущего года, если можно. Мне советуют принимать по окончания лечения сассапарелью соленые ванны для укрепления, — класть в них соли — в первую 10, во вторую 15 и так далее, прибавляя на каждую ванну по 5-ти фунтов и доводя до пуда. Все, что мне будет приносить пользу, буду сообщать Вам, истинным друзьям моим. — Конец странички и конец беседы о телесном.

Бог смотрит на произволение человека. От нас зависит иметь благое произволение, Бог дает средства и силу привести благие намерения в исполнение, если Ему угодно, чтоб благое намерение человека было осуществлено самым делом. — При раздаянии же мзды принимают равную плату, и понесший всю тяготу знойного дня жизни земной и, так сказать, только посмотревший

в единонадесятый час на работу духовного виноградника. Святые книги, составленные Святыми отцами Православной Церкви, суть в наше время единственная стезя, по которой можно добраться к истинному свету — Христу.

Апостол говорит, что в его время было много лжеучителей; что ж сказать о нашем времени? Разве то, что в наше время число лжеучителей бесконечно расплодилось, расплодились зараженные лжеучением и сообщающие лжеучение; страшно расплодились книги, содержащие и сообщающие лжеучение. Превосходно положиться относительно судьбы своей на Бога и пребывать в добрых делах, соответствующих настоящему положению каждого.

Очень сожалею о состоянии сестры Александры Александровны. Только я не советовал бы ей никак идти в монастырь, где неминуемо должно подвергнуться своего рода неприятностям. Эти неприятности приносят большую душевную пользу, и называются монастырскими искушениями; но чтоб переносить их — надо иметь и нравственные, и отчасти телесные силы. Те и другие у нее отняты.

Лучше жить на Маслине, если это возможно, и продолжать занятие вещественною милостию, за которую есть своя мзда. И по уму своему она не способна к монашеской жизни, для которой нужен ум простой, прямой. А ее ум наполнен самосмышлениями и подозрениями! «Таковые, — сказал Святой Иоанн Лествичник, — ниже след безмолвия да видят», потому что они легко могут при созерцательной жизни впасть в умственное заблуждение, тягчайшее из всех. Таковые да спасаются в обществе людей вещественными добрыми делами.

Желаю Тебе, Димитрию Тихоновичу, милейшим детям твоим всех истинных благ! Часто воспоминаю о Вас! Ваше простое, уединенное, милое Ивашево мне очень понравилось. Образ Вашей жизни мне очень понравился! А отношение Ваше ко мне — мое сокровище.

Благословение Божие да почивает над Вами. Потрудись передать Анне Андреевне мой усердный поклон и мое недостойное благословение.

Душой Вам преданный брат

Архимандрит Игнатий.

1848 года, июля 29-го дня

№ 24

Любезнейший Друг и Сестра
Елизавета Александровна!

Письмо твое от 3-го августа я получил сего 13-го; из него вижу, что Вы не получили моего ответа на последнее письмо Ваше. Затерялось ли оно или кто перехватил его — в обоих случаях неприятно: потому что я, написав и отправив письмо, тотчас забываю, что в нем было написано. А помнится только то, что я Вам написал подробное письмо с приложением некоторых замечаний о холере.

Продолжаю употреблять сассапарельную настойку, которая привела меня в конце июня в крайнее расслабление, это расслабление продолжалось в течение всего июля месяца, сопровождалось сильною испариною и сыпью. С первых чисел августа чувствую себя крепче; появился и аппетит, хотя в весьма умеренной степени; в июле я почти ничего не мог есть. Не знаю — чему приписать эту перемену, действию ли сассапарели, или действию «гарлемских капель»; вероятно, действовало то и другое. Но и «гарлемские капли», которые я начал принимать с 1-го августа, помогли и помогают очень много, содействуя действию сассапарели. Тело мое очень окрепло; лицо и глаза получили особенную свежесть; но ревматизм, давно и глубоко вкоренившийся в мое тело, еще не уступил совершенно продолжительному и томительному лечению.

Имел я совещание о своем состоянии с тремя докторами, из которых два — старший доктор Лейб-гвардии конного полка Карель и помощник управляющего Придворною медицинскою частию Действительный Статский Советник Сахаров — считаются одними из лучших, умнейших докторов. Последний сам в ревматизме. Все они одобряют мое лечение; все признают, что никак не должно мне останавливать своего лечения, но должно продолжать его до совершенного излечения, что срок употребления декокта назначается не для хронических болезней, при которых невозможно измерять степень повреждения человеческого тела, а потому невозможно и определить срока лечению. Решаюсь последовать этому совету: лечиться до совершенного излечения. На которое имею надежду, хотя б пришлось сидеть взаперти всю зиму. Я теперь не выхожу на воздух, увидев из опыта, что это лучше: ревматические боли, переходящие от внутренних частей тела к его поверхности, сделали эту поверхность очень чувствительною, особливо не терпящею никакого ветра. Когда значительно убавятся или

совсем пройдут желваки, советуют мне принимать соленые ванны, всыпая в ванну не менее 25 фунтов соли: это — то количество разных солей, которое в себе заключает ванна из морской воды. Ванны (тепленькие) считают необходимым средством для укрепления и для окончательного извлечения ревматизма на поверхности тела. — Вот подробный отчет моего лечения, который может быть полезным и для соображений при твоем лечении. Полагаю, что «гарлемские капли» могут принести особенную пользу для твоей сердечной боли: если на сердце есть какие ранки или другие повреждения — гарлемские капли, содержащие в себе множество смолистых и маслянистых частей, исцелят их; они действуют прекрасно на желудок, уничтожают запор; вреда, во всяком случае, никакого не могут сделать. Я принимаю их дважды в день, от 20 до 30 капель в прием. Если б нашелся случай, я бы счел за особенную приятность переслать тебе некоторую пропорцию этих капель, которые и здесь, настоящие, можно достать только в двух местах: в аптеке Имзена и в Ниренбергских лавках. — Холера здесь совершенно прекращается: у нас в монастыре отлично помогали «капли», которых рецепт при сем прилагаю. Только что начнутся с кем-либо холерные первоначальные припадки: тошнота, понос, боль под ложкою — даже рвота и судороги, — даем тотчас этих капель, чрез пять минут не последовало облегчения, прием повторяется; чрез пять минут еще повторяется. При этом хороша теплая комната, чай из перечной мяты, теплые салфетки на живот, бутылки или кувшины из-под зельцерской воды, налитые горячею водою и обвернутые в салфетки: ими обкладывают больного. Появление испарины есть признак прервания холеры. — Николай Федорович Арндт жив и пользуется лучшим здоровьем. Перцовку употребляют здесь иные для натирания, и то редкие, а употребления ее внутрь признано всеми превредным.

Опять жалею — если мое последнее письмо пропало! Оно было подробное; а что в нем написано, право, забыл; много было написано о холере и о настоящем моем лечении.

За тем! — призываю на Вас благословение Божие: будьте здоровы и благополучны.

Ваш преданнейший друг и брат

Архимандрит Игнатий.

1848. 14 авг.

Николай благодарит за воспоминание; он писал к Вам большое письмо: неужели и оно пропало?

№ 25

Любезнейший Друг и Сестра
Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 27-го августа я получил. Теперь вижу, что как я получил сполна все ваши письма, так и вы получили сполна все мои письма. Сего дня твое тезоименитство! Поздравляю Тебя и желаю тебе всех истинных благ, временных и вечных. Сегодня минул год, как я начал пить сассапарель. В течение августа месяца произошло со мною много перемен; полагаю таковым переменам много споспешествовали гарлемские капли. Мой доктор говорит мне: «вы непростительно согрешите, если прервете употребление сассапарели прежде совершенного излечения, к которому уже столько приблизились». Желвак, находившийся у меня под затылком, значительно уменьшился, сделав свое дело, т.е. оттянув из головы большую часть простудных мокрот. С 1-го сентября начал принимать соленые ванны; уже принял три. В первые две положено было по 10 фунтов соли, в третью — 15. Мой доктор находит, что непременно надо дойти хоть до 25 фунтов соли на ванну. Ванны принимаю на ночь, они содействуют действию сассапарели: производят ночью сильнейшую испарину, при которой переменяю белье раз шесть в ночь; также очень умножают брожение во всем теле. Лицо мое и глаза получили особенную чистоту. Вот в каком положении мое лечение!

Очень рад послужить Вам при закупке вина; пожалуйста, укажи на человека и на средства, при которых бы с верностию можно было переслать вина. В нашей Пустыне, в Пустыне шумной и многолюдной сделалось потише. Высочайшая фамилия переехала из нашего соседства из Петергофа в Царское Село. Скоро начнут переезжать аристократы с дач своих в Петербургские свои палаты на зимовье: тогда сделается у нас еще тише. Сопутствовавший мне в Бабайки о. Стефан пострижен в мантию и переименован Симеоном. Пострижение совершалось после вечерни в присутствии Великой Княгини Марии Николаевны, Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей и Принца Ольденбургского. По окончании пострижения все Высочайшие Особы пожаловали ко мне на чай. Государыня Императрица пред отъездом своим также посетила обитель нашу и мои келлии. — Знакомая твоя, Горчакова, слышал я, живет здесь в соседстве. Но я по причине моего лечения, особливо в июле месяце,

когда был очень слаб, — почти никого не принимал, исключая коротких и давнишних знакомых, которых много и которые вполне похищают все свободное от леченья время. При таком моем положении, которое в околодке известно, человек, не имеющий особенного побуждения познакомиться, а только так, — не захочет, чтоб об нем мне доложили и услышать отказ, что очень легко может случиться при моем лечении.

Будьте здоровы и благополучны! Димитрия Тихоновича дружески обнимаю, милейших детей целую. Благословение Божие да почивает над Вами.

Ваш преданнейший друг и брат

Архим<андрит> Игнатий.
1848 года сентября 5 дня

№ 26

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Извини меня, что я не писал к Тебе так долго: стеклись разные обстоятельства и вихрем пронеслось время. Продолжаю соленые ванны, от которых чувствую большую пользу; но при принятии их очень меня перерабатывает. Еще никуда не выхожу из комнат. А скоро придется ехать в северную столицу, в которой я не бывал с июня месяца.

Митрополит Антоний скончался 16-го ноября: на место его возведен в сан Митрополита Никанор Варшавский, которого на днях ожидают в Петербург: надо будет ему представиться. Никанор — с хорошими качествами ума и сердца. Мой род жизни здесь был бы так же уединен, как и в Бабаевском монастыре, если б не тревожили посетители, которые отнимают и время, и утомляют меня донельзя. Получил я известие, что наконец «Иосиф» пропущен цензурою: предполагается напечатать его отдельно и в журнале «Библиотека для чтения». Здесь, по болезни и развлечению, писал я очень мало. Несмотря на то, что чувствую себя гораздо лучше, меня очень-очень вертит при высвобождении от мокрот, — и когда производится это высвобождение, лежу на постели целые дни как полусонный; идет сильная мокрота и из глаз, и из носу, с болью. Вот мое настоящее положение!

Очень желаю, чтоб вина пришли к Вам благополучно: сорты превосходные, особливо херес и марго. И чем дольше они будут

стоять, тем будут становиться лучше. Кажется, я писал, что надо бутылки становить горлышком вниз, разумеется, в песке. Брат Миша был у меня в день своего Ангела, а супруга его посетила меня вчера: задумывают переезжать в Вологду, если Батюшка согласится им отдать должным образом Корбанку. Да еще бы очень не мешало получить какую-нибудь должность в Вологде. Миша добр донельзя.

Нынешний год пробую первый раз золу для земледелия: посыпал ею торфяной участок сеянной травы и такой же небольшой участок, приготовленный под овес: посмотрю, что будет. У нас овес родится такой высокой и так много овсяной соломы, которою кормим коров! Если зола удастся для удобрения — прибавим посев овса: он может быть выгоднее сена и удобнее для сбыта; при умножении овсяной соломы можно прибавить коров, а потому и посев ржи. Прекрасно оканчивается одна из монастырских затрапезных молитв: «Да всегда всякое довольство имуще, преизобилуем во всякое дело благое о Христе Иисусе Господе нашем».

Призываю на Тебя, на добрейшего Димитрия Тихоновича, на милых детей Ваших благословение Божие.

Вам преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.

23 ноября 1848 г.

№ 27

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

От всей души поздравляю Тебя и добрейшего Димитрия Тихоновича с наступившим Новым Годом, который желаю Вам препроводить в совершенном здравии и благополучии. Очень рад, что ви́на Вам понравились: и здесь эти вина в редком доме можно найти. Этот сорт вин у Елисеева лучше, чем в Английском магазине. Цельное марго укрепляет силы, в особенности если пить его с водою, с такою прекрасною водою, какова Ваша.

Здоровье мое значительно и быстро поправляется: чувствую особенное укрепление сил и свежесть. Теплая комната, которая была прежде для меня совершенною необходимостию, теперь невыносима: и тело и дыхание жаждут свежего, прохладного воздуха. Впрочем, я — еще не вылечившийся, а только выздоравливающий. Продолжаю принимать соленые ванны в 26-ть градусов

однажды в неделю, изредка принимаю сассапарельную настойку, смешивая ее с жизненною эссенциею, в которую у меня прибавлено 6 золотников резины слановой на штоф, от чего очень чистится желудок. Вот состояние моего лечения.

А отличительным признаком состояния душевного то, что мне донельзя опротивела жизнь в шумной Сергиевской Пустыне, на этом аристократическом кладбище. В Бабаевском монастыре я сделался очень весел; а здесь это состояние, беззаботливое и легкое, оставило мою душу: я перешел к состоянию осторожности, которого требует здешнее место, подверженное бесчисленным и вовсе неожидаемым интригам. Напечатание «Иосифа» очень мнется и едва ли состоится: потому что цензор, к которому попалась эта статья, очень несведущ в литературе и хочет изменить слог прибавкою множества слов, самых безобразных, а я не соглашаюсь на такое изменение. Не знаю, смогу ли при помощи других литераторов уломать цензора, в противном случае повесть не может быть напечатана.

Затем — желаю Вам всех истинных благ, призываю на Вас благословение Божие и остаюсь навсегда

Ваш преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1849-го года, января 3-го

№ 28

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Давно лишен я был сердечного удовольствия писать к тебе: все досуги, оставляемые болезнию, поглощаются многими заботами, сопряженными с лежащею на мне обязанностию. Семгу-Печору получил: премного благодарю за нее, и мне и посетителям моим она очень нравится. Теперь речь о здоровье и лечении.

Продолжаю принимать в неделю, а иногда в две недели соленую ванну: хроническая простуда разрешается и разрешается, но очень медленно. Чувствую внутри чрезвычайное облегчение; остающиеся еще боли суть боли наружные. Употребляю для втирания чистый деготь и на ночь надеваю на ноги носки, в которые вкладываю устилки из бересты. Действие и дегтя и бересты, из которой гонится деготь, превосходное: очень согревается тело и оттягиваются мокроты от головы. Чувствую брожение во всем теле: при таком слабом здоровье жить бы не в Сергиев-

ской Пустыни, а в каком-нибудь более уединенном, спокойном и здоровом месте. Но надо жить там и так, где и как приводит Промысл Божий, непостижимый для ума человеческого, — жить, предаваясь воле Божией и благодаря Бога за бесчисленные Его благодеяния, на нас изливаемые.

Новый Митрополит[1] очень добрый человек: при нем надеюсь жить спокойнее, и прежде я был с ним несколько знаком. По этой причине и по многим другим обстоятельствам я признаю, что Богу угодно, чтобы я побыл Ему известное время в здешних краях. При некотором облегчении от недугов, можно сыскать и здесь минуту заняться своею душою. Может быть, Бог даст возможность, при занятии должностию, приготовить себе приют, более спокойный, чем Бабаевский монастырь. Говорят Святые Отцы, что к безмолвию должно приготовить себя перенесением бесчестий. Этих бесчестий испил я полную чашу по приезде сюда: многие, в числе их давние мои знакомые, требовали, чтоб по приезде моем я начал немедленно служить, принимать всех; а со мною сделались необыкновенные пароксизмы, при которых испарина лила рекою и я был в состоянии только лежать. Злоба была так сильна, что постарались обвинить меня пред Высочайшею Фамилиею; но они, зная, что я пред ними был много раз оклеветан напрасно, не обратили на новые клеветы внимания, а были столько милостивы, что выслушали мое объяснение. Этому не должно удивляться: каждый, желающий спастись, подвергается разнообразным искушениям — и блажен он, если за скорби свои благодарит Бога. Признак призвания Божия во спасение — скорби. Кого Бог возлюбит и захочет сделать Своим, тому посылает скорби, того умерщвляет к любви мира скорбями. Так смотри на Твои скорби, на твою продолжительную болезненность. Господь да дарует тебе терпение. Димитрия Тихоновича братски обнимаю, милейших Петю и Софию целую.

Тебе преданнейший брат

А<рхимандрит> Игнатий.
22 февраля 1849 г.

Симеон и Николай свидетельствуют истинное почтение и преданность.

[1] Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Никанор (в миру Николай Степанович Клементьевский; 1787–1856).

№ 29

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Приношу Тебе совершенную благодарность за присланную Печору, которая прекрасна, но с которою случилась презабавная история: Ты ее переслала к Лаптевой, а Лаптева передала Екатерине Александровне Моллер для доставления мне. Получив от Моллер предоброе письмо, я написал ей ответ и в то же время ответ Тебе, но, недоглядев, положил письма не в те конверты, почему и пошло к Тебе письмо, которое было писано для Моллер. Потрудись переслать это письмо мне. Здоровье мое лучше и лучше: но брожение продолжается еще во всем теле. При исправлении должности, особливо столько хлопотливой, как моя, лечение презатруднительно. Только что лекарство начнет действовать, причем покой необходим, — неожиданно предстанет неизбежная нужда или принять какое-нибудь почетнейшее лицо, или служить, или выехать. — Всепокорнейше благодарю за рыжички и грузди, каковых здесь трудно найти. — Сердечно утешаюсь участием, которое Вы принимаете во мне: точно, здешняя жизнь, сопряженная с беспрерывною рассеянностию, лишает многих плодов, которые можно б было пожать в уединении. Но — что делать: живешь не так, как хочется, а как приходится жить. К тому ж в настоящее время монастырю нашему присуждено процвести в наружном отношении и встать наряду с первейшими обителями России. Некоторый Петербургский купец расположился выстроить при монастыре обширную и великолепную каменную гостиницу и развести при ней английский сад. Другой благотворитель хочет принять значительное участие в устроении ограды, которая должна обнять монастырь на пространстве версты. При нынешних обстоятельствах, когда при монастыре нет почти никакого пристанища, он получил в нынешнем году до 11-ти тысяч серебром от молебнов и панихид и до 10-ти тысяч серебром за свечи: что ж будет при обширной гостинице, снабженной всеми удобствами? — А эти материальные улучшения приносят мне еще более хлопот. То много поддерживает, что Митрополит — ко всем очень добр, а в ряду с прочими и ко мне. Для иноческой жизни нужен мир, а с отъявленными мошенниками иначе невозможно сохранить мира как бегством от них, как удалением от должности, в которую они вмешиваются лукаво и злонамеренно и искажают дело, представляя исказителем подчиненного им и ненавидимого ими действователя. Не знаю, отче-

го брат Семен переменил вдруг намерение свое поместиться на службу в Петербург? Дело его было так облажено; об нем спрашивают очень часто — и мне очень мудрено отвечать на эти вопросы. Думают, что здесь просьба ничего не значит! Она очень дорого стоит: надо за нее принести много душевных пожертвований, не говоря о вещественном расходе.

Христос с Вами. Поздравляю Вас с наступающею Пасхою и обнимая всех, остаюсь навсегда

Преданнейшим другом и братом

Арх<имандрит> Игнатий.

1849, 15 марта

№ 30

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 17-го июня я получил сего 25-го. Здоровье мое вообще гораздо в лучшем состоянии; путешествие по монастырям совершил я с особенною легкостью, несмотря что погода была очень дождливая и холодная. По приезде в течение недели чувствую себя дурно. Причиною того полагаем, как я, так и мой доктор, продолжающееся разложение моей простудной болезни.

Лекарств никаких не принимаю, а пользуюсь изредка теплыми ваннами в 27 °С. Не знаю, буду ли я принимать холодные ванны. Полагаем, т.е. я и мой доктор, дождаться окончательного разрешения болезни, и уже после него, если дарует его Бог, приняться за укрепляющие средства, и преимущественно за холодные ванны. А в настоящем моем положении холодная ванна легко может произвести новую простуду. От брата Семена Александровича получил извещение о его помолвке. Дай Бог ему счастья. Очень справедливо Ты говоришь, что желала бы меня опять видеть в каком-либо пустынном месте, подобном Бабаевскому монастырю. Здешняя суета тяготит меня безмерно, отнимает все время, попирает все духовные размышления и ощущения, только что они явятся. Но надо потерпеть; в настоящих обстоятельствах новая попытка на удаление из Сергиевой Пустыни невозможна. Я, когда просился на покой в Бабаевский монастырь, то не знал, что вся моя болезнь заключается в простуде, — это мне объяснил один доктор в Москве. Узнав болезнь свою, я буду искать удаления, конечно, в теплый климат — в Киев, например.

Теперь моя жизнь в здешних местах совершенно бесполезна, а в хорошем климате, поукрепясь, я мог бы написать много полезного для ближних. Занимаюсь ныне составлением книги *Последование Христу* в противоположность книге, написанной в недре Западной Церкви и сперва осужденной этой Церковию — в противоположность книге *Подражание Христу*. Этот труд шел в Бабайках очень споро, но здешняя рассеянность совершенно — противоположна занятию, состоящему в подробном рассматривании глубоких и тонких ощущений и помышлений человеческих. Моим временем распоряжаются болезнь и рассеянность и вполне отнимают его у занятий полезных. — Весь июнь месяц шли беспрестанные дожди; с 24-го установилась ясная погода. И хлеба и травы очень сильны, но в сравнении с прочими годами малорослы и молоды. Тому причиною стоявшие холода, которыми сопровождались дожди. В местах, заслоненных от солнца, до сих пор еще цветет сирень. Новый Митрополит продолжает быть добрым ко мне, и вообще многие, бывшие очень нерасположенными, сделались гораздо мирнее.

За тем — призывая на Тебя, на почтеннейшего Димитрия Тихоновича и на милых детей Твоих благословение Божие, остаюсь навсегда

Преданнейшим тебе братом и другом

Арх<имандрит> Игнатий.
1849, июня 27-го дня

№ 31

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

На днях писал я к Тебе о семенах, а теперь отвечаю на письмо Твое о Саше Жандр. Думаю, лучше сделать это дело чрез Мишу, который по силе своей печется о Саше и которому будет прискорбно, если Вы сделаете мимо его. Директриса Родзянко была недавно у меня и говорила о Саше, что ее здоровье не поправляется, что очень бы хорошо было взять ее на лето в деревню. Но вопрос — куда? И по выходе из института неловко ей возвращаться к матери. Саша будет в летах, и впечатления будут действовать сильнее; в таком случае болезнь матери легко может перейти к дочери. Поэтому Миша и супруга его, как бездетные, намереваются взять Сашу к себе. Дела Миши

идут теперь лучше, а со временем могут пойти еще лучше; он чрезвычайно добр.

Бог да благословит Димитрия Тихоновича за внимание его к сироте и да утешит его за это счастием детей его. Желающий Тебе и семейству твоему всех благ

Преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
16 ноября 1849 г.

№ 32

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Сегодня получил я письмо Твое от 27-го ноября и спешу отвечать на него. Вы сделаете, может быть, благодеяние Саше Жандр, взяв ее к себе на лето. Говорю: может быть, потому что очень сумнительно, чтоб, проведши только одно лето в деревне, она получила облегчение в своей болезни, которой доктора понять не могут. Но чтоб принесла ей поездка и какую-нибудь пользу, то непременно надо устранить ее свидание с матерью. Директриса была у меня в октябре: и ее мысль, чтоб Саша провела лето в деревне, следовательно, в отпуске никакого затруднения быть не может. Тогда распорядишься, как Тебе будет угодно: или напишешь к Директриссе письмо чрез брата Михаила, упомянув, что на него возлагается отправление в дорогу Саши, или же просто чрез Мишу. — Относительно Александры Александровны, то для нее нет лучше места, как Вологодский монастырь: во-первых, нигде столько ей не будут снисходить, как тут, во-вторых, нигде она не будет менее нуждаться, как тут. Только надо родственникам быть благоразумными и не посещать ее часто, особливо тем, которые себе усвоили сильное нервное влияние на нее. Под моим благочинием имеется монастырь, но содержание в нем очень дорого; сверх того, носятся слухи, что я получу другое назначение и очень легко может быть, что оставлю Петербург, чего очень желаю. Следовательно, по всем обстоятельствам ей нужно избрать в место жительства Вологодский монастырь. — На днях надеюсь получить вышедшее в печать небольшое сочинение мое «Чаша Христова», которого несколько экземпляров надеюсь прислать Тебе. — Приложенное письмо потрудись передать Александре Александровне.

Призывая на Тебя, на бесценного Димитрия Тихоновича и на милейших детей Твоих благословение Божие, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший друг и брат

Архимандрит Игнатий.
1849 года, декабря 7-го дня

№ 33

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Присылаю Тебе при сем сочинения Святителя Тихона Воронежского, также по желанию Твоему три книжки *Иосифа*; этого сочинения есть у меня еще несколько экземпляров, а *Чаши* и *Валаамского Монастыря* нет уже ни одного. С наступлением мая наступила у нас жаркая погода; термометр восходит в некоторые дни до 20-ти градусов в тени; яровая рожь уже взошла. Лечусь гомеопатическим способом; лекарства действуют очень сильно и полезно, нисколько, впрочем, не расстраивая желудка. Если лето будет хорошо, то можно воспользоваться и купаньем: холодная вода начала приносить мне значительную пользу. Наш монастырь, окруженный садами, принял в настоящее время прекрасный вид; Петербург начинает пустеть: все, имеющие возможность, переезжают на дачи; у меня беспрестанный прилив разнообразных посетителей, отнимающих почти все время. К 1-му июня весь шум петербургский переселяется к нам, потому что к этому времени Двор приезжает в свои приморские дворцы.

Призывая на Тебя благословение Божие, дружески обнимая добрейшего Димитрия Тихоновича, целуя милейших детей твоих остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
10 мая 1850 года

Сашу Жандр непременно надо взять из института: ее начальство открыто говорит об этом. Болезнь ее, по-видимому, неизлечима.

№ 34

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Добрейшее письмо Твое от 3-го августа я получил тотчас после возвращения моего из путешествия в Валаамский Монастырь, куда сопутствовал я Митрополиту. К большому утешению моему, здоровье мое не пострадало от этого путешествия. Вообще чувствую себя лучше, но вместе с тем вижу, что здоровье мое — складное и склееное, так сказать, — нуждается в большей осторожности и от безделицы может сильно повредиться. Здесь живу очень рассеянно: с раннего утра до позднего вечера утомительные посетители, наиболее из знати, с которыми вести себя надо очень принужденно и скрытно. Таким образом прошло все лето в пустых занятиях; на занятия основательные не имел нисколько времени. Сашу Жандр видел у брата Михаила; по приезде ее в Вологду получил от нее письмо, на которое, за неимением времени, не отвечал. Потрудись, сделай милость, при свидании передать ей мой усердный поклон и благодарность за ее воспоминание и чтоб не поскучала о моем молчании, которому причиною крайний недосуг. От брата Семена недавно получил письмо, из которого заключаю, что он, удосужившись, может быть, сберется в Петербург на побывку в начале осени. Ныне летом я купался в течение двух недель — столько позволила погода — и чувствую от купанья пользу; но каждый раз тотчас после купанья надевал шерстяную рубашку на час времени: это очень способствует к унятию ревматических болей. Некоторые из братий до сих пор купаются, надевая после купанья шерстяную рубашку, отчего чувствуют значительную пользу и укрепление.

Вот все мои новости, скудные интересы по недостатку деятельности духовной. Почтеннейшего и добрейшего Димитрия Тихоновича братски обнимаю, милейших детей твоих целую и, призывая на Тебя и на все твое семейство благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

1850 года августа 19-го дня

№ 35

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Поздравляю тебя и почтеннейшего Димитрия Тихоновича с наступающими Праздниками Рождества Христова и Нового Года. Желаю Вам препроводить грядущее лето в благополучии и спокойствии и в приготовлении к тому вечному году и дню, который ожидает каждого человека. — О себе скажу, что мое здоровье очень поправилось, но еще не совершенно восстановилось, потому что продолжаю потеть по ночам и принужден каждую ночь переменять рубашку раз по шести и более. Пот бывает самый обильный и густой. Лекарств никаких не принимаю. К делу поспособнее прежнего, но все еще плохо работаю; до лечения моего в Бабайках я занимался гораздо более. Родителю вышла награда, которую, вероятно, он теперь уже получил. Может быть, это его утешит в его скорбях от толков публики Вологодской, некстати рыцарствующей. Все эти неприятности прейдут. О перемещении Вологодского Губернатора я слышал; но кем он замещен — не слыхал. Вологодские новости доставляют мне только Вологжане: жителей собственно Петербургских эти новости вовсе не занимают; а Вологжане бывают у меня очень редко. — Рожь моя и озимая и яровая вымолочены: первая пришла сам 11-ть (сеяно $1\,^1/_2$ четверти на казенную десятину); вторая — сам 14-ть. Последней семена первый раз посеяны; а первой раз четвертый. Не угодно ли на семена? В таком случае напиши, с кем прислать; а я челом бью о свежепросольной тресочке. С окончанием лекарств на нее явился аппетит. — Кроме этой и следующую прилагаю просьбу: потрудись навести справку по приложенным письмам, и какое будет по ним решение, потрудись известить. Вероятно, барынька, проживающая в монастыре, сама очень нуждается; а здешние Петербургские так делают добро, по крайней мере очень часто: увидев нагого, сжаливаются и, чтобы покрыть его, снимают последнее платье с другого бедняка, не заботясь о том, что он подобно первому останется нагим; доброе стремление их сердца удовлетворено, они совершили добродетель. В письме изложи ответ поаккуратнее, чтоб я мог показать этот ответ. В провинциях делают добро проще: делятся своим, а не чужим и не прибегают к аферам для добродетели.

Затем желая Тебе, почтеннейшему Димитрию Тихоновичу и милейшим твоим детям всех истинных благ, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1850, 19 декабря

№ 36

Воистину Воскресе Христос!
Любезнейший Друг и Сестра
Елизавета Александровна!

Милейшее письмо твое я получил и сердечно благодарю за поздравление с Великим Праздником праздников — Воскресением Христовым, от души желая, чтоб воскресший Христос совоскресил душу твою в ощущение будущего духовного блаженства, что даруется верующим слову Христову и последующим этому слову наружным и внутренним поведением своим, отвергая слово, учение и требование преходящего мира. Мое здоровье по милости Божией гораздо лучше. Болезнь, приключившаяся в Великий пост, была не что иное, как один из периодических кризисов, случающихся со мною раза три-четыре в год, при которых разлагается и выходит моя хроническая болезнь, застарелая простуда.

Очень рад, что Семен поспокойнее; можно надеяться, что впредь еще будет спокойнее. Что делать? Худой мир лучше хорошей брани, а сделанного не воротишь: должно как-нибудь испорченное поправить и посредственное улучшить. Относительно обстоятельств, которые ты видела в Пошехонском уезде, в одном из тамошних приходов, то это почти общее бедствие России; количество священников так уменьшено, что они не имеют возможности исполнять треб, и часто треб самонужнейших. Недавно были у меня помещики с берегов Волги и сказывали, что их приход растянут по Волге и впадающим в нее речкам на двадцать верст; в обыкновенное время священнику очень трудно исправлять требы, а в разлитие вод, продолжающееся у них очень долго, это исправление делается вовсе невозможным. Религия крестьян, так сильно опирающаяся на исправление треб, не только существенно необходимых всем христианам, но даже и обрядовых, должна сильно поколебаться. Прежде я говаривал об этих предметах тем, у кого они в руках, с желанием общего блага; но, увидев, что это принимают с дурной стороны

и отвечают мщением и подлыми интригами, я замолчал, вспомня слова Христа Спасителя: не мещите бисер ваших, да не како поперут их ногами и вращшеся расторгнут вы. Смыслящих отлично интригу — очень много; а понимающих дело очень мало. Выслуживающихся очень много; а служащих очень мало. Благонамеренному человеку должно ограничиваться добрыми делами в том круге, в который Промысл Божий поставил его; но никак не вмешиваться с советом своим, особливо с замечанием, приводящим в движение чей-либо эгоизм, как бы этот совет и это замечание ни были верны и благонамеренны.

Прими на себя труд поздравить от меня с Великим Праздником почтеннейшего Димитрия Тихоновича. Обнимаю милых детей твоих и, желая Тебе всех истинных благ, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1851 года апреля 25-го дня

№ 37

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Получив Твое письмо из Москвы от 13-го февраля, я немедленно написал к Митрополиту[1] и благодарил его за милостивое внимание к Тебе и ко мне. Точно он искренне любит меня, и, судя по наружности, я много потерял, будучи лишен его покровительства; но, судя духовно, нельзя не признать тут действовавшего Промысла Божия, даровавшего мне совершить мое земное странствование по пути тернистому, а не по пути тленных преуспеяний, почти всегда очень вредных для души. Вот образ мыслей, успокаивающий сердце верою в Бога, действующего превыше самых мудрых соображений человеческих. Умен Филарет, умен как день: но и он устранен Промыслом Божиим от дел земли, чтоб быть вернее сохраненным для дел Неба. Дела и преуспеяния земные вводят в гордость, для отвращения от которых сам Апостол Павел нуждался в попущениях и скорбях.

Желая Тебе, почтеннейшему Димитрию Тихоновичу и милым деточкам всех истинных благ, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1853 года, февраля 19-го дня

[1] Митрополит Московский Филарет (Дроздов).

№ 38

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Сердечно благодарю Тебя за добрейшее письмо Твое, а равным образом поздравляю всех Вас с великим Праздником Воскресения Христова. Поверь: Твоя тихая жизнь в уединении блаженнее шумной и светлой жизни многих в столице. Твоя жизнь полна, а их — пуста. Множество развлечения рождает множество грехов по причине множества встречающихся случаев ко греху: от таких встреч огражден уединенный. Недаром один Великий Отец сказал: начало зол — рассеянность. Как бы и мне желалось, при преклонных моих летах и слабости здоровья, приютиться в какое-либо уединенное, неизвестное миру, место. Но до сих пор не вижу к этому никаких средств. Буди воля Бога моего, Который знает, что мне полезно. — Мой усерднейший поклон доброму брату Димитрию Тихоновичу: весьма бы мне приятно было, если б он вместо путешествия на Печору предпринял путешествие в Петербург; в таком случае я надеялся бы залучить его на несколько дней в Сергиеву Пустынь. Авось, может быть, придет время, и увидимся; теперь же мне загражден путь в Вологду.

Призывая на всех Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности остаюсь Тебя душевно любящий брат

Архимандрит Игнатий.

1853 года, 29 апреля

№ 39

Христос Воскресе!

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

От души поздравляю тебя и почтеннейшего Димитрия Тихоновича с наступившим Великим Праздником Праздников и желаю всему Вашему семейству всех истинных благ. До сих пор ничего основательного нельзя было узнать о выпуске из Пажеского корпуса; хотя обстоятельства показывали, что должно сделать выпуск, но благоразумие заставляло скрывать это от воспитанников, из которых многие, вероятно, стали бы хуже учиться, занявшись мечтою офицерства. Получив ныне сведения более точные, я спешу уведомить тебя, что Петрушу потребуют в корпус

к 15-му августа, о чем Димитрий Тихонович официально будет извещен; по крайней мере, таков результат, полученный вследствие собирания по сему предмету сведений от людей самых верных. Значит, я ожидаю тебя в Петербург! Надо полагать, что воинственный вид столицы скоро пройдет, потому что неприятели очень малочисленны и скорее могут причинить беспокойство на короткое время, чем вред. К тому ж они — морские, и как скоро очистится Финский залив от льда, то надо ожидать немедленно события, которое заставит их отправиться восвояси. Финский залив, наполненный подводными скалами и мелями, не гостеприимен для враждебных флотов.

Призывающий на тебя и на семейство твое Божие благословение,

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
11 апреля 1854 года

№ 40

Любезнейший Братец, Димитрий Тихонович!

Письмо Ваше я получил и приложенную к нему записочку передал Елизавете Александровне. С истинным утешением я созерцал детей Ваших, которым так много дано и природою, и попечениями родителей. Совершенно разделяю мнение сестры, что ей надо основаться на жительство в Петербурге, не столько для сына, сколько для дочери, которая именно в Петербурге может составить себе карьеру, самую счастливую. Здесь благовоспитанная девица с твердыми правилами нравственности и с положительным направлением — величайшая редкость. При таком взгляде на обстоятельства и Вам, почтеннейший Братец, должно подумать о перемещении на службу в Петербург. Вас многие уважают и любят, почему не трудно будет сделать такое перемещение. Перемещением на жительство в Петербург удовлетворятся нужды каждого из членов Вашего семейства; по крайней мере, на мой взгляд, это указывается обстоятельствами с очевидностию.

В надежде увидеться с Вами осенью! Призывая на Вас и на семейство Ваше благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и сердечного уважения имею честь быть

Вам преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
21 июня 1854 г.
Стрельна

№ 41

Любезнейший Друг и Сестра

Елизавета Александровна!

Господь кого любит, наказует с милованием: поэтому в скорбях надо благодушествовать, возлагая судьбу свою на Волю Божию. Слабость есть обыкновенное последствие гомеопатических лекарств, следовательно, ей не должно удивляться. Доктор, посещающий Петю, не найдет ли нужным для Тебя слабительное, если сама натура не подействовала. Это бывает очень хорошо после гомеопатических лекарств. Если ж подействовала натура и явилась испарина, то лучше довольствоваться до окончания болезни и тогда уже принять слабительное. Я постараюсь побывать у Тебя во вторник, также после моего обеда, чтоб посмотреть на Тебя и на Петю. Попал-таки домой. Корь не опасная болезнь — это уже не то, что скарлатина, но надо очень беречься от простуды. Петербургский климат таков, что все приезжие вскоре по приезде или несколько спустя подвергаются болезням, доколе не приучатся к климату.

Овес вскоре будет доставлен; несмотря на то, что дважды был пропущен в сортовку — куль весит 6 пуд<ов> 30 ф<унтов>. Для Ваших посевов лучше Вам придерживаться методы, заимствованной от англичанина, при которой ваш семянный овес достиг 7 пудов 10 ф<унтов> весу. У нас овес родится очень сильно, потому что земля очень удобрена; а семена удавалось доставать отличные, но они скоро перерождались.

Призывающий на Тебя и на твое семейство благословение Божие

недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

18 декабря 1854 г.

№ 42

Любезнейший Друг и Сестра!

Вечером в Благовещение думаю приехать в Петербург, пробыть там вторник и во вторник вечером или в среду утром отправиться назад к Сергию. Прими странника под Твой гостеприимный кров.

Тебе преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий.

25-е утром
1855 г.

№ 43

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Очень радуюсь благополучному возвращению Твоему в мирное Ивашево. После всех Петербургских трудов и попечений отдых на родине, в родном климате, принесет тебе и детям несомненную пользу. А к зиме опять надо в Петербург — на подвиг. София Ивановна была у меня до получения письма твоего от 10-го июня. У нас с начала лета были жары и грозы; потом стало холодно, а с сегодня, кажется, опять начинаются уже серьезные летние жары. Против нашего монастыря стоит часть Английского флота на так называемом северном фарватере; но, вероятно, она ничего не предпримет или предпримет безделицы: потому что Кронштадт с моря неприступен, а для важного действия на берег у неприятеля недостаточно десантного войска. Потеря неприятелем при неудавшемся штурме к Севастополю, по скромным показаниям наших, простирается до 15 000 убитыми и ранеными, а по сознанию иностранцев до 18 т<ысяч>. Очень не нравятся Англичанам наши винтовые канонерские лодки, удавшиеся как нельзя лучше. Они отличаются от Английских только флагом; впрочем, на ходу и по орудиям совершенно одинаковы. К 1-м числам июня у нас их было 20, а Англичане привели с собою только семь; к 1-му июля или и раньше должны быть готовы еще 20; гребных и парусных — тех много. Надо знать, что Петр I сначала построил флот из канонерских лодок; морем его было сначала море между Петербургом и Кронштадтом. К концу его царствования наш флот равнялся первым Европейским флотам, а Балтийское море было Русским морем, потому что флот Русский на нем господствовал. Благодаря неусыпным попечениям и знанию Великого Князя Константина Николаевича история Русского флота начинает повторяться. Явились уже винтовые канонерские лодки в значительном количестве; начинают появляться винтовые фрегаты и линейные корабли. Можно надеяться, что в скором времени наш флот не даст Британцам по произволу алжирствовать по берегам нашим.

Потрудись передать мой усерднейший поклон Почтеннейшему Димитрию Тихоновичу, которого радость при свидании с семейством я воображаю. Целую милых детей, желаю им много-много быть на воздухе для собрания свежих сил к зимним трудам.

Призывая на Тебя и на весь дом твой обильное благословение Божие, с чувством искреннейшей преданности остаюсь

Тебе покорнейший слуга и брат

Архимандрит Игнатий.
27 июня 1855 г.

№ 44

С благодарностью возвращаю лекарство. Вчера я был очень слаб и нервен. Состояние моего желудка произведено водами Виши, впрочем, очень полезными для печени. Теперь должно оставить всякое лечение и заботиться о скоплении сил для предстоящих трудов. Прошу извинения, не обеспокоил ли я Вас чем при моей болезненности.

Софии Дмитриевне мой усерднейший поклон!

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1856 года 2-го ноября

№ 45

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Чувствую сильный насморк и простуду горла, почему остановился приехать сегодня, а думаю быть к Тебе в субботу вечером. Завтра утром придут к Тебе О. Игнатий и Иван Григорьевич. Скажи Игнатию, чтоб он извинил меня пред Княгинею Юсуповой. Я ожидаю их обоих в монастырь завтра к вечеру.

Призывающий благословение Божие на Тебя и на твое семейство.

Тебе преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.
1856-го года 27 декабря
четверг

№ 46

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

При сем присылаю Тебе 75 рублей и благодарю за бесцеремонность, которая для меня драгоценна. К Михайлу Николаевичу непременно съезди; хотя он, и вообще Муравьевы[1], холодны

в приеме, но ценят честных и способных людей, любят делать добро, особливо когда их попросят и им поклонятся. Случая не должно упускать. Безотчетное мое сердечное чувство говорит, что и для Вашего семейного пребывания в Петербурге необходимо, чтоб Димитрий Тихонович был при Вас.

Я приехал из Петербурга больным; теперь лучше, но еще не могу выходить из комнат. От брата Петра получил письмо, но в нем ничего он не пишет о своем назначении. Также и других никаких новостей не знаю.

Благословение Божие да почиет над Тобою и над твоим семейством.

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1857 года 29-го апреля

[1] О Муравьевых см.: Т. 3. С. 259–268.

№ 47

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо Твое получил и отвечаю на Твой скорбный голос из моих скорбей. Человек немощен, и невозможно ему постоянно пребывать в великодушии; по временам нападает на человека и малодушие. Тягость, производимая малодушием, заставляет искать утешения, которое заключается в вере в Бога и в предании себя Его Святой Воле. Вера снова вводит в дом душевный терпение и великодушие: та же скорбь, которая казалась невыносимою, уже кажется весьма удобоносимою. В этот месяц я не выезжал в город: сижу дома и лечусь. Чувствую себя как будто получше, но очень слаб и не выношу петербургского воздуха. Познакомился с Бурачком, который был у меня три раза. Мы, как кажется, довольно сошлись.

Церковь наша приходит к окончанию и возбуждает похвалу всего Петербурга. Точно: она оригинальна, вся в образах и в золоте и необыкновенно удобна для Богослужения. Митрополит был четыре раза в течение лета в Пустыне, три раза служил и два раза обедал в братской трапезе. Ко мне являет особеннейшее расположение и желает, чтоб это расположение было с своим результатом.

Мой усерднейший поклон Димитрию Тихоновичу; желаю ему полного выздоровления!

Призывающий на Тебя и твое семейство благословение Божие,

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1857 г. 15 октября

№ 48

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Исполняя Твое поручение, я был у Михайла Николаевича Муравьева, который обещал сделать все, что от него зависит, для Димитрия Тихоновича. Он присовокупил, что значительное влияние имеет на его службу Морское Министерство. При чем-либо решительном здесь нужно тщательное хождение и ходатайство не пред одним Муравьевым. Михаил Николаевич спросил меня и о Семене, что с ним делается, спросил, очевидно, интересуясь им. Передай это Семену.

Петруша был на моем наречении и посвящении. Протоиерей, его законоучитель, был приглашен мною на обед, который я давал в день посвящения Митрополиту, Синодалам и прочему высшему духовенству.

Намереваюсь быть у о. Ксенофонта, равно и у Желтухина, где увижу Петю и прощусь с ним. Меня задерживает в Петербурге одно представление Государю Императору, после чего буду спешить к месту своего назначения. Отпускают меня миролюбиво, и я с радостию уезжаю из Петербурга. Архимандритом Сергиевой Пустыни назначен маленький Игнатий, чем довольны и все братия, и благотворители монастыря.

Благословение Божие да почиет над Тобою, над милою и благочестивою Сонечкою, над Старцем — супругом твоим, над всем домом твоим.

Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
6 ноября 1857 г.

№ 49

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 4-го декабря, адресованное в Ставрополь, я получил, прибыв в этот город 4-го января, после путешествия,

по слабости моей очень трудного. Несмотря на это, по мере удаления моего от Петербурга, где я совершенно уничтожался, начал чувствовать себя лучше и лучше. Но для ощущения перемены, в ее сущности, нужно отдохнуть; а я, чрез час по приезде, начал слушать Всенощное, 5-го служил обедню; 6-го также, и выходил на водоосвящение; 7-го также служу по причине табельного дня. Принят я очень радушно; место так понравилось, что я красивее его не видал; ключевые воды превосходные, каких я давно-давно не пил. Город на огромной горе и весь в садах. Из горы кипят во множестве ключевые воды. Из Петербурга я выехал, как спадывает с дерева тот плод, который уже не может заимствовать с него соков. Мое удаление было такое естественное, логическое. Здесь должно быть для меня спокойнее, а главное, труд питательный для души — назиданье ближних; также почти уверен, что мое здоровье, хотя далеко не вполне, но очень поправится. При сем присылаю оттиск моей речи, напечатанной по приказанию Митрополита Григория. Очень благодарен Димитрию Тихоновичу за его благие желания; благодарю и Петю и Соню за воспоминание их о мне. Благословение Божие да почиет над Вами.

Недостойный Епископ Игнатий.

6 января 1858 г.

№ 50

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Искренне благодарю Тебя за письмо твое; в котором так видна та особенная любовь Твоя ко мне, грешному, которую Ты постоянно являла мне, начиная с Бабаевского монастыря. Здешним местом я очень доволен: место тихое и спокойное. Приучаюсь к климату и воде; но чувствую себя гораздо лучше, нежели в Петербурге. Здесь надо почти все заводить, начиная с самого помещения; однако и самое это маленькое помещение мне нравится гораздо больше, нежели мои высокие комнаты в Сергиевой Пустыни, которые мне отсюда представляются каким-то страшным ледником. Ставропольский домик мой — вроде келлий, в которых я жил в Бабаевском монастыре, но гораздо побольше. Возле самой церкви! Когда они приведутся в порядок — будут очень удобны, очень поместительны, премилы. Стоят они, как и церковь, среди обширного фруктового сада.

Очень утешаюсь благочестием брата Петра Александровича! Сынок его Алеша — умненькое и благонравное дитя.

Особенное милосердие Божие к нашему семейству — это благочестие и Православие нашего семейства. Очень часто вспоминаю о Петре Дмитриевиче и Софии Дмитриевне: видя их направление, я вполне уверен, что их покроет благословение Божие.

Так как полагаю, что это письмо попадет в Твои руки пред Пасхою, то и поздравляю Тебя и почтеннейшего Димитрия Тихоновича с Праздником Праздников, желая всему Вашему семейству всех истинных благ. Господь посылает тем, кого любит, различные испытания; но и избавляет их от всех скорбей. Скорбями мы научаемся уповать на Бога, а не на себя, и стяжеваем бесценное сокровище — Веру в Бога, веру деятельную, живую.

Благословение Божие да почиет над Тобою и над семейством твоим.

Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский.
1858 года, февр. 28-го дня

№ 51

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо Твое я получил — числа на нем не назначено, — в котором описываешь, что Петя приютился у Арсеньева. От Пети я получил письмо и отвечаю на сей почте.

Прошли три месяца без пяти дней, как я кончил курс минеральных кавказских вод, а действие их продолжается в сильной степени. Действие это заключается в том, что гонится золотуха разными сыпями и болячками, обильною испариною; также чувствуются значительные внутренние боли, слабость необыкновенная. Могу заниматься только утром до 12-ти часов; после чего чувствую себя утомленным и изнуренным. По вечерам золотушная материя, показавшаяся из глаз, не дает никакой возможности заниматься. По временам я думал: не зародилась ли во мне чахотка — так болела грудь. Что ж? К здешнему миру меня ничто не привязывает. Одна только неготовность предстать на суд Божий может быть причиною желания отсрочки отшествию отсюда.

Евангелие уподобляет попущение Божие отвсюду окружающей и обхватывающей сети, которой избежать невозможно

(Лк. 21. 35). Надо смириться под крепкую руку Божию, и нашедшую скорбь встречать исповеданием: достойная по делам нашим приемлем, помяни нас, Господи, во Царствии Твоем!!! Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим!

Мой усерднейший поклон Димитрию Тихоновичу и Софии Дмитриевне. Благословение Божие да почиет над Тобою и над домом твоим.

Преданнейший брат

Игнатий, Е<пископ> Кав<казский>.

14 ноября 1858 г.

№ 52

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Письмо Твое из С.-Петербурга я получил и искренне желаю Тебе и твоему семейству всех истинных благ. Бог посылает Тебе и Димитрию Тихоновичу Свою милость: умный и сериозный человек, человек, принадлежащий службе, будет удовлетворен такою супругою, воспитанною в правилах благочестия и скромности, какова София Дмитриевна. Юлий Константинович был у меня очень давно с родителем своим, еще в мундире, кажется, лицеиста. Милосердый Господь да благословит благополучным концом благое начало.

Мои ревматизмы облегчились от вод; но действие вод так сильно, что до сих пор почти ничем не дает заниматься. Притом — очень слаб. Положением своим я очень доволен: оно — спокойное. Желалось бы, и очень желалось бы, окончить дни в уединенной Обители. Занятия земные сделались для меня и чужды, и отяготительны.

Благодарю Димитрия Тихоновича за приписочку в письме Твоем!

Благословение Божие да почиет над всеми Вами.

Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24 февраля 1859 г.

№ 53

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Спешу отвечать на письмо Твое от 2-го апреля, которое я получил 19-го, особенно потому, чтоб последнее письмо мое не рас-

строило твоих соображений, описанных в письме от 2-го апреля. Сердечно радуюсь, что здоровье Димитрия Тихоновича поправилось и он может представиться Государю Императору. В таком случае необходимо, чтоб он побывал предварительно у лиц, составляющих свиту Государя, особливо у Адлерберга Александра и у Эдуарда Баранова, если эти оба, или который-нибудь из этих двух, будут сопровождать Его Величество. Им надо изложить лета Димитрия Тихоновича, долговременность его службы и желание его быть Сенатором. О поступлении в Государственный Совет и не думайте. Скорее могут дать место если не в Сенаторах, то в Аудиториате или где-либо в подобном месте, с сохранением ныне получаемого оклада, как это сделано с Генерал-Лейтенантом Козловским, командовавшим правым флангом на Кавказе.

Здесь была необыкновенная зима, а теперь наступила необыкновенная весна: и холодно, и очень грязно. По этой причине я не мог еще выехать для обозрения Епархии. Принимаю лекарство, которое гонит золотушные мокроты, но вместе с тем держит в довольно трудном положении.

Призывая на Тебя и твое семейство благословение Божие, с чувствами сердечной преданности остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.
20 апреля 1859 г.

№ 54

Любезнейший Друг и Сестра
Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 8-го июня я получил, и искренно поздравляю Тебя с устроением дочери твоей, которую да благословит Милосердый Господь благословением Свыше; поздравляю также и с сыном Камер-пажом. Передай мое усерднейшее поздравление Димитрию Тихоновичу: Бог видимо благословляет его в детях его.

Теперь Ты свободна и на свободе можешь чаще и больше молиться Богу о себе и детях твоих. Чтоб молитва твоя о детях была услышана Богом, надо, чтоб Ты была ближе к Богу. Подобно земным царям, Царь Небесный наиболее внимателен к Своим приближенным. Тот делается приближенным Богу, кто часто с сердцем сокрушенным и смиренным молится Богу. Бог везде

сущ. Всякое место одинаково близко к Нему, и на всяком месте Он может явиться человеку: место, на котором Он обыкновенно является, есть сердце сокрушенное и смиренное. Он и производит присутствием Своим умиление в сердце.

В настоящее время я нахожусь в Тамани, городе моей Епархии, между морями Черным и Азовским. Для купанья в море я еще не созрел, а принимаю на дому подогретые морские ванны. Здоровье мое восстанавливается: оно так было расстроено, что только ныне летом я мог ощутить пользу от прошлогоднего лечения на минеральных водах; в течение зимы очень ломало. И теперь ванны сильно действуют; оттого, кажется, и пишу так дурно. Глаза мои лучше, но в них чувствую брожение, а в руках трясение. Брат Петр Александрович лечится в 60-ти верстах от меня на грязях Темрюкских и чувствует от них большую пользу. Это очень сильное и тяжелое лечение: мне оно не под силу.

Будь здорова и благополучна. Благословение Божие да почиет над Тобою и твоим семейством. Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

7 июля 1859 г.
Тамань

№ 55

Любезнейший Друг и Сестра, Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 17-го октября я получил 7-го ноября. Праведный, многострадальный Иов подвергся многим искушениям и сказал о земной нашей жизни, что вся она вообще есть искушение для человека. И то надо знать, что людям, боящимся Бога и чтущим Его, хотя и попускаются на время искушения, но после того непременно следует и избавление от искушений. Итак, не должно предаваться печали и безнадежию, но из среды самого искушения с верою молитвенно вопиять к Богу и ожидать Его помощи.

Так я смотрю на Твое положение. — Великий преподобный Отец Исаак Сирский говорит, что Бог послал Сына Своего в мир в то время, как человеки особенно погрязли во грехи, особенно сделались врагами Божиими. Из этого Преподобный выводит заключение, что гораздо возвышеннее добродетель — сохранение любви к человекам, когда они подвергаются согрешениям, нежели когда они проводят праведную жизнь. Исполнение

этой добродетели в настоящее время предлежит Тебе по отношению к твоим детям. Мы живем в страшный век. Неверие охватило и еще более охватывает землю: соблазны умножились до бесчисленности, и еще более умножаются. Как не поколебаться молодым людям! Призри на них с милосердием и прилежно молись о них Богу, поручая их Богу и отдавая в Его Святую волю. Петру пиши почаще и уговаривай его. В терпении должно стяжавать и свою душу, и души ближних.

Брат Петр писал Н. Н. Муравьеву, прося его ходатайства пред Михайлом Николаевичем о Димитрии Тихоновиче. Это лучший способ действия. Весьма хорошо, что Димитрий Тихонович сам написал М. Н. Муравьеву. — Здесь поживаю тихо, редко видясь с светскими лицами, кроме брата Петра А<лександровича>, который почти ежедневно посещает меня. Воды произвели на меня благотворное влияние, и чувствую не выздоровление, но значительное облегчение; впрочем, от действия их очень слаб.

Мой усерднейший поклон Димитрию Тихоновичу. Милость Божия и благословение Божие да покроют тебя и чад твоих.

Тебе преданнейший брат,

Епископ Игнатий.
8 ноября 1859 года

№ 56

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Приношу Тебе искреннейшую благодарность за воспоминание о мне и за поздравление с праздниками и Новым Годом, с которыми равномерно и Тебя поздравляю, желая Тебе и семейству твоему всех истинных благ.

Слава Милосердому Господу, Который внушил земному начальству оставить за Димитрием Тихоновичем оклад. И впредь Милосердый Господь не оставит Вас. Он не оставляет человеков, лишь бы мы не оставляли Его.

При таком уединении, какое ожидает Тебя в Ивашове, полезно заняться молитвою при каком-либо самом машинальном рукоделии, которое не отвлекало бы к себе ума или отвлекало наименее. При таком рукоделии надо произносить неспешно молитву так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Надо заключать ум в слова молитвы, по выражению и наставлению св. Иоанна Лествичника, то есть произносить

молитву с крайним вниманием. При ком другом молитва произносится одним умом, а наедине шепотом, устами и языком, так, чтоб слышать самому себя. Хорошо, когда человек будет подумывать о будущей жизни и к ней благовременно приготовится.

Пред Праздником Рождества Христова я почувствовал себя слабым, а с Праздника и до сего времени не выхожу из своих комнат. Минеральные воды расшевелили мою застарелую болезнь, которой много вышло и много еще осталось. Слава Богу за все! С осени 1846-го года чувствую себя особенно худо. Живу какою-то полужизнию, каким-то движущимся мертвецом.

Нам (всем христианам) подобает по учению Апостола входить в Царство Небесное многими скорбями, и именно теми, которые благоугодно будет Богу послать нам.

Приношу искреннейшую признательность почтеннейшему брату Димитрию Тихоновичу за приписку; с сердечною радостию увидел его почерк. Призывающий на Тебя и на твое семейство благословение Божие

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.
10 января 1860 г.

№ 57

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 7-го мая я получил и вместе с тем узнал о производстве Димитрия Тихоновича в полного Генерала, с чем усерднейше его и Тебя поздравляю, если такое повышение полезно в каком бы то ни было отношении. Поздравляю и бабушкою: да благословит Милосердый Господь внучку и родителей ее да наставит на путь добродетели и истины.

В наш век от детей светского направления нельзя и ожидать откровенности. И в монахах она ныне — уже величайшая редкость. Надо в молитве поручать детей Богу и затем пребывать совестию в спокойствии, не предаваясь тревожному состоянию духа. Бог всесилен: по усердной и смиренной молитве родителей Он может даровать детям христианское направление. Ты много потрудилась о воспитании детей твоих; но непреложное Слово Божие говорит: Аще не Господь созиждет дом (нерукотворенный, словесный дом Божий есть человек, в особенности же христианин), всуе трудишася зиждущии. Прибегни к Богу, и Он, очистив скорбями труды твои о воспитании, может увенчать их

благим успехом. Я замечал на многих людях, что увлечение брало над ними верх на некоторое время, но потом семена благочестия и благонравия, посеянные при воспитании, взяли свое.

Поправляюсь от болезни туго. Причиною тому мои хронические болезни золотуха и простуда. Что же касается до питерских и других интриг, то имею желание переносить их как чистительное врачество, посылаемое Промыслом Божиим, лишь бы Милосердый Господь по кончине избавил вечных мук и даровал малейший приют в Обителях Его угодников.

Затем желая Тебе и твоему семейству всех истинных благ, остаюсь Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.
1860 года 27 мая

№ 58

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Извини, что отвечаю поздно на письмо Твое от 24-го мая. Слово о молитве переписывали, а я прихворнул и занят был по обязанностям моим.

Узнав из газет о производстве Димитрия Тихоновича в полные Генералы, я писал к Тебе и поздравлял. И паки поздравляю, сорадуюсь Вашей радости. Да осенит Вас милость Божия и на будущее время. Петр Димитриевич и София Дмитриевна – люди молодые, очень молодые. Как ни умны, а по молодости должны отдать дань за приобретаемую опытность. Она не даром достается.

У нас жары. Они помогают действию минеральных вод, гонящих золотуху и простуду внаружу. Слава Богу за все! и за то, что пришлось всю жизнь поболеть. Благословение Божие да почиет над Тобою и твоим семейством.

Тебе преданнейший брат

Игнатий Е<пископ> К<авказский> и Черноморский.
5 июля 1860 г.

№ 59

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 2-го августа получил во дни Великого Торжества на пространстве всего Кавказа; 25-го августа праздновалось повсеместно покорение всей восточной стороны Кавказа.

С гнилым моим здоровьем я должен во всем этом принимать участие и быть двигателем торжества, по случаю которого произнес речь с крайним трудом. Пора бы старика на покой. Часто чувствую себя как бы пред смертию: до того мое телосложение истощено болезнями. Счастлив Димитрий Тихонович, что проводит остаток жизни в уединении, в покое, на руках. Бог, смотрящий на внутреннее расположение человека, соответственно этому устрояет его обстоятельства. Имеющему произволение благоугодить Богу, посылается и положение, сообразное произволению, чтоб благочестивый имел возможность приготовить себя к вечности. Смерть грешников люта не по причине тяжести телесных болей, ее сопровождающих, но по причине ее внезапности, неожиданности, по тому переходу от земного благоденствия к страшным, невообразимым вечным мукам, который вслед за смертию ожидает нераскаянного грешника. Удивительно, как мир обольщает и ослепляет человеков. Не требующая доказательств истина, что все умрем. Но редкие из человеков являют из жизни своей знание этой истины; большая часть ведут себя так, как бы им никогда не умирать. Великое дело помнить смерть, и понимать ее значение. От этого памятования и понимания может совершенно измениться жизнь человека и соделаться Богоугодною.

Желаю всех истинных благ Тебе и твоему семейству. Димитрию Тихоновичу — мой усерднейший поклон; Софии Дмитриевне и Петру Дмитриевичу да пошлет милосердый Господь Свое благословение и Свою милость. Остаюсь навсегда

Преданнейшим братом

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

1860 года 28 августа

№ 60

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

В понедельник утром 24-го октября я отправил к Тебе письмо со вложением ответа моего на письмо Петра Дмитриевича по незнанию его адреса, а чрез час-другой получил Твое письмо со вложением его письма к Вам — родителям его. Это письмо возвращаю к Тебе, поздравляя с благополучным окончанием экзамена для Петра и желая ему продолжать службу благоразумно и успешно, соответственно сделанному началу. Ныне необходимо каждому молодому человеку образовать себя удовлетворительно в юности,

чтоб быть полезным существенно отечеству и доставить себе хорошее положение. Как посмотришь на нашу молодежь, то нельзя не пожалеть ее! Как она ветрена! Как не думает ни о чем, кроме удовольствий, расстраивающих и нравственность и здоровье, приготовляющих самую печальную будущность. Мне кажется, что всему этому причина — неправильное воспитание, дающее молодым людям неправильный взгляд на себя и на жизнь. Конечно, и при самом тщательном воспитании из дитяти глупого или с дурным характером ничего особенного ожидать нельзя; но где человечество, там и зло — без него человеческому обществу обойтись нельзя, — однако же правильное воспитание, при многих исключениях, может дать и много прекрасных результатов. — Очень жалею Анатолия Александровича [Брянчанинова][1], кажется, так зовут старшего сына Александра Петровича[2]. Что делать!

У нас лето и осень холоднее, нежели прошлого и третьего года. Летом были болезни в городе и значительная смертность на детей. Относительно моего здоровья внутри чувствую значительное облегчение; но кожа очень страдает от золотухи, выходящей внаружу. Воздуха почти не могу выносить.

Рад, рад, что выбрался из Петербурга, хотя и здесь преследует якобинская партия. В течение земной жизни нельзя обойтись без скорбей, а те скорби, которые приходят, приходят не иначе, как по попущению и мановению Божиим для очищения человека. Следовательно, должно покоряться воле Божией и принимать попущение с благодарением Промысла Божия.

Петр Александрович в настоящее время находится в Тифлисе по делам службы: поживает благополучно, по службе деятелен, распорядителен и отлично благороден.

Мой усерднейший поклон Димитрию Тихоновичу! Благословение Божие да почиет над Тобою и над твоим семейством.

Тебе преданнейший брат,

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
25 октября 1860 г.

[1–2] О них см.: ПСТ. Т. 3. С. 557–562; «...жалею Анатолия Александровича», — пишет святитель Игнатий в связи с кончиной его отца.

№ 61

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Приношу Тебе искреннейшую благодарность за поздравление с Праздниками и Новым Годом, с которыми равномерно и Тебя

поздравляю, желаю на наступившее лето милости Божией и всех истинных благ. Прошу передать мое усерднейшее поздравление почтеннейшему Димитрию Тихоновичу.

Радуюсь, что дети Твои поживают благополучно: со временем будут выражать и к Тебе больше привязанности, потому что поймут цену твоим заботам и трудам о их воспитании. Брат Петр Александрович действует здесь очень хорошо и поживает благополучно. Об Алексее Петровиче пишут, что он поживает в монастыре благополучно. Дай Бог, чтоб он удержался и укрепился. Настоятель Угрешского монастыря — Вологодский уроженец и в Алексее души не слышит; а как настоятель очень нравствен, то это для Алексея великая находка. Здесь молодой человек не сказал никому ни слова о своем намерении; да, видно, и намерения не было, а оно явилось в Москве, когда он увидел скользкость широкого пути в свете, на котором по слабости своего характера он не мог бы удержаться в нормальном положении, что он прямо высказал в письме к отцу и что отец, знающий его характер, нашел основательным. Бог не остается в долгу у тех, которые с юности посвящают себя Его служению, хотя и попускает им разные скорби во время их земного странствования для их же духовного образования; но вместе с тем и преисполняет их неизреченными, вечными благами. К концу земной жизни, пред вступлением в вечность, служитель мира и впереди и позади себя видит пустоту, а служитель Божий впереди видит благонадежное пристанище вечного блаженства, а обращая взор на проведенную им земную жизнь, видит поприще служения Богу, поприще, на котором он потрудился не напрасно, но благовременно усвоился Богу. — О мне идет здесь слух, что скоро отсюда переведут, от чего и я не прочь, уповая на милость Божию и полагаясь на волю Божию: по слабости моих сил и здоровья мне полезнее будет место попроще и поспокойнее. Здесь место новое, хлопотливое, может сделаться очень видным, а у меня уже видится большой недостаток в представительности.

Обильное благословение Божие да почиет над Тобою и над семейством Твоим.

Тебе преданнейший брат,

Епископ Игнатий.
7 января 1861 г.

№ 62

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 28-го мая я получил 17-го июня. Спаси Господи за желание Твое видеть меня ближе! Может быть, это случится, а может быть, ушлют куда-нибудь и подальше. Буди воля Божия! Одного подобает мне желать: окончания жизни в покаянии, вдали от шумного мира. И здесь уже несравненно лучше, нежели в Петербурге.

Очень радуюсь благополучию милых чад Твоих. После посещения скорбию, Бог посылает утешение. Если Юлий Константинович исполнит благополучно данное ему поручение, то, вероятно, сделают Губернатором, и София Дмитриевна попадет в большие барыни. Также и Петр Дмитриевич на новом поприще составит себе карьеру. И прежде замечали, что по Артиллерийскому Ведомству более дорожили даровитыми людьми, нежели по инженерному. Военно-ученое поприще представляет много выгод и нравственных, и вещественных. — Согласно тому, как Ты пишешь, многие помещики переходят от роскошной тщеславной пустой жизни к жизни скромной и трудовой. Эта жизнь доставит больше счастия, нежели сколько доставляла прежняя жизнь. Молодые баричи поймут, что нужно основательно образовать себя, чтоб сделаться членами, нужными для общества, людьми самостоятельными и потому способными хорошо устроить собственное свое благосостояние, основывая его на самих себе, а не на чем-либо постороннем. Преобразование крестьянского быта повлекло немедленно вслед за собою преобразование быта помещиков и имело сильное влияние на сословие купцов, в которое поступили многие тысячи освободившихся богатых крестьян. Должно ожидать и других преобразований, потому что многие из прежних постановлений уже не гармонируют с Положением, сделанным для крестьян. Надо молить Бога, чтоб Он благословил эти нововведения, которые несомненно доставят России развитие и выведут ее из младенческого состояния, в котором она находится. Дай Бог всем всего доброго!

С наступлением лета начал принимать солено-йодисто-щелочные холодные ванны от 20-ти до 17-ти градусов, действующие против золотухи и простуды и вместе укрепляющие. По временам чувствую себя гораздо лучше прежнего. Будущее мое возлагаю на Господа Бога моего.

Благословение Божие да почиет над Тобою и над твоим семейством.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

1861 года 18 июля

№ 63

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Письмо твое от 17-го сентября переслано ко мне из Ставрополя в известный Тебе Бабаевский монастырь, куда я прибыл 14-го октября с намерением окончить в глубоком уединении дни мои, отказавшись от сношений с знакомыми и родственниками по плоти, сохранив сношения с знакомыми и родственниками по духу. Этого требует и здоровье мое, и душевное настроение, а сан мой возлагает на меня обязанность охранять его святость.

На Кавказе и в земле Донских Казаков урожаи превосходные. Но в Воронежской Губернии дожди мешают уборке, и много хлеба повредилось на полях.

При попущениях Божиих должно покоряться воле Божией и, сознавая себя достойными гнева Божия, умолять со смирением Бога о помиловании. Такую молитву Бог принимает.

Очень порадовался, услышав, что Арсеньевы губернаторствуют в Смоленске. Изволишь видеть, что милосердый Господь Тебя не оставляет, но утешает и при самых скорбях милостями. Он и впредь не оставит нас, лишь бы мы не оставляли Его.

Благословение Божие да почиет над Тобою.

Тебе преданнейший слуга и брат,

Епископ Игнатий.

8 ноября 1861 г.

Мой адрес: в Ярославль.

№ 64

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Извини мне мое дерзновение, водясь которым беспокою Тебя покорнейшею просьбою по нужде Обители, очень позапущенной в хозяйственном отношении, в которой на закате дней моих я обрел приют.

Монастырь нуждается в шести человеках чернорабочих (козаках) на следующее лето. Здесь признаются лучшими рабочими для земледелия — Вологжане; местные крестьяне — щекотуры, лепщики, каменщики переселяются на лето в столицы. Если можно, если это не отяготит Тебя: то возьми на себя труд нанять этих людей, а также купи пару или тройку рабочих лошадей, которые умели бы пахать, и пришли с рабочими. Если согласишься принять на себя этот труд, то уведомь с первою же почтою, чтоб я мог выслать тотчас же деньги на покупку лошадей и доставку их сюда, также на задатки рабочим, как водится. Этим окажешь монастырю значительное пособие, а мне истинное одолжение.

О себе скажу, что продолжаю не выходить из комнаты; но как будто чувствую себя посвежее. Натура вырабатывает в необыкновенном количестве кровь: это бывает иногда последствием лечения водами, и именно у людей, у которых болезнь гнездилась в крови. В конце января пустили мне из руки кровь, в течение февраля поставили 130 пьявиц, а в марте уже 50, и еще надо. Со времени проезда Твоего чрез здешние края дела подвинулись далеко вперед. Дай Бог всему человечеству, и нашему любимому отечеству, всего доброго.

Призывая благословение Божие на Тебя и на чад твоих, с искреннейшею преданностию имею честь быть

Твоим покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

Сделай милость: пришли семенного овса на двух подводах, сколько уложится. Хорошо бы санным путем. Здесь я мало знаком, а у окрестных помещиков овес дрянной. Потрудись о всем немедленно отписать, ибо я тотчас же вышлю деньги.

2 марта 1862 г.

№ 65

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 2-го марта я получил 13-го. Время скорби — время терпения! Скорбь — попущение Божие, которое должно переносить с покорностию и благоговением, отдавая справедливость правосудию Божию и признавая себя достойным скорби. Из такого душевного настроения можно молить Бога о помиловании с надеждою быть услышанным. Признание правосудия

Божия в попущениях Божиих с молитвою о помиловании превосходно изложено в молитве трех Святых Отроков Иудейских, ввергнутых в разжженную печь Вавилонскую. Эта молитва помещена в книге Пророка Даниила.

Мне совестно б было писать о терпении скорбей, если б я сам не находился в скорби. Со второй недели Великого Поста я очень захворал. Несколько раз чувствовал такое ослабление сил, как бы пред смертию. И теперь очень плох. Не знаю, как довольно благодарить Бога, что Он извлек меня из мирской жизни и привел в монастырь! Земная жизнь при начале ее кажется необозримым поприщем деятельности, а когда человек оканчивает ее и оглянется назад, то непременно увидит в протекшей деятельности своей много пустоты. — Скорбь более и более принимает характер общественный. И здесь ожидают повышения цен на хлеб по причине всеместного уменьшения посевов.

Благословение Божие да почиет над Тобою и над чадами твоими.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.
14 марта 1862 г.

№ 66

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 13-го декабря получено мною 20-го. Приношу искреннейшую благодарность за подробное уведомление о кончине Семена Александровича[1]. Старые люди говаривали: дай Бог пред смертию хорошенько помучаться. Великий во святых Нифонт, умирая горячкою, сказал Великому Афанасию, присутствовавшему при его кончине, что как золото очищается огнем, так умирающий болезнию. У умирающих отверзаются душевные очи, и потому они видят то, чего присутствующие при их смерти не могут видеть. Свет, о котором пишешь, был из рая. Видно: к Семену есть милость Божия. Поговори детям, чтоб подали по отце милостыню нищим пощедрее. Милостыня очень помогает усопшим, а детей за это благословит Бог, и совесть их будет спокойнее. Хорошо сделала, что устранила от умирающего смущение. А за тем успокойся и предоставь все Богу. *Каждый своему Господеви стоит или падает*[2], сказал Апостол.

Полагаю, что не без Промысла Божия пришлось Тебе присутствовать при смерти, сопровождаемой таким мучением. Смерть

эта будет воспоминаться Тебе, а воспоминание будет служить приготовлением к своей смерти. За то, что Ты послужила брату, милосердый Господь воздаст Тебе воздаянием духовным, каким Сам ведает. Постарайся успокоиться, положившись на волю Божию.

Осенью я был очень плох; теперь немного получше. Петр А<лександрович>, должно быть, теперь находится в Петербурге по делам своего имущества. В монастыре по милости Божией все благополучно, очень уединенно. Слава Богу!

Призывая благословение Божие на Тебя и на чад твоих, с чувствами искреннейшей преданности и уважения остаюсь навсегда

Тебе преданнейшим братом.

Епископ Игнатий.

21 дек. 1863 г.

[1] Брата святителя Игнатия.

[2] Рим. 14. 4.

№ 67

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Приношу Тебе искреннейшую признательность за воспоминание о мне и поздравление с Праздником Праздников, с которым взаимно поздравляя, желаю Тебе и чадам твоим всех истинных благ от Всеблагого Господа.

Петр Дмитриевич оставил во мне очень приятное впечатление: я увидел в нем человека основательного, умного, с правилами. И то заметно, что неприятности по службе подействовали на него; но они доставляют драгоценную опытность. Из всех лекарств от ревматизма, перепробованных мною, нахожу лучшим натирание спиртом, насыщенным солию, лучше ванн: действие схожее на действие ванны, но не так расслабляет. Беда — расслабить себя теплыми ваннами! Это знаю на своем опыте. Великий Пост провел я очень трудно, и даже всю Пасхальную неделю просидел дома. Золотуха и простуда, преимущественно первая, разлагались очень сильно. Употреблял упомянутое натирание, а теперь, прекратив его, начал окачиваться в теплой комнате водою. Это — средство, употребляемое на Кавказе. Для укрепления себя начинают окачиваться водою в 22 градуса и нисходят до 18-ти. Кажется мне, что я, после тяжкого положения, в котором провел Великий Пост, почувствовал себя получше.

Петр А<лександрович> в Петербурге; полагает приехать сюда во второй половине мая и потом, взяв Алексея, отправиться

в Вологду. Кажется, что дитя понимает значение своего проступка — вступления в монастырь с целию прикрыть этим то поведение, которое он допустил себе в Москве и по причине которого он не мог оставаться в Университете. Служба в Вологде есть наилучшее для него положение: потому что во всяком другом месте его ожидает увлечение, особливо в столицах. Повсеместное охлаждение к религии, фанатический атеизм с разрушительными предположениями и намерениями, общая безнравственность не могут остаться без последствий. Часто самые необыкновенные события постигают внезапно и неожиданно для неожидающих. Но и вся жизнь человека исполнена различных скорбей. Миром управляет десница Божия, для нас непостижимо. Положение должно понимать, а пред судьбами Божиими благоговеть, признавая себя достойными наказания Божия. За такое сознание посылается от Бога милость.

Рецензия Матвеевского, имея неблагое намерение, очень содействовала к тому, чтоб на «Слово о Смерти» было обращено особое внимание. Об этом пишут мне из Петербурга лица значущие. Некоторые прогневались! что ж делать? по крайней мере оставшимся верными христианству сообщено подробное, из святых Отцов, учение о том, какое значение имеет смерть и как приготовить себя к вечности. Бог управляет судьбою человека; с ним могут сделать враги его только то, что попустит Бог, а все, что попустит Бог, служит к пользе души и к вечному спасению.

Призывая на Тебя и на чад твоих Божие благословение, с чувствами искреннейшей преданности и уважения остаюсь

Тебе преданнейший друг и брат,

Епископ Игнатий.

25 апреля 1864 г.

№ 68

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Брат Петр Александрович привез мне известие, что Ты посещена была тяжелою болезнию: по этой причине пишу к Тебе эти утешительные строки. Святые Отцы советуют благодарить Бога за те скорби, которые посылаются нам, и исповедовать в молитве нашей, что мы достойны наказания за грехи наши. Таким образом принимаемая скорбь непременно послужит нам в очищение грехов наших и в залог вечного блаженства. По свой-

ствам недугующего падением естества нашего мы заботимся наиболее о устроении нашего земного положения, а Бог устраивает наше вечное положение, о котором мы забыли бы, если б земное положение не было потрясаемо скорбями, если б скорби, посылаемые по временам Промыслом Божиим, не напоминали нам, что все временное и земное преходит и что главные заботы должны быть о вечном. Писание говорит: Господь, *его же любит, наказует*[1]. Скорби вразумляющие посылаются от Бога тем, которых Он хочет помиловать, а отверженным посылаются скорби решительные и сокрушительные, как то скоропостижная смерть, лишение рассудка и тому подобное.

Велик Бог наш! Страшное дело — падение человека! Великое дело — искупление человека Богочеловеком! Необходимо изучить основательно все это и по правильному понятию о Боге и о себе направить земное странствование, чтоб не погибнуть навеки.

Благословение Божие да почиет над Тобою и над чадами твоими.

Тебе преданнейший брат и друг

Е<пископ> Игнатий.

28 июня 1864 г.

[1] Евр. 12. 6.

№ 69

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Очень буду рад видеть Тебя в Бабаевской обители. Очень рад и тому, что гомеопатические лекарства оказали помощь. Лечение неправильное приносит более вреда, нежели самые болезни, как я испытал на своем опыте.

Лекарство Сокологорского усилило то разрешение мокрот, которое произведено Кавказскими водами. С прошедшей весны я почувствовал себя особенно слабым и почти не выхожу из комнат. Сокологорский утверждает, что продолжительное и постоянное употребление его лекарства должно принести пользу. Что Бог даст!

Поздравляю с внучком! Государь возвратился в Петербург в сопровождении В<еликого> К<нязя> Константина Николаевича. Впрочем, это я знаю из газет, в которых изредка показывают мне достойное особенного внимания: переписку, кроме как с лицами начальственными своего ведомства, я почти прекратил совершенно.

Итак, до приятнейшего свидания! Благословение Божие да почиет над Тобою и над твоим семейством. С чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Тебе преданнейший брат

Е<пископ> Игнатий.
3 ноября 1864 г.

№ 70

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Петр Александрович в письме из Москвы спрашивает меня о печатных листах 2-го тома «Аскетических Опытов», посланных ко мне с Тобою. Но я ничего не получал от Тебя.

Если эти печатные листы находятся у Тебя, — то потрудись выслать их ко мне. Если же их нет у Тебя, то потрудись известить меня о них основательно, чтоб я мог дать Петру Александровичу основательный ответ.

Мы живем потихоньку. Доходящие до нас сведения о состоянии православной Веры в России очень грустны. С одной стороны, губит ее раскол, с другой — вольнодумство. Борьба для нее очень затруднительна по причине внутренней страшной болезненности, которая, как червь, источила всю силу ее. Да совершается воля Божия.

Призывающий благословение Божие на Тебя и на твое семейство

Тебе преданнейший друг и брат

Епископ Игнатий.
29 декабря 1864 г.

№ 71

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Святые Отцы советуют: когда предположенное и предпринятое доброе дело не удается совершить с должною точностию, то пополняется недостаток исполнения смирением. В таком случае надо смириться пред Богом: попросить у Него прощения в увлечении и в недостаточном исполнении доброго дела. Хотя и заповедано нам исполнение заповедей, но оно заповедано как непременный долг наш, как единственное условие пребывания в общении с Богом, а не как заслуга пред Богом или одол-

жение Богу с нашей стороны: спасаемся все, без всякого исключения, единственно милостию Божиею. Христос пришел спасти сознающихся грешников, а не праведников. Эти мысли могут успокоить и утешить Тебя по поводу приобщения Святым Христовым Тайнам при рассеянности.

Ныне время воздыханий. Почти все пишущие ко мне пишут из среды скорбей. Кто веселится? Неизвестно. Бог, посылая Тебе временную скорбь, очевидно благоволит, чтоб Ты приблизилась к Нему и отчетливее приготовилась к вечности. Очень мало вхожу я в дела мира; но сколько слышу, землевладельцам предстоят новые хлопоты при введении нового порядка. Всего лучше положиться на Бога и просить Его, чтоб не оставил Своею милостию. Кажется, я говорил Тебе, что ныне тяжело вообще, в религиозном же отношении в особенности. Не видеть бы ничего! не слышать бы ничего! Религиозные недуги человечества всегда отражаются на внешнем быте его. Свидетель этого — вся история.

Если б я был в Петербурге и даже на Кавказе, то мог бы быть полезным Петру Дмитриевичу. Его, как человека способного к делу и труду, можно б было рекомендовать Начальнику, имеющему нужду в таких людях и ценящему их. Петр Дмитриевич уже подвергся многим тяжким опытам, которые, однако, образуют и воспитывают делового человека. От души желаю Сыну Твоему истинного счастья и призываю на него осенение милости Божией.

Жалею Алексея! Хорошо, что Ты не написала Петру: он скор, по обычаю светского. Потрудись отчетливее известить меня о положении и поведении Алексея: я думаю написать ему.

Призывая обильное благословение Божие на Тебя и на твое семейство, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Твоим преданнейшим другом и братом

Е<пископ> Игнатий.

6 марта 1865 г.

№ 72

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Приношу Тебе искреннейшую благодарность за воспоминание о мне! В июле месяце получил я письмо от Петра Дмитриевича и отвечал ему по адресу, им прописанному: в Петербург, в Николаевскую Академию Главного Штаба. Дай Бог благополучия чадам твоим! Всмотрятся и в жизнь, которая опытно доказывает

о себе каждому, что она суетна, что все земные приобретения должно оставить на земле и уйти в вечность с одними делами.

В июле месяце я доходил до крайнего изнеможения; и теперь плох. Совсем нет сил. Это плод жизни, проведенной в положениях, превышавших способности телосложения и потому разрушавших его. Слава Богу! Теперь приблизился к концу, которого не миновать никому из человеков. У нас все благополучно. Церковь выходит необыкновенною. Погода очень затрудняет уборку хлеба, также замедляет и постройку.

Будь здорова и благополучна. Призываю благословение Божие на Тебя и на чад твоих.

Тебе преданнейший брат и друг

Е<пископ> Игнатий.

2 сент. 1865 г.

№ 73

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Приношу искреннейшую признательность за воспоминание о мне в дни великого Праздника и равномерно поздравляю Тебя с этим святым Праздником и с наступившим Новым Годом, усерднейше желая Тебе и чадам Твоим обильной милости Божией на грядущее лето и на все лета жизни Вашей.

При принимании гомеопатического лекарства необходимы отдыхи: потому что это лекарство очень действует на нервы и кровь, которым, следовательно, нужно давать время на успокоение. Полезно в полрюмку самой теплой летней воды (градусов в 25 или в 26) класть капли три или четыре того лекарства, которое принимается внутрь, и обтирать этим раствором больные места утром и вечером. После обтирания должно одеваться потеплее на час времени.

Тебе преданнейший брат

Е<пископ> Игнатий.

1 января 1866 г.

№ 74

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Благодарю Тебя за воспоминание о мне. Здоровье мое с самой весны особенно неблагоприятно. Боли сердца увеличились и дей-

ствуют на весь организм: ни письмом, ни чтением не могу заниматься. К тому же и золотуха извергается из организма разными путями, между прочими путями и путем глаз. Впрочем, живем тихо, вдали от мира, при самых малых сношениях с миром, как бы в отдельной области. Строение Церкви идет успешно. Очевидно, что она строится по особенному Промыслу Божию, под особенным покровительством Промысла Божия. Здание — благолепное.

К 10-му ожидаем сюда Петра Александровича.

Благословение Божие да почивает на Тобою и над чадами Твоими. Милосердие Божие да хранит всех нас от всякого зла.

Тебе преданнейший слуга и брат

Епископ Игнатий.
6 июля 1866 г.

№ 75

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Приношу Тебе искреннейшую благодарность за письмо Твое от 14-го октября и сердечно радуюсь, что здоровье Твое находится в столько удовлетворительном положении. Разумеется, при этом никакие лекарства уже не нужны.

Мое здоровье — в своем обыкновенном положении. То ноги отымутся, то грудь, то правая рука. Летом и осенью очень тревожила хроническая боль в сердце: теперь эта боль поунялась. Летом посетили меня Наследник[1] с своим братом Владимиром. Прекрасные юноши! От души пожелал я им всего доброго. Трудное предстоит им поприще! Нигилизм проник во все сословия, даже в крестьянское, и уничтожает те понятия, которыми крепко держалось и на которых почивало Государство Российское. Для управления им необходимы иные приемы.

Призывая обильное благословение Божие на Тебя и на чад Твоих, с чувствами искреннейшей преданности и уважения остаюсь навсегда

Твоим покорнейшим слугой, другом и братом

Епископ Игнатий.
28 октября 1866 г.

[1] Великий Князь Александр Александрович, будущий Александр III.

№ 76

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Приношу искреннейшую благодарность за воспоминание о мне и поздравление с праздниками и Новым годом, с которыми взаимно поздравляя Тебя, желаю Тебе и чадам Твоим всех истинных благ.

Предсказало Священное Писание о бедствиях последнего времени: что *оне яко сеть приидут на вся, живущие на лице всея земли*[1], и *не имут избежати*[2]. Точно! Никакого нет средства устранить скопляющиеся черные густые тучи, охватывающие отвсюду горизонт. Господь заповедал бдеть и молиться с особенным тщанием в эти лютые времена. Самое дело показывает, что нет другого прибежища. Будь семи пядей во лбу — ничего не сделаешь. Когда Петербургский военный генерал-губернатор Кавелин[3] был болен умопомешательством, и родня его приезжали и старались урезонить его, чем приводили в большее расстройство, тогда доктор, бывший при нем, сказал мне однажды: «Такова болезнь нашего времени».

Призывающий на Тебя и на чад твоих обильное благословение Божие

Тебе преданнейший слуга, друг и брат

Е<пископ> Игнатий.

5 января 1867 г.

[1] *...как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному* (Лк. 21. 35).

[2] *...и не избегнут* (1 Сол. 5. 3).

[3] Об А. А. Кавелине см.: Т. 3. С. 483–484.

№ 77

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Благодарю Тебя за воспоминание о мне! Последнее письмо ко мне Петра Дмитриевича мне очень понравилось по двум изложенным мыслям: 1) что он не способен к нежности, 2) что служба настоящего времени имеет характер виляния. Первое послужило для меня рекомендациею его сердца, потому что нежность есть чувство сексуальное (кровяное), обман себя и других. Вторым отрекомендован ум, взглянувший очень правильно и проницательно.

От удушливого кашля, от удушья, стеснения под ложечкою, головной боли, расстройства в желудке, кровохаркания — пре-

восходное средство — [нрзб.] —. Детям и людям очень слабого сложения должно принимать по одной капле в столовой ложке воды, на ночь, ложась спать; но лучше принимать по две капли. Если болезнь сильна, то можно, вдобавок к вечернему приему, принимать по одной капле в столовой ложке сразу после обеда. Принимать должно 4 или 5 дней в неделю, а два или три дня отдыхать. Большие приемы, только что сделается получше, должно убавить.

По настоящему состоянию Твоего здоровья советовал бы я и Тебе попринимать [нрзб.] в течение двух-трех недель. Лекарство подействует благотворно на голову, зубы и зябкость.

Описываемые тобою признаки болезненности суть признаки худосочия. В Питере лечили меня разные доктора от воображаемых болезней; в первый раз, уже пред выездом из столицы, Англичанин, дантист, сказал мне: у вас золотуха; от нее расшатались ваши зубы, которые сами по себе здоровы. Я советовал бы Тебе попить весною и летом хренный сироп, приготовляемый в Москве, единственно в Старо-Арбатской аптеке Кронгельма, с которою знакома А. В. Жандр. Аптека высылает мне сюда по почте. Порция состоит из 5-ти банок, которых достаточно почти на два месяца. Принимают по столовой ложке утром и вечером, запивая стаканом воды и воздерживаясь от кислого и соленого. Действие — подобно щелочным водам, обыкновенно употребляемым от худосочия, но гораздо определеннее. 4 или 5-ть дней в неделю должно принимать сироп, и 2 или 3 дня отдыхать. Для Тебя довольно будет двух порций. Сироп поддерживает и меня, а на Петра А<лександрови>ча и о. Иустина действует отлично, особливо на последнего: помоложе! Порция стоит около 12-ти рублей, и с доставкой.

Если чувствуешь зябкость, то непременно надо держаться потеплее! Зябкость — следствие болезненности или годов. Никак не должно бравировать, иначе усилится болезненность. Я много испортил себя, боясь привыкнуть к теплу, между тем как его требовала природа. Тебе преданнейший друг и брат

Е<пископ> Игнатий.

26 февраля 1867 г.

Скука, называемая унынием в монашеской жизни, всегда нападает по временам на проводящих уединенную жизнь. Во время ее очень полезно заниматься рукоделием и при этом вспоминать покойников, кто как умер, и что мы умрем непременно.

Духовные книги должно читать понемногу, чтоб ум не пресыщался чтением. С умом случается то же, что и с желудком, который, пресытившись, отвращается и от лучшей пищи.

Мне присылают при лекарстве счет должным за него деньгам в особом конверте, и я высылаю деньги прямо в Аптеку.

Письма Елизаветы Александровны Паренсовой к святителю Игнатию*

№ 1

Почтеннейший Отец Игнатий.

Надеюсь на расположение Ваше, уверена, что примите участие в радости нашей. Господь даровал нам сына, которого не оставьте молитвами и благословением Вашим; имя младенца Петр, это второй мой сын, первого Господу угодно было взять у нас, да будет воля Его святая и над вторым. Здоровье мое поправилось, слава Богу; живу одна, муж мой уехал в Мезень. Путешествие трудное, которого требовала служба. С папенькой, братом Семеном Александровичем и сестрами вижусь довольно часто, впрочем, веду жизнь очень уединенную. Супружество брата С<емена> А<лександровича> всех нас радует. Жена его молода, хороша и вместе привержена к религии так, что ожидать было невозможно от воспитания, данного в пансионе. Добра и ласкова в семействе, состояние богатое. Дай Бог им счастья. Сестра Александра Александровна в своей деревне, живет в большой нужде. Хлеб не уродился, а других доходов нет почти. Мария А. живет в довольстве, но здоровье жалкое, страдания ежечасные.

Простите подробностям моего письма. Почтеннейший Отец Игнатий, написала вам, что пред глазами моими и близко сердцу. Искренне пожелав Вам доброго здоровья и всех благ от Господа, прошу Вас, не оставьте меня и семейство мое благословением и молитвами Вашими.

Преданная и уважающая Вас сестра

Елизавета Паренсова.
1843 года 21 августа
Вологда

---

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 14.

№ 2

Христос Воскресе!

Искренне поздравляю Вас, почтеннейший Отец Игнатий, с Великим праздником Христова Воскресения. Желаю Вам от всего сердца всех благ от Господа.

Димитрий Тихонович приносит Вам искреннее свое почтение и также поздравляет с Высокоторжественным праздником. Все продолжение Великого поста у нас были больные, а теперь Манюшка моя тяжело больна, сегодня, слава Богу, ей лучше.

Мы живем в совершенном уединении, несмотря, что всегда в городе. Вижусь всякий день с сестрой Марией Александровной.

Прося Вас, почтеннейший Отец Архимандрит, иногда вспоминать об нас, от всего сердца желаю Вам доброго здоровья и остаюсь с глубоким чувством уважения

Вам преданная сестра

Елизавета Паренсова.
1846 года 17 апреля
Вологда

Письма святителя Игнатия к сестре Марии Александровне и ее мужу Николаю Филипповичу Купреяновым

№ 1

Воистину Воскресе Христос!

Любезнейшая сестра Мария Александровна!

Равно и я поздравляю тебя от исполнения сердечного с протекшим праздником Воскресения Христова; равно и я желаю тебе, друг мой, всевозможного благополучия. Твое сетование справедливо: я слишком долго молчал; молчал, потому что надеялся, что наше взаимное расположение не может быть подвержено сомнению; обыкновенные письма светских людей, состоящие в различных поздравлениях и уверениях, не составляют обязанности монаха. В слове о душевной пользе я отказать не могу; такое слово есть милостыня, которую непременно должен подавать монах не только для душевной пользы ближнего, но и для своей. Когда человек почаще будет размышлять, что все земное временно, непременно кончится смертию, — опять что смерть сия придет неизвестно когда, чрез многие ли годы, или завтра, или чрез неделю, — тогда рождается в человеке забота о приуготовлении себя

к вечности; в числе сих приготовлений есть и молитва. Познакомься с Богом заблаговременно, частыми молитвами стяжи дерзновение, дабы, когда должно будет предстать на Страшный суд, могла ты упросить Судию быть к тебе милосердым. Оставь угождение диаволу в различных мирских забавах, послушайся Спасителя, возвестившего: горе смеющимся ныне! Горе насыщенным ныне! — Вопреки завещанию Сына Божия, диавол установил балы, театры и прочие забавы; деньги те приносятся в жертву диаволу, кои могли бы быть принесены в лице нищих Господу Иисусу Христу, Который воздаст дающему милость сторицею в будущем веке. — Займись чтением Божественных книг с благоразумною умеренностью, сохраняющею надолго вкус и утончающею оный и умножающею сердечную жажду Божественной правды, сими книгами поведуемой. Таковы книги: Четьи Минеи, сочинения Святителя Димитрия Ростовского, сочинения Святителя Тихона Воронежского, письма Георгия Затворника. В особенности последняя книжка драгоценна; ее можно выписать из города Задонска Воронежской губернии, из находящегося при городе Задонске Богородицкого монастыря. Переводов с немецкого и французского отнюдь не надо читать; от них можно заразить сердце неисцельною язвою.

Просишь от меня духовного благословения на себя и на мужа твоего? — Да даст тебе Господь прошение сердца твоего, и свыше нисходящею благодатию Святого Утешителя Духа да осенит умы и сердца Ваши к познанию святой Своей воли, да отверзет мысленные очи Ваши к усмотрению краткости и суетности сей земныя жизни, да разжжет души Ваши к сохранению заповедей Его, и да сотворит Вас наследниками некончаемых сладостей рая, уготованных всем, любящим Бога и ненавидящим диавола и дел его, и начинаний его, и славы его мерзостной. Аминь.

Усердно любящий тебя и желающий тебе душевного спасения

Архимандрит Игнатий.

1840 г. Апр. 27

№ 2[1]

Воистину Воскресе Христос!

Милостивый Государь, Любезнейший Братец!

Николай Филиппович!

Благодарю Вас за воспоминание Ваше о мне; взаимно поздравляю Вас с светлым Праздником Воскресения Христо-

ва; с искреннейшим желанием Вам всех истинных благ, имею честь быть

Ваш покорнейший слуга и Богомолец.

Архимандрит Игнатий.
27 апр.

[1] В предыдущем письме.

№ 3

Воистину Воскресе Христос!
Любезнейший Друг и Сестра,
Мария Александровна!

Сердечно благодарю тебя за твое милое и доброе письмо. Поздравляю тебя с светлым Праздником. Очень рад, что любовь превозмогла напрасное опасение обеспокоить меня письмом твоим. Такое доброе письмо не может обеспокоить — может только утешить и обрадовать. Я не могу участвовать в светских веселостях моих родных; зато должен и желаю принимать живейшее участие в скорбях их. Идут в монастырь и избирают скорбную жизнь для того, чтоб жизнь веселая не развлекала и не привела в забвение Бога, а не для того, чтоб вместе с суетным оставлять и законное, святое. Я убежден и из слова Божия и из опытов жизни, что Бог кого полюбит, тому непременно пошлет скорби. Потому что без скорбей сердце не может умереть для земли и ожить для Бога в вечности. Слыша о тебе, что ты постоянно больна, я понимал из этого, что Господь обратил на тебя особенное внимание и хочет тебе доставить блаженную вечность. Обрати к вечности очи ума твоего и сердца. Вечность! Все мы непременно должны вступить в нее, и те из нас, которые не хотят нисколько о ней подумать, но всегда мыслями своими и желаниями пригвождены к одному земному. Вечность! С какою радостною надеждою ожидают ее иные, а иным как она грозна! Итак, если вечность нас ожидает непременно, то приготовиться к ней заблаговременно — требует самое благоразумие. Посему советую тебе относительно твоего здоровья положиться на волю Божию. Содержа в памяти мысль, что Бог призывает тебя скорбями к Себе, благодари Создателя, возлюбившего тебя, и повторяй чаще сии слова: Слава Тебе Господи за все, что Ты мне посылаешь. Твори над рабою Твоею волю Твою. — Благодарение в скорбях приносит утешение и силу терпеть и долготерпеть. Смерти не должно желать. Бог оттого не посылает ее, что мы

к ней не приготовились, как должно. Сколько здесь потерпишь с благодарением, столько в будущей жизни насладишься утешением духовным. Читай письма Задонского Затворника Георгия; они недавно напечатаны в Москве в 3-х томах. Предуховная книжка, наполненная утешительнейших наставлений для страждущих.

Ты не написала своего адреса, почему отправляю сие письмо чрез сестру Лизавету Александровну. Уведомь, долго ли намерена пробыть в Москве и не думаешь ли побывать в Петербурге. Благословение Божие да почиет над тобою.

Тебе преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.

1845 года
Апреля 27 дня

№ 4

Любезнейшая Сестра,
Мария Александровна.

Поздравляю тебя с Праздником Воскресения Христова и очень радуюсь, что ты чувствуешь облегчение в болезни. И я нахожу очень хорошим, если б ты вздумала ехать в Вологду чрез Петербург. В июле и августе Петербургский климат менее опасен для людей слабого здоровья, нежели в прочие времена года. Свидание с недостойным братом твоим могло бы доставить тебе неисчислимую пользу и дало бы тебе направление правильное на пути благочестия, на котором можно понести тяжкие труды и иметь самые малые плоды и, напротив, при малом труде, но правильном можно обогатеть духовными плодами. Сие и св. Апостол Павел засвидетельствовал: *Аще и постраждет кто, не венчается, аще незаконно мучен будет*[1].

Записочки твоей я не мог доставить Надежде Петровне[2], потому что она (т.е. записочка) прибыла ко мне после того, как брат отправился в Варшаву. Они очень милы, и Надежда Петровна не так в опасном положении, как я думал по заочным вестям.

Дай Бог тебе прочного и скорого выздоровления! Остаюсь навсегда преданнейший брат

А<рхимандрит> И<гнатий>.

1846 года Мая 11-го дня

[1] 2 Тим. 2. 5.

[2] Супруга Семена Александровича Брянчанинова.

№ 5

Любезнейший Друг и Сестра,

Мария Александровна!

Благодарю тебя за милое письмо твое, за поздравление с Новым Годом, за добрые твои желания! Слышал о твоем ушибе, который усилил твою болезненность. Что делать? Каждому надо идти с терпеливым постоянством по тому пути, на который он поставлен судьбою — тем больше, что изменить этот путь не в нашей власти. На людские мнения и речи не советую тебе обращать большого внимания и подчинять им свое поведение, особливо же Боголюбезные впечатления и движения сердечные. Веди себя просто, без принуждения и восторженности, оставляй поступки, резко бросающиеся в глаза, выходящие из обыкновенного круга действий, — это вполне достаточная жертва для ближних.

Надеюсь весною увидеться: путь мой должен быть на Грязовец, Покровское, и так далее. Здешним местом я очень доволен; лечусь с успехом; но сильное лекарство очень вертит. Теперь очередь дошла до простуженных глаз моих. Начало их вертеть — и пишу с трудом! Христос с тобою! При свидании, может быть, что-нибудь скажу и о болезни твоей.

1848 г.

№ 6

Любезнейший Друг и Сестра,

Мария Александровна!

Благодарю тебя от всей души за дружбу твою, которою я был истинно утешен. Радуюсь, что судьба привела меня побывать под благословенным покровом дома твоего. Путешествие мое я совершил благополучно, здоровье мое приходит в лучшее и лучшее состояние.

Будь благополучна! Бог да возвратит тебе потерянное тобою здоровье! А я остаюсь навсегда тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

1848 года июня 9-го дня
Сергиева Пустыня

№ 7

Любезнейший Друг и Сестра

Мария Александровна!

Милейшее и добрейшее письмо твое от 9-го апреля я получил. Сердечно радуюсь твоему спокойному, приятному и полезному

образу жизни. Относительно Саши Жандр скажу тебе, что ее непременно надо взять из института, и если пребывание в деревне не сделает ей пользы, то надо взять ее окончательно. Следовательно, Бог тебе да благословит сделать по желанию твоему с согласия родителя и родных для Саши Жандр.

Призывая на тебя и на добрейшего Николая Филипповича благословение Божие, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
2 мая 1850 г.

№ 8

Любезнейший Друг и Сестра,
Мария Александровна!

Искренно благодарю тебя за воспоминание о мне и призываю обильное благословение Божие на тебя, твоего супруга, твою дщерь и на весь дом твой, на все домочадство твое. Великая мудрость и великий источник утешения — благодарить Бога за все земные скорби, как ниспосылаемые нам самим Промыслом Божиим во спасение душ наших. Кого Господь любит, того и наказует. Пожелай мне не забывать этого святого образа мыслей и не уклоняться от него по поводу различных самооправданий, которые все — ложь и самообольщение, и слепота, и гордыня. Стареюсь, хилею, отживаю: вот, что могу сказать о себе.

И паки призываю на тебя обильное благословение Божие.

Тебе преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.
1857 года 5-го мая

№ 9

1) Кто желает правильно служить Богу, тот не должен просить у Бога именно чего-либо, как то слез или чего другого, сообразно мечте своей; должен просить у Бога, чтоб Бог дал ему то, что полезно для души его; человек не знает, что именно полезно для его души. Кто в прошении своем отрекается от своей воли для Воли Божией, тот может получить истинное смирение. Надо удерживаться от разгорячения, а стараться иметь при молитве страх Божий, это вернее.

2) Уединение всегда было полезно, когда, по духу времени, в обществе было много благочестивых людей; а ныне, при общем

распространении разврата, уединение и удаление от знакомых и знакомств есть необходимое условие к спасению.

3) Дочку не позволяй себе хлопать, ниже пальчиком. Это чрезвычайно вредно для нравственности как дочки, так и матери. Есть старинное — хорошее, а есть и старинное худое: худому не надо подражать. Выпиши себе книгу: поучения Преподобного Аввы Дорофея, который занимался воспитанием молодых иноков с отличным успехом. Эта книга будет превосходным наставлением для тебя самой и для воспитания дочери. Читай книгу и изучай ее. Знай, что паче всех твоих наставлений словами жизнь твоя будет самым сильным наставлением для дочери.

4) Сознавать себя грешным необходимо для спасения, а засуживать себя и метаться во все стороны от греховности очень вредно. Все неумеренное — от бесов, сказал Преподобный Пимен Великий. Что ты расхвасталась множеством грехов твоих? Спаситель и Искупитель наш неисчислимо богат и могуществен: для Него ничего не значат прегрешения всех человеков, только бы они сами не отвергли своего Искупителя. Господь сказал прощенной Им грешной жене: Аз тебе не осуждаю: иди, и отсель ктому не согрешай (Ин. 8. 11). Тот, кому прощены грехи при таинстве исповеди, обязан не повторять этих грехов, и только. Воспоминание прежних телесных грехов очень вредно и воспрещается святыми Отцами. Тут действуют неверие, недостаток уважения к Таинству Исповеди, фальшивое понятие о добродетели, обманчивое разгорячение и мечтательность. Тебе не представилось ли, что тут действует смирение?

5) Почти то же должно сказать о намерении твоем открыть твою греховность некоторому лицу. Опять здесь недоверие к Святому Таинству Исповеди, в котором действует всесильный Дух Святой, решительно и вполне изглаждая грехи человеков. Зачем ты считаешь уничтоженное существующим? Не смей прикасаться к Великому Таинству! Ничтожная пылинка! Не смей пополнять Великого Таинства, которое имеет свою полноту от Бога и не нуждается в пополнении человеческом. Не повторяй согрешений: вот все, чего требует от тебя Бог и что единственно нужно для твоего спасения. Не смей говорить о твоих грехах никому, кроме духовника. Бойся неверия: ибо оно умаляет в мыслях человека могущество и благость Божию. Надо очень остерегаться фальшивых мыслей и разгорячения: потому что при них человек, думая делать добро, может наделать много зла и себе и ближним.

Непременно нужно для желающего спастись руководство аввы Дорофея: оно придется по тебе. Христос с тобою, повторяю мое искреннейшее желание всех благ тебе и твоему семейству.

Недостойный Епископ Игнатий

3 февраля 1859 г.

№ 10

Любезнейший Друг и Сестра,
Мария Александровна!

Письмо твое от 29-го окт<ября> я получил 15-го ноября. Спаси тебя Господи за участие, которое принимаешь в Алексее Петровиче. И то хорошо, что не пишешь подробностей о нем брату, Петру Александровичу, который имел средство сам узнать о нем все. Современная политика, общественная и частная, — невмешательство. Держаться ее — полезно и благоразумно. Алексей, как юноша, пошалил и поглупил, вероятно, и теперь имеет образ мыслей не самый основательный. Время и обстоятельства вразумят его. Брат Петр Александрович поступил в этом обстоятельстве, как следует благоразумному и благородному человеку — православному христианину.

Благословение Божие да почиет над тобою, над супругом твоим и над дщерью. А я совсем состарился: хвораю и хвораю.

Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

1860 года, 15 ноября

P. S. С Алексеем Петровичем у меня нет никаких сношений; из монастыря и вообще из Москвы он не написал мне ни строчки, указывая, конечно, этим, что мне нет никакого дела до дел его.

№ 11

Любезнейший Друг и Сестра,
Мария Александровна!

Приношу тебе искреннейшую благодарность за доставление коров в монастырь, который нуждался в умножении его стада, как для братской трапезы, так и для хлебопашества. Надеюсь, по словам брата Петра Александровича, вскоре лично видеть и благодарить тебя.

Мое благословение и усерднейший поклон Николаю Филипповичу и Александре Николаевне.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Твоим покорнейшим слугою и братом

Е<пископ> Игнатий.
18 сентября 1863 г.

V

Письма святителя Игнатия к Александру Александровичу Сухареву*

№ 1

Христос пришел на землю спасти грешников, а не праведников. Точно так нисходит Он Своим Святым Телом и Своею Всесвятою Кровию в грешного человека и спасает его. Не сочувствие к нашей праведности и к нашим достоинствам привлекает к нам Господа, но Его милосердие к нашей греховности и немощи, нами сознаваемой и оплакиваемой. Кто по возможности употребляет все усилия, чтобы воздерживаться от грехов и при сознании своей греховности и немощи приступает к Господу, того Господь приемлет. Он отвращается от тех грешников, которые приступают к Нему без благоговения и без намерения оставить греховную жизнь. Такие принимают Святые Тайны во осуждение себе.

23 июня 1863 года

№ 2

Находящийся в болезненном состоянии подобен закованному в тяжкие оковы извне и внутри. Но оно посылается или попускается Богом, Который *наказует всякого, его же приемлет*. По этой причине болезнь сопричисляется к тем подвигам, которыми изработывается наше спасение. От всякого подвига требуется, чтоб он был правилен. Тогда подвизается человек правильно в труде болезни своей, когда благодарит за нее Бога. Святые Отцы причисляют болезнь, сопровождаемую благодарением Богу и славословием Бога за Его отеческое наказание, руководствующее к вечному блаженству, — к двум величайшим иноческим подвигам — безмолвию и послушанию.

8 августа 1863 года

---

* *А. А. Сухарев* — троюродный племянник святителя Игнатия, сын Агафоклеи Марковны Сухаревой, о ней см.: ПСТ. Т. 3. С. 571.

№ 3

Пишу Вам, потому что вы находитесь в болезненном состоянии. Знаю на опыте трудность этого положения. У тела отнимаются силы и способности; вместе отнимаются силы и способности у души; расстройство нервов сообщается духу, потому что душа связана с телом союзом непостижимым и теснейшим по причине которого не могут не влиять друг на друга душа и тело. Присылаю Вам духовный рецепт, которым советую Вам употреблять предлагаемое лекарство по нескольку раз в день, особливо в минуты усиленных страданий и душевных и телесных. Не замедлится при употреблении вынаружение силы и целительности, сокровенных во врачевстве по наружности своей самом смиренном.

Уединясь, произносите неспешно, вслух самому себе, заключая ум в слова (так советует святой Иоанн Лествичник) следующее: **«Слава Тебе, Боже мой, за посланную скорбь; достойное по делам моим приемлю: помяни мя во Царствии Твоем»**. Так как сущность этого упражнения заключается в сосредоточенном внимании, то телу надо давать спокойное положение, чтоб движения тела и происходящие от них разгорячения крови не препятствовали уму сосредоточиваться. Лучшее положение — лежащего на одре. И в Евангелии сказано, что больной в таком положении представлен был Господу и получил милость от Господа. С тою же целию удобнейшего внимания повелевается заключать ум в слова молитвы, должно произносить молитву крайне неспешно. Сказав молитву однажды, несколько отдохните. Потом опять скажите и опять отдохните. Продолжайте так молиться минут 5 или 10, доколе не ощутите вашу душу успокоенною и утешенною. Вы увидите: после трех сказанных таким образом молитв начнете чувствовать, что успокоение входит в Вашу душу и уничтожает терзавшее ее смущение и недоумение. Причина этому ясна: благодать и сила Божия заключается в славословии Бога, а не в красноречии и многословии. Славословие же и благодарение суть делания, преподанные нам Самим Богом, — отнюдь не вымысел человеческий, Апостол заповедует это делание от лица Божия (1 Сол. 5. 18).

Предадимся добровольно воле Божией: потому что хотим или не хотим, а находимся и будем находиться в руках Божиих, хотя на некоторое время и предоставляется нам свобода в действиях, чтоб высказались наше произволение и залог сердечный.

Вместе со мною свидетельствует вам N.N. свое совершенное почтение и преданность. Причиною чувств этих — учение Хри-

стово. О! сей драгоценный бисер, столько малоприметный на земле, сокровенный в уничижениях, в страданиях, в которые была облечена земная жизнь Спасителя, да будет для нас залогом вечного раскрытого и блистающего Божественным светом небесного блаженства.

VI

Письма святителя Игнатия к родным (без указания, кому именно)

№ 1

Наконец получил я от тебя, истинный о Господе друг мой, письмо по мысли моей, по сердцу! Когда прочитал я его, то услышались мне слова Св. Апостола Павла: *Несть Скиф и варвар, Иудей и Еллин, мужеск пол и женск, но нова тварь о Христе Иисусе*[1]. Спаси тебя, Господи, за то, что ты меня утешила, дала увидать Евангелие, напечатанное на душе, а не на бумаге. Пойми всю простоту сию, и всю глубину сию, и всю широту сию, и всю высоту сию. Да подаст тебе Бог разум обо всем. *Хотяй спасти душу свою да погубит ю*[2], и когда погубит ее, тогда узрит ее приобретенною. Погубляй до конца: ибо вера выше разума. Разум истязует; вера — в Боге. Христос с тобою и твоими.

Грешник Игнатий.

[1] *...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол. 3. 11).

[2] См.: Мф. 16. 25; Мк. 8. 35; Лк. 9. 24.

№ 2

Воистину Христос Воскресе!

Благодарю тебя за дружеское письмо Твое и поздравление с Праздником Праздников Воскресением Христовым, с которым я равным образом поздравляю тебя, желая тебе всех истинных благ. Христос, поправший Своею смертию смерть человеков и воскресением Своим даровавший воскресение всем верующим в Него, уже одержал победу и над всеми скорбями твоими, а со Христом одержал и ты эту победу. Терпи великодушно яростные волны, терпи великодушно напор свирепых ветров, терпи силою веры — и Христос приведет тебя в свое время в покой Свой. По множеству болезней, которые тебя посещают в этой временной жизни, великие утешения ожидают тебя в вечной жизни. Не тревожься восстающими страстями, старайся

по возможности противиться им: человек, доколе на земле и облечен в бренное тело, дотоле повержен изменениям; то чувствует сердечный мир и спокойствие, не возмущаемое никакою страстию, то находится в обуревании страстей. Такая изменяемость научает нас самопознанию, смирению, научает прибегать непрестанно к помощи Божией, которая только что нас оставит, хотя бы на одну минуту, то мы падаем и совершаем бесстрашно беззакония. Призывающий на тебя благословение Божие.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
13 апреля 1849 г.

№ 3

Желающий заниматься богоугодно молитвою должен заботиться только о том, чтоб во время молитвы ум его сохранял внимание, а сердце содействовало уму чувством покаяния. Иногда молитва сопутствуется обильным умилением, которое приходит человеку независимо от него, а иногда при молитве чувствуется особенная сухость также без видимой причины. На эти перемены должно смотреть равнодушно, как смотрит на перемены погоды опытный земледелец, зная, что после ненастья бывает ведро, а после ведра — ненастье. Земледелец заботится о том, чтоб успешно произвести сеятву и собрать жатву, хотя бы то было сопряжено с большим трудом и с большими препятствиями от непогоды: так и занимающийся молитвою заботится о том, чтоб молитва его была правильною и чтоб при возделании себя ею получить от Бога дар спасения, хотя б молитвенный подвиг сопровождался трудом и скорбями, был наветуем разными искушениями. На скорби и искушения он смотрит как на бури, которые приходят и уходят.

Святые Отцы сказали, что человеку, занимающемуся внимательною молитвою, особенно завидует дьявол и наводит на него различные искушения. Это совершается не без Промысла Божия, для нашей существенной пользы, и потому искушения вражеские должно переносить великодушно, предавая себя воле Божией. Также Отцы сказали: «Помолясь, как должно, ожидай противного». Это значит: после внимательной молитвы, — когда нам даруется обильное умиление, всегда случается какое-либо смущение или искушение. От смущения должно храниться, т. е. отвергать его, когда оно придет, а тому, что оно приходит, не должно удивляться.

Нападение на нас греховных помыслов попущено нам для нашей пользы, потому что оно приводит нас к смирению, к опытному познанию нашего падения, нашей греховности. Отцы признают нашествие греховных помыслов на занимающегося молитвою хорошим признаком: от борьбы с греховными помыслами получаются деятельный разум и твердость духа. Греховным помыслам должно противиться, а увлечения ими немедленно врачевать покаянием.

Не входи в тонкое рассматривание твоих страстей: это тебе не под силу и непременно повредит тебе. Знай, что падение наше насадило в каждом из нас семя всех грехов, и потому падение по необходимости должно проявлять свое присутствие в нас разными греховными помыслами и ощущениями. Этому не должно удивляться как чему-либо странному! Этому следует быть! Но греховные помыслы и ощущения не должно рассматривать, чтоб они не вкрались в душу и не заразили ее, должно их немедленно отвергать, самому повергаться в пучину милосердия Божия.

Благодарение благости Божией за то душевное успокоение, которое ты получила, посетив святую Обитель! Все блага, которыми пользуются человеки, принадлежат Богу, Его — дары. Ему — слава вовеки. Аминь.

№ 4

Свойственно умной молитве открывать страсти, скрывающиеся и тайно живущие в сердце человеческом! Она и открывает их, и укрощает.

Свойственно умной молитве открывать тот плен, в котором мы находимся у падших духов. Она открывает этот плен и освобождает от него.

Следовательно, не должно смущаться и недоумевать, когда восстают страсти из падшего естества или когда они возбуждаются духами.

А как страсти укрощаются молитвою, то и должно, когда они восстанут, творить умом неспешно и очень тихо молитву Иисусову, которая мало-помалу уймет восставшие страсти. Иногда восстание страстей и нашествие вражеских помыслов бывает так сильно, что возводит в великий душевный подвиг. Это — время невидимого мученичества. Надо исповедать Господа пред лицом страстей и бесов молитвою продолжительною, которая непременно доставит победу.

Очень хороша книжка преподобного Нила Сорского: тебе не мешало бы завестись ею.

Не занимайся тонким рассматриванием твоих помыслов и состояний. Это превышает твои силы. Твое рассматривание непременно должно быть ошибочным и иметь вредное влияние на твое жительство. Один Святой сказал: «Я возложил все немощи мои и погрешности на Господа и на Его Пречистую Матерь». Так поступи и ты.

Ходи пред Богом по мысленному пути с простотою. Знай, что ты заражен греховностию, что эта греховность естественно должна отзываться во всех твоих действиях, и потому плачь молитвенно пред Богом, и только. Бог отнюдь не казнитель, как тебе представилось, но воспитатель. Иногда Он посылает в утешение благодатные ощущения, а иногда попускает для смирения взволноваться страстям и подвергнуться нападению духов: то и другое делается по великой милости к нам, с целью существенной пользы нашей.

Благодарю за уведомление о печальных событиях. Это — плод сеятвы, как Апостол сказал: *Бог поругаем не бывает: что человек посеет, то и пожнет* (Гал. 6. 7). Заботились о своей славе всеми непозволительными средствами, а истинною славою Божиею пренебрегли: то Бог попустил обесславиться. Вообще положение монастырей в России в нравственном и духовном отношениях самое бедственное. За сто лет до нас Святитель Тихон сказал, что истинное благочестие почти исчезло, а заменено оно лицемерством для обмана людей с целию вещественной выгоды. Надо понимать дух времени и не признавать прежние пристанища пристанищами, потому что они наиболее превратились в гибельные омуты и пропасти.

Декабря 1863 года.

№ 5

Христос Воскресе!

По сравнению, сделанному Святыми Отцами, внутренняя жизнь подвижника Христова подобна погоде: иногда бывает ясно и тепло, а иногда пасмурно, ненастно и холодно. По их же сравнению эта жизнь подобна урожаям хлеба, которые иногда бывают очень обильны, иногда очень скудны. Люди опытные не надеются на постоянство хорошей погоды и не приходят в смущение от погоды дурной, зная, что одна постоянно сменяется другою. Также при хорошем урожае они не полагаются на него и не пре-

стают от труда, а при худом урожае не впадают в уныние и равным образом не престают от возделывания земли. Таков закон природы. Подобен ему и закон подвижничества. Иногда бывает посещение благодати, и душа утешается, а иногда восстают волны искушений, и она поставляется в затруднительное положение. Таков был путь всех Святых Отцов. Они повелевают всякому, желающему подвизаться правильно, чтоб он подчинился с покорностию этому закону подвижничества, установленному Самим Богом для странника земного. От постоянно ясной погоды высыхает земля и заводятся во множестве черви и прочие вредные насекомые. Подобно этому действует на душу продолжительное спокойствие, даже производимое благодатию: в душе зарождается высокоумие, самомнение, самонадеянность, презрение к ближним, уничижение и осуждение их и тому подобные недуги духа человеческого, самые опасные и самые страшные.

Великое дело: признавать себя достойным искушения и предаваться воле Божией, когда придет искушение. Это очень помогает и при страхованиях. Признание себя достойным всякого наказания, и даже явного бесовского, приводит к самоотвержению и к преданности воле Божией. От самоотвержения и преданности воле Божией уничтожается страх, наводимый бесовским искушением. Диавол ничего не может сделать без попущения Божия; **он находится постоянно во всемогущей руке Божией** и имеет не иное значение в этой руке, как значение **бича, который сам по себе лишен всякой способности к действию**. Тебе послано было духовное видение низшего разряда, видение греховности твоей и того общения, в котором человек содержится при посредстве греха с духами отверженными. Враг позавидовал этому и захотел восхитить из души твоей плод, то есть чувство плача. Он сделал это хитро, внушив неправильную мысль, которая всегда бывает началом зла. Ему попустилось сделать это для твоего искуса, чтоб ты опытно познала диавольские козни и постоянно была на страже. Духовные сокровища должно хранить и хранить. Впрочем, посещению благодати обыкновенно предшествует или последует искушение.

Все, случающееся с подвижником, свидетельствует само о себе. Но это могут понимать только те, которые проходят подвиг правильно. Обольщенные также довольны в слепоте своей своими состояниями и случающимся с ними: их довольство есть самодовольство, основывающееся на удовлетворяющем их

и ласкательствующем им мнении их о себе, а не на зрении своей греховности и окаянства. Очень хорошо поверять себя, открывая о том, что случается вне обыкновенного порядка. Открывать должно пред знающими дело, а не пред умницами, прославляемыми и выставляемыми миром за святых и духовных. Мир любит свое[1], — сказал Спаситель. Мир — в прелести и сочувствует одним тем, которые находятся в прелести. Служителей истины он отвергает и ненавидит.

Наступают времена трудные в духовном отношении; они наступили уже давно, как пишет Святый Тихон Воронежский, но затруднительность постоянно увеличивается, отступничество принимает огромные размеры. Это — попущение Божие, предсказанное в слове Божием. Пред непостижимыми судьбами Божиими должно благоговеть. Что — мы пред Богом? — Ничтожные червячки, призванные Его неизреченной милостию в бытие и что выше бытия, в познание Бога, в общение с Богом. Будем прославлять Его благоволение о нас, Его милость к нам! Будем молить Его, да совершит до конца милость Свою над нами!

Недостойный Е<пископ> И<гнатий>.
8 апреля 1864 г.

[1] Ср.: Ин. 15. 19.

№ 6

Святые Отцы повелевают подвижнику молитвы при случающихся явлениях вне и внутри себя пребывать равнодушным к ним и не внимать им, не признавая себя достойным видения святаго. Они завещают с одной стороны не порицать явления, чтоб не подвергнуть порицанию святое, а с другой никак не вверяться явлению, поспешно признав его истинным, чтоб не впасть в сеть лукавого духа, старающегося обольстить и обмануть подвижника с целию повредить или погубить его. По миновании явления, иногда чрез значительное время, является в сердечном чувстве объяснение значения, которое должно дать явлению. Вообще замечено Святыми Отцами, что тех, которых Бог посетил истинным явлением, сатана начинает искушать явлениями ложными. На это тебе нужно обратить особенное внимание для предосторожности.

Видеть настоящее положение духовных руководителей необходимо, чтоб охраниться от обмана; вместе должно очень остеречься от осуждения их, непрестанно обращаясь ко вниманию

себе. Откровенность очень опасна в наше время, потому что некоторые по превратному пониманию своего положения считают обязанностью своею выведывать, чтоб потом выведанное передавать. Вероятно, это делается и с целию подслужиться.

Потрудись передать К. И. мою искреннейшую благодарность за воспоминание обо мне. О здоровье моем не могу сказать ничего положительного. Внутри боли уменьшились. Кровь значительно улучшилась. Пришлось провести жизнь трудную, почти постоянно быть в занятиях, превышающих телесные силы и несоответствующих состоянию здоровья.

Благословение Божие да почиет над тобою.

Е<пископ> И<гнатий>.
14 марта 1864 года

№ 7

Воистину Воскресе Христос! Предсказанное Словом Божиим должно совершиться. Наш священный долг — благоговеть пред судьбами непостижимыми Бога Господа и, понимая глубокое значение совершающегося, обратить все внимание, внимание усиленнейшее, на усвоение себя Христу, как Святые Отцы сказали: «Спасаяй, да спасет душу свою». Спаситель заповедал: «бдите и молитеся, да не внидите в напасть». Пред наступлением великих скорбей должно молиться с особенною тщательностью и умолять Бога о помиловании.

Благодарю за уведомление о мнении различных личностей о «Слове о Смерти» и других сочинений, находящихся в связи с этим «Словом». В Петербурге подобное явление. Именно: большинство духовенства сначала были против «Слова», но некоторые из духовенства — весьма немногие — были и за него. Когда же пообдумались, особливо после появления статьи «Взгляд» на мнение западных, тогда все замолкли, впрочем, не по причине согласия. Нельзя было отвергать служителям православной Церкви учение, провозглашаемое Церковию всенародно на всем пространстве ее Богослужения. Хотели отомстить иначе; но рука Божия отвратила удар, направленный при посредстве Б. Б., стоящего во главе шайки издателей реформационного и вкупе революционного журнала «Странник». Писания мои мне не принадлежат; их источник — Отцы, они принадлежат Отцам православной Церкви. Избрание меня Промыслом Божиим в орудие преподания этой жизненной духовной пищи современ-

ному остатку верующих есть и им и мне благодеяние Божие. *Мир любит свое*, — сказал Спаситель. Когда мир услышит Слово Божие, провозглашаемое по стихиям и в духе мира, т.е. когда он услышит учение свое, прикрытое личиною учения Божия, тогда он превозносит его похвалами. Когда же он ощутит в слове присутствие иного духа, действующего разрушительно на владычество мира: тогда он заражается ненавистию к слову, установляет гонение на произнесшего слово. Очень опасно приобретать познания не во Христе, а развивая свое собственное падшее естество, пребывать по духу в общении с миром. Действуя в области последнего способа, люди непременно заражаются враждою к Святому Духу, как заразилось этою смертоносною враждою иудейское духовенство, в чем и обличено оно первомучеником Стефаном (Деян. 7. 51). Эти ученые по букве не нашли слов, чтоб противопоставить их словам Духа, которые произносил Стефан, и потому возгорелись к сосуду духа завистию и ненавистию. На слова они отвечали камнями; на преподание истины возразили убийством. Слово Божие всегда было гонимо миром; гонение от мира всегда было свидетельством учения, исходящего от Бога.

П<етр> А<лександрович> заботится об издании «Аскетических Опытов», в которых с особенною подробностию и разнообразием преподается понятие о правильной молитве, также и других существенно нужных и важных подвигах духовных, без которых одни телесные безполезны и даже могут быть очень вредными, душепагубными. «Опыты» должны доставить основательное понятие о таких предметах, о которых ныне в обществе христианском имеется познание самое поверхностное, по большей части самое превратное, душевредное и душепагубное. «Опыты» должны удовлетворить настоятельной нужде подвизающихся и спасающихся в наше время, в которое иссякли благодатные наставники, умножились и лжеучители. Напечатание «Опытов» устроилось особенным Божиим Промыслом. Отступление начало совершаться с некоторого времени очень быстро, свободно и открыто. Последствия должны быть самые скорбные. Воля Божия да будет! Милость Божия да покроет нас!

Призывающий на тебя благословение и благодать Божию.

Е<пископ> И<гнатий>.

2 мая 1864 года

ПЕРЕПИСКА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА С ДРУЗЬЯМИ И ЗНАКОМЫМИ

Ольга Шафранова

Николай Николаевич Муравьев-Карский

Подвизайтесь, но подвизайтесь единственно для Бога и добродетели, а не для истории и мнения о Вас человеков.

Святитель Игнатий

В эпистолярном наследии святителя Игнатия Брянчанинова весьма значительное место занимают его письма выдающемуся военному и государственному деятелю Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому[1].

Н. Н. Муравьев-Карский принадлежал к тому, по словам Н. Иконникова, «удивительному роду [Муравьевых], который после пяти веков служения России, не подавал ни признака упадка и продолжал поставлять стране людей, делавших Историю»[2]. Эти слова полностью можно отнести к поколению, в которое входил Н. Н. Муравьев-Карский, давшему стране одного наместника края, одного генерал-губернатора, контр-адмирала, трех генерал-майоров, сенаторов, Управляющего собственной канцелярией Николая I, Главного правителя Императорской Российско-американской компанией и т. д., участников Отечественной войны 1812 г., Кавказских и Крымской войн, четырех литераторов, художника, археолога... и из которого вышли восемь декабристов.

---

[1] Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 254. Впервые опубликованы в книге: *Свт. Игнатий Брянчанинов.* Будущее России в руках Божественного Промысла. М., 1998.

[2] *N. Ikonnikov.* Les Mouraviev. Paris, 1959. C. 533.

Сам Н. Н. Муравьев-Карский (1794–1866) принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Профессиональный военный, он участвовал в войне 1812 г. (сражался при Бородине — был награжден, под Тарутином и др.), в действиях русской армии за границей; с 1816 г. служил на Кавказе под начальством А. П. Ермолова, участвовал в Русско-иранской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войнах; совершил ряд дипломатических поездок в Среднюю Азию, в Турцию и Египет; с конца 1854 по 1856 г. был Главнокомандующим и Наместником на Кавказе. Литературную известность ему принесли мемуары и несколько военно-исторических книг, в которых нашли отражение драматические события его жизни и богатейший военный опыт. Он отличался безукоризненной честностью и прямолинейным характером, из-за чего имел многих недоброжелателей, часто препятствующих его служебной карьере. Обстоятельства, однако, заставляли власть имущих снова и снова обращаться к нему, и он всегда оказывался там, где совершались важнейшие исторические события.

Известными «делателями Истории» были и братья Н. Н. Муравьева-Карского, имена которых упоминаются в письмах святителя Игнатия. Его старший брат, Александр Николаевич Муравьев (1792–1863), — декабрист, мемуарист, автор публицистических произведений; участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, после шестилетней ссылки вступил в гражданскую, затем военную службу, участвовал в Крымской войне; с 1855 г. — генерал-майор.

Третьим их братом был выдающийся государственный и военный деятель Михаил Николаевич Муравьев-Виленский (1796–1866), с 1865 г. — граф, уже в 14 лет основавший вместе с отцом Московское общество математиков, преподаватель и вице-президент училища колонновожатых, основанного их отцом, так же, как и братья, участник Отечественной войны 1812 г. (ранен при Бородине) и заграничных походов; с 1850 г. — член Государственного совета, в 1857–1862 гг. — Министр государственных имуществ; в 1863–1865 гг. — виленский, гродненский, ковенский и минский генерал-губернатор; автор «Записок», опубликованных в «Русской старине».

Четвертый их брат, Андрей Николаевич Муравьев (1806– 1874), — поэт, выдающийся духовный писатель, церковный деятель, путешественник, несколько раз посетивший Святую Землю и Афон, мемуарист. После публикации книги «Путешествие к Святым

местам» был определен секретарем обер-прокурорского стола Святейшего Синода (с 1833 по 1846 г.); с 1836 г. — член Российской Академии наук, с 1871 г. — Московской, а затем и Киевской духовных академий.

Брянчаниновы были в родстве с Муравьевыми, что способствовало сближению еще в молодые годы Дмитрия Александровича (будущего святителя Игнатия) с Н. Н. Муравьевым и его братьями. Вполне возможно, что их знакомство произошло в доме их общего родственника, Президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина. Что Дмитрий Александрович был частым гостем в этом доме, известно из жизнеописаний Святителя. А что там бывали Муравьевы, видно из письма Н. Н. Муравьеву сына А. Н. Оленина, Петра, от 5 марта 1848 г.: «Добрейший Николай Николаевич, пользовавшись с давних лет дружбою и расположением твоим, прибегаю к тебе с великою просьбою. Вспомни о незабвенном доме Алексея Николаевича и Елизаветы Марковны, в котором мы все тогда юные проводили столь блаженные минуты. Вспомнив их, прими милостиво под могучее крыло твое внука помянутого доблестного мужа сына моего Алексея, студента СПб. университета, которого я помещаю в Уланский полк Е И В Николая Николаевича»[1].

После получения в 1827 г. «вожделенной» отставки от военной службы Дмитрий Александрович Брянчанинов покинул Петербург на шесть лет. Многое изменилось за это время. Сам он стал монахом — отцом Игнатием, два года был настоятелем Пельшемского Лопотова монастыря Вологодской епархии, в конце 1833 г. вызван в столицу, 1 января 1834 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом. Из братьев Муравьевых Александр провел эти годы в ссылке, Николай и Михаил были произведены в генералы, Андрей занял место секретаря обер-прокурорского стола в Святейшем Синоде.

В новом качестве возобновились теперь их отношения. Уже 23 июля 1834 г. архимандрит Игнатий пишет отцу о своем брате Петре Александровиче: «..В намерении поместить его в штаб 1-й армии писал я письмо к генерал-адъютанту Муравьеву вместе с его братом [Андреем Николаевичем], здесь служащим в Синоде. Ответ Муравьева ко мне и к брату при сем прилагаю. ...Муравьев редкий человек, по своим правилам строгий

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 254.

христианин и по службе употребляется в важных обстоятельствах: например, послан был в Египет для переговоров с пашою, потом командовал отрядом, посланным на помощь Турецкому султану против Ибрагима»[1].

Служба П. А. Брянчанинова адъютантом Н. Н. Муравьева продолжалась недолго (в 1837–1848 гг. Николай Николаевич находился не у дел), но оставила отпечаток на всю их жизнь, чему свидетельством являются более 150 писем Петра Александровича, которые он писал с 1837 г. и до конца жизни Николая Николаевича.

Регулярная переписка святителя Игнатия с Н. Н. Муравьевым начинается с 1847 г. До этого времени, т. е. в период с 1837 г., Николай Николаевич, по-видимому, неоднократно бывал в Сергиевой пустыни и лично беседовал с ее настоятелем. Именно об этом говорится в первом из помещенных здесь писем архимандрита Игнатия от 6 октября 1847 г.

Интересно отметить, что в этот же период, т. е. с середины 30-х годов, архимандрит Игнатий постоянно общался и с братом Н. Н. Муравьева, Андреем Николаевичем, но их отношения складывались по-другому. Они также были хорошо знакомы, есть свидетельство, что в годы учебы некоторое время они снимали одну квартиру. Но к моменту назначения о. Игнатия настоятелем Сергиевой пустыни А. Н. Муравьев занимал уже должность секретаря обер-прокурорского стола Святейшего Синода, т. е. был весьма влиятельным лицом в церковной администрации. При особенностях характера Андрея Николаевича, которые отмечали многие современники[2], это обстоятельство сказывалось на их отношениях, требовало от архимандрита Игнатия определенной дипломатии и «осторожности», что нашло отражение в его письмах разным лицам (см., например, его письма наместнику Сергиевой пустыни Игнатию (Васильеву), напечатанные во 2-м томе). В их отношениях не было той откровенности и теплоты, которые проявляются в письмах архимандрита Игнатия Н. Н. Муравьеву и в его высказываниях о нем. Например, он писал брату: «Николай Николаевич глубоко добрый человек. Многие отнюдь не подозревают в нем этого качества, напротив того, считают холодным, потому что он не льстив и не ласков, между тем как

[1] Отдел рукописей Вологодского краеведческого музея. Ф. 11. Д. 6.

[2] Например, брат А. Н. Муравьева, Александр Николаевич, писал о нем: «Он слишком рассеян и немало о себе мечтает. Что делать, — кто не был рабом гордости?» («Русский Архив». 1893. Кн. 2. С. 144).

истинная любовь строга и, являясь в делах, не нуждается в личине — ласковости и льстивости, которыми непременно прикрывает себя самолюбие для обмана ближних». Напротив, об Андрее Николаевиче он отзывался несколько иронично: «это прикрытый личиною дружбы враг мой...» Тем не менее кажется, что в их отношениях было больше непосредственности. Андрей Николаевич часто наведывался в Сергиеву пустынь, иногда оставаясь там на время поста. А архимандрит Игнатий не останавливался в необходимых случаях обращаться к нему за поддержкой не только по делам пустыни, но и по обстоятельствам разных лиц, которые просили его о помощи, и, как правило, получал такую поддержку. Сыграл А. Н. Муравьев определенную роль и в назначении архимандрита Игнатия епископом Кавказским и Черноморским. Вначале, правда, он высказывал сомнения о соответствии этого назначения церковному законодательству. Об этом говорится в письме святителя Игнатия Н. Н. Муравьеву-Карскому от 26 января 1856 г. Однако позже его сомнения разрешились: «В назначении и посвящении брата действовал весьма влиятельно Андрей Николаевич», — писал П. А. Брянчанинов 12 января 1858 г. Не оставался Андрей Николаевич равнодушным к судьбе святителя Игнатия и в последующие годы. Это видно из письма Святителя брату от 25 марта 1862 г.: «В Синоде новый Оберпрокурор Ахматов, хороший знакомый Андрея Муравьева, который писал ко мне, выражая желание, чтобы я вступил снова, по поправлении моего здоровья, в общественное служение. Я отвечал решительным отказом».

Сохранившиеся письма святителя Игнатия Н. Н. Муравьеву-Карскому охватывают двадцатилетний период. По содержанию они очень различны. Так, письма № 1 и № 11 написаны в те моменты жизни Святителя, когда по личным и внешним причинам особенно обострялось его постоянное желание отказаться от церковно-общественного поприща и уединиться за монастырскими стенами. Письмо от 6 октября 1847 г. отправлено из Николаевского Бабаевского монастыря Костромской епархии, где святитель Игнатий находился в 11-месячном отпуске, полученном им вместо увольнения, о котором он просил. А письмо от 12 июня 1856 г. отправлено из Оптиной Пустыни, куда он предпринял путешествие «с целью устроить там желанное пребывание на безмолвии». Сообщая в этих письмах об обстоятельствах своей жизни, святитель Игнатий основное внимание уделял, однако, своему корреспонденту. Их содержание

становится понятным, если учесть, что время написания писем совпадало с нелегкими периодами жизни Н. Н. Муравьева: в 1837–1848 гг. он находился в вынужденной отставке, а в 1856 г. ему пришлось пережить, как и большинству русских людей, тяжелое разочарование в связи с Парижским соглашением, завершившим Крымскую войну. Касаясь в первом письме причин «переменчивости земного счастия», святитель Игнатий склонял Николая Николаевича к занятиям духовным, к «определительному воспитанию своего духа», которое «дает человеку характер постоянный, соответствующий вечности... пред которою земные дела принимают свои правильные размеры». Во втором письме он убеждал его не поддаваться сомнениям и не оставлять своего поприща, не уступать его внутренним врагам России, готовым погубить Отечество: «Подвизайтесь, но подвизайтесь единственно для Бога и добродетели, а не для истории и мнения о Вас человеков. ...Вера в Бога, всегда сопровождаемая оставлением упования на себя, преодолевает все скорби и искушения, побеждает все препятствия».

Особый интерес представляют письма № 3–9, написанные в период Крымской и Кавказской войны, т. к. они впервые непосредственно раскрывают отношение святителя Игнатия к историческим событиям и их влиянию на судьбы России.

В конце 1854 г. Н. Н. Муравьев распоряжением Николая I был назначен Главнокомандующим и Наместником на Кавказе. Петр Александрович Брянчанинов так писал ему по поводу этого назначения: «На нынешней почте получена в Костроме весть о явленной Вам Высочайшей милости и о новом назначении Вашем. Радуясь в глубине души этому избранию Батюшки Царя, вместе со всеми верными сынами России молю Господа сил за Него, да даст ему побольше таких верных Наместников, за Вас, да поможет Вам явить в правде Его Божией силу и славу Его Царя Российского». По-видимому, принимая столь ответственный пост и нуждаясь в моральной поддержке, Николай Николаевич обратился к архимандриту Игнатию с письмом, в котором высказывал свои сомнения. С этого времени начинается их наиболее интенсивная переписка. В ответном письме от 15 марта 1855 г. архимандрит Игнатий пишет: «С утешением и умилением прочитывал я Ваши строки и перечитывал их: надежда на Бога и скромный взгляд на свои способности — эти плоды опытности и житейских скорбей — суть верный залог и предвестник благоволения Божия и успеха». Он называет себя

богомольцем своего корреспондента: «Молю Бога, — пишет он ему 31 июля 1855 г., — чтобы благословил труды Ваши по внутреннему управлению Краем и благословил подвиг Ваш на поле ратном для истинного блага Отечества...»

Из последующих писем видно, с каким вниманием архимандрит Игнатий в своей монастырской келье следил за событиями тех дней: «Все Ваши донесения, печатаемые для публики, читаю с величайшим вниманием и участием; с таким же чувством читаю статьи о Ваших действиях...» «Мне немудрено, — пишет он далее, — постоянно воспоминать о Вас и часто беседовать о Вас с многими знакомыми моими: потому что в настоящее время Вы привлекаете здесь общее внимание и разговор о Вас идет во всех слоях общества». Он и сам «позволяет подавать мнение» о возможных военных действиях, и в этих его рассуждениях, несомненно, сказывается его военное образование. Но сам он говорит: «Так я позволяю себе рассуждать от горячей любви моей к Отечеству и от сердечного участия к Вам». Подобные чувства испытывали в то время все русские люди: «К величайшему утешению моему, — пишет он 4 августа 1855 г., — слышу и вижу, что все преисполнены к Вам доверенности, а люди знающие в восторге от Ваших действий».

В желании Святителя своими письмами поддержать и ободрить полководца в трудный и опасный момент проявлялась историческая преемственность. В это время Н. Н. Муравьев находился у турецкой крепости Карс, являвшейся важнейшим стратегическим объектом в войне (турецким гарнизоном в Карсе командовали англичане). Ввиду сильных укреплений крепости он предполагал взять Карс путем тесной блокады, однако два обстоятельства заставили его изменить этот план: падение Севастополя и высадка в Сухуми 45-тысячного корпуса Омер-паши, направившегося на подмогу Карсу. Штурм крепости состоялся 17 сентября, но, несмотря на героические усилия, был отбит с большими потерями. Муравьев, однако, не отошел, но еще более стеснил блокаду и постоянно тревожил гарнизон. Не выдержав блокады, Карс пал 6 ноября.

Победа над Карсом в условиях неудачной Крымской войны была принята с огромным энтузиазмом во всех слоях русского общества. В письме от 6 декабря 1855 г. архимандрит Игнатий пишет: «Долговременная, единообразная, скучная для любителей новостей ежечасных блокада Карса увенчалась результатом, пред которым мал результат блестящего похода в этом краю,

предшествовавшего Вашему. Союзники не могут исправить своей потери... Поздравляю, поздравляю Вас!» А в письме от 9 декабря 1855 г. он добавляет: «Взятие Карса произвело в столице всеобщий восторг. Можно сказать, что все поняли важность последствий падения этого, как Вы называете, оплота Малой Азии».

Несмотря на военные действия, Н. Н. Муравьев должен был думать и об управлении доверенным ему краем. Одной из первостепенных мер по его улучшению он считал повышение роли духовного влияния на население. В этих целях он стремился к благоустройству Кавказской епархии, центр которой находился в городе Ставрополе. Зная высокую нравственность и организаторские способности архимандрита Игнатия Брянчанинова, он предполагал выйти с ходатайством перед Святейшим Синодом о назначении его правящим архиереем Епархии. Этот факт, что инициатива назначения святителя Игнатия Епископом Кавказским и Черноморским исходила от Н. Н. Муравьева-Карского, не был раньше отмечен ни одной биографией Святителя. Уже 11 ноября 1855 г., т. е. спустя всего пять дней после падения Карса, он пишет архимандриту Игнатию письмо с целью получить его согласие на это ходатайство. Однако из письма святителя Игнатия от 26 января 1856 г. видно, что вопрос о его назначении на Кавказскую и Черноморскую кафедру, несмотря на поддержку Государя Императора, не сразу был решен в высшем органе церковного управления — Святейшем Синоде. Хиротония святителя Игнатия во Епископа Кавказского и Черноморского состоялась 27 октября 1857 г., т. е. уже после выхода Н. Н. Муравьева-Карского в отставку.

После взятия Карса все ждали, что наступит перелом в войне и она перейдет на вражескую территорию. Но, как это не раз случалось в русской истории, дипломатия свела на нет героизм и жертвы русских людей. Тем не менее эта победа сыграла решающую роль во время Парижских переговоров: Карс был обменен на Севастополь и другие русские города, занятые союзниками. Главной наградой за эту победу, полученной Н. Н. Муравьевым, было добавление к его фамилии — «Карский».

Русское общество было разочаровано результатами переговоров в Париже. Этим же настроением проникнуто письмо святителя Игнатия от 4 апреля 1856 г.: «Будущее России в руках Божественного Промысла».

Недовольный результатами Парижского соглашения, Н. Н. Муравьев-Карский подал в отставку и отправился в свое

имение Скорняково. Перед отъездом он навестил архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни, о чем сообщил его брату. Из ответа Петра Александровича от 9 января 1857 г. видно, что и архимандриту Игнатию было нелегко в это время: «Много Вы мне доставили отрадно-грустного утешения, сообщив Ваши замечания и наблюдения о брате Архимандрите; если не ошибаюсь, время, в которое Вы его видели, совпадает со временем сильных испытаний, которым он был подвергнут в последнее время по столкновению с людьми и обстоятельствами... что удивительного, если тело его, и от природы слабое, не удержит пламенной души его». Действительно, обстоятельства складывались неблагоприятно для архимандрита Игнатия: неудачей окончились его переговоры о переходе в скит Оптиной Пустыни, нерешенным оставался вопрос о его назначении на Кавказскую кафедру. Не похоже, однако, чтобы эти неприятности действовали на него угнетающе, напротив: «Силы тела моего, — пишет он 13 февраля 1857 г., — пали на поле невидимой битвы; но я еще жив, и потому подвиг мой не кончен. Не хочу сойти с поприща, доколе чувствую себя живым или доколе рука Судьбы, поставившая меня на поприще, возьмет с него. Одушевляюсь Верой». Также и своему корреспонденту: «Желаю, чтобы отдых в кругу Вашего семейства, в благоприятном климате, подействовал благотворно на Ваше здоровье и укрепил Ваши силы, приготовил их для новой деятельности. Вы были свидетелем многих событий и деятелем в них; нельзя не предвидеть, что нас ожидают события более важные. Их обещают развивающиеся силы России и появление в ней новых начал».

Письма № 17–34 написаны в последнее десятилетие жизни обоих корреспондентов. В этих письмах уже не чувствуется соприкосновения с внешним миром, как в письмах петербургского периода. Объясняется это прежде всего тем, что адресат писем, Н. Н. Муравьев-Карский, после Парижского соглашения оставил общественную деятельность, в которой святитель Игнатий всегда принимал живейшее участие, а также удалением самого Святителя от столичной суеты. В первом из этих писем, от 24 ноября 1857 г., святитель Игнатий сообщает, что уезжает в Ставрополь: «В назначении моем [на Кавказскую и Черноморскую кафедру] исполняется Ваша мысль». Следующие пять писем написаны в период пребывания святителя Игнатия на Кавказской и Черноморской кафедре. Возможно, не желая напоминать Николаю Николаевичу обстоятельств, связанных с его отставкой,

святитель Игнатий не сообщает ему ничего ни о положении в районе, ни о своей деятельности по управлению Епархией. Из писем можно узнать лишь подробности его личной жизни и некоторые соображения, касающиеся его литературных трудов.

Крайнее напряжение сил на новом поприще и многолетняя болезненность привели, однако, организм Святителя к полному истощению. В письме от 14 апреля 1860 г. он снова возвращается к мысли об удалении в уединенный монастырь, чтобы «кончить там жизнь в самых серьезных занятиях, образчик которых Вы видите в "Слове о смерти"». 24 июля 1861 г. святитель Игнатий обратился к Государю Императору с просьбой об увольнении. И в письме от 24 августа 1861 г. он сообщает Николаю Николаевичу о положительном ответе Государя на его просьбу и о том, что ему предоставлен в управление Николаевский Бабаевский монастырь.

Отправляясь к месту своего последнего земного прибежища, святитель Игнатий заезжал в поместье Н. Н. Муравьева-Карского Скорняково, где познакомился с его женой, Наталией Григорьевной (урожденной Чернышевой; 1806–1884), и его дочерьми. «Философское расположение, в котором я видел Вас в скромном Скорнякове, столько располагающем к философии, мне чрезвычайно понравилось», — будет он вспоминать через полгода.

Следующие его письма отправлены уже из Николо-Бабаевского монастыря, который «крайне уединен, а именно в этом и нуждаюсь, это и люблю». Из общего тона этих писем выделяется письмо от 14 мая 1863 г., написанное в связи с предполагаемым (но не состоявшимся) возвращением Николая Николаевича на государственную службу и содержащее весьма знаменательные предположения о судьбах России.

Последнее письмо Н. Н. Муравьеву-Карскому написано святителем Игнатием 18 марта 1866 г. А 4 ноября 1866 г. Николай Николаевич скончался.

Письма святителя Игнатия к Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому

№ 1

Милостивейший Государь,

Николай Николаевич!

Живо в памяти моей Ваше последнее посещение Сергиевой Пустыни. Видел я Вас в ней, когда земная слава, столько непо-

стоянная и изменчивая, Вам улыбалась. Ныне Вы мне показались гораздо величественнее; Вы оставили во мне глубокое впечатление. Уважаю все добродетели; но ни одна из них не возбуждает во мне такого уважения, как великодушное терпение переменчивости земного счастия. На поле битвы человек часто бывает героем от кипения в нем крови; — в переворотах жизни можно быть героем только от величия души. Муж доблестный, оставивший поприще подвигов воинских, перековывает на плуг или соху булатный меч свой, меч — грозу отечества; а всякий истинный гражданин, а за ним История и потомство с почтением взглянут на этот плуг, потом кинут взор презрения и негодования на знаки отличия, которыми усеяна грудь какого-либо подлеца: на ней каждый знак — памятник интриги, низости, бездельничества. Скажите, что в том, что на голове Гришки Отрепьева был венец Мономаха? Какая его слава? — Слава лихого, бесстыдного, бессовестного злодея, не останавливающегося ни пред каким беззаконием, — слава, неразлучная от проклятий. Избави Бог всякого от этой славы. А сколько самозванцев! ...

Простившись с Вами, я захворал еще более. Видя, что уже нет моих сил ни для борьбы с непомерно усилившейся болезнью, ни для борьбы с обстоятельствами, я захотел удалиться из Петербурга и от шумных должностей навсегда. Не всем быть листьями, цветами, плодами на древе Государственном; надо же комунибудь, подобно корням, доставлять ему жизнь и силу занятиями неизвестными, тихими, существенно полезными, существенно необходимыми. Одним из таких занятий признаю утверждение ближних в Христианской вере и нравственности. Это мирное, скромное занятие живым словом и пером поглощало всегда у меня значительную часть времени; а при болезненности моей взяло бы и все время. Не совершилось по моему желанию и не сбылось по моему предположению; а предполагал я, что наверное дадут увольнение: столько было содействователей к получению его! Мне дан временный отпуск в Бабаевский Монастырь Костромской Епархии для отдыха и лечения. Здесь нахожусь теперь. Заключенный безвыходно в келлии моей, действую против простуды, глубоко проникшей в мои члены и произведшей в них нервное расслабление, которое держит меня по большей части в постели. Будущее мое — неизвестно... И я махнул на него рукою! ...Сказал Всесильному Богу: «Твори с созданием Твоим, что хочешь. Верю слову Твоему, что влас главы моей не падет без соизволения Твоего!»

«Душа моя, плыви бестрепетно по волнам Житейского моря, не доверяя тишине его, не страшась бурь его. Не думай о завтрашнем дне, не утомляй себя никакими предположениями, никакими мечтаниями, не истрачивай на них времени и сил твоих. *Довлеет дневи злоба его,* — сказал Бог твой. Веруй! ...Плыви, несись по волнам! ...Жизнь земная — обман. Не увидишь, как уже пред тобой — пристанище гроба. Где вера, там нет ни печали, ни страха. Там мужество и твердость, ничем неодолимые».

Вот размышления расслабленного, размышления на одре болезненном, размышления из пустыни! Найдут оне, конечно, Вас в каком-нибудь мирном приюте; может быть, в Вашем селе, в кругу Вашего семейства, за беседою дружескою или чтением полезным и приятным, за занятием хозяйственным, — напомнят Вам о том, кто сердечно в Вас участвует, в ком Вы насадили много воспоминаний утешительных, впечатлений глубоких.

Человек в лета юности своей занимается приобретением сведений, нужных для возможного расширения круга действий его в вещественном мире, в который он вступает действователем. Сюда принадлежат: знание разных языков, изящных искусств, наук математических, исторических, — всех, — и самой философии. Когда ж он начинает склоняться к старости, когда приближается то время, в которое должна отпасть шелуха, остается плод (шелухою называю тело, плодом — душу); когда он приготовляется вступить в неизмеримую область вечности, область Духа; тогда предметом его исследований делается уже не вещество переменчивое, обреченное концу и разрушению, но Дух пребывающий, бесконечный. Что до того: так или иначе звучит слово, когда все звуки должны престать! Что до того: та или другая мера, когда предстоит безмерное! Что до того: та или другая мелочная мысль, когда ум готовится оставить многомыслие, перейти в превысшее мыслей видение и молчание, производимое неограниченным Богом в существах ограниченных, творениях Его. Изучение Духа дает человеку характер постоянный, соответствующий вечности. Горизонт для него расширяется, взоры его досягают за пределы земли и времени, оттуда приносят твердость неземную. Примите мой искреннейший совет: займитесь глубоко чтением всех сочинений Св. Иоанна Златоустого; оне все есть на Французском языке; толкование на Евангелие Матфея, на послание к Римлянам, еще коечто есть и на Русском. Доколе Судьба не вывела Вас опять на поприще отечественной службы займитесь на свободе определительным воспитанием Вашего духа. Рекомендую Вам того Цер-

ковного Писателя, который необыкновенною чистотою, ясностию, силою Христианского учения возносит читателя превыше земли; на высоте заоблачной витает этот духовный орел и оттуда показывает своему питомцу землю. Думаю: величайшее приобретение для Государственного человека — взглянуть на землю с этой высоты; не говорю уже, какое это приобретение для Христианина и человека, — наследника вечности. Вас Судьба посетила своими ударами; Она сказала: «кого люблю, — бью и наказую». Закалитесь под этими ударами в крепкую сталь, сделайтесь бесценным сокровищем для ближних, которые Вас окружают и будут окружать. Кто знает назначение человека? — Оно написано в запечатленных книгах промысла. Цинцинаты оставляли меч для плуга, потом плуг оставляли для меча! ...Вам говорит это тот, кто всю жизнь провел в скорбях, кто сам весь в ранах, — и радуется им, и благодарит за них Бога. Развевается знамя Креста над письмом моим: всегда слово мое выходит под этим знаменем! Слово мое — и возвещение мира, и провозглашение войны — призывает к храбрости, победе, завоеванию мира таинственное воинство Израильское: помышления и чувствования Христианина.

Несколько слов о Петре, человеке Вам преданном и Вами любимом: доставлено ему было место в Кременчуге, но он от него отказался по болезни и поехал в Одессу лечиться от ревматизма. Это было весною и в начале лета. После этого ничего о нем не знаю: сам был в волнах и крайне болен. А болезнь отнимает у человека и время, и способности, и деятельность. — Нахожу излишним просить Вас о сохранении меня в памяти Вашей: Вы доказали, что я имею приют и в памяти, и в сердце Вашем! Призываю на Вас и на семейство Ваше Божие благословение. С чувством глубокого уважения и искреннейшей преданности имею честь быть навсегда Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий
1847 Года Окт. 6 дн.

Мой адрес: в Ярославль, на станцию Тимохино.

№ 2

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

При предстоящем великом подвиге для Российского войска, подвиге, в котором Вы должны принять столько значащее

участие, призываю на вас обильное благословение Божие. Во время мира Вы отложили меч, взялись за плуг; когда ж начала скопляться военная гроза — вы оставили плуг, снова взялись за меч, взялись за него с христианским смиренномудрием, взялись, движимые и руководимые истинною преданностию и любовию к Царю и Отечеству. В благословенной России, по духу благочестивого народа, Царь и Отечество составляют одно, как в семействе составляют одно родители и дети их. Развивайте в русских воинах живущую в них мысль, что они, принося жизнь свою в жертву Отечеству, приносят ее в жертву Богу и сопричисляются к святому сонму мучеников Христовых. Гораздо вернее идти на штыки с молитвою, нежели с песнею: песнь приносит самозабвение и прилична Римлянину; а молитва доставляет воодушевление и прилична благочестивому Христианину. Христианская вера порождает героев, сказал герой Суворов, — и постоянных героев, а не минутных. Российская история представляет единственный пример Христианского мученичества: многие Русские, — не только воины, но и архиереи, и бояре, и князья — приняли добровольно насильственную смерть для сохранения верности Царю: потому что у Русского по свойству восточного Православного исповедания мысль о верности Богу и Царю соединена воедино. Русский Царь может сказать о себе то, что сказал о себе Святый Царь Израильский Пророк Давид: *Бог покоряяй люди моя под мя*.

Понимая Вас, что Вы будете совершать великий подвиг, как истинный подвижник Царя небесного и Царя земного, призываю на Вас из глубины моего сердца благословение Божие. Да дарует мне милосердный Господь еще увидеть Вас в сей земной жизни, увидеть по совершении великого подвига в лучах славы от Царя небесного и Царя земного.

Прошлого лета я возвратился в Сергиеву Пустыню и нахожусь в состоянии какого-то полуздоровья, при котором я способен к самой ограниченной деятельности. С чувством совершеннейшего почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Архимандрит Игнатий

1849 апреля 30 дня.
Сергиева Пустыня.

№ 3

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Вы можете себе представить, какою приятностию было для меня получение письма Вашего. Среди Ваших недосугов Вы нашли досуг, в который так прекрасно раскрылось Ваше сердце для любящего Вас ближнего, сердце, готовившееся в то же время раскрыться перед Богом. С утешением и умилением прочитывал я Ваши строки и перечитывал их: надежда на Бога и скромный взгляд на свои способности — эти плоды опытности и житейских скорбей — суть верный залог и предвестник благоволения Божия и успеха. Не мудрено, что по всей дороге встречали Вас благословения и приветствия: все Русские сочувствуют Вам и ожидают от Вас великих услуг отечеству. Вы вступаете на Кавказ в момент исторический. Курдистан восстал против Турок, и готово восстать против них все народонаселение христиан в Малой Азии. Не суждено ли Вам нанести первый смертоносный удар владычеству Турок в самом центре силы их? Здесь уже многие начинают поговаривать, что роковой пункт для судеб Турции не Дунай, а в ея областях на границе Грузинской.

Какие дни Вы посвятили Богу! Те самые, в которые Десница Его отозвала Государя Николая Павловича с его великого земного поприща[1] и передала развязку нынешних трудных обстоятельств Его благословенному Первенцу. Рыдания, огласившие и столицу, и всю Россию, делают честь и почившему Царю, и его верному народу. Особенно поучительна скорбь нынешнего Императора и та почесть любви и благоговения, которую он воздает почившему Родителю Своему и которою Он утешает достойнейшую Родительницу. Сердца всех влекутся довеенностию и преданностию к Новому Государю. Он внушает их своею положительностию, храбростию и добротою. Он, не отвергая мира, дал обет не уронить достоинства России и противостать со всею энергиею врагам отечества. Одно это делает его бесценным в глазах каждого истинного Русского.

Я убежден, что брат Петр Александрович вполне сохранил к Вам прежнюю свою преданность и от всей души рад служить под начальством Вашим. Если он не просится к Вам на службу, то это единственно потому, что в сердце его еще живо чувство подчиненного к Вам; а это чувство ждет требования или приказания. С этою же почтою пишу к нему о Вашем отзыве о нем.

Заключу мое письмо повторением моих сердечных желаний Вам успеха и призыванием на Вас обильного благословения Божия. Да зазвучит оружие Ваше и по звуку его да спадут цепи с Христиан. С чувством искреннейшей, постоянной преданности и отличного уважения имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1855-го года 15 марта
Сергиева Пустыня.

[1] Император Николай I скончался 18 февраля 1855 г.

№ 4

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Уже не страшусь обеспокоить Вас моими строками, видя особенно снисходительное внимание Ваше к моему брату и мне. Я получил от него письмо, в котором выражает решительное намерение свое переместиться в Ставрополь, полагая, что на этом пункте он может быть сколько-нибудь полезен для Вас, по крайней мере, своею преданностию, верностью и правилами честности, этим, увы! — анахронизмом в наш век. В письмо ко мне брат вложил незапечатанное письмо к Министру Внутренних Дел с тем, чтоб я, прочитав его, запечатал нашею фамильною печатию и препроводил по назначению, что мною немедленно и исполнено. В этом письме Петр благодарит Министра за внимание к нему и просит о переводе его в Ставрополь, представляя в причину пророднившуюся ему преданность к Вам. Я ожидал этого от Петра, и радуюсь за него, потому что такой образ действия нравственно возвышает человека, упрочивает и изощряет его душевные силы; пред этими моральными сокровищами житейские выгоды — вздор! В Костроме ему было приятно жить потому, что в Вологде и по южному рубежу этой Губернии живут наш отец и родственники, не служащие или служащие на месте; собственно служба представляла мало пищи уму и особливо сердцу: в настоящее время упомянутые выгоды ничтожны в глазах всякого патриота.

Благословляю Бога, даровавшего мне быть зрителем действий Ваших, которые возбуждают во мне чувство уважения, и откликающихся на них действий моего брата, которые меня утешают. Молю Бога, чтобы благословил труды Ваши по внутреннему

управлению Краем и благословил подвиг Ваш на поле ратном для истинного блага отечества, поставленного судьбами в тягостное, но не бесполезное состояние: нас многому учат, нас влекут насильно к обширному развитию, чрезвычайно богатому последствиями. Даруй Боже, чтоб развитие совершилось благополучно и последствия были вполне благотворны.

Настоящая война имеет особенный характер: в течение ее постепенно открываются взору народов и правительств тайны, которых в начале войны они никак не могли проникнуть. К счастию — откровение этих тайн совершается к пользе дорогого отечества нашего и ко вреду наших врагов. Последнее требование союзников, чтоб им были предоставлены замки, охраняющие Босфор и Дарданеллы, обнаружило пред изумленной Европой замыслы Англо-Французов, замыслы овладения Турцией и всем востоком. Уже и прежде изумилась Европа, увидев бесцеремонное обращение правительств Английского и Французского с малосильными державами и варварское обращение их воинов с жителями занятых ими городов. Цепи, готовимые Англо-Французами для Германии, сделались для ней очевидными. Германия должна желать торжества России и содействовать ему: торжество России есть вместе и торжество Германии. Так это ясно, что мы не удивимся, если на будущую весну увидим Германию вместе с Россиею идущею на Париж, расторгающею злокачественный союз, и потом всю Европу, устремленную для обуздания Англичан — этих бесчеловечных и злохитрых Карфагенян, этих всемирных Алжирцев. После бесплодного и долгого стояния неприятельских флотов перед Кронштадтом эти флоты удалились; теперь они обстреливают Свеаборг. Гранитные скалы, из которых высечены верхи этой крепости, и не слышат бомбардирования огромными снарядами, против них употребляемыми; сгорели в крепости деревянные некоторые постройки, которым, признаться, и не следовало бы быть и которые явились единственно в чаянии нерушимого мира. Кажется — Вам придется много потрудиться в Малой Азии: по всему видно, что война продлится! Решительный исход ее и прочный мир виднеют в самой дали: за периодом расторжения Англо-Французского союза и за побеждением Англии на море. Без последнего события она не перестанет злодействовать и играть благосостоянием вселенной. Вот Вам здешние суждения! Все Ваши донесения, печатаемые для публики, читаю с величайшим вниманием и участием; с таким же чувством читаю статьи о Ваших

действиях, перепечатываемые целиком в «Инвалиде» и «Санкт-Петербургских ведомостях» из газеты «Кавказ». Эти статьи мне очень нравятся: они для невоенных очень объясняют причины, цели и результаты различных военных движений, что не всегда ясно для невоенного в форменных донесениях.

И снова призываю на Вас благословение Божие; с чувством сердечного уважения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий
1855-го года 31 июля.

№ 5

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Вы надивили меня письмом Вашим! Среди множества занятий Ваших, среди военного шума, в отдаленном стане Вашем под Карсом, Вы уделили часок на воспоминание о мирном иноке и даже написали дышащее добротою и откровенностию письмо, которое теперь держу в руках моих. Мне немудрено постоянно воспоминать о Вас и часто беседовать о Вас с многими знакомыми моими: потому что в настоящее время Вы привлекаете здесь общее внимание, и разговор о Вас идет во всех слоях общества.

К величайшему утешению моему, слышу и вижу, что все преисполнены к Вам доверенности, а люди знающие в восторге от Ваших действий. В них видят логику, в них видят предусмотрительность. В нынешней войне не нужны действия блестящие, нужны действия, существенно полезные. Иные в энтузиазме говорят, что по взятии Эрзерума Вы пойдете на Галлиполи или Скутари, чтоб запереть неприятельские флоты и войско и отнять у них возможность получать подкрепления; другие утверждают, что из Эрзерума Вы направитесь на Трапезунд. И я позволяю себе подавать мое мнение, потому что люди снисходительные выслушивают его. Поход к Босфору и Дарданеллам признаю невозможным до того времени, как события определят: сделают ли высадку союзники для действий против Грузии; поход к Трапезунду, как и ко всякому другому приморскому месту, считаю малополезным, если не вполне бесплодным, в войне с неприятелем, имеющим все преимущества на море;

лишь демонстрация такого похода может быть полезною в том случае, когда неприятель отрядит значительные силы для охранения приморских мест; такая демонстрация может удерживать в бездействии неприятельские войска, охраняющие прибрежье. По моему мнению, для кампании нынешнего лета имеются в виду действия несравненно большей важности: это — приготовление к кампании будущего года, результаты которой могут быть гораздо сильнее и решительнее, и действия во все стороны от Эрзерумского Паталыка на народонаселение Малой Азии, которая вся наэлектризуется духом неприязни к владычеству Турок, особливо ко владычеству на Западно-Европейский лад, и сделается таким образом падение Турецкой империи неизбежным, если не в нынешнюю кампанию, то в последующие. Главное, чтоб здесь не поторопились заключить мир, не дождавшись плода после таких пожертвований и усилий. Так я позволяю себе рассуждать от горячей любви моей к Отечеству и от сердечного участия к Вам. Всего чаще беседую о Вас с князем Александром Федоровичем Голицыным, который питает к Вам истинное уважение. Его сын похоронен в нашей обители; отец, заезжая в обитель на могилу сына, заходил иногда ко мне, полюбил меня и теперь заходит очень часто. Он близок с Графом Орловым, хорошо знаком с Даненбергом, и от него-то я слышу наиболее о характере отзывов большого круга. — Из нашего монастыря в ясную погоду был очень хорошо виден Английский флот, особливо та часть его, которая стояла на северном фарватере. Теперь они удалились и едва ли предпримут что-нибудь против Кронштадта. Наши паровые канонерские лодки отлично хороши, не нравятся очень Англичанам, а нам напоминают рождение флота русского при Петре I-м и обещают возрождение его в наше время.

О Крымских делах поговаривают здесь, что ничего решительного нельзя ожидать раньше наступления зимы; а такое положение дел в Крыму заставит и Вас ограничиться, не удаляться от Грузии. Бог даст — возьмете и Карс, и Эрзерум; но такие успехи при Вашем образе действий суть успехи вполне второстепенные.

Относительно брата Петра, то его коренное желание, разумеется, быть при Вас. Вы так подействовали на него морально, что в его сердце родилось самое глубокое и верное чувство преданности к Вам, доказываемой, как видите, на деле. Если Вы усматриваете, что перемещение его в Ставрополь не удовлетворит

его желания и не прокладывает пути к исполнению этого желания, то, приостановив его переход, Вы поступили очень справедливо и добро.

Остается мне еще от души поблагодарить Вас не только за память Вашу о мне и брате моем, но и за любовь Вашу, которую Вы доказываете самым делом. Призываю обильное благословение Божие на Ваши действия к истинной пользе отечества и человечества. Англо-Французы показали ясно, чего может ожидать от них Черноморье, если они утвердятся в этом краю, который может благоденствовать только под владычеством России.

С чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1855-го года 4 августа
Сергиева Пустынь.

№ 6

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Вам не будет противно, что инок в тишине своей кельи думает о Вас в то время, как Вы на ратном поле должны решать самые сложные военные задачи, приготовленные усовершенствованным военным искусством и утонченно-хитрою политикою новейшего времени. По крайней мере, когда смотришь, обратившись лицом к западу, видишь это. Живем в эпоху матерьяльного прогресса, и многие прежние аксиомы, даже в военном искусстве, должны получить или чистую отставку, или значительное изменение. Однако время, изменяя правила в частностях, в главном щадит их. За тысячу лет до Рождества Христова, следовательно, за три тысячи лет до нас, Израильское войско, под начальством победоносного вождя своего Иоава, при Царе, Пророке и Герое Давиде, сделало тщетную попытку взять столичный город Аммонитян, Раввах. По этому случаю Царь Давид приказал гонцу, принесшему эту весть, сказать Полководцу: *Да не будет зло слово сие пред очима твоими* (т.е. этот случай), *яко овогда убо еще, овогда же инако поядает меч. Укрепи брань твою на град, и раскопай и* (2 Цар. 2. 25).

На людей, которые не имеют ясного понятия о предметах, ничем угодить невозможно: потому что они именно требуют того, чего не доставляет самое дело. Но все люди положитель-

ные понимают, что приступ к Карсу есть применение старой, доселе почти постоянно успешной методы против нового усовершенствованного оружия; невозможно, по одному соображению, отвергнуть старую методу, в которую многие веруют всем сердцем. Необходимы факты для определения достоинств прежнего и нынешнего оружия. Опыты должны указать на способ действия, наивыгоднейший для настоящей войны. Когда пуля неожиданно поумнела, надо узнать, в какой цене остался штык.

О переходе брата Петра в Ставрополь ничего не знаю: письмо его к Министру, в котором он просит об этом переводе, я доставил Димитрию Гавриловичу; но вот и он оставил свое место. Между тем брат продолжает мне писать, что он желает и ожидает этого перевода.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с желанием живейшим успехов, с чувством совершенного уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1855 года 13-го октября.

Прилагаю при сем пришедшую в мои руки записку:

В жизни Государства, — сказал Государственный человек (Карамзин), — случаются, как и в жизни частного человека, самые затруднительные обстоятельства, которых исхода не может разгадать и предсказать никакой ум человеческий. Тогда и Государство, и человек должны повергнуть участь свою в бездну Судеб Божиих и сказать о себе Богу: «Да будет воля Твоя».

Такое самоотвержение и предание себя Промыслу Всевышнего не устраняет деятельности ни Государства, ни человека. Напротив того, оно вызывает эту деятельность. *Не даждь во смятение ноги твоея, ниже воздремлет храняй тя. Надеющийся на Господа, яко гора Сион,* — говорит Слово Божие (Псалмы 120 и 124).

«Что значит победа?» — спросил Наполеон I у Бертье на родном нашем Бородинском поле, и, не дождавшись ответа, сказал: «Победа — соединение бóльших сил на стратегическом пункте, нежели сколько их имеет неприятель». На отечественной почве всемирный гений произнес свое определение, произнес его, конечно, и для нас. Уравновесим наши силы с силами врагов! Когда уравновесим их, то сверх этого равновесия будут

за нас и неисчерпаемые средства нашей России, и пространство, и время, и вдохновение многочисленного и храброго народа, верующаго великому назначению своему. При равных силах к противодействию мы можем быть уверены в отражении врага. Только что наши силы будут равны силам врага, мы получим вместе с этим равенством и преимущество силы, а потому и несомненную победу.

№ 7

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

В одно и то же время приношу Вам искреннейшее поздравление с днем Вашего Ангела и с окончательным уничтожением Анатолийской Армии, замыкавшей Вам путь в Малую Азию. Долговременная, единообразная, скучная для любителей новостей ежечасных блокада Карса увенчалась результатом, пред которым мал результат блестящего похода в этом крае, предшествовавшего Вашему. Союзники не могут исправить своей потери: врата Малой Азии растворились пред Вами, сорвались с верей своих; этих ворот уже нет. Вся Малая Азия может подняться по призыву Вашему против врагов человечества — Англичан и временных их союзников, вечных врагов их, ветреных Французов; влияние России на Востоке, потрясенное на минуту и то единственно в мнении Европейских народов, восстанавливается в новом величии, в новой грозе, грозе благотворной. Взятие Карса — победа в роде Кульмской[1] и [нрзб.] с влиянием на судьбу всей кампании, всей войны.

Поздравляю, поздравляю Вас! Может быть, Вы празднуете день Вашего Ангела в Эрзеруме. Это вполне вероятно.

Призывающий на Вас обильное благословение Божие Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий
1855 года 6-го декабря.

[1] *Кульм* (совр. Хлумец) — селение в Чехии, вблизи которого 17–18 (29–30) августа 1813 г. союзные войска, возглавляемые маршалом М. Б. Барклаем-де-Толли, разгромили корпус наполеоновской армии под командованием маршала Д. Вандама. Победа под Кульмом явилась поворотным моментом всей кампании 1813 г.

№ 8

Милостивейший Государь,

Николай Николаевич!

Только что я отправил Вашему Высокопревосходительству письмо от 6-го декабря, как получил Ваше письмо от 11 ноября.

Благодарю, сердечно благодарю Вас за то внимание, которое Вы обратили на меня, полагая сделать меня полезным Кавказскому краю для водворения в нем Христианства.

Мера прекрасная! и ей обязано отечество наше может быть не одним миллионом сынов своих, принявших Христианство.

Но выбираете ли Вы для этой цели орудие годное?

Скажу Вам со всею откровенностию. Вступая и потом вступив в монастырь, я приготовлял себя к самой уединенной жизни иноческой. По назначении меня в Сергиеву Пустыню это направление подверглось испытаниям; но я сам келейными моими занятиями не преставал возделывать его. С 1846-го года я провел несколько зим почти безвыходно из комнат, по причине сильнейшего ревматизма. И теперь вообще выхожу из своих комнат редко, а зимою и очень редко, по болезни и по явившемуся от болезни крайнему истощению сил. Видя необходимость для себя оставить Сергиеву Пустыню и по ее тяжелому климату и по потере мною способности к деятельности, я счел нужным предупредить письмом Митрополита[1] о моем положении и намерении переменить место, указав Оптину Пустыню. И настоятелю Оптиной Пустыни, находящейся в Калужской губернии, я писал, что желаю поместиться, как больничный, в Скит, находящийся при этой Пустыни. Настоятель изъявил свое согласие. Скит есть монастырек, самый уединенный и самый нравственный: в нем живут наиболее дворяне.

Вы совершенно справедливы, что Кавказские воды и климат Ставрополя могут мне помочь. Но можно ли признать вполне верным, что воды и воздух поправят мои силы и возвратят способность к деятельности, ныне потерянную. Зная мое настоящее положение, Святейший Синод, как я думаю, не сочтет возможным дать мне предлагаемое Вами место. Если ж Ваше желание исполнится, то будет чудом исполнение его.

Взятие Карса произвело в столице всеобщий восторг. Можно сказать, что все поняли важность последствий падения этого, как Вы называете, оплота Малой Азии. Западным державам не понравилось такое событие: как я слышал, лица Австрийского Посольства не были при отправлении торжественного

молебствия, между тем как их представители участвовали во всех торжествах по случаю успехов Англо-Французского союза. Бедные Турки! они преданы под меч Вам своими коварными помощниками, ищущими не того, чтоб спасти их, а того, чтоб они сделались жертвою их, не кого другого. Они падут под этим мечом, и армия союзников останется хозяйничать в Турции. С.-Петербургская газета тщательно перепечатывает из газеты «Кавказ» подвиги подчиненных Вам войск. В этом отношении она гораздо милостивее «Инвалида». Впрочем, на будущий год я выписываю самую газету «Кавказ».

Призываю на Вас и на труды Ваши обильное благословение Неба! Да вознаградятся они обильным плодом! Да не прольется драгоценная кровь героев к подножию подлой политики Европейской, требующей, чтобы эта кровь проливалась туне, чтоб жатва успехов принадлежала одной Англии.

С чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1855 года 9-го декабря.

[1] Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Никанор (в миру Николай Степанович Клементьевский; 1787–1856).

№ 9

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Последнее письмо Ваше от 20-го декабря очень утешило меня, то есть позабавило! Значит, и Вы не избегли критики нашего законоведца церковного, а Вашего брата Андрея Николаевича! Прежде, когда я еще не знал всей доброты его, такие выходки сердили меня; ныне, как я выразился, они утешают.

Мой взгляд на предмет таков: Гражданские законы теряют много своей привязчивости, когда они в руках человека благонамеренного и благоразумного; законы церковные гораздо спокойнее. Общий дух их — мир, польза, спасение Христианского общества, этому духу подчиняется буква постановлений. Церковная История представляет факты такого исполнения Церковных Законов Святыми Мужами, которые, совершая закон в духе, а не в букве, отнюдь не подвергались за это осуждению.

Коренной Церковный Закон повелевает избирать Епископа для города в самом городе собором Епископов и обществом Христиан города и области. Несмотря на ясный закон, благочестивые цари и правители нередко избирали лицо для Епископского сана, признаваемое ими способным и достойным; Собор Епископов никогда не останавливался посвящать избранного. Особливо много тому примеров у нас в России. Святый Димитрий Ростовский в речи, при вступлении в управление паствою, сказал, что он вступает на престол митрополии Ярославской и Ростовской по изволению Божию, по повелению Царя, по соизволению и благословению всего Священного Собора. Так как закон церковный в сущности стремится к тому, чтобы избиралось в Епископский сан лицо достойное и способное, то некоторые изменения в буквальности для достижения сущности никогда не отвергались.

Сличенное с фактами Церковной Истории и с духом Церковного Законодательства, Ваше действие — безукоризненно. Сверх того, оно и верно по отношению к современным условиям. Заключаю так из следующего: я слышал, и этот слух признаю довольно верным, что Государь, может быть, вследствие Вашего отзыва Статс-секретарю, говорил о мне митрополиту Никанору, удостоивая и собственного милостивого отзыва. Но митрополит противопоставил Государю недавно сделанное постановление Синода не возводить в сан Епископа лиц, не получивших образования в Духовных Академиях. Лица необразованные и без того не возводились в этот сан. Очевидно, что постановление сделано с целью заградить путь в этот сан образованному дворянству. Скажу более: постановление сделано графом Протасовым[1], и ныне — именно для меня.

Я не удивился отзыву митрополита Никанора и не мог обидеться им; по усвоившимся мне понятиям, я признаю себя вполне недостойным сана, для которого нужен Ангел или и человек, но равноангельский, а я — грешник. Также не могу не признать себя невеждой перед великой наукою Богословия, несмотря на тридцатилетние непрерывные занятия этим предметом. Бог бесконечен, и наука о Нем бесконечна; человек — ограничен и потому естественно не способен стяжать полное и совершенное познание Бога. Действием Никанора доказывается верность Ваших действий. Если б Вы взошли формальным представлением прямо в Синод, не введя в участие Государя, то можно наверно сказать, что от Вас отдела-

лись бы тою же отговоркой. Каков бы ни был исход Ваших забот о мне, я принимаю их с глубоким чувством признательности. Вам говорит о мне единственно Ваше сердце. Я слышу голос его, и этот заветный голос будет отдаваться в душе моей во всю жизнь мою.

Вот у нас толки о мире! Всякому православному христианину свойственно желать всевозможных благ, во-первых, православному отечеству, во-вторых, единоплеменным и всем православным народам, наконец, всему человечеству. При появлении слухов о мире патриоты сначала уныли; но действия Наполеона ободрили умы. Опозорив Англию и Австрию в глазах России, дав им сделать всевозможные подлости против России, проливавшей за них в течение полвека кровь свою, он внезапно покидает этих мнимых союзников, столько же естественных врагов Франции, как и России. Вследствие готовящихся открыться переговоров, а затем переворотов, не придется ли Вам предпринять путешествие в Индию?

Призывая на Вас обильное благословение Божие, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1856 года 26 января.

P. S. После письма Вашего я еще не видел Андрея Н-ча, потому что не был в городе. Надеюсь вскоре увидеть.

[1] *Протасов Николай Александрович* (1799–1855) — граф, генерал от кавалерии, член Государственного Совета, с 1836 г. — Обер-прокурор Святейшего Синода.

№ 10

Милостивейший Государь,

Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с великим праздником праздников — Воскресением Христовым. Вот у нас мир, доставленный обстоятельствами, которых подробное знание недоступно для частного человека. И Петр Великий заключил при Пруте мир! Факты объясняются фактами, сказал один глубокоуважаемый писатель. Будущее России — в руках Божественного Промысла.

Желая Вам всех истинных благ, и не отчаиваясь видеть Вас еще во время земной жизни, с чувством отличного уважения

имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий
1856 года апреля 4 дня.

№ 11

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Получив письмо Ваше из Ставрополя, я не хотел отвечать Вам из среды рассеянности Петербургской, а желал исполнить это из уединенной Оптиной Пустыни, куда сбирался съездить по требованиям и души, и тела. Находясь уже в этой Пустыне, получил и другое письмо Ваше от 4-го мая. В нижеследующих строках отвечаю на оба письма.

Прежде всего считаю нужным сказать Вам несколько слов о месте моего пребывания: это описание объяснит пред Вами причину основную и причину конечную или цель моего путешествия. Оптина Пустыня находится в Калужской губернии, в четырех верстах от города Козельска на возвышенном и песчаном берегу реки Жиздры с западной стороны, с прочих сторон она окружена высоким сосновым лесом. На восток от Пустыни, в саженях ста от нее, среди леса находится Скит, принадлежащий Пустыне. Оптина Пустыня есть один из многолюднейших Российских монастырей по количеству братии и, конечно, первый монастырь в России по нравственному качеству братии; особливо это достоинство принадлежит Скиту ее, в котором живет много дворян. Некоторые из них очень образованы, знакомы с новейшими и древнейшими языками, занимаются духовною литературою, преимущественно же переводами самых глубоких сочинений святых Отцов. Духовным назиданием братства занимается так именуемый Старец их, иеромонах Макарий, 68-ми лет, из дворян, с юности монах, обогащенный духовным чтением и духовными опытами; он живет в Скиту; ему обязана Оптина Пустыня своим нравственным благосостоянием. Много монахов из других монастырей, много монахинь, множество мирских людей, удрученных скорбями и нуждающихся в наставлении, стекается в Оптину Пустыню к Отцу Макарию за спасительным советом и словом утешения. Его непринужденность, простота, откровенность совсем противоположны той натянутой и жесткой святости, за которою ухаживают различные Графини и Княгини.

Скитская семья иноков подобна, в религиозном отношении, корням дерева, трудящимся в мраке неизвестности и добывающим, однако, для дерева необходимые жизненные соки. На заглавных листах трудов скитян нет имени автора; оно заменено скромною строкою: издание Оптиной Пустыни. В самом монастыре устав общежительный, то есть общая трапеза, общая одежда, общая библиотека, церковная служба ежедневная и продолжительная, общие и специальные труды. В Скиту служба церковная отправляется дважды в неделю, в субботу и воскресение; в прочие дни недели производится денно-нощное чтение псалтыри братиею поочередно; трудятся братия по келлиям, но труды их преимущественно умственные. Женскому полу воспрещен вход в Скит; да и из Скитской братии кто нуждается выдти из Скита, каждый раз должен просить на то благословения у Старца; монастырской братии предоставлен вход в Скит во всякое время дня для удовлетворения их духовных нужд. Трапеза в Скиту самая постная.

Из этого описания Вы можете видеть, как близок мне Скит! Тщательное чтение и изучение самых глубоких Писаний святых Отцов привело меня в монастырь, поддерживало, питало в нем. В Скиту я нахожу свой род занятий, свой род мыслей; в Скиту я вижу людей, живущих в точном смысле для человечества в духовном, высоком его назначении; вижу людей, с которыми могу делиться мыслями, ощущениями, пред которыми могу изливать мою душу. Начальник Оптиной Пустыни и главные иноки оной знакомы со мною около 30-ти лет; а с о. Макарием я нахожусь, смею сказать, в самых дружеских отношениях. Наконец — здешний климат благодетелен для моего здоровья. Все причины, вне и внутри меня, соединяются для того, чтоб заставить меня употребить все усилия к перемещению моему в Скит. Чтоб хотя конец моей жизни провести на правах человека и для человечества в духовном и обширном смысле этого слова. — Напротив того, все причины, внутри и вне меня, заставляют меня употребить все усилия, чтоб вырваться из Петербурга и Сергиевой Пустыни. Что требуется там от духовного лица? Парадерство, одно парадерство; не требуется от него ни разума, ни познаний, ни душевной силы, ни добродетели. Все это вменяется ему в порок: его внимание должно быть сосредоточено на одно парадерство, на одно человекоугодие, между тем как то и другое соделывается, по естественному, психологическому закону, чуждыми уму и сердцу, занятым рассматри-

ванием глубоким и просвещенным человека — существа духовного, облеченного в тело на короткое время, помещенного в вещественный мир на короткое время, долженствующего изучить вечность и ее законы во дни пребывания своего в теле. Парадерство и духовное созерцание не могут пребывать в одной душе; они в непримиримой вражде; одно другим непременно должно быть вытеснено. Каким было мое положение в Петербурге в течение 23-летнего пребывания моего там? Оно было положением движущейся статуи, не имевшей права ни на слово, ни на чувство, ни на закон. Если я слышал несколько приветливых слов, то эти слова были слабее тех, которые произносятся любимому пуделю или бульдогу и на которые по необходимости отвечается молчанием, сохраняющим достоинство статуи в молчащем. По непреложному закону праведного воздаяния в области нравственности, те, которые обращают человеков в статуй, сами обращаются в статуи, лишаясь развития ума и сердца и заковываясь в одну чувственность. Представьте себе: каково душевное положение человека, оставившего все для развития в себе усовершенствованного христианством человечества и лишаемого, в течение $^{1}/_{4}$ столетия, морального существования, всех прав и всякой надежды на него!

К тому же климат Петербургский разрушает остатки сил моих и здоровье.

Написал я Вам так подробно о себе, чтоб Вы видели мой образ суждения о человеках, так как всякий человек судит о ближних по самому себе.

Перехожу к брату Петру. Первоначальная служба его была без определенной цели, как служат у нас большая часть дворян. Когда он поступил к Вам в Адъютанты, тогда он ожил для обязанностей гражданина. Его бескорыстное сердце, способное любить с горячностию и верностию, привязалось к Вам на всю жизнь свою и на всю жизнь Вашу. Такое сердце чуждо лести и интриги; его открывает время, потому что оно с первого взгляду может показаться холодным, между тем как льстец и обманщик с первого взгляду могут показаться очень теплыми. Обстоятельства отторгли Петра от Вас, не отторгнув от Вас его сердца. Гражданская цель, открывшаяся было пред ним, опять скрылась; он служил, был в отставке, женился, потому что так пришлось, по образцу многих — большей части людей. В течение этого времени здоровье его расхлябалось совершенно, как Вы сами знаете. Нравственные причины побудили его вступить

в службу уже не столько для службы, сколько для сохранения самого себя от праздности и ее последствий. Его преданность Вам привлекла его на Кавказ; но хилость его показывает ему ясно, что земное поприще для него прекратилось: почему нисколько не будет странно, если его душа, с молоду напитанная благочестием, возжаждет уединения, особливо при перемещении моем в Скит или другое пустынное место, по указанию Божию. Я бы очень желал для него, если б он мог приготовиться в страну загробную под руководством опытного Макария, в обществе людей, отселе начавших свою небесную, бессмертную жизнь — духом.

В конце зимы, то есть в течение Великого Поста, носились в Петербурге слухи, что Вы получите другое назначение. В причину такого перемещения эти слухи приводили тяжесть Вашего характера для подчиненных, из коих многие удалились от их полезной службы. Но после Пасхи столичные слухи стали разглашать иное: что Вы тяжелы для взяточников и для всех расположенных к злоупотреблениям и по этому самому пребывание Ваше на Кавказе и полезно, и нужно. Впрочем, судьба каждого человека в деснице Божией! С моей стороны я желал бы, чтобы Вы остались на Кавказе. На это имеются все условия в Вас самих и в предшествовавшей Вашей жизни. В течение всей Вашей жизни Вы занимались изучением военных и гражданских наук, имели множество опытов своих, были очевидцем опытов других людей, ознакомились вполне с Кавказом. Промысл Божий (человек — только орудие!) поставил Вас правителем этой страны в такую годину, в которую само Высшее Правительство убедилось, что России невыносимо тяжки ее внутренние враги — взяточники, воры, слуги без чести и без совести, водимые глупейшим эгоизмом. Если не обуздать их благовременно, то они погубят отечество. Вы призваны к борьбе против них! Не отступайте и не уступайте. Ваш подвиг не блестящ, но существенно нужен и полезен. В Вас пускают стрелы и кинжалы. Вам наносят сердечные раны; эти невещественные оружия и язвы видны Богу и оценены Им: ибо не только, по словам одного видного святого, подвиг и смерть за Христа есть мученичество, но и подвиг, и страдания за правду причисляются к мученичеству. На настоящем Вашем поприще Вы можете совершить гораздо более добра, нежели на всяком другом, потому что Вы к нему предуготовлены. Не оставляйте его; если же интрига неблагонамеренных сведет Вас с него, то Вы сойдете

с него с мирною совестию, не нося в себе упрека, что Вы не устояли пред силою зла и предали ему общественное благо; Вас будет утешать приговор Спасителя, Который сказал: *Блаженны изгнанные правды ради! блаженны, когда ради ее, имя ваше будет осыпано злою молвою в обществе человеков. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда Ваша многа на небеси.* Подвизайтесь, но подвизайтесь единственно для Бога и добродетели, а не для истории и мнения о Вас человеков: и история, и мнение людское безжалостны к эгоистам, ищущим всеми ухищрениями земной славы; напротив того, они благоговеют пред служителем добродетели, благородно забывающем о них и имеющем в виду славу от Бога в вечности: они отдают ему справедливость рано или поздно.

В деятельности человечества на земли принимают участие не только духовные существа, временно облеченные телами, то есть человеки, но и такие существа, которые не облечены телами и потому называются духами, хотя в собственном смысле один Бог — Дух. Духи действуют на ум приносимыми ими помышлениями и на сердце приносимыми ими ощущениями. Как вся деятельность человека зависит от мыслей и ощущений, то духи, господствуя в этой духовной или мыслейной области, стоят во главе деятельности человеческой. Разделяясь подобно человекам на добрых и злых и будучи совершеннее, нежели человеки, в добре и зле, одни из них с усилием борются против зла, а другие против добра. Священное Писание называет их Началами и Властями; самое язычество признает и существование их, и участие в деятельности человеческой, называя их гениями и разделяя гениев на добрых и злых. Точно: начало всякого важного или маловажного дела со всеми его последствиями есть мысль, а мысль, принятая уже за истину, есть мнение, властвующее над человеком и над человеками. Все это сказано для объяснения, что Подвижник Правды должен взять меры предосторожности и вооружиться не только против злонамеренных человеков, но и против злонамеренных духов, хитро приносящих свои внушения лукавые и пагубные, замаскированные личиною праведности. Святые Отцы, в глубоких писаниях своих, изложили признаки, по которым познается помысл, приносимый злым духом. Этот помысл всегда темен, приводит сердце в смущение и печаль, а сокровенная цель его — воспрепятствовать добру; обличается же он Священным Писанием, или Словом Божиим.

Вглядитесь в Ваш помысл сомнения, о котором Вы пишете в письме Вашем от 4-го маия: не имеет ли он этих признаков? Святое и непреложное Слово Божие говорит о Подвижниках Правды, что они *верою победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов* и проч. (Евр. 11. 33). Вера в Бога, всегда сопровождаемая оставлением упования на себя, преодолевает все скорби и искушения, побеждает все препятствия. Помысл веры в Бога светел, проливает утешение, радость и силу в сердце, его приемлющее; приносится он Ангелом из мысленного рая. *Надеющиеся на Господа — яко гора Сион: не подвижутся во век!*

Вот, что внушилось сказать Вам, со всею откровенностию, как Вы желали. Не знаю, довольно ли справедливы слова мои, но сказанное мною сказано от искренней любви к Вам и от любви к дорогому отечеству, которое жалею — жалею!

Пред отъездом моим из Петербурга я познакомился с графом Сакеном; выехал я 17 маия. Накануне выезда моего из Петербурга заходило ко мне лицо, принадлежащее к высшему кругу; между прочим мне сказано было: «у нас нет мира: война! война!» Здесь отдыхаю от слышания земных событий, которые идут и пройдут своею чередою, назначенною им свыше. Полагаю выехать отсюда 20-го июня и быть в Сергиевой Пустыни к 1-му июля.

Призывая обильное благословение Божие, имею честь оставаться Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1856-го года 12-го июня
Оптина Пустынь.

№ 12

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Что сказать Вам на письмо Ваше от 2-го августа? Да будет воля Божия! Вера в Промысл Божий и покорность ему составляют силу души и носят ее по волнам житейского моря, сохраняя от нравственного потопления. В настоящих обстоятельствах для истинных сынов отечества, знающих Вас, остается утешением то, что Вы остаетесь на службе.

Надеюсь видеть Вас в Петербурге, почему и не распространяюсь в этом письме.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий
1856 года 29 августа.

№ 13

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Новым Годом, который да дарует милосердный Господь и Вам и всем нам провести благополучно! Да удержит Он еще на время Ангела, имеющего вострубить и голосом этой трубы возмутить вселенную.

Письмо Ваше от 22-го декабря имел честь получить 6-го января. Искреннейше благодарю Вас за воспоминание Ваше о мне! Вы вспомнили и то, что я страдаю грудью, находите нужным для меня южный климат. Все это правда. Но я не имею покровительства человеческого и не ищу его. Нахожу — не скажу отраду: это очень мало — нахожу наслаждение в самоотвержении. Сколько оно доставляет силы! Шествуя превыше земли, оно показывает человеку судьбу человечества с совершенно особенной точки, с точки Божественного Управления и Промысла. Самоотвержение — от веры.

После свидания с Вами я писал брату Петру, что Вы подтвердили мое мнение: оставаться ему на своем месте до дальнейшего указания обстоятельств. Здесь слышал я, что Ставропольский Военный Губернатор[1] просит отсрочки отпуску своему по сентябрь, следовательно, до этого срока Петр должен управлять Губерниею, а в такое значительное пространство времени, может быть, и откроется пояснее, что должно ему предпринимать и как действовать. Преданность Вам Петра для меня несказанно приятна. Новостей, кроме общеизвестных, никаких не знаю. Ходит даже в слоях простого народа слух об освобождении крестьян от власти помещиков, слух, вероятно, пустой или преждевременный. Если слух этот имеет свое основание, то он — проба трубы.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий
1857 года 9 января.

[1] *Ставропольский Военный Губернатор* — Волоцкой Алексей Александрович (1806–1875).

№ 14

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мою искреннейшую признательность за постоянное милостивое Ваше внимание ко мне, в котором я с любовию и духовным утешением вижу залог любви, глубоко насажденным в Вашем сердце. Этот залог я считаю верным: многочисленные опыты многообразной жизни, опыты, рассмотренные и сохраненные памятию в драгоценный запас, при постоянстве и глубине характера, дают сердечным залогам основательность и прочность. Долговременные опыты глупца ничего не значат. Кажется, они делают глупца еще более глупым: вполне сбивают его с толку.

Письмо Ваше из Скорнякова от 23-го января показало мне, что Вы еще не получили моего ответа на то письмо Ваше, которого Вы удостоили меня из прежней резиденции Вашей близ Орла. Сердечно благодарю Вас за участие, которое Вы принимаете во мне! Точно для моего здоровья нужен бы другой климат, а для духа и направления нужно бы место попроще, где бы можно было исключительно заняться развитием Христианина и человека; но Судьбе угодно было устроить иначе. Она даровала мне в удел нравственный подвиг и нравственные страдания. Силы тела моего пали на поле невидимой битвы; но я еще жив, и потому подвиг мой не кончен. Не хочу сойти с поприща, доколе чувствую себя живым или доколе рука Судьбы, поставившая меня на поприще, возьмет с него. Одушевляюсь Верой.

Брат Петр уведомлял и меня, что он пока доволен своим положением, но что с возвращением в Ставрополь Военного Губернатора он не может оставаться на своем месте. Не оставляйте его Вашими наставлениями. В его мыслях и сердце Вы незаменимы никем.

Желаю, чтобы отдых в кругу Вашего семейства, в благоприятном климате, подействовал благотворно на Ваше здоровье и укрепил Ваши силы, приготовил их для новой деятельности. Вы были свидетелем многих событий и деятелем в них; нельзя не предвидеть, что нас ожидают события более важные. Их обещают развивающиеся силы России и появление в ней новых начал.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Архимандрит Игнатий

1857-го года 13-е февраля.

№ 15

Христос Воскресе!

Милостивейший Государь,

Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Великим Праздником Праздников и Торжеством всех Торжеств. Благословение Божие да прольется обильно на Вас и на семейство Ваше.

Кроме новостей, Вам известных, сообщаю новость, которая будет близка Вашему сердцу: над Кавказом сбирается черная туча; имя туче — Василий Антонович Ижарский, недавно назначенный в Вице-директора канцелярии Кавказского Наместника. Этот Ижарский был в течение четырех лет управляющим имения князя Барятинского[1]; с исправностию доставляя доходы с имения Князю, чего прежние управляющие не выполняли, Ижарский набил себе карман туго с значительным истощением для крестьян. Последние два обстоятельства остались неизвестными Князю; в виду у него осталось одно — исправное доставление доходов, на нем основанное высокое понятие о способностях Ижарского и следствие и того и другого — доверенность к нему. Пользуясь этим, Г-н Ижарский выхлопотал себе место вышеупомянутое, с целию сделать Кавказ своею арендою, а Князя своим орудием. Жаль всех! Какой ныне ход всем злонамеренным и порочным людям! Тщетно История фактически научает, что источником бедствий для всех Государств была безнравственность Государственных людей, которые по причине этой безнравственности, по натуральному требованию ее, окружали себя чудовищами своекорыстия, а эти губили и народ, и своих покровителей. Надо знать, что Робеспьер и братия были уже людьми сформированными и готовыми при начале французской революции: они родились, созрели и усилились под сению современной монархии и аристократии. Воля Божия да будет!

С чувством совершеннейшего почтения имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий

1857-го года 15-го апреля.

[1] *Барятинский Александр Иванович* (1814–1879), князь, с 26 августа 1856 г. — Кавказский наместник.

№ 16

Милостивейший Государь,

Николай Николаевич!

В то время, как я ожидал прибытия Вашего в Петербург на пути в чужие края, получаю письмо Ваше от 1 июня! Оно тронуло меня до глубины сердца! Ваш совет для брата моего Петра очень верен. Пусть он остается в Ставрополе до приезда Военного Губернатора, с которым уже трудно будет ему поладить. Тогда он может взять отпуск и приехать в Петербург. Между тем настоящие его занятия могут доставить ему драгоценную опытность для будущего времени. На настоящее приятное полагаться невозможно: между словами и делами расстояние велико. Иное дело — когда слова не останутся одними словами.

Очень жаль Малороссию — эту житницу не только России, но и всей Европы. И здесь урожаи плохи. Начало весны сопровождалось необыкновенными холодами, а за холодами последовала засуха.

Приехав в Петербург, дайте знать о Вашем приезде. Для меня было бы особенною приятностию видеть Вас в Сергиевой Пустыни. Но если обстоятельства не позволят Вам пожаловать в Обитель, то я постараюсь непременно навестить Вас. Конечно, Вы остановитесь у Михаила Николаевича[1].

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное Божие благословение, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий

1857-го года 9-го июня.

[1] Михаил Николаевич Муравьев, брат Николая Николаевича; см.: Т. 3. С. 260.

№ 17

Милостивейший Государь,

Николай Николаевич!

Отправляясь в Ставрополь, признаю долгом моим отнестись к Вам сими строками. В назначении моем исполняется Ваша мысль; но не знаю, могу ли я принести какую-нибудь пользу. Во-первых, здоровье мое до крайности расстроено климатом Петербургским; во-вторых не знаю, что встречу — содействие или противодействие. Мысль о последнем не относится к Князю Барятинскому: она может относиться к какой-нибудь второ-

степенной власти. Петр еще в Ставрополе. На первый случай он может принести мне значительную помощь. Впрочем, неизвестно, позволят ли ему обстоятельства остаться надолго вместе со мною. Предоставляю Провидению устроять все. Меня радует отшествие мое из Петербурга, где я уничтожился окончательно. Теперь имею надежду хоть умереть спокойно.

Как поживаете Вы? Каково Ваше здоровье? Где намерены проводить следующее лето? Пред отъездом моим был у Михаила Николаевича и несколько раз у Андрея Николаевича. Выезжаю из Петербурга завтра, по железной дороге.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие и желая Вам всех истинных благ, с чувством совершеннейшего почтения и искренней преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
24 ноября 1857 года.

№ 18

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

В день Ангела Вашего вспоминаю о Вас и приношу Вам усерднейшее поздравление, соединенное с усерднейшим желанием всех благ и Вам, и Вашему семейству. Несколько лет тому назад в этот день я был у Вас и лично поздравлял Вас. Кажется, будто это было недавно. Недавнее от течения времени делается давным, и все настоящее непременно сделается прошедшим.

На Кавказ я приехал полумертвым: так отделал меня петербургский климат в течение 24-х лет. Прошлого лета я выдержал полный курс лечения на минеральных водах в Пятигорске, Ессентуках и Кисловодске.

Воды так сильно подействовали на меня, что я — едва жив. Впрочем, по особенной ко мне милости Божией епархиальные дела идут благополучно. Настоящим моим положением я очень доволен: паства оказывает мне любовь и внимание; климат здешний гораздо снисходительнее петербургского; уединение и спокойствие такое, какого трудно найти в других губернских городах, которых жители имеют обычай часто посещать Епископа; здесь этого обычая нет. К тому же имею надежду, судя по действию на меня вод, несколько поправить здоровье мое. Любимая

и постоянная мысль — удалиться наконец куда-либо в уединеннейшую Обитель, чтоб там встретить смерть сколько-нибудь приготовившись к ней, — меня не оставляет. Пристанище смерти ожидает каждого земного странника. Желательно, чтоб это пристанище точно было пристанищем.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
1858-го года 6 декабря

№ 19

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усердное поздравление со днем Ангела Вашего и желание Вам всех истинных благ. Не знаю, рекомендовал ли я Вам книгу Письма Георгия, Задонского Затворника. Эта книга отлично хороша для практического Христианина, и читать ее надо понемногу. Если я еще не познакомил Вас с этою книгою, то примите настоящий мой отзыв о ней, как подарок духовный, ко дню Вашего Ангела.

Поживаю здесь спокойно, чувствую пользу от минеральных вод, выгоняющих золотуху внаружу, но еще не чувствую выздоровления. И телесный и душевный недуг, когда состареет, лечится с трудом.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
1859-го года 18-го ноября.

№ 20

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Почтеннейшее письмо Ваше от 5-го января я имел честь получить 21-го. Приложенное в нем передал моему и Вашему брату Петру Александровичу, а что он предан Вам душою, как только может быть предан родной сын, это — верно.

На Вас ложится печать Божия избрания. Постарайтесь, чтоб она решительно заклеймила Вас, сделалась для Вас вечным достоянием, а Вас самих сделала неотъемлемым достоянием Бога во блаженство вечное. Бог печатлеет нас по Своему избранию, а от нашей воли зависит принять Его печать и запечатлеться ею или отвергнуть ее. Святый апостол Павел говорит: *Его же любит Господь, наказует: биет же всякого сына, его же приемлет* (Евр. 1. 6). Вот признак избрания Божия! вот печать Божия! Признак избрания и печать Божия суть скорби. Тогда печать эта приемлется, когда христианин за скорби свои благодарит Бога, по завещанию Апостола, паче же по завещанию Самого Бога: *О всем благодарите: сия бо есть воля Божия во Христе Иисусе в вас* (1 Сол. 5. 18). Здесь сказано во Христе Иисусе: ибо в Нем, в вочеловечившемся Сыне Своем, подчинив Его во все время Его земной жизни многоразличным страданиям, Бог явит волю Свою, чтоб уды Христовы — Христиане — подвергались многоразличным страданиям. Если ж такова воля Божия, то за явление ее, всеблагой и всемудрой, по математической необходимости должно благодарить Бога. Когда человек будет благодарить Бога за попущенные скорби, тогда в сердце благодарящего изливается утешение. От этого утешения является живая вера в Бога. От действия живой веры человек начнет предаваться воле Божией и водительству Бога. Тогда благодать Божия осеняет ум человека, и взорам его открывается величественная вечность, пред которою земные дела принимают свои правильные размеры, то есть оказываются вполне мелочными.

Изволите писать о влиянии лет на Ваши силы, и я не могу сказать иного о себе. Воды разворочали мою застарелую, непонятую своевременно золотуху: вследствие сего до десятка зубов вынуто из моих десен, из коих золотуха выворочала зубы, которые, впрочем, были здоровые. Волосы на затылке местами как бы выстрижены; затылок покрылся золотушными язвами. Одышка значительная; слабость весьма значительная. Справедливо, справедливо говорит Писание: *Человек, яко трава; дние его, яко цвет сельный, тако отцветет.*

Вы выразили желание провести со мною несколько времени в беседе. Исполняя это желание, прилагаю к Вам по сей же почте Рукопись — «Слово о смерти», составленное мною для моей собственной душевной пользы и для душевной пользы тех, которые истинно желают спастись. Слово это — плод моего келейного уединения: оно есть моя искреннейшая беседа. Его

поверяю одним ближайшим друзьям моим, Петр Ал-ч имеет с него копию. Если Ваши глаза слабы, то велите прочитать себе Слово человеку приготовленному к серьезному: такое чтение, как Сами увидите, нейдет всякому. По минованию надобности в Рукописи благоволите переслать ее мне.

Затем — призвав обильное благословение Божие на Вас и семейство Ваше и пожелав Вам всех истинных благ, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

24-е января 1860 года.

№ 21

Милостивейший Государь,

Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Праздником Праздников и усерднейшее желание всех истинных благ Вашему Высокопревосходительству. Книжку «Слово о Смерти» я получил: извините, что утрудил Вас чтением ее. Впрочем, в ней собрано все главное, чему научает относительно смерти Святая Восточная Церковь. Также пришлось знать истинных христиан, наиболее иноков, из которых один зрел душу свою, исшедшею из тела, другие видели и слышали духов наяву при утончении своих телесных чувств вольным или невольным подвигом, и от других прочих. Некоторый мирянин, мне искренно преданный с детства, почитаемый многими гордецом за свое нечеловекоугодие, сохранивший девство до супружества и целомудрие в супружестве, видел мытарства, шествие по ним душ, видел отверзшиеся небеса и там то самое, что видел Св. Андрей, как описано в «Слове о Смерти». Нельзя было выставить всего этого с очевидностию в Слове, но в нем сквозит, что оно написано не с одних теоретических понятий и познаний.

Ваше мнение о действии минеральных вод на меня вполне справедливо. Две зимы я провел в жестоких страданиях от действия вод, принятых в течение лета. Ныне это действие предрасположило меня к принятию летучей оспы, которою я заболел в среду преполовения Великого Поста. К действию болезни присоединилось действие вод: отчего я поправляюсь весьма медленно в силах, но чувствую вместе как бы перерождение. Для монаха нет ни отставки, ни своей воли: пихнут туда, куда и не дума-

ешь, а спрашивать согласия нет моды в духовном Ведомстве. Полагаюсь на Господа Бога. Из всех известных мне мест я предпочитаю среднюю Россию, ея песчаные возвышенности. Например: в Калужской Губернии воздух и зимой, и летом нежнее Кавказского. Случалось быть на ветру: здесь ветер режет и пронизывает, подобно Петербургскому, который еще гораздо грубее, а в Калужской Губернии самый сильный ветер только толкает. Мне очень желалось бы попасть в какой-либо уединенный, безбедный монастырь, и кончить там жизнь в самых серьезных занятиях, образчик которых Вы видите в «Слове о Смерти». Но редко человеку доведется прожить так, как бы хотелось и думалось, особливо монаху. А потому, несмотря на все мои соображения и предположения, которые кажутся мне правильными и основательными, предаюсь вполне на волю Божию.

Святая Церковь произносит от лица всех христиан и часто повторяет следующую превосходную успокоительную молитву: *Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим.*

Заключаю сие письмо пожеланием Вашему Высокопревосходительству всех истинных благ и призыванием на Вас и на семейство Ваше обильного Божия Благословения. С чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
14-е апреля 1860 года.

№ 22

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

В самый день Ангела Вашего поздравляю Вас с днем Вашего Ангела, вспомянув Ваше имя на Божественной Литургии во время Херувимской песни, когда Архиерей совершает поминовение о живых и усопших. Таким образом, при посредстве живого воспоминания о Вас, Вы сделались как бы присутствующим в том крае, в котором Вы много потрудились для блага отечества.

Петр Александрович здравствует и благоденствует. И я начинаю чувствовать значительное облегчение от внутренних болей, но ноги и вообще поверхность тела находится в самом страдательном положении. Для окончания жизни нужно... Скорняково!

Призывая на Вас и семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой.

Игнатий,
Епископ Кавказский и Черноморский
6-е декабря 1860-го года.

№ 23

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Давнишнее мое желание — окончить мое земное странствование в глубоком по возможности монастырском уединении — исполнилось. Вследствие моего всеподданнейшего письма Государю я уволен от управления Кавказскою Епархиею и мне предоставлен в управление монастырь Святителя Николая, на Волге, на весьма здоровой сухой местности, очень уединенный, в Костромской Губернии, на самой границе ея с Ярославской.

Полагаю ехать на Воронеж и Задонск, из Задонска проехать в Скорняково, чтобы навестить многоуважаемого мною Николая Николаевича, побеседовать с ним в последний раз в моей жизни.

Полагаю, что выеду из Ставрополя около 10-го сентября. Воды подействовали на меня благотворно, разрешив золотуху в значительной степени; но вместе с тем привели в крайнее истощание.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Епископ Игнатий
24-е августа 1861 года.

№ 24

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим днем Ангела Вашего и усерднейшее желание Вашему Высокопревосходительству всех истинных и совершенных благ. С особенным

утешением вспоминаю мое посещение Скорнякова. Мне представляется, что я совершил какой-то особенный подвиг. В самом деле! это было фланговое движение.

Сердечно радуюсь знакомству моему с Наталией Григорьевной, и с удовольствием воспоминаю субординацию, в которой Вы держите милейших дщерей Ваших. Спасительная субординация не помешала бы для всей современной молодежи. Святые Отцы утверждают, что только тот получит знание хорошо приказывать, кто предварительно приобрел знание повиноваться.

Дорогой я простудился, не доезжая ли Москвы или в Москве — не знаю. В Москве очень прихворнул; больным приехал в монастырь; здесь прихворнул еще сильнее. Теперь получше; но не выхожу из комнат. Положением своим я очень доволен. Монастырь очень уединен, стоит на сухом месте, весьма здоровом, при отличных источниках, близ самой Волги. Здесь можно сделаться чуждым миру: вести из него достигают очень редко, и потому невозможно следить за ними с внимательностию, невольно возбуждающею участие в сердце. Карамзин сказал: «Как в частной жизни человека, так и в жизни Государства бывают такие затруднительные эпохи, в которые теряется всякое человеческое соображение. Тогда надо предаться Воле и Промыслу Божиим». Бывают сильные средства человеческие; но молитва несравненно сильнее их, потому что она вводит в дело Всемогущего деятеля — Бога.

Призывая на Вас и семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Епископ Игнатий
16 ноября 1861 года

мой адрес: В Ярославль.

№ 25

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

По письму Вашего Высокопревосходительства от 26-го декабря полагаю, что Вы встречаете Праздник Святой Пасхи в Скорнякове, и потому адресую туда это письмо мое. Примите мое усерднейшее поздравление с Праздником Праздников и усерднейшее желание Вам и семейству Вашему всех истинных

благ. Философское расположение, в котором я видел Вас в скромном Скорнякове, столько располагающем к Философии, мне чрезвычайно понравилось. Наталия Григорьевна — эта умная дама — мне очень понравилась. Ваши дщери прекрасны: они воспитаны так, что могут служить основанием семейного счастия, т.е. должным образом выполнять святое назначение женщины.

Мое положение похоже на Ваше. Приют мой крайне уединен, а именно в этом и нуждаюсь, это и люблю. Зиму провел претрудную, никуда не выходя из комнаты, подвергаясь различным болезненным припадкам; кажется, тут много принадлежит действию вод Кавказских. До такой степени был слаб, что почти ничем не занимался. И теперь ничего не могу сказать определенного о моем здравии. И к чему оно! Старые листья должны уступать место новым на дереве, которое остается таким же, каким было, несмотря на перемену листьев. Почти все добрые знакомые мои петербургские отошли в вечность. Новые деятели и по годам, и по направлению наиболее чужды. Остается, стоя в стороне, желать, по обязанности человека и Христианина, искренно всего доброго и обществу, и частным людям.

Будьте здоровы и благополучны, добрейший Николай Николаевич! Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
31-е марта 1862 года.

P.S. И Петру, и мне даны прописанные Вами средства.

№ 26

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

В то время, как я получил почтеннейшее и добрейшее письмо Ваше от 21-го апреля, чувствовал себя особенно больным, и теперь чувствую себя решительным инвалидом, хотя и стараюсь, по совету Вашему, прохаживаться до усталости, исполнение чего сделалось возможным для меня с последних чисел мая, когда у нас началась довольно теплая погода. Весна была холодная. — Рассматривая себя и видя себя отжившим, говорю сам себе: на все — свое время! В свое время человек начинает поприще жизни, как бы пловец, выходящий в море из пристани, при благоприятном ветре, при многих льстящих ему в воображении

предприятиях и удачах. В свое время человек достигает средины этого поприща, и в разгаре деятельности своей усиливается покорить себе счастие, побороть восстающие против него препятствия, выполнить заданные себе цели для блага общественного и своего. Наконец наступает свое время, когда человек должен сойти с поприща общественной деятельности с мыслию, что ему или невозможно, или очень трудно возвратиться к деятельности общественной с сознанием, что силы души и тела истощились и не могут вынести той настойчивой работы, какую они выносили при полноте своей. При рассматривании протекшей своей деятельности и деятельности других какою представляется она недостаточною! Какая ничтожная часть из предположенных, самых благих намерений могла быть исполнена! Невольно должны повториться всяким человеком благомыслящим слова премудрого Соломона, произнесенные им на границе земного поприща о всех земных делах его: *Суета суетствий, всяческая суета:* все, что человеки в течение жизни мира ни старались созидать, разрушилось; все, созидаемое ныне, должно разрушиться. При такой судьбе дел человеческих на земле как не охладеть к ним тому сердцу, которое, стяжавши долгим временем и трудом опытность, уже не чувствует того разгорячения к земной деятельности, которою оно пылало при неопытности своей. Мне представляется, что я нашел Вас в таких отношениях к земной деятельности, когда был у Вас в Скорнякове: от того, думаю, это посещение произвело на меня сильное и приятное впечатление; воспоминание о свидании с Вами приходит мне часто и всегда с особенным удовольствием. Мне очень понравилось, что Вы говорили о Кавказе мало, с таким равнодушием и так поверхностно, что можно б было спросить, служивали ли Вы там когда-нибудь? В этом желалось бы мне подражать Вам и смотреть на свое прошедшее, как бы его никогда не бывало. К такому расположению очень способствует уединение того монастыря, в котором живу. Посещают меня очень немногие, и на самое короткое время. Заходил минут на десять Шуленников и правил поклон от Вас. Петр Ал-ч подал прошение в отставку, но, как видится, это прошение лежит под сукном в ожидании выздоровления князя Барятинского. И судьба этого человека служит доказательством определения, которым запечатлел премудрый Соломон все временные, земные положения человека. Несчастие пришло к Князю Барятинскому, когда он взошел на вершину счастия, и там, на этой вершине, поразило его.

Будьте здоровы, добрейший Николай Николаевич, и так прекрасно благодушны, как я видел в Скорнякове. Обильное благословение Божие да почиет над Вами и над семейством Вашим. С чувством отличного почтения и сердечной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
5-е июня 1862-го года.

№ 27

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Почти вместе с письмом Вашим от 21-го июня прибыл ко мне Петр Александрович и поместился гостем на неопределенное время в особенном отделе комнат внутри монастыря, о чем он уж и писал к Вам. Для гражданской службы у него нет ни цели, ни здоровья. Век идет быстро — сказать ли вперед? — хотя и не вперед, а все-таки идет. Те, у которых плохи ноги или туп рассудок и нуждаются в шествии своем останавливаться и осматриваться, чтобы не попасть в какую-либо яму, признаются ныне отсталыми. Остаток дней, особливо людям, вовсе потерявшим здоровье, как я, или утратившим его в значительной степени, как П. А., устаревшим и отсталым, очень прилично вдали от суеты серьезно подумать о переходе в вечность и позаботиться о благополучном совершении его.

Петр Александрович, приехавши сюда, застал меня очень изменившимся. В самом деле! чувствую себя необыкновенно больным и слабым. Несмотря на то, что принуждаю себя к моциону, могу делать его очень мало от недостатка сил. По этой же причине почти ничем не занимаюсь. Здесь есть свое хлебопашество; но и оно уже привлекает мало мое внимание: не до того. Очень Вы счастливы, если сельское хозяйство может занимать Вас и если у Вас достает сил для занятия им. Человеку определено в поте лица созидать хлеб свой: и это занятие есть самое благотворнейшее даже в нравственном отношении.

В уединенный Бабаевский монастырь немногие вести доходят, кроме газетных, а и доходящие доходят нескоро. Простой народ говорит, что враги из иноземцев поджигают или поджигали и были намерены поджигать. Теперь вести о пожарах прекратились. По замечанию моему, редко пользуется человечество

спокойствием прочным и продолжительным. Сколько могу понимать, на моей памяти самое спокойное время для России были последние десять лет царствования Императора Александра I-го, по окончании войн с Наполеоном I-м. Было спокойно после усмирения Польского Восстания, но с 1840-го года или и несколько раньше начали появляться новые теории; оне усиливались, усиливались, и неизвестно, каким результатом разрешатся. Общая обязанность всех Христиан, особливо удалившихся в уединение, молить Бога, чтоб Он ниспослал человекам — этому превосходному созданию Своему — духовный разум и истекающее из него временное и вечное благополучие.

Местность Бабаевского Монастыря похожа на Скорняково. Монастырь стоит на холмистом берегу Волги, в ста саженях от реки. Холм песчаный, не высок, но никогда не потопляется водою, которая не доходит до монастыря сажень на 5-ть при самом большом разливе. Ныне вода была велика.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на почтеннейшее семейство Ваше, с чувством искреннейшего, сердечного уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
9-го июня 1862-го года.

№ 28

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим днем Вашего Ангела и усерднейшее желание Вашему Высокопревосходительству всех истинных и совершенных благ. Я слышал, что Вы намерены провести зиму в Москве, но не останавливаюсь адресовать это письмо в Вашу деревню, полагая, что его перешлют в Москву, а московского адреса Вашего я не знаю.

Петр А. в настоящее время находится в С. Петербурге по некоторым делам своим и моим, как, правильнее, нашим общим. Обратно он поедет через Москву, вероятно, около 10-х чисел декабря, и если к тому времени Вы будете в Москве, то он сочтет своею обычною и непременною обязанностию быть у Вас. Мое здоровье — плохо. Отделение золотухи, произведенное водами Кавказа, продолжается и усиливается, от чего чувствую особенное изнеможение. Положением моим вполне доволен.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на семейство Ваше, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий
26-е ноября 1862-го года.

№ 29

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Вы знаете, какое живое участие я принимаю в Вас! И потому Вы не удивитесь письму моему. И прежде писал я Вам, а теперь подтверждаю, что вижу над Вами особенный Промысл Божий. Он провел Вас по тернистому пути различных скорбей, воспитав Вас ими, и сохранил, чтоб противопоставить Наполеону III-му, как Кутузов-Смоленский был сохранен и противопоставлен Наполеону I-му. К такому делу человек не приготовленный не годится! К такому делу баловень счастия не годится! К такому делу раб мнения человеческого не годится! Предстоит тяжкий труд, соединенный с самоотвержением. Для совершения подвига нужен человек способный, образованный теоретически и практически, человек, которому ничего не было бы нужно, кроме блага отечества. Справедливо сказано в жизнеописании Иосифа, сына Иаковлева, проданного братьями в рабство, что «Промысл Божий обыкновенно ввергает в горнило скорбей тех человеков, которых он предназначает для дел великих».

Ныне или после, но России необходимо сосчитаться с Европою. Усилия человеческие судеб Божиих уничтожить и изменить не могут. России предназначено огромное значение. Она будет преобладать над вселенной. Она достигнет этого, когда народонаселение ея будет соответствовать пространству. Это народонаселение ежегодно приращается больше, нежели на миллион; Россия должна вступить в грядущее столетие при народонаселении в 100 миллионов. Нападение завистливых врагов заставит ее развить силы и понять свое положение, которое уже будет постоянно возбуждать зависть и козни. Это потребует огромного труда, подвига, самоотвержения; но что делать, когда приводит к ним рука непостижимой Судьбы! Единственное средство к исправлению упавших сил, нравственной и духовной, — положение, требующее труда, приводящее к самоотвер-

жению. В 38-й и 39-й главах пророка Иезекииля описаны могущество, многочисленность северного народа, названного Россом; этот народ должен достичь огромного вещественного развития пред концом мира и заключить концом своим историю странствования на земли человеческого рода. На упомянутые главы Иезекииля делается ссылка в 20-й главе Апокалипсиса; многочисленность войска, которое будет в Государстве, уподоблена песку морскому. Святый Андрей Критский, церковный писатель 7-го века, объясняя 20-ю главу Апокалипсиса и находя пророчество ея тождественным с пророчеством Иезекииля, говорит: «Есть на севере народ, скрываемый от прочих народов рукою Божиею, народ, самый многочисленный и воинственный. Пред концом мира он внезапно откроется и преодолеет все народы». Точно! Европа узнала Россию после Америки, почти только со времен Петра I-го. Петр I-й пожаловал в Париж гостем в 1714-м году, а в 1814-м пожаловала туда русская армия. Какая быстрота событий! Нынче, на встречу грозящимся на нас врагам, можно сказать словами 2-го псалма: *Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным.* Враги разбудят, потрясут Россию, произведут в ней невольное развитие силы, но не унизят России: они возвысят ее, таково ее предопределение.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Епископ Игнатий

14-е маия 1863-го года.

№ 30

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усердное поздравление с наступающим днем Ангела Вашего и усерднейшее желание Вашему Высокопревосходительству всех истинных и совершенных благ.

Опять Вы в Скорнякове, и опять — вероятно — не надолго. Очень справедливо сказано святыми Отцами: «судьбы Божии — бездна многа». Невозможно предвидеть всех обстоятельств, многие из них являются неожиданно. Думала ли Франция в конце прошлого столетия, вырабатывая у себя республику, что она вырабатывает императорский трон для Наполеона I-го? Думал ли

Наполеон, что он победами своими приготовит себе ссылку на пустынной скале Океана?

В храме Божием очень часто повторялась молитва: *Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим.* Часто повторяется эта молитва, потому что она душеполезна: утешает, ободряет, укрепляет душу верою и преданностию Богу.

Петр Александрович, вероятно, писал к Вам, что он отправился в Херсон, чтоб окончательно развязаться с тамошним имением своим. А я пользуюсь уединением Бабаевской Обители, столько нужным для расстроенного моего здоровья. Когда же уму моему предстанут затруднительные вопросы, то стараюсь разрешать их вышеприведенною молитвою.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на семейство Ваше с чувством отличного уважения и совершенной преданности, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий

20-е ноября 1863-го года.

№ 31

Милостивейший Государь,

Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим днем Ангела Вашего и усерднейшее желание Вашему Высокопревосходительству и почтеннейшему семейству Вашему всех истинных и совершенных благ. Время течет быстро! Уже наступил четвертый год тому, как я насладился Вашим лицезрением, в кругу Вашего семейства, на тихом берегу Дона. Между тем величие России возросло значительно. Особенная судьба народа Русского! Ничего не сделать никаким Наполеонам там, где действует рука Божия.

О себе скажу Вам, что живу очень тихо; здоровьем и силами слабею и слабею.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на семейство Ваше, с чувством отличного уважения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий

20-е ноября 1864-го года.

№ 32

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с днем Ангела Вашего и усерднейшее желание Вашему Высокопревосходительству всех истинных и совершенных благ.

Живя в тиши и почти без всяких сношений с шумящим миром, не знаю, что происходит в нем. Но, судя по всему, так называемый прогресс идет вперед, разрушая все прежнее. По этой причине рад-рад, что сошел с поприща общественных обязанностей. На этом поприще нельзя оставаться человеку, составившему свои убеждения серьезною жизнию и неспособного сего дня иметь один род мыслей и одно направление, а завтра другой род мыслей и другое направление. Здоровье мое очень плохо; особливо истощание сил необыкновенное.

Извините за краткость письма моего: эта краткость естественное последствие скудости матерьялов.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувством совершеннейшего почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
18 ноября 1865-го года.

№ 33

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Письмо Ваше от 15-го декабря наполнено такими глубокими, такими добрыми чувствами, что не может быть оставлено без ответа. Ощущаю в душе моей особенное сочувствие к Вам. По причине этого сочувствия часто воспоминаю и размышляю о Вас. «Вот — человек, думаю себе, которого природа одарила способностями, который дал воспитание сам себе и мог воспитывать других, который, основываясь на всех данных, мог бы принести обширную пользу, — и который простоял в стороне». Дело существенного служения отечеству должно было устраниться, чтоб уступить место шалости, бессмыслию, необузданному распутству. Что значит это? Это — непостижимые судьбы Божии. Бьет беспощадно град широкое поле прекрасной, уже налившейся пшеницы, а земледелец из-под крыши смотрит

только на это зрелище истребления; причины он не понимает, — и помощи подать не может. Что тут делать? Более ничего, как покоряться непостижимой Судьбе: в покорности Судьбе человек находит душевное спокойствие, а подробное рассматривание, несмотря на наружную справедливость его, может отнять у души это драгоценное спокойствие, ввергает ее в пучину смущения. — Между тем все проходит своею чередою; все или погружается, или готовится к тому, чтобы погрузиться в неизмеримую вечность.

Покорнейше прошу принять благосклонно книгу «Аскетические опыты», которую представит Вам Петр Александрович. Эта книга писалась и пересматривалась в течение 20-ти лет, соответственно наблюдениям, деланным над собою и над другими. Она приводит к самовоззрению, к умиротворению себя и назиданию Верою и Евангельскою Истиною. Вместо личного посещения прихожу к Вам моею книгою, и, при посредстве ея, желаю постоянно быть с Вами.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий

21-го дек. 1865-го года.

P. S. Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим праздником и Новым Годом при усерднейшем желании Вашему Высокопревосходительству всех истинных и совершенных благ.

№ 34

Милостивейший Государь,

Николай Николаевич!

Пишу к Вашему Высокопревосходительству эти строки, чтоб поздравить Вас с наступающим Праздником Праздников и пожелать Вам всей крепости тела и духа от руки Божией. Хотя во всех случайностях человеческой жизни постоянно нужна нам Божия помощь, но, по временам, событие выходит из общего порядка по важности своей, и тот человек, который бывает употреблен Промыслом Божиим в служении при этих событиях, если оглянется на свою прошедшую жизнь, то увидит, что он был благовременно приготовлен к существенной деятельности. Баловни сча-

стия тут не годятся: нужен человек, выработанный искушениями, исцеленный ими от слепоты. Вы найдете эту мысль на 29-й странице 2-го тома «Аск. Опытов». Все суждения в повести «Иосиф» суть плоды наблюдений — никак не умствование произвольное.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на семейство Ваше, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий,
18-го марта 1866-го года.

Три письма Андрея Николаевича Муравьева к Н. Н. Муравьеву-Карскому

№ 1

Петербург, 25 февраля 1864 г.

Любезный брат, я был в Вильне и гостил там целую неделю у брата [Михаила], а потом пробыл сутки в Пскове у Валериана, который сделан сенатором, а из Ковно приезжал ко мне племянник Николай. Таким образом, все губернские города по железной дороге были наполнены Муравьями.

Время провел я очень приятно и интересно и сделаю краткое описание Вильны. Брата я нашел таким же, как был, но видно, что он утомлен и не спокоен духом от беспрестанных занятий и сидячей жизни, что действует на его нервы. Его развлекает только семейство; сестра[1] была больна, но поправилась. Вообще образ жизни тяжкий и однообразный, но край покоен.

Я очень рад, что наконец там побывал и все видел, но если брат удалится, все опять рухнет, ибо очень напряжено; а он хочет весною непременно удалиться, чтобы воды пить в деревне. Пусть бы хотя сохранил звание, то край был бы покоен, ибо его имя много там значит.

Ты напрасно боишься отнимать время у Митрополита[2]: ему необходимо развлечение и беседа с дельными людьми даже для здоровья, и часто это его одушевляет. Итак, посещай его чаще. Кланяйся сестрице и поблагодари за доброе мнение обо мне и моей книжке.

Ковер уже получен в Киеве, и Санников пишет мне, что он великолепен. Итак, кланяюсь земно и остаюсь душевно преданный брат.

А. М.

[1] Жена М. Н. Муравьева – Пелагия Васильевна, урожденная Шереметева (1802–1871).

[2] Митрополит Московский Филарет (Дроздов).

№ 2

Петербург, 19 марта 1864 г.

Любезный брат, весьма понимаю, как тебе теперь грустно и пусто в Москве без брата Александра, с которым ты был более всех близок. Но даю опять тот же совет посещать без церемонии Митрополита, который очень тебя любит и уважает и будет весьма доволен твоею беседою, ибо и ему такие люди нужны для развлечения.

Хотя ты и жалуешься на немощь и слабость здоровья, но не спеши в деревни до весны, пока не определились обстоятельства войны или мира, чтобы тебе лишний раз не пришлось прокатиться по дурным дорогам, ибо все еще в неизвестности, что будет в действительности. Бог нам помог, и очень мы поднялись в мнении Европы, лишь бы и внутри государства все бы устроилось к лучшему и все было спокойно.

У брата Михаила, несмотря на крики таких пустых людей, как Суворов, и которых можно назвать врагами отечества, в сию пору все идет благополучно, и край делается русским, а Вильно более похож на Россию, нежели Киев. Таков дух гения одного человека, которому дивлюсь не потому, что он брат, а потому, что творит великие дела.

Прости, обнимаю тебя и сестру и племянниц и остаюсь душевно преданный брат.

А. М.

№ 3

Киев, 2 сентября 1866 г.

Любезный брат!

Меня как громом поразила телеграмма о кончине брата Михаила, без всяких сведений о его какой-либо болезни. Писали мне только, что он просил увольнения от дальнейшего следствия и едет на освящение церкви в деревню, где, вероятно, и скончался 30 августа в ночь.

Здесь это так всех поразило, что стали говорить, будто он умер не своей смертью. Сейчас еду в Лавру, где Митрополит[1] служит торжественную по нем панихиду, при большом собрании властей. Вчера служили в Софийском соборе. Смерть сия

произвела впечатление весьма глубокое. Государство потеряло великого деятеля, незаменимого никем, а семейство его рушится без поддержки, ибо все им держалось. Жаль бедную сестру.

Как бы мне хотелось с тобой увидаться, но меня задержал здесь Комитет о обновлении Андреевской церкви до половины октября, а тогда будет уже поздно ехать по дурным дорогам без шоссе до Орла, где и прогоны вдвое станут, а хотелось бы после такого горя повидаться.

Прости, обнимаю тебя и сестру и племянницу, спешу в церковь, но не хотел пропустить почты.

Напиши ко мне, что знаешь о брате и о себе, что думаешь делать. Остаюсь душевно тебе преданный брат

А. Муравьев.

[1] Митрополит Киевский Арсений (в миру Феодор Москвин II; † 1876). Хиротонисан в митрополита 1 июля 1860 г.

Публикация писем и комментарии
О. И. Шафрановой

Александр Нахимов

Два письма

Имея Севастополь, мы будем иметь и флот, а без Севастополя нельзя иметь флота на Черном море.

П. С. Нахимов

«Вам надо пожаловать ко мне прочитать ответ Нахимова, назидательный своим смирением и благочестием», — писал святитель Игнатий Брянчанинов своей духовной дочери Софии Ивановне Снессоревой[1] 27 марта 1854 г.

Великий русский флотоводец Павел Степанович Нахимов (23 июля 1802 — 30 июня 1855) воспитывался в морском кадетском корпусе и, будучи одним из лучших воспитанников, уже в 16 лет был произведен в офицеры. В 1822 г. он был отправлен на фрегате «Крейсер», которым командовал М. П. Лазарев[2],

[1] О ней см.: Т. 3. С. 604–623.

[2] *Лазарев Михаил Петрович* (1788–1851) — выдающийся деятель русского флота и флотоводец, ученый, исследователь Антарктики, адмирал. В 1827 г. отличился в Наваринском сражении, в котором под его командованием участвовали П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомин. С 1832 г. он —

в кругосветное плавание и с тех пор побывал во всех морях. В продолжение 38-летней службы он участвовал в тридцати двух морских кампаниях, принимал участие в громадных битвах, решавших судьбы народов, в том числе в знаменитом Наваринском сражении. В 1845 г. он контр-адмирал, с 2 октября 1852 г. — вице-адмирал.

Всеобщую любовь и уважение Павел Степанович Нахимов приобрел после Синопского сражения.

22 сентября 1853 г. Турция объявила войну России. В поддержку Турции выступила Англия, боявшаяся усиления России на Ближнем Востоке. С первых же дней войны англо-турецкое командование готовило крупное наступление на Кавказском театре войны. В районе Батуми размещалась двадцатитысячная турецкая армия. Из Константинополя к выходу в Чёрное море направлялась турецкая эскадра, цель которой была высадить в Сухуми десант, отрезать русскую армию и уничтожить ее.

Русским командованием для наблюдения за действием вражеской эскадры был послан П. С. Нахимов. Как только он узнал, что эскадра находится в Синопской бухте, он принял решение напасть на нее. В его распоряжении, вместе с подошедшими кораблями во главе с контр-адмиралом Ф. М. Новосильским, находилось два фрегата и шесть линейных кораблей.

18 ноября в полдень русские корабли двумя колоннами бросились на Синопский рейд и, несмотря на огонь береговых батарей, выстроились в боевой порядок. Завязался ожесточенный бой. Через три часа все было кончено: уничтожено семь турецких фрегатов, три корвета, военный пароход и несколько транспортных судов с их экипажами и десантом — до четырех тысяч человек, уничтожены береговые батареи и укрепления Синопа, взяты в плен командующий турецкой эскадры и два командира судов. Наша потеря составила 37 человек убитыми и 229 ранеными, причем флагманский корабль понес самые большие потери.

Столь выдающейся победы, одержанной в такое короткое время, история никогда не знала. Имя Павла Степановича Нахимова сделалось известным каждому русскому человеку, оно стало народным. Слова благодарности, поддержки летели к нему со всех сторон.

начальник штаба Черноморского флота, с 1833-го — главный командир Черноморского флота и портов Черного моря. Создал на флоте особую школу подготовки и воспитания моряков — патриотов Родины.

Война, однако, продолжалась, и новая слава П. С. Нахимова была еще впереди, на бастионах Севастополя.

1 сентября 1854 г. на горизонте появился англо-французский флот, и уже на следующий день неприятель начал высаживаться на берегах Крыма. Русским командованием было принято решение затопить несколько кораблей, чтобы преградить неприятельским кораблям вход в бухту, а моряками пополнить гарнизон. В спешном порядке укреплялась линия обороны. 5 октября началась бомбардировка, на город посыпались десятки тысяч снарядов, но русская артиллерия заставила умолкнуть вражеские пушки. Однако потери были огромные: до тысячи матросов было убитых и раненых, погиб вице-адмирал В. А. Корнилов[1]. Но и враги понесли значительный урон, а главное, поняли, что расчет на быстрое овладение Севастополем провалился. Еще одиннадцать месяцев героические защитники отстаивали город.

После гибели Корнилова во главе обороны Севастополя стал Нахимов. Ежедневно дважды он объезжал оборонительную линию, по нескольку раз в день появлялся в самых опасных местах, лично руководил контратаками частей и добивался победы. Он успел настолько сроднить с собою войска, что, казалось, без Нахимова и самая защита Севастополя невозможна. Жертвуя собственной жизнью для блага Отечества, он заботился о сохранении жизни других и не раз был вынужден умерять беспримерную храбрость своих моряков.

В феврале 1855 г. П. С. Нахимов был назначен военным губернатором Севастополя и командиром Севастопольского порта; 27 марта произведен в адмиралы. 28 июня началась сильная канонада по третьему бастиону. Павел Степанович отправился туда, затем перешел на Малахов курган, где с подзорной трубой поднялся на вал. Просвистела пуля, и он упал, смертельно раненый. Не приходя в сознание, он скончался 30 июня.

***

О письме Нахимову архимандрита Сергиевой пустыни Игнатия Брянчанинова и об ответе на него было известно из рассказа С. И. Снессоревой:

[1] *Корнилов Владимир Алексеевич* (1806–1854) — выдающийся русский военно-морской деятель, ближайший соратник и ученик М. П. Лазарева. Один из главных организаторов Севастопольской обороны. В 1848 г. — контр-адмирал, с 1852 — вице-адмирал.

«У нас война с турками. Ночью просыпаюсь, мне стыдно спать спокойно, когда мои соотечественники, когда русские страдают и терпят все бедствия. Битва при Синопе отозвалась в сердце каждого русского. Я была у батюшки (владыки Игнатия). Между прочим просила его, нельзя ли послать Нахимову письмо и благословить образом святителя Митрофана? "Почему же Святителя Митрофана?" — спросил он. "А потому что на его деньги Петр I положил основание Черноморскому флоту, основав первый флот в Азове, как воронежская уроженка я не могла не знать подвиги нашего угодника". — "Если вы доставите мне исторические факты, то я очень рад исполнить ваше желание".

В Императорской библиотеке отыскала Голикова, переписала все касающееся до этого события и отправила батюшке. Добрый, милостивый отец владыко, он заказал образ святителя Митрофана и прислал мне прочитать письмо, написанное им к Нахимову. Так коротко и так ясно, тут все было: и сочувствие, и молитва, и благодарность. Через несколько времени Нахимов прислал ответ, полный смирения и благодарности: "Не приписывайте мне что-нибудь, а если хотите мне показать сочувствие, помолитесь за упокой души Лазарева, который все сделал для Черноморского флота". Владыко (тогда еще архимандрит) созвал братию, прочитал им письмо, и все вместе вознесли к Богу молитвы за Михаила.

Убит Нахимов. Я была у Сергия [в Сергиевой пустыни], там вместе с Россиею оплакивала благородного воина, и батюшка служил за упокой его души, и долго молились за него.

Прошло много лет. Сестра гостила у меня и попросила както прочитать молитвы вслух. "Каких это трех Павлов ты поминаешь за упокой?" — спросила она. — "Павел Э., Павел племянник, а третьего никого нет, это вам показалось". "Нет, хоть посмотри в записку, ты трех поминала, я заметила".

Взглянула — да, трех, я ошиблась, лишнего записала, надо вычеркнуть. Перо не попалось под руку, так я и забыла.

Вижу я сон. Крестный ход, хоругви развеваются, священнослужители поют, народ толпится — смотрю, всё знакомые лица, всё друзья, которые уже умерли. Вдруг отделяется от толпы человек, в морской шляпе, сутуловатый, немолодой, лице суровое, и прямо ко мне. Тут же при всех он начинает стыдить и бранить меня. "Да за что же, — говорю я сквозь слезы, — я не знаю Вас". — "Не знаю, то-то и есть, что забыла. Так зачем же было

обещать, чтобы забыть. Я не просил, но если обещать, так надо и слово держать, а не забывать". — "Но кто вы?" — "Павел". — "Нахимов!" — закричала я в испуге и проснулась.

Вскоре после этого я ехала в Царское Село с сыном. В вокзале мы увидели молодого моряка на костылях с подвязанной рукой и перевязанным лицом. Он уронил папироску и не мог поднять ее. Сын мой подал ее ему. Он сел с нами и всю дорогу рассказывал о Севастополе и Нахимове. Сам он служил на корабле "12 апостолов" и был при Синопе. Нахимова, по словам его, обожал весь флот, каждый матрос видел в нем отца и готов с ним в огонь и в воду. Нахимова не любило высшее начальство. А жизнь его была грустная жизнь. Но после битвы при Синопе он узнал сочувствие своего народа; со всех сторон России неслись к нему слова любви и благодарности соотечественников. Но ни одно письмо не было для него так приятно, как письмо от знаменитого архимандрита Сергиевской пустыни Брянчанинова — вероятно, вы слыхали о нем? Это письмо так глубоко тронуло его, что он тотчас созвал всех офицеров и прочел им письмо это с глубоким умилением. Образ святителя Митрофана был поставлен в залу на корабле "12 апостолов", в ту же минуту священник отслужил молебен Воронежскому Чудотворцу, который, как мы узнали из прекрасного письма архимандрита Игнатия, был основателем нашего флота, все мы, начиная от Нахимова, усердно поклонились Святителю и приложились к его образу. Нахимов сказал, этот образ сохранится здесь, пока будет существовать корабль. Бывало, идешь мимо, взглянешь на образ и помолишься, и так привыкли, что невольно сама рука поднималась, когда, бывало, идешь и сколько бы раз ни пришлось пройти мимо. Спасибо архимандриту Игнатию, утешил нашего адмирала»[1].

Сами письма, о которых говорит Снессорева, до недавнего времени оставались неизвестными. Но в 2003 г. военные моряки и патриоты России отмечали 150-летие Синопского сражения, и именно к этому времени письма были обнаружены (письмо Нахимова в черновике) в Российском Государственном архиве Военно-морского флота[2].

---

[1] РГБ ОР. Ф. 214. К. 460. № 5. ‖ [2] Ф. 1166. Оп. 1. Д. 4. Л. 171–173.

Письмо святителя Игнатия к Павлу Степановичу Нахимову

Милостивый Государь Павел Степанович!

Подвиг Ваш, которым Вы и сподвижники Ваши с высоким самоотвержением подвизаетесь за Россию, обратил к Вам сердца всех Русских. Взоры всех устремлены на Вас; все исполнены надежды, что сама Судьба избрала Вас для совершения дел великих, нужных для Отечества, спасительных для православного, страдающего Востока. Не сочтите ж странным, что пишет к Вам Русский, не имеющий чести быть лично знакомым с Вами. Примите дружелюбно мои строки; примите присылаемую при них на благословение Вам, от обители Преподобного Сергия, икону Святителя Митрофана Воронежского, новоявленного чудотворца.

Пред этою иконою братство здешней обители отслужило молебен Угоднику Божию и с нею присылает Вам свои усердные молитвы о том, чтобы Святитель Митрофан содействовал Вам к поражению врагов.

Вы спросите: почему от обители Преподобного Сергия — икона Святителя Митрофана?

Когда впервые сооружался Черноморский флот в Воронеже по повелению Петра Великого — сюда смею относить основание этого флота, — Святитель Митрофан содействовал гениальному Царю казною своею в сооружении судов. «Всякий сын отечества, — сказал Святитель, — должен посвящать остатки от издержек своих нужде Государственной: прими же, Государь, и от моих издержек сии оставшиеся деньги и употреби против неверных». При этом Епископ Воронежа поднес Царю шесть тысяч рублей серебряными копейками.

Теперь Святый Митрофан сделался богаче и могущественнее, как свыше облаченный благодатию чудодейства. Да снидет он на помощь к тому флоту, об основании которого он присоединил свои усилия к великим трудам Государя! да снидет он на брань против тех неверных, против которых он возбуждал Православного Царя, и против гордых помощников их. Снисшел некогда Ангел Господень в войско фараона, дерзнувшее пуститься по дну расступившегося моря вслед за Израильтянами, помрачил взоры Египтян, связал колесницы их невидимою силою, потопил врагов народа Божия водами, возвратившимися в свое ложе, так и ныне да снидет Святитель Митрофан

с ликом прочих Святых земли Русской, всегда отличавшихся любовию к отечеству, да снидет к флотам иноплеменников, да свяжет и оцепенит машины, на которые они уповают, да потемнит их умы, да расслабит ноги и руки их, а Вам да дарует победу, которую вселенная принуждена будет провозгласить чудом. Черное море, море, вскипевшее под ладьями наших предков, когда они, будучи идолопоклонниками, покусились воевать против православного Цареграда, теперь воздвигни столь же справедливо гневные волны, устреми их против колоссальных машин Европы, скопившихся на водах твоих для поддержания тяжкого ига, под которым стонет православие Цареграда, порабощенного последователями Магомета.

С нами Бог! разумейте, языцы, и покоряйтеся. Вы надеетесь на множество тленной мудрости Вашей и потому поучаетесь тщетным, начинаете начинание несбыточное. Царь наш и мы уповаем на Господа и силою веры нашей пребудем непоколебимы. Нам пошлется помощь от Святаго и заступление от Сиона. Живый на Небесех посмеется ухищрениям врагов наших, Господь поругается им. Он возглаголет к ним гневом и яростию Своею сметет их. Они падут, а мы восторжествуем. Господи! спаси Русского Царя и воинство его и услышь всю Россию, молитвенно вопиющую Тебе о них и призывающую Твою страшную и непобедимую силу на нечестивых врагов своих.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.

1854 года, февраля 1 дня

Сергиева пустынь, что близ Санкт-Петербурга.

Ответ П. С. Нахимова святителю Игнатию

Ваше Преосвященство!

Не нахожу слов для выражения глубокой признательности моей за внимание, оказанное Вами лично мне и товарищам моим по службе письмом Вашим от 1 февраля, и за молитвы Ваши о нас, и за благословение от Вашей обители иконою святителя Митрофана Воронежского Чудотворца.

Ходатайство Церкви пред Господом Богом об успехах оружия Православного Царя нашего подкрепляет дух наш и упование на всесильную святую помощь Господа в защиту Православия. Утешительные слова Ваши тем глубже проникли в души наши, что получены во время приготовления нашего к принятию

Святых таинств. И исполнив этот священный долг христианина, каждый из нас с новыми силами готов встретить врага драгоценного Отечества нашего. Присланная Вами с благословением Икона Святителя будет щитом нашим. Это изображение Святого лика будет всегда сопутником моим на море, молитвы пред ним — утешением моим в час скорби.

Но простите, что и после такого внимания к нам осмеливаюсь по общему желанию моих сослуживцев еще утруждать Вас покорнейшею просьбою — молить Господа Бога об упокоении души бывшего начальника и благодетеля Черноморского флота адмирала Михаила Петровича Лазарева. Его неусыпным трудам и попечениям обязаны мы настоящим воинственным состоянием наших кораблей и бодростию духа, способствовавших, при помощи Божией, выполнить повеление нашего Царя. Его действительно бескорыстное самоотвержение поныне руководит нас в служебной и [нрзб.] жизни. Да упокоит Господь душу незабвенного начальника и товарища. <...> [нрзб.].

Поручая себя святым молитвам Вашим... [нрзб.]

Нахимов.

[март 1854]

Ольга Шафранова

Степан Дмитриевич Нечаев

Давно не видимся друг с другом,
не беседуем лицом к лицу,
пишем друг другу не часто,
а сближаемся более и более.

Святитель Игнатий

Степана Дмитриевича Нечаева (1792–1860) по праву также можно включить в число замечательных личностей, находившихся в дружеских отношениях со святителем Игнатием. Он происходил из богатой дворянской семьи, в молодости увлекался поэтическим творчеством, опубликовал множество стихов на случай, мадригалов, романсов; был знаком с А. С. Пушкиным и другими литераторами; в 1820 г. был избран в действительные члены Общества любителей Русской словесности. Помимо стихотворства, серьезно занимался историей и археологией — в числе его статей наиболее известны «Описание вещей, найденных

на Куликовом поле» и «Некоторые замечания о месте Мамаева побоища». В 1812 г., не имея возможности из-за болезни участвовать в военных действиях, занимался организацией ополчений во Владимире и Арзамасе. Позже входил в круг декабристов, являлся членом «Союза благоденствия», но не сошелся с ними по политическим убеждениям. В 1827 г. был причислен к собственной Его Императорского Величества канцелярии, в 1828 г. — определен в Синод за обер-прокурорский стол и в 1833 г. — назначен Обер-прокурором Святейшего Синода.

В этом же году состоялось знакомство Степана Дмитриевича Нечаева с игуменом Игнатием Брянчаниновым, прибывшим в Петербург по Высочайшему повелению.

В «Жизнеописании святителя Игнатия» рассказывается, что, прибыв в Петербург, игумен Игнатий остановился у Митрополита Московского Филарета на Троицком подворье. В назначенный день и час он представился Государю Николаю Павловичу, который вызвал к себе Обер-прокурора Святейшего Синода С. Д. Нечаева и объявил ему о своем решении передать отцу Игнатию Сергиеву пустынь. Обер-прокурор довел до сведения Святейшего Синода Высочайшую волю, и 1 января 1834 г. игумен Игнатий был возведен в сан архимандрита. Вероятно, для беседы о предстоящем событии и приглашал С. Д. Нечаев к себе игумена Игнатия запиской от 22 декабря 1833 г., с которой начинается их переписка[1].

В период службы С. Д. Нечаева Обер-прокурором он и архимандрит Сергиевой пустыни, конечно, часто общались лично по служебным делам и могли хорошо узнать друг друга. Их переписка ограничивалась короткими записками по разным случаям. Исключение составляет лишь письмо архимандрита Игнатия от 30 мая 1835 г., в котором он сообщает свое мнение о «духовных началах» В. Ф. Яна. Василий Федорович Ян, в то время коллежский асессор, архивариус Комиссии духовных училищ. Вероятно, он говорил С. Д. Нечаеву о своем желании издавать «Житницу духовную, или плоды Креста» — собрание избранных статей из журнала «Христианское чтение», и Нечаев направил его к архимандриту Игнатию, так как Ян имел «особенную нужду в духовном внимании опытных людей».

При отъезде В. Ф. Яна обратно в Петербург архимандрит Игнатий переслал с ним написанное им «Житие святого

[1] Святитель Игнатий в письмах к С. Д. Нечаеву обращался «Стефан Дмитриевич».

Владимира». Об этом «Житии» он упоминал и в письмах другим своим корреспондентам. История создания этого «Жития» известна: С. Д. Нечаев, представляя Государю в марте 1835 г. экземпляр «Христианского чтения», довел до его сведения, что Святейший Синод предполагает издавать «в пользу простолюдинов, между коими грамотность год от году умножается, отдельные жития святых, заимствуя их из "Минеи-Четьи", так как для этих людей такие повествования и любимее, и понятнее, и полезнее всякого другого рода сочинений. Государь признал эту мысль полезною». Святейший Синод возложил составление житий на архимандрита Игнатия, и «Житие святого Владимира» явилось его первым опытом[1]. Однако, возможно из-за ухода С. Д. Нечаева с поста Обер-прокурора, издание это осталось неосуществленным.

В 1836 г. в феврале С. Д. Нечаев, взяв четырехмесячный отпуск, уехал в Крым к смертельно больной жене, но в живых ее не застал. В июне этого года он получил чин тайного советника и назначен сенатором. В Петербург он больше не вернулся. Из переписки видно, что его отпуск из-за болезни растянулся на четыре года. В 1839 г. он переместился в Москву и занялся делами благотворительности. До конца своих дней он оставался Президентом Московского комитета по разбору и призрению просящих милостыню, состоял членом Совета человеколюбивого общества, принимал активное участие в работе Московского попечительного совета заведений общественного призрения, являлся одним из членов-учредителей Московского совета детских приютов. Деятельность его находила признание: с 1856 г. он — действительный тайный советник, был награжден рядом орденов.

С этого же 1839 г. возобновилась переписка Степана Дмитриевича с архимандритом Игнатием, и, судя по содержанию писем, их отношения становились все более дружественными.

В письме от 29 апреля 1840 г. архимандрит Игнатий упоминает Мальцевых. Несомненно, что с этой семьей Святителя познакомил С. Д. Нечаев, который был женат на Софье Сергеевне Мальцевой. Архимандрит Игнатий близко сошелся с членами этой семьи. В 1847 г., когда по пути в Бабайки он провел некоторое время в Москве, он останавливался у Мальцевых. «В Москву прибыл я в среду вечером, — писал он своему намест-

[1] Хотя из переписки можно заключить, что это «Житие» было опубликовано, обнаружить его в числе изданных творений святителя Игнатия не удалось.

нику 21 июля, — остановился в доме Мальцева, где меня приняли радушно и успокоивают». Митрополит Московский Филарет навещал архимандрита Игнатия в доме Мальцевых.

К характеристике С. Д. Нечаева можно добавить, что он и детей своих воспитал в духе милосердия и добросердечия. Его сын, Юрий Степанович Нечаев-Мальцев, унаследовал по материнской линии Мальцевых, владельцев крупных промышленных центров металлургии, машиностроения, стекольного и текстильного производства, миллионное состояние. Как благотворитель он оставил след в Москве, построив в память об отце живописное, напоминающее сказочный терем трехэтажное здание (находится близ станции метро «Шаболовская») для богадельни, в которую принимались престарелые нетрудоспособные дворяне. Много помогал также богадельням, основанным его отцом. Огромный вклад в русскую культуру внес Юрий Степанович Нечаев-Мальцев своим активным участием в строительстве и укомплектовании экспонатами Музея изящных искусств в Москве (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина), потратив на это около двух с половиной миллионов.

Всего за десять лет (с 1839 по 1849 — дата последнего письма святителя Игнатия — 22 декабря 1849 г.) сохранилось писем и записок святителя Игнатия двадцать пять и С. Д. Нечаева — четырнадцать. Письма пространные и содержательные, так как в них обсуждались вопросы истории христианства и происхождения монашества в связи с изданием Московским комитетом призрения просящих милостыню книжиц в пользу малоимущих (см. особенно письма № 20–22).

В письме от 11 апреля 1841 г. архимандрит Игнатий написал: «Провожу время по обыкновению: занимаюсь монашескими книгами Святых Отцов, из коих Бог помог окончить перевод с латинского книги святого Исаии Отшельника». Об этом переводе он писал и другим. Из последующих писем видно, что издать этот труд ему в то время не удалось, и таким образом впервые он был опубликован лишь в 1870 г. в составе созданного святителем Игнатием «Отечника».

«Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Небесное», — начал архимандрит Игнатий свое письмо от 19 января 1846 г., узнав о тяжелой болезни Степана Дмитриевича. Возможно, что усиливавшаяся болезнь и отход С. Д. Нечаева от активной общественной деятельности явились причиной того, что переписка их постепенно прекратилась.

Переписка святителя Игнатия с Степаном Дмитриевичем Нечаевым*

№ 1

Мне нужно видеться с вашим преподобием. Не позволите ли мне прислать теперь за вами мою карету? — Если здоровье ваше не совсем еще поправилось, то я с удовольствием сам заеду к вам, часов в одиннадцать, перед заседанием Святейшего Синода.

Ваш усердный слуга

С. Нечаев.

22 декабря 1833 года

№ 2

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь
Стефан Дмитриевич!

Вчерашнего дня очень желалось мне быть у Вас, дабы проститься с Вами и с семейством Вашим; но лихорадка, довольно упрямая, не позволяет мне выходить из комнаты. Сделайте одолжение, известите меня, когда Вы намерены отправиться из Петербурга и когда могу к Вам явиться, не помешав сборам и не умножив суетливости, со сборами неразлучной.

Моего доброхота покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.

2 июня [1834 года]

№ 3

Ежели получу разрешение Государя в Понедельник, то, вероятно, мы отправимся во Вторник. Посещение Ваше, почтеннейший Отец Архимандрит, будет не помехой, а подспорьем в наших сборах, ибо при таком предприятии нужнее собираться духом, нежели чем другим. Сегодня Вы жалуетесь на свое нездоровье. Завтра много будет у Вас гостей. Так не пожалуете ли благословить нас на путь в Понедельник? Мы приготовим ско-

* Письма святителя Игнатия впервые были опубликованы (некоторые в сокращенном виде) в «Христианском чтении» 1895 г., выпуск № 3, затем перепечатывались в других изданиях, но в собрания творений святителя Игнатия не попадали. В основу настоящего издания положена их первая публикация в «Христианском чтении». Письма С. Д. Нечаева ранее не публиковались, недавно они были обнаружены в архиве — РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 6. Эти письма позволили уточнить даты некоторых писем святителя Игнатия.

ромную иноческую трапезу и Вас будем ожидать часу в четвертом. Добро пожаловать.

Вашего Высокопреподобия преданнейший слуга

С. Нечаев.
2 июня 1834 года

№ 4

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Ждали мы Вас в столицу, — дождались неприятной вести о Вашей болезни. Таков обычай верховного Царя царей: *Он, их же любит, наказует, биет же всякого сына, его же приемлет*[1].

Теснясь в пределах человеческого суждения, помышлял я, что Вы здесь очень нужны; *но ин суд Божий и ин человеческий*. Хотелось бы мне Вас видеть опять в Вашем доме, окруженного семейством, радостного, довольного, но Господь, утверждающий нашу к Нему любовь злоключениями, попустил рассыпаться Вам в разные стороны, как зернам пшеницы.

Вспомните, почтеннейший мой благодетель, что Законоположник наш претерпел крест и последователям и слугам Своим предвозвестил: *в мире скорбни будете*! — *Отчего же скорбни? Оттого, что мир вас возненавидит, и Самый Отец Мой всякую лозу, творящую плод, отребит ю, да множайший плод принесет*. Итак, благодушествуйте посреди волнения, предайте себя воле Божией, с радостию и благодарением переносите болезнь, ведая, что телесными болезнями исцеляется душа. Повторяйте почаще сию молитву: Господи, буди воля Твоя! Она кратка, но заключает в себе обширный смысл и весьма сильно действует к успокоению человека, находящегося в печали. Сие узнал я отчасти на собственном опыте. Но зачем ссылаюсь на ничтожный опыт, когда Сам Спаситель мира произносил сию священную молитву в вертограде и сею молитвою преграждал прошения, исторгаемые немощию человечества.

Не могу и я похвастать своим здоровьем. Пред отъездом Вашим захворал, по отъезде очень расхворался, был болен в продолжение всего лета, и теперь дохварываю.

Надеюсь на милость Божию, ожидаю того приятного часа, в который Вас увижу лицом к лицу. Господь да возвратит Вам доброе здоровье, дабы, обилуя и телесными силами, и всяким

довольством, преизобиловали во всякое дело благое о Христе Иисусе, Господе нашем, — и вообще для Церкви, и в частности, для истинных Ея членов.

С искренним почтением и преданностию честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
1834 год октября 17 дня

[1] Евр. 12. 6.

№ 5

Высокопреподобнейший отец Архимандрит
Милостивый Государь!

Душевно скорблю о продолжающихся страданиях Ваших, которые для души Вашей, конечно, не в потере, но меня лишают особенного утешения — с вами побеседовать в нынешней моей потере. Господу угодно было пресечь земную жизнь моей матери.

Ныне я мог бы устроить для Вас ночлег удобнее прежнего, но собственно для свидания со мной прошу не предпринимать путешествия, для состояния Вашего небезопасного.

О Вологодском монахе завтра же отправлю письмо к Преосвященному Стефану. Надеюсь, что отказа не последует без причин существенно законных.

С чувством совершенного уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия преданнейший слуга

С. Нечаев.
10 Генваря 1835 года
СПб.

Жена моя просит себе и детям Вашего благословения. Ей, благодаря Бога, лучше.

№ 6

Почтеннейший и многолюбезнейший Отец Архимандрит!

Примите с Христианскою любовию доброго моего приятеля Василия Федоровича Яна, имеющего особенную нужду в духовном внимании опытных людей. Ежели не будет для Вас обременительно, дайте ему на несколько дней приют в вашей обители и часть братской трапезы. Человек этот достоин особенного внимания и попечения.

Вам, я думаю, уже известно, что Митрополит Филарет давно уже в Петербурге.

С искренним желанием Вам всегдашней о Господе радости, а себе всегдашней о грехах моих скорби, прошу меня заочно благословить и принять от жены чувства почтительной дружбы и усердного уважения.

Вашего Высокопреподобия преданнейший слуга

С. Нечаев.
23 мая 1835 года
СПб.

№ 7

Прошу усерднейше Ваше Высокопреподобие пожаловать на освящение Церкви в новом Синодском здании. Оно совершено будет в день Сошествия Святого Духа, 27-го сего Маия; начнется в половине одиннадцатого часа.

Ваш преданнейший слуга

С. Нечаев.
25 Маия 1835 года

№ 8

Аще Господь восхощет и жив буду, постараюсь явиться к Вам 27 числа.

Архимандрит Игнатий.
26 мая

№ 9

Ваше Превосходительство!

В понедельник не смел уже я беспокоить Вас, предполагая, что Вы довольно утомились от понесенных трудов утром. Гостит у меня Василий Федорович Ян, — но мыслями мы весьма с ним не сходимся. По всему видно, что он занимается **внутреннею молитвою**. Оная молитва есть высочайший, труднейший и многоскорбнейший подвиг, требующий полного самоотвержения и правильных мыслей. В противном случае — отец лжи, приемлющий вид ангела светлого, приближается к сердцу с **притворным услаждением**, которое ощутив, человек, и почитая оное благодатию божественною, утверждается в своей прелести и начинает показывать ее плоды с некоторыми признаками как бы

сумасшествия. Для такового, говорит святой Иоанн Лествичник, крайне нужна Божия помощь: ибо человеками таковой неизлечим. И подлинно, согласится ли принять духовный совет от ближнего тот, кто думает (если и не говорит сего), что благодать его наставница? Натурально ли, чтоб сознался в невежестве, в прелести тот, кто думает, что он все видит ясно и здраво и в душе своей ощущает горнее утешение? Нахожу я положение г. Яна крайне опасным, ибо он жнет уже плоды своего подвига неправильного: видна в нем задумчивость и часто трет свои ребра с болезненным выражением на лице. Те части, к коим прикасается враг, когда человек привлекает его к себе, суть ребра; благодатное действие ощущается в горних частях персей. Чтение г. Яна составляют Фома Кемпийский, Арнт (за коих он стоит горою), а о писателях святых вовсе и понятия не имеет. Чтобы ему оказать помощь, непременно нужно его перевести от первых кладезей ко вторым. Я вижу, что мои хлопоты будут безуспешны; он очень противустоит, и мое состояние находит весьма опасным, что справедливо по моей грешной жизни, а не по мыслям, заимствованным от святых Отцов.

Ваше к нему расположение, может быть, подействует сильнее: ибо он опытами убежден, что Вы ищете его пользы. А мне лучше не входить с ним ни в какие суждения, в кои вошел я единственно по приверженности моей к Вам. Довольно, предовольно, если буду взирать на грехи свои, стремиться к покаянию и плачу и на сию спасительную ниву изгонять вверенное мне стадо жезлом примера и учения. Вот мое видение, вот мое наслаждение — наследство праотца моего Адама, поискавшего наслаждения в плаче после утраты сладостей райских. Если удел наш в сей жизни болезновать о себе и тем более утешаться, чем в большей мере сия болезнь, то едва ли останется время соболезновать. И не осталось бы, говорит святой Макарий, если бы милосердый Бог не выводил нас из внутренней клети нашей для пользы ближнего.

Простите, что худо писал: глаза очень слабы. Желаю Вам всех благ от руки Создателевой и всему Вашему семейству благословения.

С искреннейшею преданностию и почтением честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1835 года 30 маия

№ 10

Все, что Вы сделали для г. Яна, почтеннейший Отец Архимандрит, приемлю я как бы вы сделали это для меня. Зная давно примерную жизнь его, не могу не принимать в нем близкого участия. Отпустите его с миром. Может быть, Господь устроит иначе путь его, не желая никому погибели, а всем спасение. Если не будет обременительно, не откажите г. Яну в способах сюда возвратиться: я разумею здесь какой-нибудь экипаж, ибо нанять у вас нечего.

Преданнейший слуга С. Н.

30 мая

№ 11

С. Д. Нечаеву, пересылая с В. Ф. Яном «Житие св. Владимира»:

...Изготовляя оное, имел я в виду единственно изготовить по Вашей цели. Другие предлагали мне другое. Почему прошу Вас взглянуть на оное. За Вашим ответом явлюсь, Бог даст, лично сам, и если Вы утвердите порядок и образ составления, то не замедлю предоставлять точно так же и прочие в сем виде заготовленные жизнеописания.

Василию Федоровичу понравилось, кажется, монастырское жительство. Ваша искренняя любовь и христианское попечение могут убедить его, дабы он некоторые свои идеи, возвышающиеся на Разум Христов, преклонил пред оным Разумом необъемлемым. Что касается до внешних предметов, то беседу его нахожу весьма приятною: видно, что он проводил внимательнейшую жизнь и накопил много опытности. Но духовные начала у нас совершенно различные. Сия разница не могла произвести духа единения, единения уст, единения сердца, но не помешала мне весьма полюбить его, как кроткого и благоразумного человека. <...>

1 июня 1835 года

№ 12

Ваше Превосходительство!

Когда был я у Вас, то много мы беседовали о **Кресте Господнем**, который поистине есть иго благое и бремя легкое. Приехав в обитель, я получил подарок: 14-го числа, пред утренею, видел сон: как будто хочу подать нищим милостыню и для сего вынимаю

из своего кармана кошелек, из коего вдруг выскочил мне на ладонь ярко светящийся золотой крест. В тот же день я занемог, а 16-го слег в постель; приключилась горячка; седмь дней не принимал никакой пищи; теперь хотя и получше, но очень слаб. С того времени, как я в Петербурге, не проводил я дней моих с такою приятностию, как сии дни болезни. Точно Крест Господень есть иго благое и бремя легкое, а со Иисусом и на Голгофе рай.

Представил я житие великого князя Владимира. Было ли оно в Синоде? Одобрено ли? Можно ли по сему образцу представить и некоторые другие жития, уже приготовленные? — Потрудитесь сообщить мне наставление Ваше по сему предмету чрез о. Михаила.

Простите! Дай, Господи, Вам всего доброго.

Архимандрит Игнатий.
26 августа 1835 года

№ 13

С. Д. Нечаеву — в связи с его сборами в отпуск в Москву:

...Один приезжий мой родственник подарил мне две бутылки водки домашней, очень хорошей. Я вспомнил о своем путешественнике, которому в дороге, при сырой погоде, они очень могут пригодиться. Почему, к Вам присылая, усердно прошу во здравие кушать и вспоминать — того, кто их прислал.

Архимандрит Игнатий.
25 февраля 1836 года

№ 14

Высокопреподобный отец Архимандрит,

Милостивый Государь!

От служителя Олтаря Господу угодно было привести меня к служению тем, коих Сам соизволил назвать меньшою Своею братиею. Поздравьте меня, почтеннейший друг, с таким повышением и помолитесь по христианской любви своей, чтоб Отец милосердия и щедрот сподобил меня достойно совершать новое, труднейшее поприще. Оно так униженно, что нельзя проходить его, не пригнув долу своей надменности. Прямое училище смирения, коего сладость познали Вы на самом опыте. Не забыл я этого назидательного примера. Помню не только беседы Ваши, но и самый голос и черты ваши. Желал бы сердечно опять уви-

деть и послушать Вас; но надежды не имею на такое утешение. Доставьте мне по крайней мере другое — если это Вас не затруднит: пришлите мне хотя маленькое изображение любезного для меня облика Вашего. Оно будет безмолвно беседовать со мною о многом полезном для души моей, нелестно к вам приверженной. Во всяком случае, извините Бога ради такую просьбу, может быть, весьма нескромную, но весьма естественную для отсутствующих друзей.

Господь да пребудет всегда посреди нас!

Вашего Высокопреподобия преданнейший слуга

С. Нечаев.

Москва 20 сентября 1839 года

№ 15

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь!

Какое живое, вместе тихое, духовное утешение пролилось в мое сердце, когда принял я в руки поданный пакет с надписью Вашей руки, — тем более, когда начал я чтение слов, дышащих любовию. Точно, — любовь николиже отпадает.

Вот! Вы попечитель **нищих**, часто богатых верою и переходящих с гноища на лоно Авраамово. В лице сей меньшей братии Христовой Сам Христос приемлет Ваши попечения и Ваше служение, точно так, как принял бы Он и в лице служителей церковных. Наружность не так блестящая, сущность та же. О! сколько есть служений славных, приманивающих честолюбие, занимающих и воспламеняющих воображение: но конец венчает дело. Приходит **смерть**, призывает к жизни без призраков; на это приглашение, как бы оно горько ни было, никто не может сделать отказа. Идут цари, не свершив огромных предположенных планов, от исполнения которых могли бы благоденствовать миллионы народа; идут гении, покинув начатое для удивления потомства; идут законодатели, не достроив законодательных сводов; в одно мгновение отлагаются знаки отличия и громкие титулы, на приобретение коих употреблена вся жизнь. Богатые верою, напротив, становятся еще богаче: ибо смертию вступают в существенное обладание тем, чем до смерти обладали только верою. Вам, так, как и себе, почтеннейший Стефан Дмитриевич, желаю в Бога богатеть.

Вы желаете иметь **портрет** мой? Ваш портрет имею, получив оный из рук ваших; имею портрет души Вашей в памяти,

в сердце. Мое грешное лицо недостойно быть изображенным кистию художника. Вместо этой кисти пусть могильный червь точит глаза, осквернившиеся страстным зрением; пусть точит уста, отверзавшиеся для слов, коими прогневляется Бог; пусть точит все члены, бывшие орудием преступления. Если же, несмотря на мое недостоинство, каким-либо случаем изобразится портрет мой, то постараюсь исполнить желание Ваше, внушенное любовию.

Христос посреди нас есть и всегда будет.

Вашего Превосходительства Покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
20 октября 1839 года

№ 16

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь!

Вот! опять я пред Вами просителем; это для меня не трудно. Ваше постоянное во мне и обстоятельствах моих участие было постоянным и надежным пристанищем просьб моих. Сергиева Пустынь получила близ ограды своей до 200 десятин земли на основании той Высочайшей воли, которая, Вы помните, почему и как состоялась. Эту землю, состоявшую единственно из болот, монастырь осушил, расчистил, завел на оной хозяйственный хутор с запашкою и скотоводством. Доходы сего хутора, если все покроется и впредь таким благословением, каким покрывается ныне, можно полагать до тридцати тысяч в год. Продаем молока в месяц на тысячу, иногда на две. При таковом умножении монастырского дохода способом невинным, самый монастырь должен придти в цветущее положение. Итак, земля составляет существенное достояние монастыря. Планы на оную в настоящее время находятся в Московской Межевой канцелярии. Покорнейше Вас прошу не оставлять меня и обитель Вашим милостивым ходатайством — замолвить слово по приложенной при сем записке.

С чувством сердечной привязанности к незабвенному другу, с сердцем которого сердце мое часто сливалось в одно ощущение, есмь навсегда Вашего Превосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
1840 марта 15-го дня

Когда бываю уединен — часто живо мне представляетесь, всегда с приятнейшею улыбкою. Тогда сердце Ваше сердцу моему **весть подает**.

№ 17

Помните ли, высокопреподобный Отец Архимандрит, как мы с Вами занимались изданием отдельных Житий Святых угодников Российской Церкви. Не знаю, почему это издание, хорошо принятое публикой, впоследствии остановилось. Между тем один из моих нынешних сотрудников, с одним намерением поддерживать в обществе расположение к благотворительности, начал издавать статьи, почерпнутые из той же неисчерпаемой сокровищницы. Вашему Высокопреподобию не противно будет взглянуть на этот опыт. В такой надежде посылаю первую его книжку.

Пользуюсь сим же случаем, чтоб принести Вам, почтеннейший друг, искреннюю благодарность за назидательное ваше писание, исполненное того глубокого смирения, которое должно стяжать вам высокая в истинном смысле этого слова, и при котором ложная, земная высокая не возмогут положить преград в верном вашем шествии. Надеюсь, однако, что сердечная моя привязанность когда-нибудь победит его и я увижу хотя в легких очертаниях тот приятнейший для меня лик, который видеть лично не имею надежды.

Во всяком случае, простите мою докуку ради Того, кто был всегда утешительным предметом бесед наших, кто в одной любви положил печать своего ученичества, чей благодатный дух всегда да пребывает между нами.

Вашего Высокопреподобия усерднейший слуга и несомненный почитатель

С. Нечаев.
19 марта 1840 года
Москва

№ 18

Христос Воскресе!

Высокопреподобный Отец Архимандрит!

Милостивый Государь

Не могли Вы никак найти в Москве поверенного усерднее старого Вашего друга. В Межевой Канцелярии дали мне слово тотчас кончить дело вашей обители; — и теперь планы на землю

ее должны уже находиться в Петербургском Губернском Правлении. Заметьте между тем, что Вы писали ко мне в самое то время, когда и я писал к Вам. Видно, действительно сердца наши откликаются друг другу и в большой отдаленности. Благодарю за сие Господа, утешающего любовию такою, которая не основана ни на каких внешних отношениях. Радуюсь, что Он благословляет обитель Вашу изобилием. Оно обыкновенно бывает следствием порядка, который Вы преимущественно любите, приложив вначале попечение о водворении его внутренно, в самом себе. Да преизобилует же прекрасная Ваша пустыня дарами истинного благочестия: все же прочее неминуемо вслед за тем прилагаться будет.

Я напротив по грехам моим терплю от нынешнего неурожая не только оскуднение доходов, но должен еще потратить много денег на прокормление крестьян с их скотом и на засев их полей. Мало было этой заботы: все мои дети долго страдали опасным коклюшем; старшая дочь приходит даже в состояние безнадежное. Четыре года дали мне несколько отдохнуть. Теперь опять посылают на работу. Не говоря уже ни слова о хлопотах по призрению всей нищеты такого многолюдного города.

Помолитесь о нас, почтеннейший друг, Воскресшему Спасителю, и будьте незыблемо уверены, что никто столько не желал и не желает вам добра, как преданнейший Вам слуга:

С. Нечаев.
20 апреля 1840 года
Москва

P. S. Прошу покорнейше Ваше Высокопреподобие прочесть прилагаемую тетрадь и удостоить меня отзывом вашим о ее содержании. Материя вам хорошо известна, ибо вы не теоретически только проходили ее учение, но побывали в практической школе глубокого смирения и действительного отречения от мира.

Посылаю Вам еще вместо красного яичка нечто написанное о милостыне в [нрзб.] известным нашим благонамеренным писателем Стурдзою[1].

Я к вам послал прежде примеры христианского милосердия, надписав на конверте: в С.-Петербург; кажется, делаю теперь лучше, надписывая: в Стрельну.

[1] *Александр Скарлатович Стурдза* (ум. в 1854) — тайный советник; автор книги «О должностях священного сана» и других духовных книг.

№ 19

Воистину Воскресе Христос!

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь

Стефан Дмитриевич!

Пишу к Вам, тихо беседую с Вами, как бы с присутствующим, и получаю Ваше письмо, в котором Вы замечаете, что мы писали друг к другу в одно время. Усерднейше благодарю Вас за пособие, оказанное обители нашей. С приятностию читал я письмо Стурдзы и избранные повести о милосердии из житий Святых Отцов[1]. Это прочное средство к поддержанию и усовершенствованию в благочестивом и добром российском народе по природе сильной наклонности к вспоможению ближним. Вы спрашиваете, почему начатое при вас издание отдельных житий, принятое публикою столь благосклонно, ныне остановлено? Что Вам на это отвечать? Этому причиною страсти человеческие. Письмо о монашестве[2] очень дельное, оставляю у себя на неделю, чтобы иметь время сделать некоторые примечания и препроводить оные к вам. Не была ли у Вас в руках книжка писем Задонского **затворника Георгия**? Вот духовный писатель, ушедший далеко от всех духовных писателей нашего времени. Дворянин, воин, он сложил с себя оружие вещественное, чтобы вступить в поприще брани духовной, провел в неисходном затворе семнадцать лет и скончался в 36-м году, будучи 47 лет от роду, духовным успехом заменив лета многа. Писал он многим, к нему расположенным особам письма, которые по смерти его собраны, сколько можно было собрать, и напечатаны. С пера его текут струи благодатные, и недостаточество внешнего образования заменяется обильным достоинством духовным. Книжка сия сделалась одной из моих настольных. В Москве можно ее достать. Вы будете пить чашу утешения, которая вам теперь нужна. Святой Иоанн Богослов, когда увидел рай, наполненный святыми белоризцами, и спросил, кто эти белоризцы, то ему было сказано: это те, которые пришли, претерпев великие **скорби**; они вымыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца. Таков обычай Царя Небесного: *кого любит наказует, биет всякого сына, о котором благоволит* (Евр. 12. 6). Пишу Вам с натуры; если еще не знаете, то, конечно, узнаете от Мальцовых. Вы можете видеть мое сердце: оно и грешно, и не чисто, но любит бескорыстно. В том, что вы желали и желаете мне добра, удостоверял меня и теперь удостоверяет самый опыт. Желайте добра

не тленного, не временного, но истинного, которое доставит мне Сам Господь, подающий любящим Его чашу страданий в сей краткой земной жизни. — Навсегда Ваш

Покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
1840 года Апреля 29-го числа

[1] Брошюра была издана в пользу Комитета о просящих милостыню.
[2] Также составленное А. С. Стурдзою.

№ 20

Ваше Превосходительство,

Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Препровождаю при сем письмо о монашестве, которое прочитал я неоднократно с удовольствием и о котором имел честь в прошлом письме, по Вашей любви ко мне и моей к Вам, сказать мое не тяжеловесное решение: оно очень дельно. По тому же чувству, по желанию Вашему и моему обещанию не останавливаюсь и заметить, не для критики, но с желанием принести посильную услугу:

1. По мнению моему, **происхождение монашества** не довольно правильно изложено. Оно не есть плод гонений, хотя некоторые точно удалились в пустыни от гонения. Несколько частных случаев не дозволяют заключать о целом. Это объясняется в особенности тем, что пустыни начали наполняться монахами по окончании гонений, во время коих пустынножителей было весьма мало. Вот наружное доказательство; есть и внутреннее, сильнейшее: почти все иноки древние входили в искушения явные от бесов, после чего искушения от человеков не страшны. Таким ли бояться мучителей? Антоний Великий, когда услышал о начавшемся гонении в Александрии, пришел туда, объявил себя христианином, желал мучиться, но никто не посмел возложить рук на него: ибо и монашество есть долговременное мучение. От чего же явилось монашество? В первые три века Церковь Христова была гонима правительством. Принять христианство значило лишиться всех прав гражданства, всего имущества, самой жизни. Принятие христианства не могло быть ничем иным, как следствием сильного убеждения. Христиане жили, как приговоренные к смерти, не зная, в который час Жених придет, — приготовлялись к смерти, расточая тленное имущество нищим, пребывая непрестанно в молитвах и серд-

цем живя более на небе, нежели на земле. Весьма многие проводили жизнь девственную, подвижническую — все. Не было мысли о забавах, роскоши, стяжании, своеволии. Можно сказать, все были монахами: аскеты были совершенными монахами, не имея платья монашеского, как и клир не отличался одеждами во время гонений от общества. Когда гонения прекратились, то жизнь христиан посреде градов изменилась, ослабла. Веру христианскую принимали не всегда по одному убеждению, но весьма часто по обычаю; вступило в Церковь много гнилых удов, кои во время гонений тотчас бы обнаружились отпадением; общество христианское посреде градов изменилось. Жене — Церкви, коей первородный плод, лик мученический, восхищен к Богу на небо, даны были два крыла орла великого — бежать в пустыню: явился лик монашествующий.

2. Недостаточно объяснена разность между **мирянином и монахом**, столь явная из слов Спасителя к юноше: *аще хощеши спастися, заповеди сохрани: не убей, не прелюбодействуй, не укради и проч*. Вот деятельность мирянина, коей цель — **спасение**. На вопрос юноши, *что есмь не докончил*, Господь научает, что есть в христианском жительстве *совершенство;* кто хочет оного достигнуть, должен сперва оставить все земное и потом, обнаженный от всего, принять труд о достижении совершенства. Это изображает и евангельская притча, в коей Царствие Небесное уподобляется купцу, узнавшему, что на некотором селе скрыто сокровище, и продавшему все имение для покупки села того, заметьте, а не сокровища. Святой Макарий Египетский говорит, что тот, кто расточил имение, оставил все приятное земное, удалился в пустыню, — еще ничего не сделал, только обнажился для вступления в поприще, — неизвестно, достигнет ли цели.

Совершенство христианское состоит в чистоте сердечной, коей является Бог, обнаруживающий Свое пребывание в сердце многоразличными дарами Духа Святого. Достигнувший сего совершенства есть светильник, не телесным служением, но служением Духа исполняющий заповедь любви к ближнему, руководящий **спасающихся**, восставляющий их от падений, целящий их душевные раны. **Монашеский лик** доставил Церкви Христовой пастырей, которые не препретельными словесами человеческой мудрости, но словесами Духа, споспешествуя учению чудесами, пасли и утверждали Церковь. Вот почему Церковь по окончании мучения представлена бежавшей в пустыню. Туда бежало совершенство церковное, источник света церковного,

главная сила Церкви воинствующей. Кто были Златоуст, Василий Великий, Епифаний, Алексий и Филипп митрополиты — словом, все святые пастыри? Но и не в чине архиерейском, а в простом монашеском есть много светильников от Антония Великого, Иоанна Дамаскина до Сергия Радонежского и Георгия Затворника. Веру утверждали, ереси обличали и попрали. Без монахов пропало бы христианство в мирянах. Вот сколь необходимо в Церкви Христовой **совершенство**, без коего и **спасение** с самою верою легко может утратиться, и непременно утратится, ибо нужны чувства, обученные долгим временем, в различение добра от зла (Евр. 5. 14). Сего совершенства достигали в первенствующей Церкви аскеты и мученики, после — монахи. Безбрачие, нестяжание, пост, труд, бдение, деятельная любовь — это орудия, средства к достижению совершенства, но не самое **совершенство**. Кажется, в письме об этом сказано темно, отчего различие и необходимость монашества выставлены не в полной силе. Хорошо бы сочинителю прочитать беседы Макария египетского и слово усилить понятиями духовными. Скажут: какой гордый отзыв о монашестве, обличающий гордость сердца. Отвечаем: в темной комнате значительная нечистота не приметна; в освещенной яркими лучами солнца тонкий прах весьма заметен и беспокоит хозяина. Дух Святый есть учитель смирения; вселившись в сердце, вздыхает воздыханиями неизглаголанными и показывает человеку ничтожность праведности его, как говорит Исаия: вся наша правда, яко порт жены блудницы. Настоящая дьявольская гордость — отвергать Дар Божий существующий, как бы не существующий.

Навсегда Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.
Мая 5-го дня 1840 год

№ 21

Апостол говорит: и все хотящие благочестно жить гонимы будут. Заметьте, почтеннейший Отец Архимандрит, что здесь упоминаются только хотящие жить благочестиво. Чего же должны ожидать те, которые действительно начали так проводить жизнь свою, так говорить и действовать?

Вот Вашему Высокопреподобию краткий ответец на одно из любезных писаний Ваших. Относительно другого скажу также кратко, что все замечания Ваши о монашестве оценены достой-

ным образом. Справедливость их очевидна. Не к гонениям надобно относить истинное его начало. Мы видим образцы его даже до пришествия Спасителя в святых Пророках. По свидетельству Иосифа Флавия, было еще в Иудее собратство, похожее на монашество, именно собратство Иессеев. И весьма замечательно, что Новый Завет, обличающий учение Фарисеев и Саддукеев, ни слова не говорит о современном им учении Иессеев. Не они ли настоящим образом чаяли Спасителя, не они ли первые окружили его, когда явился Он между человеками? Не они ли первые сделались Его последователями? И название их видится от отца Давидова. Тут есть что-то таинственное, достойное важного размышления.

В заключение усердно благодарю Вас, почтеннейший друг, за то, что указали мне на письма Затворника Георгия. Я слышал об них, но до сих пор не любопытствовал прочитать их. Теперь познакомясь с его писаниями, сердечно сознаюсь, что они весьма того достойны, чтоб сделаться настольною книгой у всякого доброго христианина. Утешительно видеть, как [нрзб.] знаком был автору высокий предмет, о котором пишет. Что значат перед его неискусною простотою все краснобайные проповеди и послания суетной и надмевающей теории?

Прошу покорно и Вас бросить взгляд на прилагаемые книжицы, которые посылаю единственно в оправдание, что так долго не отвечал Вам. Хлопот много, а силы и способности уже не прежние. К чужим заботам присоединились еще свои тяжкие от совершенного неурожая у крестьян, от болезней у детей. Но теперь милосердие Божие, видимо, поправляет и то и другое. Сердцу моему посвободнее — и оно спешит излить пред вами постоянные чувства уважения и привязанности, с коими так приятно именоваться мне не по обычаю, а по самой истине Вашего Высокопреподобия преданнейшим слугою

С. Нечаев.

30 июня 1840 года
Москва

№ 22

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь!

Опять пред глазами моими почерк Вашей руки, который всегда возвещал мне приятнейшие ощущения, долженствующие наполнить душу. Теперь довольно поглядеть или лучше взглянуть

на этот почерк, чтоб отворить дверь в сердце для множества сладостных впечатлений. Благодарю Вас за присланные книжки, — сказатели полезных трудов Ваших: в Первых Опытах Комитета, достигши чтением § 9, я торжествовал духовно, видя, что пища для плоти соединена с пищею для души: особливо — назидательное **чтение при работах** есть новость в России в наше время, воскрешение древнего обычая благоустроеннейших монастырей; при отгнании праздности от тела отгоняется сия мать пороков и от ума — это превосходно! — Благодарю Вас за милостивое слово, замолвленное о планах земли, принадлежащей Сергиевой пустыни, которые теперь уже в руках наших.

Наконец! Горé имеем сердца, исполненные благодарения! Слава милосердому Богу, исцеляющему болезнь детей Ваших и утешающему домочадцев ваших надеждою урожая. Повторим песнь отроков в пещи вавилонской: *согрешихом, беззаконновахом... И вся, елика сотворил еси нам, и вся, елика навел еси на ны, истинным судом сотворил еси... душою сокрушенною, и духом смиренным да приятны будем* (Дан. 3. 29, 31, 39). **Вот истинное духовное чувство**! Праведники, подвергшись искушению, не видят своей праведности, зрение ума их устремлено к совершенствам Божиим, озаренные сим светом, они видят нечистоту правды своей, — и сердце исполняется чувствований глубокого смирения, ум начинает произносить исповедание и хвалы правосудия Божественного. Вот фимиам, благоприятный небу; вот кадило, которого дым разливается в горнем жертвеннике Царя царей.

Об **ессеянах** сведения Иосифа Флавия и о **ферапевтах** Филона — неудовлетворительны; оба сии писатели, будучи иудеи, не передали нам ничего о том, с каким чувством они встретили веру христианскую. То видно, что секта ессеев в Палестине и ферапевтов в окрестностях Александрии сохранили строго обычаи иудейства и не принимали христианства. Вот что говорит о первых преподобный Нил Синайский, монашеский писатель IV века: любомудрствовать покушались многие еллины, и из иудеев немало... От иудеев избравшие сие жительство суть сыны Иоанадава... всегда обитают в кущах, воздерживаются от вина и от всего влекущего к сластолюбию, пищу имеют простую, удовлетворяют потребностям тела с умеренностию, очень прилежат образованию нравов и пребывают наиболее в созерцании. Отсюда и называются **ессеи**: ибо сим названием обозначается род их жительства. Но какая польза им от подвигов и от пребывания в трудах, когда они убили Подвигоположника Христа. Погиба-

ет мзда трудов их: ибо они отверглись Раздаятеля мзды и Источника истинной жизни. Итак, они погрешили в цели любомудрия: любомудрие есть благоустроение нравов, соединенное с истинным познанием о Боге, в чем погрешили и иудеи и еллины, отринувшие Премудрость, пришедшую с небес, и покусившиеся любомудрствовать вне Христа. Таково мнение преподобного Нила, ученика Иоанна Златоустого; таково мнение и других древних учителей церковных о ессеянах. Их подвиг был более наружный, лучшие наблюдатели древностей церковных находят, что они вдались более прочих иудеев в мелочную утонченность обрядов, отчего, оцеждая комаров, забыли позаботиться о верблюдах. По этой причине секта их по духу близка была к фарисейской. Не осужден ли Евангелием их пост, их милостыня, их молитва, чуждые смирения, вместе с фарисейскими? — Полезно для христианских монахов оглядываться на ессеев и в них видеть, что **телесный подвиг**, без любви и сердца сокрушенного, есть кимвал, звяцающий тщеславием, и медь, звенящая от пустоты своей.

Обращаюсь к началу дражайшего письма Вашего, дышащего добротою. 1-го февраля 1840 года, когда я был потребован для выслушания приговора[1], который в чем состоял и за что — мне было неизвестно, я чувствовал особенное спокойствие духа: в напутствие услышался в церкви апостол, тому дню принадлежавший по церковному кругу сего года (1-го послания Петрова, главы IV начинался с 12 стиха и оканчивался первыми стихами следующей главы). *Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас страннаго... Время начаться суду с дома Божия... Итак, страждущие по воле Божией Ему, как верному Создателю, да предают души свои, делая добро.* Может ли быть что утешительнее и назидательнее? Особливо слова: время начаться суду с дома Божия, — погружают ум мой в глубокое размышление. Они сообщают нам возвышенную духовную мысль, что делание и подвиг христианина, как бы сами по себе, по суду человеческому, ни были достаточны, по суду Божию далеки от совершенства и требуют очищения и дополнения от искушений. Тогда почитается здание храма Божия оконченным, когда засверкает на вершине его **Крест** Христов.

Доброго здоровья Вам и милым детям Вашим. Господь да сохранит Вас, да укрепит Вас для пользы человечества и для пользы гражданской.

С истинным высокопочитанием и сердечною преданностию, имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь
Июля 16-го дня 1840 года

[1] См.: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 149–151.

№ 23

Ваше Превосходительство!

И прекрасный перевод жития Иоанна Милостивого читаю с наслаждением, и гляжу любовно на знакомую руку, которою надписан конверт, ищу коротенькой записочки, хочу знать, здоров ли, благополучен ли кормитель нищих в столице христолюбивой, — ищу напрасно, напрасно любопытствую с такой заботливостью. Впредь кладите в такие конверты маленький листочек с сим двусловием: **я здоров**. Полезно употребляемое Вами время оставляет Вам мало времени, а я не нуждаюсь в длинных письмах от Вас: имею продолжительное письмо в сердце; оно начинается с начала нашего знакомства, конец его... О, я хочу, чтоб оно было без конца, чтоб продолжение его перешло за пределы гроба и сделалось вечным во Христе. Какое наслаждение — **любовь**. Пишу к вам, и на языке моем чувствую какую-то особенную сладость. — Это сладость древа райского.

Присылаемые Вами книжки мне говорят: внеси и ты маленькую лепту в ту сокровищницу, в которую богатые вносят тысячи сребреников. Не буду голосу этому ослушен.

От души Ваш

Архимандрит Игнатий.

12-го ноября 1840 года

№ 24

Признательным сердцем лобызаю любезные строки, коими Вы, почтеннейший Отец Архимандрит, утешили постоянную мою к вам привязанность. Такое общение не основано на земных скоропреходящих видах. Мудрено ли, что и я ощущаю в нем как бы успокоительный елей, возливаемый любовию на раны сердца моего, нанесенные грехом и следствием греха — многи-

ми скорбьми. Беседа Ваша издавна имела на меня такое утешительное, целительное действие. Вот почему я так часто возбуждаю Вас к ней не тем, так другим. Нищий в дарах духовных более, чем новые друзья мои скудны в дарах тленных, не перестаю я толкать в двери, откуда наверное ожидать могу милостыни для меня нужной, отзыва дружбы, молитвы, совета, спасительного напоминания. В прошлый раз, по возвращении из деревни, встретил я здесь много дела, не успевал написать к вам, а желал, однако, дать весточку хоть о том, что еще живу на этом свете и вас неизменно помню. Радуюсь, что наши маленькие издания вами одобряются. Вот вам и еще новая тетрадка, как некоторое доказательство, что мы, раздавая питание внешнего человека, желали бы сообщить бедствующим собратиям нашим нечто на подкрепление человека внутреннего, который часто алчет, наготует и иззябает пуще первого.

Недавно неожиданный случай познакомил меня с иеромонахом Арсением Троепольским, который живал в Вашей обители и сохраняет искреннюю к вам приверженность и уважение. Я приглашаю его иногда служить в домовой церкви Работного дома, где теперь призирается до тысячи нищих всяких лет и всякого звания. Сообщите мне, пожалуйста, ваше мнение об этом добром человеке, — называю его добрым, ибо таким с вида мне показался; узнать же его короче не имел еще способа.

Вот вам несколько слов о моем здоровье. Оно не самое цветущее, но и не самое убогое. Господь ведет и всегда вел меня путем посредственности. Крайности для людей таких слабых не годятся. Благодарение Ему за милосердое промышление о недостойном орудии многих благих его видов.

Дети мои подрастают; один только меньшой сын остается еще в младенческом возрасте. Но и старшие пока младенчествуют еще незлобием сердца, нося в характере своем много сходного с покойной матерью, которой могилу могут всегда видеть из своей колыбели, не видя ее самой.

Простите, почтенный друг! Желаю Вам совершение в обновлении духа, а себе старых ваших чувствований и в течение нового года.

Преданнейший слуга

С. Нечаев.

2 Генваря 1841 года
Москва

P. S. Благодарю за обещанное пособие нашей нищете. Дороговизна продолжается от нового неурожая, а средства наши оскудевают от последствий прежнего.

№ 25

Христос Воскресе!

Дражайший и почтеннейший Стефан Дмитриевич!

Много виноват я пред Вами, не отвечая столь долго на письмо Ваше, исполненное дружбы и искренности. Оно не сходило со стола моего, часто перечитывал его, каждый раз с новым утешением. Справедливо говорит святой Исаак Сирский: нет в мире предмета драгоценнее **любви ближнего**, которой входим в любовь Божию. Или обременил я себя излишними письменными занятиями, или подействовали на слабое мое телосложение искушения, или хроническая моя болезнь — солитер, или все вместе привело меня в средине зимы в такое болезненное положение, что я оставил пищу, почувствовал сильнейшую боль в груди, в продолжение Великого поста так был слаб, что едва подписывал имя мое на налое; с Страстной недели поправляюсь, и, кажется, избавился от солитера, по особенному расположению одной почтенной дамы — княгини Юсуповой[1], доставившей мне доктора, занимающегося единственно или преимущественно лечением этой болезни средством растительным и потому совершенно безвредным. Провожу время по обыкновению: занимаюсь монашескими книгами Святых Отцов, из коих Бог помог окончить перевод с латинского книги **святого Исаии Отшельника**. Из первого издания оной двести экземпляров назначаю для монашествующих Сергиевой пустыни, а тысячу в распоряжение питателя московских нищих. Книга не имеет наружного порядка в изложении, который требуется от писателя, ученнаго в школах мира сего, но имеет глубокие мысли, имеет систему для сердца и ума, которую можно ожидать от воспитанника пустыни безмолвной. Надеюсь, что Вы прочтете оную с душевной пользой и удовольствием, ибо Вам знаком вкус глубоких чувств, рождаемых смиренным рассматриванием внутреннего человека. — Таким образом я буду частником Ваших занятий и Вы моих! Эта мысль меня утешает.

Вы познакомились с о. Арсением Троепольским! Точно, он добрый человек: я находил понятие его о монашестве более ученым, чем опытным, более удовлетворительным для ума, чем для сердца; не знаю, в каком он положении теперь. Дай Бог всем

спастись от змиев — страстей наших, коим помогают другие змеи — демоны. Если б вы взглянули в настоящее время на **братство Сергиевой пустыни**, то очень бы утешились: ибо Ваша рука была при учреждении сего духовного сада и многие лозы пересажены с Вашею помощию. Все почти прежние жители монастыря выбыли; теперь первые лица — это те послушники, которые вступили в обитель вместе или вслед за мною. Они уже иеромонахи, и главный из них, наместник Аполлос[2], кажется, не ложно может быть назван образцовым иноком нашего времени.

Не знаю, не сберусь ли в конце лета побывать в Москве. И очень нужно бы для здоровья, — кажется, нужно бы и для души. Какое радостное свидание меня там ожидает и туда приманивает! До сих пор встречаю препятствие в мысли, представляющей, что опасно оставить монастырь при настоящих обстоятельствах духовенства невского, можно отсутствием своим повергнуть братство Сергиевское расхищению. Не приедете ли Вы в северную столицу? Не призывает ли Вас в оную наступающая нужда поместить старшего сына Вашего в Пажеский корпус или гвардейскую школу? — Ему должно быть около четырнадцати лет? Очень порадовался я, услышав, что Государь опять обратил внимание свое на заслуги Ваши. Земная почесть сама по себе ничтожна, но для человека, посвятившего жизнь свою на службу Царю и Отечеству, отрадна Царская милость.

Остается мне изобразить постоянное и усердное, и молитвенное желание моего сердца всех благ Вам и всему Вашему семейству. Да благословит Бог питать и растить в душе Вашей чувство любви христианской к грешному Игнатию!

Ваш усерднейший и преданнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь
Апреля 11-го дня 1841 года

[1] О Татьяне Васильевне Юсуповой см.: Т. 3. С. 466–467.
[2] Об отце Аполлосе см.: Т. 2. С. 248–250.

№ 26

Высокопреподобный Отец Архимандрит,
Милостивый Государь!

Весьма утешительно было для меня известиться от Вас, что здоровье Ваше получило радикальное поправление. Новая болезнь, которая Вас угнетала и которая так обыкновенна при

финских берегах, имеет сильное влияние на расположение душевное. Вы могли преодолевать его одним врачевством духовным. С радостию и благодарностию увижу плод такого врачевания, коим дружба Ваша ко мне и любовь к ближнему вознамерились наделить нас. Дело одних наделять пищею тленною, дело других — снабжевать хлебом Небесным. Все хорошо во имя Господа Иисуса, показавшего нам пример и в том, и в другом; но несомненно, что последнее выше, и блажен тот, кто к такому подвигу призван и звание свое проходит достойным образом. Радуюсь, что под наблюдением Вашим и еще уготовляются подобные сподвижники. Как это ни толкуй, а монахам не предоставлено запираться в своей келье. Светильник зажигается с тем, чтоб светил во всей храмине. Да и при пострижении монашеском не говорится ли: тако да просветится свет ваш пред человеки, да видят ваши добрые дела и прославят Отца Вашего, Иже есть на небесах. Монашеская жизнь может только способствовать к достижению совершенства христианского; но не освобождает от общих христианских обязанностей — служить человечеству, чем только можно и удобно. Упражнение в делах милосердия особенно могло бы быть полезно для людей простых, которые часто хладеют к молитвам и другим духовным подвигам, не будучи к этому достаточно приготовлены. Впрочем, кажется, не за свое я взялся, разглагольствуя о предмете, который знаю только со стороны. Будучи сам погребен во внешности, я и приставлен к внешнему служению собратий наших. В прилагаемой книжке вы увидите, как усердно помогают мне сотрудники мои — наиболее из благочестивого русского купечества. Намедни в их собрании давали русские же певцы концерт в пользу учрежденных ими столов, а русский поэт написал по этому случаю кантату, которую также Вам сообщаю.

Новое внимание к этим трудам со стороны Августейшего моего благодетеля тем более было для меня приятно, что избранный для награждения моего орден посвящен памяти великого равноапостольного Мужа, который принес отечеству нашему пользу неописанную, и посвящен Царицею, которой сердце преисполнено было любовью к человечеству. Самые цвета его ленты очень знаменательны. Это цвета крови и смерти. Не значит ли такое украшение, что для ближнего не надо щадить первой и не устрашаться последней?

Как мне будет жаль, если вы соберетесь сюда в конце лета. По домашним делам моим я должен отъехать в Рязанскую

деревню[1] в половине июля и не могу возвратиться ранее 29 сентября. Впрочем, здесь и там, врозь или вместе, я всегда с одинаковой привязанностью и уважением пребуду преданным вам Нечаевым.

11 июня 1841 года
Москва

[1] У С. Д. Нечаева в Данковском уезде Рязанской губернии было имение — Сторожевая Слобода, или Сторожово.

№ 27

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь!

Почтеннейшее письмо Ваше от 11-го июня получил я к особенному моему удовольствию, которое так мне обычно при получении Ваших писем. Отчет Комитета за 1840 год показывает чрезвычайный успех сего благодетельного учреждения, управляемого мудрой Вашей распорядительностию. В конце мая месяца скончалась в Петербурге благодетельная особа, княгиня Татиана Васильевна Юсупова, которая делала много пособий, часто большими очень суммами; за несколько времени до кончины своей она познакомилась со мною коротко, усилила благотворительность свою и намеревалась решительно оной предаться, как по неисповедимым судьбам Божиим внезапно потребована в вечность. В числе неисполнившихся ея намерений находится и издание книги **святого Исаии Отшельника**, которую она хотела напечатать на свое иждивение, и напечатанные экземпляры, за исключением небольшого количества, нужного для раздачи безденежной почитаемым и благочестивым людям, предоставить в ваше распоряжение. По разрушении сего плана смертию кн. Юсуповой может ли труд мой быть полезным для братий, нуждающихся в хлебе вещественном? Я сам не имею, на что напечатать с единственною целию пожертвования; равно не имею в виду лица, которое бы издержки напечатания взяло на себя. Но если Вы, почтеннейший Стефан Дмитриевич, найдете выгодным напечатать на иждивение Комитета, то с любовию жертвую трудом моим. Книга, кроме предисловия, оглавления и прочего, сама по себе имеет 332 страницы, кои, сравнив с страницами вашего отчета, нахожу соотношение между ими, как четыре к трем, то есть книга Исаии может иметь таковых печатных страниц 250. Для обращика книги, которая прямо монашеская, но и для всякого внимательного христианина крайне полезна,

прилагаю при сем некоторые отрывки. Прошу известить меня о Вашем распоряжении, по коему могу выслать к Вам рукопись, которую остается доправить и дополнить алфавитом. Вся моя корысть вещественная будет ограничиваться покорнейшею просьбою о доставке мне ста экземпляров для безденежной раздачи за цену, чего будет стоить Комитету; вторая же просьба — чтоб имя мое нигде не было обнаружено. Мой казначей отправился в Киев, он часто видал Вас, и я ему поручил быть у Вас и доставить мне подробное сведение о Вас. Как Вас домашние обстоятельства требуют в Рязань, так меня, наоборот, сергиевские обстоятельства не пустят в Москву. Столь шумного лета у нас не бывало. Петергофская дорога усеяна экипажами. — Будьте здоровы!

Навсегда Ваш

Архимандрит Игнатий.
24-го июня 1841 года

Святой Исаия из Слова VIII. — Если ты дал что взаймы ближнему и оного не просишь обратно, то подражаешь свойству Иисуса; если же просишь, то подражаешь свойству Адама; если требуешь лихвы, то это ниже и Адамова свойства. Если кто укорит тебя за что, тобою сделанное или не сделанное, а ты промолчишь, то уподобляешься Иисусу; если будешь отвечать, возражая: что я сделал? — то ты уже не подобен Ему; если же воздашь равным за равное — то совершенно не подобен. Если приносишь жертву твою со смирением, как недостойный, то оная будет благоприятна Богу. Если же вознесешься сердцем твоим и вспомнишь о других спящих или нерадящих, то суетен труд твой. Смирение не имеет даже языка сказать о ком, что он нерадив или презорлив; — не имеет глаз для зрения чужих погрешностей; — не имеет ушей для слышания того, что не может принести пользы душе; наконец, оно не имеет никаких забот, кроме забот о грехах своих. Оному свойственно со всеми сохранять мир, не по причине дружбы, но ради заповеди Божией.

Слово XVII. — Попирающий совесть изгоняет добродетели из сердца своего. Боящийся Бога прилежен, не боящийся Его предается нерадивости. Хранящий уста свои и молчащий благоразумно возвышает помышления к Богу. От многословия происходит леность и ярость. Подчиняющий ближнему волю свою обнаруживает тщаливость души к снисканию добродетелей; напротив,

пристрастный к воле своей обнаруживает свое невежество. Страх Божий и тайное поучение хранят душу от страстей. Мирские разговоры повергают сердце в мрак и отвращают оное от добродетелей. — Возмущается ум и сердце любовию к земным вещам, презрением оных приносится безмолвие и спокойствие... Ржа снедает железо; подобным образом честолюбием точится сердце человеческое. Плющ, обвившись около виноградной лозы, портит плод ея; подобным образом тщеславие ниспровергает труды человека. Смирение предводительствует добродетелями, а чревообъядение страстями. Конец добродетелей — любовь, а страстей — почитание себя самого праведным.

Заключение XVII Слова. — Братия! Будем стараться, доколе находимся в теле, наполнить сосуды наши елеем, по причине коего светильник бы наш засиял, когда будем входить в царствие. Светлый и блистающий светильник есть душа святая. Ибо душа, блистающая добрыми делами, войдет в царствие, душа же, оскверненная злобою, низойдет во тму. Итак бодрствуйте, братия, и прилежите добрым делам: ибо время приближается. Блажен ведущий себя строго. Уже колосья поспели и настает жатва. Блажен сохранивший плод свой — приидут ангелы и вложат оный в житницу вечную. Горе унывающим, ибо огнь их пребывает. Наследия мира сего суть злато и сребро, и домы, и одежды: все они подают причину ко греху, и при всем том, отходя туда, мы должны их оставить. Наследие же Божие безмерно, оного *око не виде, ухо не слыша*, оное *на сердце человеческое не взыде* (1 Кор. 2. 9). Оно даруется тем, кои в краткое сие время повинуются заповедям Господа. Оно даруется за хлеб, за воду, за одежды, кои подадим нищим, за человеколюбие; за чистоту тела, за непорочность сердца и за прочие добродетели...[1]

[1] Ср.: ПСТ. Т. 6. С. 118–212.

№ 28

Высокопреподобный Отец Архимандрит,
Милостивый Государь!

Долго поджидал я Вашего казначея, чтоб отвечать на дружеское писание Ваше от 24 июня. Но, видно, он приехал в то время, когда я находился в деревне. Не надеюсь более его видеть и не могу далее отказывать себе в удовольствии с вами побеседовать.

Отрывки, сообщенные мне из перевода вашего, пришлись мне по душе. Я желал бы видеть все сочинение в печати. Если богатые наследники К. Юсуповой не согласятся исполнить благочестивого ее намерения, я найду, может быть, способ напечатать его здесь на счет таких же благотворительных людей. Поклонюсь какому-нибудь бумажному фабриканту, съезжу с просительным визитом к кому-нибудь из содержателей Типографий — с помощью Божиею книга может выйти в свет без расходов со стороны небогатого моего комитета. Условие почтенного Переводчика свято будет исполнено. Пусть он потрудится только провести труд свой чрез мытарства цензурные и с необходимым одобрением доставить ко мне эту рукопись.

Согласен с Вами, почтеннейший Отец, что сына моего старшего, которому минуло 12 лет, пора бы пристроить в какое-нибудь Петербургское учреждение. Но я все не решаюсь отделить его от родительского лона, страшась и за некрепкое его здоровье, и за чистоту нравственности.

Боюсь вашего климата и за всю семью. У меня самого хромая нога просится совсем в отставку. Нужнее становится благорастворение воздуха и спокойствие уединенной жизни. — Что касается до солитера, который беспокоил меня на берегах Финского залива, то, кажется, он там и остался после моей последней лихорадки. Вот уже седьмой год, как он не показывается и даже не подает признаков своего существования.

Как я рад, что Вы избавились от такого же внутреннего врага, и желал бы на всякий случай — иметь рецепт лекарства, которого он не вынес. До сих пор медицина не знает верного средства против этой беды, впрочем, что она верно и знает-то? Врачует Один и одним: буди Он благословен в целениях и страданиях наших!

Между тем разлука наша шестой год уже продолжается. Хоть бы на бумаге увидел любезные для меня черты лица вашего! — Из детства любил я монашество. Многие из монашествующих удостоивали меня своею дружбою; а не с одним не гармонировал я так, как с Отцом Сергиевским Настоятелем в правилах и чувствах. Господь да утвердит навсегда эти сношения духа, во имя Его начатые и продолжавшиеся.

По взаимности расположения вы полюбили действия моего Московского Комитета. Следовательно, не без удовольствия увидите одно довольно основательное суждение об нем замечательного Писателя. Посылаю к Вам его собственно ради первой стра-

ницы. Прочее вам уже известно, влагаю еще простой Московский гостинец. Простите, что на сей раз лучшего ничего представить не имею.

Преданнейший слуга

С. Нечаев.
19 октября 1841 года
Москва

№ 29

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь
Стефан Дмитриевич!

Долго не отвечал я на почтеннейшее, дружеское письмо Ваше. Так прихворнул в это время, что опасались воспаления в груди. Произведено кровопускание, приставлены пиявки, и приговаривают к повторению кровопускания. Сохраняю большую диету от письма и пишу только в крайних случаях: этому причиною большая слабость в груди с болью и потерею голоса. Так переплавляемся мы в здешней жизни, и дай Боже, чтоб не бесполезно!

Служение Ваше по духовному ведомству дало Вам возможность употребить слово **мытарство** для названия тех **рассматриваний** продолжительных и многообразных, коим подвергаются у нас книги существенно полезные и от коих так свободны книги умеренной пользы, в особенности же пустые и даже вредные. Я улыбнулся при прочтении этого слова и теперь часто улыбаюсь, видя оживотворение его делом. Книга святого Исаии была у Преосвященного Киевского[1] в продолжение трех месяцев; он прочитал ее и одобрил к напечатанию, ублажив духоносного писателя величайшими и должными похвалами. Теперь, конечно, пойдет на рассмотрение к Московскому[2]. Наследники Юсуповой не наследовали ее щедрости или, может быть, и наследовали, но без того расположения ко мне, которое имела покойная. Здесь подобный пожертвователь не легко открывается: большая часть пожертвований ищут публикаций в газетах и благоволений, а не тайной сердечной награды. Если труд мой может послужить с какой-нибудь пользою для нуждающихся братий, то, по совершенном одобрении рукописи к напечатанию, не премину представить оную Вам. Будьте раздаятелем хлеба и вещественного, и духовного! Тех и других нищих много.

Опасения Ваши по отношению к климату и нравственности очень справедливы: никакой глаз не может заменить родительского, не говоря уже о сердце. Да и из **учебных заведений**, в настоящее время едва ли не первое место должны занимать учреждения, приготовляющие к статской службе, а из них вообще университеты. Мы ветрены: количество знаний, которое возрастает с возрастом мира, мы имеем большее, нежели наши предки; это самое многознание делает нас поверхностными, и мы уступаем предкам в качестве знаний, в сущности знания. А ветреность — от стремления к пустым веселостям.

Вы промолвились о **уединении**? Когда эта мысль приходит, надо ее спрашивать: не рано ли? Хотя и опаздывать не должно. Точно: мир не веселит людей размышляющих, но он, питая нас горестями, отталкивает нашу любовь к нему и направляет ее к Богу. Мир ранит наше сердце и тем исцеляет болезни — земные пристрастия. Безвременное уединение уничтожает сию работу сердца, которое, нашедши покой, часто снова примиряется с миром и делается холоднее к Богу. Это не мои мысли, но я заимствовал их из аскетических отцов Церкви, и когда приходится видеть опыты, то они постоянно утверждают меня в сем образе мыслей.

С большим бы удовольствием прислал Вам рецепт того лекарства, коим я избавился от солитера, но тот приезжий доктор, который пользует от сей болезни, предлагает нашему правительству купить рецепт его за 5000 рублей ежегодной пожизненной пенсии, а до тех пор не открывает своего способа, в который входят одни растительные вещества. Кого он здесь ни пользовал, всех удачно.

Наконец я склоняюсь на портрет с грешного лица моего и почитаю обязанностию своею прислать к Вам экземпляр, дабы Вы видели и образ того, кому Вы делали много добра. Мои мысли и чувствования, которые не прямо мои, но заимствованы от истинного духа Христовой Церкви, всегда находили приют в Вашем сердце. От этого взаимная любовь! Любовь — тот покой, тот дом, в который Бог вселяет единомысленных о Христе, как воспевает псалмопевец.

Благодарю Вас за присланные брошюры[3]. Очень приятно видеть, что есть люди, рассуждающие основательно. Между прочим, присматриваюсь и к печати, какая бы поприличнее была к книге пр. Исаии; кажется, покрупнее лучше; а то для старых и слабых глаз модная мелочь чрезвычайно затруднительна. Мне понравилась печать: *Нищие в Москве,* по четкости.

Будьте здоровы! Поздравляю Вас с Новым Годом, призываю на Вас и на все почтеннейшее семейство Ваше благословение Божие и молитвы преподобного Сергия. И с чувством сердечной преданности имею честь быть навсегда Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1842-го года, января 17 дня

Казначей мой, быв в Москве, справлялся о Вас, но ему сказали, как это и в самом деле было, что Вы находитесь в отсутствии. Самому мне хочется дохнуть благорастворенным воздухом внутренней России, но до сих пор обстоятельства не подают руки.

[1] Митрополита Филарета (Амфитеатрова).
[2] Митрополиту Филарету (Дроздову).
[3] Изданные в пользу Комитета о просящих милостыни.

№ 30

Еще новое доказательство, почтеннейший Отец Архимандрит, что, видно, есть между нами какой-то невидимый посредник, для которого время и расстояние как бы не существует. Только что хотел я писать к вам о том, что не может ли счастливый ваш врач побывать у нас, как получаю от дружеской заботливости вашей обстоятельное извещение об этой возможности... Но не просто изумлен я был таким обязательным предварением, а вместе и утешен, и исполнен искреннейшей благодарности за труд, так охотно на себя принятый. Теперь уже минуя медлительную Стрелинскую корреспонденцию, я обращусь с дальнейшими сведениями о чревной своей немощи и прочих обстоятельствах к доброму нашему старцу, витающему поближе к Петербургскому Почтамту на Моховой.

При прежних королях французских явился при дворе один швейцарец с секретом — изгонять солитера. Секрет этот куплен был правительством — помнится — за 40 тысяч франков и опубликован. Средство его состояло в корне папоротника. Я употреблял его прежде раза два — безуспешно. На днях повторил тот же опыт — и также без желаемого последствия. Принимаю теперь морковный сок. Голова стала посвежее, нет позыва частого на еду, и тошнота не беспокоит. Может быть, эти лекарства ослабили кишечного змея. Может быть, его и совсем во мне нет. Более шести лет он не показывался отрывками разной величины, как бывало это в 1834 и 1835 годах.

Господь ведает, когда и как загадка эта разрешится. Мое дело — смиренно предоставлять благопромыслительной Его воле страдания мои и облегчение; мой долг — сердечную питать признательность к людям, которые, несмотря на бесчисленные, язвительные и отвратительные мои недостатки, принимают во мне участие, прикрывая все христианскою любовью. Обыкновенный человек любит грех, а ненавидит грешника. Кто же ищет путей возрождения, тот, подражая Богу, начинает ненавидеть грех, а возлюбляет грешника.

Как Вы обрадовали меня известием, что я наконец буду иметь любезные черты Ваши. Не откладывайте, пожалуйста, исполнения доброго Вашего намерения. Я боюсь, что опять другие размышления, внушаемые излишнею, может быть, скромностию, поколеблят вашу решимость. Ожидаю и рукописи Вашей, не понимая, как могут писания такого мужа, какого Вы избрали, нуждаться в особенных и продолжительных рассматриваниях. Простая тайна, открываемая младенцам, способнее была бы для оценки подобных сочинений, чем утонченная всемирная ученость.

Вашего Высокопреподобия преданнейший слуга

Н<ечаев>.

7 февраля 1842 года
Москва

№ 31

Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Аз, говорит Господь в Откровении Иоанна Богослова, их же *люблю, наказую*. Эти слова совершаются над Вами. И Ваше сердце давно приготовлялось непостижимым, таинственным ощущением к ношению креста! И Вы давно приучаетесь на самом деле к ношению креста! Ваша счастливая жизнь, в которой я Вас застал, была подобна благотворному лету, доставляющему нивам обильное плодородие: в нем дни ясные сменялись днями пасмурными. Прочитав письмо Ваше, которого каждое слово отзывалось в моем сердце, я перенесся воспоминанием к тому опыту стихов ваших, который Вы, когда-то, во время одной из приятнейших наших бесед, мне читали. Предметом Ваших восторгов была Голгофа, крест, терновый венец, гвозди. И точно! С того времени как Богочеловек подчинил Себя страданиям и ими исцелил наши страдания, **подножие Голгофы** сделалось

для ученика Иисусова местом дум плачевных и вместе утешительных, сладостных. Сидящий у сего подножия смотрит с равнодушным и спокойным любомудрием на непостоянных счастливцев сего непостоянного мира. Он им не завидует, он предпочитает познание креста Христова, отверзающего врата в блаженную вечность, тому кратковременному упоению, в котором держит земное счастие свою жертву, чтоб предать оную вечному бедствию. Горе вам, насыщеннии ныне, горе вам, смеющимся ныне! — Это неложные слова Сына Божия. В то время, как я имел возможность часто наслаждаться лицезрением Вашим, взоры мои отыскали особенную черту в Вашем характере: она ярко выказывалась для меня при всей светлости Вашего ума: это простота сердца, выражающаяся в доверенности к людям, к доброте их сердец, к прямоте совести и правил. Таковая простота есть один из признаков любви. *Любы не мыслит зла*, а потому *всему веру емлет*[1]. Любовь есть печать души, способной для неба. Итак, в Вашей душе та причина, по которой человек бывает крестоносцем; *Отец Небесный всякую лозу, творящую плод, отребляет ю, да множайший плод принесет*[2]. Вот и глаза Ваши ослабели. Понимаю, как отяготительна болезнь сия для человека, которого главнейшим занятием суть чтение и письмо. И почерк Ваш сказывает, что глаза Ваши не прежние. Я страдаю глазною болезнью уже семь лет и длинные зимние вечера провожу в своей комнате без свечек; пишу и читаю только при свете дневном; впрочем, и сие без боли глаз только с нынешней зимы, после того, как я стал привязывать к глазам на ночь рубленную или лучше мелко крошенную свеклу в платке батистовом, на полчаса или час, предварительно намочив голову ромом, предпочтительно белым, и обтерши им лице. Все прежние лекарства, все знаменитые капли, и чужестранные и здешние, не принесли мне никакой пользы; напротив, еще более ослабили, притупили зрение. Последнее средство, будучи вполне не опасно, очень мне помогает; должно наблюдать, чтоб как свекольный сок, так и ром не попадали в глаза. Для Вас, на котором лежит столько должностей общественных, при исполнении которых Вы не любите не смотреть пристально, ослабление зрения есть большая потеря, большое лишение. Инок должен меньше чувствовать тягость сего лишения, потому что он может, сидя в своей келлии, чуждый всякой наружной деятельности, разгибать книгу души своей и читать в сей книге назидательнейшие истины.

Милые Ваши дети, прекрасные Ваши дети, которые так утешительно лепетали молитву и славословие Спасителю мира, совершающего хвалу Свою из уст младенцев и сущих! Они достигли юношеского возраста; они ощущают, несут ярем креста! Господь да укрепит их, да помилует их! Да дарует их родителю терпение, подобное терпению Иова, посылая искушения, подобные искушениям сего праведного мужа. Вы уязвлены и в имение Ваше, и в семейство ваше, и в тело Ваше. Души его не коснись, заповедует Господь диаволу, передавая на испытание внешнего человека. Не касается диавол души страждущего человека, когда человек пребывает в самоукорении и в благодарении, когда множеством славы стирает супостата. **Достойная по делом наю восприемлем** — вот слова, приличествующие распятым одесную Господа. Таковые будут помянуты в Царствии Его.

Благодарю Вас за присланные книжки. Обе так просты и ясны, что в них с приятностию усматривается желание угодить не только земле, но и небу. Слово отца Сергия очень мило: в нем соединяются прекрасные чувствования с непринужденным, приятным слогом. И слово его не возвратилось к нему бесплодным, посеялось в сердцах слушателей и принесло плод приятный Богу, — сострадание к нищим, тотчас выразившееся в делах!

Будучи Вам должен невыплатимым долгом, долгом любви, я состою у Вас в особенном долгу! А причиною тому — мои глаза. Книга Исаии ждет окончательной переправки, которую никак не могу предпринять раньше весенних, ясных дней. По тому, как ныне публика принимает подобные книги, я полагаю, что экземпляры Исаии не залежатся, особливо когда они будут в деятельном распоряжении Председателя Комитета нищих. Ныне выходят вновь письма Задонского затворника уже в трех томах: эта книжка многим чрезвычайно понравилась.

Что сказать Вам о себе? Единообразно текут дни мои среди немощей душевных и телесных. Сергиева пустынь расцветает год от году более, а я год от году хилею, слабею и по зимам почти не выхожу из своих комнат. Иногда мелькает мысль о путешествии в Воронеж или Киев, о путешествии столь нужном для моего здоровья, и опять подавляется бесчисленными препятствиями, не позволяющими оставить монастырь на продолжительное время, особливо летом. Но в то время, когда занимает меня мысль сия, бываю в Москве, вхожу в дом, стоящий

близ Девичьего поля, вижу хозяина, с тою же улыбкою любви на устах, с каковою всегда видел его в Петербурге, и приветливо смеются мне его голубые глаза, все лицо его живописуется в моем воображении со сходством точно идеальным. Сердце гармонирует фантазии нежным восторгом и трепетанием.

Простите, простите! Соединенный со мною узами искренней дружбы и удаленный протяжением земного расстояния, Стефан Дмитриевич! Когда-то судьбы приведут Вас увидеть, и какую увижу в Вас перемену, напечатленную восемью нерадостными годами. На мне Вы увидели бы седины и седины!

Призываю на Вас благословение Божие и молитвы преподобного Сергия, поручаю себя Вашей христианской любви и с чувством сердечной преданности и почтения имею честь быть навсегда Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь

Декабря 13-го дня 1843 года.

[1] *Любовь... не мыслит зла... всему верит* (1 Кор. 13. 4, 5, 7).

[2] *...всякую [ветвь], приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода* (Ин. 15. 2).

№ 32

Долго странствовало письмо Ваше, Почтеннейший и Добрейший Стефан Дмитриевич, доколе не пришло ко мне. Оно пустилось в путь 20 августа из Сторожева (конечно, это имя Вашего поместья), а прибыло в Сергиеву пустынь 25 сентября. Из штемпеля петербургского почтамта видно, что оно получено в нем 21 сентября. А надпись на нем: **по ненахождению препровождается,** несмотря на то, что адрес Ваш выполнен со всею точностию и правильностью, показывает, что встретились какие-либо недоразумения, и письмо путешествовало куда-либо в другое место, прежде путешествия своего в Стрельну.

В ответ на первую страницу Вашу скажу: соответственно Вашим добрым чувствам ко мне, и скудное мое слово к Вам кажется Вам благим и носящим помазание. Но каково бы оно ни было — оно есть слово сердца. Признаюсь, — бывали в жизни моей минуты, или во время тяжких скорбей, или после продолжительного безмолвия, минуты, в которые появлялось в сердце моем **слово**. Это слово было не мое. Оно утешало меня,

наставляло, исполняло нетленной жизни и радости — потом отходило. Искал я его в себе, старался, чтоб этот голос мира и покоя во мне раздался, — тщетно! Случалось записывать мысли, которые так ярко светили в сии блаженные минуты. — Читаю после — читаю не свое, читаю слова, из какой-то высшей сферы нисходившие и остающиеся наставлением. Обыкновенная жизнь, и монастырская, сопряженная со многим развлечением, не может удерживать всегда при себе сих горних посетителей. Открывая так себя пред Вами, почтеннейший и дражайший Стефан Дмитриевич, я самым делом доказываю Вам, что недостойная душа моя, по благости Божией, ощущает сближение с душою Вашею, несмотря на материальное пространство и на продолжительное время, нас разлучающих: потому что это сближение совершается о Господе и ради Господа.

Вашего финляндца[1] присылайте сюда. Несмотря на то, что наш монастырь битком набит, надеюсь найти и для него уголок. Может быть, знание сельского хозяйства доставит ему приятное и знакомое для него, а для монастыря полезное занятие. Если же сверх моего чаяния, по какой-либо причине, он не будет соответствовать здешнему месту или оно ему, то надеюсь поместить его в один из подведомственных мне монастырей. Но желаю, чтоб сие второе предположение оказалось вполне ненужным.

Посетила меня, недели с две или три тому назад, послушница Бородинского монастыря[2], жившая некогда у Елизаветы Михайловны Кологривовой: она довольно подробно сказывала мне о Вас, о Ваших милых детях, что и их посещает перст Божий. Милые дети! Бог, рано посылая вам воздыхания, приготовляет вас в храмы Себе. Не завидуйте тем, которые пользуются полным здоровьем, которым мир улыбается и которых он приглашает в свой омут. Уста распявшегося за нас Господа возвестили горе смеющимся ныне, а блаженство плачущим и воздыхающим.

Участвующий в Вас сердцем, Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.
27 сентября 1845 года

[1] Валленштрема. О нем см. в письме № 33.
[2] Кикилия, в миру Марфа Попова.

№ 33

Получил два письма Ваши почти в один день, Дражайший и Бесценный сердцу моему Стефан Дмитриевич: одно с отчетом

печатным, другое с отчетом живым — Валленштремом. Вы меньше сказываете в Вашем печатном отчете, нежели сколько говорит живой: в первом виден Ваш ум, Ваша распорядительность; второй беседует больше, почти единственно, о Вашем сердце... Валленштрем мне понравился, понравился и братии; сколько видно и как он говорит — понравился и ему монастырь наш. По его хозяйственным сведениям он может быть полезным обители: следовательно, Вы сделали нам значительный подарок. В нравственном отношении мы не будем его отягощать излишними, утонченными требованиями, зная, что старое строение от значительной переломки может только разрушиться.

Благодарю Вас за участие в постигшей меня **скорби**. Но это — путь мой: одна скорбь передает меня другой, и когда несколько продлится спокойствие, то я чувствую сиротство. Увидев бездыханное тело, я зарыдал над ним без всякой мысли, по одному лишь горькому чувству сердца. Какая мысль, какое размышление может быть тогда, когда действует судьба, превысшая мысли? Буди воля Божия, буди воля Божия! В сих словах я находил разрешение сего случая; сии слова внесли в душу мою спокойствие — непременное следствие преданности воле Божией. Часто стоя пред вратами вечности, частым ощущением ее и размышлением о ней, не принужденными и не искусственными, но являющимися и действующими в душе как бы самостоятельно и естественно, — я становлюсь более и более холодным к случающемуся со мною приятному и неприятному, предавая все временное воле Божией и прося у Бога единственно благополучной вечности.

Приближаются великие праздники Христовой Церкви и Новый год. Поздравляю Вас и милых детей Ваших; желаю Вам и им всех истинных благ на земле и на небе. Во время пребывания Вашего в Петербурге, когда я принят был под благословенный кров Ваш, дети Ваши были так малы, что, конечно, или совсем меня не помнят, или помнят очень мало; но я живо сохраняю их в памяти; в ней нарисовались их милые образы чертами, которых время не могло изгладить. Чувство любви к их родителю естественно объемлет и чад его.

Будьте здоровы, дражайший Стефан Дмитриевич! Мир Божий, превысший разумения человеческого, поглощающий в себя всякое разумение, даруемый Евангелием, даруемый Христом, изливающийся обильно из язв Его в сердца верующих и терпящих здесь, на земле, скорби, *да водворяется в вас*

богатно и да исполняет Вас сладостным, благодатным утешением, — веселием небожителей!

От души и сердца Вам преданнейший

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь
11-го декабря 1845 года

№ 34

Какой сладостный, духовный, высокий плод пожинают погружающиеся умом и сердцем в Слово Божие, поверяющие по глаголам сей Небесной премудрости опыты своего земного странствования! Таковые достигают того, чего желал от верующих во Христа Христов апостол, когда он писал им: *Молю вы, братие, да будете утвержденни в том же разумении и в той же мысли.* Событие сих слов я ощущал в себе, Почтеннейший и Дражайший Стефан Дмитриевич, читая Ваши строки, которые изливало сердце, пронзенное многими язвами и нашедшее отраду в язвах Иисуса, прозревшее яснее на будущность, видящее яснее Промысл Божий, истинное назначение человека, ничтожность и быстрое исчезание всего временного и суетного. Читая Ваши строки, я как будто размышлял сам с собою; в ответ я мог бы послать к Вам письмо Ваше, усвоив его себе и подписав под ним мое имя. Давно не видимся друг с другом, не беседуем лицом к лицу, пишем друг к другу не часто, а сближаемся более и более! Вот плод учения Христова!

Письмо Ваше сказало мне, что Вы часто прибегаете к Слову Божию и к молитве, просвещающим человека. По мыслям, рождающимся в душе, можно узнавать, какие впечатления на нее действуют! Принимайте слова мои с простотою сердца, потому что и я говорю от искренности сердца. В словах моих нет ничего лестного; льстящие льстят для того, чтоб уловить, посмеяться, повредить. Нет! Не имею этой цели! Говорю для истины и любви. Язык их, конечно, Вы можете отличить от языка, которым говорит лживое человекоугодие. Ваше размышление о простосердечии и лукавстве, извлеченное из опытов жизни христианской и внимательной, так мне понравилось, что я благословил искренним ученикам моим списать письмо Ваше в их письменные книги, в которые вносится особенно примечательное современное с целию душевной пользы. **Какое условие христианской простоты**? *Последование закону Божию.* Добродетельный и бла-

гонамеренный не нуждается представляться таковым; напротив того, кто любит грех, чья воля в грехе, тому нужна личина. Вера рождает простоту. Верующий идет путем жизни, надеясь на Промыслителя своего, как говорит Писание: *ходяй просто, ходить надеяся*. Неверующий не видит Промысла, думает, что судьба его зависит от ухищрений разума его, все благо полагает в земном; стремясь к нему, лукавствует словом и делом. Чем более будем углубляться в Слово Божие, чем более будем возрастать возрастом духовным, тем более будем убеждаться, что приблизиться к Богу невозможно иначе, как простотою, в которой и вера, и чистота совести, и образ мыслей, созданные заповедями Вышнего. Одни простосердечные способны преуспевать духовно, как говорит Писание: в душу злохудожну не внидет Премудрость. Простосердечные подвергаются страданиям, но не без причин. Небесный Вертоградарь отребляет лозы Свои: Он видит способность их к плодоносию. Ветвь бесплодная не привлекает к себе Его внимания и забот до тех пор, как придет время ее отрезать и выкинуть из вертограда; тогда подбирают ее нищие земли для топлива своего. Под именем нищих разумею здесь лишенных всякого блага бесов, заботящихся, чтоб их вечная пещь горела жарче.

Знаменательны приведенные Вами слова: *еже твориши, сотвори скоро*! Такой же обширный смысл имеет и молчание Христово пред судьями, судившими для того, чтоб обвинить, чтоб найти какой-либо предлог, имеющий вид обвинения праведного, для исполнения замысла, замышляемого в сердце преступном и злобном. Посреди сего божественного молчания возгремели в наставление наше слова Спасителя к Пилату, слова тихие по наружности, но страшные как гром и молния по смыслу: *Не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше!*[1] Какое глубокое и обширное наставление для страждущих о Христе, научающее их смотреть на своих Пилатов, как бы на бездушное оружие Промысла, подающего возлюбленному своему чашу Христову, залог блаженства вечного со Христом. Здесь уже совершается отделение пшеницы от плевелов и производится Божий суд над ними. Последователь Христов страждет в великодушном молчании, познавая крестом Христа; а Пилат с холодностию и мимоходом вопрошает о Истине; не думает и не желает знать о ней, потому что не хочет даже выслушать, дождаться ответа; между тем Истина Христова ему предстоит в смирении и высоким молчанием о себе сказывает. *Удивися разум твой от Мене*[2],

молитвенно взывал к Богу святой Давид; удивится Евангелию и его глубокому учению, учению Божественному, христианин, читающий его с верою и чистотою совести, при озарении свыше: живые жизнью, заимствованною от ветхого Адама по закону чадородия, находятся в состоянии падения; это состояние свое доказывают непрестанным самообольщением, почитая землю, место своего изгнания, местом наслаждений бесконечных. Новый Адам, Христос, — крестом спасает падших: умерщвляется жизнь падения отъятием наслаждений земных, а из недр сей смерти возникает **жизнь во Христе**, находящая наслаждение в лишениях. Отсюда переселяется человек мыслями, желаниями, надеждами на небо и ожидает с извещенною верою обетования свыше, обновления Духом. Нам должно странствовать со Христом, страдать с Ним, претерпеть распятие, вкусить смерть, быть погребенными, воскреснуть и вознестись. Сего желаю и Вам и себе; почему произношу вместе с Вами сию исполненную духовного разума, утешительную молитву: Господи! совершай над нами волю Твою, и нам даруй мыслить, чувствовать, действовать по Твоей воле. Сего единаго у Тебя просим, в сем едином заключаем все наши желания и моления.

Изливая душу Вашу, Вы забыли сказать мне о Вашем теле, о здоровье Вашего милого семейства. Господь, врачующий душу Вашу, и сие да приложит Вам! Благодарю Вас за присланную повесть о заботах Ваших, о служении меньшой братии Христовой. Скоро ли исполню обет свой и отплачу Вам чем-либо подобным! Здоровье мое слабее и слабее, а с этим вместе и здешний мир начинает казаться чужим. Не мудрено, когда пред глазами переселение!

Ваш преданнейший Игнатий.

19-го декабря 1845 года

[1] Ин. 19. 11.

[2] *Дивно ведение Твое для меня* (Пс. 138. 6).

№ 35

Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Небесное. Сие слово Божие совершается над Вами, Достопочтеннейший и Дражайший душе моей Стефан Дмитриевич. Известил меня Иван Иоакимович Мальцов о новом виде болезни, болезни тяжкой, в Вас открывшейся. Да дарует Вам Бог перенести страдания с сохранением сил душевных и телесных и полу-

чить облегчение. По тернистому пути ведет Вас рука Промысла! Но такова судьба возлюбленных Богом: едва нарекается Павел избранным сосудом, как уже вместе с сим и предназначается ему множество страданий. Крест — это знамя стада Христова, это знамение овцы Христовой. Да ниспошлет Господь в минуты тяжкой скорби Вашей благую мысль благодарения Богу, славословия и благословения десницы Его. От благодарения и славословия рождается живая вера; от живой веры — тихое, но могущественное терпение о Христе. А где ощутится Христос, там и утешение! Это утешение не от мира сего, который иначе не может утешать в скорби, как отъятием скорби. Христос действует иначе: Он не снимает тернового венка с возлюбленного Своего, потому что так венчаются в цари небесного Царства, но посылает в душу благодатную сладость, залог предвкушения вечного блаженства, — и пред лицом сей сладости исчезают временные скорби, — по крайней мере, много притупляется острие их.

Вручая Вас Господу, остаюсь навсегда Вам преданнейший

Архимандрит Игнатий.
1846 года, Генваря 19-го дня

№ 36

Наконец имею сведения о Вас, Дражайший душе моей Стефан Дмитриевич, от человека, лично видевшего Вас, от человека, облеченного в иноческий образ; это сведение тем особенно для меня драгоценно, что взоры внимательных иноков глубже проницают в душу, посещаемую посещением Господним. Он понял, что Господь, посещая Вас скорбями, вместе дарует и пособие к перенесению их, как говорит преподобный Исаак Сирский: «Отец наш щедрый, когда возблаговолит даровать истинным сынам Своим исшествие из искушений их, то не отъемлет от них искушений их, но подает им терпение в искушениях их, и они приемлют все блага к совершенству душ своих рукою терпения». Отверзаются пред умом двери таинственного созерцания христианского: он зрит распятого за грехи мира Христа, призывающего к Себе овец Своих и говорящего: *Иже не возмет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин*. Он зрит членов торжествующей Церкви и слышит о них от сказателя небесных таин: *Сии суть иже приидоша от скорби великия и испраша ризы своя в крови Агнца. Сего ради суть пред престолом Божиим*

и служат Ему день и нощь в церкви Его и седяй на престоле вселится в них. Не взалчут к тому, ниже вжаждут, не имать же пасти на них солнце, ниже всяк зной. Яко Агнец, иже посреде престола, упасет я и наставит их на животныя источники вод, и отъемлет Бог всяку слезу от очию их (Откр. 7. 14–17). Сей же тайнозритель возвещает, кто из членов воинствующей Церкви поступит в члены торжествующей, которым не дано еще полного блаженства, которым *речено бысть да почиют еще мало время, дондеже скончаются и клевреты их и братия их, имущии избиени быти, якоже и они* (Откр. 6. 11). Итак, страдания суть земное достояние и избранных, и приготовляемых быть избранными. Страдания суть чаша Христова. *Чашу спасения приму и имя Господне призову: яко по множеству болезней моих утешения Твоя возвеселиша сердце Мое. Вкусите и видите, яко благ Господь* и в то самое время, когда посылает нам скорби, которыми соделывает нас причастниками чаши Христовой от ныне и до века.

Случается и здесь видеть ***скорбящих*** *— и только* ***ищущие утешения*** *в вере* обретают его. Недавно случилось видеть в скорби одного умного и ученого мужа, много занимавшегося философией, изобретенною падшим и омраченным от падения умом человеческим. Каким же оказался философ пред лицом скорби? Слабым, изнемогающим, ненавидящим Промысла Божия, не ведающим креста Христова, ищущим на земле правды человеческой и не могущим найти правды Христовой в смирении и терпении. Поучительное зрелище, на которое нам дозволено смотреть не с тем, чтобы осуждать ближнего, но чтоб видеть нашу мертвость, когда бываем без Христа.

И при самой болезни, при которой обыкновенно меньше помнится вещественное, Вы позаботились прислать мне прекрасного чаю, чтоб вспоминал я Вас не только при духовных упражнениях, но и за чашкою чая! Благодарю вас: всякий знак любви Вашей приносит душе моей наслаждение.

И я продолжаю прихварывать: мои болезни сопряжены не столько с тяжкими болями, сколько с изнеможением и лихорадкою; в течение нынешней зимы почти не выхожу из своих комнат, а с половины января доселе — решительно не выхожу. Буди воля Божия! Скудельные сосуды могут ли рассуждать, что для них нужно и полезно?

Милосердый Господь, попустивший Вам тяжкое испытание и дарующий Вам прохладу на источниках веры святой и сми-

ренномудрой, да дарует Вам и скорое исшествие из скорби, да имуще всякое довольство здравия, преизобилуете во всякое благое дело о Господе.

С неизменяющимися чувствами сердечной, искреннейшей преданности остаюсь навсегда Ваш покорнейший слуга и недостойный богомолец

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь
Марта 19-го дня 1846 года

№ 37

О Господе дражайший сердцу моему Стефан Дмитриевич!

Возблагодарив Бога, должен я сказать Вам прямо и просто: к Вам особенная милость Божия; Бог избирает Вас и приближает к Себе. **Ощущение странничества** не есть фантазия, не есть следствие размышлений, не есть умствование, это невольное чувство сердца, движущееся само по себе, независимо от нашего произволения. Это голос благодати, сообщенной нам святым Крещением. Когда тело утончилось болезнию, а душа несколько очистилась, сей голос таинственный, но сильный раздался. Как инструмент обыкновенно устраивается из сухого, утонченного дерева, без чего натянутые на нем струны не могут издавать должных звуков; так необходимо утончать и иссушать тело воздержанием, а душу очищать непрестанным покаянием. Чтоб в нашем Богозданном храме могли слышаться вещания Духа. Вы можете видеть, что ощущение Ваше мне знакомо. Что я говорю о нем, как о своем. Я верю, что расположение Ваше ко мне возрастает; и еще более будет возрастать оно, если мы будем направлять стопы наши к Богу. Любовь естественная скоро может насытиться и пресытиться; пресыщенный ею перестает любить, может удобно перейти к ненависти: ибо и излишняя пища может произвести дурноту, и обремененный желудок нередко извергает ее. Но любовь, которой началом Бог, не имеет ни насыщения, ни конца: потому что ее питает бесконечный Бог. — Когда я прочитал письмо Ваше и увидел, что в Вас начались движения будущего века, которых мир сей ни вместить, ни понять не может, то явилась во мне мысль, что для Вас нужно будет, со временем, **уединение**, как способствующее к развитию ощущений и помышлений духовных. Предуготовительным занятием к уединению должно быть святое **покаяние**, исцеляющее

душевные очи. Это тот целительный для очей поллурий, который велит купить у себя Господь: ибо и нищета духа есть дух Божий, приобретаемый человеком чрез сличенье своего сердца с Евангелием. Сей поллурий отгоняет от очей души, которые есть ум наш, счищает с них всякую надменность, всякое о себе высокое понятие, всякое признание в себе какой-либо добродетели. Скажите, пожалуйста, в какой одежде всего приличнее стоять пред Создателем человеку, сему существу падшему? Думаю, что тот одевается прилично, кто в молитвах своих весь одет в покаянье. Сего сердечно желаю Вам, как желаю и себе; потом желаю приготовления к вечности уединением. Сии желания да видит Бог и да творит с нами не по желаниям нашим, но по Своей святой воле.

О Господе Вам преданнейший недостойный

Архимандрит Игнатий.
Октября 27-го дня 1846 года

№ 38

Примите, бесценнейший Стефан Дмитриевич, мое усерднейшее поздравление с наступившим Новым Годом, который желаю Вам и с чадами Вашими препроводить в вожделенном здравии и совершенном благополучии. — Благодарю Вас за дружеское письмо Ваше и за приложенный при нем отчет трудов Ваших, полезных человечеству, угодных Богу. Сердечно сожалею, что в бытность мою в Москве видел Вас только в зеркале — в дщерях ваших. Поправилось ли Ваше здоровье от путешествия в чужие края? А я лечусь и до сих пор от застарелой простуды с медленным, но уже значительным успехом. Все иностранные лекарства или вовсе не помогли, или помогли очень недостаточно; с отличною пользою подействовали самые простые средства: ванна с солью и натирание чистым дегтем. Теперь на опыте знаю, что пред отечественным деготьком ничего не значат заморские оподелькоки — не только какая-нибудь летучая мазь. Второй год продолжается мое лечение — и сознаюсь, что состояние лечащегося от хронической болезни труднее, нежели **состояние болящего**: отнимает все время, действие лекарств поставляет тело в ненатуральное положение, отнимает способности телесные и душевные, отнимает возможность умственных занятий, держит в состоянии непрерывающейся усталости, какого-то онемения и усыпления. Человек — яко трава! Взойдет в его тело какая-

нибудь посторонняя влага, займет место на путях крови, расстроит ее обращение — и весь человек изменился не только по телу, но и по душе, по уму! «Во обилии моем не подвижуся во век». Этими словами Пророк изобразил крепость человека, силу его при здравии тела, при здравии души, поучающейся день и ночь в законе Божием. «Отвратил еси лице твое, и бых смущен». Эти слова вскоре последуют за вышеприведенными — и как справедливы! Не говоря уже о душевных искушениях, одно оскудение сил телесных есть искушение, и при изнеможении тела невольно изнемогает душа. Вот, бесценнейший Стефан Дмитриевич, подробное описание собственного моего состояния; внешние же обстоятельства остаются такими, какими были и прежде: приятное сменяется скорбным, скорбное сменяется опять приятным. Да дарует милосердый Бог рабу Своему встретить то и другое с одинаковым чувством недоверчивости и холодности. Земные печаль и радость приводят только в суетное движение кровь: Слово Божие может остановить это движение, сказав крови: «Не только плоть, но и кровь Царствия Божия не наследуют».

Призывающий на Вас и на семейство Ваше благословение Божие Ваш покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
Генварь 1848 года

№ 39

Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Получил я пакет, который ежегодно однажды возбуждал во мне особенное чувство радости, отворяю его в ожидании, что нищенствующая душа моя напитается обильно словами любви, которыми всегда бывают полны письма Ваши. Не случилось того! Я только увидел один отчет печатный; не было ни одной вожделенной для меня строчки. Видно, подумал я, Стефан Дмитриевич, при множестве дел своих, забыл вложить в пакет драгоценное письмо. Поэтому от Вас ничего не знаю о Вас.

Примите мое усерднейшее поздравление с праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом. Благословение Божие да осенит Вас и чад Ваших, и благодать Божия да хранит души и телеса Ваши. О себе скажу Вам, что, по великой милости Божией, чувствую себя лучше и лучше: начинаю уже укрепляться и вижу в себе восстановление способностей к деятельности. Новый митрополит[1] добр и правосуден, ко мне довольно

милостив; почему я ныне отдыхаю. Позвольте представить Вам при сем скудный отчет из нищенствующей души моей, мало собравшей духовной милостыни на пути и на торжище земной жизни.

Многие скорбящие желали иметь у себя список «Чаши Христовой», чтоб из этого чтения почерпать утешение для душ своих, это заставило меня напечатать «Чашу», вообще издавать печатно свое я опасаюсь, видя свою духовную незрелость.

С чувствами неизменяющейся преданности и совершенного почтения имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь
Декабря 22-го дня 1849 года

[1] Высокопреосвященный Никанор.

Алексей Любомудров

«Искреннейший друг»

Среди немногих людей, с которыми святитель Игнатий ощущал душевное родство и которых мог назвать подлинными друзьями, был Авраам Сергеевич Норов (1795–1869) – один из замечательных русских людей, покровитель науки и просвещения.

А. С. Норов принадлежал к старинному дворянскому роду. Он родился 22 октября 1795 г. в деревне Ключи Саратовской губернии, рос в атмосфере мира, уважения и любви.

В воспоминаниях вырисовывается привлекательный образ общительного, энергичного человека, энтузиаста, поглощенного наукой и литературой, добросовестно исполнявшего свои гражданские обязанности. Пожалуй, самым удивительным в его личности было глубокое благочестие, столь не свойственное высшему обществу XIX столетия. «У Норова много набожности, не переходящей, впрочем, в ханжество», – записал в своем дневнике барон М. А. Корф в 1820 г.[1]

В битве при Бородине Норов, семнадцатилетний юноша, командовал двумя орудиями гвардейской артиллерии на левом фланге. Во время атаки конной французской батареи он был

[1] Русский архив. 1895. № 11. С. 352.

тяжело ранен: картечь раздробила ему ногу. Норова привезли в Москву, занятую французами, где он вскоре очутился в госпитале для раненых французов и русских пленных. У него начиналась гангрена, но лейб-медик Наполеона Ларрей сам прооперировал раненого и спас ему жизнь, ампутировав ногу.

Норов принялся за литературу и науку, влечение к которым испытывал с детских лет. В 1820-х гг. его стихи и проза публиковались в журналах «Вестник Европы», «Сын Отечества». В 1818-м был принят в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, в 1819-м — в Общество любителей российской словесности. На заседаниях Вольного общества познакомился с А. С. Пушкиным, знакомство переросло в дружбу, длившуюся до последних дней поэта.

Авраам Сергеевич владел четырьмя европейскими языками, изучил латинский и греческий, а для того, чтобы читать Библию, выучил древнееврейский. Он собрал уникальную по полноте и редкости изданий библиотеку по истории и филологии, особенно богатую книгами по культуре Востока, Египта и Палестины.

Современники вспоминали, что Норов обладал даром видеть преимущественно светлую сторону вещей. «И хотя не раз его любящее, доброе сердце было поражаемо зрелищем великих бедствий человеческих, великих заблуждений и преступлений, — эти суровые уроки и опыты не изменяли его миросозерцания, внушенного глубокой и твердой верой в Провидение», — писал А. В. Никитенко[1].

Несмотря на потерю ноги, Норов стал одним из самых известных путешественников России середины XIX века. Достопримечательные места, древности, быт и нравы народов были для него не объектом праздного любопытства, но предметом научного изучения. В 1821 г. он объехал Германию, Францию, Италию, Сицилию, составив описания виденных мест.

В 1827 г. он был назначен чиновником в Министерство внутренних дел, затем прикомандирован к адмиралу Д. Н. Сенявину в качестве переводчика.

Норов принадлежал к редким в его эпоху людям, в которых сочетались образованность, научный поиск и глубокая вера. С юных лет и до кончины он оставался воцерковленным, горячо верующим человеком.

---

[1] *Никитенко А. В.* Авраам Сергеевич Норов. СПб., 1870. С. 9.

В 1834 г. Норов отправился в паломничество по Святой Земле, которое продолжалось два года. «Пройдя половину жизни, я узнал, что значит быть больным душою... Я искал душевного приюта... Мысль о путешествии в Святую Землю давно таилась во мне... утешение лобызать следы Спасителя мира в самых тех местах, где Он совершил тайну искупления человеческого, заставило меня превозмочь многие препятствия», — писал впоследствии Норов в предисловии к своей книге.

Посещение святых мест Палестины, связанных с событиями библейской истории, Иерусалима и его окрестностей, запечатлено Норовым в книге «Путешествие по Святой Земле в 1835 г.» (СПб., 1838). Искренним религиозным чувством согреты каждая мысль, каждое слово автора при встрече с библейскими древностями. Исполненные религиозного трепета, описания А. С. Норова сочетают лиризм и научный пафос: будучи не только паломником, но и исследователем, автор уточнил историческую и топографическую картину событий, о которых повествует Священное Писание.

Во время своего путешествия Норов побывал в Египте, поднимался на пирамиды, спускался в катакомбы, исследовал руины Фив, Мемфиса. Результаты его обозрений изложены им в двухтомном «Путешествии по Египту и Нубии» (1840). Из Палестины Норов отправился в Малую Азию и впоследствии выпустил книгу «Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» (1847). Во второе издание книги (1854) вошла статья «Исследование об Атлантиде».

В 1839–1850-х гг. Норов — член Комиссии прошений при Сенате. В 1851 г. избран действительным членом Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности. В 1850–1854 гг. исполнял обязанности товарища министра, а в 1854–1858 гг. был министром народного просвещения.

Ученые труды и словесность были предметами его неустанной заботы и внимания. Он приложил много усилий, чтобы улучшить и нравственную атмосферу, и материальное положение ученых, преподавателей, студентов. Впоследствии вспоминал: «При мне, благодаря Бога, христианское благочестие тщательно охранялось в стенах всех учебных заведений и университетов. Я мог быть далеко не гениальный министр, мог много делать ошибок; но в мое время нравственность учащихся была ограждена от заразы...»[1]

---

[1] Письмо А. С. Норова Государю Александру II от 2 июля 1866 г. // Русский архив. 1895. № 11. С. 367.

С 1858-го Норов — член Государственного Совета. Высокие посты не повредили замечательных душевных качеств этого человека. Отмечали его простоту и безыскусственность в общении, всегдашнее доброжелательство. «Одно только изменяло его всегда ровный тон и было в состоянии возмутить его мягкую, добрую натуру — это то, когда кто-либо из собеседников позволял себе легкомысленно относиться к вопросам веры и нравственности христианской»[1].

Между тем в личной жизни Норова было немало скорбей. В 1840–1841 гг. он переживает кончину одного за другим всех своих детей — двухлетних Сережи, Юры и младенца Танечки. Других детей у Норовых не было, и с этой поры единственным близким ему человеком оставалась супруга Варвара Егоровна. Выйдя замуж за Норова в 1836 г., она была на двадцать лет моложе мужа, но скончалась раньше его, в возрасте 45 лет, после долгой, тяжелой болезни. Так в 1860 г. Норов потерял нежно любимого им человека, преданнейшего друга, и на закате дней остался совершенно одиноким.

Норов всецело погрузился в научные занятия. В память Варвары Егоровны он подготовил уникальное издание Нового Завета на греческом и славянском языках, с подробным указателем церковных чтений (1861).

На редкость плодотворной оказалась деятельность Норова как председателя Археографической комиссии, которую он возглавил с 1851 г. Задачей комиссии было изучение и издание исторических документов, памятников древнерусской литературы. Под председательством и при непосредственном участии Норова комиссия издала 35 томов, содержащих летописи, грамоты, писцовые книги, Четьи-Минеи и др.

В 1861 г., несмотря на преклонный возраст и недуги, А. С. Норов снова отправился в путешествие на Святую Землю. И в этом путешествии, ища утешения у Гроба Господня, он не оставляет изысканий по истории и топографии Палестины. Преодолевая трудности горной дороги, он посетил Синайский монастырь. Описание этого путешествия вышло уже после смерти Норова («Иерусалим и Синай», 1878).

Широкая образованность и природное эстетическое чувство делали его ценителем словесности. Однако в современной ему литературе демократического направления он усматривал опас-

[1] *Дылевский Е.* Авраам Сергеевич Норов // Странник. 1871. Т. 2. С. 36–37.

ность для будущих судеб Российского государства. В 1866 г. он обратился к Государю Александру II с письмом, где говорил о «нигилизме» как общественно опасном явлении. Письмо открывалось признанием: «Одинокий в мире, я уже ничего в нем не ищу и не желаю; ищу только милости Божией, исполняя неукоризненно мой служебный и общественный долг»[1].

Получил известность критический очерк Норова о романе «Война и мир» Л. Толстого (1868): воздавая должное таланту художника, Норов протестовал против искажения исторических событий 1812 г. (в которых сам принимал участие), а также против надуманной историко-философской концепции графа.

Неутомимый труженик, Норов не оставлял занятий до последних дней жизни. Незадолго перед кончиной он оказывал помощь издательству Пантелеимонова монастыря на Афоне в подготовке книги «Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы».

23 января 1869 г. А. С. Норов мирно преставился к Богу. Погребен в Троице-Сергиевой Пустыни под Петербургом. По словам современника, «он чувствовал, мыслил, жил и трудился, как гражданин, достойный своего великого отечества»[2].

Литературным талантом не были обделены и братья А. С. Норова, судьба которых сложилась по-разному. Старший брат, Василий Сергеевич (1793–1853), стал участником декабристского движения, членом Союза благоденствия и ложи «Трех добродетелей». Провел около десяти лет в заключении, где написал «Записки о походах 1812 и 1813 годов...». При посредничестве Авраама Сергеевича эти мемуары были анонимно напечатаны в Петербурге в 1834 г.

Младший брат, Александр Сергеевич (1798–1864), стал поэтом-лириком, в чьем творчестве настойчиво прозвучали христианские мотивы. Почти всю жизнь он провел в деревенском уединении. В 1836 г. его пытались обвинить в связях с опальным Чаадаевым, и Аврааму Сергеевичу пришлось вступиться за брата перед А. Бенкендорфом. В 1855 г. поэт обращался к брату с просьбой защитить его от строгой цензуры и помочь в издании стихотворений.

Сохранившиеся письма святителя Игнатия к Норову охватывают 25-летний период — с 1840 по 1865 г.

---

[1] Письмо А. С. Норова Государю Александру II от 2 июля 1866 г. // Русский архив. 1895. № 11. С. 366.

[2] *Никитенко А. В.* Авраам Сергеевич Норов. С. 39.

Знакомство Святителя с Норовым, вероятно, состоялось в конце 1830-х гг. В письме 21 февраля 1840 г. Владыка благодарит Норова за прекрасную книгу о Святой Земле и просит «на скрижалях сердца» записать свое имя как искреннего почитателя.

Видимо, откликаясь на это послание, Норов выразил пожелание видеть в лице святителя Игнатия своего друга, и Святитель с радостью принимает это предложение (письмо № 2).

Письма исполнены теплоты и нежности, вообще-то не свойственных эпистолярному наследию Владыки. Часто встречающийся эпитет А. С. Норова в этих письмах — «добрейший». Святитель почувствовал в Норове чистую душу доброго человека.

В письме от 4 сентября 1847 г., отправленном из Бабаевского Николаевского монастыря Костромской епархии, где святитель Игнатий находился в отпуске, он уже называет себя «преданнейшим другом» Авраама Сергеевича.

О подлинной натуре самого святителя Игнатия, кажущегося иногда слишком суровым, свидетельствует трогательная забота о супруге Норова, видимо, в ту пору уже больной: он посылает ей яблоки и признается в искренней любви к Аврааму Сергеевичу: «Моя душа как бы слышит в его душе что-то особенно доброе и дорогое» (письмо № 10).

Предметы писем святителя Игнатия различны. Иногда это просто стремление поделиться своими чувствами, размышлениями о христианской цели жизни (письмо № 2), о красоте природы и преимуществах тихого уединения (письмо № 4), возможность утешить друга, находящегося в болезни (письмо № 9). Не раз Святитель обращался к Норову с просьбами о содействии: похлопотать о восстановлении справедливости по отношению к знакомому (письмо № 6) или утешить наградой престарелого отца (письма № 5, 7).

Сохранилась ответная записка Норова, относящаяся ко времени настоятельства архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни (1834–1857):

«Примите мои сердечные поздравления, мой достопочтенный друг и Высокопреподобие Отец Игнатий. Я недавно возвратился из Москвы, дел премножество, и только что оправлюсь, то сей же час по влечению сердца приеду в обитель вашу испросить Вашего благословения.

Преданный душою А. Норов»[1].

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. Ед. хр. 11.

В переписке с Норовым святитель Игнатий обсуждал и серьезные богословские темы, затрагивал важные вероисповедные моменты, остающиеся и по сию пору предметом полемики православного востока и католического запада. Это политика Рима, направленная на подчинение православных церквей, и догмат о непорочном зачатии.

Известно, что одними из главных тем в богословском наследии святителя Игнатия стали отстаивание истины православия, ограждение верующих от усвоения ложных догматов и неправильного духовного устроения. Так, например, в противовес ставшему популярным в России «Подражанию Христу» Фомы Кемпийского Владыка пишет работу «О последовании Господу нашему Иисусу Христу». В своих книгах он ведет неустанную полемику с чужеродными идеями: «Западное учение есть тьма и влечет в свою тьму многоплетением умствований по плоти», — пишет он Норову (письмо № 11).

В лице А. С. Норова святитель Игнатий нашел единомышленника, пекущегося о чистоте веры. В 1859 г. в Париже была опубликована книга А. С. Норова «Марка Ефесского и Георгия Схолария неизданные сочинения». В нее вошли найденные Норовым в рукописях парижской библиотеки окружное послание св. Марка Эфесского и надгробное слово ему Георгия Схолария. А. С. Норов перевел рукопись с греческого на русский и сопроводил издание своим предисловием. Переписка святителя Игнатия проливает свет на предысторию этой книги.

Святой Марк, Митрополит Эфесский, был участником Флорентийского собора 1439 г., созванного для решения вопроса об объединении западной и восточной церквей. Многие православные архиереи, уступая давлению латинской стороны, согласились подчиниться Папе, но св. Марк отказался подписать соборный акт. Его послание стало ярким протестом против попыток соединить православную церковь с латинской. Надгробное слово Георгия Схолария, впоследствии патриарха Константинопольского, подтверждает правоту св. Марка, отстоявшего позицию вселенской православной церкви.

Из письма № 3 видно, что святитель Игнатий поддержал интерес ученого к личности святителя Марка Эфесского. Именно он побудил Норова к поиску и исследованию его рукописей: «Вам остается приобрести сочинения Марка Ефесского и позаботиться о переводе их на русский язык». Таким образом, публикация

Норовым этой книги стала выполнением совета-благословения святителя Игнатия.

О том, насколько это письмо оказалось близким и важным для Норова, говорят следующие факты. Процитированный святителем Игнатием фрагмент древней рукописи Норов привел в своем сочинении «Путешествие к семи Церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» (СПб., 1847. С. 287–288). Он также заметил, что эти строки сообщил ему «благочестивый муж», и процитировал слова из письма самого святителя Игнатия: «Марк Ефесский занимался духовною молитвою умною, чем занимались только одни величайшие святые».

Эти обстоятельства позволяют предположить, что письмо № 3 святителя Игнатия составлено между 1840 и 1847 гг.

В письме № 11 святитель Игнатий продолжает обсуждение темы о святоотеческом исповедании Божией Матери, начатое при личной встрече («в бытность мою у Вас»), отвечает на вопросы, которые интересуют Норова. Владыка излагает мысли, легшие в основу его известного труда «Изложение учения Православной Церкви о Божией Матери», где, разъясняя православное понимание Богоматери, он показал еретическую суть и католического догмата о безгрешном зачатии Богородицы, и протестантского учения, не признающего Ее Приснодевства.

Учитывая, что эта работа была создана святителем Игнатием во время пребывания на Ставропольской кафедре, можно датировать письмо Норову приблизительно 1858–1861 гг.

В свою очередь А. С. Норов помогал святителю Игнатию сведениями по церковной истории для подготовки его сочинений, за что Владыка и благодарит его (письмо № 13, в котором идет речь о только что вышедших из печати «Аскетических опытах»). Одновременно он просит «объяснить книгу, ясную для Вас, тем, которые понуждаются в объяснении», имея в виду высшие церковные инстанции, и выражает радость от совершённого труда: «Радуюсь, что дана мне возможность принести мою лепту к стопам современного христианства».

Известны два ответных письма Норова к святителю Игнатию с оценкой его трудов.

20 апреля 1865 г. Норов писал Владыке:

«Ваши “Аскетические опыты” есть перл многоценный в нашей духовной литературе; я говорю многоценный недаром, ибо этот труд для нас совершенно нов, и несмотря на строгость своего аскетизма, сладок и отраден для души и сердца, особенно для

тех, которые, живя среди мира, познали уже всю его тщету, книги Ваши будут настольные, руководящие и укрепляющие в борьбе с суетным миром. Таковыми считаю я их для себя, — хотя и ропщу несколько за моего друга Фому Кемпийского[1]. Утешителен и успех Вашей книги; слава Господу! Любы не иссякла в сердцах. Пишу Вам накануне самого горестного в моей жизни дня, когда я разлучился на земле с охранявшею меня здесь блаженною душою жены моей. Еду завтра рано поутру на два дня в Сергиеву пустынь, исполненную воспоминаний о Вас, где Ваши книги теперь составляют мое любимое чтение»[2].

В письме от 9 апреля 1867 г., получив новые тома сочинений святителя Игнатия, Норов сообщает:

«Глубоко утешенный драгоценным даром 3-й и 4-й части высоковдохновительных трудов Ваших, полученных мною перед самою Страстною седмицею, в день воскресения св. Лазаря, — спешу принести мою теплую сердечную благодарность. Благодарю Вас, Святой Отец, что Вы сблизили меня с теми, для которых здешний мир не представляет уже утешений. Я сроднился с Вашими книгами; они услаждают меня и в городе, и в Сергиевой пустыни, полной Ваших воспоминаний; там они всегда лежат приготовленные на столе комнаты, для меня усвоенной»[3].

Если святитель Игнатий успел получить это письмо, то оно стало одним из последних, прочитанных им в земной жизни: 30 апреля он отошел ко Господу.

Норов пережил своего друга на два года и упокоился в столь полюбившейся ему Троице-Сергиевой пустыни, настоятелем которой четверть века был святитель Игнатий.

Письма к А. С. Норову № 1–7, 9, 11–13 печатаются по автографам, хранящимся в ОР РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 360. Л. 1–17 об. Письмо № 8 — по автографу в РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. Ед. хр. 19. Письмо № 10 (к В. Е. Норовой) — по автографу в ОР РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 772. Впервые письма были опубликованы: ПСТ. Т. 8.

---

[1] В своих творениях Владыка Игнатий неоднократно обличает ставшее популярным в России сочинение мистика-аскета XIV века Фомы Кемпийского «Подражание Христу». В первом томе «Аскетических опытов» он поместил свою работу «О последовании Господу нашему Иисусу Христу», полемичную по отношению к книге католического автора.

[2] *Соколов Л. А.* Святитель Игнатий: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. М., 2003. Ч. 2. С. 26–27.

[3] Там же. С. 27.

Письма святителя Игнатия к Аврааму Сергеевичу Норову

№ 1

Милостивейший Государь!

Авраам Сергеевич!

Безотлучно предо мною книга: «Путешествие в Иерусалим»[1]. От полноты и точности рассказа, от ясности оного, поддерживаемой столь удовлетворительно прелестнейшими рисунками, — получаю странное ощущение: переношусь в Святый Град, блуждаю по этим горам, с них веет на меня дыхание тихого безмолвия, погружаюсь невольно в приятнейшую задумчивость, слышу в сердце голос: здесь навсегда бы остался. Всеми сими чувствованиями я Вам обязан, почтеннейший Странник и Писатель!

Примите сии строки — выражение искреннейшей признательности и на скрижалях Вашего сердца припишите мое имя к именам тех, кои расположены к Вам истинною Христианскою Любовию.

Имею честь быть

Милостивейший Государь!

Ваш покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

1840 февр<аля> 21-го дня.

[1] «Путешествием в Иерусалим» святитель Игнатий, как видно из контекста, называет книгу А. С. Норова «Путешествие по Святой Земле в 1835 г.» (СПб., 1838).

№ 2

Искреннейший друг мой,

Авраам Сергеевич!

Мой добрый наместник привез мне от Вас радостное известие, что Вы хотите именоваться моим другом, быв им уже давно в душе Вашей. Я согласен — будем друзьями; а крепким узлом дружбы нашей да будет Бог. Тогда дружба наша пойдет в вечность! Да — вечность! Направим туда наши взоры. Оценим временное ценою должною ему; признаем его ничтожным: оно точно ничтожно пред вечностию. Разовьем в себе Христианство, чтоб Христос признал нас Своими, когда вступим в вечность. Да не услышим страшного и горького: «Не вем вас...»

Рассматривая искренний нрав Ваш, я всегда признавал Вас способным к жизни истинно христианской. Замечаю, что некоторый таинственный голос Ваш напоминает об этом. Душа Ваша начинает чувствовать необходимость Христианства истинного, полного, а ум — понимать это. Христос принес Себя в жертву за нас и сим обязал каждого из нас принести себя в жертву Христу. Апостол прямо и ясно говорит нам, что мы уже не свои, что мы куплены Богу ценою крови Богочеловека. Не будем же святотатцами!..

Не для того ли, чтоб Имя Божие прославилось в нас, Бог устроил так, что грешный Игнатий пришелся по сердцу широкосердечному Аврааму. Я вижу в нашей дружбе перст Божий. Без Бога ничтоже бысть, еже бысть. Когда милосердый Господь устроит для меня трапезу обильного покаяния, тогда чашею моею поделюсь с другом моим.

Ваш о Господе преданнейший

Архимандрит Игнатий

Ноября 8 дня.

№ 3

К истинному моему удовольствию, дражайший сердцу моему Авраам Сергеевич, я вспомнил, в какой рукописи моей сказано нечто о Марке Ефесском. Вспомнив, отыскал. Отыскав и прочитав, нашел сии строки весьма многозначительными, почему списываю их для Вас:

«Апостольским стопам последователь, непреоборимый столп православныя веры, на соборище Флорентинском духоборныя латинов ереси огненным Духа мечом и истинного православных догматов, аки паучинныя сети, растерзавый, Марко, глаголю, всесвященнейший, премудрейший и словеснейший Митрополит Ефесский», в начале толкования церковного последования пишет «о Божественной Иисусовой умом в сердце тайно совершаемой молитве, употребляя от Божественнаго Писания свидетельств, егоже (т. е. Марка) и самыя Богомудрыя предлагаю глаголы, иже суть сии: Подобаше убо, по повелевающей заповеди, непрестанно молитися, и духом и истиною поклонение Богу возносити; но к житейским помыслов при [нрзб.] и о теле попечений уда отводит многих и отставляет Царствия Божия внутрь нас сущаго, якоже Господне слово обдержит и умному приседети жертвеннику, духовныя же и словесныя приносящим жертвы

от себе Богу по Божественному Апостолу, запинает: якоже есмы храм Бога живущаго в нас и Дух его Божественный живет в нас» и проч.

Из сего видно, что после Марка Ефесского остались некоторые сочинения, и весьма важные; ибо как видно он занимался духовною молитвою умною, чем занимались только одни величайшие Святые и, что замечательно, Патриарх Фотий, которого Марк по духу был истинный наследник.

Вам остается приобрести сочинения Марка Ефесского и позаботиться о переводе их на русский язык.

Ваш преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий
26 сентября <до 1847>[1]

[1] Письмо сложено в виде конверта с надписью: «Его Превосходительству милостивому государю Аврааму Сергеевичу Норову». Запечатано личной печатью святителя Игнатия.

№ 4

Пишу к Вам, дражайший сердцу моему Авраам Сергеевич, из уединенной, прекрасной обители Святителя Христова Николая, в которой, наконец, остановился я постоянно после многих разъездов и начинаю лечиться[1]. Должно было съездить в Кострому и Ярославль, предстать тамошним святителям. Дорогу совершил я с большим утомлением; раза два возвращалась петербургская болезнь моя, т. е. отнимались ноги. Теперь из них идет сильнейшая испарина и чувствую некоторое облегчение. О Бабаевском монастыре скажу Вам, что он мне чрезвычайно нравится во всех отношениях. Местоположение премилое; какие воды, какие хрустальные, ключевые воды! Бьют, кипят из горы, и в таком количестве, что было бы их достаточно для всего Петербурга. Какие рощи с вековыми дубами! Какие поляны! Какая Волга! Какая тишина! Какая красота!

Раскрываю книгу аскетического писателя, читаю ее, — вижу, что здесь можно исполнить советы ее на самом деле, между тем как в Петербурге можно исполнять их только в фантазии и желанием. Словом сказать, для странствия моего земного не желал бы лучшего, другого приюта, как здесь.

С сердечною приятностию воспоминаю друзей моих петербургских, воспоминаю их со признательностию, призываю на них благословение Божие. Вспоминаю страннолюбивого, добрейшего

Авраама, вспоминаю добрейшую, искреннейшую Варвару Егоровну. Из тихого пристанища, из дальней пустыни взываю к Вам: не увлекайтесь потоком! Да будут уши сердец ваших внемлюще гласу моления моего!..

Христос с вами!

О Господе ваш преданнейший друг

Архимандрит Игнатий
1847 года сентября 4-го дня.

Мой адрес: в Ярославль, на стан<цию> Тимохино.

[1] Письмо написано во время пребывания архимандрита Игнатия в Николаевском Бабаевском монастыре во время его 11-месячного отпуска.

№ 5

Не откажитесь, Любезнейший Друг, исполнить мою покорнейшую просьбу по комитету министров, в котором Вы за отсутствием князя Шихматова[1], конечно, присутствуете. В сей комитет поступило из министерства юстиции представление о награждении орденом Св. Анны моего родителя, председателя Вологодской Гражданской Палаты, Александра Семеновича Брянчанинова. Поддержите, Дражайший, Вашим словечком это представление, и, к довершению милостей, если оно будет утверждено, то известите меня. Мне очень хотелось утешить старца, особливо по его ко мне (увы!) отношениям[2].

Христос с Вами! Благословение Божие да почивает над Вами!

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий
Октября 11-го дня 1850-го года.

[1] *Ширинский-Шихматов Платон Александрович*, князь (1790–1853) — министр народного просвещения с 1850 г.; о нем см.: Т. 1. С. 497–498.

[2] Отношения Александра Семеновича Брянчанинова (1784–1875) с сыном осложнились после того, как последний, в нарушение родительской воли, оставил светскую карьеру и принял монашество.

№ 6

Душа моя! Податель сего письма есть почетный гражданин города Козельска Калужской губернии Г<осподи>н Брюзгин[1], принадлежащий к самому благочестивому дому, приемлющему странников и монашествующих. И грешный Игнатий, бывши

еще послушником, был принят в их дом и много принял от них послуг, живя в Оптиной Пустыни[2]. Над г<осподи>ном Брюзгиным совершен «шемякин суд», что я ясно усмотрел из имеющихся при нем бумаг. Дай, Батюшка, ему записочку к твоему Апраксину и повели Апраксину с ним заняться и в чем он нуждается, ему помочь. А когда сие совершится, то о последующем я буду просить особым письмом. Христос с тобою.

Душою преданный добрейшему Аврааму грешный Игнатий
11 <14?> февраля.

[1] Известно письмо архимандрита Игнатия к Д. В. Брюзгину от 14 ноября 1837 г., в котором он утешает своего адресата, скорбящего о смерти жены; см.: Т. 3. С. 493.

[2] В Оптиной Пустыни послушник Дмитрий Брянчанинов находился летом 1829 г.

№ 7

Дражайший сердцу моему Авраам Сергеевич!

Беспокоил я Вас покорнейшею моею просьбою о родителе моем, которого представление в Надворные советники находится теперь в Инспекторском департаменте у Танеева[1]. Хотелось бы мне утешить моего старца каким-либо приятным ответом. Потрудитесь черкнуть мне хоть черточку, да приятную черточку!

Христос с Вами! Выздоравливайте, да меня проведайте.

Ваш преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий
11 марта <до 1857>.

[1] *Танеев Александр Сергеевич* (1785–1866) — действительный тайный советник, управляющий инспекторским департаментом гражданского ведомства.

№ 8

Искреннейший Друг мой Авраам Сергеевич!

Ни с чем несравненно то утешение, которое теперь я вкушаю! Непрестанно пью из чаши любви, которую мне подают все любящие меня, и в числе их бесценный Авраам Сергеевич!

Благодарю Вас, благодарю от души! Благодарю и Графа за участие милостивое! Требовался от меня указом Консистории письменный отзыв, в котором было прописано единственно от лица Преосвященного викария упоминаемое Вами предложение; приняв его с признательностию за внимание ко мне, тем не менее

я видел необходимость отказаться от него. Вот Вам отчет в моем поведении. Еще раз благодарю Вас за душевное участие ко мне.

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий

9-го апр<еля>.

№ 9

Болящему болящий — здравствовати!

Мои созерцания, или мечтания, которые приходят мне на одре болезненном, — Вам не годятся! Вам нужно что-нибудь повеселее. А и от печального родится веселое...

На одре болезни поплакал некогда благочестивый Езекия, — и плач его не был бесполезным. Пророк возвестил ему милость Неба; а Небо, повелев светилу дня возвратиться на двенадцать степеней, возвестило истину слов Пророка.

На одре болезни моей что может быть предметом моего плача? — Езекия плакал, обратив взоры к стене; и я могу заплакать, если обращу взоры мои на греховную жизнь мою, которая соделалась стеною высокою и твердою между мною и Богом моим.

Но где Исаия? Пред каким Пророческим гласом остановится тень греховная, уступит, побежит обратно? По чьему велению солнце праведности моей, склонившееся к своему закату и возвещающее близкий мрак ночи, соделается паки солнцем восходящим? Неужели в продолжении одного дня день будет для меня дважды?

Нужен ли глас Пророка? — И он слышится: «исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего...»

«Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех воздаяний Его, очищающаго вся беззакония твоя, исцеляющаго вся» душевные «недуги твоя, избавляющаго от истления» греховного «живот твой, венчающаго тя милостию и щедротами» праведности и спасения. «Обновится» покаянием и исправлением «яко орля юность твоя», пришедшая в ветхость от нерадения твоего и беззаконий твоих.

Не Пророк, не Апостол, но Сам, Сам Господь возвещает: «Не приидох призвати праведныя, но грешныя на покаяние. Милости хощу, а не жертвы»!

И так день мой, день жизни моей, который склоняется уже к своему закату, может снова обновиться, и на исходе дней моих может начаться день Богоугождения моего, который есть истин-

ный день, для которого нет ночи, то есть темного, мучительного, вечного ада.

Смотрю на одр болезни моей и говорю ему: легко, легко ты можешь соделаться одром смерти моей. Теперь болею, а придет время — буду умирать. Придет это грозное время, придет непременно! Оно идет уже и приближается, но я льщу себя, будто не примечаю его!..

Итак, зачем медлить? Зачем отлагать покаяние и исправление себя? Зачем удерживать на себе цепи греха? Воину приличен меч и отважная решительность! Один удар — и цепи рассыпались. Победитель — в свободе вечной!

Говорил святый Святитель Медиолана Амвросий[1] плачущей о сыне своем Монике: «Impossibile est, at filius talium lacrimarum pereat»[2]. Невозможно, невозможно, говорит грешный *Игнатий*, что Авраам, столь прямо и искренне расположенный к добру и Христианству, остался вне чертога блаженной вечности, коей ключи — жительство по заповедям Господа Иисуса. Аминь.

3 дек<абря> <до 1857>
Сергиева Пустынь.

[1] *Амвросий, святитель Медиоланский* (340–397), память 7/20 декабря. *Моника* — мать блаженного Августина.

[2] «Не может погибнуть сын таких слез!» *(лат.)*

№ 10

В. Е. Норовой

Милостивейшая Государыня,
Варвара Егоровна![1]

Имею честь представить при сем сквозных яблоков, желая, чтоб они понравились Вам; ныне на яблоки неурожай, и потому не могу прислать Вам таких, какие иногда бывают в саду Сергиевой Пустыни. Будьте уверены, что я предан Вам душою; при этом не могу не сознаться, что люблю и люблю Авраама Сергеевича. Моя душа как бы слышит в его душе что-то особенно доброе и дорогое. Оценка мужа есть вместе и оценка жены.

Призывая на Вас обильное Божие благословение,
с чувствами совершенного почтения имею честь быть
Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий
1857 года 28-го сентября.

[1] Это одно из последних писем святителя Игнатия, написанных в сане архимандрита: ровно через месяц он был хиротонисан во епископа.

№ 11

Препровождаю к Вам, многолюбезнейший и многоуважаемый мною Авраам Сергеевич, икос из канона Предтечи. Не смущайтесь словами св. Иоанна Златоустаго, которые мы смотрели вместе в бытность мою у Вас. Златоуст есть вселенский учитель, писания его утверждены признанием вселенской Церкви, ничего в них не найдено неправильного. Златоуст был муж духоносный; а просвещенный Духом Св<ятым> видит иначе, нежели плотские, и мнимая дерзость в суждениях Св. Златоустого гораздо святее и Богоугоднее мнимого нашего плотского и суемудренного благоговения. Говорит о Духоносцах Св. Симеон Новый Богослов: «Духом Святым вещающаго недугующие мирским духом яко высокомудра и горда отвращаются, от словес его ужасающеся, паче нежели умиляющеся. От чрева же, или учений, тонкословствующаго и противу спасения своего лгущаго, вельми похваляют и приемлют...» Если Вы захотите, то можете увидеть учение, изложенное Златоустом подробно, изложенным весьма кратко в Евангелии, а именно:

1) Луки гл. 1-я, ст. 17. Божия Матерь говорит: «Возрадовася дух Мой о Бозе Спасе моем»; явно признавая Бога не только Богом (как Ангелы), но и Спасителем (как падшие человеки), Она признает Себя находившеюся в погибели, т.е. грехе.

2) Луки гл. 2, ст. 50: «И Та (т. е. Божия Матерь и Иосиф) не разуместа глагола, еже глагола има». Вы видите, что здесь изображено духовное просвещение Божией Матери в том же состоянии, в каковом оно было в Апостолах, о котором говорит тот же св. Лука (гл. 9, ст. 45): «Она же не разумеша глагола сего...»

Впоследствии сошедший Дух Святый изменил вся; непонятливых и боязливых апостолов просветил и облек чудною силою, обретоша их чистыми сосудами, очищенными Словом Божиим (Ин. 15. 3); Дух Святый исполнил Своими дарами и Божию Матерь, как носившую и рождшую воплотившееся Слово и как слагавшую вся словеса Оного Слова в сердце Своем (Лк. 2. 51). Все сие прекрасно выражено в молитве Божией Матери пред святым Ее успением, молитве, сохраненной нам церковною историею: «Не могла я быть достойною принять Тебя, Владыка (говорит, паче же догматствует Пресвятая Дева), во утробу Мою,

если бы не Ты Сам явил мне милость, рабе Своей. Но я сохранила вверенное мне сокровище и молю Тебя, Царь Славы, *огради Меня от области геенской, да не причинит она мне никакого вреда.* Небеса и Ангелы всегда трепещут пред Тобою; тем более человек, из земли созданный, *не имеющий в себе ничего доброго, кроме того, что примет от Твоей благости!..*»

Рассмотрите все сие со вниманием, и Вы признаете в словах Златоуста тот же самый смысл; примите в соображение, что сей же Златоуст в Литургии своей, помянув Предтечу, Апостолов, Пророков, мучеников, словом, всех святых в тайной молитве священника, восклицает во услышание всего Христианского народа: «Изрядно (т. е. особенно же) о Пресвятой, Пречистой, Преблагословенной Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии!»

Вот истинное православное учение (слова служебника на Литургии), которым показано неизреченное, недомыслимое величие Божие, призирающее на смирение Девы, соделывающее Ее своим жилищем и возносящее Ее превыше Херувимов и Серафимов. Когда взглянешь на дела Божии по чистому руководству нашей Церкви, то да молчит всяк ум. Бог есть Бог. Нет Ему закона, «кто уразумеет ум Господень, или кто советник Ему бысть? Кто уразуме ум Господень, иже изъяснит и?» (1 Кор. 2. 16).

Напротив того, западное учение о сем предмете стесняет могущество Божие, как бы сомневается в нем, а потому и придумывает для Божией Матери и безгрешное зачатие, и полную безгрешность наравне со Спасителем, как выразился некоторый сочинитель. Западное учение есть тьма и влечет в свою тьму многоплетением умствований по плоти, а не по Христу, везде стараясь ограничить Христа, примазывая к телу церковному другую уродливую главу, и заменить Дух Святый духом вещественным. Православное учение светло, ясно, просто — всё во Христе.

Аминь![1]

<1858–1861>.

[1] В данном письме святитель Игнатий излагает мысли, ставшие основой его работы «Изложение учения Православной Церкви о Божией Матери», над которой Владыка работал во время пребывания на Ставропольской кафедре. Это позволяет датировать письмо 1858–1861 гг.

№ 12

Любвеобильные строки Ваши, дражайший Авраам Сергеевич, принесли мне истинное утешение. Очень понимаю, что кончина Варвары Егоровны произвела на Вас сильное впечатление[1]. Сужу по себе. В течение 24-х летнего пребывания моего в Сергиевой Пустыне большая часть моих знакомых переселилась на кладбище. Это глубоко подействовало на меня, и теперь продолжает действовать. Представляюсь сам себе находящимся на очереди. О! да даруется всем нам предстать в вечность сколько-нибудь достойно вечности.

Вы спрашиваете о других моих сочинениях. Скажу Вам, что теперь, по крайнему моему изнеможению, я уже не занимаюсь сочинениями; иногда просматриваю что-нибудь прежнее.

Будьте здоровы и благополучны. С чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою

Еп<ископ> Игнатий
4 апреля 1863 года.

[1] Письмо написано незадолго до третьей годовщины со дня кончины Варвары Егоровны Норовой (07.06.1814 — 21.04.1860).

№ 13

Примите, дорогой мой, от брата моего экземпляр «Собрания» моих сочинений, написанных в сане архимандрита, исправленных и пополненных в сане епископа во время пребывания моего на Кавказе и в Бабаевском монастыре. Книга названа мною тем, что она есть: «Аскетическими Опытами»[1]. Здесь Вы найдете и «Последование»[2], которое думал я прежде изложить в отдельной книге. Не мог исполнить этого по разным причинам.

Труд мой — новость в нашей литературе. По этой причине естественно, что некоторые примут его с приятностию, а для некоторых он покажется более или менее странным. Вы, как дышавшие воздухом Востока, как запечатленные дивными впечатлениями православного, священного Востока, способны сочувствовать вновь вышедшей книге, написанной под влиянием духа святых пустынножителей Востока, из изучения их глубоких творений. Вы много беседовали со мною об этих предметах, много передали сведений, особливо по церковной

архитектуре, сведений, которые приложить к делу я постарался по возможности моей. Примите на себя благой труд объяснить книгу, ясную для Вас, тем, которые понуждаются в объяснении. Передайте Митрополиту Исидору[3], Ахматову[4] и другим, принадлежащим к Св. Синоду, то, что Вы знаете о труде моем, и как давно я был занят им. Точное понятие о моем направлении может иметь влияние на спокойствие мое, столько нужное для меня в моем болезненном положении. Почти никто не предполагал, что я занимаюсь такими предметами, что такие предметы изучены мною, — а потому сочинены для меня и приписаны мне намерения и направление, совершенно чуждые мне. Радуюсь, что дана мне возможность принести мою лепту к стопам современного христианства. Изнемог я под бременем долговременной болезненности и теперь уже не способен к труду писателя; не знаю, будет ли когда способность к нему. Лебединая песнь, по крайней мере, воспета.

Будьте здоровы и благополучны! Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
20-го февраля 1865 года.

P.S. Мой адрес: в Ярославль

[1] «Аскетические опыты» свт. Игнатия вышли в 1864 г.

[2] Имеется в виду работа «О последовании Господу нашему Иисусу Христу», открывающая «Аскетические опыты».

[3] *Исидор (Никольский)* — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский в 1860–1892 гг.

[4] *Ахматов Алексей Петрович* (1818–1870) — Обер-прокурор Святейшего Синода в 1862–1865 гг.

Публикация писем и примечания
А.М. Любомудрова

Ольга Шафранова

Друзья святителя Игнатия — от юности и до последних дней

I

Федор Петрович Опочинин

В письме к своему наместнику в Сергиеву Пустынь от 24 марта 1848 г. святитель Игнатий писал: «Федора Петровича Опочинина признавал я всегда человеком, который расположен был ко мне и по уму и по сердцу, также и к обители нашей: он писал мне несколько писем сюда [в Бабайки]».

Опочинины принадлежали к одному из древнейших родов, прописанному в дворянских книгах Ярославской, Тверской и Смоленской губерний. Представители их на протяжении веков служили государству, занимая высокие военные и административные должности.

Федор Петрович Опочинин (1778–1852) «начал свою карьеру в военной службе, перейдя затем в гражданскую, он в 1816 г. был уже шталмейстером, а затем быстро продвигался по лестнице чинов и умер в декабре 1852 г. действительным тайным советником, членом госсовета и обер-гофмейстером»[1]. Женат он был на дочери Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, Дарье Михайловне (1788–1854).

По своему уму и нравственным качествам Федор Петрович пользовался всеобщим уважением. Иностранные источники отмечали, что он «один из наиболее любезных и образованных людей при дворе, живет в Мраморном дворце, принадлежащем Великому князю Константину»[2].

Близкие дружеские отношения между Великим князем Константином Павловичем (1779–1831) и Федором Петровичем Опочининым возникли со времени вступления последнего в гвардию. Великий князь проникся к Федору Петровичу доверием «за ревность в службе, за его способности и живость». Отношения эти сохранились и тогда, когда Великий князь был правителем Польши (1816–1830), а Ф. П. Опочинин обосновался окончательно в Петербурге. С 1816 г. Федор Петрович стал основным

---

[1] Цесаревич Константин Павлович. Переписка с Ф. П. Опочининым. СПб., 1873. С. 3.

[2] РГБ ОР. Ф. 41. К. 169. № 46.

доверенным лицом Великого князя Константина Павловича в столице и выполнял самые различные его поручения. Об этом, в частности, свидетельствует их переписка, опубликованная в 1873 г. внуком Федора Петровича, Федором Константиновичем Опочининым.

В знаменитом 1825 г. Ф. П. Опочинин уговаривал Великого князя Константина Павловича принять корону. Несмотря на это он пользовался большим доверием и у вступившего на престол царя Николая I, при котором достиг высших должностей.

Со святителем Игнатием Федор Петрович познакомился еще в пору его учебы в Инженерном корпусе, возможно, через посредство сына, Константина, воспитывавшегося в те годы в Пажеском корпусе и находившегося в самых дружеских отношениях с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым. После назначения отца Игнатия архимандритом Сергиевой пустыни оба они (т. е. отец и сын) стали одними из наиболее верных ее прихожан. О дружеских, даже сердечных отношениях Федора Петровича Опочинина с Отцом архимандритом можно судить по публикуемым ниже письмам, написанным последним в Николо-Бабаевском монастыре. Увы! После восторженных описаний своих впечатлений от «родины» Федора Петровича Святитель уже в письме от 4 февраля 1848 г. разделял с ним «скорбь крепкую, необыкновенную», вызванную неожиданной кончиной его сына, Константина Федоровича. «Сердечно участвую в скорби, постигшей благочестивое семейство Опочининых! К Федору Петровичу на этой же почте отправил письмо. Бог, видно, хочет, чтоб этот человек, в котором так много доброго, приблизился к Нему», — писал он тогда своему наместнику. И продолжая сопереживать с семейством Опочининых их тяжелую утрату, он 30 марта послал им утешительное вдохновенное «Слово из вечности», написанное под впечатлением «таинственно послышавшегося голоса» умершего друга. (Позже это поэтичнейшее «слово», несколько переработанное, войдет в собрание творений святителя Игнатия под названием «Голос из вечности».)

Константин Федорович Опочинин (1808–1848), по словам святителя Игнатия, «обещавший так много для отечества», к моменту кончины был флигель-адъютантом, полковником лейб-гвардии полка. Похоронен он в Сергиевой пустыни, где через недолгое время упокоятся и его отец, Федор Петрович, и его мать, Дарья Михайловна.

Следует отметить, что семейные качества Опочининых перешли и к внуку Федора Петровича, Федору Константиновичу Опочинину (1846–1881), известному археографу и библиофилу. Особенную память по себе Федор Константинович оставил как основатель «Опочининской библиотеки» в городе Мышкине, на что он затратил значительные средства. Жена его, Наталья Федоровна (урожденная Нарышкина), подарила мебель, которой была обставлена читальня библиотеки. А за два года до кончины Федор Константинович составил завещание, которым все русские книги своей библиотеки завещал Мышкинской библиотеке.

Письма святителя Игнатия к Федору Петровичу Опочинину*

№ 1

Ваше Высокопревосходительство!

Милостивый Государь!

Будьте по обыкновению Вашему милостивы к сему письмоподателю, расстроившему свое здоровье и желающему получить помощь в больнице, находящейся в заведывании Вашего Высокопревосходительства. Я уже не говорю, что Вы сделаете сим для меня новое одолжение; потому что в многолетнее мое пребывание здесь я не мог не видеть с сердечным утешением Ваше направление, направление постоянное, делать мне все доброе, полезное, приятное. Желая Вам препроводить святую четыредесятницу в вожделенном здравии и в радости встретить великий день Пасхи, с искреннейшею преданностию и совершенным почтением, имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1843 года марта 4-го дня

---

* Письма № 3 и № 5 были опубликованы в т. 4 Собрания сочинений святителя Игнатия (М., 1993). Остальные письма опубликованы впервые в ПСТ. Т. 8: письмо № 1 – ОР РНБ. Ф. 545. Ед. хр. 13 – публикация А.М. Любомудрова; письма № 2, 4, 6, 7 – РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 9 – публикация О.И. Шафрановой.

№ 2

Милостивый Государь Федор Петрович!

Родина Вашего Высокопревосходительства прекрасна. Сколько не видел я местоположений на пути моем в Ярославль из Петербурга через Москву, никакая местность не поражает, не пленяет так взоров, как берега Волги. Какой обширный горизонт, какая роскошь! Берега Волги — это страна с совершенно особенным, отдельным характером. Здесь все улыбается. Самые струи Волги, — какие-то нежные, добрые, — соответствуют назначению реки, назначению государственному, назначению: кормить, обогащать, благотворить. Вы носите характер Вашей родины. Когда взглянешь на Вас, то Ваша физиономия говорит: этот человек рожден, чтобы изливать благотворение на ближних и делом добрым, и словом приветливым, мудрым. Светло чело Ваше! Светит благонамеренностию! Оно способно быть и грозным, глас Ваш может издать и громовые звуки, но это — только по необходимости и по наружности. Сердце остается добрым и благонамеренным; но надо же взглянуть темной тучей и грянуть рассыпчатым громом, чтоб осветить застоявшиеся, предавшиеся дремоте души, возбудить их к движению, очистить от злокачественных газов. Я Вас таким не видал, но фантазирую и, кажется, безошибочно. А позволяю себе фантазировать с такою свободою и, может быть, вероятностию, от того, что люблю, знаю, убежден, что Вы меня любите: посему поспешаю известить Вас, что я притащился в Бабаевский монастырь 9-го Августа, дорогою похворав довольно и в свободное время от хворости посетил замечательнейшие святыни, бывшие на пути моем. Бабаевским монастырем я очень доволен. Местность живописная, роскошная. Воздух, воды — чудные! Провожу время почти совершенно один — с бесценными собеседниками книгами, которые говорят, когда захочу, — умолкают, когда захочу, — опять начинают свою скромную, безгласную беседу. Это уединение доставляет мне отдых, необходимый при моем нервном расстройстве, при котором развлечение служит обременением.

Призывая на Вас благословение Божие, поручая себя Вашей памяти, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1847 года
августа 14-го дня

№ 3

С приятностью услышал я, что вы посетили обитель преподобного Сергия в день его праздника. Вы взошли и в мои комнаты с другими, расположенными ко мне ради имени Христова! Примите мою искреннейшую благодарность! И я был тут сердцем моим.

Что сказать вам? — Спаситель мира повелел тем, которые хотят войти в Царство Небесное, быть, как дети, простыми, незлобивыми, нелюбопытными, верующими, научающимися, скоро раскаивающимися в проступках. Последуйте этому совету Господа — в свое время ощутите блаженное обновление, укрепление души вашей. Оно будет совершаться постепенно, неприметно... Внезапно человек увидит себя измененным — и прославит всеблагого всемогущего Бога.

Не посетуйте на краткость письма моего, не измеряйте его числом строк. Посмотрите на ваше сердце: если оно утешено, удовлетворено — мера полна.

№ 4

Милостивейший Государь! Феодор Петрович!

Приношу Вашему Высокопревосходительству усерднейшее поздравление с наступившим Новым годом, желаю Вам препроводить его в вожделенном здравии и совершенном благополучии. Благословение Божие да хранит, да осеняет Вас, все семейство Ваше. Повсюду, куда Вы не обратите взоры Ваши, да встречает Вас одно лишь приятное, одно утешительное: потому что Вы умеете доставлять ближним и приятности и утешение. «В нюже меру мерите, да возмерится Вам!»

На благословенной родине Вашей, где и природа и люди встретили меня благосклонно, оказывают столько одолжительного внимания, что невольно трогают чувствительное сердце странника, — на родине Вашей мне хорошо. Здоровье мое не спеша поправляется с исшествием простуды из моего тела, оно ощущает укрепление нерв и обновление всего состава. Я употреблял потогонные средства и еще не долечился, по этой последней причине и по причине отворенных поров, также по причине слабости, которую произвело лечение, — я послал прошение к моему Начальству, чтоб оно дозволило мне возвратиться в Санкт-Петербург по первому летнему пути. А между тем я воспользуюсь благотворным влиянием на меня Вашей благословенной, гостеприимной родины.

Примите на себя труд передать мой усерднейший поклон, поздравление с Новым годом и желанием всех благ Милостивейшей Государыне Дарии Михайловне, Константину Федоровичу и Вере Ивановне, Марии Федоровне и Александре Федоровне.

И паки — призывая на Вас благословение Божие, повторяя желание Вам всех истинных благ, с чувством совершенного почтения и искреннейшей душевной преданности и признательности имею честь быть навсегда

Вашего Высокопревосходительства
покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

С первого взгляду Вашего на меня, с того взгляду, которым Вы взглянули на юнкера, — Вы глядите на меня одинаково, глядите Ангелом — за это спасет Вас Бог!

2 Генваря 1848

№ 5

Милостивейший Государь! Феодор Петрович!

Какую неожиданную весть принесла мне нынешняя почта! Константин Федорович, в цвете лет зрелого мужества, обещавший так много для отечества, для родителей и семейства своего, бесценный для всех знавших его, внезапно оставил поприще земной жизни, — и прах его уже покрыт землею! — покоится в Сергиевой пустыне! Там долго он будет покоиться! ...возбудит и оживит его труба общего воскресения человеков! ...А душа его! ...да обрящет она покой в блаженных, тихих и светлых обителях неба! Туда да проложат ей путь и ее собственное благочестие и благочестие родителей! Туда да проложат ей путь молитвы святой Церкви, молитвы отца его, молитвы матери его, молитвы осиротевшей супруги и сиротство почти немотствующих и непонимающих сиротства своего младенцев детей его!

Постигла Вас скорбь крепкая, необыкновенная, но соответствующая крепости души Вашей! Вам предлежит облечься во всеоружие живой веры, вдыхающей в сердце твердость, мужество, смирение, покорность определениям Божиим, Вам предлежит сообщать силу души Вашей слабой по телесному сложению, хотя и не слабой по упованию на Бога, Дарии Михайловне — она мать! Вам предлежит заменить собою почившего в его семействе — вступить снова в обязанности отца, пекущегося

о воспитании детей. Неожиданный и тяжкий крест лег на рамена Ваши! но он послан Богом... Неприметно пришел, приблизился он, — внезапно, всею тяжестию лег на рамена, — и блаженны те рамена, которые сподобились ощутить на себе крест Господень! Блаженна душа, которая с великодушием примет и понесет крест Господень.

Крест — знак избрания Божия, печать Христова. Этою печатию запечатлевает Христос Своих! этот знак изображают на возлюбленных Божиих ангелы Бога Вседержителя! «Если ж ты видишь кого, — сказал преподобный Марк подвижник, — проводящего жизнь бесскорбную, в постоянном благоденствии, — знай: его ожидает по смерти суд немилостивый». Все святые признавали за непреложную истину, что тот, который проводит жизнь бесскорбную, — забыт Богом. Не ищи, говорит один из них, совершенства христианского в добродетелях человеческих: тут нет его; оно таинственно хранится в кресте Христовом! Какие бы добродетели ни были совершаемы святыми, они считали их неполными и недостаточными, если их не увенчал крест Христов, не запечатлела, не засвидетельствовала печать Христова. Те только пройдут путь, стрегомый херувимом, которые будут иметь при себе рукописания, запечатленные печатию Христовою.

Милость Божия к Вам являлась во все течение жизни Вашей и в благословении Вас семейным счастием, и в благословении Вашего служения Царю и отечеству. Та же самая милость Божия является и в посланном Вам кресте. Наказание Божие — не наказание человеческое!.. гнев Божий — не гнев человеческий! Господь наказует — и любит! Он призывает Вас в ближайшее познание его. Короткое знакомство с великими земли доставляет временные почести и мнимое богатство; подробное познание Бога доставляет блага вечные, зрение славы Божией, участие в этой славе.

Всегда смотрел я на Вас оком сердца моего — глубоким сердечным чувством, которое трудно постичь, которого существование даже и не подозревают проводящие жизнь рассеянную. Думаю: Бог послал мне это чувство с тем, чтоб я имел хотя малую лепту, которою бы мог в час нужды принести Вам слабое воздаяние за Вашу обильную любовь. Гляжу на Вас отсюда, из отдаленной пустыни: вижу то же самое! расстояние не препятствует смотреть и видеть сердцем. Постоянно я ощущал в Вас, в Вашей душе, какую-то нравственную задачу, которая не име-

ла полного решения. Оставалось решить! Воля Божия о нас видна теперь яснее: Ему благоугодно, чтоб душа Ваша принесла духовный плод для житницы вечной, соответственный средствам и силам, насажденным в эту душу. Для того — Он вывел Вас на подвиг. Ему благоугодно, чтоб Вы приблизились к Нему, более познали Его.

Константин Феодорович — почти одних лет со мною, немного моложе меня. С того времени, как мы познакомились, протекла целая четверть столетия; тогда он был в мундире пажа, а я в мундире юнкера. Первая мысль, мелькнувшая мне при прочтении вести о его кончине, пролетевшая прямо в сердце, была: «и он пошел в монастырь». Теперь Вы — беспристрастный судья: не все ли равно уйти в монастырь несколькими годами раньше, несколькими годами позже? Инок — тот же мертвец с живым словом! ...Слово его из другого мира! ... из того мира, где — душа почившего. Я, живой мертвец, стяжал нового сожителя в Сергиеву обитель — сына Вашего, мертвеца, заключившего навсегда уста свои. Да дарует мне Бог произносить Вам за него и за себя «слово» из того мира — слово утешения, слово спасения!

Заливаюсь слезами — перо не держится в трепещущей руке. Христос с Вами! Он да укрепит Вас, и Вами все семейство Ваше!

Всей душой Вам преданный

недостойный Архимандрит Игнатий.
4-е февр. 1848 года

№ 6

Христос Воскресе, и воистину воскресе!

Многолюбезнейший, бесценнейший Федор Петрович!

Получив письмо Ваше, я долго беседовал с ним: оно и поныне постоянно лежит на столике близ моей кровати. На ней провожу большую часть времени; одно у меня занятие — лежание; таков удел больного. Часто я перечитывал глубокое письмо — эту исповедь души Вашей, переносился мыслию к Вам. И вот — на днях — по обычаю один я в келлии, по обычаю лежу: внезапно и живо представилось мне, что я на могиле Константина Федоровича — вместе с Вами, со всем Вашим семейством... Как будто послышался голос Константина Федоровича! Овладело душою моею чудное, неожиданное вдохновение: вскакиваю с кровати, тороплюсь начертать на бумаге мысли,

представшие мне в многочисленном, очаровательном сонме. Когда я переводил их на бумагу, — рука едва поспевала изображать то буквами, то кой-какими знаками и намеками кипящие ключом мысли, перемешивающиеся с еще более чудными, тихо и насладительно волнующими душу ощущениями. Потом я перечитал исчерканный листок — вижу: это — не моя собственность. Отрадное, утешительное вдохновение низошло ко мне не для меня одного: оно принадлежит Вам более, чем мне. Посылаю его Вам вместо красного яичка. Вы получите, прочитаете его в дни Святыя Пасхи. Пусть другие встречают праздник в шумных увеселениях: для Вас послужит услаждением «Слово из вечности». Это — беседа таинственно-послышавшегося мне голоса:

«Отец мой! мать моя! супруга моя! сестры мои! родные и друзья мои! вы все стеклись к моей одинокой могиле, — в молчании, с поникшими главами, окружили ее. Безмолвно, одними помышлениями и чувствованиями, вы беседуете с безмолвствующим жителем гроба. Сердца ваши — фиалы неисцельной скорби. Потоки слез льются из очей ваших; из потоков слез пролившихся рождаются новые слезные потоки: печали — дна нет, слезам нет конца.

Младенцы — дети мои! и вы здесь у камня могильного, у камня надгробного. И на ваших глазах навернулись слезки, — а сердце ваше почти не знает о чем плачут очи, подражающие очам вашей матери, очам отца моего, очам моей матери. Вы любуетесь камнем надгробным, камнем светящимся, мрамором белоснежным; вы любуетесь надписью из букв золотых; а они — этот мрамор и эта надпись — провозвестники вашего раннего сиротства.

Отец мой! мать моя! супруга моя! родные и друзья мои! что вы стоите так долго над моей могилой, над хладным камнем, хладно-стоящим на страже гробовой? Уже давно охладело мое бездыханное тело, — возвращается, по узаконении Творца, в свою землю, рассыпается в прах... Какие тяжкие думы вас объемлют, удерживают на могиле моей? ...Служители алтаря принесли к ней молитву о упокоении моем, возгласили мне вечную память в спасающем и упокоевающем меня Боге. Они отошли от могилы безмолвной; идите и вы: вам нужен покой после подвигов тела и души, умученных скорбию.

Вы нейдете?.. вы здесь... вы — как будто приковались к месту моего погребения! ...В молчании нерушимом, — с думой, для

которой нет объяснения, — и сердцем, в котором обилием скопившихся чувств поглощается определенность чувства, вы не отступаете от могилы влажной, от камня — памятника бесчувственного... Что надо вам? вы — из-под камня, из недр могилы как будто ожидаете моего голоса.

Нет этого голоса: вещаю — одним молчанием. Тишина нерушимая — удел кладбища. Прахи мертвецов говорят без слов: тлением осуществленным возглашают громкую проповедь, убедительное увещание к живущим, мятущимся, шумящим на земной поверхности искателям тления.

И есть еще у меня голос! и говорю с вами! и отвечаю на ваши неизъяснимые думы, на ваши непроизнесенные и неизглаголенные вопросы. Послушайте меня! отличите мой голос в общем, едином голосе, которым говорит вечность к времени. Глагол вечности — один, неизменяемый, непреложный. В ней нет переменчивости: в ней день един, сердце едино, мысль одна. Соединяющий все воедино — Христос. Оттуда голос — один.

В этом едином голосе, которым говорит вечность, отличите мой голос! Неужели вы, родные мои, не узнаете моего голоса? Мой голос в общем голосе вечности имеет свой отдельный звук, как голос струны в общем аккорде многострунного, гремящего фортепиано.

Вещал вам голос вечности, вещал с времени крещения, как и прочим Христианам, когда вы были еще неспособны внимать ему. Голос вечности! увы, — мало внимают тебе в шумной земной гостинице! То младенчество наше препятствует внимать тебе; то заботы, развлечения житейские препятствуют внимать тебе. А ты — не умолкаешь: говоришь, — говоришь, — и, наконец, чрез посланника своего — смерть — требуешь и внимательного и невнимательного слушателя к отчету в внимании святым словам вечности, святым словам Бога.

Чтоб голос вечности имел для вас особенный отголосок, способный пронзить ваше сердце, привлечь к словам спасения все внимание ваше, Бог причислил меня к говорящим из вечности. Мой голос слился с общим голосом небожителей; для прочих жителей земли я мертв, безгласен, как и другие мертвецы. Но для вас я жив, — и, мертвый, говорю слово спасения лучше, нежели как сказал бы его, живя между вами и вместе с вами гоняясь за призраками благ, которыми тление обманывает и губит странников земных.

Бог — милостив бесконечно. Ах! если б было нужным и полезным — внезапно из-под тяжелого камня, из тьмы могильной отозвался бы я вам! ...Но Небо признало частный голос из вечности излишним. И какой голос из вечности уже не лишний, когда Бог благоволил, чтоб не только Моисей и Пророки, но Сам единородный Сын Его возвестил земле волю Его, возвестил ей уставы святой, блаженной вечности? *Имут Моисеа и пророки: да послушают их*, — ответ был Неба просившему голоса умерших для спасительной проповеди живущим на земле плотскою жизнию, гибнущим душевною, вечною смертию. *Аще Моисеа и пророки не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры* (Лк. 16. 29–31).

А ты, товарищ мой, — мертвец, но еще с живым словом в устах? ... вот — отец мой, мать моя, супруга моя, родные мои... Не могу говорить с ними иначе, как общим словом вечности. В этом слове они слышат звук и моего голоса... да! они слышат его! Но нет у меня отдельного, частного слова ...Товарищ мой! из общих наших сокровищ вечности скажи им за меня простое, необходимейшее для них слово: «Земная жизнь — мгновенное, обманчивое сновидение. Вечность неизбежна... Есть и бедственная вечность! ...Стяжите вечность блаженную вниманием, послушанием всесвятым словам и заповеданиям всесвятого Бога ...и приходите ко мне на светлый вечный праздник, каждый в свое, самим и единым Богом непостижимо назначенное время».

Архимандрит Игнатий.
30 марта 1848

№ 7

Милостивейший Государь! Феодор Петрович!

Имею честь представить Вашему Высокопревосходительству Святую Икону Казанской Божией Матери, которую, для доставления оной Вам, прислал на имя мое Высокопреосвященнейший Архиепископ Григорий[1], сохраняющий постоянно любовь и уважение к Вам и семейству Вашему.

Сердечно желал бы лично представить Вам сию Святую Икону и вместе с тем принести усерднейшее поздравление с наступившим Праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом, но я простудился — и должен эти торжественные дни провести дома. В сих строках примите мое усерднейшее поздравле-

ние и желание всех благ Вам и Ее Высокопревосходительству Дарии Михайловне со всем Вашим семейством.

Поручая себя Вашему милостивому расположению и призывая на Вас благословение Неба, с чувством совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.
1849 года 24 декабря

[1] Архиепископ Григорий (Постников) — будущий Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. О нем см.: Т. 1. С. 232.

Святитель Игнатий Брянчанинов

ГОЛОС ИЗ ВЕЧНОСТИ
(Дума на могиле)

В сумраке тихого летнего вечера стоял я, задумчивый и одинокий, на могиле моего друга. В тот день совершено было поминовение о нем; в тот день семейство его долго оставалось на могиле. Почти не слышно было слов между присутствовавшими: слышны были одни рыдания. Рыдания прерывались глубоким молчанием; молчание прерывалось рыданиями. И долго сменялись рыдания молчанием, молчание рыданиями.

Стоял я, задумчивый и одинокий, на могиле; стоял осененный впечатлениями дня. Внезапно овладело мною неожиданное, чудное вдохновение. Как будто услышал я голос почившего! — Загробную речь его, таинственную беседу, чудную проповедь, какою изобразилась она в душе моей, спешу начертать трепещущею рукою.

«Отец мой! мать моя! супруга моя! сестры мои! В черных одеждах, облеченные в глубокую печаль и телом и душою, стеклись вы к моей одинокой могиле — с поникшими главами окружили ее. Безмолвно, одними помышлениями и чувствованиями, вы беседуете с безмолвствующим жителем гроба. Сердца ваши — фиалы неисцельной грусти. Потоки слез льются из очей ваших; вслед за потоками пролившимися рождаются новые слезные потоки: печали нет дна, слезам нет конца.

Младенцы — дети мои! и вы здесь, у камня могильного, у камня надгробного! И на ваших глазках навернулись слезки, а сердце ваше не знает, о чем плачут очи, подражающие очам

отца моего, очам моей матери. Вы любуетесь камнем надгробным, камнем светящимся, гранитом зеркальным; вы любуетесь надписью из букв золотых; а они — этот гранит и эта надпись — провозвестники вашего раннего сиротства.

Отец мой! мать моя! супруга моя! родные и друзья мои! что стоите вы так долго над моею могилою, над хладным камнем, хладно стоящим на страже гробовой? Давно уже охладело мое бездыханное тело; по приговору всемогущего Творца оно возвращается в свою землю, рассыпается в прах. Какие тяжкие думы объемлют вас, удерживают на могиле моей?.. Служители алтаря принесли у нее молитву о упокоении моем, возгласили мне вечную память в спасающем и упокоевающем меня Боге. Они отошли от могилы безмолвной: уйдите и вы. Вам нужен покой после подвигов души и тела, измученных, истерзанных скорбию.

Вы нейдете!.. вы здесь!.. вы приковались к месту моего погребения! В молчании, сказывающем более, нежели сколько может сказать самое пышное красноречие, — с душою, для которой нет объяснения, — с сердцем, в котором обилием чувств поглощается определенность чувств, вы не отступаете от могилы, запечатленной на многие веки, от камня — памятника бесчувственного. Что надо вам?.. Не ожидаете ли вы из-под камня, из недр могилы мрачной моего голоса?

Нет этого голоса! Вещаю одним молчанием. Молчание, тишина нерушимая — достояние кладбища до самой трубы воскресения. Прахи мертвецов говорят без звуков, в которых нуждается слово земное: тлением осуществленным они возглашают громкую проповедь, убедительнейшее увещание к мятущимся, шумящим на земной поверхности искателям тления.

И есть еще у меня голос! И говорю с вами, и отвечаю на ваши неизъяснимые думы, на ваши непроизнесенные и невыразимые вопросы. Послушайте меня! Отличите мой голос в общем голосе, которым говорит вечность ко времени! — Голос вечности один, — неизменяем, непреложен. В ней нет непостоянства, переменчивости: в ней день — один, сердце — одно, мысль — одна. Соединяющий все воедино — Христос. Оттуда голос — один.

В этом голосе, которым говорит вечность, в этом голосе безмолвном и вместе подобном грому, отличите мой голос! Неужели вы, родные мои, не узнаете моего голоса? Мой голос в общем, едином голосе вечности имеет свой отдельный звук, как голос струны в общем аккорде многострунного фортепиано.

Вещал всем нам голос вечности, вещал с времен явления нашего в бытие. Вещал он нам, когда мы были еще не способны внимать ему; вещал он нам и в зрелом возрасте нашем, когда мы уже могли и должны были внимать ему, понимать его. Голос вечности!.. увы!.. мало прислушивающихся к тебе в шумной земной гостинице! То препятствует внимать тебе младенчество наше; то препятствуют внимать тебе заботы, развлечения житейские. Но ты не умолкаешь. Говоришь, говоришь, — и наконец, чрез грозного посланника — смерть, требуешь и внимательного, и невнимательного слушателя к отчету во внимании и послушании великим глаголам вечности.

Чтоб голос вечности имел для вас особенный отголосок, особенно способный проникать в ваше сердце, привлекать к слову спасения ум ваш, — Бог причислил меня к говорящим из вечности. Мой голос слился в стройное согласие с общим голосом обширного невидимого мира. Для всех странников земли я — мертв, безгласен, как и все мертвецы, но для вас я — жив и, мертвый, говорю слово спасения открытее, сильнее, нежели как сказал бы его, оставаясь между вами и гоняясь вместе с вами за призраками благ, которыми тление обманывает и губит изгнанников из рая, помещаемых на короткое время в земной гостинице для примирения с прогневанным ими Богом.

Бог — милостив, милостив бесконечно. Если б было нужным и полезным, — внезапно из тьмы могильной, из-под тяжкого камня отозвался бы я вам!.. Небо признало частный голос из вечности излишним. И какой голос из вечности уже не лишний, когда Бог благоволил, чтобы не только равноангельные человеки, но Сам Единородный Сын Его возвестил вселенной волю Его, возвестил святые и строгие уставы — блаженной для послушных, страшной для непокорных — вечности? Имут Моисея и пророки: да послушают их[1], ответ был Неба просившему голоса умерших для проповеди живущим на земле плотскою жизнию, умерщвленным душевной вечною смертию. Аще Моисея и пророков не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры[2].

Товарищ мой — мертвец, но еще с живым словом в устах! Прими от меня поручение и исполни его.

Вот отец мой! вот мать моя! вот супруга моя! вот родные мои! не могу говорить с ними иначе, как общим голосом вечности. В этом голосе они слышат звук и моего голоса... да, они слышат его!.. но нет у меня отдельного, частного, моего

слова... Товарищ мой! будь моим словом; из общей нашей сокровищницы, из священной вечности, скажи им за меня краткое, нужнейшее для них слово: «Земная жизнь — мгновенное обманчивое сновидение. Вечность — неизбежна. Есть и бедственная вечность!.. Стяжите ж вечность блаженную вниманием, повиновением всесвятому Закону всесвятого Бога, — и приходите ко мне на верное, некончающееся наслаждение, каждый в свое, Самим и Единым Богом назначенное время!»

1848 года, Сергиева пустынь.

Дума написана на кончину К. Ф. О-на, бывшего с юных лет в близких отношениях с архимандритом Игнатием Брянчаниновым. — *Примеч. П. Брянчанинова.*

[1] Лк. 16. 29.
[2] Лк. 16. 31.

II

Графы Толстые

Графы Толстые тоже принадлежали к старинному роду и были в родстве с Опочиниными. Граф Матвей Федорович (ум. 1815), сенатор, был женат на Прасковье Михайловне Голенищевой-Кутузовой (1777–1844), дочери М. И. Кутузова, старшей сестре Дарьи Михайловны Опочининой. Сын Матвея Федоровича и Прасковьи Михайловны, Павел Матвеевич (1800–1883), крестник императора Павла, духовный сын архимандрита Игнатия Брянчанинова. Он служил в Преображенском, затем в Кавалергардском полку. В 1825 г. находился при императоре Николае I. В декабре 1841 г. уволен от службы за болезнью в чине действительного статского советника, позже служил при дворе. 7 мая 1859 г. ему было разрешено присоединить к родовой фамилии фамилию матери: граф Толстой-Голенищев-Кутузов. Женат был дважды: в первый раз на Надежде Сергеевне Хитрово (1800–1831), во второй — на Марии Константиновне Бенкендорф, которая тоже умерла молодой.

Об отношении святителя Игнатия ко всему семейству Толстых можно судить по его письму от января 1844 г., написанному в связи с кончиной Прасковьи Михайловны.

Переписка святителя Игнатия с графом Павлом Матвеевичем Толстым-Голенищевым-Кутузовым и письма Святителя к его матери, сестре и жене*

№ 1

Игнатию, архимандриту
Сергиевской Пустыни

Почтеннейший Отец Архимандрит.

Благодарю Вас очень за дорогое письмо Ваше. Я всегда был уверен, что Вы не перемените Ваше хорошее расположение. Привыкнув видеть меня довольно часто, Вы видели мои чувства к Вам, кои беспредельны, и хотя я далеко теперь от Вас, но часто очень беседую с Вами в мыслях. Здоровье мое действительно поправилось, но не знаю, что Господь Бог даст вперед и скоро ли могу я воспользоваться милостию Царскою назначением меня ко двору, хотя и думаю быть у Вас в средине лета, но на короткое время, потому что жене моей необходимо еще провести зиму в южном климате. Она все плохо поправляется, к тому же на днях простудилась сильно, так что две недели пролежала в постели и теперь еще не выходит из комнаты, что меня очень огорчает, видно, Господу Богу угодно меня испытывать в терпении, и так хотя грустно, но покоряюсь Его Воле. Не оставьте нас в своих Молитвах. Младенец Павел растет и здоров, слава Богу.

Радуюсь очень, что трапеза Ваша в день праздника была осчастливлена присутствием митрополита Киевского[1] и также Прокурора Святейшего Синода[2], это доказательство мирных сношений. Но и паче приятно мне знать, что Государь Император обещал посетить пустынь. Дай Господи, чтобы все это Вас могло упрочить в хороших чувствах нашего Монарха к Вам. Поручение Ваше я до сих пор еще не мог исполнить, хотя с тех пор, как я здесь, не проходило трех дней, чтоб я не повторял нескольким людям, коим я поручил отыскать мне книгу **Жизнь святого угодника** на Греческом или Латинском языке, но не могут до сих пор оную иметь, однако ж обещают, и потому я не лишился еще надежды привезти вам таковую. Благодарю Вас еще раз очень, Почтеннейший Отец Архимандрит, за любовь Вашу ко мне. Поверьте, что очень ценю оную и с сими чувствами остаюсь по гроб Ваш покорный слуга

Павел Толстой.

---

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 23.

Время у нас даже на солнце жарко. Окошки открыты, и миндальные деревья в цвету.

Сего 19/7 февраля 1842
Рим

[1] Митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров) — о нем см.: Т. 1. С. 31–33.
[2] *...Прокурора Святейшего Синода...* — Граф Н.А. Протасов.

№ 2

Милостивейшая Государыня Параскева Михайловна!

...Жизнь наша вся в различных скорбях, как всё оканчивается смертию. Сколько спасительных уроков преподают нам эти скорби: не дают привязываться к земле; возводят к небу; воспоминают нам Бога. А Вы, которым так известно учение Христово о терпении, которым пришлось столько потерпеть на самом деле, до конца сохраняйте терпение. Пишу Вам сие для того, чтоб доставить душе Вашей душеполезное утешение. Не пишу много, потому что надеюсь вскоре видеть Вас и потому что Вам самим очень известно Слово Божие. Господь, услаждающий скорби скорбящих, да усладит Вам болезнь Вашу и подкрепит Вас на дальнейшие подвиги. Мир Вам!

Ваш покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
24 сентября 1843
Сергиева пустынь

№ 3[1]

Милостивейшая Государыня Екатерина Матвеевна!

Я имею известие о кончине или, правильнее, о успении Вашей Благочестивой Родительницы и молюсь о ея упокоении с братиею обители моей в том самом храме, где Парасковья Михайловна так часто приносила усердные молитвы свои Господу, откуда прошения ея восходили на небо и не возвращались тщими, но исполненными и удовлетворенными. Вы пришли Вашим письмом в мою комнату, где Вы нередко бывали с покойною Матушкою Вашею, в то время, когда в этой комнате собралось почти все семейство Ваше. Тут были и Павел Матвеевич, и Иван Матвеевич, и Феофил и Григорий Матвеевичи, Анна Михайловна, Федор Петрович, Александра Федоровна, супруга Николая Матвеевича, — тут было воспоминание о покойной, тут лились слезы любви, и эти слезы не были горьки: их услаждало непости-

жимое чувство, чувство уверенности, что участь покойной есть участь блаженная и радостная. Но слезы лились как дань любви. Когда в первый раз я вышел с братиею на панихиду — это в Сергиевской церкви, мне представлялась стоящею с нами и молящаяся Парасковья Михайловна — так привыкли мы видеть ее в сем храме, в особенности при молитвословиях Страстной недели и первой недели Великого Поста.

Плачьте и не ропщите, плачьте и молитесь, плачьте и приготовляйтесь к тому, чтоб блаженная Родительница Ваша с радостию вышла бы к Вам навстречу, когда душа Ваша оставит тело, привела бы Вас благополучно ко вратам неба, ввела в них, представила бы Вас Христу, представила бы ликам святых, говоря с радостию: Се аз и чадо мое, еже даде ми Бог не только для земли, но и для неба. Теперь занимает ее зрение новых предметов, теперь привлекает ее к себе, объемлет всю любовь Божия, и если есть в ней земное желание, то оно состоит в том, чтоб дети ее, плоды болезней ея, наследовали бы небесное блаженство, пред которым всякое земное щастие есть прах и тлен. Знайте, что Парасковья Михайловна уготовала себе обитель в Раю. Не только Вы должны быть спокойны относительно ее будущности, но Вы можете быть уверены, что ея молитвы о Вас сильны и действительны пред престолом Божиим, что молитвы ея будут помогать Вам во всю жизнь Вашу, если только жизнь Ваша будет сообразна воле Божией, изображенной особенно в Евангелии. В этом будьте уверены! В доказательство истины слов моих, которые произношу от удостоверения опытом, расскажу Вам следующее обстоятельство. Когда Анна Матвеевна была больна весною, очень больна, конечно, Вы это помните, то Парасковья Михайловна, употребляя помощь врачей, наиболее прибегала к помощи молитвы. Анне Матвеевне сделалось получше, опасность совершенно миновалась, и Парасковья Михайловна отправилась в любимые гости — в Сергиеву Пустыню. Тогда уже служили мы в соборе, она входит в храм, и какими словами встречает ее храм Божий? Словами Спасителя: «о жено! велия вера твоя буди тебе якоже хочеши и исцеле дщи ея от того часа». При этих окончательных словах Евангелия того дня, которое провозглашал Отец Марк, взошла Парасковья Михайловна после непрестанного и болезненного подвига в молитвах о выздоровлении Анны Матвеевны. Это меня чрезвычайно поразило. Взошло в меня невольное и неопровержимое удостоверение, что сии слова Евангелия относятся к вере и молитвам Парасковьи Михайловны! Тогда сообщил я это

одному Павлу Матвеевичу, взяв с него слово не говорить сего Парасковье Михайловне, чтоб не причинить ей какого-либо душевного вреда; потому что мы не можем переносить похвалы безвредно во время земного нашего странствия. Но теперь, когда она вне опасностей от нападения греха, с приятностию открываю Вам мою тайну, в утешение души Вашей. Если при жизни своей Парасковья Михайловна могла испросить у Господа для дщери своей избавления от недуга смертного, тем более по смерти, к которой приготовилась и предочистилась тяжкими страданиями, она будет молить за чад своих, Вам остается споспешествовать ее молитвам Вашими молитвами и благочестием; тогда познаете на опыте, сколько сильна молитва Праведного, споспешествуемая. Жизнь внимательная и Богобоязливая кажется страшной только для тех, которые ее не вкусили, но для вкусивших на весах сердца она перетягивает все временные удовольствия. Искренно желаю Вам последовать примеру Вашей блаженной родительницы. И пройдут дни за днями, и быстро пролетят годы своею чредою, и настанет для Вас минута, для всех человеков неминуемая, в которую душа Ваша должна оставить земной храм свой и вступить в вечность или блаженную, или горестнейшую. Помните о сей минуте, и если Вы приготовитесь к ней как должно, то навсегда соединитесь с блаженною родительницею Вашею для радостей и утех бесконечных, чего Вам от души желаю. Что говорю Вам, то говорю и Анне Матвеевне.

Скажу Вам несколько слов о себе. Когда был я в кругу всего семейства Вашего (это было вчера) и вместе с тем получил от Григория Матвеевича письмо Ваше, то я ощутил, что в сердце моем удвоилась любовь моя ко всем Вам, — и это совершила покойная Праведница. Окруженный сыновьями ея и прочими ближайшими родственниками, я говорил с ними почти одним молчанием. Когда они ушли, я зарыдал, зарыдал — и уже вечером мог принять несколько пищи, так различными чувствованиями была преисполнена душа моя. Изображение Усопшей весь день как будто ходило на воздухе пред очами моими, и вид ее и вчера и сегодня предо мною — радостный. И льются слезы радости и утешения. И слово искреннее невольно выливается из сердца и, изобразившись на бумаге, спешит перелиться в Вашу душу, чтоб пролить в нее утешение и веселие духовное.

Мир Вам

Архимандрит Игнатий.

Январь 1844 года

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 19. Впервые было опубликовано в ПСТ.Т. 8 (О. И. Шафранова).

№ 4

Письмо ваше мне очень понравилось; действия ваши, внушенные любовию к ближнему, — очень понравились; совет ваш — очень понравился, который и исполняю, как вы видите по приложенному письму в Париж. Наконец — вы мне очень понравились; в письме вашем вы так мирны, так спокойны. Не люблю я, чтоб странники земные были безумно веселы: это нейдет странникам, изгнанникам, которых ждет смерть, суд, двоякая вечность, блаженная или горестная. Люблю, чтоб они были спокойны: спокойствие — признак, что странник с благословенною надеждою в сердце.

Я живу уединенно и лечусь; действие лекарства спасительно, но вместе сильно, отчего лежу по целым дням. Из моих окон прекрасный вид на Волгу, который я хвалю, но на который взгляну редко, редко, мимоходом. Как помню себя с детства — телесные чувства мои не были восприимчивы, слабо действовал на меня посредством их вещественный мир. Я был нелюбопытен, ко всему холоден. Но на человека никогда не мог смотреть равнодушно! Я сотворен, чтоб любить души человеческие, чтоб любоваться душами человеческими! За то и они предо мной — какими Ангелами! — предстают взорам сердца моего так пленительно, так утешительно! Вот зрелище, картина, на которую гляжу, заглядываюсь, снова гляжу, не могу наглядеться. И странно! Лице, форму, черты — тотчас забываю, душу помню. Много душ, прекрасных душ, на моей картине, которую написала любовь, которую верная память хранит в целости, в живости колорита. Этот колорит от уединения делается еще яснее, еще ярче. На моей картине и вы с вашим братцем. Часто смотрю на вас! Душа моя наполнена благими желаниями для вас.

В пышном ли наряде, или в немудром платьишке — что до того? — Совершим наше земное странствование, неся светильник веры правой, веры живой. Этот светильник введет нас в вечное Царство Божие, пред входом куда снимается одинаково и рубище, и пышный наряд. И самый пышный наряд в сравнении с светлою одеждою духовною — не что иное, как презренное рубище.

В терпении вашем стяжите души ваши[1], сказано странникам земли, потому что путь наш узок и прискорбен, а мы слабы.

Сила Божия в немощи совершается[2], опять утешительно наставляет нас Писание. Благодарю братца вашего за приписанные строки! Если б у моего письма были глаза, то я завещал бы им взглянуть на братца вашего пристально, продолжительно и так дружелюбно, чтоб этот беспрерывный страдалец невольно, приятно улыбнулся.

Христос с вами!

Архимандрит Игнатий.
17 августа 1847 г.

[1] *терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21. 19).
[2] 2 Кор. 12. 9.

№ 5

[К Павлу Матвеевичу Толстому]

Вы в Париже! Волны житейского моря разнесли нас в разные стороны. Я витаю на уединенном берегу Волги: вы брошены в Париж, столицу моды, столицу образованного мира и, можно сказать, в столицу тьмы и греха. В столице тьмы и греха охранитесь от помрачения, охранитесь от греха. Где больше опасности, там нужно больше осторожности. Если необходимые обстоятельства заставят быть в городах, где свирепствуют чума или другая заразительная болезнь, то надо стараться кончить там дела как можно скорее и уехать как можно скорее. Тем больше так должно поступать относительно города — столицы греха. Кто знает — не нанесет ли всезлобный грех какой раны? Кто знает — какую он нанесет рану? Он может нанести и смертельную рану, неисцельную?

Приезжайте скорее назад, окончив ваше дело. Здесь ждет вас важное дело. Вы обязаны внимательно заняться вашею душою. Не промотайте ее. А это можно сделать — и как многие делают! Вспомните, что и вам надо выйти дверью гроба из этой жизни, предстать на суд пред Господа, на суд, страшный и для святых Его, и для тех, которые провели всю жизнь в благоугождении Ему. Там будут судимы не только грехи, но и правды человеков; там многие правды их осудятся правдою Всесовершенною. Это засвидетельствовал Сам Спаситель. *Аще правда ваша*, сказал Он, *не избудет паче правды книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное*[1].

О! когда бы милосердый Господь даровал мне возрадоваться о спасении вашем и моем в этот и будущий век. Ныне день ваше-

го Ангела: да соблюдет вас в совершенном благополучии Святый Ангел, хранитель ваш.

17 августа 1847 г.

[1] Ср.: *Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5. 20).

№ 6

[К Павлу Матвеевичу Толстому]

Благополучно ли вы совершаете ваше земное странствование? Случается человеку во время этого странствования заглядеться на предметы, представляющиеся взорам. Ему кажется: шествие его в вечности остановилось. Это обман очей души. Мы идем и идем, — не останавливаемся ни на минуту.

Страннику земному на трудном пути его, чтоб он не заблудился, воспевается духовная песнь. Содержание ее: «Воля Божия, святейшие заповеди и веления Божии». *Пета бяху мне оправдания Твоя на месте пришельствия моего*[1], сказал вдохновенный Давид. Так в здешних краях, когда кто заблудится в лесу, — в соседних селах звонят в церковный колокол — и по звуку колокола заблудившийся выходит из темного леса.

А что? Обширный, многолюдный город имеет в некотором отношении сходство с обширным лесом: в нем, как и в лесу, можно заблудиться... Пусть будет голос мой из моего уединения подобен благодетельному звону колокола церковного. Всегда он отдавался в душе нашей, всегда находил в ней приют. И ныне да услышит его душа ваша! Услышав, да исполнится истинного утешения! Думаю: человек не может ничем истинно утешиться, как только воспоминанием о Боге. *Помянух Бога*, говорит святый Давид, и *возвеселихся*[2].

Как верно то, что мы все должны умереть! что эта жизнь в сравнении с вечностию — ничего не значащее мгновение! Никто из человеков не остался бессмертным на земле. А между тем живем, как бы бессмертные; мысль о смерти и вечности ускользает от нас, делается нам совершенно чуждою. Это — ясное свидетельство, что род человеческий находится в падении; души наши связаны каким-то мраком, какими-то нерешимыми узами самообольщения, которыми мир и время держат нас в плене и порабощении. Нужно усилие, постоянное усилие, борьба с собою, чтоб выплыть из ужасной темной пропасти; нужно терпение, чтоб

великодушно перенести все невидимые душевные бури. Искушение в уме и сердце страшнее всех внешних искушений. Никто так не опасен для нас, как мы сами. *Бдите и молитесь*, сказал Господь, *да не внидите в напасть*. Бдеть над собою можно только при свете Нового Завета. Свет, при котором совершается духовное бдение, изливают из себя и писания святых отцов. Божественное Писание и отцы непрестанно напоминают нам Бога, Его благодеяния, наше назначение, будущность вечно блаженную и вечно несчастную, обличают коварство мира, его козни, показывают средства, как избежать этих козней и войти в пристанище спасения.

Пребудьте в служении Богу краткое время земной жизни — и наследуете вечность, полную радостей и непрерывного наслаждения духовного. Надо же исследовать вечность!.. Не унывайте от преткновений, непогрешительность — несбыточная мечта!

Преткновения свойственны всем человекам, которым, по этой самой склонности к падениям, повелено: *В терпении вашем стяжите души ваши. Претерпевый до конца, той спасется.*

Благословение Божие да почиет над вами!

Архимандрит Игнатий.

1847 г., сентября 24 дня

[1] *Уставы Твои были песнями моими на месте странствований моих* (Пс. 118. 54).

[2] *Вспоминаю о Боге и трепещу* (Пс. 76. 4).

Письмо святителя Игнатия к П. П. Яковлеву[1]

Друг мой Павел Петрович!

Письмо к Параскеве Михайловне я уже послал к Павлу Матвеевичу; в дополнение к нему присылаю просфору. В письме, поелику я узнал вчера от Павла Матвеевича о опасном состоянии здоровья Параскевы Михайловны, писано все с осторожностию.

А в прошедшем письме, о котором она собственноручно отвечала мне от 22 октября, я и сам подивился тому, что написалось. Видно, Богу так угодно. Дарье Михайловне мой усерднейший поклон, так как и всему их почтеннейшему семейству[2].

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.

3 ноября 1843 года

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 11.

[2] Опочининых.

Письмо П. П. Яковлева к святителю Игнатию[1]

Павел Матвеевич потому не мог быть у нас во вторник, что с пятницы Святой Недели сделался болен; но теперь поправился и завтра предполагает быть у Вас.

Между тем дал мне 300 рублей серебром в число следующей за могилу суммы, каковую сумму при сем прилагаю, с покорнейшею просьбою: нельзя ли сделать милость оставить Вам из числа сих денег рублей 100 или 150 ассигнациями для Архитектора за рисунки и смету с пояснительною запискою наших часовен, а также и за рисунок потира.

Для нищей братии по случаю Праздника тоже необходимо рублей 75 или 100 ассигнациями.

В. Н. чрезвычайно благодарит Вас за Артос; они оба в чрезвычайном горе, потому что лишились старшей 5-летней дочери, которая скончалась в Среду на Святой неделе. В. Н. очень Вас просит пожаловать к ним для утешения, если будете в Петербурге до 25-го Маия. Мишенька весьма доволен яичком, но горюет о потере Сестрицы.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 29.

III

Письма святителя Игнатия к Плещеевым и Софии Павловне Титовой

К Александру Александровичу Плещееву

№ 1

Любезнейший друг Александр Александрович!

Господь да утешит Вас и семейство Ваше в постигшей Вас горести. Рассматривайте благость Божию к Вам, Его чудный о Вас Промысел и этим утоляйте скорбь сердца Вашего, приводите его к чувствам благодарения.

Старец Ваш в последние дни жизни своей (днями я называю и годы) посвятил себя Богу, успел более приготовить себя к вечности, нежели как то бывает ныне обыкновенно в свете. К этому вела его невидимая рука Божия, в этом видна особенная к нему милость Божия. Отторгнем от земли мысль нашу, прилепившуюся к земле, подумаем, поверим, что есть вечность, перед которой наше земное странствование кратче, нежели

минута, сравненная с столетием! Рассудим, что здешняя жизнь нам дана единственно как приготовление к вечности! Познаем, что род человеческий находится в состоянии падения из того самого, что мы не хотим и думать о вечности. Живем на земле, как бы вечные на ней. Обратим взоры ко Христу, Спасителю нашему! Что представится тогда нашим мысленным взорам? Необыкновенная благость Божия к Вашему дому, который приведен странными путями Промысла к Богопознанию и Богопочитанию, мало известным нам в мире.

С каким кротким смирением последовал Старец Ваш общему стремлению семейства. Тем удивительнее его смирение, что он в этом стремлении не был первым, а только последователем, что для старцев особенно трудно. При отшествии его в будущность должно более радоваться, нежели предаваться скорби: ибо очевидно, что Бог его избрал и теперь приемлет в вечное блаженство.

Это написал я в утешение Ваше; благодать Божия да произнесет в сердцах Ваших слово утешения, коими взаимно утешайте друг друга, взирая на тот путь, который всем нам предлежит, и плотские слезы обращайте на духовные, в которых вместе печаль и радость.

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.

№ 2

Дражайший Александр Александрович!

Услышав о случающихся с Вами припадках, я этим очень потревожился. Прошу Вас по дружбе Вашей ко мне пожаловать в монастырь часам к 9-ти. Вытребуем нашего доктора, и если Вам нужно пустить кровь, то он пустит Вам. Я не встречал ни доктора, ни фельдшера, который бы пускал кровь с такою отчетливостию, как Б. Послушайтесь меня грешного; уповаю, что Вы не будете раскаиваться в послушании Вашем.

26 ноября 1844 года

№ 3

М<илостивейший> Г<осуда>рь, Александр Александрович с супругою и со всем Богоспасаемым семейством Вашим! Здравствуйте! Благословение Божие да почиет над Вами. Очень часто вспоминаю о Вас с любовию сердечною о Господе. Особенного

больше мне сказать Вам нечего: по милости Божией путь спасения Вам известен с довольною подробностию. А еще поживете в заповедях Господних, еще более узнаете.

Проехал я довольно пространства, видел людей набожных посреди мира и в монастырях. Эти люди ныне крайне редки, и то с весьма малым знанием, а иные со смешанными понятиями, а оттого, что в мед подливают деготь, т. е. читают Святых Отцов Православной Церкви, да не оставляют и поддельных святых темного Запада. И сбывается русская пословица: бочка меду, да ложка дегтю. Все и выкидывай вон! Оскудело истинное духовное знание и духовные наставники. Нечто иные повирают не хуже нашего брата, — да учение какое-то непросветительное, все кругом ходят, а в двери не попадают — словно в жмурки играют.

Местечко, в котором живу, хорошенькое: нашему обществу жить бы в таком местечке. Гостиница двухэтажная, каменная. Здесь можно соединить удобства общежития с удобствами уединения. Я лечусь и потому не выхожу из комнаты и к себе почти никого не принимаю. Извините, что мало и дурно написал. Писать нечего, а написал только для того, чтоб Вы на меня не скорбели.

Просящий Ваших молитв

нед<остойный> А<рхимандрит> И<гнатий>.

24 сентября 1847 г.

Ник<оло->Баб<аевский> монастырь

№ 4

Возлюбленнейший о Господе Александр Александрович!

Божественная Премудрость, — говорит Писание, — *созда себе дом*[1], т. е. святую Церковь: в этом доме все дышит создавшею его Божественною Премудростию. Светит эта премудрость и в том, что всякий ряд прошений Церковных, или ектения, заключается сими словами: «Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Мудрое и святое заключение прошений! Ныне предстоит Вам исполнить его на самом деле, и исполнить его с живою верою во Христа. Сильна вера во Христа исповедуемым ее Христом; полна плодов скудных вера во что-либо ложное! Вера во Христа дарует верующему Христа; а Христу можно с благодарением и радостию вверить все: и себя, и ближних своих. Такое размышление да утешает Вас в последние

минуты земной жизни Вашей. Обращая произвольные взоры на Ваше семейство, вручайте его Христу. Он устроил так, что Вы были опорою Вашего семейства: теперь Он же призывает Вас к Себе. Вы были Его орудием: отлагая одно орудие, Он может взять во всемогущую Свою десницу другое орудие. Разлучаетесь с Вашими ближними, разлучаетесь ненадолго! Вы можете выводить правильное заключение о земной человеческой жизни! Вы можете исчислить, как она скоротечна! Скоро пробежала мимошедшая жизнь! Скоро пробежит для тех, которым суждено еще повитать на земле, их будущая земная жизнь. Идите на небо, в вечность, куда Вас призывает Христос. «Блажен грядый» в вечность «во имя Господне». Идите на небо на бесконечный и радостнейший праздник Христов. Туда Вы призваны Христом, призыв туда Вы приняли живою верою во Христа и ею вписались в Книгу Живота. Туда скоро придут Ваши ближние навеки соединиться с Вами. Здесь на земле они разделяли с Вами скорби, утешались верою: достойно и праведно разделить им с Вами радости небесные, приготовляемые и доставляемые верою и земными скорбями в вере во Христа.

На Небе, в вечном радовании, на светлом пиру Христовом помяните и тех, которые Вам говорили Слово Божие, да обрящут милость на суде Христовом, на котором будут судимы дела, слова и помышления человеческие, каковы они были пред Богом, не пред человеками, смотрящими только на наружность[2].

[1] См.: Притч. 9. 1.

[2] По свидетельству П. А. Брянчанинова, письмо это «было как бы напутствием к А. А. Плещееву, писано к нему за месяц до смерти его, когда еще никто не говорил и не думал о близости смертного его часа. Покойный Плещеев назвал это письмо подорожной своей в вечность, хранил его во все последние дни под подушкой; болезнь препятствовала Архимандриту Игнатию самому приехать к умиравшему другу».

К Анне Павловне Плещеевой, супруге А. А. Плещеева

№ 5

Кого Господь возлюбит и кого восхощет избрать для блаженной вечности, тому посылает непрестанные скорби, в особенности, когда душа, избираемая, заражена миролюбием. Действие, производимое скорбями, подобно действию, производимому ядом. Как тело, принявшее яд, умирает от естественной ему жизни, так и душа, вкушающая скорби, умирает для мира, для плотской жизни, родившейся из падения и составляющей истинную

смерть. Посему кто отказывается от скорбей, тот отказывается от спасения: ибо Сам Господь сказал, что «не идущий за Ним с крестом своим не достоин Его», что «желающий спасти душу свою в веке сем погубит ее для вечности». Слова Христовы непреложны и всячески сбудутся, почему и должно распинаться по слову Его, или яснее, на кресте словес Его, хотя плоть и вопиет против распятия. Для благодушного и мужественного перенесения скорбей должно иметь веру, т.е. веровать, что всякая скорбь приходит к нам не без попущения Божия. Если влас главы нашей не падает без воли Отца Небесного, тем более без воли Его не может случиться с нами что-либо важнейшее, нежели падение с головы волоса. Далее — рождается в скорбях благодушие, когда мы предаемся воле Божией и просим, чтоб она всегда над нами совершалась. Также в скорбях утешает благодарение, когда благодарим за все случающееся с нами.

Напротив того, ропот, жалобы, расположение плотское, т.е. по стихиям мира, только умножают скорбь и соделывают ее нестерпимою. Святый Исаак сказал, что «тот больной, который при операции сопротивляется оператору, умножает только свое мучение», почему покоримся Богу не одним словом, но и мыслию, и сердцем, и делами. Презрим мир и мнение его, потому что Спаситель говорил нам: «Кто постыдится словес Моих в сем роде грешном и прелюбодейном, того и Аз постыжусь пред Отцем Моим и Ангелами Его». От угождения миру теряется дерзновение к Богу, а от презрения к миру делается христианин Богу свой и со многим дерзновением обращается к дому Его, веруя слову Его, как Слову Божию, а не с двоедушием, от которого ослабляется действие Слова Божия за неверие, сопряженное с двоедушием.

Уснувшие сном уныния — восстаньте! Расслабившие себя двоедушием, укрепите себя верою! Смягчите ожесточенные сердца Ваши усердною молитвою и слезами. Приступите к Господу со смирением, и вместится в Вас Слово Его и благодать Его и воскресит мертвые души Ваши! Если слово судится и осуждается, то оно остается без пользы; если же примется со смирением, то хотя наружность его жестка, но плод — духовное утешение, рождающееся от познания и приятия Истины, в которой спасение.

№ 6

Святые Отцы сказали: «Когда видишь утопающего, простри к нему конец жезла твоего и сделай все что можешь для его спасения; но руки твоей не давай ему, чтоб он не увлек тебя с собою

в пропасть». Бог да дарует Вам мудрость поступить по сему совету.

Приступающий к Богу должен приступать с верою в Его всемогущество, а не с двоедушием, и тогда получит помощь свыше. Зло, желая удержать человека в оковах, всегда его стращает; угроз этих бояться не должно: сильный Бог избавит приступающих к Нему от всех нападений греха.

Написал я Вам было нечто по-французски, а написавши, увидел, что образ моей речи Вам нейдет. Поелику же для Вас написано, то у Вас путь и будет.

№ 7

По поручению отца Игнатия — маленького — отвечаю Вам, добрейшая Анна Павловна, вместо него. Мир имейте в мыслях и сердце; отгоняйте смущение благодушием. Говорите себе, когда разные помыслы начнут Вас смущать: «Предаюсь Богу со всеми немощами моими и обстоятельствами моими. Путь Он творит надо мною Свою святую волю». Промысл Божий устроил так, что народ Его при исшествии из Египта получил мзду свою за работы, произведенные в Египте. Поехали вы в Ревель для пользования Лидии Александровны и будьте мирны; исполняйте с тщательностию то, зачем поехали, и храните душу Вашу, которую Вы должны соблюсти на суд Христов. Когда не можете сохраниться от шумного общества, то старайтесь сохраниться от многословия и излишних шуток, а когда и от сего не сохранитесь, то умывайтесь в покаянии. Храните в себе мир! Знайте, что если есть в Вас смущение, то это знак, что закралась к Вам какая-либо фальшивая мысль. В Вас, как и во мне, нет веры, нет смиренья! Предаваясь воле Божией, Вы будете входить в то и другое и будете обретать в сердце мир. Мир Вам! Мир Софии Павловне! Лидии и Александру Александровичу мир. Мир всем, и мне, грешному. Аминь.

15 июня 1843 года

№ 8

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Примите от меня грешного послушание. Потрудитесь устроить, чтоб составлено было описание видения Г. Ильинской со всею подробностию, пиша в пол-листа, чтоб мне можно было поправить. Данное Богом знамение не должно оставлять без внимания:

ибо оно и дано было для того, чтоб мы, хладные и маловерные, обратили внимание от прелестей мира к спасению душ наших, пропадающих от нашего нерадения. Дерзаем же рассуждать следующее: поелику душа эта приняла истязание от духов нечистых, будучи еще в теле, то спасение ее не подлежит сомнению.

Ваш преданнейший

А<рхимандрит> И<гнатий>.

№ 9

Не волнуйтесь, но в спокойствии духа предавайтесь воле Божией. Бог ведает, что творит, и все, что ни творит, творит по великой благости Своей, по премудрейшим и неисследимым судьбам Своим. Говорите чаще себе: «Буди воля Божия». В сию успокоительную и священную мысль да погружается ум Ваш и сердце. Да удовлетворяются они ею. Бог Вас да благословит и да даст Вам разум истины и покорность Его святой воле, отчего прозябает мир душевный.

Ваш преданнейший о Господе

Арх<имандрит> И<гнатий>.
1846 год

№ 10

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Приношу искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше обо мне и призываю на Вас и семейство Ваше благословение Божие. Скорби Ваши – знамение избрания Божия. Да будет благословенна милость Божия, печатлеющая Вас печатью избрания. Каждый вздох страждущих о Господе слышится на небе и вписывается в книгу Божию для сторичного воздаяния. Благодать Божия да покроет святую Обитель, при которой Вы приютились, да покроет Ваше семейство, да покроет всех и вся.

Ваш покорнейший слуга

И<гнатий> Еп<ископ> Кавк<азский> и Черн<оморский>.
17 января 1858 года

№ 11

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Благодарю Вас искренне за письмо Ваше от 18-го апреля. Благословение Божие да почиет над Вами и над домом Вашим.

Он да руководит Вас к блаженной вечности. Все мы преисполнены немощей; но того из нас, который хочет благоугодить Господу, Господь врачует от немощей законом Своим и судьбами Своими.

Все, что слышу о Сергиевой пустыне, очень утешает меня. В назначении отца Игнатия настоятелем этой Обители вижу милость Божию к Обители и ко мне. Надеюсь, что и на будущее время Господь не оставит всех нас Своею милостию.

И паки призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

И<гнатий>, Еп<ископ> Кавк<азский> и Черном<орский>.
1858 год

№ 12

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Примите мою искреннейшую признательность за воспоминание Ваше обо мне пред днем воспоминания святою Церковию о Священномученике Игнатии Богоносце. Милосердный Господь да помянет Вас и чад Ваших в Царствии Своем, которое подобает наследовать многими земными скорбями. Господь послал Вам скорби в залог Царствия.

Поручаю себя Вашей о Господе любви и остаюсь навсегда Ваш преданнейший слуга

И<гнатий>, Е<пископ> К<авказский> и Ч<ерноморский>.
1 февраля 1860 г.

№ 13

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше обо мне! Поздравляю Вас и все благочестивое семейство Ваше с наступающим Новым годом, сердечно желаю Вам протекать поприще его под сению милости Божией.

Блаженны те, которые вдали от мирского шума и житейских попечений могут посвящать все свое время на служение Богу, на приготовление себя к вечности. Господь назвал такое положение человека благою частию. Эта благая часть да не отъемлется от Вас во вся дни земного жития Вашего! Да пребудет она постоянным достоянием Вашим и верным залогом вечной радости.

Призывая на Вас и семейство Ваше благословение Божие, Ваш покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
24 января 1861 г.

№ 14

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Искренне благодарю Вас за воспоминание Ваше обо мне. Вы справедливо говорите, что Промысл Божий обо мне достоин удивления и славословия. Положение мое устроилось так удовлетворительно, как я и желать не смел. Извините и меня, что пишу к Вам редко. Еще в Ставрополе очень сократил свою переписку, а теперь необходимо и еще сократить, ограничась необходимейшим.

Спасайтесь! Господь да благословит Вас и семейство Ваше и да наставит Вас на путь спасения.

Ваш покорнейший слуга

Еп<ископ> Игнатий.
24 июня 1862 г.

К дочери А. П. и А. А. Плещеевых Лидии

№ 15

Никтоже в нас себе живет, — сказал Апостол, — *и никтоже себе умирает*[1]. Оставшись жить на земле, живи не себе, но Господу: живет Господу тот, кто живет для исполнения Его воли; живет себе тот, кто живет для исполнения своих пожеланий. Последний хотя и кажется для чувственных очей движущимся, живущим, но душою мертв для Господа, вменяется у Бога как бы несуществующим, не вписан в книгу Живота; в других книгах внесено его имя. Первый — не умирает и не может умереть: он переходит смертию только в большое развитие жизни. Блюди, чтоб не ожить для себя! Жизнию о Господе умерщвляйся для себя и тем сохрани себя в живот вечный.

[1] *Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя* (Рим. 14. 7).

№ 16

Что Вам сказать о тех страданиях, которым подвергает Вас врачебная необходимость? Не отказывайтесь от этих страданий!

Они могут быть вознаграждены приятностию выздоровления. Кроме этой пользы, есть в них еще другая польза, несравненно важнейшая: это обновление души Вашей. Вы можете сделаться способною благодарить Бога и приблизиться к Нему. Для этого нет другого средства, кроме креста, то есть великодушного терпения всех страданий, ниспосылаемых Промыслом. Свергающие с себя крест делаются непотребными для Бога. Сила Божия может Вас подкрепить вполне, несмотря на Вашу юность. Воодушевляемые этою силою могут победить всякий страх, всякое мучение.

Когда мысль Ваша делается тиха и какая-то спокойная печаль, подобно дождевой туче, найдет на душу Вашу, потом в Вас делается ясно и радостно, то знайте, что это есть действие душевного плача, который в Вас появился за Ваши страдания и за то, что в них стараетесь прибегать к Богу. Будьте внимательны и благоговейны, потому что духовные ощущения тонки и уходят от невнимательных и неблагоговейных. Если будете внимательны, то тучи от времени до времени будут делаться гуще, наконец разразятся и произведут слезы, каковыми Вы не плакивали. Наслаждение этими слезами будет величайшим утешением и подкреплением в Вашей болезни. В Вас завеет тишина и спокойствие чудные! Но пребудьте верною Богу! Аминь.

Плещеевы — были хорошими знакомыми о. Игнатия маленького (Малышева), по просьбе которого архимандрит Игнатий начал с ними переписку, приведшую впоследствии к дружеским отношениям (см., например, в письме Святителя к сестре Елизавете Александровне № 16). П. А. Брянчанинов писал, что «такого рода писем, указывающих на неизменно дружественные отношения, было много». П. П. Яковлев записал, что в письме к нему, написанному святителем Игнатием за пять дней до кончины, было вложено письмо А. П. Плещеевой.

Письма святителя Игнатия к Софии Павловне Титовой*

№ 1

Вот по желанию Вашему отвечаю Вам. Милосердый Господь да отверзет мне уста, а Вам слух для Слова Его. Христианин никогда и ничем не должен смущаться, ибо Промысл Божий носит его на руках своих. Наше попечение должно состоять в том, чтоб мы пребывали верными Господу. Если к самому

***София Павловна Титова* — сестра Анны Павловны Плещеевой; см. письмо к ней № 7.

Господу вочеловечившемуся дерзнул приступить искуситель, то не должно удивляться, что он приступает к нам, хотя бы то было и по принятии нами в сосуд свой Господа. Чем больше сокровище, тем более тати покушаются украсть его. Чем более сокровище, тем более должно бдеть о хранении его. После приобщения Святых Таин, после усердной молитвы, после всякого особенно полезного для души дела нужно, по опытному наставлению отцов, особенное наблюдение за собою, ибо тогда особенно разжигается враг против нас завистию и злобою; видя, что земля и пепел восходит на небо, откуда он низвержен. Духовный рай, который, по учению Спасителя, внутри нас, должно возделывать и хранить, как это при самом сотворении заповедано Богом, в лице Адама, всем человекам. По обыкновенному ходу я предполагал, что после смущений, должно быть, Вы чувствовали утешение, которое посылает Господь законно подвизающимся рабам Своим в подкрепление, во умножение веры, надежды и любви. Понимаете ли, что Вы одолжены Господу более, чем были прежде, как получившие залог и извещение обетований! «Ему же дано более, с того более и взыщется», — говорит Писание. Познав это, блюдите, како опасно ходите, т.е. живите с осторожностию и вниманием.

Теперь хочу побранить Вас. Вы пишете мне решительно: «Я отъезжаю в среду». Хотя бы прибавили Вы: «Если Бог велит». Прочитайте в соборном послании Иакова слова Духа о таковых словах человеческих, которыми наносится безчестие Промыслу Божию, в которых нет веры и смирения. Если Вы просите прощения, то милосердый Господь чрез меня, непотребного и грешного Своего иерея, да простит Вас и да наставит благоугождать Ему делами, словами и помышлениями, как это заповедал Он в Святом Своем Евангелии, которое повелевает не разорять и малых заповедей (Мф. 5. 19). Святые сказали: «Кто в малом соблюдает заповеди, тот соблюдает их и в великом». Мир Вам!

21 декабря 1842 года

№ 2

Когда Вы вдали и не можете принести ко мне болезнующего Вашего сердца, то я прихожу к Вам и приношу слово утешения. Дни наши суть дни скорбей, а утешение наше — Крест Спасителя. Когда сыны Заведеевы просили у Господа престолов славы, тогда Он обещал им чашу скорбей, без которой невозможно

получить престолы вечной славы, которая есть Дух Святый. Итак, молитесь Господу, чтоб даровал Вам терпение в скорбях, чтоб Вы видели постоянно над собою Промысл Божий, чтоб от этого возрастала Ваша вера и верность к Богу; и тогда пусть Вас пронзают скорби, очищают от земного и приготовляют к небесному. Не удивляйтесь слабостям и грехам человеческим. На них смотрит Праведный Господь и милует грешников, ожидая покаяния их; а мы кто такие, чтоб распаляться на братию, недугующую грехом, между тем как сами нечисты пред Всевидящим и Пречистым? Оставим все, не зависящее от нас, на волю Божию, а что зависит от нас, будем то сообразовывать воле Божией или исполнением, или покаянием в неисполнении. «В терпении Вашем стяжите души Ваши», — завещал нам Господь в Евангелии. Мир Божий да почиет над Вами.

25 января 1843 года.

№ 3

Прихожу к Вам не телом, но духом; нося к Вам искреннее слово сердца в ответ на письмо Ваше от 19 января, которое я получил 14 февраля. Наружные Ваши обстоятельства возложите на Промысл Божий, и как они устроятся, так пусть и устроятся; а Вы будьте мирны и покойны, безпокоясь единственно о душе Вашей, которую Вы обещались представить Христу очищенною покаянием.

Познание немощей своих есть познание существенно нужное для христианина. Оно ведет к смиренномудрию, а это — к духовному разуму. Кому Господь восхощет даровать Свой разум, тому Он открывает особенно его немощи. Вам они открываются сообразно состоянию души Вашей; а полного их открытия, если оно есть, Вы не можете еще понести. В Вас велика привязанность по законам плоти; это оттого, что Вы мало познали Христа. Огонь плотский погашается огнем духовным; когда возжжется второй, то непременно погасает первый, по учению духоносных Отцов и отчасти по самому опыту. Пишете, что многие, находя, что поездка Ваша к сестрице Вашей есть приятная жертва Богу, а Вы не смеете прилагать сердца к этой мысли, которую, однако, Вы называете утешительною. Господь повелел ученикам Своим, когда они все повеленное исполнят, называть себя рабами неключимыми и почитать себя должниками заповедей. Я в Вашем поступке не вижу никакой жертвы — одно стремление души к исполнению заповеди любви, стремление, в котором

желательно, чтоб Господь нашел что-либо для себя чистое, благопотребное. Великий угодник Божий Агафон, весь погрузившийся в любовь Божию от любви к образу Божию — ближнему, когда пред кончиною рассматривал себя и долгое время сидел в молчании, то ученики его спросили: «Или и ты, отче, боишься?» Он отвечал: «Я старался по силе исполнять заповеди, но как могу знать, будучи человек, угодно ли мое делание Богу: ибо ин суд Божий и ин человеческий». Тем более мы, недостаточные по всему, должны страшиться и трепетать похвального заключения о наших поступках, опасаясь, чтоб мнимое утешительное чувство не было только тонким удовлетворением тщеславия. Сказал Пророк: «Все правды наши суть нечистоты». А другой Пророк: «Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит».

Написали Вы о страховании и утешении при молитве, но каковые они были и в чем именно состояли, того не написали; а и это необходимо, если хотите слышать мое суждение о них по Боге.

Во время путешествия Вы находились два раза в опасности, и рука Божия Вас спасала. Таковые опыты воспитывают в человеке веру и случались со многими, коим Господь хотел даровать великое богатство веры.

О имени Господа благословляю Вам проходить по пяти четок в день, не более. По ним должно молиться сидя, умом внимая языку, языком произнося молитву так, чтоб слышали только Вы одни. По Вашему жительству посреди мира и по недавности и новости на пути этом, Вам нейдет сильно вдаваться в молитву, что требует или большей духовной опытности, или близости руководителя; да и в последнем случает людей новых в подвиге благочестивом более нудят к смирению, которое есть основание в здании добродетелей. В свободное время занимайтесь более рукоделием, какое найдете более удобным.

Господь да простит Вас в прошедшем и да укрепит в благом на будущее время. Мир Вам!

1843 г.

№ 4

Что сказать Вам на письмо Ваше! То, что жизнь наша есть цепь скорбей, оканчивающихся смертию, этою величайшею скорбию для человеков, особливо для забывающих свое назначение истинное, в вечности. Цепь эту надо перебирать терпением звено

по звену, чтоб кончить с благим упованием. Терпение выпрашивается у Господа молитвою. Душа входит в дом терпения, когда скажет Богу: Да будет воля Твоя. Аминь.

№ 5

Воистину Воскресе Христос!

На письмо Ваше отвечаю письмом. Некоторое утешение, Вами ощущаемое, не есть прелесть, но обыкновенное следствие пути Вашего, или правильнее сказать, пути Божия. Начало просвещения души есть зрение грехов своих и своей ничтожности. Поелику же это есть плод благодати, данной нам при крещении, то оно сопровождается сладостию, утешением, слезами, в которых печаль смешана с радостию, слезами совершенно другими, нежели каковы слезы людей века сего. Вкусите и видите, яко благ Господь. Вкушение это отверзает очи и рождает веру живую, ясновидящую, совсем противную той, которую называют слепцы слепою, которая по истине слепа и мертва — существует только на краю языка.

Погружайтесь в смирение и любовь к ближнему, отрекаясь себя. Таким образом найдете Господа. Аминь.

15 апреля 1843 года

№ 6

Желающий научиться истинной премудрости, т.е. стяжать Христа, Божию силу и Божию премудрость, *буй да бывает*, по словам Апостола. Старайтесь сохранять то буйство, которое имеете, и стяжавать большее, не вдаваясь в многоразличный разум, который есть свидетельство пустоты душевной. Когда сестра Ваша будет входить с Вами в разговор, предлагая вопросы, как она предлагала и здесь Игнатию Маленькому о недоуменном, то на эти вопросы неполезно отвечать решением вопроса, а должно приводить ее к простоте и покаянию, решительно говоря, что занимающийся размышлениями о высоких предметах не может избежать заблуждения и, проводя, по мнению своему, духовную жизнь, будет далеко отстоять от пути спасения. Менее полезно узнать подробно небо и землю, чем познать свои недостатки и согрешения. Это последнее знание столько полезно, вместе столько высоко, что оно есть дар благодати, ниспосылаемой Богом и испрашиваемый молитвою. Человек собственными усилиями не может войти в это знание. Собственное усилие нужно как свидетельство искренности желания получить от Бога знание. Свидетельствуй-

те это сестре Вашей, доказывая справедливость слов Ваших, особенно первыми четырьмя главами 1-го послания к Коринфянам.

Недостатком уединения не скучайте. Обстоятельства или, правильнее, Промысл Божий приводит Вас упражняться в услужении и утешении ближних Ваших. И трудитесь на этой ниве, на которой поставлены, не предаваясь с одной стороны развлечению, а с другой безрассудному усердию, при котором непременно вкрадывается мысль, что Вы доставляете утешение, а не Бог доставляет Вами утешение другим, а Вам быть утешением для других. Сладость уединения проистекает из исполнения Христовых заповедей, совершенных в общежитии.

Наконец — Вы больны. Подобает тому, кто хочет приблизиться к Богу, пройти душою и телом сквозь многие скорби и болезни. Говорите болезням Вашим: «Придите, Богом посылаемые, помучьте грешное тело, пожгите его, потерзайте его за те беззакония, коих жилищем оно было!» К правилу безмерно не нудьтесь во время болезни: взамен его приносите Господу жертву хвалы и благодарения. Мир Вам.

8 октября 1843 года

№ 7

Бывает болезнь и бывает мнение болезни. Наконец бывает, что человек точно болен, а враг ему внушает, что он не болен, но только мнит о себе, что болен. С Вами последнее. Оставьте на время поклоны: их заменила болезнь; но не оставляйте молитвы с сердечным сокрушением. Когда придет к Вам порочная мысль или порочное чувство, отвергайте их и укорите себя. Вы не должны думать о себе, что в Вас какой-либо порок умалился; напротив, помышляйте, что Вы вместилище всех пороков. Вы не должны смущаться, когда обнаруживаются в Вас немощи душевные и телесные; напротив, переносить Ваши немощи с терпением и великодушием. В Вас есть потаенная гордость: Вы не твердо помните, что Вы — грешница; если б Вы это помнили, как должно, то, видя в себе немощи, не смущались бы, а говорили бы себе: «В такой грешнице, как я, и должны быть такие недостатки». Господь да научит Вас смирению, от которого истекает всякое спокойствие и изливается в сердце мир и тишина. Бог да благословит Вас.

1 февраля 1844 года

№ 8

Вся наша жизнь должна состоять из покаяния: ибо мы дотоле вне истины, доколе не вполне во Христе, чего ожидать можем

только после смерти. Чем больше погружаемся в покаяние, тем более находим, что нуждаемся в нем. Чем более очищаемся, тем более находим, что мы далеки от Пресвятого и Пречистого. Кто весь очернен, тот не видит на себе ни одного пятна.

Относительно чувств, которые Вы имели пред причащением и после оного, скажу Вам: всегда надо считать себя недостойным Христа и приступать к Нему, Врачу душ и телес наших, в числе прокаженных, слепых, беснующихся, потому что мы таковы по душе. Но должно наблюдать, чтоб сердечное сокрушение не переходило в безнадежие, которое происходит от надежды на себя, а не на щедроты Христовы. Посмотрите попристальнее! Пред исповедью между благими помыслами Вы имели помысл мелкой расчетливости, хотели на исповеди сказать все, хотели расплатиться со Христом, хотели уже не быть должными Ему! И вышли, неся в себе неудовлетворительное чувство, а лукавый помысл, подучавший к мелкой расчетливости, начал смущать, говоря: «Ты не все сказала на исповеди». Поверьте! Говорим на исповеди, что видим в себе, но несравненно большее число грехов не видим, почему множество ведомых и неведомых грехов наших повергаем в море щедрот Христовых и после таинства Исповеди ощущаем удовлетворяющее нас чувство спокойствия не по причине дел наших, но по причине Христовых щедрот и пребываем Ему должными долгом неоплатным.

Относительно правила Вашего, что скажете? Оно было дано Вам, когда ум Ваш был мертв и когда телесный труд при молитве краткой и единообразной способствовал к оживлению ума умерщвлением мечтательности. Теперь, если этот труд слишком обременителен для тела, можно его сократить, предоставя уму, освобожденному от мечтательности, плавать в словах Духа, в псалмех, пениях и песнях духовных, поюще не только устами и мыслию, но и в сердце Господеви.

8 апреля 1844 года

№ 9

На пути благочестивой жизни руководитель — Бог. *Никто не может придти ко Мне*, — говорит Спаситель, — *аще не Отец Мой Небесный привлечет его*[1]. На сем пути положено и опытное узнание того, что человек есть существо падшее, поврежденное по уму, по сердцу, по телу. Этого опытного знания мы не могли бы получить, если б не видели, что в уме нашем против воли нашей возникают греховные помыслы, в сердце — чувствова-

ния, а в теле — движения. Таковое состояние свое, по учению Святых Отцов, должно переносить с терпением, смиряясь пред господом и благодушно ожидая исцеления от единого Врача душ и телес наших. Желаю, чтоб Вы вникнули в 3-ю главу 1-го послания Св. Ап. Павла к Коринфянам. Вполне пренебрегайте мною, как скверным грешником, и принадлежите единственно Богу, тогда будет прав путь Ваш. Итак, употребляю слова Ап. Павла: *Никто не хвались человеками, чтоб Вам не остаться без Христа*. Когда Ап. Петр мыслил человеческое, а не Божеское, хотя это человеческое, по-видимому, и было доброе, тогда Господь назвал его сатаною. Правда вне Креста неприемлется. Вам надобно стяжать мертвых для приятия жизни, погубить душу свою, чтоб приобрести ее. Посмотрите, куда Вы увлеклись, и постарайтесь исправиться. Благочестивая жизнь требует трезвения, и невозможно обойтись без невидимых падений. Сокровиществуя из них смирение и опытность, не будем унывать, но, вставая от падения, шествовать далее.

29 августа 1844 года

[1] Ин. 6. 44.

№ 10

Каким бы образом ни пришел нам конец земного кратковременного жития, а придти он всячески должен. Раб Христов в волю Христову предает и душу и тело свое. А грехи куда девать? Куда девать наши бесчисленные немощи? И их предадим всемогущему Христу, понесшему немощи и грехи всего мира. Если нам подана будет чаша страданий, примем ее, как чашу спасения, как залог вечной радости. Скажем с разбойником: «Достойная по делом наю восприемлем, помяни нас, Господи, во Царствии Твоем». Сердце ответит нам спокойствием, предвкушением вечного покоя. Мир Вам.

Недостойный Архим<андрит> И<гнатий>.
2 ноября 1846 года

№ 11

Безчисленные немощи наших душ и телес мы повергаем в пучину милосердия Божия. Вся надежда наша на милосердие Божие, а не на правду нашу. Болезни телесные бывают очень сложны, тем сложнее душевные болезни. Говоря о них, Свят. Пророк уподобил их не какой-нибудь частной ране, а цельному струпу, покрывшему всю душу. И такую-то душу

повергаем в пучину милосердия Божия! После погружения в него душа выходит совершенно чистою и исцеленною. Такое погружение совершается всегда, когда душа чрез посредство покаяния и исповедания своих согрешений, особливо же при таинстве исповеди, обращается к Богу. Поэтому Ваше состояние не должно Вас смущать. Есть несомненно телесная болезнь, есть при болезни и притворство, как это часто случается с больными. От сего не должно смущаться и унывать, напротив того, должно струпы свои, притворство и родителей его тщеславие свое и сладострастие — обнажать пред Всесильным и Всеблагим. Впрочем, прося у Него исцеления и нося крест страстей своих с терпением, доколе сам Господь не возьмет его от нас. Носите иго Навуходоносорово! Увещевал таинственно Пророк израильтян. Это путь спасения; ходите им. Мир Вам от Господа!

№ 12

Милостивейшая Госпожа София Павловна!

Благословение Божие да почиет над Вами и благодать Божия да руководит Вас на кратком поприще земной жизни к спасению в вечности.

Сердечно утешаюсь, что духовная семья, собранная перстом Божиим в Обители и около Обители Преподобного Сергия, хранится сим же перстом Божиим. В кругу ее Вы можете находить удовлетворение Вашим духовным нуждам. За сие Вы должны непрестанно благодарить Бога, ибо это благо имеют весьма немногие. Поручаю себя Вашему молитвенному воспоминанию.

В<аш> п<окорнейший> слуга

И<гнатий>, Еп<ископ> К<авказский> и Ч<ерноморский>.

1859 год

Письмо С. П. Титовой к святителю Игнатию[1]

№ 13

Ваше Высокопреподобие

Всечестнейший Отец Архимандрит

Простите, Господа ради, что опять пишу. Будучи нездорова, имею нужду в разрешении Вашем и прошу Вашего благословения. В большое прихожу смущение насчет правил молитвы. Хотя вы мне говорили не утруждать себя в болезнях, но меня смущает страх распоряжаться в этом. Имея беспрестанно в памяти

прежнюю свою привычку преувеличивать болезнь, для возбуждения участия, я совсем не верю и теперь своим болезням, полагая, что для другого мои недуги были бы ничтожны. Не знаю и не понимаю, истребилось ли во мне желание к участию. Меня тяготит, когда беспокоятся обо мне, я желаю лучше большей болезни, нежели ничтожное нездоровье. Теперь, кажется, мне точно трудно дышать и наклоняться; я долго не оставляла правил. Давно уже чувствую расстройство, но с того дня, когда в последний раз говорила с вами, с благословения вашего, как Вы и сказали, возвратясь домой душа моя облегчилась — но телом изнемогла.

С позволения Вашего — когда я жила с сестрою, тому два года, — я исполняла свои правила при ней. Нынче она мне много говорила о том, что оно для меня вредно. Я отвечала ей, что не делаю, но она хотела с вами об этом говорить, чего я просила ее не делать и, каюсь перед Богом, понегодовала на нее. Однако по слабости точно не делаю поклонов.

Всякое случающееся со мною нездоровье приводит меня в смущение. Мне начнет казаться, что я в воображении больна — что недуг мой так ничтожен, что другой его бы и не заметил — и представляется, что если бы усилилась моя болезнь, я бы рада была терпеть, а что теперь только прогневляю Господа. Молитва моя во время нездоровья без утешения и мысль о тягости грехов моих не оставляет меня ни на молитве, ни на минуту.

Прошу прощения — верую, что Вы поймете, от каких прежних или нынешних грехов моих происходят такие смущения.

Мне очень трудно было положить эти мысли, чувствовала страх от этого греха.

Не оставьте грешную — прошу благословения и святых Ваших молитв.

Имею честь быть покорная Вам

София.

Генваря 29-го
<1844>

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 21. Впервые опубликовано в ПСТ. Т. 8; ответ Святителя в письме № 7 (О. И. Шафранова).

Александра Доброцветова

Граф Дмитрий Николаевич Шереметев

Род Шереметевых особенно выдвинулся с конца XVII в. Прадед Дмитрия Николаевича, Борис Петрович Шереметев, выдающийся полководец, фельдмаршал, сподвижник Петра I, первый в России, кому был пожалован графский титул. Его сын, граф Петр Борисович Шереметев (1713–1787), служить начал с отроческих лет, при Елизавете; в 1762 г. — сенатор. Унаследовав от отца огромное состояние, удвоив его приданым жены Варвары Алексеевны, урожденной княжны Черкасской (ум. 1767), он владел 140 тысячами душ и был одним из богатейших людей России. Жил широко. В принадлежащем ему Фонтанном доме в Петербурге (Наб. р. Фонтанки, 34) и в знаменитой подмосковной усадьбе Кусково устраивал многолюдные собрания, принимал императрицу Екатерину II и членов царствующего дома. Не жалел средств на обучение своих крепостных, среди которых были выдающиеся актеры, певцы, музыканты, художники, архитекторы, поражавшие гостей своим искусством. Отличался Петр Борисович также широкой благотворительностью.

Его сын, граф Николай Петрович Шереметев (1751–1809), особенно известен как создатель Останкинского дворца и крепостного театра при нем. В театре блистали талантливые крепостные актеры, прекрасно образованные, знавшие иностранные языки, и в их числе будущая жена графа Прасковья Ивановна Жемчугова (Ковалева; родилась в 1768). Графиня Прасковья Ивановна Шереметева тоже отличалась добрым сердцем и была известна своей благотворительностью. Под ее влиянием Николай Петрович принялся за создание Странноприимного дома в Москве, а когда в 1803 г. его любимая жена умерла, он весь отдался делу благотворительности, раздавая в виде пенсий и пособий до 260 тысяч рублей в год.

Странноприимный дом был открыт в 1810 г. и заниматься им пришлось уже сыну Николая Петровича и Прасковьи Ивановны, графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву.

Граф Дмитрий Николаевич Шереметев (3 января 1803 — 12 сентября 1871) рано остался сиротой: его мать скончалась через три недели после рождения сына, а отец — когда ему было шесть лет. Воспитание его проходило под руководством вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая в память былой дружбы Николая Петровича с Павлом I взяла Дмитрия под свое осо-

бое покровительство. Дмитрий Николаевич получил домашнее образование. Опекунов и воспитателей наследнику огромного состояния подбирали только с одобрения Императрицы. В 1820 г. пожалован в камер-пажи, в 1823 г. поступил на службу корнетом в Кавалергардский полк, с 1827 г. он поручик, с 1830 г. — штабс-ротмистр, в 1833 г. пожалован во флигель-адьютанты. Участвовал в походе против польских повстанцев и находился с полком при взятии Варшавы. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1834 г. произведен в ротмистры. В 1838 г. перешел на гражданскую службу, произведен в коллежские советники в Министерстве внутренних дел, камергер. С 1856 г. — гофмейстер Высочайшего двора.

В 1824–1871 гг. Дмитрий Николаевич был попечителем Странноприимного дома, основанного его отцом, жертвовал огромные суммы в дополнение к средствам, оговоренным при открытии учреждения. В середине XIX в. на его пожертвования существовали московские храмы, обители, гимназии, приюты и отчасти Петербургский университет. Во времена его деятельности прижилась поговорка «жить на шереметевский счет». В 1840-х гг. Дмитрий Николаевич исполнял обязанности Почетного попечителя санкт-петербургских гимназий, в 1843 г. был удостоен звания почетного члена Петербургского университета. Помогал в поновлении Лазаревской церкви в Александро-Невской лавре. С освобождением крестьян, значительно сократив личные расходы, продолжил заниматься благотворительностью.

Дмитрий Николаевич Шереметев был знатоком и ценителем музыки, он создал хор, которым руководил композитор и дирижер Гавриил Иоакимович Ломакин[1], выдающийся знаток и преподаватель русского церковного пения. Хор под его руководством пользовался широкой известностью, в его репертуар, наряду с русской духовной музыкой, входили произведения Палестрины, Баха и др. Концерты проходили в петербургском Фонтанном доме Шереметева, а службы — в домовой церкви св. великомученицы Варвары.

---

[1] *Гавриил Иоакимович Ломакин* (1812–1885) — композитор, дирижер и музыкальный деятель. Родился в семье управляющего Курским имением графа Д. Н. Шереметева и уже с малолетства пел в его хоре в Москве. В 1848 г. приглашен на должность учителя пения в Придворную Певческую капеллу. Состоя учителем придворных певчих, сделал четырехголосное переложение всего годичного круга церковного пения. Хор графа Д. Н. Шереметева под руководством Ломакина, наряду с Придворной капеллой, считался выдающимся хором столицы.

Хор Д. Н. Шереметева с его смертью перестал существовать, но в 1874 г. возобновлен Сергеем Дмитриевичем Шереметевым опять под руководством Ломакина.

Дмитрий Николаевич также заботился о людях искусства, оказывал материальную помощь художникам, певцам, музыкантам. Просторные залы Фонтанного дома часто превращались в мастерскую как знаменитых, так и безызвестных живописцев. Так, в 1827 г. Орест Кипренский писал там портрет Пушкина на фоне анфилады парадных комнат.

С 1838 г. Д. Н. Шереметев был женат на Анне Сергеевне Шереметевой (1810–1849), фрейлине императрицы Александры Федоровны, дочери своего дальнего родственника Сергея Васильевича Шереметева. Дети от первого брака: Николай, Сергей. В 1857 г. женился вторично на Александре Григорьевне Мельниковой (1825–1874). Дети: Александр, Екатерина.

В историю вошел Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918), историк и генеалог; полковник Кавалергардского полка (1874–1884), директор Придворной Певческой капеллы (1883–1894), почетный член Петербургской Академии наук (1890), член Государственного совета (1900), председатель Археографической комиссии (1900–1917), обер-егермейстер (1904). Один из организаторов (1877) и председатель (1888) Общества любителей древней письменности, Общества ревнителей русской истории и духовного просвещения в память императора Александра III (1896), Русского генеалогического общества (1898), автор мемуаров (последнее издание — «Мемуары графа С. Д. Шереметева». М., 2001).

Исключительный интерес читателей вызовут письма архимандрита Игнатия к графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву. Аристократ Шереметев в ту пору состоял камергером и служил по штату Министерства внутренних дел. Вместе со своей супругой, фрейлиной Анной Сергеевной, он часто посещал Сергиеву пустынь, молился там. А когда в 1846 г. наступил критический момент для Настоятеля, связанный с нехваткой денег для срочной уплаты долгов обители, граф Д. Н. Шереметев сразу же пришел на выручку, и долги были погашены. В 1865 г. святитель Игнатий отблагодарил графа за благочестивое внимание к обители великим даром — он послал Д. Н. Шереметеву только что вышедшие из печати два тома своего знаменитого духовного трактата «Аскетические опыты».

Погребен Д. Н. Шереметев в Александро-Невской Лавре.

Переписка святителя Игнатия с графом Дмитрием Николаевичем Шереметевым*

№ 1

Ваше Сиятельство!

Граф Димитрий Николаевич!

Позвольте принести Вам искреннейшую благодарность за усердие Ваше к обители Преподобного Сергия. Награды любящих благолепие храма Господня, благословение и молитвы Угодника Божия да почиют над Вами и над домом Вашим.

С истинным почтением, имею честь быть
Вашего Сиятельства,
Милостивого Государя покорнейшим слугою и Богомольцем
Архимандрит Игнатий.

Сергиева Пустыня
1836
Сентября 24-го

№ 2

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Зная Ваше глубокое уважение и особенную веру к угоднику Божию Преподобному Сергию, прошу Вас пожаловать в обитель нашу сего 5-го июля к Божественной Литургии, которую намеревается совершить Высокопреосвященнейший Митрополит Антоний. Не откажите разделить с нами и скромную трапезу нашу! Мы уже привыкли видеть Вас в сей день в обители нашей; надеемся, что и ныне Вы не лишите нас сего истинного удовольствия!

С чувствами совершенного почтения и преданности
имею честь быть
Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1845 года
Июля 3-го дня

---

* Письма с № 1 по № 40 – РГИА. Ф. 1088. Д. 532. Впервые были опубликованы в ПСТ. Т. 8. С. 51–82. (А. Н. Стрижев). Все тексты даны с сохранением особенностей написания служебной титулатуры и с соблюдением правил письменного этикета.

№ 3

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Ежегодно в день памяти Преподобного Сергия (сего 5-го июля) я имел сердечное удовольствие видеть Ваше Сиятельство в нашей Сергиевой Пустыне. Надеюсь, что и ныне Вы доставите нам сию приятность; посему я счел себя вправе напомнить о сем дне, в который Церковь наша празднует Великому Угоднику и славословит Бога, дивного во всех святых Своих и преподобных, дивного в Преподобном Сергии. Графиня Анна Сергеевна питает особенное уважение к угоднику обители нашей и, конечно, посетит праздник наш, на который приглашает Вас самое благочестивое расположение Ваше и любовь к Преподобному Сергию. Божественную Литургию будет совершать Преосвященный Викарий. По крайней мере, так предположено.

С чувствами искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1846 года
Июля 2 дня

№ 4

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Приношу Вашему Сиятельству искреннейшую благодарность за посещение обители нашей в день ее Праздника. Тем более Вы меня тронули и утешили, что самая болезнь Ваша не могла остановить Вас. Этим Вы явили обилие Вашей христианской любви! Милосердый Господь да дарует Вам скорое выздоровление!

Призывая на Вас благословение Неба и жителя Небес Преподобного Сергия, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1846 года
Сентября 26 дня, Сергиева Пустыня

№ 5

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Мне крайне совестно беспокоить Ваше Сиятельство сими строками моими, которыми решаюсь просить Вас. Но к этому вынуждает меня совершенная необходимость и уверенность, что я обращаюсь к тому человеку, который в благородных чувствах сердца своего найдет больше причин быть внимательным к моей просьбе, нежели в словах моих, и великодушно извинит меня, если найдет просьбу мою неуместною.

Поступив в Сергиеву Пустыню Настоятелем, я нашел ее в самом расстроенном состоянии. Без братства, без помещения, без ризницы, без основательных источников содержания, — с процессом, коим оспаривалась принадлежащая монастырю земля, единственное его достояние. В течение тринадцатилетнего моего настоятельства я старался сколько мог восстановить обитель. Мой товарищ, известный Вам Михаил Чихачев, продал свое имение за 40 тысяч на ассигнации, и при сем пособии процесс кончен отчасти в пользу монастыря, т.е. половина спорной земли отдана монастырю; при сем пособии доставлены средства многим лицам приехать из дальних монастырей в Сергиеву Пустыню, а другим, наиболее сиротам, находившимся в совершенной крайности, доставлены способы получить увольнение и процветать для славы Церкви и для благочестивого утешения притекающих в нашу Церковь. Монах обители нашей Моисей, из семейства купцов Макаровых, пожертвовал в обитель украшение на икону пр<еподобного> Сергия и внес до 25 тысяч ассигнациями на сооружение братских деревянных келлий; а келлии сии встали в 50 тысяч. Монастырь, кроме казенного жалования, состоящего из 600 р<ублей> асс<игнациями> для настоятеля и по 20 руб. для монахов в год, имел при моем вступлении до 500, а теперь имеет более 1500 ассигнациями в год от своих имений. Прочий доход — от богомольцев и погребений, почему крайне непостоянный и часто умаляющийся от того, что бываем принуждены забирать хлеб в долг. Таковое возобновление монастыря при крайней стесненности средств было причиною, что монастырь состоит должным в настоящее время более 10-ти тысяч рублей серебром. За таковой долг я отвечаю честию своею, не говорю уже — спокойствие мое нарушается одним сим обстоятельством, из которого выйти не имею никаких собственных средств.

Благочестивая и Христолюбивая Душа! Выкупите меня! У меня нет благодетелей; сделайтесь моим благодетелем. Мне нечем Вам воздать; Спаситель мира, обещавший не забыть чаши студеной воды, воздаст Вам в будущем веке. Прошу у Вас ради имени Христова, как един от нищей его братии. Простите! Далее продолжать не могу!.. Я не прошу в руки денег, но если соблаговолите подать в счет долгов монастыря и повелите их уплатить не вдруг, но разложив по временам, — это будет совершенным для меня благодеянием. Впрочем, как Вам будет угодно!

Во всяком случае, покорнейше прошу Ваше Сиятельство сохранить сие письмо мое в тайне. Ибо долг сей монастыря никому из Начальства не известен и в случае его огласки я могу подвергнуться всевозможным неприятностям.

Призывая на Вас благословение преподобного Сергия, с чувствами искреннейшей преданности и доверия, которые Вы мне внушили Вашим постоянным благорасположением ко мне, страннику, — страннику, оставленному всеми, — есмь навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

1846 года
октябрь 17 дня

№ 6

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Примите искреннейшее, усерднейшее поздравление мое с Великим праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом. Это поздравление приносится Вам сердцем, в котором Вы возжгли пламень любви к Вам, ко всему благословенному семейству Вашему. На Ваше расположение ко мне смотрю как на дар Неба; душа моя наслаждается сим даром и славословит за него Подателя всякого блага — Бога.

Бог — точно есть Податель всех благ; множество их Он излил на Своих тварей; но сокровищницы Его не скудеют, а милость равна неоскудевающему богатству. По сей неоскудевающей ни от каких благодеяний милости, по сему богатству, не терпящему никаких ущербов при несказанной расточительности даров, да умножит Он, Творец наш и Искупитель, благословение Свое

над Вами и семейством Вашим! Да пролиет благополучие в самое сердце Ваше, в сердце Боголюбивой супруги Вашей, в сердце младенца сына Вашего, уже отселе являющего в себе благочестие Родителей! Да оградит Господь помощию и покровом Своим Вас и семейство Ваше во всех входах и исходах Ваших, во всех случаях жизни телесных и душевных, видимых и невидимых! Да дарует Вам благоденствие, долгоденствие, мир и благоволение Свое на многая лета, во веки века.

С чувствами искреннейшей, сердечной преданности и уважения, честь имею быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1846 года

Декабря 25 дня

P. S. Вы сами угадываете, с каким бы сердечным удовольствием я лично принес поздравление Вам, многоуважаемый и многолюбивый мною Граф; но болезненность моя такова, что долгое время не буду иметь возможности выходить из комнат. Не изберете ли Вы свободного для Вас дня и, по любви Вашей к святым обителям и уединению, не пожалуете ли к нам в Сергиеву к Божественной Литургии, а после оной не угодно ли Вам будет у меня откушать и провести несколько часов в духовной беседе, в которой могу Вам представить — по крайней мере, полное искренности и признательности сердце. Не могу без особенного душевного утешения вспомнить о Вас; потому что в течение всего пребывания моего в Сергиевой Пустыне Вы являли постоянное благорасположение ко мне, а наконец приняли деятельное участие в положении моем, Вы одни приняли это участие! Да ущедрит Вас Господь! Да благословит Вас Господь! — Если Вы заблагорассудите пожаловать ко мне, то очень бы приятно мне было знать о Вашем приезде за день, чтоб отстранить всякое другое посещение, которое бы могло Вас обеспокоить. Имею намерение сообщить Вам некоторые келейные труды мои, то есть сочинения, носящие на себе печать уединения, в котором мысль видит иначе, душа стремится иначе к Богу, в котором сердце ощущает то невыразимое насладительное спокойствие, которого мир вместить не может. Посещением Вашим Вы принесете мне величайшее утешение! Простите за мою откровенность и многословие!

№ 7

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Сердце мое, до глубины проникнутое утешительнейшими чувствованиями, изливается в благодарении пред Богом, Который даровал Вам столь человеколюбивое сердце, и пред Вами, пред Вашим человеколюбивым сердцем! Вы делами милосердия приносите в жертву Богу те дары, которыми Он благоволил наделить Вас. Да благословит Вас Бог обильным благословением Свыше! Да сказует Он сердцу Вашему волю Свою благую и совершенную, в чем заключается залог земного и небесного счастия! Сие благословение да отражается во всем семействе Вашем, как светлые лучи солнца в чистых, глубоких, тихих, прозрачных водах!

Я получил от купца Макарова семь тысяч рублей серебром, которые Ваше Сиятельство благоволили назначить мне для извлечения меня из затруднительных моих обстоятельств, в которые меня поставила непостижимая судьба.

В 1833-м году, когда Государю Императору благоугодно было сказать мне, что он назначает меня в Сергиеву Пустыню, я, по странному предчувствию, осмелился просить Его Величество об отмене сего назначения, как поставляющего меня в мудреные отношения. Но воля Государя была решительна; оставалось лишь повиноваться ей. Мало-помалу начали сбываться мои предчувствия. Едва стала возникать из развалин Сергиева Пустыня, едва начали образовываться источники для ее содержания, — как возникла вместе с сим зависть, зашипели клеветы, и я встал в более фальшивое положение, нежели какое предвидел. К тому же пришли болезни и, содержа меня по нескольку месяцев безвыходно в комнатах и постоянно в слабости, лишили возможности лично и как должно заниматься настоятельскою должностию. Если ныне управляю кое-как и дело еще течет, то этим я обязан двум верным мне лицам с благородными чувствами и правилами: моему Наместнику и Павлу Петровичу. Болезненность моя и мое положение указывают мне необходимость оставить занимаемое мною место. Настроение души моей, согласно с сими обстоятельствами, влечет меня к уединению, которое приму, как дар Неба. И этот дар подает мне милосердый Господь благодетельною рукою Вашего Сиятельства! Вместе с сим Вы упрочиваете и благосостояние Сергиевой Пустыни, которая

теперь имеет обновленные храмы, приличные келлии, настоятельские и братские, вполне достаточную ризницу и утварь церковную, значительный источник содержания, кроме церковных доходов — обработанную землю. Устроение всего сего вовлекло меня в настоящее затруднительное положение, которое, конечно б, не было таково, если б не были мне связаны руки и не поставлены многочисленные препятствия к успеху моими болезнями и обстоятельствами.

Простите мне мое многословие! Но Вы участием Вашим отверзли мое сердце, и оно не терпит, чтоб не излить пред Вами тех чувствований и мыслей, которыми оно так наполнено. С самого поступления моего в Сергиеву Пустыню как мне приятно было видеть в Вас расположение к тихой, скромной жизни, храмам Божиим, к Сергиевой Пустыне, Ваше внимание к недостойному ее настоятелю. Когда Вы посещали мою келлию, всегда приносили с собою сердцу моему чувство спокойствия и какой-то непостижимой, особенной доверенности. Часто в уединении я рассматривал направление души Вашей, не плененной прелестями и шумными удовольствиями мира, нашедшей наслаждение в тишине и скромности домашней жизни: это созерцание приносило мне несказанное удовольствие. Я в душе моей находил, что Вы избрали для себя путь жизни самый чистый, самый соответствующий Вам, самый отрадный для человечества. Когда Бог привел меня узнать Боголюбивую супругу Вашу, я был поражен, увидев, что направление души ее так близко сходится с Вашим; я увидел то же расположение к скромной, домашней жизни, ту же чистую простоту некичливого сердца, которое столько доступно для человечества.

Почитаю себя счастливым, что получил я благодеяние от Вас! Вы отверзли путь моему сердцу к душе Вашей. Оно во всю жизнь мою будет принадлежать Вам! Хочу быть должником Вашим за пределами гроба; а долг мой уплотит Вам со сторичным приращением Бог мой, сказавший всесвятыми устами Своими: *еже сотворите меньшему сих братий моих, Мне сотворите. Аз воздам, глаголет Господь*[1]. Если Бог по неизреченной милости Своей приведет меня в пристанище уединения, которого жажду; если будет там посещать меня вдохновение, любящее жителей уединения, то перо мое, посвященное славе Божией и пользе ближнего, особенно будет принадлежать Вам, супруге Вашей, сыну Вашему, — буду возвещать Вам слово Божие, волю Божию святую, в которой лежит залог блаженства на земле и на небе.

Да услышит милосердый Бог мои желания и да дарует им осуществление на самом деле!

Если б здоровье мое позволяло мне выезд; то я непременно был бы у Вас, чтоб узреть лицо Ваше, чтоб лично излить пред Вами мою благодарность! Но я не выхожу из комнат! Итак, дайте увидеть себя; посетите обитель нашу, в которой зимою так тихо, так пустынно, так смирно и спокойно!

С чувствами сердечной, вечной признательности, преданности, уважения имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою, усердным, хотя и недостойным, Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Января 16 дня
Сергиева Пустыня

[1] Мф. 25. 40.

№ 8

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Посещение Ваше и искренняя беседа оставили в душе моей приятнейшее впечатление. Когда я размышлял о Вас, невольно приходили мне на память слова, сказанные Ангелом блаженному Корнилию и сохраненные нам в Книге Деяний Апостольских. «Молитвы твои и милостыни твои, — говорит Ангел, — взошли на небо!» Какой же дар они принесли с неба Корнилию? Этот дар был — слово спасения. «Той речет тебе, — продолжал Ангел, поведая Корнилию о святом Апостоле Петре, — глаголы, в них же спасешися ты и весь дом твой».

Точно — душа, приготовленная молитвою и милостынею, соделывается способною услышать и принять Слово Божие, возвещающее ей волю Божию всесвятую и всеблагую. Познание сей воли Божией вводит в душу неизреченное спокойствие, легкость, радость, утешение. И как не радоваться, как не утешаться! С познанием воли Божией душа приобретает, ясно видит в себе залог блаженства, блаженства небесного, вечного!

Вот какие приятнейшие мысли занимали меня по отъезде Вашем из Сергиевой Пустыни. Я не мог отказать сердечному влечению моему, — сообщаю Вам мои думы! Надеюсь, что Вы буде-

те посещать обитель нашу, где Ваше сердце находит отголосок, находит гармонию с Вашими чувствами и желаниями. Когда отношения людейназидаются на прочном основании, на Боге, то из сих отношений источается и обильная польза, и истинное, разнообразное утешение духовное, превысшее всех земных наслаждений, как издающее из себя благоухание вечности.

С чувствами сердечной, искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и усерднейшим Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Января 25 дня
Сергиева Пустыня

№ 9

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Бог не подвержен влиянию времени, как подвержены ему человеки. Пред Ним, в книгах судеб Его, будущее — как настоящее!

Так! — В тот день, как Вы раждались, праздновалось имя того Святого, которое долженствовала носить Ваша будущая супруга. День Вашего рождения соединялся со днем ее Ангела в знамение того, что она должна быть Ангелом утешения для Вас во всю жизнь Вашу. Те, которые во всем видят случай, видят неправильно; те, которые усматривают во всех обстоятельствах нашей жизни всепремудрую и благодетельную Руку Божию, рассуждают основательно, благочестиво, Божественно! В этом соединении дня Вашего рождения со днем Ангела Анны Сергеевны невольно для ума, плавающего в предметах Божественных, встречается горнее, приятнейшее созерцание. Имя Анна знаменует — благодать. Итак! Едва Вы родились, Бог, изливший на Вас столько и других даров, приуготовляет уже Вам особеннейший дар, назначает в удел Ваш — Благодать.

Примите мое искреннейшее, усерднейшее поздравление! Милосердый Господь да умножит лета живота Вашего в вожделенном здравии и благополучии, да сказует сердцу Вашему Свою святую волю, да соделает Вас во времени и в вечности наперсником Благодати!

Извините, что я осмелился вложить в один пакет письмо к Вам и к Графине: это я сделал потому, что сама судьба соединила воспоминание Вашего рождения и празднование Ее Ангелу в один день. Св. Писание говорит: «Еже Бог сочета, человек да не разлучает». Потрудитесь передать ее Сиятельству мои строки.

С чувствами совершенной, искреннейшей преданности и почтения, имею честь быть на всю жизнь мою

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Февраля 3-го дня
Сергиева Пустыня

№ 10

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

При Вашем одиночестве вспомните о Сергиевой Пустыне. Пожалуйте туда принести Господу благовонное кадило молитвы.

А чтоб благоухание молитвенное долее наполняло душу Вашу, останьтесь на день в уединенной обители. Зажженная свеча скоро гаснет на ветре, и благовонное курение скоро разносится ветром. Подобно сему развлечение действует на утешительные чувства, доставляемые сердцу человеческому благочестивым размышлением и молитвою. Чтоб сохранить их долее в себе, — нужно тихое уединение.

Итак, ожидаю Вас! С чувствами сердечной, искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Арх<имандрит> Игнатий.

8 февраля [1847 г.]

№ 11

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Видя, что в продолжение всего Великого поста Вы еще не посетили Сергиевой Пустыни, — я скучаю.

В будущую среду, а потом и в следующее воскресение у нас предполагается пострижение в мантию. Может быть, Вам приятно

будет увидеть пострижение; а в том, что посещение Ваше доставит мне истинное, сердечное утешение, — могу Вас уверить!

Призывая на Вас благословение Неба, с чувствами искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Марта 3 дня

№ 12

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Как был бы я счастлив, если б в сей радостный и светлый Праздник мог обнять Вас и приветствовать святым приветствием: Христос Воскресе!

Чудное приветствие! Какую содержит оно в себе истинную, блаженную весть! — Когда слышу, что совершилось необычайное происшествие, Воскресение Христово, что сие происшествие точно совершилось, есть истинное, вполне несомненное; тогда в душу мою проливается небесная надежда! Ее нежный и вместе могущественный голос говорит мне: воскреснешь и ты силою воскресшего Христа. Воскресение Христово заключает в себе семя воскресения всех верующих во Христа, всех истинных Христиан. Здесь, на земле, они предначинают преславное воскресение душами своими, приявшими животворное учение Христово; а при наступлении вечного дня будущей жизни слава Воскресения прольется и на самые тела рабов Христовых. И туда слетятся орлы сии, окрыленные нетлением воскресения, где присутствует привлекающий их к себе Христос, предначавший и даровавший человекам воскресение. Они слетятся на небо и на небе почиют в век века!

Удаленный от Вас телом, но всегда близкий сердцем, простираю к Вам объятие души моей; а вместо звучащего слова в устах моих, прочтите слово, начертанное в сих строках, слово всерадостного приветствия и поздравления с величайшим праздником христианским: **Христос Воскресе!**

Христос, присноживый как Бог, — Христос, умиравший как человек, чтоб исхитить человеков из челюстей смерти, — да дарует Вам вкушение жизни и блаженства вечных, которое

преподается, доставляется словом Божиим. Слово Божие, сообщая человеку сие сладостное вкушение, отторгает его от наслаждения грехом и руководит в рай. *Не о едином хлебе жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих*[1], говорит Священное Писание.

Призываю на Вас, на Боголюбивую Супругу Вашу, на благословенного Сына Вашего Милость Божию, обильную, вечную, на земли и на небеси! Да ходатайствует о Вас пред горним Престолом Вседержителя Преподобный Сергий своими сильными молитвами!

С чувствами сердечной, искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Марта 23 дня

Примите на себя труд приложенное при сем мое поздравление Графине вручить Ее Сиятельству.

[1] Мф. 4. 4.

№ 13

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Присылаю Вам часть артоса из обители нашей. Благословение Божие да почиет над всем домом Вашим!

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Марта 30 дня

№ 14

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Имею честь препроводить при сем к Вашему Сиятельству книгу — рукопись **Памятник Сергиевой Пустыни**. Желаю, чтоб чтение оной растворило некоторые минуты Вашей жизни духовным, полезным услаждением. Я не остановился внести в сию

рукопись две статьи, касающиеся собственно меня, которые поверяю весьма немногим, искреннейшим моим друзьям. Первая из них под названием: **Достопримечательный сон**, виденный одним из искреннейших моих знакомых во время некоторой скорби, действовавшей на меня с особенною тягостию; стран<ица> 38-я. Вторая — под названием **Плач мой** содержит описание моей жизни, жизни души моей; стран<ица> 372-я. Доверяю их Вашей любви и скромности, прося сохранить их в тайне до времени исшествия моего из сей жизни.

В начале сей недели поданы мною письмо к Государю Императору и просьба к Высокопреосвященнейшему Митрополиту Антонию о увольнении меня на покой Костромской Епархии в Бабаевский монастырь. — Там, если бы Бог дал и обновились мои силы, а это обещают доктора, душа моя могла бы свободнее, вне развлечения, изливать впечатления свои. Между прочим, и это манит меня в уединение. Все сведения, которые получаю из Бабаевской обители, о местоположении сего монастыря, о здоровом воздухе, о уединении, меня очень утешают. В воображении моем составилось предначертание тамошней моей жизни: хочу, чтобы все было крайне просто, — как в шатре странника. Точно мы — странники на земле! И часто заглядываясь излишне на ту местность, по которой мы странствуем, забываем о предмете нашего странствования — о небе!

Призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей, сердечной преданности и совершенного почтения имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Апреля 4 дня
Сергиева Пустыня

№ 15

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

В нынешний век быть обязанным кому-либо вообще отяготительно. Но я вижу сердце мое более и более свободным, когда Вы налагаете на него новые и новые узы! — Примите, Ваше Сиятельство, мою искреннейшую признательность за ходатайство Ваше о доставлении места брату моему, служащему в Контроле.

Место дано ему такое, какова лучше желать ему нельзя в настоящее время, в таком Департаменте Министерства внутренних дел, которого Директор и в особенности Вице-директор — мои хорошие знакомые. Служа у них, мой брат будет как бы под крылом родных и потому может ожидать всего приятного.

У древних Израильских Царей был особенный придворный чин — именовался Напоминатель. Мудрое учреждение! При многочисленности Царских занятий, полезнейшее предприятие, судьба страждущего, нужда нуждающегося, заслуга не награжденная может легко быть изглаждаема забвением из памяти Верховного Правителя. В таковых случаях помогал ему — Напоминатель. В настоящем обстоятельстве Напоминателем Вашего Сиятельства была Варвара Сергеевна. Потрудитесь передать ей мою искреннейшую признательность! Она исполняла с отличным постоянством и исполнила с превосходным успехом назначение своего чина! О себе скажу Вам, что я доселе ни в тех, ни в сех; а по милости Божией весел, хотя и хвор.

Призывая на Вас благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1847 года
Апреля 28-го дня

№ 16

Милостивейший Государь!
Граф Димитрий Николаевич!

Может быть, письмо мое застанет Ваше Сиятельство еще в Москве! Очень желаю, чтоб оно застало!

5 июля, в день Ангела Сына Вашего, я привык видеть Вас в Сергиевой Пустыне при торжественном Богослужении и за скромною иноческою трапезою. Не надеясь видеть Вас нынешний год лицом к лицу, стремлюсь к Вам мыслию, воспоминанием, сердечною любовию. Поздравляю Вас с днем Ангела сына Вашего! Да хранит дни его высший Угодник Божий Преподобный Сергий! Да наставляет его на всякое благое дело к истинному утешению его Родителя!

Вскоре после 5 июля думаю отправиться в путь; не торопясь, не утомляя себя, пробыть сутки в Новгороде, другие в Твери;

таким образом, попаду, вероятно, в Москву не ранее 15-го. Очень сожалею, что не застану Вас там, как Вы говорили мне при последнем свидании! Пишу поздравление графине со днем Ангела Сергея Дмитриевича — по сей же почте. Извините, что сей раз пишу так мало и Вам, и Графине: причиною этому рассеянность, неразлучная со сборами и со множеством посещающих в настоящее время Сергиеву Пустыню. Надеюсь, что, достигши моего уединения и погрузившись там на свободе в духовное размышление, буду делиться с Вами обильно пользою душевною.

Призывая на Вас благословение Угодника Божия, Преподобного Сергия, с чувствами сердечной преданности и искреннейшего почтения имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем.

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Июля 1 дня

№ 17

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Сердечно сожалею, что лишаюсь истинного сердечного удовольствия видеть Ваше Сиятельство пред моим отъездом: я выезжаю завтра чем свет, чтоб поспеть к обеду в Сергиеву Лавру. Что делать! Примите в сих строках мое усерднейшее желание Вам всех благ временных и вечных. Милосердый Господь да благословит Вас и весь дом Ваш; а я с неизменяемыми чувствами душевного уважения, преданности, признательности пребуду навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

Август [1847]

№ 18

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Милосердый Господь привел меня в Богоспасаемую обитель Святителя Христова Николая. Премилая, уединенная обитель! Она на самом берегу Волги, — с прекрасными рощами и полянами.

Далеко видна живописная окрестность. Не желал бы я для земного странствия моего лучшего, другого места! Какая здесь тишина, какая простота! Если б я остался здесь навсегда, то непременно стал бы приглашать Вас, чтоб Вы посетили прекрасную обитель Бабаевскую. Я уверен, что она очень бы Вам понравилась.

Сердечно благодарю Вас, любезнейший Граф, за то истинное, дружеское участие, которое Вы принимаете во мне, за ту Христианскую любовь, которую Вы мне постоянно оказывали с самого начала знакомства нашего. Вы насадили в сердце мое доверенность к Вам, признательность к Вам.

Призываю на Вас благословение Божие! Да почиет оно над боголюбивою супругою Вашею, над милым сыном Вашим, в котором отселе видно благочестие Его Родителей. Как он похож на Вас, Граф! Особливо когда молится — это живой портрет Ваш. С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Сентября 4-го дня

№ 19

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Примите искреннейшее поздравление мое с наступающим днем Ангела Вашего! Ангел святый, Ангел мирный да хранит драгоценные дни Ваши в нерушимом спокойствии, в совершенном благополучии, — да сказует Вам волю Божию благую и совершенную, творящие которую имеют здесь, на земли, споспешников — Ангелов, а в будущем сопричислены будут Ангелам, будут вкушать вместе с ними вечное блаженство.

Каковы мои желания для Вас, любезнейший Граф; земные блага, одни, не могут удовлетворить человека; душа наша, имеющая, по выражению святых Отцов, начаток Духа, ищет, жаждет наслаждений духовных, небесных, которых источник — Бог. В уединении моем, в уединении безвыходном — того требуют принимаемые мною лекарства противопростудные, — удобно размышлять о истинном назначении человека, о его отношениях к времени, к вечности, к Богу. Как приятно было б

мне проводить так жизнь мою до самой пристани могильной, где оканчивается путешествие каждого странника земного, каждого плавателя по волнам житейского моря! И в уединении можно быть полезным для общества человеческого словом полезным, словом Божиим. Исшедшее из уединения, оно имеет особенную силу, доставляемую чистотою, особенно действует на сердца ближних. — Хотелось бы провести здесь всю зиму. А там, что Бог даст!

Конечно, Вы скоро переезжаете из Москвы в Петербург. Не забудьте там сиротствующих братий Сергиевой Пустыни, утешьте их Вашим посещением. Этим Вы доставите им истинную радость. А весною, может быть, где-нибудь встретит Вас и Настоятель их: в Москве или, может быть, еще застанет в Петербурге.

Призывая на Вас, на семейство Ваше, на весь дом Ваш благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности, признательности, совершенного почтения, имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Сентября 17 дня

№ 20

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с днем рождения Вашего милого Ангела, графа Сергия. Господь да сохранит его, да наставит на путь своих святых хотений, да дарует ему благословение Свыше.

О себе скажу Вам: я очень утешаюсь уединением моим. Здесь так тихо, так спокойно! На свободе я занялся лечением моим, от которого пришел в значительное расслабление; но, кажется, застаревшие ревматизмы мои тронулись из гнезд своих. С первых чисел сентября нога моя не была за дверями моей келлии. Решительно никто ко мне не ходит. О<тец> Игумен посещает в две недели однажды — на полчаса, и каждый раз я не забываю благодарить его за то, что ко мне никто не ходит. Эта жизнь мне нравится: до сих пор не чувствовал никакой скуки.

Желаю и Вам среди шумного мира избежать всего неприятного, а напротив того, да веселится непрестанно сердце Ваше

веселием чистым и истинным, которое доставляется благочестивою и добродетельною жизнию, которое так далеко от веселия шумного и непостоянного, доставляемого удовольствиями мира. Источник счастия человеческого — сердце. «От сердца, — говорит Писание, — исходища живота». Нужно, так сказать, засладить самый этот источник, — и он будет источать воду живую, воду прохладную и насладительную. Заслаждают его: слово Божие и добрые дела.

Призываю на Вас, на весь дом Ваш благословение Неба! С чувствами неизменной преданности и совершенного почтения имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Ноября 9-го дня

№ 21

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившими Праздниками и наступающим Новым Годом, который желаю Вам встретить и препроводить в совершенном благополучии, в вожделенном здравии, в спокойствии и утешении духовном.

Как долго пробыли Вы ныне в Москве! Братия в последнем письме извещали меня, что Вы еще не возвратились в С.-Петербург. Но теперь я уже предполагаю Вас в северной столице; потому туда адресую письмо мое.

Я надеюсь, что в отсутствии моем Вы, добрейший Граф, не откажетесь сделать доброе дело — посетите Сергиеву Пустыню. Посещением Вашим Вы доставите истинное утешение всему братству, привыкшему душевно уважать и любить Вас. Надеюсь, что от Наместника моего и Павла Петровича буду иметь часто известия о Вас, а о себе скажу Вам, что, по милости Божией, кажется, излечиваюсь радикально; но после потогонных средств, при отворенных порах, никак не могу решиться на обратное путешествие в Сергиеву Пустыню зимою, а нахожу необходимым дождаться первого летнего пути. Здесь необыкновенная тишина!

Призывая на Вас благословение Неба, призывая это священное благословение на Супругу Вашу и на Сына Вашего, на весь

дом Ваш, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей, сердечной преданности, имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1847 года 29 декабря

№ 22

Милостивейший Государь!
Граф Димитрий Николаевич!

Приношу Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с великим Праздником Праздников, желаю Вам препроводить его в вожделенном здравии и совершенном благополучии, в радости духовной. Да дарует Вам Бог встретить много таких Праздников! Да будет веселие и наслаждение, ощущаемые в дни Святой Пасхи, для Вас предвкушением того бесконечного и беспредельного блаженства, которое станет уделом Праздника вечного, ожидающего на Небе человеков, благоугождающих Богу на земле.

Два приятнейшие письма Ваши я получил, одно из Москвы, другое из Петербурга. Долго ли Вы пробудете в Петербурге? Не расположитесь ли провести там все лето, на милой Ульянке, которая довольно уже посиротела и поскучала без Вас. Я видел много хороших мест в России, мест прекрасных, роскошно убранных природою, но не встречал места, похожего на Петергофскую дорогу. Она имеет свой отдельный характер, свое милое, чего Вы не найдете в других окрестностях Петербурга. Это — продолжительный английский сад, в котором каждое местечко отделано рукою человека. Такой беспрестанной руки человека я нигде не встречал: везде рука природы видна больше. Здесь природа дала одно болото; это место, отверженное природою, полюбили человеки и возделали его, тщательно и изящно возделали. На этих местах не увижу ли Вас? Думаю отправиться туда в конце Мая. Всю зиму я пролечился, лечусь и теперь: чувствую — большая часть недуга вышла из меня, но еще осталось его много. Теперь — здешнее место в вешней красе своей: Волга очистилась от льда, выступила из берегов своих, разлилась по окрестным лугам, — и часто в ее зеркальные воды при тихой погоде смотрится солнце, а по ночам — бледная луна. Здесь пустыня, уединенная пустыня, но много мыслей и ощущений чудных навевается на душу.

Призываю на Вас, на семейство Ваше, на весь дом Ваш благословение Божие! Да пролиется оно на Вас обильно и в делах временных, и в делах для вечности и Неба. Поручаю себя Вашему милостивому расположению, и с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем.

Архимандрит Игнатий.

1848 года, апреля 11-го дня

Николо-Бабаевский Монастырь

№ 23

Милостивейший Государь

Граф Димитрий Николаевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с наступившим Новым Годом, который желаю Вам препроводить в вожделенном здравии и совершенном благополучии. Благословение Божие да изливается обильно на Вас, на семейство Ваше и на весь дом Ваш! Благодать Божия да глаголет таинственно уму и сердцу Вашему, да руководит Вас во время краткого земного странствования по святой стезе заповедей Христовых, да уготовляет Вам блаженство в вечности! Да украшается жизнь Ваша всеми добродетелями — этим верным залогом истинного счастия во времени и совершенного благополучия в вечности. Примите, Граф, эти чувствования от сердца, исполненного Вам преданности и признательности.

С чувствами совершенного почтения имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1849, января 4 дня

№ 24

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с днем Вашего рождения. Господь, сподобивший Вас в этот день увидеть чувственный свет преходящего мира, проливший в сердце Ваше свет добродетели, да сохранит в свете духовном все дни жизни Вашей. Да увенчает эти дни и свет радо-

сти, сопутствующей и озаряющей тех человеков, которые посвящают жизнь свою и деятельность добродетели. Все печали да будут далеки от Вас, а если они и приближутся когда-нибудь к Вам, то да проженет их духовное утешение, утешение, рождающееся от веры в Бога.

С чувствами совершенного почтения, преданности и признательности имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1849.

Февраля 3-го дня

№ 25

Ваше Высокопреподобие!

Весьма виноват перед Вами, что до сего времени не писал Вам; за письма Ваши, где изложены Ваши мне благопожелания, приношу Вам искреннюю мою благодарность, а также и за присланный мне рисунок — обители угодника Божия Преподобного Сергия.

Поручая себя молитвам Вашим, с истинным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейший слуга

Граф Дмитрий Шереметев.

Москва

26 марта 1849 года

№ 26

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Приношу Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с наступившим великим Праздником Праздников — Воскресением Христовым, радостно приветствуя Вас духовным христианским приветствием: «Христос Воскресе!»

Приятнейшее письмо Ваше я имел честь получить: его принесли мне в церковь на страстной неделе, в Пятницу великую, во время утрени. В эти священно-торжественные минуты я воспоминал о Вас с чувством глубокого сердечного удовольствия, утешения. При особенной милости Божией чувствую значительное улучшение

в здоровье моем: помолодел! хотя волосы и поседели. Скоро ли, Граф, пожалуете в Петербург? Приезжайте, утешьте приездом Вашим всех любящих Вас и жаждущих видеть Вас. Известный Вам купец Макаров предполагает выстроить при монастыре каменную гостиницу значительного объема, с тем, чтобы монастырь предоставлял ему в течение нескольких лет [право] торговать в этой гостинице. Князь Кочубей берет на свое иждивение устройство значительной части новой ограды, которая должна идти от часовен по большой дороге, охватить вновь устроенную церковь Князем и окончиться у северо-восточной и северо-западной башен, ныне существующих. Я очень рад и тому и другому: потому что и в ограде, и в гостинице Монастырь очень нуждается.

Призывая на Вас и на семейство Ваше благословение Божие, с чувствами совершенного почтения, преданности и признательности, имею честь быть Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1849, апреля 17-го дня

№ 27

†

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Приношу Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с днем Вашего Ангела! С этим поздравлением соединяю сердечное желание, чтоб Святый Ангел, Хранитель Ваш, сохранил земную жизнь Вашу в мире и благополучии, руководя Вас по этому пути к блаженной вечности. Точно: земная жизнь наша — путь, только измеряется этот путь не расстояниями, а временем. Как на обыкновенном пути переменяются предметы — беспрестанно заменяются одни другими, так на пути земной жизни сменяют друг друга события. И неизвестно человеку, какое событие ожидает его в каждый наступающий новый день!

В 1847-м году я считал свое здоровье расстроившимся невозвратно, считал себя очень близким к смерти. Тогда графиня Анна Сергеевна приезжала утешить меня, — я платил ей за ее участие сообщением всех духовных сведений, которые привелось мне узнать во время исполненной скорбей жизни моей. Я думал, что она услышит весть о моей смерти, а вместо того пришлось мне услышать внезапно весть о скором ее отшествии из здешнего мира. Услы-

шал я эту тяжкую весть в то время, как, по неисповедимым судьбам Божиим, только стал воскресать из мертвых, выходить из смертной области болезненного бездействия в некоторую жизненную деятельность: таково мое настоящее положение. — Бог, попускающий скорби человеку, среди их же посылает и утешение. Я уверен, что это утешение приносит Вашему сердцу Святый Ангел, Хранитель Ваш: потому что истинное утешение может низойти от одного Бога. Земные развлечения только заглушают скорбь, не истребляют ее: они замолчали — и снова скорбь; отдохнувшая и как бы укрепленная отдохновением, начинает действовать с большею силою. Напротив того, утешение от Бога уничтожает печаль сердечную в ее корне — в помыслах мрачных безнадежия. Оно приносит человеку благие и смиренные помыслы покорности определениям Божиим, помыслы, полные живой веры и кроткой, усладительной надежды. Пред взорами ума открывается неизмеримая вечность, а жизнь земная начинает казаться кратким странствованием, ее счастие и несчастие начинают казаться маловажными, ничтожными, потому что все неровности земной жизни сглаживаются, уравниваются созерцанием вечности.

Моля Господа о Вашем здравии временном и спасении вечном, о здравии и спасении Вашего сына, с чувствами сердечного уважения и преданности, которые Вы насадили во мне постоянным милостивым расположением, выраженным Вами особенно в годину моей скорби и тесноты, имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1849, сентября 19-го дня

№ 28

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим великим Праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом, который желаю Вашему Сиятельству встретить и препроводить в вожделенном здравии и благополучии, в утешении духовном, доставляемом святою верою и добрыми делами. Благословение Божие да прольется обильно на Вас и на Сына Вашего, который да будет Вам радостию и во дни детства своего, и во дни зрелого мужества его, и да узрите очами Вашими сыновей и дщерей его!

С чувствами истинного высокопочитания, совершенной преданности и незабвенной признательности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1849 года 28-го декабря.

Сергиева Пустыня.

№ 29

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с наступающим днем Ангела Вашего. Святый Ангел Божий, Хранитель Ваш, да хранит дни Ваши и дни сына Вашего в вожделенном здравии и совершенном благополучии, к истинному утешению всех любящих и почитающих Вас.

Граф! Вы совершенно забыли и разлюбили Петербург. Ваш великолепный дворец и живописная дача сиротеют без Вас. Сергиева Пустыня давно лишена утешения видеть Вас в своих недрах. Многие из жителей Петербурга, приезжая к нам в обитель и зная Ваше к ней расположение, спрашивают: скоро ли приедет сюда граф Шереметев? Приезжайте, Граф, приезжайте! Уже время утешить Ваших петербургских друзей: довольно искусили Вы их терпение.

Призывая на Вас и на Сына Вашего благословение Неба, с неизменяемыми чувствами уважения, преданности и признательности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1850 года, сентября 18-го дня

Сергиева Пустыня

№ 30

Ваше Высокопреподобие!

Милостивый Архипастырь!

Письмо Ваше я имел честь получить и остаюсь совершенно благодарен Вам за поздравление меня с днем моего Ангела и за пожелание мне и сыну моему здравия; прошу Ваше Высокопреподобие не лишить меня и на будущее время Вашего ко мне расположения, коими я пользовался до сего времени.

Поручая себя и сына моего Архипастырским молитвам Вашим, с истинным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорный слуга

Граф Димитрий Шереметев.

Москва

<...> дня 1850 года

№ 31

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с наступившим днем Ангела Вашего и пожелать Вам обильного благословения Божия, которое да осеняет Вас и сына Вашего во все дни жизни Вашей и Его. Судьбе угодно было, чтобы на то время, на которое Вы пожаловали в С.-Петербург, я должен был отправиться из Петербурга по поручению Начальства, и таким образом был почти лишен счастия видеть Вас. Утешаю себя надеждою, что Вы опять захотите посетить Северную Столицу и дадите взглянуть на себя глубоко преданному и благодарному Вам человеку.

Повторяя мое сердечное желание Вашему Сиятельству всех истинных благ и паки призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1851 года, сентября 21-го дня

Сергиева Пустыня

№ 32

Милостивейший Государь,

Димитрий Николаевич!

К прежним благотворениям, которые Ваше Сиятельство неоскудно изливали на Сергиеву Пустыню, Вы ныне присовокупили новое: изволили пожаловать на устроение вновь созидаемой церкви Преподобного Сергия три тысячи рублей серебром, которые мною получены сего 17-го июля при письме Вашего Сиятельства. Господь, благоволивший обетовать человекам сторичную

мзду за их добродетель, особливо за их милостыню, да исполнит святое обетование Свое над Вами и сыном Вашим, Графом Сергием, а угодник Божий, Преподобный Сергий, да ходатайствует неоскудно пред Престолом Вседержителя о временном и вечном благоденствии Вашем и Сына Вашего. В Святой Обители — Сергиевой Пустыни, во вновь устрояющемся Храме, ежедневно будет возноситься — как и теперь уже возносится — усердная молитва о Создателях и Благотворителях Храма и Обители, между которыми Вы занимаете одно из первых мест. Я, как настоятель Сергиевой Пустыни, обязан исполнить пред Вашим Сиятельством священный долг: принести Вам от лица всей обители глубочайшую признательность за новое благотворение Ваше, которым Вы восполнили крайнюю нужду монастыря при построении храма, созидающегося единственно на подаяния доброхотных дателей.

Призывая на Ваше Сиятельство и на юного Графа Сергия обильное благословение Неба, с чувствами отличного уважения и сердечной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1854-го года 17 июля

№ 33

Ваше Сиятельство,
Милостивейший Государь!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Великим Праздником праздников — Воскресением Христовым. Воскресший Господь да исполнит Вас всеми истинными благами, да осенит Вас и семейство Ваше милостию Свыше.

О себе скажу Вам, что я очень доволен настоящим моим местопребыванием, которое имеет спасительное влияние на мое здоровье, крайне расстроившееся в Петербурге. Я очень похудел, но вместе с тем мое дыхание сделалось гораздо свободнее, обширнее, а силы значительно укрепились. Ставрополь — место очень возвышенное, живописное; весь в садах, с превосходными ключевыми водами. Архиерейский Дом хотя находится среди города, но очень уединен и удален от всякого шума, потому что стоит среди большого фруктового сада, обнесенного каменною оградою. Домик Епископа — деревянный, очень скромный и милый,

напоминающий собою настоятельские келлии Оптина Скита и других уединеннейших Обителей; при самом доме, в связи с ним, — каменная, трехпрестольная церковь. Главный придел — во имя воздвижения Честнаго и Животворящего Креста; один из приделов — во имя Святого Игнатия Богоносца. Служба отправляется ежедневно монашествующими, живущими при доме. Таким образом, Ставропольский Архиерейский Дом есть не что иное, как маленький монастырь, приспособленный для помещения Епископа. Общество в Ставрополе многочисленное: наиболее состоит из военных; это общество приняло меня очень приветливо.

Призывая на Вас, на супругу Вашу, на Вашего сына, на весь дом Ваш обильное благословение Божие, с чувствами неизгладимой признательности, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

5 марта, 1858-го года
Ставрополь Кавказский

№ 34

Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Получив письмо Ваше от 5-го марта сего года, искренне благодарю Вас за поздравление меня с праздником Светлого Воскресения Христова и за Ваши добрые желания. Мне очень приятно было прочесть описание Вашего местопребывания и узнать, что Ваше здоровье поправляется. Жена моя и сын свидетельствуют Вам искреннее их почтение.

Желая Вам всех благ от Господа Бога и, поручая себя, жену мою и сына Архипастырским молитвам Вашим, покорнейше прошу принять уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности, с коими имею честь быть

Вашего Преосвященства
покорнейший слуга

Граф Димитрий Шереметев.

12-го апреля 1858-го года

№ 35

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Рождества Христова и Новым Годом, при искреннем желании Вашему Сиятельству, Графине — супруге Вашей, Графу — сыну Вашему, всех истинных и совершенных благ. Постоянно памятствуя о Вас, молю Милосердого Бога, да вознаградит Вам сторичным воздаянием за все доброе, Вами сделанное мне.

С чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
15 декабря 1858-го года

№ 36

Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Приношу Вашему Преосвященству сердечную мою благодарность за поздравление меня, жены моей и сына моего с праздником Рождества Христова и с Новым годом, равно за изъясненные Вами искренние желания. [нрзб.]

Поручая себя и семейство мое Архипастырским молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностию, имею честь быть

Вашего Преосвященства
покорный слуга

Граф Димитрий Шереметев.
15 января 1859
С.-Петербург

№ 37

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

С особеннейшею приятностию вспоминаю в сей день о Вашем Сиятельстве и, переносясь к Вам мыслию, приношу Вам сердечные поздравления со днем Ангела Вашего, искренне желаю Вам долгоденствия и благоденствия и всех совершенных благ, зем-

ных и небесных. Уведомьте меня о себе и о Вашем семействе: таким уведомлением Вы очень утешите меня. Мое здоровье, при помощи Кавказских вод, несколько поправилось; живу уединенно и спокойно.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
21-го сентября 1859 года

№ 38

Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Письмо Вашего Преосвященства от 21-го сентября я имел удовольствие получить и приношу Вам искреннюю мою благодарность за поздравление с днем моего Ангела и за Ваши добрые желания мне и моему семейству; я всегда с сердечным утешением вспоминаю о том времени, когда Вы совершали Богослужение в святой обители Угодника Божия, Преподобного Отца нашего Сергия, а также и о том, когда Вы совершали Богослужение в Церкви Святого Петра Митрополита в день моего Ангела. — 25 сентября я был в Сергиевской Пустыни, где происходило освящение нового храма, сооруженного попечениями Вашими. Храм сей благолепием и красотою радует всех усердных богомольцев, притекающих на поклонение Преподобному Сергию. Мне очень приятно было узнать из письма Вашего, что здоровье Ваше поправляется.

Пожелав Вам от искреннего сердца всех благ от Господа Бога и поручая себя и семейство мое Архипастырским молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Преосвященства
покорнейший слуга

Граф Д. Шереметев.
1 декабря 1859 г.

№ 39

†

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Имею честь представить благосклонному вниманию Вашего Сиятельства труд мой — книгу в двух томах, под названием «Аскетические Опыты», в память о мне и в знак моего постоянного памятования о Вас. Книга состоит из статей, написанных мною в сане архимандрита.

Призывая на Вас, на графиню Александру Григориевну и на чад Ваших обильное благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

20 февраля 1865-го года

№ 40

Ваше Преосвященство!

Получив письмо Ваше от 20-го февраля сего года и книгу Вашего сочинения «Аскетические Опыты», приношу Вам искреннюю мою благодарность за внимание и за добрые Ваши желания мне и моему семейству.

Поручая себя, жену мою и детей молитвам Вашим, прошу принять уверение в истинном моем к Вам почтении и совершенной преданности, с коими имею честь быть

Вашего Преосвященства

покорный слуга

Граф Димитрий Шереметев.

30 апреля 1865 года

Ольга Шафранова

Татьяна Борисовна Потемкина

Статс-дама Татьяна Борисовна Потемкина, урожденная княжна Голицына (1797–1869), в свое время была хорошо известна в Петербурге, причем не только в высшем свете, но во всех слоях общества. Всеобщую известность она приобрела благодаря своей выдающейся благотворительной деятельности. С 1827 г. она была председательницей Санкт-Петербургского дамского попечительного о тюрьмах комитета и исполняла эту должность 42 года. При ее содействии был учрежден приют для детей заключенных. Также на свои средства она основала приют для бедных детей, богадельни для дряхлых и больных, часто посещала больницы и военные госпитали, помогая им в приобретении медикаментов и необходимых материалов. Отличаясь глубокой религиозностью, она делала щедрые пожертвования на церкви и монастыри. Она вообще очень интересовалась церковными делами, покровительствовала миссионерской деятельности.

Замужем она была за Александром Михайловичем Потемкиным (1787–1872), действительным тайным советником. В 1842 г. он был избран Петербургским предводителем дворянства и занимал эту должность четыре трехлетия, до 1854 г. Был руководителем ряда благотворительных обществ.

Они прожили вместе 55 лет. Александр Михайлович был человеком исключительной доброты, в деятельность жены не вмешивался, предоставляя ей полную свободу. Их дом в Петербурге слыл Ноевым ковчегом по количеству призреваемых. Пользующиеся ее гостеприимством говорили и писали, что она ближнего любила как самое себя, была очень ласкова и приветлива, «по сей добродетели, всех, кто вздумает посетить ее, принимала без лицеприятия с любовию христианскою и с пользою для души своей. Пересудов не терпела»[1].

Не все, однако, были такого мнения об ее доме: «Кто только не перебывал в этом доме; кому только не давали приюта в бесчисленных комнатах и закоулках этого лабиринта; чего только не выделывали в этом доме и с ведома и без ведома хозяйки, всесильной Татьяны Борисовны. Под прикрытием доброты и смирения делалось многое, что не всегда имело последствием добро.

[1] *Протоиерей Лука Ефремов*. Жизнеописание Т. Б. Потемкиной. М., 1870.

Нужно было хоть раз проникнуть в этот дом, чтобы понять все особенности этого приюта, этого сочетания святости с сплетнями, дрязгами и интригами, подпольными похождениями и темными делами всякого рода. Наружная патриархальность скрывала внутренний разлад...»[1]

Впрочем, кто без недостатков? Положительные качества Татьяны Борисовны перевешивали человеческую суетность. «Обладая в жизни всем: красотой, богатством, высоким положением, она не брала от жизни ничего для себя, а жила исключительно для других, отдавала все, что могла, не привязываясь ни к каким благам жизни»[2].

Она была интимно дружески принята при дворе при Николае I и Александре II и пользовалась расположением обеих цариц. Николай I, хотя и относился к ней иногда несколько иронично, любил ее и называл «моя игуменья».

Татьяна Борисовна весьма часто посещала Сергиеву пустынь, много жертвовала туда и вещами, и деньгами — для памяти своей матери, рабы Божией Анны. Хорошо она была знакома и с Настоятелем Пустыни: «Брянчанинова знавала я еще офицером корпуса инженеров, — вспоминала она. — Он был любимцем Государя. ...Безуспешны были все попытки Государя и Великого Князя Михаила Павловича отговорить Брянчанинова от поступления в монашество: он бросил свою блистательную карьеру служебную и ушел в Свирский монастырь к старцу Леониду. Говорили потом, что некоторые видели Брянчанинова возницею о. Леонида, приезжавшего зачем-то в столицу. После того долгое время ничего не было о нем слышно.

Помню, однажды, когда была я в покоях покойной Государыни Императрицы Александры Федоровны, с веселым видом вошел к ней покойный Государь и сказал: "Брянчанинов нашелся: я получил о нем хорошие вести от митрополита Московского. Быв хорошим офицером, сделался он хорошим монахом: я хочу его сделать настоятелем Сергиевой пустыни". Вскоре все заговорили в столице о новом настоятеле Сергиевском, любимце Государя, весьма опытном в жизни духовной. С трудом узнала я прежнего Брянчанинова в лице о. Игнатия — так изменился он в иночестве.

Впоследствии довольно часто он нас посещал. Духовный был человек; он умел держать себя во всяком обществе, но вместе

[1] *Граф Сергий Шереметев*. Домашняя старина. М., 1900. С. 108. ‖ [2] Русская старина. СПб., 1898. № 4.

с этим умел также всякую беседу сделать душеполезною. Коротко знакомый с учением святоотеческим, сообщал он разговорам своим и суждениям дух этого учения. Многие тогда удивлялись о. Игнатию: как он, подвижник и молитвенник, не чуждался с тем вместе общества, бывал приятным собеседником людям светским, умел возбуждать в них к себе доверие и действовать на них ко благу душевному. Видя в нем не столько лицо духовное, сколько доброго знакомого, равного по уму и образованию, многие, весьма нерасположенные к иночеству люди любили бывать у него в обители и видеть его в домах своих, что незаметно склоняло их к благочестию. Благочестие был целью и основою всех бесед о. Игнатия, и самый светский разговор старался он всегда свести к душеназиданию своих слушателей, нередко заставляя задумываться самых беззаботных. Зато много клеветы выпадало на долю о. Игнатия в столице: чего-чего не говорили о нем понапрасну, и нужно было лишь удивляться тому спокойствию, с которым переносил он людские пересуды.

Он был делателем молитвы Иисусовой, и это некоторым давало повод утверждать, что он находится в духовной прелести, тогда как опытностию своею в подвигах духовных помогал он другим избегать прелести. Так, одна из моих знакомых не по разуму предавалась благочестивым упражнениям, отчего близка была к умопомешательству, и только советы о. Игнатия наставили ее благовременно на путь истины. Отец Исаия Никифоровский[1] часто, бывало, говаривал, что о. Игнатий более его сведущ в подвижнической науке, и с особым уважением относился к его советом, называя их истинными и вполне чуждыми всякой прелести. “Он учит покаянию, — говорил старец, — какая же может быть прелесть в покаянии?”

Клеветы на о. Игнатия нередко достигали до покойного Государя, но он не внимал им и всегда защищал своего любимца, говоря, что знает Брянчанинова лучше всех. Один случай, впрочем, на короткое время навлек на о. Игнатия неудовольствие Государя, в чем и моя была отчасти вина. В то время был у нас французским посланником Барант; жена его была женщина очень набожная и благочестивая. Ей очень нравилось наше православное богослужение, наши храмы и монастыри. С нею была я очень дружна; у нас познакомилась г-жа Барант с о. Игнатием и потом вместе со мною была в Сергиевой пустыни. Она

[1] О нем см.: Т. 1. С. 506–508.

просила меня потом передать о. Игнатию приглашение ее побывать в французском посольстве, что я и исполнила. В доме Барантов о. Игнатий встретился с одним ученым католиком, с которым произошел у него весьма оживленный разговор о превосходстве религий. Поводом к нему было французское сочинение Екатерины Эмерик о страданиях Спасителя, которое о. Игнатий прямо назвал душевредным, не имеющим тени истины, что противник его опровергал, ссылаясь на авторитет своей Церкви. Нужно сказать, что в это время отношения наши с Францией были весьма натянуты: при дворе с Барантом были очень холодны, почему знакомство о. Игнатия с французским посланником весьма было неприятно Государю. Он запретил ему на некоторое время самый выезд в столицу. Не только о. Игнатию, но и другим лицам черного духовенства столицы запрещено было тогда посещать светских своих знакомых; это мне весьма памятно потому, что около двух недель не могла я видеть у себя моего духовника. Впрочем, гнев Государя на о. Игнатия не был продолжителен; вскоре Государь посетил Сергиевскую пустынь и весьма милостиво обошелся с ее настоятелем, после чего о. Игнатий снова начал бывать у знакомых своих в столице. Не укрылось от Государя и мое участие в том, что о. Игнатий был в доме французского посланника; Государь все мне тогда говорил, что неслед православным слишком дружиться с католиками»[1].

Особенное впечатление на современников произвело восстановление древней Святогорской Успенской обители на реке Донце, упраздненной в 1787 г.

Святые горы в свое время были пожалованы Екатериной II светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому. От него они перешли к его племяннику Василию Васильевичу Энгельгардту. Одна из его сестер, а именно Татьяна Васильевна Энгельгардт (1767–1841), приходилась князю Г. А. Потемкину племянницей еще и по матери, урожденной Потемкиной, сестры светлейшего князя. Татьяна Васильевна в первом супружестве была за внучатым дядей по матери, Михаилом Сергеевичем Потемкиным (ум. 1791). Муж Татьяны Борисовны, Александр Михайлович Потемкин, был их сыном. Во втором браке Татьяна Васильевна была за князем Николаем Борисовичем Юсуповым[2].

---

[1] Душеполезное чтение. М., 1870. Ч. 1–4. С. 1–8. ‖ [2] В 1781 г. Татьяна Васильевна была пожалована во фрейлины. Скончалась в мае 1841 г. Погребена в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

Татьяна Васильевна Юсупова, свекровь Татьяны Борисовны Потемкиной, после кончины Василия Васильевича Энгельгардта оказалась одной из совладелиц Святых гор. О том, как воссоздавался там монастырь, Татьяна Борисовна Потемкина рассказала в своих «Воспоминаниях».

«Это было в 1824 году. Один иеродиакон, по имени Исаия, привез мне письмо от графини Орловой. Она писала об этом монахе, который, по ее словам, жаждал спасения и желал посвятить себя Богу на том месте, где прежде был монастырь; теперь же местность эта была пустынна и принадлежала брату моей свекрови, г-ну Энгельгардту. Монах[1] этот с восторгом рассказывал мне об этой местности.

— Эта Святая гора, — говорил он мне, — и была она населена отшельниками. Она походит на Афонскую гору, и описать ее не хватит человеческих слов.

По его же словам, уединение и частое напоминание о молитве, которые встречаются на каждом шагу, придают этой местности что-то святое, и никакая, кажется, другая местность не может внушить человеку такие чувства благочестия и созерцания Божиего величия, как эта Святая гора. Я с невольным восторгом слушала рассказы монаха, и мне захотелось быть его ходательницей. Мне самой сильно захотелось побывать в тех местах и выхлопотать для этого монаха позволение вырыть себе келью в горе. Но, к моему великому горю, свекровь моя, взявшаяся хлопотать об этом, получила решительный отказ от своего брата, и я с прискорбием должна была передать этот отказ монаху. Однако красноречивый рассказ иеродиакона, его пламенное желание поселиться на том месте, где жили и спасались святые отшельники, его горе при получении отказа — все это произвело на меня глубокое впечатление и навсегда врезалось в моем сердце. Много лет прошло с тех пор, но я никогда не забуду то горе, которое нанесла я, совершенно невольно, этому несчастному монаху. Но и это прошло, как все проходит в жизни, а сама она потекла своим обычным порядком, полная пустоты и волнений. Я стала забывать и монаха, и его рассказы, как вдруг совершенно неожиданно умер г-н Энгельгардт. "Святые горы" было его родовое имение, и чтобы выручить деньги для раздачи наследникам, его решили продать. Узнав об этом, я умоляла мою свекровь купить у ее сестер (их было пять) их части и сделаться единственной

[1] Возможно, это тот же монах Исаия, о котором говорилось выше.

наследницей этого прелестного уголка южной России. Она уступила моим просьбам и купила “Святые горы”. С этой минуты у меня явилась мечта восстановить там монастырь и снова населить его пустынные кельи. Но ничто не обещало, чтобы когда-нибудь осуществилась моя мечта.

Во время холеры, в 1832 году, мы с мужем поехали туда и воочию увидели то, о чем говорил нам монах. Да, это было действительно чудо природы: громадная скала формы пирамиды, и вся покрытая лесом, а в этой скале целый монастырь; но об этом монастыре свидетельствовали одни каменные плиты с молитвенными надписями в кельях прежних грамотных монахов. Я не смогу передать то впечатление, которое на меня произвела эта местность! Все здешнее прошлое как бы воскресло в моем воображении, и это уединенное место, где слышался теперь лишь крик птиц, представилось мне заселенным людьми, ищущими спасения в молитве и посте. В двух плохо сохранившихся келлиях жили два сельских священника, и в большой бедности. Недалеко от келлий стояла и маленькая, бедная приходская церковь, выстроенная во имя Успения Божией Матери. На благовест колокола этой церкви приходили крестьяне соседних селений, но другого сообщения с людьми священники не имели и скорбели о том, что не могут дать никакого воспитания своим детям. Вот в каком положении застала я эту обитель в 1832 году.

Моя свекровь пользовалась доходами с этого имения, но еще не начинала возобновления монастыря. В год своей смерти она часто бывала в Сергиевской пустыне (в окрестностях Петербурга)[1] и однажды в откровенной беседе с отцом Игнатием (тамошним настоятелем) высказала ему свое намерение о возобновлении Святогорской обители.

— Я так к вам расположена, — сказала она ему, — что готова отдать вам “Святые горы”.

Эта фраза, сказанная от чистого сердца, была, вероятно, угодна Богу... Прощаясь с архимандритом, она обещала быть у него через восемь дней, но на девятый день после этого разговора ее уже не стало. Огорчила нас ужасно ее смерть, и долго не могли привыкнуть к той пустоте, которую мы чувствовали после ее кончины.

При разделе имущества я просила себе “Святые горы”. Теперь-то надеялась осуществить свою мечту, но и не только мою лич-

[1] См. также о ней в письме святителя Игнатия к С. Д. Нечаеву № 27.

но, а также и моей покойной свекрови. Господь не отвергнул молитвы раб своих, и этот, когда-то богатый, монастырь был вновь воздвигнут с согласия императора Николая I. На освящение его приехал архиерей Иннокентий...

С тех пор прошло 19 лет, а я каждый год езжу сюда и любуюсь на это дело рук Божиих, на эту святую обитель. Она имеет теперь триста монахов и управляется самым строгим монастырским уставом. Не мне восхвалять этот монастырь, а я могу сказать только всякому, кто прочтет мои записки: "Придите и взгляните на это чудесное дело рук Божиих и прославьте Имя Его святое"[1].

К рассказу Татьяны Борисовны можно добавить, что они с мужем, Александром Михайловичем Потемкиным, для воссоздания монастыря уже в 1844 г. пожертвовали 10 тысяч рублей и подарили 70 десятин земли. Значительные денежные пожертвования продолжались и в последующие годы, так что строительство храмов в обители продолжалось до самой кончины благотворительницы.

Святитель Игнатий, когда-то горячо поддержавший мысль о воссоздании Святогорской Успенской обители, по пути на Кавказ, теперь уже в сане епископа, не преминул посетить ее 21 декабря 1857 г.

Татьяна Борисовна Потемкина и после отъезда святителя Игнатия на Кавказ не оставляла своим вниманием Сергиеву пустынь. Там же она и похоронена, а вслед за ней и ее муж Александр Михайлович.

Письмо святителя Игнатия к Татьяне Борисовне Потемкиной

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим новым годом и вместе с приближающимся днем вашего Ангела. Господь да благословит всю жизнь вашу, да сказует сердцу вашему Свою святую волю, благую и совершенную. Преуспевайте, преуспевайте в делах милосердия! Здешняя жизнь — точно поле, усеянное различными посевами хлеба и овощей, усаженное многочисленными, разнородными плодовитыми деревьями и кустарниками; люди — точно делатели; один способен водиться за виноградными лозами, другой за овощами, иной сеять хлеб, иной орать землю, иной — лишь исторгать терние. Каждый да трудится

[1] Русская старина. СПб. 1898. № 4. С. 140–141.

в том участке добродетелей, к которым он способен, к которым призван Богом, являющим призвание Свое разумному созданию теми способностями душевными, теми средствами, которые Он даровал этому созданию. Прекрасен участок, нива милосердия вещественного; делатель его вместе, и подвизается, и наслаждается. *Милуяй нищаго*, утешительно наставляет нас Писание: *взаим дает Богови, по даянию же его воздается ему*[1]. Преуспевайте на ниве вашей: сейте милостыню, жните утешение, очищайте от плевелов пшеницу вашу, приготовляйте жертву чистую, чтоб Царь Царей, воззрев на нее Своим испытующим и всевидящим оком, признал всю ее достойною Небесной житницы. *Куй неискушенное сребро*, научает богомудрый, *и очистится, чисто все: убивай нечестивыя от лица Царева, и исправится в правде престол Его*. Престол Царя Бога — душа человеческая: а нечестивые, которых здесь заповедуется убивать, — помыслы и ощущения тщеславия, человекоугодия, враждебно и татебно покушающиеся отнять у человека мзду небесную льщением, мечтанием мзды земной, человеческой. Обличаются они, эти невидимые враги, наветники нашего спасения, пред лицем Царя — Откровенным законом Божиим, Евангелием, — и может истинный слуга Царев убивать нечестивых, просвещаемый и ободряемый светлым лицем Царя Небесного.

Не остановлюсь в этот день принести пред вас приятное воспоминание о почившей Княгине Татьяне Васильевне[2]. Воспоминание о ней осталось жить в моем сердце. И часто при таком воспоминании грустно рассуждал я о судьбе души ее. При нынешнем путешествии моем встречаю в Бородинском монастыре слепую старицу, пораженную жестокою простудою, живущую там с двумя дочерьми[3]. Г-жа игумения, познакомив меня с ними, сказала наедине: «Они живут на иждивении К<нягини> Ю<суповой>, положившей им ежегодный пенсион». Вы не можете себе представить, какое утешение пролилось в душу мою при этих словах! Имею надежду, что Княгиня на небе участвует в жребии праведных! Я знаю некоторые ее добре дела; этого не знал: узнав его, я как будто стяжал богатое приобретение! Говорил некогда святый пророк Давид царю Вавилонскому Навуходоносору, которому угрожало наказание от Бога: *Царю, совет мой да будет тебе угоден и грехи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогих: негли будет долготерпелив грехом твоим Бог*[4]. Верую, что покойная Княгиня искупила душу свою! Верую, что Бог милостив к ней.

[1] *Благотворящий бедному дает взаймы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его* (Притч. 19. 17).

[2] Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова (1767–1841).

[3] Письмо святителя Игнатия к этой старице см.: Т. 1. С. 484–486.

[4] *...царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой* (Дан. 4. 24).

Письма Татьяны Борисовны Потемкиной к святителю Игнатию* (Перевод с французского)

№ 1

Батюшка,

Не умею сказать, насколько меня печалит невозможность исполнить желание моего сердца приехать провести утро в вашей Пустыни.

Вся жизнь в Петербурге настолько связана с бесполезностью, с потерей времени и настолько утомительна, что поездка к вам была бы отдыхом и весьма драгоценным занятием для души. Но поскольку это утешение мне пока не дано, нужно покориться безропотно и помнить, что **послушание паче молитвы**.

Я прошу вас уделить мне день на будущей неделе. Пятница... была бы для меня подходящим днем, так как я остаюсь одна в этот день и не двигаюсь из дома. Душа моя жаждет духовной пищи, моя жизнь — борьба между удобствами жизни, легкомыслием и поисками действий для спасения, от исполнения которых я так далека. Ваша книга меня назидает, — я недостойна ее читать, так как я далека от этих состояний, но она поглощает меня, как будто я ее понимаю. Вы укрепляете меня против самой себя и против ложных друзей, которые любой ценой хотят, чтобы я развлекалась, и не хотят верить в счастье и мир души, привыкшей к лишению.

Прощайте; я не говорю более; я уверена, что вы и без этого знаете все, что происходит в моей душе!

Простите и благословите!

Плачущая Татьяна

№ 2

Отец моего мужа думает приехать со мною к вам. Это самый светский человек, какого я знаю, с добрым сердцем, — но совершенно враждебный ко многому, имеющему отношение к церкви.

Дай Бог, чтобы беседа с вами принесла ему пользу.

№ 3

Отец, сердце мое и глаза полны слез. Ваше письмо было прочитано с верою и глубоким волнением. Я прошу Господа быть Его рабою и желаю принять Его волю во всем. Я не смею сказать вам, что происходит в душе моей! Но Бог это знает! Спасибо, тысячу раз спасибо!

Ваша послушница

Татьяна Потемкина

№ 4

Отец, мы собирались приехать помолиться с вами и поклониться могиле моей матушки, но муж мой опасается за меня из-за плохой погоды и плохой дороги. — Поэтому мы отложили свой приезд к вам до первого ясного морозного дня, чтобы не быть задержанными дорогами. Пойти на обедню у вас и в течение нескольких часов отдохнуть в вашей Пустыни — это настоящая потребность моей души со вчерашнего дня. Когда вы нас навестите в городе, если вы там бываете? Ради Бога, не забывайте меня и подумайте о пользе, которую приносят мне ваши посещения. Я прождала вашего монаха и его сестер весь день; — я нахожу столь трогательным этого милого молодого человека, безрезультатно ищущего своих сестер. Это совершенно по-монастырски; — это доказывает, насколько Петербург ему незнаком. Я представляю себе положение сестер и отца, — но в конце концов, надо надеяться, что они его найдут и тем с большим удовольствием увидятся. Я их приму от вашей руки, как от Самого Господа. Молите Бога и Пресвятую Деву, чтобы Они наставили меня в выборе их воспитания и в том добре, какое я желаю им сделать.

Ваша покорнейшая и верная

Татьяна Потемкина

Письма святителя Игнатия к даме — приятельнице Т. Б. Потемкиной

№ 1

Получил ваше письмо — и известилось моему грешному сердцу немедленно отвечать на него.

Экстраординарного ничего с вами не случилось. Уж никто так не смирит наставника, как наставляемые им! Это общая участь. Следовательно, вам нечего ни удивляться тому, что было, ни смущаться им. Значит, вы — с душевной пользой! И нынешнее письмецо ваше какое-то причесанное, как головка у мужичка после баньки, — такое смирненькое!

Прошлого письма вашего я испугался. Такое умное! такое многомысленное, высокое, пышное! — Как бы целый гвардейский корпус парадировал на Царицыном лугу! — И я не смел отвечать. Как ни прочитаю, — возьмет ужас, и не отвечается. Степан принуждал-принуждал меня, как на пашне пахарь принуждает тощую кляченку тащить соху, — твердил, покою не давал: «Что ж вы N. не отвечаете!» — Нет как нет! Не ответилось! И у кляченок, видно, свой норов бывает.

О следующем не хотел было я вам писать... да уж начал писать, так нечего делать, заодно напишу. Покаяние, которого, как вы описывали в прошлом письме, вы сподобились коснуться — было только самообольстительное мечтание. Думали да думали, да наслушались, да умны, да не смиренны: в головушке-то и возмечталось, выстроился в ней волшебный замок. А всей беде я причина: читал вам кое-что не под силу и тем сбил вас с толку. *От плод их познаете их*[1], сказал Господь. Какой был плод этого состояния, которое душа сочинила сама себе, которым польстила сама себе? Этот плод был напыщенность, одна пустая, во всем смысле слова пустая напыщенность, выведшая вас из обыкновенного вашего состояния! Писали вы к великому старцу; и тот, как живущий на небеси, не разобрал, что вы пишете про болвана, отвечал вам про Ивана, утвердил вас пребывать в вашем мечтательном покаянии, полагая, что в вас действует видение покаяния, как в нем — то видение, которое дивная благодать Божия, даруемая инокам уже преуспевшим в безмолвии. Христианам, живущим посреди мира, не должно касаться возвышенных иноческих деланий, особливо безмолвнических. И Господь заповедал: *не вливать вина нова в мехи ветхи*[2]. Вино новое расторгает мехи ветхие, само проливается и уничтожает

мехи; делания иноческие, когда за них возьмутся миряне, сами пропадают и приносят душевную пагубу делателям своим.

Слухи дошли до наших глухих, тихих мест из шумного и светлого Питера такие: какая-то преумная и презнатная дама писала прекрасноречивое письмо к какому-то монаху о зримом ею в себе необъятном числе ее согрешений, и будто тот монах, как видится не академик, отвечал ей: «матушка! на грехи свои смотреть так тонко не с твоим носом»... Слух выдаю за слух; — было ли то, или не было, о том — ниже рассуждать дерзаю; — и позволяются ли в Питере, столице просвещения и образованности, такие грубости — знать не знаю. А если б меня спросили, каков совет монаха даме столичной, то я бы отвечал со всею провинциальною откровенностию: «совет грубенек, да верненек, и надо б этой даме такой совет на стенке зарубить и крепко-накрепко его держаться». Покаяние, приличествующее благочестивому христианину, живущему посреди мира: сосчитываться ежедневно вечером со своею совестию. И предовольно! Если христианин будет стараться жить по заповедям и ежедневно проверять себя, то мало-помалу стяжет сокрушение духа, которое еще далеко отстоит от покаяния — видения. Вам приходила (извините за деревенские выражения: хороши, метко в цель попадают!) только дурь, голая дурь! Мне она известна, сам в ней непрестанно, а потому вас предостерегаю.

В преподавание советов не надо бы вам очень пускаться, а со смирением от них отказываться. Когда же принудят, то сказать нечто слегка, предоставляя дело Богу. Очень вы святы: как раз человека и на распятие! Да и распинать-то не умеете: только мучите напрасно. Все вы хотите разумом да собою взять, а надо — верою да Богом.

1847 г. 14 ноября
Бабайки

[1] Мф. 7. 20.
[2] Мф. 9. 17.

№ 2

Поздравляю вас и все боголюбивое семейство ваше с наступившими праздниками и Новым годом, желаю вам истинных благ, искание которых внушил Господь сердцам вашим. *Блаженни яже избрал и приял еси Господи*[1].

Слава Богу, даровавшему благополучную кончину старице вашей! Да дарует Он всем нам благополучное исшествие из сей

исполненной бедствий жизни, да примет нас в светлые и радостные обители вечные, уготованные для истинных рабов Его. А до того времени надо потерпеть различные напасти от различных причин, а наиболее от живущего в нас греха, от живущего в нас повреждения падением. В сравнении с напастями последнего рода, прочие напасти — малозначительны.

В письме вашем вы написали на меня клевету. Хороши вы Питерские. Уже и «жителя безымянной пустыни» стараетесь достать клеветой! Вы пишете: «Очень рада, что приказали мне не говорить ни с кем о религии п проч.» Неправда! Вот что вам было написано, от слова до слова: «В преподавание "советов" не надо бы вам очень пускаться, а со смирением от них отказываться. Когда же принудят, то сказать нечто слегка, предоставляя дело Богу, и проч.». Говорить о религии и преподавать советы — великая разница, поймите! И последнее я вам не воспретил, а только сказал, чтоб вы делали это со страхом Божиим, с крайнею осторожностию и умеренностию. Не доложить бремя на ближнего — не беда, переложить — и ближний удобно может повредиться неисцельно, на всю жизнь сделаться ни к чему не способным. Говорю вам это с сердечными слезами, от зрения и испытания многих горьких опытов! А сохрани меня Боже посоветовать вам, в нынешнее скудное время, скрывать от ближних то малое, но превосходящее сокровища всего мира, знание о Боге, которое получено вами не без подвига и страдания, по особенной милости Божией. Ныне много разнородного знания, лишь знание истины ушло от людей. — Прекрасна русская пословица «недосол на столе, а пересол на спине». Итак, не прогневайся, душа, за то, что в прошедшем письме моем твоей спинке досталось несколько ударов от жезла — слова. Это было за пересол!

Всех вас просто — запросто целую, обнимаю, к сердцу прижимаю. Христос с вами! Благословение Божие над вами!

[1] Последование панихиды. На Аллилуиа, стих 1.

Письма святителя Игнатия к Павлу Васильевичу и Софье Григорьевне Энгельгардт

№ 1

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившими праздниками и Новым годом. Да дарует вам Господь провести этот грядущий год и прочие годы жизни в богоугождении,

в помышлениях о вечности, в делах для вечности. Тени земные уже проходят! уже время престать гоняться за ними, как гоняется мальчик за мотыльком златокрылым, бегая по испещренному цветами лугу! Время подумать, подумать основательно о существенном, вечном! А тот занимается как должно вечностию, кто постоянно упражняется в чтении Нового Завета и писаний святых отцов, научающих правильно разуметь Евангелие Христово, кто, познавая таким образом волю Божию, благую и совершенную, выправляет по ней свой образ мыслей, свои душевные движения, а погрешности и увлечения врачует покаянием. Христианину, живущему посреди мира, не должно читать святых отцов, которые писали для монашествующих. Какая польза от чтения тех добродетелей, которых нельзя исполнить самым делом? Пользы никакой не может быть, а может быть вред, состоящий в том, что в человеке возбудится мечтательность духовного состояния, ему никак не идущего. Эта мечтательность будет временем лестно услаждать воображением высоких добродетелей, временем наводить на душу уныние и отчаяние, когда мы увидим, что не можем исполнить этих добродетелей; всегда и постоянно отвлекать нас от добрых дел, прямо нам идущих, таким образом, соделывать жизнь нашу пустою, бесплодною. Христианину, которого жребий — проводить и окончить жизнь среди мира, должно читать святых отцов, писавших вообще для всех христиан. Таковы писатели, которых сочинения написаны на русском языке или переведены на него: святой Иоанн Златоустый, святой Димитрий Ростовский, святитель Тихон Воронежский, Никифор Астраханский, Георгий Затворник. Обильное поприще для чтения. Обильное духовное пастбище, на котором до насыщения и тучности могут питаться словесные овцы Христовы!

Радуюсь и сорадуюсь вам, видя из последнего письма вашего, что здоровье сына вашего поправляется. Господь кого любит, кого приемлет, того бьет и наказует, а потом избавляет от скорби. Без искушения приблизиться к Богу невозможно. Неискушенная добродетель, сказали святые отцы, не добродетель! Если видите кого-нибудь, величаемого от людей православных добродетельным, а он живет без всяких искушений, преуспевает в мирском отношении, — знайте, его добродетель, его православие не приняты Богом. В них зрит Бог нечистоту, ненавистную Ему. На нечистоту человеческую он взирает снисходительно, врачует ее различными средствами; в ком увидит нечистоту бесов-

скую, от того — отвращается. Любя вас и сына вашего, приближая вас к Себе, Он попустил вам скорбь. В этом вы убедитесь из того, что по прошествии скорби как ему, так и вам «путь Божий сделался яснее, ближе». Это вижу я и из себя: прежде говорил я вам гораздо поверхностнее, легче; а теперь что-то понуждает меня говорить глубже, предлагать духовную пищу более крепкую, которая бы сообщала вам больше сил и движения. А вы, видя милость Божию к себе, старайтесь принять и сохранить ее как должно.

Призывающий на вас благословение Божие

Недостойный

Архимандрит Игнатий.

Бабайки, 1848 года января 2 дня

№ 2

Сердечно участвую в постигшей вас скорби! Милосердый Бог Сам да утешит вас! Да утешит вас мысль, что невинный юноша, чистый, как ангел, не успевший оскверниться никакими нечистотами земными, ушел, унесся в безопасное пристанище, в небо. Там ничто и никто не будет наветовать его благополучие! Тихо и счастливо текущая, не утекающая, не умаляющаяся вечность преобразилась в день один для наследников блаженной вечности. Там несменяющаяся радость, там неумолкающий праздник, там пир, уготованный от века и навеки Царем Царей — Богом. Туда поспешно отлетел юноша, призванный Великим Учредителем пира, Создателем человеков. Кто может воспротивиться всемогущему призванию Всемогущего? Лишь тварь услышит повеление Творца своего — спешит мгновенно раболепно исполнить его. Очами веры посмотрим на милого юношу, шествующего по воздушным пространствам к небу! Очами веры посмотрим на чистого юношу, водворяющегося на небе и от радостей его забывающего о всем земном! Проводим его горячею молитвою и горячими слезами! Принесем в память его молитву и слезы! Земля — страна плача; небо — страна веселия. Небесное веселие вырастает от семян, поспеваемых на земле. Эти семена — молитва и слезы.

Примите мои слезы в участницы слез ваших, а вы причаститесь того духовного утешения, которое присылаю вам в этих строках. Все мы — кратковременные странники на земле! Всем нам предлежит отшествие отсюда! И неизвестен час, в который

востребует нас Бог из нашей гостиницы. Употребим земную жизнь нашу на приготовление себя к вечности; приготовим себе блаженную вечность. Вечная судьба наша в наших руках: потому что Бог воздает каждому по делам его.

Вы уверены в той любви и преданности, которые вы насадили в сердце

Вашего недостойного Богомольца.

№ 3

Угодно неведомым судьбам, чтоб при наступлении 1848 года я писал вам не столько слово приветствия, сколько слово утешения. Бог призывает вас в познание Его, а чрез это познание в вечное блаженство! Ныне призывает вас яснее, громче, решительнее. Сначала призвание Божие являлось таинственно в непостижимом влечении души вашей к служителям Божиим, к слышанию Слова Божия. И служитель Слова говорил вам слово, чуждое лести, чуждое человекоугодия! — Ныне это призвание ознаменовалось внезапным взятием с земли одного из членов вашего семейства. Сын ваш перешел предтечею прочих членов семейства. Вечность присвоила себе всех человеков; — всех ожидает в свое необъятное недро!

Не говорю вам «не плачьте»! нет! не говорю этого! Дайте свободу слезам, пролейте их обильно, столько, чтоб напилось ими сердце в сытость и не погашены были святая вера, кроткая покорность Промыслу, самоотвержение мужественное. Полезен плач, растворенный упованием на Бога: утешает душу, смягчает сердце, отверзает его ко всем святым, духовным впечатлениям. Печаль, не соединенная с упованием, чужда благих плодов, с плодом зловредным, убийственным! От нее рождаются уныние, отчаяние, смерть телесная и смерть душевная! — Нет! вы не впадете в эту печаль! Вас невидимо держит сильная десница Божия! Она ввела вас в дни сетования, чтоб вы в эти дни более погрузились сами в себя, омыли себя святым омовением — слезами, чтоб многие воздыхания родились в груди вашей, понеслись к небу, очистили для души вашей путь к небу. Постигло вас наказание Божие, наказание, растворенное милостию, наказание, каким Бог наказывает тех, кого хочет приблизить к Себе, а не таким, каким Он карает, сокрушает врагов Своих. Постигло вас наказание Божие, растворенное милостию! Посмотрите — как из среды мрака посланной вам печали ярко, благотворно

светит милосердие Божие! Смерть — непременная дань смертных; ее должен выплатить каждый человек; — кому ж из вашего семейства послал ее Бог? — Кротчайшему, непорочному юноше. Ему смерть — переселение в верное блаженство! — Ангел-юноша теперь на небе: туда, к своему блаженному жилищу, он будет привлекать ваши взоры, и начнут эти взоры, очищенные слезами, смотреть с упованием, смотреть радостно, смотреть часто на чистое, святое Небо.

Призывающий на вас благословение и утешение от Бога.

Энгельгардт Павел Васильевич (ум. 1849; брат княгини Татьяны Васильевны Юсуповой) — с 1832 г. гвардии полковник в отставке; *Софья Григорьевна* (1805–1875) — его жена; *Василий Павлович* (1828–1915) — их сын, друг М. И. Глинки, много сделавший для увековечения его памяти. В приведенных письмах говорится о их младшем сыне, Григории Павловиче, скончавшемся в октябре 1847 г. См. о них также в переписке Святителя с П. П. Яковлевым.

Письмо святителя Игнатия к статс-даме Параскеве Ивановне Мятлевой[1]

Прошедшего года 14-го октября я был в Вашем доме, вместе с братиями моими служил Божественную литургию в Вашей домовой церкви. При священнослужении присутствовали Вы с благословенными дщерями Вашими, с благословенным потомством Вашим. Молитвою мы соединялись все воедино. Это единение превыше земных ощущений; тут что-то небесное; тут предвкушение будущей жизни, в которой человеков будет соединять дух. Здесь, на земле, соединяет их наиболее земля. Землею называют нашу плоть и кровь. Так назвал их Бог: *земля еси*, сказал Он падшему человеку, *и в землю пойдеши*[2].

После литургии имел я истинное, сердечное удовольствие принести Вам мое поздравление с днем Вашего Ангела, пожелать Вам всех благ, которыми милосердый Господь во времени и в вечности наделяет человека, угодного Ему и любимого Им. Ныне из дальней пустыни моей прихожу к Вам мыслию, воспоминанием, сердцем, наконец — этими строками. Приветствую Вас с днем Вашего Ангела, приветствую с таким же духовным наслаждением, исполненный таких же искренних и благих желаний для Вас. Да благословит Вас Господь! *Да обновится яко орля юность твоя!*[3] А обновляется человек, юнеет — от благочестия. Если сравнить земную жизнь человеческую

с вечностию, то все мы одинаково молоды и одинаково стары. Мне представляется в цвете и красоте юности истинно живущим — только благочестивый. Он издает из себя духовную воню бессмертия; слышен живущий в нем и оживляющий его душу Бог. Так для всех ясно ощутительна душа в действиях тела, которое она употребляет как свое орудие; ощутительно и отсутствие души, что все видят в бездействии и смраде охладевшего трупа.

С истинным, глубоким, духовным утешением я был свидетелем того, как сердце Ваше ожило для Бога; был свидетелем этого приятнейшего зрелища и возблагодарил Бога. Нет на земле выше счастия, как познать Бога и прилепиться к Нему всею душою. Это союз — от ныне и до века! В этом союзе — условие истинного блаженства, блаженства вечного, предвкушение которого уже начинается здесь, на земле.

Как ни вспомню о Вас, неразлучно с этим воспоминанием приходит на мысль мою стих псаломский: *Да обновится яко орля юность твоя*. И посылает его сердце мое к Вам на крыльях сильного желания!

Письмо мое препровождаю чрез моего наместника с целию: он мне напишет, что вручил Вам письмо. Оно, как Вы видите, вовсе нецеремонное; все из сердца. Не утруждайте себя ответом на него: имею от Вас письмо, которое — читаю и перечитываю всегда с новым духовным наслаждением, с благодарением Богу. Это письмо — Ваша душа; Богу угодно, чтоб она была для меня открыта к общей пользе: моей и Вашей. Говорящий слово Божие и слушающий слово Божие пользуются вместе, а приносит пользу — Бог. Он соединяет здесь, на земле, в юдоли скорбей и плача, человеков в единомыслие Своим всесвятым, всесильным словом. Он вселяет единомысленных по окончании земного странствования в дом вечный, где духовный праздник никогда не умолкает. Он да дарует нам здесь благоугодное Ему единомыслие и единодушие, как залог; а там — на небе, в вечности, да дарует неизреченное блаженство, как исполнение залога... Какая мысль сейчас пришла мне! Не скрою ее! дал бы мне милосердый Господь видеть Вас со всеми чадами и внучатами Вашими в селении вечном, полном света и радости, полном славословия Богу, как зрел я вас всех прошлого году 14-го октября, собранных в Его святом храме. Вы устроили в доме Вашем приют для Бога, — устраивайте и в душе Вашей; — Он устроит Вам дом, обитель великолепную в Его

святом граде, в Иерусалиме Небесном. Он устроит, потому что обещал воздать каждому по делам его.

25 сентября 1847 г.

[1] См. письмо святителя Игнатия к наместнику Сергиевой пустыни о. Игнатию (Васильеву) № 16 (Т. 2. С. 318).

[2] *...прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3. 19).

[3] Пс. 102. 5.

Параскева Ивановна Мятлева (1772–1858; урожденная Салтыкова) — супруга тайного советника, камергера Петра Васильевича Мятлева. В Жизнеописании архимандрита Игнатия (Малышева) рассказывается: «Внушая к себе особенное уважение и доверие, о. Игнатий был принят во многих аристократических домах как друг и наставник. Статс-дама Прасковья Ивановна Мятлева избрала его своим духовным отцом. Строгий к себе, ревностный в исполнении заповедей Божиих, о. Игнатий, несмотря на любовь к духовным детям своим, не послаблял им ни в чем и умел даже внушать к себе некоторый страх. Умилительно было видеть, как почтенная старушка повиновалась своему духовному отцу, преодолевая иногда привычки светской жизни, и сохранила это повиновение до самой смерти» (СПб., 2000. С. 30).

Письмо святителя Игнатия к Николаю Николаевичу Анненскому[1]

†

Ни в какое время душа моя не была столь полна участия к Вам, как теперь... жалостно смотрю на Вас, на странника, претерпевшего кораблекрушение в житейском море, выкинутого свирепою волною на берег приморский... На этом берегу — тихая обитель иноков — пристань от бурь житейского моря. Подхожу к Вам... вижу: этот странник, орошенный холодною волною, — мой старинный знакомый! — и первая мысль, первое чувство: приютить, обогреть странника, утешить друга, и если есть в руке моей средство помощи, положить это средство в его руки, принести к ногам его!..

Такие ощущения родились в душе моей при прочтении вашего письма!.. Не взыщите, что в заглавии строк моих я не поставил светского титула, заменил его «знамением Христовым». Пусть знамя Христово развевается над словом моим... И Вы стали под это знамя! Вождь крестоносцев говорит: *Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть.* — Давно уже был Вам призыв под это

Знамя! — теперь Вы выкинуты под сень его насильственно, гневною волною. На эту волну смотрел Бог!

Благословен поступок Ваш: Вы не уклонились ни направо, ни налево; — в час скорби вашей Вы кинулись к Богу, в храм Его, в святую обитель. И Бог принял Вас...

Не для играний — человек на земле! не для играний... Не маловажно, что Бог создал человека по образу и подобию Своему! Не маловажно, что Сын Божий искупил падшего человека Своею кровию!.. Надо дать цену этим щедротам Бога! надо дать цену всесвятой крови Богочеловека!.. Нет! не оценивают их достойно те, которые обращают на веру поверхностное, мимоходное внимание, а все внимание души своей истощают на играния суетным, временным, тленным. И те, которые всю жизнь свою посвятили Богу, — ничего не сделали, не принесли ничего достойного в сравнении с благодеяниями Божиими! — Один, один достоин стать пред Богом: дух, исполненный сокрушения и смирения. Это достоинство человеческое одно признал Сам Бог достоинством. И может стать в таком расположении дух наш — когда он уклонится от всех играний.

Не советую Вам выходить из того наружного круга, в который мы поставлены Промыслом Божиим. Узы Ваши — узы священные. На них священная печать, наложенная благословением Божиим, призванная таинством церковным и сопутствующими ему молитвами. Уединением Вашим — да будет душа Ваша, умерщвленная для мира; святою обителию Вашею — да будет душа Ваша, — да будет она обителию всех евангельских добродетелей. Играния да заменятся существенным и тени — истиною. Нет возможности приступить к Богу иначе, как по тернию скорбей. Допущенный к Богу — приступил к сокровищнице всех благ, временных и вечных. Бог, кого хочет приблизить к себе, попускает тому скорбь. Волна, которою Вы закинуты в страну креста, послана на Вас Богом, любящим и избирающим Вас, — послана, как буря и кит были посланы на пророка Иону.

Если милосердый Господь возвратит меня в приморскую обитель Преподобного Сергия, — надеюсь увидеть Вас там, увидеть, чтоб укреплять и утешать утешением и крепостию от Господа. Давно душа ваша избрала душу мою в пристань искренности, — даже теперь не покидает этой пристани, полуразбитой волнами, постоянными и давно злящимися бурями далеко отдвинутой... И да исполнится над Вами слово воплощенного Бога,

Который сказал: *Идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18. 20).

Февраль 1848 г.

[1] 4 февраля 1848 г. святитель Игнатий написал своему наместнику в Сергиеву пустынь: «К Николаю Николаевичу Анненскому я писал письмо, утешая его, и советую не оставлять семейство по порыву огорчения. Ты очень хорошо сделал, доложив Преосвященному о его пребывании в обители».

Письмо святителя Игнатия к Александру Александровичу Кавелину [1]

Бог да утешит Вас в постигшей скорби. Влас главы нашей не падает без воли Его!

Иначе взирает мир на приключения с человеками и иначе Бог. Видим, что св. Нифонт Епископ четыре года страдал умоисступлением, Св. Исаакий и Никита (который был впоследствии Святителем Новгорода) долго страдали умоповреждением. Некоторый Св. Пустынножитель — упоминает об этом событии Сульпиций, писатель 4-го века, в рассказе Пустоминиана, путешествовавшего по монастырям Востока, — творивший множество знамений и заметивший от этого возникающую в себе гордость, молил Бога, чтоб для уничтожения славы человеческой попущено было ему умоповреждение и явное беснование, которые и попустил Господь смиренномудрому рабу своему. Веруем, что без воли Божией не может к нам приблизиться никакая скорбь; всякую скорбь, как приходящую от руки Божией, приемлем с благоговейною покорностию воле Божией, с благодарением. Славословием всеблагого Бога, непостижимого в путях Его, дивного во всех делах Его.

[1] ОР РНБ. Ф. 1927. № 288. С. 273–274.

Кавелин Александр Александрович (1793–1850) — воспитывался в Пажеском корпусе; при Бородине получил две тяжелые раны. С 1818 г. при Великом князе Николае Павловиче — флигель-адъютант. В 1827 г. — генерал-майор свиты Его Величества Николая I. 20 марта 1830 г. назначен директором Пажеского корпуса. С 2 декабря 1842 г. — Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор.

В 1846 г. по расстроенному здоровью оставил должность, но до конца жизни пользовался благоволением Николая I. В частной жизни отличался неподкупной прямотой и строгостью к самому себе и подчиненным. Но в сущности был очень добрым человеком.

А. А. Кавелин был женат на родственнице М. В. Чихачева[1], а с архимандритом Сергиевой пустыни Игнатием находился в дружеских

отношениях. В 1840–1843 гг. он много содействовал разрешению конфликта, связанного с делом французского посланника Баранта и запрещением архимандриту Игнатию выезжать из Сергиевой пустыни без специального разрешения Консистории[2]. О дружеских отношениях свидетельствовало и письмо Святителя, посланное им из Бабаек 13 ноября 1847 г. своему наместнику в Сергиеву пустынь: «От А. А. Кавелина получил премилейшее письмо, написанное от самого сердца, — вот! Такая любовь меня утешает. Пишет, что ты был у него».

У Кавелина в это время было тяжелое нервное заболевание, о котором святитель Игнатий вспоминал в 1856 г. в письме к инокине, нуждающейся в успокоении:

«Когда возле нас жил Кавелин в состоянии помешательства и некоторое время еще позволено было родным приезжать к нему, то после каждого приезда ему делалось хуже, потому что они все хотели его урезонить и смягчить. Бывший тут доктор из сумасшедшего дома говорил мне о действиях родственников: "Странные люди! Хотят больного урезонить, между тем как болезнь его и состоит в том, что он лишен здравого смысла". Кавелин хватался за нож, намереваясь пронзить им жену и себя, высказывая против нее величайшие неудовольствия, между тем как в здравом состоянии он питал к ней величайшее расположение».

Вспоминал он об этом и в письме к сестре Е. А. Паренсовой от 5 января 1867 г.: «Когда Петербургский военный генерал-губернатор Кавелин был болен умопомешательством и родня его приезжали и старались урезонить его, чем приводили в большее расстройство, тогда доктор, бывший при нем, сказал мне однажды: "Такова болезнь нашего времени"».

[1] См.: Т. 2. С. 488.
[2] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 152.

Письмо святителя Игнатия к князю Александру Михайловичу Горчакову

Милостивейший Государь, Князь Александр Михайлович!

Когда Вы были посланником в Виртемберге, а я был настоятелем в Сергиевой Пустыне, тогда после кончины супруги Вашей Вы посетили упомянутую мною обитель и удостоили посещения Вашего мои келлии. Имел честь принимать Ваше Сиятельство на балконе. Речь зашла о сочинении Фомы Кемпийского: я сказал Вам мое мнение о его книге «Подражание». Но клеть душевная — глубины неизмеримой! Свидание было слишком кратко, — и мнение мое, основанное на долговременном изучении Отцов православной Церкви, не могло быть изложено с удов-

летворительностию. Недостаток сказанного мною восполняю представлением Вам книги «Аскетические Опыты». В них Вы прочитаете учение наших Отцов о внутреннем духовном подвиге. Это учение отличается от учения западного писателя тем, что Отцы ведут писателя своего к покаянию и плачу о себе, а западный писатель ведет к наслаждению и довольству собою.

Всякое земное положение преходит; незаметно приближается и приближается человек к вратам вечности. Если истинная любовь желает ближнему истинных благ, то это желание необходимо отнести к благам вечным. Примите от меня такое желание! Взглянув в книгу, Вы встретите на каждой странице ее это желание высказанным без лести падшему человеку. С чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейший слуга и Богомолец

Епископ Игнатий.

1865 год

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) — светлейший князь, знаменитый дипломат, канцлер, государственный деятель. Похоронен в Сергиевой пустыни. Внучатый племянник святителя Игнатия, Александр Николаевич Брянчанинов, был женат на внучке А. М. Горчакова, светлейшей княжне Марии Константиновне Горчаковой.

Письмо святителя Игнатия к Н. В. Голоушевой

Милостивейшая Госпожа Н. В.

Приношу Вам и С. Ф. мою искреннейшую признательность за воспоминание обо мне в Новый год и в день моего Ангела. Благословение Божие да почиет над Вами и над чадом Вашим! Во всяком деле начальное условие успеха есть правильный взгляд на дело; так и в деле спасения, для получения желаемого спасения необходим правильный взгляд на себя и на спасение. По причине повреждения грехом нашей природы в нас смешано добро со злом и сердечная земля наша не престает производить зло, а и добру не дает произрастать одному, цельному, но всегда с примесью зла. Этот процесс нам естествен не потому, чтоб мы так были сотворены, но потому, что мы произвольно впустили в свое естество яд греха, который уже не можем отделить от своего естества собственными усилиями. Это отделение совершает нам Искупитель, ища от нас и собственных наших усилий к истреблению в себе зла, как деятельных доказательств в истинном приятии спасения, даруемого Богом туне.

Итак, не должно унывать; видя возникающее в себе разнообразное зло, должно постоянно противиться ему и исторгать его из себя. Труд и подвиг пожизненные! В свое время, когда мало-помалу начнет изнемогать зло, начнет являться и мир душевный, признак здравия души. Но полного мира в стране брани и борений нет. Он то является, то опять скрывается: место постоянного мира — на небе и в вечности. Все это нужно знать, чтоб не требовать от себя того, что нам не естественно, и опять для того, чтоб не унывать в пожизненном подвиге, борясь мужественно со злом, восстающим против нас и внутри и извне нас. Когда таким подвигом мы докажем верность нашу Богу, то дар благодати Божией — спасение, таинственно вложенный в нас крещением и заключающийся в соединении естества человеческого с Божиим естеством и в исцелении первого от прикосновения ко второму, начнет яснее обнаруживать свое присутствие в нас, доставляя нам более решительную победу над злом, производя в нас глубокий мир и утешая надеждою блаженной вечности. Желаю Вам правильно подвизаться по руководством Слова Божия и увенчаться венцом спасения по неизреченной милости Божией.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

Е<пископ> И<гнатий>.
17 февраля 1862 года

Письмо святителя Игнатия к К. В. Г.

Святые Отцы, восхваляя правило молитвенное и исповедуя необходимость его, не только пользу наставляют иметь его умеренное, соразмерное с силами, с состоянием душевного преуспеяния и с обстоятельствами, в которые поставлен человек Промыслом Божиим. Сущность исполнения молитвенного правила заключается в том, чтоб исполнялось оно со вниманием. От внимания дух наш приходит в смирение; от смирения рождается покаяние. Чтоб можно было совершать правило неспешно, надо правилу быть умеренным. Святые Отцы, очень похваляя умеренное правило, советуют исполнять его неупустительно. Следующее правило может быть полезным для Вас и на первый случай удовлетворительным: Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе; Царю Небесный, Трисвятое, Отче наш, Господи помилуй 12; Приидите поклонимся, Псалом 50, Символ Веры, Богородице

Дево, радуйся (трижды). После этого 20 молитв: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»; при каждой молитве земной поклон.

Затем другие 20 молитв, и при каждой поясной поклон: Достойно есть, яко воистину; Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Это молитвенное правило должно совершать утром и вечером. Поклоны должно полагать очень неспешно, с чувством покаяния, как бы стоя пред Самим Господом, припадая к стопам Его и веруя Его присутствию и тому, что Он взирает на Вас и видит Вас. Вы имеете письменное наставление о молитве: старайтесь заимствовать из него направление для духа Вашего во время молитвы. Из прочих молитвословий более других полезен для новоначального акафист Господу Иисусу. Прочитывайте его в неделю однажды, стоя или сидя, как Вам будет удобнее, но непременно со вниманием и неспешно. Также никак не позволяйте себе читать поверхностно и бегло Евангелие и прочие священные книги: читайте их неспешно и со вниманием. При чтении наблюдайте умеренность. Умеренность поддерживает постоянную охоту к чтению, а пресыщение чтением производит отвращение от него.

Книга писем Задонского затворника Георгия может быть для Вас очень полезною. Она одного духа и направления с сочинениями Святителя Тихона Воронежского. Позволяю себе сказать, что она одного духа и с моими грешными писаниями, которые вам можно читать все: потому что в них объяснено, что идет для новоначального и что идет для преуспевшего.

Не забывайте непрестанно предавать себя воле Божией и благодарить Бога за все Его благодеяния, сделанные Вам. Все мы должны быть уверены, что не заслуживаем тех Божиих благодеяний, какие имеем, что мы заслуживаем несравненно большие неприятности, нежели те, какие встречаются нам. При таком воззрении на себя христианин пребывает мирным по причине покорности своей Богу и благодарит Бога за все, случающееся с ним.

1 июня 1863 года

Письмо святителя Игнатия к Дмитрию Алексеевичу Мельникову

Милостивейший Государь, Димитрий Алексеевич!

За посещение Ваше в Ставрополе не могу заплатить личным приходом к Вам. Прихожу моею книгою. Примите ее с любовию, и в минуты свободы заглядывайте в нее. Эта книга — книга

самовоззрения. Книга возвещает христианство не извне — из исследования человеком самого себя.

Все земные положения срочны. Земная жизнь наша — школа, в которой мы должны приготовиться к вечности. Неупражнение во всякой науке служит причиною незнания ее, и близкая к нам вечность становится в безконечную даль, облекается в глубокий мрак для тех, которые не рассматривают ее. В изучении всякой науки требуется, чтоб изучение было правильным; без этого приходим к пустым или ложным результатам: точно так и в изучении христианства необходима правильность; без нее человек непременно уклонится в многообразное заблуждение, там, где господствует истина, нет места для запечатленных ложью.

Желая Вам благ временных, еще более желаю благ вечных. С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга и Богомолец

Епископ Игнатий.
1865 г.

Письмо святителя Игнатия к князю Н. Н. Хемшиеву

То, что все мы, любезнейший князь, кратковременные странники на земле, есть осязательная истина. То, что мы обращаем так мало внимания на вечность, забываем ее, — есть верный признак нашего падения, падения не только в теле, но еще более в уме, в сердце. Глядя на себя, мы в себе увидим, что нам нужно спасение, нужен Спаситель.

Познание Спасителя, а через то и получение блаженной вечности есть первое счастие на земли, есть единственное сокровище человека.

Бог привел Екатерину Павловну получить это сокровище; потом, очистив страданиями, призвал в вечность, и в вечность блаженную. Кончина ее оставляет в истинно расположенных к ней воспоминание, в котором соединяется чувство спокойное, чувство верное с обыкновенным чувством грусти об отшедшем. По крайней мере, я так чувствую! И это чувство для меня не ново: его оставляли мне некоторые отшедшие отсюда после жизни (на земле) благочестивой о Господе.

Утешает меня, что милосердый Господь привел меня послужить Екатерине Павловне душеспасительным словом, хотя и очень

недостаточно. Видя, что Бог внушает многим прибегать к моему скудному слову, я не могу не признать, что Бог назначает мне в удел служение ближним словом Божиим. Почему желаю относительно Вас проходить это служение ближним и возвещать Вам Слово Божие, сколько при нерадении и немощи моей я мог познать оное из Священного Писания и писаний Святых Отцов.

Милосердый Господь да утешит Вас, да укрепит Вас! Быстро, быстро промчится время и наступит и для Вас час переселения в вечность. Употребите земные дни Ваши на приготовление к ней. Вы видели в супруге Вашей, как хорошо — приготовиться к вечности. Это приготовление растворяет даже здешние скорби утешением и тем доказывает, что это приготовление есть приготовление к блаженству.

О Господе Вам преданнейший

А<рхимандрит> И<гнатий>.

5 февраля 1847 года

Письмо святителя Игнатия к Дмитрию Алексеевичу Милютину

Милостивейший Государь Дмитрий Алексеевич!

За посещение Ваше в Ставрополе не могу заплатить личным приходом к Вам. Прихожу моею книгою. Примите ее с любовию и в минуты свободы заглядывайте в нее. Эта книга — книга-самовоззрение. Книга возвещает Христианство не извне — из исследования человеком самого себя.

Все земные положения — срочны. Земная жизнь наша — школа, в которой мы должны приготовиться к вечности. Неупражнение во всякой науке служит причиною незнания ее: и близкая к нам вечность становится в бесконечную даль, облекается в глубокий мрак для тех, которые не рассматривают ее. В изучении всякой науки требуется, чтобы изучение было правильным, без этого приходим к пустым или ложным результатам; точно так и в изучении Христианства необходима правильность, без нее человек непременно уклонится в многообразное заблуждение. Там, где господствует истина, нет места для запечатленных ложью.

Желая Вам благ временных, еще более желаю благ вечных. С чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства

покорнейшим слугою Епископ Игнатий.

20 февраля 1865 года

Черновик ответа Д. А. Милютина

Ваше Преосвященство,

Приношу душевную признательность за оказанный мне Вами знак внимания присылкою [нрзб.] сочинений Ваших. Если я несколько замедлил ответом на почтеннейшее письмо Вашего Преосвященства, то причиною тому было желание, прежде ответа, познакомиться с содержанием присланной мне книги; но к крайнему прискорбию моему, время уходило, ежедневно являлись новые заботы и обязанности, не оставляющие решительно ни одной минуты для [нрзб.] к необходимости не отлагая долее принести благодарность Вам, не прочитав еще Вашу книгу...

26 мая

Письмо святителя Игнатия к князю Михаилу Дмитриевичу Волконскому[1]

Милостивейший Государь,

Князь Михаил Дмитриевич!

Оба письма Вашего Сиятельства (от 30 Марта и от 12 Апреля) я получил только 23 Апреля. 21 Апреля лишь вечером оказалась возможность послать на почту; до того времени Монастырь был отрезан Волгою от всех городов. Приношу Вам искреннейшую мою благодарность за поздравление с Праздником праздников, с которым взаимно поздравляя Вас, приветствую всерадостным приветствием: Христос Воскресе!

Относительно Алтайской Миссии похвально служение Марфы, но служение Марии предпочтено Господом. Когда, по обычному взгляду мира, призывала Марию Марфа принять участие в служении телесном, оставя духовное, то Господь выразил свое несогласие на это. Невозможно совместить служение с служением, хотя оба имеют свою цену.

Относительно перевода Истории, сделанного Вами, я говорил и писал Вам откровенно. Такого или подобного исхода делу должно было ожидать. Ваш труд никак не пропал для Вас: посредством его Вы ознакомились ближе с судьбами Церкви, и пред Вами разъяснилось, какие занятия по духовной литературе могут быть сручнее.

Поминайте в Ваших молитвах

Вашего покорнейшего слугу

Игнатия.

24 апреля 1867 г.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 19.

Переписка святителя Игнатия с графом Николаем Дмитриевичем Зубовым

Письмо Н. Д. Зубова к святителю Игнатию[1]

Ваше Высокопреподобие!

Имея душевное прискорбие и слабое оттого здоровье, не могу я быть ныне в Сергиевском монастыре, потому обращаюсь к Вам с покорнейшею моею просьбою: тело супруги моей графини Александры Гавриловны Зубовой, урожденной графини Моден, находящееся ныне в нашей фамильной церкви, устроенной в Сергиевском монастыре, предположил я похоронить под означенною церковью в имеющем там склепе 25 числа сего октября, то есть в наступающую среду после обедни, которую в тот день отслужить и отпевание над телом совершить покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие с прочим духовенством Сергиевского монастыря. Я льщу себя надеждою, что в сей моей просьбе мне не откажете.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с истинным почтением честь имею быть

Вашего Высокопреподобия

Покорный слуга

Граф Николай Зубов.

Октября 23 дня 1839 года

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 11.

Письмо святителя Игнатия к Н. Д. Зубову[1]

Милостивейший Государь!

Граф Николай Дмитриевич!

Податель сего письма есть коллежский асессор Константин Платонович Платонов, казначей Св. Синода. Он желает занять место покойного Василия Яковлевича Аткинсона при Инвалидном доме в Сергиевой Пустыни; зная его с отличной стороны, зная, что в нынешнее время крайне трудно найти человека с таковыми нравственными правилами, я почитаю для себя особенною приятностию рекомендовать его Вашему Сиятельству. Думаю, что сим приношу Вам значительную услугу и в других отношениях: этот человек может быть Вам очень полезен во всех тех случаях, когда Вам представится нужда похлопотать о каком-либо деле в судебных местах. В сих случаях он будет для Вас неоценен; ибо соединяет в себе отличное знание дела

с честностию не нынешнего века. Не люблю никого рекомендовать, но в настоящем случае делаю отступление от своего правила; надеюсь, самые последствия меня оправдают!

Призывая на Вас и на семейство Ваше благословение Неба, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1844 года ноября 26 дня
Сергиева Пустынь

[1] РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Д. 559. Впервые было опубликовано в ПСТ. Т. 8. С. 154. Публикация А.М. Любомудрова.

В письме идет речь о замещении должности Смотрителя Инвалидного дома. Инвалидный дом на 30 увечных воинов, а также церковь мч. Валериана были построены в 1809 г. братьями Зубовыми в память Валериана Зубова, скончавшегося от ран, полученных в персидском походе.

Письмо святителя Игнатия к Вере Ивановне Анненковой

Милостивейшая Государыня! Вера Ивановна!

<...> ...Наружное счастье не может вполне напитать человека; источник истинного счастья должен быть в его сердце, а эти святые, чистые воды дарует Христианину — Вера... Вы доставьте это блаженство Вашим детям. <...>

23 декабря 1844

Письмо святителя Игнатия к штабс-капитану Стефану Ивановичу Феодорову

Любезнейший Стефан Иванович!

Письмо Ваше меня необыкновенно обрадовало. Слава Богу, что Вы переселились из Грузии в Киев, — мне это подает надежду, что по времени Вы совершите и другое переселение, т.е. из Киева в Петербург, из которого удобно можете побывать у старого, еще Вами не забытого друга. Но каким Вы его найдете! Не таким, как прежде; не исполненного живости, но изможденного болезнями и трудами, кои сами по себе хотя и были малы, но относительно моих сил велики. При всем том благодарю Господа — я довольно счастлив, весьма счастлив, не по грехам моим счастлив. Первое же условие сего есть то, что я Христианин и монах, хотя и недостаточный. Во-вторых, есть кругом меня люди, на коих могу взглянуть с искреннейшею любовию.

Пустыня наша при море — и чувственном и житейском. Гляжу на то и на другое и радуюсь, что живу на берегу посреди стен монастырских. <...> ...Желая Вам доброго здоровья и благополучия, имею честь быть Ваш усердный слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.
6 июля 1836

Письмо святителя Игнатия к Д. В. Брюзгину

Письмо Ваше имел честь получить! сожалею сердечно о постигшей Вас скорби, — и по сему участию позволяю себе советовать Вам, дабы Вы не предавались излишней печали, которая беде не поможет, а Вас расстроит. Вспомните, — всякий человек родится с тем, чтоб умереть; — и сей общей чаши никто из нас избежать не может. Почему о смерти всегда памятствовать и часто размышлять должно. Таковое размышление побудит нас к делам добрым, необходимым для вечного блаженства, и отвратит нас тех злых дел, на которые бы мы решились в забывчивости о смерти.

О почившей супруге Вашей тем менее должны мы тужить, что она проводила жизнь свою в правилах и добродетелях Христианских и при кончине сподобилась надлежащего напутствия.

Когда придет к Вам печаль, то прибегайте к молитве, как и св. Апостол Иаков в Соборном послании советует: *Злостраждет ли кто в Вас? да молитву деет*[1]. — Молясь же, просите Господа о прощении Ваших грехов и о упокоении души усопшей супруги Вашей. Тогда и печаль Ваша будет по Бозе, растворена надеждою и от надежды проистекающим утешением; таковая печаль, как виновная спасению, Законом Духовным похваляется. Печаль же плотская, состоящая в одном только сетовании, без молитвы и упования на Бога, учиняет по душе и телу расстройство и от Господа порицается. Сам Господь да пролиет в сердце Ваше утешительные чувства! Желаю Вам доброго здоровья и всех благ, с истинным почтением и преданностию имею честь Ваш покорный слуга и Богомолец.

14 ноября 1837

[1] *Злостраждет ли кто из вас, пусть молится* (Иак. 5. 13).

Письмо святителя Игнатия к девице Анне Дементьевне

Милост<ивейшая> Госуд<арыня> девица Анна Дементьевна!

<...> Ваше намерение благое и похвальное, ибо все мнимые утешения плотские скоро мимотекут; и потому весьма безумно провести в суете нашу жизнь, данную Богом для приготовления себя к будущей жизни. По желанию Вашему совет мой Вам преподать: во-первых, молите Господа, чтобы благословил Ваше намерение и Сам подал возможность к исполнению оного: ибо сказал Дражайший Спаситель наш: *Без Мене не можете творити ничесоже*. И святии Отцы, яко звезды на небе церковном различными добродетелями просиявшие и самым опытом, то есть самим исполнением заповедей Его, силу словес Его Святейших и Божественнейших узнавшие, говорят: «Всякое дело хотя и благое, но без молитвы и прошения помощи Божией начатое, не бывает совершенным». И ты убо от молитвы и прошения помощи Божией начни.

Во-вторых, всякая девица, желающая поступить в монастырь, по обычаю наших монастырей, должна знать какое-либо рукоделие, дабы оным себя содержать; а при самом вступлении в монастырь должна построить или купить себе келлию — на это надо рублей триста. Это все постарайтесь приготовить, приготовив же отнеситесь ко мне письменно или лучше лично. Увидев Вас лично и по силе скудного моего рассудка рассмотрев Ваши свойства, с Божией помощью, может быть, и дам Вам совет, в какой именно монастырь поступить. Усердно бы желал Вам и деньгами помочь, да не могу многим: ибо ко мне в обитель много вступают ничего не имеющих, и, поддерживая их в их нуждах, сам в нужде остаюсь.

Буди благословение Божие над Вами. Ваш усердный богомолец

Архимандрит Игнатий.

9 октября 1838

Письмо святителя Игнатия к Александру Павловичу Башуцкому[1]

Любезнейший Александр Павлович!

Очень Вам благодарен за присланное Вами описание Сергиевой Пустыни, буду ожидать описания Зеленецкого монастыря. Что касается до Валаамского, то я насчет описания его имею

ту же самую мысль, которую развиваете Вы в письме Вашем, для чего мною и сделано уже распоряжение.

С наступлением весны оживают пресмыкающиеся и выползают из нор своих, в которых зимою они пребывали в состоянии оцепенения; то же самое совершается и со мною. Каждое утро, при хорошей погоде, выезжаю на хутор, наиболее для моциона и для того, чтоб дохнуть свежим воздухом. Насажденные Вами деревца по большей части принялись и начинают распускаться, а нарезанные Вами параллелограммы газона начинают зеленеть. Каждый раз, выходя на монастырь, вижу труд Ваш и воспоминаю о Вас. Также и все братия часто воспоминают о Вас, в особенности Платон.

Проект перестройки северного фаса нашей обители, особливо проект Сергиевой Церкви, сделан Горностаевым очень удачно; впрочем, будет ли он выполнен, остается неизвестным[2]. Храм, исполненный по такому проекту, будучи сам подражанием базилик, построенных Константином Великим, мог бы быть образцовым, по внутреннему расположению, для монастырских церквей, предназначенных для продолжительных богослужений.

Потрудитесь передать мое о Господе приветствие Марии Андреевне[3]. Призывая на Вас и на сию сестру Вашу благословение Божие, имею честь быть

Вашим покорнейшим слугой

Архимандрит Игнатий

13 мая <1853>.

[1] Печатается по автографу, хранящемуся в РО ИРЛИ (Ф. 34 (С.О. Бурачок). Оп. 2. Ед. хр. 258. Л. 1–2). Впервые было опубликовано в ПСТ. Т. 6. С. 784–786.

Датируется по содержанию.

[2] Архитектор А.М. Горностаев в 1854 г. приступил к перестройке храма преп. Сергия Радонежского Троице-Сергиевой пустыни в стиле ранневизантийских базилик. Главный придел построенного храма был освящен в 1859 г.

[3] *Мария Андреевна Башуцкая* (1810–1882) – жена А.П. Башуцкого, в 1850 г. поступившая послушницей в Тихвинский монастырь; вероятно, поэтому свт. Игнатий называет ее «сестрой» своего адресата.

Исполняя предписание Духовной консистории от 12 февраля 1852 г., святитель Игнатий приступил к созданию труда, озаглавленного впоследствии как «Археологическое описание древностей, найденных в 1853 г. в монастырях Санкт-Петербургской епархии» (опубликовано в ПСТ. Т. 3).

Разбор архивов Сергиевой пустыни, а также посещение летом 1852 г. других монастырей для сбора материалов святитель Игнатий возложил на известного литератора, ставшего послушником Сергиевой пустыни, А.П. Башуцкого.

Из письма видно, что Башуцкий успешно выполнял это поручение; результатом его работы стала и его собственная книга «Тихвинские монастыри», вышедшая в Петербурге в 1854 г. О неудачной командировке Башуцкого в Валаамский монастырь см.: ПСТ. Т. 3. С. 450–453.

Данное письмо, скорее всего, относится к 1853 г. — весной этого года Башуцкий оставил Сергиеву пустынь, о чем святитель Игнатий, в частности, сообщал игумену Дамаскину 27 февраля 1853 г. (см.: Т. 1. С. 195).

Из письма также следует, что Башуцкий во время пребывания в обители усердно исполнял послушание садовника. Причины его ухода неизвестны, но видно, что и сам святитель Игнатий, и братия с теплым чувством вспоминают послушника Александра.

Александр Павлович Башуцкий (1803–1876) — прозаик, публицист, журналист, издатель. Человек неординарной судьбы, он обладал разносторонними талантами и способностями. В историю литературы он вошел как основатель альманаха «Наши, списанные с натуры русскими» (1841–1842), к участию в котором привлек известных писателей-современников. В 1830–1840-е гг. Башуцкий издавал ряд журналов, поставив перед собой цель «для отечества извлекать отовсюду только доброе, питательное». Он автор автобиографического романа «Мещанин» (СПб., 1840), герой которого порывает со своим кругом, стремясь к жизни по христианским заповедям.

В литературных и светских кругах Башуцкий славился как талантливый рассказчик. Блестящая служебная карьера его оборвалась в 1849 г., когда он по клеветническому обвинению в растрате был уволен со службы.

Выход из кризиса Башуцкий искал в монашестве: в 1850 г. он поступил послушником в Троице-Сергиеву пустынь; одновременно в Тихвинском монастыре приняла послушание его жена. Однако духовное самоопределение Александра Павловича проходило непросто: из пустыни он перешел в Череменецкий монастырь, где провел всего неделю, есть сведения о недолгом пребывании его в Оптиной Пустыни, в Киево-Печерской Лавре, которую он покинул около 1854 г. Поняв, что монашество — не его путь, Башуцкий в течение последующих двух десятилетий подвизался в миру на самых разнообразных духовно-церковных поприщах. Он был учредителем и членом совета «Первого миссионерского общества (1865–1869). Написал икону, названную им «Тысячелетие России». Составлял назидательные брошюры. Сотрудничая в журналах «Домашняя беседа», «Северная пчела» и др., Башуцкий стал одним из немногих светских журналистов, открыто выступавших в защиту Церкви и монашества. Современники запечатлели его облик «в полумонашеском платье, в черной фуражке с козырьком, в очках и с длинной седой бородой». Похоронен в Петербурге на Волковом кладбище.

Публикация и примечания
А. М. Любомудрова

Письмо святителя Игнатия к Сергею Александровичу Танееву[1]

Милостивый Государь!

Сергей Александрович!

Когда имею счастие получать Ваши письма, подолгу любуюсь самым почерком Вашим, не говоря уже о том, какое чистое наслаждение приносят мне мысли и чувствования, которыми дышат Ваши письма. Как же было для меня огорчительно прочитать, при моем возвращении сегодня в монастырь, что Вы были у меня 1-го июня, в тот день, в который я был за триста верст от своей обители! Но я не теряю надежды видеть Вас в течение нынешнего лета в Сергиевой Пустыни. В июне месяце я должен сделать еще одну поездку; но июль и август, по крайней мере половину августа, надеюсь провести дома. Будьте так добры, посетите меня в течение этого времени. Я сочту себя совершенно счастливым, если увижу Вас и Анну Васильевну в Сергиевой Пустыни. Прошу Вас пожаловать откушать и подышать свежим воздухом, который у нас особенно хорош в июле и августе месяцах. Уведомьте меня Вашею прекраснейшею строчкою, исполнимо ли желание мое. В таком случае я постараюсь известить Вас о времени, наиболее удобном для приезда Вашего в обитель: потому что, полагаю я, дни праздников и многолюдного приезда могут показаться для Вас стеснительными, — и по справедливости! Они отнимают у нашей пустыни то, чем она особенно приятна: ее сельскую тишину и непринужденность.

Призывая на Вас и на юное семейство Ваше обильное благословение Неба, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Ваш покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий
1851-го года июня 7-го дня
Сергиева Пустынь.

[1] Печатается по автографу, хранящемуся в РГИА (Ф. 1060. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–2). Впервые было опубликовано в ПСТ. Т. 6. С. 787–788.

Сергей Александрович Танеев (1821–1889) — действительный тайный советник, управляющий собственной Его Величества канцелярией, член Комитета призрения заслуженных государственных чиновников. С. А. Танеев увлекался музыкой, был автором ряда музыкальных

произведений (сочинения для оркестра, хоры, романсы). Дальний родственник известного композитора С. И. Танеева.

Публикация и примечания А. М. Любомудрова

Письма святителя Игнатия без указания адресата

I

Письма из Николо-Бабаевского монастыря*

№ 1

В тихом уединении, на берегу величественной Волги, часто вспоминаю Вас, прекрасная, благословенная чета! и Вы — на берегу пространных вод, на берегу моря, которое по временам бывает тихо, бывает чисто, как зеркало, а по временам, встревоженное бурею, покрывается мутными волнами седою пеною. Такова наша жизнь! в ней тишина и буря сменяют одна другую; а время уходит, уходит, стремится погрузиться в бездну вечности. Блажен тот пловец житейского моря, который часто устремляет взоры к небу. По светилам небесным он направляет путь свой, не унывает при бурях, не доверяет и тишине моря: оно — так изменчиво! Взоры, для которых доступно небо — вера; ею мы усматриваем духовное небо: учение Христово. На этом небе сияет Евангелие, как солнце, Ветхий завет, как луна, — писания святых Отцов, как звезды.

Пишу к Вам прямо из сердца, пишу то, что внушилось ему сказать Вам. Мое сердце — с такою же сладостною простотою к Вам, как и Ваше ко мне. Такие отношения — истинное сокровище. Любовь к ближнему — величайшее наслаждение! А то утешает меня особенно в моих отношениях дружеских,

* Эти письма были написаны святителем Игнатием в Николо-Бабаевском монастыре, когда он находился там в 11-месячном отпуске для лечения. Копии с них были сняты келейником Святителя Стефаном (в монашестве Симеоном). Позже святитель Игнатий по просьбе своих учеников отредактировал их и подготовил для печати. Впервые они были опубликованы архимандритом Игнатием (Малышевым) в 1881 г. как приложение к «Жизнеописанию епископа Игнатия Брянчанинова», а с 1886 г. помещались в Собрания творений Святителя в 4-м томе. (При подготовке настоящего издания из 61 письма, помещенного в четвертом томе, по четырнадцати были установлены адресаты.)

что причина этих отношений — Бог. *Он*, — как говорит Писание, — *святяй и освящаяй всяческая;* Он источник всякого истинного блага, всякого истинного, чистого наслаждения. Он сохранит меня в Вашей памяти, а Вас в моей. Он даст Вам усугубить талант дружбы, полученный от Него же. Вот чего я желаю: желаю, чтоб при вступлении в вечность мы сподобились в сонме благих и верных рабов предстать Господу, сказать Ему: «Ты даровал нам прекрасный талант дружбы, приносим Тебе приобретенный на него другой талант — талант драгоценный спасения».

1847 года сентября 2 дня
Николо-Бабаевский монастырь

№ 2

Пишу к Вам из уединенной пустыни, в которую наконец после продолжительных разъездов я прибыл и где начинаю лечиться. Дорогу совершил с большим утомлением; два раза возвращалась ко мне петербургская болезнь моя, т.е. отнимались ноги. Теперь идет из них сильнейшая испарина и чувствую некоторое облегчение. Скажу Вам о Бабаевском монастыре, что он мне чрезвычайно нравится во всех отношениях. Местоположение премилое. Какой воздух! Какие воды, какие кристальные, ключевые воды! бьют, кипят из горы, и в таком количестве, что было бы их достаточно, думаю, для всего Петербурга. Какие рощи с дубами! с вековыми дубами! какие поляны! какая Волга! какая тишина! какая простота! Раскрываю книгу аскетического писателя, читаю ее — вижу, что здесь можно исполнить советы ее на самом деле, между тем как в Петербурге можно исполнить их только в воображении и желании. Словом сказать: для земного странствования моего, в эту минуту, не желал бы другого, лучшего приюта.

С сердечною приятностию воспоминаю моих друзей петербургских; вспоминаю их с признательностию, призываю на них благословение Божие. Друзей мне дал Бог: эту мзду принял я от Всесвятой десницы Его за мысль самоотвержения, которой последовал с дней юности моей. Уже самый опыт убеждает в евангельской истине, повелевающей оставить все, чтоб наследовать все. Евангелие лишает человека того, чем он владеет неправильно. Из тихого пристанища, из дальней пустыни повторяю то же, что говаривал из пустыни близкой: «не увлекайтесь

шумным, бурным потоком мира!» *Да будут уши* сердец ваших *внемлюще гласу моления моего*!..[1]

Христос с вами!

1847 года сентября 4 дня
Николо-Бабаевский монастырь

[1] Пс. 129. 2.

№ 3

Из моего уединения, с живописных берегов Волги, величественной и великолепной Волги, поздравлю Вас с благополучным совершением начатого дела в семействе Вашем, которое для родительского сердца вместе и так радостно, и так трудно.

Благословение Божие да осенит новобрачных! благословение обильное, такое, чтоб вы ясно его видели, утешались, и за него благодарили Бога. Он тем, кого любит, посылает скорби, а вслед за скорбями — утешение. То, что скорби сменяются утешениями, а утешения скорбями, рождает веру к Богу и мертвость к миру. Вера, взяв человека за руку, поставляет его пред Богом. — Такой человек возносится превыше мира: под ногами его — мрачный хаос сомнений, неверия, заблуждений, умствований напыщенных и вместе суетных. Так под ногами того, кто взошел на вершину высокой горы: облака, утесы, пропасти, шумящие и скачущие по скалам водопады.

Земная жизнь — ни на час не прерывающееся путешествие. Идем, идем; внезапно отворяются врата вечности, и мы теряемся в ее необразимом пространстве. Как прекрасно говорит святый Давид: *Пришлец аз есмь на земли: не скрый от мене заповеди Твоея!*[1] Точно: Закон Христов — нить, по которой мы выбираемся из мрачного лабиринта земной жизни в блаженную вечность.

Будьте здоровы, благополучны!

1847 года сентября 6 дня

[1] Пс. 118. 19.

№ 4

Среди глубокой, мрачной ночи уныло тянутся звучные отклики часовых, прерывают ее священную тишину. Ободряет, утешает часового голос его товарища: на душу его действует благотворно та мысль, то чувство, что есть человек в одинаковой с ним доле, в одной участи.

Утешителен, отраден для христианина голос его собрата в этой тьме и сени смертной, в которой мы совершаем наше земное странствование, шествуя к небу. Что скажу Вам с отдаленной моей стражи? Какую мысль утешительную понесут к Вам мои звуки? — Услышьте то, что и мне доставляет особенную пользу; услышьте слова Спасителя, предложенные Им для общего сведения, назидания, подкрепления всех странников земли: *В терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21. 19).

Ах! нужно нам помнить это наставление Спасителя, нужно держаться за него непрестанно, как держится слепец за руку путеводителя; потому что скорби то и дело передают нас одна другой, как волна волне; перепродают нас одна другой, как жестокий господин продает невольника другому господину, столько же или более жестокому. И когда уже душа и тело истончатся скорбями, соделаются слабыми, ничтожными, подобно паутине, — принимает нас гроб!..

Для преодоления иной скорби нужно мужество; для исшествия из другой — мудрость; для избавления от третьей — смирение. Но во всех скорбях, при всех прочих добродетелях, непременно нужно терпение. Ни одна добродетель не может состояться без терпения; добродетель, чтоб пребыть добродетелию, нуждается в терпении. Кто же поколеблется в добродетели, не претерпит в ней до конца, тот теряет свою добродетель. Господь сказал о благоугождающих Ему, что они *плод творят в терпении* (Лк. 8. 15), повелел *душу свою стяжавать в терпении* (Лк. 21. 19), возвестил, что *спасется* только претерпевый до конца (Мф. 24. 13).

Вот отклик мой на Ваш призыв из моего уединения! Да проникнет он во внутреннюю храмину сердца Вашего, да раздастся в ней, да прольет в ней кроткое утешение, утешение, которое подают небесное слово и небесная надежда. Это — голос вопиющего из пустыни, молчащего в пустыне!..

И опять погружаюсь в мое молчание, в мою даль, в мою неизвестность, темные, вдохновенные, как ночь глубокая. Так молчит часовой, вытянувший свой урочный, заунывный отклик!

Христос с вами!

1847 года сентября 11 дня

№ 5

С Божиею помощию отвечаю на письмо Ваше. Сказал Господь: *Никто же может приидти ко Мне, аще не Отец, пославый Мя*

привлечет его (Ин. 6. 44). Итак, хотя орудие призвания — человек, но призвание — Божие; призывающий Бог. Ощутив это призвание, которое сделалось Вам слышимым по совершении уже многого пути в земном странствовании, не ожесточите сердца Вашего. А ожесточается оно *лестию греховною*, как сказал святый Апостол Павел. *Блюдите братия*, — говорит он, — *да не будет когда в некоем от вас сердце лукаво, исполнено неверия, во еже отступити от Бога жива* (Евр. 3. 12).

Не советовал бы я Вам входить в подробное и тонкое разбирательство грехов и греховных качеств Ваших. Соберите их все в один сосуд покаяния и ввергните в бездну милосердия Божия. Тонкое разбирательство грехов своих нейдет человеку, ведущему светскую жизнь: оно будет только ввергать его в уныние, недоумение, смущение. Бог знает наши грехи, и если мы будем постоянно прибегать к Нему в покаянии, то Он постепенно исцелит самую греховность нашу, то есть греховные навыки, качества сердца. Грехи, соделанные словом, делом, сложением помышлений, должно сказать на исповеди отцу духовному; а в тонкое разбирательство греховных качеств, повторяю, не должно светскому человеку пускаться: это ловушка, ставимая ловителем душ наших. Познается же она по производимому в нас смущению и унынию, хотя по наружности и облечена в благовидность добра. Нужно это черное покрывало для иноков, чтоб закрывать ими лучи благодати, сияющие из ума их и сердца; нужно это черное покрывало для иноков уже преуспевших, которых зрение греховности своей не может привести в безнадежие, приводит только в смирение. Так некогда носил покрывало на сияющем лице своем Боговидец Моисей.

Надо признавать, — и это признание будет вполне справедливым, — надо признавать, что все мы, человеки, находимся больше или меньше в самообольщении, все обмануты, все носим обман в себе. Это — следствие нашего падения, совершившегося чрез принятие лжи за истину; так всегда падаем и ныне. Оттого в нас такая переменчивость! Утром я таков, к полудню иной, после полудня еще иной, и так далее. Оба мира действуют на меня, я подчинен обоим им, в плену у обоих их. Мир духов действует чрез помышления и сердечные ощущения; мир вещественный — чрез чувства телесные. Оба манят ко вкушению плода запрещенного. Телесным чувствам, зрению, слуху, осязанию представляется этот плод прекрасным; помысл — слово невидимого существа, внушает, твердит: «вкуси, узнай!» Манит любо-

пытством, подстрекает тщеславием. Раздается в душе нашей голос обольстителя, голос, который услышали, во-первых, наши прародители в раю; раздается голос: *будете яко бози*. Раздается и соблазняет; соблазняет и убивает. Потому-то дана человекам новая добродетель: «смирение», дано новое внутреннее делание: «покаяние». И делание и добродетель — подлинно странные! Они радикально противоположны тому, чрез что мы пали. Покаянием умерщвляется пагубное влияние чувств телесных; а смирением уничтожается высокоумие, тщеславие, гордость житейская, словом все, что человека, попросту сказать, с ума сводит.

Как же быть! — Не должно смущаться бывающими переменами, как чем необыкновенным; не должно пускаться в тонкое разбирательство грехов, но проводить жизнь в постоянном покаянии, признавая себя грешным во всех отношениях и веруя, что милосердый Господь всякого, лишь признавшего греховность свою, приемлет в объятия Своего милосердия, в недро спасения. Это разумеется не о грехах смертных, покаяние в которых принимается Богом только тогда, когда человек оставит смертный грех. Занятия по дому и хозяйству очень полезны: удаляют от праздности и облегчают уму невидимую его борьбу. Борьба при праздности возводит в сильный подвиг, позволительный только тому, кто к нему вынужден обстоятельствами или приведен Богом. Благоразумие требует не выходить на борьбу, превышающую силы, напротив того, — по возможности облегчать ее для себя. Веруйте Всемогущему Богу, надейтесь на Него, живите терпеливо и постоянно, живите в простоте, в покаянии и смирении, предавайтесь Воле Божией, когда случится сбиться с правого пути — снова на него направляйтесь, и спасетесь.

№ 6

Святая истина извещается сердцу тишиною, спокойствием, ясностию, миром, расположением к покаянию, к углублению в себя, к безнадежию на себя, к утешительной надежде на Бога. Ложь, хотя бы и облеклась в личину добра, познается по производимому ею смущению, мраку, неопределительности, переменчивости, развлечению, мечтательности; или же она только обольщает сердце — льстиво приносит ему довольство, упитательство собою, какое-то неясное, мутное наслаждение. И это наслаждение обольщенного сердца похоже на притворную тишину, которою прикрыта поверхность глубокого, темного омута, —

жилища чудовищ. Между прочими обманчивыми тлетворными зефирами, навевающими на сердце эту страшную тишину, это бедственное, гибельное наслаждение, навевает их на него и чтение известной книжки Фомы Кемпийского, западного монаха, находившегося в бесовской прелести, книжки «Подражание». Обольстительное наслаждение питается самомнением, которое рождается от тонко действующего тщеславия, ослепляющего ум и сердце; оно любит высказать себя, оно позволяет себе отклоняться от точного повиновения Святой Церкви, — умнее ее, оно, как и все прелести, козни диавола, как сам диавол и его чадо — грех, не терпят благоухания, для них смертоносного, убийственного благоухания, которое издают из себя покаяние и его плод — смирение. Спаситель мира сказал: «Блаженни нищии духом, блаженни алчущии ныне, блаженни плачущие ныне, и — горе вам — насыщеннии ныне».

Ум человеческий не в состоянии отличить добра от зла; замаскированное зло легко, почти всегда, обманывает его. И это очень естественно: ум человеческий юн, а борющие его злыми помыслами имеют более, чем семитысячелетнюю опытность в борьбе, в лукавстве, в ловитве душ человеческих. Различать добро от зла принадлежит сердцу — его дело. Но опять нужно время, нужно укоснение в заповедях евангельских, чтоб сердце стяжало тонкость вкуса к отличию вина цельного от вина поддельного. Что дело сердца отличать добро от зла и что сердце не вдруг стяжавает способность совершать принадлежащее ему дело, — то и другое засвидетельствовал Апостол: *Совершенных есть твердая пища*, — сказал он, — *имущих чувствия обучена долгим учением в рассуждении добра же и зла* (Евр. 5. 14). Потому-то, доколе сердце не стяжет навыка отличать добро от зла, очень полезен опытный совет ближнего — воспитанника Восточной Церкви, единой святой, единой истинной, — ищущего и нашедшего в повиновении ей блаженную свободу. От послушания, — сказал святой Иоанн Лествичник, — рождается истинное смирение; от смирения — истинное духовное рассуждение, или разум. Итак, вне неуклонного послушания Церкви нет ни истинного смирения, ни истинного духовного разума; там обширная область, темное царство лжи и производимого ею самообольщения. Отличается добро от зла очень многими признаками, которые познаются по мере духовного преуспеяния. В начале письма моего я назвал те признаки, которые ближе к душевному состоянию Вашему. И они очень достаточные при-

знаки! Приучайтесь мало-помалу по ним различать добро от замаскированного зла.

Христос с вами!

№ 7

Будь храбр, сражайся мужественно, стойко, упорно. От лености не предавай победы врагу. После поражения — не унывай; снова за меч и — на сраженье! Язвы, полученные в бою, цели покаянием. Вот регул для невидимой душевной брани.

Кому Господь захочет даровать духовное преуспеяние — попущает брани. Душевное искушение выминает, усмиряет человека, как коня гонка на корде. Победителю дозволяется вход на вечерю благодати. И входит он, и вкушает, и наслаждается за вечерею Господа своего, как воин на пиру у царя, воин, доказавший преданность свою царю постоянством, мужеством, самыми язвами, победою.

Христос с тобою. Он да укрепит тебя.

№ 8

Почему Вы говорите, что Вы недостойны моего расположения и даже снисхождения? Я — нечто иное, как непотребный грешник, имеющий крайнюю нужду в милосердии Божием, без которого верный мой удел — ад. Мой Бог говорит мне: *в нюже меру мерите, возмерится вам и имже судом судите, судят вам*. Нуждаясь в милости Бога моего, нуждаясь в ней в полной мере, имею для ближнего моего — одну милость. Внимая совести моей, когда она извешивает и ценит мое достоинство, желаю, чтоб она поставляла меня ниже всех преступников. Осуждаемый совестию моею, я не могу судить ближнего, тем более осуждать кого-либо. Хорошо быть у ног ближних своих образом своих мыслей: тогда делается доступным для человека Евангелие Христово!

Вот каковы мои чувства к Вам! Письмо Ваше тронуло меня, и это причина, по которой я ответом иду к Вам в чужие края, может быть, уже настигаю Вас. Вы в скорби от того, что в борьбе, в борьбе от того, что закон Христов духовен, требует распятия. Вы найдете утешение в том, что человечество никогда не приступало к распятию без борьбы. Доказательством — Сам Богочеловек. Он молился в саду Гефсиманском, *да мимоидет от Него чаша,* и пот Его падал на землю, *яко капли крове*. Если вы видите, что немощь побеждает Вас, то знайте, что Господь

силен дать *крепость людям Своим*, — как говорит святой Давид. Те люди Богу свои, тем своим людям Он дает крепость, которые сохраняют верность к Нему в произволении в то время, как немощь их производит нарушение верности в делах. Вспомните, что Христос пришел призвать грешников, а не праведников на покаяние. Встаньте в ряды грешников, припадите в смирении к стопам Христовым, предаваясь воле Его, поручая Его воле ваше настоящее и будущее. А Он прольет мир и спокойствие в душу вашу, чем самым покажет, что Он близ Вас, что Промысл Его бдит над Вами. Некоторый святой Отец сказал: «Блажен человек, познавший свою немощь: потому что праведник, не познавший своей немощи, находится на весьма опасном пути». Другой говорит: «Если Христос пришел не для праведников, то я отвергаю мою правду, как грех, отлучающий меня от Христа, и в том, что я грешен, нахожу мою правду, правду небесную, доставляющую мне средство приступить ко Христу и быть с Ним». Все это пишу Вам в утешение, чтоб Вы, видя, что Вы в долгу у Христа, приходили не в безнадежие и скорбь, но в смирение, благодушествовали по причине упования на Христа, которое не посрамит. — Он всесилен.

№ 9

С сердечною приятностию вспоминаю, как вы 00 ноября прошлого года посетили Сергиеву пустыню. Там, в храме Божием, при молитвах и песнопениях богослужения, вы встретили день вашего Ангела, благодарили Бога за прошедшее, молили Его о будущем, — благодарили Ангела хранителя вашего за прошедшее хранение, просили его сохранять Вас на будущее время земной жизни, и до конца этой жизни, и до самого входа в блаженство вечное — пред лице Бога. После Божественной литургии Вы пожаловали в мои келлии; там мы утешились взаимною любовию о Господе, беседою о Господе. Утешение на земле! — видеть человека, боящегося Бога, приносящего Ему в жертву полученные от Него жизнь и способности. К несчастию, бóльшая часть людей поступают иначе: дары Божии приносят в жертву сатане.

Благодарю милосердого Господа, приведшего меня отдохнуть в уединении от молв столичных. Уже не незнакомы мне чувства, посещающие человека в уединении. Потому-то так удобно и сманила меня пустыня уединенная из Сергиевой пустыни, шумной. Укрепляет душу уединение, вдыхает в нее какое-то мужество, какое-то презрение к миру, чего в прикосновении с миром ощу-

тить невозможно. Когда душа попрет тление отречением от тления, тогда все тленное, без исключения, делается тленным, а на весы сердца, которое не может довольствоваться ничем, нисходит духовное созерцание. Оно делает жителя безмолвной келлии жителем, можно сказать, рая, — вводит его в новый мир, пред которым здешний мир очень тесен, ничтожен. В тишине безмолвия душа плавает как бы в каком необъятном пространстве, смотрит на минувшее, на настоящее, на землю, на небо, на время, на вечность. Так в ясную погоду гуляет орел в недосягаемой высоте, в прозрачной лазуревой бездне.

Чем обширнее пространство, занимаемое ландшафтом, тем великолепнее зрелище. Хороши красоты, которые человек может выразить, описать словом, но несравненно выше те, которые превышают слово, приводят сердце в восторг, а ум как бы лишают способности действовать. Говорят, в Швейцарии с одной необыкновенной, утесистой высоты представляется взорам живописнейший, восхитительнейший ландшафт; некоторые путешественники, взобравшись на эту ужасную высоту, так были поражены великолепием зрелища, что от изумления не устояли на ногах, низверглись с высоты, разбились. Точно так действует духовное созерцание! — Кто внезапно увидит его — от изумления ввергается в эту бездну, умирает для мира! — Не ожили вышеупомянутые путешественники: черные, деревянные кресты над прахом этих сынов Британии стоят у подошвы швейцарского утеса; я сказал бы: умерщвленный видением духовным для мира не оживет уже для мира. Увы! я сказал бы несправедливо; а потому не могу сказать! Увы! Оживает человек и для смерти! Ожил Соломон для смерти! Ожил для нее Иуда! Ожили для нее многие!.. Увы! как мы слабы, как переменчивы!.. Гляжу на нашу немощь, гляжу со слезами!.. Взоры мои ищут отрады, утешения — и внезапно они обращаются к пустыне, к уединению!.. Там, там всего безопаснее!.. Туда стремись — душа моя!.. Беги!.. Если ноги недостаточны для быстрого течения, возьми крылья! Несись!.. лети!.. Спасайся от челюстей зверя: мира! Будь подобна блаженной жене, побежавшей, улетевшей в пустыню, — той жене, которую видел зритель духовных таин — Иоанн. Ноги — здравый о Господе разум; крылья — вера: машет ими, могучими крыльями, переносится чрез дебри, воды, степи, горы — тот, кому их дал Христос. У Него будем просить веры; пример показали нам Апостолы; они говорили и молили: *Господи, приложи нам веру*[1].

Да дарует нам Господь на крыльях веры перелететь чрез житейское море и влететь в блаженную пристань: Небо.

[1] *...умножь в нас веру* (Лк. 17. 5).

№ 10

Мне?.. Ничего не нужно! — Что нужно мне, что нужно для убогой жизни моей, того я просил: просил о увольнении меня в уединение.

И дам Вам маленький отчет о уединении. Это — тихая, мирная смерть прежде смерти, которая — непременный удел каждого человека, которая для грешников, для рабов мира, — люта. В уединении сглаживаются постепенно с ума человеческого впечатления, начертанные на нем предметами мира, — и ум постепенно теряет свое общение с миром. Он глядит на мир как бы из страны загробной, как бы с того света. Чтоб пояснить себе это — подумайте о Китае, — потом взгляните на себя, посмотрите — какие отношения ума и сердца Вашего к этой стране. Вы увидите в душе Вашей только понятия темные, от одного сказания, — понятия, чуждые жизни, которую им дает взор на предметы, общение с ними, близкое сочувствие ко всему. Вы увидите, что сердце Ваше к этой стране — так же мертво, как бы к стране вовсе несуществующей или существующей только в баснях. Таким кажется мир для отшельника, для жителя пустыни, дальней и глубокой. Все живущие в мире представляются ему не как постоянные жители, а только как путешественники. И точно! живем: путешествуем. Одни идут скромно пешком, другие скачут на конях, иные несутся на быстрых колесницах; конец — один для всех... Но уже мало житель уединения смотрит и этими взорами на мир, как мало житель Петербурга думает, заботится о Китае. Больше, существенно, единственно занимает его тот мир, куда он переселился: этот мир — вечность. Отворились широко врата его пред изумленными взорами души, и взоры души жадно устремились в эти беспредельные пространства, тонут в них, заглядываются на вновь открывшееся, доселе незнакомое, вполне неизвестное доселе — зрелище; приковались к нему, не могут оторваться... Вечность!.. Туда утекли все предшествовавшие нам времена; в этой пропасти скрылись все миллионы людей, сменявшиеся поочередно на лице земли; пред нею, пред ее взорами родился мир, размножилось человечество, образовались племена, народы, царства, пред ее взорами уже мно-

гие цветущие царства обратились в пустыни, многие великие грады сравнялись с землею, вросли в землю, покрылись ею; пред ее взорами пустыни безлюдные, леса дремучие, болота непроходимые соделались цветущими жилищами человеческого общества, многочисленного, образованного, шумного... На все это смотрела, смотрит равнодушно, с холодной суровостию, — вечность. Ничто ее не насыщает и ничто не насытит. Все в ней должно исчезнуть: все — ее жертва; на все глядит она, как жаркое вешнее солнце на хрупкий, слабый вешний снег... А на вечность смотрит, засматривается в безмолвии, в тишине своего уединения, отшельник. Наставленный этим зрелищем, он признает, называет все временное, как учит называть его Священное Писание, суетою; он убеждается, что назначение человека — не для земли, а для неба. И Небо открыло нам, в Евангелии, каковы должны быть небожители. С этим законом Бога Вышнего справляется ежечасно Его истинный служитель; — справляется, не уклонились ли ум и сердце куда в сторону, не исполняют ли какую другую волю, волю мрачную, волю злобную, волю тленную... При такой жизни небо нисходит на землю, а вместе с ним нисходит в эту юдоль тьмы, скорбей, плача — утешение, блаженство небесныя.

№ 11

Успокойтесь! Земная жизнь христианина растворена утешениями и искушениями. Так устроил Промысл Божий! Утешения поддерживают на пути Божием, а искушения упремудряют.

Общество, беседа с людьми благочестивыми приносят существенную пользу. Но для совета, для руководства недостаточно быть благочестивым; надо иметь духовную опытность, а более всего духовное помазание. Таково об этом предмете учение Писания и отцов. Советник благочестивый, но неопытный скорее может смутить, нежели принести пользу. Не только из среды мирян — из среды монашествующих крайне трудно найти советника, который бы, так сказать, измерил и вывесил душу, с ним советующуюся, и из нее, из ее достояния, преподал бы ей совет. Ныне советники и руководители больше преподают совет из себя и из книги. А первого рода совет, тот-то особенно полезен и действителен; он очень близок к душе, ищущей приютиться под сению совета, — своего ей; это она чувствует. Святый Исаак сказал: «ничего нет каждому полезнее, как совет свой». А совет чуждый, хотя, по-видимому состоящий из благих разумных слов,

приносит душе лишь мучение, расстройство. Она чувствует его несообразность, чувствует, что он чужд ей. *Суть*, — говорит Писание, — *иже глаголюще уязвляют, аки мечи: языцы же премудрых исцеляют*[1].

Прибегайте больше к чтению святых Отцов, пусть они руководствуют Вас, напоминают Вам о добродетели, наставляют на путь Божий. Этот образ жительства принадлежит нашим временам: он заповедан, предан нам святыми Отцами позднейших веков. Жалуясь на крайний недостаток в богопросвещенных наставниках и советниках, они повелевают ревнителю благочестия руководствоваться в жизни своей Отеческими писаниями. *Совет святых — разум* (Притч. 9. 10).

Старайтесь не увлекаться рассеянностию. Если же случится увлечься ею — по немощи, сродной всем нам, человекам, — не предавайтесь унынию. Неподательность не свойственна человеку на земли — ниже жителю глубочайшей пустыни и уединения. Переменчивость и увлечение действуют непременно в каждом человеке — и в строжайшем отшельнике. Тем более живущему посреди мира, посреди всех соблазнов, невозможно не увлекаться. Не желайте от себя невозможного, не требуйте от души Вашей того, чего она не может дать. Врачуйте Ваши увлечения покаянием, а недостаток делания Вашего восполняйте сокрушением духа.

Бог да благословит Вас!

[1] *Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых — врачует* (Притч. 12. 18).

№ 12

Быстро летящее время уже приблизилось к грани 1847 года. Скоро перелетит чрез эту грань, и год, который мы доживаем, поступит в число лет минувших, невозвратимых. Из бесчисленных событий его некоторые запишутся на скрижалях истории на память долговременную человечеству, некоторые сохранятся в воспоминании на столетие, на полустолетие, некоторые сохранятся еще на менее продолжительное время; — большая часть погрузится в бездну забвения, — в ней потонут, погребутся, исчезнут.

Скоро промчался 47-й год; так же скоро промчится и 48-й; скоро протекут многие годы, пожирая друг друга, приходя на смену друг другу. И мы незаметно пролетим пространство

жизни на крыльях времени, незаметно прилетим к самым вратам в вечность!.. Стареюсь, — мне представляется, что время сделалось торопливее! Спешит, спешит!.. Остановись! Дай нам вглядеться в себя и подробнее узнать Волю Божию, приготовить себя к вечности, как к вечности! — Не внимает неумолимое! Летит!.. Человеки! Вам заповедал Бог: *бдите!* Вам сказал Бог о времени: *дние лукави суть*.

Пред вступлением в поприще 48-го года приношу Вам искреннейшее, сердечное желание всех возможных благ, в особенности тех истинных и духовных благ, доставляемых верою Христовою, которых Бог внушил искать Вам. Приобретайте их, приобретайте всеми делами благочестия! В основании же всех дел должна лежать истина; так в основание здания кладут твердый, краеугольный камень! Хранится богодарованная, богооткрытая человеческая святая истина в Священном и Святом Писании. Здание добродетелей, когда зиждется не на этом основании, вполне непрочно, непотребно.

Очень рад, что Вам так нравится в Москве, особливо по причине Святынь, которыми богат этот древний христианский город. Но и в таком прекрасном месте должно наблюдать за своим сердцем, при свете, который издают из себя Священное Писание и писания святых Отцов, а отнюдь не при нашем собственном свете, поврежденном падением, зараженном прелестию, или при каком-нибудь другом ложном свете. Пишете: «Вы не можете знать, что в душе моей происходит. Мне кажется, что человек сам, если желает освидетельствовать душу свою и вникнуть по совести в ее движения, может лучше всех себя узнать». На первое я согласен: по греховности моей и слепоте ума, происходящей от греховности, я не вижу себя, — тем менее вижу других. Поэтому стараюсь вникать — и вникать в учение Священного Писания, принимая его в том смысле, в каком объясняют его святые Отцы, в каком принимает Святая Церковь, а не в том, какой ему дают бесы и последователи их. И бесы толкуют Писание на погибель и прельщение внимающим им! Авось при свете, при истинном свете, который издают из себя Евангелие и Святая Церковь, сколько-нибудь увижу себя, увижу тьму мою, увижу слепоту мою! *Сердце мое заблуждает, и беззаконие погружает мя, душа моя стоит в страсе*, — говорит видевший себя святой Пророк (Ис. 21. 4). Зрение себя является в нищете духа, а не в самодовольстве и самонадеянности.

Вторая половина вышеприведенных ваших слов испугала меня! В ней что-то опасное! Не останавливаюсь написать Вам слова преподобного Дорофея, пришедшие теперь мне на память: «Ненавидит враг глас утверждения: понеже всегда хощет погибель нашу. Виждь — чего ради любит составляющих себе: понеже помогают диаволу сами себе наветы творяще. Аз ино падение не вем иноку, но от еже веровати своему сердцу. Неции глаголют: сим падает человек или сим. Аз же, якоже рех, ино падение бываемо кому не вем, разве от сего. Видел ли еси кого падша? увеждь, яко себе последова. Ничтоже сего тягчайше, ничтоже губительнейше» и проч. Угодно узнать всю статью? Прочитайте ее в книге Аввы Дорофея, под заглавием: «О еже не составляти свой разум».

Господь да хранит Вас от всех невидимых сетей миродержителя и да спасет Вас во славу Святого Имени Своего.

1847 г. декабря 27 дня
Бабайки

№ 13

Святая Церковь в благодатных, боговдохновенных песнопениях своих называет Духа Святаго — Утешителем, называет Утешителем Сына Божия; Утешитель — и Отец, непостижимо рождающий Сына и непостижимо испущающий Святаго Духа. Утешитель — Дух; Утешитель — Сын; Утешитель — Отец. Если лучи — свет и огнь, то и солнце, из которого они текут, свет и огнь.

Троице Святая — Бог, — слава Тебе! Слава Тебе, Боже, даровавшему нам бытие, даровавшему нам спасение, дарующему нам, во тьме и сени смертной сидящим, познание истины и утешение, истекающее от веяния на нас Духа Святого Твоего, содействующего Святой Истине Твоей, которая — Твое Слово. Познавшие и приявшие Святую Истину вступили под влияние, водительство Святаго Духа, суть часть Господня, жребий Его. Во главе прочих знаний и впечатлений, не оглавленных Истиною, — сатана. И последуют сатане ангели его: они часть сего; жребий их с ним. Землю да снедят вся дни живота своего и на персях своих да ходят. Такое определение низошло на них от Судии всех — Бога. Удел их — плотский разум; облачение — ветхость Адамова.

Святая Истина, Слово Божие говорит: *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие*. Скорби — особливо удел

нашего времени, которому в удел не даны ни подвиг мученичества, ни подвиг монашества. Участок наш, христиан времени последнего, участок скорбей, по-видимому, мелочных, ничтожных. Весы у Бога! Пред Ним, на Его весах всякая скорбь ничтожна, всякая скорбь маловажна, как бы велика она ни была: потому что осенение Его силы и благодати может обратить величайшую скорбь в величайшее наслаждение. Так и маленькая скорбь имеет пред Ним всю ценность, никак не менее великой скорби. Все зависит от Его благодати, — а Он милостиво от человека приемлет всякую скорбь, принимаемую с благодарением, с покорностию, с славословием.

Постигшую Вас болезнь невольно соделайте, посредством благодарения, произвольною жертвою, и да примет ее Бог, как кадило, исполненное благовоннейшего духовного фимиама. Фимиам — благодарение.

№ 14

Святая православная Церковь признает, что нет греха человеческого, которого бы не могла омыть кровь Господа Бога Спасителя нашего Иисуса Христа. Сколько бы раз ни повторился грех человеческий, — кровь Богочеловека может омыть его. Грехи всего мира ничего не значат пред всесвятою кровию вочеловечившегося Господа, пролитою за нас. *Той язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем: язвою Его мы*, человеки, *исцелехом*[1]. Пребывает неисцеленным только тот, кто сам отвергает дарованное ему и всем человекам исцеление и спасение. Так обильно излилась на нас милость Божия, что самый тягчайший грех, повторенный человеком тысячу раз, может быть изглажен покаянием человека[2]. Покаяние — вера, покаяние — признание искупления и Искупителя! покаяние — усвоение себе заслуг Искупителя верою в Искупителя! покаяние — самоотвержение! покаяние — признание падения и погибели, объявших весь род человеческий! покаяние — отречение от всякой добродетели человеческой! Всю надежду возлагает покаяние на Искупителя! одни заслуги Искупителя имеют всю цену, необъятную цену! без цены, без малейшей цены добродетели человеческие! Они заимствуют цену от веры в Искупителя, когда они — выражение этой веры — исполнение воли Искупителя! Покаяние восполняет собою недостаток добродетелей человеческих, присваивает человеку добродетели Искупителя! Бог дал нам покаяние в помощь

нашей немощи. Ах, как многообразна и велика немощь наша! Иной человек ненавидит грех свой, но так привык ко греху, так бессилен для борьбы против него, что не престает впадать в ненавидимый, мерзостный грех, увлекаясь насилием преобладающего навыка. Несчастному рабу греха пристанище — покаяние! Сколько бы раз ни случилось ему подвергнуться нравственному бедствию — он может войти в это пристанище, починить в нем сокрушенную ладью душевную. Церковная история сохранила следующую беседу между некоторым страдавшим от греха иноком и одним из величайших угодников Божиих, обиловавшим духовными дарованиями, по причине этого обилия получившего наименование Великого: брат спросил Сисоя Великого: «Отец! что мне делать? я пал». Старец отвечал: «восстань». Брат сказал ему: «я восстал, и опять пал». — Старец отвечал: «опять восстань». — Брат сказал: «доколе же мне будет восставать и падать?» — Великий отвечал: «доколе не будешь взят из этой жизни». — Эту повесть вы найдете в книге «Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных Отцов»; также она помещена в Четьих Минеях, в житии преподобного Сисоя Великого, 6 июля. Должно предполагать, что угодник Божий дал такой ответ человеку, имевшему несчастный навык ко греху, навык как бы непреодолимый. Встречаются люди, подвергшиеся этому бедствию. Слово «пал» изображает, что грех брата был тяжкий, смертельный.

Однако ж надо знать, что Бог дал покаяние единственно в помощь немощи нашей, — отнюдь не для потачки греху. Дар Божий не должно употреблять во зло, должно обходиться с ним очень благоговейно, благоразумно, осторожно. «Кто, в надежде на покаяние, повторяет "свои грехопадения", — сказал святой Исаак Сирский, — тот ведет себя лукаво по отношению к Богу, такового постигает нечаянная смерть» (Слово 90). Должно со всею тщательностию храниться от впадения вообще во все грехи, великие и малые, как от выражения вражды на Бога.

Самый тяжкий грех — отчаяние. Этот грех унижает всесвятую кровь Господа нашего Иисуса Христа, отвергает Его всемогущество, отвергает спасение, Им дарованное, — показывает, что в этой душе прежде господствовали самонадеянность и гордость, что вера и смирение были чужды ей. Более, нежели от всех других грехов, надо храниться, как от смертоносного яда, как от дикого зверя, от отчаяния. Повторяю: отчаяние — злейший грех между всеми грехами. Созревшее отчаяние

обыкновенно выражается самоубийством или действиями, тождественными самоубийству. Самоубийство — тягчайший грех! Совершивший его лишил себя покаяния и всякой надежды спасения. Святая Церковь не совершает о нем никакого поминовения, не удостаивает отпевания и лишает погребения на христианском кладбище.

За самоубийством следуют по тяжести своей грехи смертные, каковы: убийство, прелюбодеяние, ересь и другие, подобные им. Эти грехи, хотя и менее пагубны, нежели самоубийство и ведущее к самоубийству отчаяние, хотя совершившему их остается возможность покаяния и спасения, но называются *смертными*. Пребывающий в них признается умершим душою, пребывающий в них не допускается правилами Святой Церкви к приобщению святых Христовых Таин, к участию в богослужении. Если смерть постигнет его не покаявшимся в этих грехах, то вечная гибель его несомненна. Покаяние человека, пребывающего в смертном грехе, тогда только может быть признано истинным, когда он оставит смертный грех свой. Тогда он только может быть допущен к соединению со Христом чрез приобщение Святых Таин! И потому после главного греха — отчаяния и самоубийства, надо с особенною тщательностию охраняться от смертных грехов, с твердым и решительным намерением в душе — не впадать в них. Если ж случится несчастие впасть в какой смертный грех, то надо оставить его немедленно, исцелиться покаянием и всячески храниться, чтоб снова не впасть в него. Если же, по какому-нибудь несчастному стечению обстоятельств, случится снова впасть в смертный грех, не должно предаваться отчаянию — должно снова прибегать к Богом дарованному врачевству душевному, покаянию, сохраняющему всю силу и действительность свою до самого конца жизни нашей.

Есть грехи не смертные: одни из них тяжкие, другие легче. Надо сперва отучаться от грехов тяжелых, а потом и от легких. Например, грех несмертный — объядение; также грех несмертный — лакомство. Объядение грубее и сопряжено с более вредными следствиями, нежели лакомство, и потому надо сперва отучаться от многоядения, а потом от сластоядения. Впрочем, и несмертные грехи, каковы: объядение, лакомство, роскошь, празднословие, смехословие и другие, выросши и объявши человека, могут очень близко подойти к грехам смертным. Грех, овладевший человеком, называется *страстию*. Страсть подлежит

вечной муке, — сказали отцы (преподобный Нил Сорский. Слово 1). И потому никак не должно пренебрегать грехами несмертными, особливо должно наблюдать, чтобы какой-нибудь грех не вырос и не образовалась в навыке к нему страсть. Для очищения от таких грехов и для лучшего наблюдения за собою Святая Церковь положила каждому православному христианину никак не менее четырех раз в год (в крайности же непременно однажды) прибегать к святому таинству исповеди. Святая исповедь приносит двоякую пользу: доставляет прощение от Бога в содеянных грехах и предохраняет от впадения вновь в грехи. «Душа, — говорит святой Иоанн Лествичник, — имеющая обычай исповедовать грехи свои, удерживается от нового впадения в них воспоминанием об исповеди, как бы уздою. Грехи же неисповеданные удобно повторяются, — как бы совершенные во мраке» (Лествица. Слово 4).

Есть грехи, совершаемые словом. Их никак не должно считать маловажными! От слова шуточного до слова преступного — самое краткое расстояние! *От слов своих оправдишися, и от слов своих осудишися* (Мф. 12. 37), — сказал Спаситель. Язык совершил великие преступления: произнес отречения от Бога, хулы, ложные клятвы, клеветы на ближнего. Отречение от Христа и богохульство причисляются к тягчайшим смертным грехам.

Есть грехи, совершаемые мыслию, ощущениями сердечными, движениями тела. Все они не малы, все вражда на Бога! Но когда мысль и сердце наслаждаются грехом, любят как бы осуществлять его мечтанием испещренным, украшенным и продолжительным, — таковый тайный душевный грех близок к греху, совершаемому самым делом.

Человек должен избегать со всею тщательностию всех вообще грехов. В тех же грехах, в которые по немощи впадает делом, словом, помышлением и всеми чувствами, должен ежедневно приносить раскаяние пред Богом, — что всего лучше делать по совершении правила, отходя ко сну. Сверх того, должен ежегодно очищать совесть свою четыре раза святым таинством исповеди. Если ж случится впасть в смертный грех, нисколько не медля надо исповедать его пред отцом духовным. Господь да сохранит Вас от великого душевного бедствия — смертного греха, да дарует Вам силу удаляться и от прочих грехов, больших и малых. Аминь.

[1] *Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились* (Ис. 53. 5).

[2] Житие преподобной Марии Египетской. Четьи-Минеи, 1 апреля.

№ 15

Достойное горького рыдания зрелище: христиане, не знающие, в чем состоит христианство! А это зрелище почти беспрестанно встречают ныне взоры; редко они бывают утешены противоположным, точно утешительным зрелищем! Редко они могут в многочисленной толпе именующих себя христианами остановиться на христианине и именем, и самым делом.

Вопрос, предложенный Вами, теперь предлагается сряду. «Отчего не спастись, — пишете Вы, — язычникам, магометанам и так называемым еретикам? между ними есть предобрые люди. Погубить этих добрейших людей было бы противно милосердию Божию!.. Да! это противно даже здравому разуму человеческому! — А еретики — те же христиане. Считать себя спасенным, а членов прочих верований погибшими, это — и безумно, и крайне гордо!»

Постараюсь отвечать Вам в немногих по возможности словах, чтоб многословие нисколько не повредило ясности изложения. — Христиане! Вы рассуждаете о спасении, а не знаете — что́ спасение, почему человеки в нем нуждаются, наконец — не зная Христа, — единственное средство нашего спасения! — Вот истинное учение об этом предмете, учение Святой, Вселенской Церкви: спасение заключается в возвращении общения с Богом. Это общение потерял весь род человеческий грехопадением праотцев. Весь род человеческий — разряд существ погибших. Погибель — удел всех людей, и добродетельных и злодеев. Зачинаемся в беззаконии, родимся во грехе. *Сниду к сыну моему сетуя во ад*, говорит святой патриарх Иаков о себе и святом сыне своем Иосифе целомудренном и прекрасном! Нисходили во ад по окончании земного странствования не только грешники, но и праведники Ветхого Завета. Такова сила добрых дел человеческих. Такова цена добродетелей естества нашего падшего! Чтобы восстановить общение человека с Богом, иначе для спасения, необходимо было искупление. Искупление рода человеческого было совершено не Ангелом, не Архангелом, не каким-нибудь еще из высших, но ограниченных и сотворенных существ — совершено было Самим беспредельным Богом. Казни — жребий рода человеческого, заменены Его казнию; недостаток заслуг человеческих заменен Его бесконечным достоинством. Все добрые дела человеческие немощные, нисходившие во ад, заменены одним могущественным добрым делом: верою в Господа нашего Иисуса Христа. Спросили Господа Иудеи: *что*

сотворим да делаем дела Божия? Господь отвечал им: *се есть дело Божие, да веруете в Того, Его же посла Он* (Ин. 6. 29). Одно доброе дело нужно нам для спасения: вера; — но вера — дело. Верою, одною верою мы можем войти в общение с Богом при посредстве дарованных Им таинств. Напрасно ж, ошибочно вы думаете и говорите, что добрые люди между язычниками и магометанами спасутся, то есть вступят в общение с Богом! напрасно вы смотрите на противную тому мысль как бы на новизну, как бы на вкравшееся заблуждение! Нет! таково постоянное учение истинной Церкви, и Ветхозаветной, и Новозаветной. Церковь всегда признавала, что одно средство спасения: Искупитель! она признавала, что величайшие добродетели падшего естества нисходят во ад. Если праведники истинной Церкви, светильники, из которых светил Дух Святый, пророки и чудотворцы, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиною предварившие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то как Вы хотите, чтоб язычники и магометане, за то, что они кажутся Вам добренькими, не познавшие и не уверовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним, одним, повторяю Вам, средством — верою во Искупителя? — Христиане! познайте Христа! — Поймите, что вы Его не знаете, что вы отрицались Его, признавая спасение возможным без Него за какие-то добрые дела! Признающий возможность спасения без веры во Христа отрицается Христа и, может быть не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства.

Мыслим убо, — говорит святой апостол Павел, — *верою оправдатися человеку, без дел закона. Правда же Божия верою Иисус Христовою во всех и на всех верующих: несть бо разнствия. Вси бо согрешиша и лишени суть славы Божией: оправдаемы туне благодатию Его, избавлением, еже о Христе Иисусе*[1]. Вы возразите: «Святый апостол Иаков требует непременно добрых дел; он не научает, что вера без дел — мертва». Рассмотрите — чего требует святый апостол Иаков. Вы увидите, что он требует, как и все боговдохновенные писатели Священного Писания, дел веры, а не добрых дел падшего естества нашего! он требует живой веры, утверждаемой делами нового человека, а не добрых дел падшего естества, противных вере. Он приводит поступок патриарха Авраама, дело, из которого явилась вера праведника: это дело состояло в принесении в жертву Богу своего единородного сына. Заклать сына своего в жертву — совсем не доброе дело по естеству человеческому: оно — доброе дело

как исполнение повеления Божия, как дело веры. Всмотритесь в Новый Завет и вообще во все Священное Писание: Вы найдете, что оно требует исполнения заповедей Божиих, что это исполнение называется делами, что от этого исполнения заповедей Божиих вера в Бога делается живою, как действующая; без него она мертвая, как лишенная всякого движения. И напротив того, вы найдете, что добрые дела падшего естества, от чувств, от крови, от порывов и нежных ощущений сердца, — воспрещены, отвергнуты! А эти-то именно добренькие дела Вам и нравятся в язычниках и магометанах! За них, хотя бы то было с отвержением Христа, Вы хотите им дать спасение.

Странно Ваше суждение о здравом разуме! С чего, по какому праву, Вы находите, признаете его в себе? Если вы христианин, то должны иметь об этом предмете понятие христианское, а не другое какое, самовольное или схваченное не ведь где! Евангелие научает нас, что падением мы стяжали лжемнимый разум, что разум падшего естества нашего, какого бы он ни был достоинства природного, как бы ни был изощрен ученостию мира, сохраняет достоинство, доставленное ему падением, пребывает лжеименным разумом. Нужно отвергнуть его, предаться водительству веры: при этом водительстве, в свое время, по значительных подвигах в благочестии, Бог дарует верному рабу Своему разум Истины, или разум Духовный. Этот разум можно и должно признать здравым разумом: он — извещенная вера, так превосходно описанная святым апостолом Павлом в 11 главе его Послания к Евреям. Основание духовного рассуждения — Бог. На этом твердом камени оно зиждется и потому не колеблется, не падает. Называемый же Вами здравый разум мы, христиане, признаем разумом столько болезненным, столько омрачившимся и заблудшим, что уврачевание его иначе и не может совершиться, как отсечением всех знаний, его составляющих, мечом веры и отвержением их. Если ж признать его здравым, признать на каком-то основании неизвестном, шатком, неопределенном, непрестанно изменяющемся, то он, как здравый, непременно отвергнет и Христа. Это доказано опытами. — Что ж нам говорит Ваш здравый разум? что признать погибель добрых людей, неверующих во Христа, противно Вашему здравому разуму! — мало того! такая погибель добродетельных противна милосердию такого всеблагого Существа, как Бог. — Конечно, было Вам откровение свыше об этом предмете, о том, что противно и что не противно милосердию Божию? — Нет!

но здравый разум показывает это. — А! Ваш здравый разум!.. Однако ж, при Вашем здравом разуме, откуда Вы взяли, что Вам возможно собственным ограниченным человеческим умом постигать — что противно и что не противно милосердию Божию? — Позвольте сказать нашу мысль. — Евангелие, иначе Христово Учение, иначе Священное Писание, — еще иначе святая Вселенская Церковь открыли нам все, что человек может знать о милосердии Божием, превышающем всякое умствование, всякое постижение человеческое, недоступном для них. Суетно шатание ума человеческого, когда он ищет определить беспредельного Бога!.. когда он ищет объяснить необъяснимое, подчинить своим соображениям... кого?.. Бога! Такое начинание — начинание сатанинское!.. Именующийся христианином и не знающий учения Христова! Если ты из этого благодатного, небесного учения не научился непостижимости Бога — поди в школу, прислушайся — чему учатся дети! Им объясняют преподаватели математики в теории бесконечного, что оно, как величина неопределенная, не подчиняется тем законам, которым подчинены величины определенные — числа, что результаты его могут быть совершенно противоположны результатам чисел. А ты хочешь определить законы действию милосердия Божия, говоришь: это согласно с ним, — это ему противно! — Оно согласно или несогласно с твоим здравым разумом, с твоими понятиями, ощущениями! — Следует ли из того, что Бог обязан понимать и чувствовать, как ты понимаешь и чувствуешь? А этого-то и требуешь ты от Бога! Вот безрассуднейшее и вполне гордостное начинание! — не обвиняй же суждения Церкви в недостатке здравого смысла и смирения: это твой недостаток! Она, святая Церковь, только следует неуклонно учению Божию о действиях Божиих, открытому Самим Богом! Послушно за нею идут истинные ее чада, просвещаясь верою, попирая кичащийся разум, восстающий на Бога! Веруем, что можем знать о Боге только то, что Бог благоволил открыть нам! Если б был другой путь к богопознанию, путь, который могли бы мы проложить уму своему собственными усилиями, — не было бы даровано нам Откровение. Оно дано, потому что оно нам необходимо. — Суетны же и лживы собственные самосмышления и скитание ума человеческого!

Вы говорите: «еретики те же христиане». Откуда вы это взяли? Разве кто-нибудь, именующий себя христианином и ничего не знающий о Христе, по крайнему невежеству своему, решится

признать себя таким же христианином, как и еретики, а святую веру христианскую не отличить от чада клятвы — богохульныя ереси! Иначе рассуждают об этом истинные христиане! Многочисленные сонмы святых прияли венец мученический, предпочли лютейшие и продолжительнейшие муки, темницу, изгнание, нежели согласиться на участие с еретиками в их богохульном учении. Вселенская Церковь всегда признавала ересь смертным грехом, всегда признавала, что человек, зараженный страшным недугом ереси, мертв душою, чужд благодати и спасения, в общении с диаволом и его погибелию. Ересь — грех ума. Ересь — более грех диавольский, нежели человеческий; она — дщерь диавола, его изобретение — нечестие, близкое к идолопоклонству. Отцы обыкновенно называют идолопоклонство нечестием, а ересь — злочестием. В идолопоклонстве диавол принимал себе божескую честь от ослепленных человеков, а ересию он делает слепотствующих человеков участниками своего главного греха — богохульства. Кто прочитает со вниманием «деяния соборов», тот легко убедится, что характер еретиков — вполне сатанинский. Он увидит их ужасное лицемерие, непомерную гордость, — увидит поведение, составленное из непрерывной лжи, увидит, что они преданы различным низким страстям, увидит, что они, когда имеют возможность, решаются на все ужаснейшие преступления и злодеяния. В особенности замечательна их непримиримая ненависть к чадам истинной Церкви и жажда крови их! ересь сопряжена с ожесточением сердца, с страшным помрачением и повреждением ума, — упорно держится в зараженной ею душе — и трудно для человека исцеление от этого недуга! Всякая ересь содержит в себе хулу на Духа Святаго: она или хулит догмат Святаго Духа, или действие Святаго Духа, но хулит непременно Святаго Духа. Сущность всякой ереси — богохульство. Святый Флавиан, патриарх Константинопольский, запечатлевший кровию исповедание истинной веры, произнес определение поместного Константинопольского собора на ересиарха Евтихия в следующих словах: «Евтихий, доселе иерей, архимандрит, вполне уличен и прошедшими его действиями, и настоящими его объяснениями в заблуждениях Валентина и Аполлинария, в упорном последовании их богохульству, тем более, что он даже не внял нашим советам и наставлениям к принятию здравого учения. А потому, плача и воздыхая о его конечной погибели, мы объявляем от лица Господа нашего Иисуса Христа, что он впал в богохульство, что

он лишен всякого священнического сана, нашего общения и управления его монастырем, давая знать всем, кто отныне будет беседовать с ним или посещать его, что они сами подвергнутся отлучению». Это определение — образчик общего мнения Вселенской Церкви о еретиках; это определение признано всею Церковию, подтверждено Вселенским Халкидонским Собором. Ересь Евтихия состояла в том, что он не исповедовал во Христе по воплощении двух естеств, как исповедует Церковь, — он допускал одно естество — Божеское. — Вы скажете: только!.. Забавен по своему недостатку истинного знания и горько жалостен по своему свойству и последствиям ответ некоторого лица, облеченного властию сего мира, святому Александру, патриарху Александрийскому, о арианской ереси. Это лицо советует патриарху сохранять мир, не заводить ссоры, столько противной духу христианства, из-за некоторых слов; пишет, что он не находит ничего предосудительного в учении Ария, — некоторую разницу в оборотах слов — только! Эти обороты слов, замечает историк Флери, в которых нет ничего предосудительного, отвергают Божество Господа нашего Иисуса Христа — только! ниспровергают, значит, всю веру христианскую — только! Замечательно: все древние ереси, под различными изменяющимися личинами, стремились к одной цели: они отвергали Божество Слова и искажали догмат воплощения. Новейшие наиболее стремятся отвергнуть действия Святого Духа: с ужасными хулами они отвергли Божественную литургию, все таинства, все, все, где Вселенская Церковь всегда признавала действие Святаго Духа. Они назвали это установлениями человеческими, — дерзче: суеверием, заблуждением! Конечно, в ереси Вы не видите ни разбоя, ни воровства! Может быть, единственно поэтому не считаете ее грехом? Тут отвергнут Сын Божий, тут отвергнут и похулен Дух Святый — только! принявший и содержащий учение богохульное, произносящий богохульство, не разбойничает, не крадет, даже делает добрые дела естества падшего — он прекрасный человек! Как может Бог отказать ему в спасении!.. Вся причина последнего Вашего недоумения, так как и всех прочих, — глубокое незнание христианства!

Не думайте, что такое незнание — маловажный недостаток! Нет! его следствия могут быть гибельны, особливо ныне, когда ходят в обществе бесчисленные книжонки с христианским заглавием, с учением сатанинским. При незнании истинного христианского учения как раз можете принять мысль ложную, бого-

хульную за истинную. Усвоить ее себе, а вместе с нею усвоить и вечную погибель. Богохульник не спасется! И те недоумения, которые Вы изобразили в письме Вашем, — уже страшные наветники Вашего спасения. Их сущность — отречение от Христа! — Не играйте Вашим спасением, не играйте! иначе будете вечно плакать. — Займитесь чтением Нового Завета и святых Отцов православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдает за святых!); изучите в святых Отцах Православной Церкви, как правильно понимать Писание, какое жительство, какие мысли и чувствования приличествуют христианину. Из Писания и живой веры изучите Христа и христианство. Прежде нежели придет грозный час, в который Вы должны будете предстать на суд пред Богом, стяжите оправдание, подаемое Богом туне всем человекам при посредстве христианства.

[1] *Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона. ...Правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе* (Рим. 3. 28, 22–24).

№ 16

Ты сомневаешься в существовании ада и вечных мук? — повторяешь нынешнее модное возражение: «это несообразно с милосердием такого благого существа, как Бог».

Ах, друг мой! может ли такое слабое, ограниченное существо, как человек, судить сам собою о Боге, Существе беспредельном, превысшем всякого постижения и суждения, — выводить положительные заключения о Боге из взглядов в себя? Оставь твои собственные суждения и верь от всего сердца всему, чему научает нас Евангелие. Сам Спаситель сказал: *И идут сии в муку вечную* (Мф. 25. 46), в другом месте сказал: *Во ад возвед очи свои* (Лк. 16. 23).Спаситель сказал, что есть ад, есть вечные муки; — к чему твое возражение! Если ж ты дашь место этому возражению, значит — сомневаешься в истине слов Спасителя, отвергаешь их. Кто из учения Христова отвергает хотя один догмат, тот отрицается Христа. Подумай хорошенько: твое сомнение — не так легкий грех. Если ж ты усвоишь его себе, будешь осуществлять словами — впадешь в грех смертный. Одно слово веры может спасти и одно слово неверия может погубить душу. Разбойник в час смерти, уже на кресте, исповедал

Христа — и отворил себе двери в рай; фарисеи, отвергнув Истину, похулили Духа Святого — и погибли. *От словес своих оправдишися, и от словес своих осудишися* (Мф. 12. 37), — возвестил Спаситель. — Если позволишь твоему разуму возражения против учения Христова, он найдет их тысячи тысяч: он неисчерпаем — когда попустим ему заразиться неприязнию ко Христу. Мало-помалу он отвергнет все догматы христианские! Не новость — этот плод необузданного, самовольного суждения; сколько от него явилось в мир безбожников, богохульников! По наружности, для неопытных глаз, они казались умами блестящими, разорвавшими цепи, вышедшими на свободу, открывшими истину, показавшими ее прочим людям. Но последствия показали, что мнимая их истина — ужаснейшее, пагубнейшее заблуждение. Потоками крови омыты ложные мысли, и не вычистилась мысль этим омовением! Страшно запятнать мысль ложью: кровь человеческая не в силах омыть этих лютых пятен. Для такого омовения человечество нуждалось в крови Богочеловека. Оно получило эту кровь, умылось в ней, очистилось! держимое рукою веры, вышло на свет истинного богопознания и самопознания, — вышло туда из глубокой, темной пропасти плотского, лжеименного разума. Этот разум призывает человека снова в пропасть — и внемлет человек призыву убийственному! Что дивного? Человек сохранил свой характер: в раю, исполненном благоухания и наслаждения Божественного, он не остановился вверить свое внимание льстивым словам диавола.

Друг мой! ты христианин, член Православной Восточной Церкви; сохраняй верность к духовному телу, которому ты член, — сохраняй соединение со святою Церковию, которой ты принадлежишь, — сохраняй твое духовное достоинство, как бесценное сокровище. По причине немощи твоей не вдавайся в суждение о догматах: это глубокая пучина, опасное море: в нем потонули многие пловцы неискусные и самонадеянные. Безопасно, с надеждою обильной духовной корысти могут плавать, носиться по чудным волнам богословия только те, которых кормило — ум в деснице Духа. По совету святаго апостола Павла, — *низлагай всякое помышление, взимающееся на разум Христов*[1]. Не входи в спор, ниже в рассуждение с сомнениями и возражениями, порождаемыми лжеименным разумом; мечом веры посекай главы этих змей, едва они выставят эти главы из своего логовища! Это дело прямое, дело верное! Дело достойное того, кто

однажды навсегда сочетался Христу. Прежде союза имеет место рассуждение; по заключении союза оно — уже преступление. Ничто, ничто да не нарушает, да не колеблет твоей верности! Ах! сноснее не вступивший в союз, нежели предатель. Со смирением преклони выю благому игу; веди жизнь благочестивую; ходи чаще в церковь, читай Новый Завет и писания святых Отцов; благотвори ближним: в свое время Божественное Христово учение, из которого дышит святыня и истина, усвоится душе твоей. Тогда не будут приступать к ней никакие сомнения. Христово учение вышеестественно, как Божественное; оно приступно для ума человеческого при посредстве одной веры. Безумное начинание — объяснить вышеестественное человеческим рассуждением, очевидно не могущим выйти из общего, обыкновенного, естественного круга. Безумного начинания последствие: несообразность, бесчисленные возражения, отвержение неестественного, хотя бы это неестественное и было Божественно.

Люди в своих действиях по большей части противоречат сами себе! берегут глаза свои, чтоб они не засорились, а ума — этого ока души — отнюдь не думают беречь, засоряют всевозможным сором. Господь повелел хранить ум, потому что он — вождь человека. Если ум собьется с пути истинного, — вся жизнь человека делается заблуждением. Чтоб сбиться уму с пути истинного, надо немного: одна какая-нибудь ложная мысль. *Егда око твое просто будет*, — говорит Спаситель, — *все тело твое светло будет: егдаже лукаво будет, и тело твое темно. Блюди убо егда свет, иже в тебе, тьма есть* (Лк. 11. 34–35). А мы совсем не соблюдаем этого всесвятого завещания; не наблюдаем, чтоб наш свет, то есть ум, не сделался тьмою, валим в него всякую всячину; он делается решительною тьмою и разливает мрак на все поведение наше, на всю жизнь. С чего бы родиться в душе твоей помышлениям, враждующим на Бога, — помышлениям пагубного неверия и суемудрия? Непременно ты начитался разных пустейших иностранных книжонок, наслушался разных неосновательных суждений о религии, которыми так богато наше время, так скудное в истинных познаниях религиозных. «Ничто так не направляет человека к богохульству, как чтение книг еретических», — сказал преподобный Исаак Сирский. Оставь это беспорядочное чтение, наполняющее ум понятиями сбивчивыми, превратными, лишающее его твердости, самостоятельности, правильного взгляда, приводящее в состояние

скептического колебания. Займись основательным изучением Восточной Церкви по ее Преданию, заключающемуся в писаниях святых Отцов. Ты принадлежишь этой Церкви? твоя обязанность узнать ее как должно. Посмотри, как твердо знают свою религию инославные Запада! — Правда, для них меньше труда в подробном познании своей веры. Папист — лишь уверовал в папу, как в Бога, сделал все: он папист в совершенстве! может сумасбродствовать сколько хочет! Протестант — лишь сомневается во всем Предании, протестует против всего Христова учения, удерживая, впрочем, себе имя христианина, — сделал все: он вполне протестант. Достигши такого совершенства, и римлянин, и протестант пишут многотомные сочинения; их творения грузятся в пароходы, едут в Россию искать читателей. Не читай того, что написали эти люди, сами не понимая, что пишут. Ты так мало знаешь, по общей нынешней моде, христианскую религию, что очень удобно можешь усвоить себе какую-нибудь ложную мысль и повредить ею свою душу. Ад есть, и мука вечная есть: благочестивою жизнию сделай их для себя несуществующими!

Считаю конченным ответ мой. А что буду говорить дальше, то дань, приносимая дружбе. Нет! — не дань; надо назвать иначе. Это — празднословие, к которому приводит, однако ж, искренность и дружба. Часто приходилось мне слышать мысль сомнения, ныне высказанную тобою и подкрепляемую именно тем доводом, который ты привел, что существование ада и вечных мук несообразно с милосердием Божиим. Однажды, после такой беседы, когда оставил меня беседовавший со мною посетитель, я погрузился невольно, не замечая того, в задумчивость. Грустно было на сердце. Никакая, впрочем, особенная мысль меня не занимала. В этом состояло впечатление, оставленное мне посетителем. И как не остаться грустному впечатлению, когда я слышал христианина, дерзавшего прямо противоречить Христу, дерзнувшего признать слова Само-Истины — Бога ложью, вымыслом суеверия! Как не остаться грустному впечатлению, когда я видел, что отвергается милость Божия, — которую способно принять и сохранить одно правое исповедание догматов веры христианской, которую подает Сам Бог, и в предлог такого отвержения приводится суетное человеческое умствование о милосердии Божием! — Внезапно предстает мне мысль, предлагающая путешествие по всему свету. Мысль была так светла, произвела во мне такое приятное ощущение, что я нисколько

не задумался о ней. С доверчивостью соглашаюсь. Водимый ею, лечу как бы в воздушном шаре. Вижу все страны, ничто не останавливает меня на пути моем, несусь мимо заоблачных гор, переношусь быстро чрез реки, чрез озера, чрез моря. В кратчайшее время осмотрел всю вселенную, — притом сидя спокойно в моих креслах. Что я видел во время моего путешествия? Страдание человечества. Да! я видел мучения и физические, и нравственные, — не встретил ни одного человека, который бы не страдал. Я видел страдание во дворцах и на троне; я видел его среди преливающегося изобилия. Где тело было здраво и насыщено, там сердце было гладно, больно, — не стерпевая лютой болезни, произносило непрестанные стоны. Я видел заключенных, погребенных на всю жизнь в душные и мрачные темницы; видел роющихся в пропастях земных, куда не достигает свет солнечный, где при звуках цепей и ударах молотов и секир добывается золото — средство к наслаждениям одних чрез постоянное бедствие тех, которые добывают. Я видел в государствах образованнейших целые семейства, умирающие с голоду; видел большую часть населения в бедствии от нищеты и недостатка нравственности. Я видел человечество, униженное преступлениями! Я видел человечество, искаженное заблуждениями! Я видел человечество, обезображенное варварством! Я видел человечество, низведенное до подобия скотов бессловесных и зверей хищных! Там производится ловля людей, как бы животных; там торгуют ими как товаром бездушным, как скотом, — и на этом торжище человек — товар малоценный, цена ему меньше, чем цена домашнему скоту. Там человек живет почти как бессловесное животное; а там живет он как зверь лютый, находя наслаждение в пролитии крови, пожирая с бешеным, исступленным веселием себе подобных. Ах! лучше бы не существовать, чем существовать так неистово, так ужасно. Такова картина обыкновенного человеческого быта на земле. Надо вспомнить и о бедствиях, которым подвергается человечество по временам и местами: о землетрясениях, моровых язвах, междоусобиях, о мече завоевателей, так обильно льющем кровь, когда он в руке Батыя или Тамерлана. И вот — уже несколько тысячелетий, как сменяется на земле одно поколение другим, сменяется единственно для страданий. Однако ж на все это смотрит Бог, Творец и Владыка всего, всемогущий и всеблагий. Это ужаснейшее зло, в котором страждет род человеческий на земле, не препятствует Богу пребывать всеблагим. Сколько ни придадим чисел к бесконечному, сколько

ни отнимем их от него, оно не изменится, пребывает бесконечным!.. Но если взглянуть так на землю, на которой поочередно страдали, на которой вымерло смертию, более или менее лютою, столько поколений, — мысль о аде и вечных муках перестает уже быть странною!.. Род человеческий — разряд существ падших. Земля — преддверие ада с первоначальными казнями для преступных. Спаситель соделал ее преддверием рая.

[1] Ср.: *...ниспровергаем... всякое превозношение, восстающее против познания Божия* (2 Кор. 10. 4–5).

№ 17

Приветствую Вас письменно — в ответ на Ваше дружеское письмо и христианское приветствие — прежде приветствия личного, которого, надеюсь, Господь вскоре меня сподобит. Сердечно утешен тем, что Вы провели Страстную седмицу по обычаю Вашему в обители преподобного Сергия, — в временном земном пристанище, которое благоволил Бог дать мне с единомудренными моими братиями — моим семейством духовным. В будущем веке да даруется нам неизреченною благостию Господа обитель вечная, в которой да будет и для Вас приют, не для срочного приезда — для постоянного пребывания. Письмо Ваше в декабре я получил: тогда я был очень слаб. Действие сильного и полезного лекарства держало меня наиболее в постеле, а голову так одурманило, что я сделался неспособным ни к каким умственным занятиям. Поэтому, как пред Вами, так и пред многими другими, провинился одною и тою же виною: молчанием.

Когда я услышал о происшествиях, изменяющих лицо земли, — я не почувствовал ни удивления, ниже того интереса, который бывает при слухе о чем-нибудь новом. Когда я услышал об этих происшествиях — я как бы услышал о смерти человека, давно-давно страдавшего и изможденного неисцельным недугом, заживо умерщвленного этим недугом прежде умерщвления смертию. Такой всегда мне казалась образованная Европа, или так называемый просвещенный мир. Мое неудивление показалось странным мне самому. В то время как я размышлял о моей холодности — внезапно вспомнились мне слова Спасителя: *Егда услышите брани, и слышания бранем, не ужасайтеся: подобает бо быти: но не у кончина. Возстанет бо язык на язык, и царство на царство и будут труси по местам, и будут глади и мятежи: начало болезням сия* (Мк. 13. 7–8). Здесь особенно

замечательно то — и на этом слове Евангелия я всегда останавливался, — что последним признаком начальных болезней, долженствующих предшествовать окончательной болезни — антихристу, Писание выставляет *мятежи*.

Рационализм с своими постановлениями не может остановиться в движении своем, как имеющий основанием непрестанно изменяющийся разум человеческий. Надо ожидать большого и большого развития болезни. Она начала потрясать спокойствие народов с конца прошлого столетия: чем далее, тем действие ее обширнее, разрушительнее. Из окончательного, всемирного действия этой болезни должен возникнуть «беззаконник», гений из гениев, как из французской революции родился его предызображение — колоссальный гений, Наполеон. — Что меня поражало больше, нежели нынешние обстоятельства? Меня поражали причины этих обстоятельств: общее стремление всех исключительно к одному вещественному, будто бы оно было вечно, — забвение вечного, как бы несуществующего, — насмешки и ругательства над христианством, — утонченное и лютое гонение на Церковь, гонение на жизнь ее, на Святого Духа — заменение Духа и Его уставов лжеименным разумом и уставами, исходящими от миродержца, — общая, всесветная молва, как бы при столпотворении, — повсеместное устройство железных дорог — работа, подобная столпотворению. Надо заметить, что Бог, как говорит Писание, с тою целию смесил языки и разделил народ на народы, чтоб лишить людей возможности все греховные предприятия приводить в исполнение общими силами всего соединенного человечества; паровозы возвращают людям эту возможность. Тогда, при столпотворении, нисшел Бог, говорит Писание, взглянуть на дела человеческие и остановил безумное начинание смешением языков; теперь близок час, в который снова сойдет Бог воззреть на дела человеческие и положить им конец уже не смешением языков, а заменением мира, созревшего и обветшавшего в беззакониях, миром новым и непорочным.

Во время странствования моего я имел возможность довольно подробно взглянуть на землю Израилеву — на Церковь. Что сказать о ней? О ней надо сказать слова Пророка о земле, *низвращенной от меча, собранных от язык многих на землю Израилеву. Бысть пуста весьма*[1]. Это говорит Пророк вдохновенный, когда видел в дали времен время последнее, судьбу Церкви, и могущественное царство, возникающее на севере.

По непостижимой милости Божией, нам дано туне величайшее благодеяние Божие: «познание Христа, православная вера во Христа». Народ, — и в частности — душа человеческая, неприступны для безбожного рационализма и его последствий, доколе они ограждены святою верою. Надо бдеть и молиться по завещанию Господа, чтоб избежать напастей видимых и невидимых.

[1] *...избавленную от меча, собранную из многих народов, на горы Израилевы, которые были в постоянном запустении* (Иез. 38. 8).

№ 18

Когда на пути, пролегающем по обширной равнине, стоит ветвистое древо, кидающее роскошную тень, — с какою радостию стремятся к нему путники; насладительно для них отдохновение и дружеская беседа под прохладою густой и широкой тени. Такой приют, такое утешение доставляет для текущих путем земной жизни святый крест Христов. Треблаженное древо, на котором процвел плод жизни: воплотившийся Бог — Жизнь и Податель жизни. Под сению креста приятно беседую с Вами.

Выслушайте следующую священную повесть: «К святому, великому Пимену пришел некоторый брат и жаловался, что видит в добрых делах своих примесь греха. Старец рассказал ему такую притчу. Два земледельца жили в одном месте. Один из них посеял немного хлеба, хотя и нечистого; а другой, предавшись лености, не посеял ничего. При наступлении жатвы первый собрал довольно хлеба, хотя и нечистого, второй не собрал ничего. Который из двух земледельцев будет иметь пропитание? Брат отвечал: тот, который посеял и собрал немного хлеба, хотя и нечистого. Старец отвечал: будем же и мы сеять понемногу, хотя даже нечистого, чтоб не умереть с голоду».

Бог даровал Вам с верностию взглянуть на Ваше сердце, когда, взглянув на него, Вы увидели в нем смешение душевного с духовным. Вышеприведенная повесть может уже довольно утешить Вас: Вы видите, для чего она приведена. Для бóльшего утешения услышите и следующее: один Бог может даровать святую чистоту сердца верующему в Него и прибегающему к Нему покаянием. Он не требует от нас, лишь начинающих шествие к Нему, этой высокой чистоты, чуждой всяких пятен. Предшествует чистоте зрение и сознание своей нечистоты. И это уже дар Божий, о получении которого мы молимся с коленопреклоне-

нием: «Господи, даруй ми зрети прегрешения моя!» Но тот, кто видит нечистоту свою, должен оплакивать ее и у всесильного и всеблагого Врача просить исцеления.

Дух Святый — истинный наставник христиан. Его органами были пророки, апостолы и другие угодники Божии: Он говорил ими. Он да будет руководителем Вашим и *да наставит вас на всякую истину*. Вы поступите под это блаженное руководство, когда будете почерпать наставления для жизни вашей единственно из Священного Писания и писаний святых Отцов Восточной Церкви, единой истинной.

№ 19

«Много пришельствовала душа моя!» Милосердый Господь, дарующий рабам Своим все в известное Ему время, да дарует мне странствующему приют покаяния. Да дарует Он мне этот драгоценный дар! и поделюсь я сокровищами, доставляемыми покаянием, с друзьями моими о Господе. Дар покаяния — залог вечного блаженства. Убеленный покаянием, да вниду в рай, куда не будут впущены те, которых ризы не убелены покаянием. Да узрю там любящих меня о Господе, да припаду вместе с ними к стопам Господа, не скрывшего от нас село покаяния, на котором сокровен драгоценный бисер спасения. Но купец, желающий купить это село, должен продать все имение свое, чтоб купить село покаяния. Пусть буду этим купцом! Пусть буду обладателем этого духовного дара во спасение мое и ближних! Воздыхает душа моя, жаждет глубокого, ненарушимого безмолвия, вне которого невозможно найти обильного, полного покаяния. Предаюсь в волю Божию! да совершается надо мною и над всеми нами воля Божия.

№ 20

Сиротствующее на земле сердце мое услышало отголосок в душе Вашей, стремящейся познать Бога как Бога и покланяться Богу как Богу. Если Он и умалил Себя для нас, приняв зрак раба по неизреченной любви к нам, то мы не имеем права забываться пред Ним. Мы должны приступать к Нему, как рабы к Господу, как твари к Творцу, *со страхом и трепетом спасение свое содевающе*[1], по завещанию апостола. Необъятное Его величие естественно наводит благоговейный страх на всех, и самых приближающихся к Нему, на всех, и самых приближеннейших к Нему. Сказал святый пророк Давид: Бог *страшен*

всем окрестным его[2], преславным Серафимам и пламенным Херувимам, которые не терпя зреть славу, превосходящую силы тварей, закрывают крыльями огненными лица и в непрестанном, вечном исступлении вопиют: Свят, свят, свят, Господь Саваоф!..

Как же мрачный грешник предстанет лицу великого Бога своего? Разве покрывшись с главы до ног одеянием покаяния. Без этой одежды ему, пораженному от главы до ног смрадною язвою греха, естественнее, праведнее быть во тьме, в огне ада, нежели пред всесвятым Богом. Ад!.. вот место, приличное грешникам.

Будем удостоивать себя ада, чтоб Бог удостоил нас неба.

[1] *...со страхом и трепетом совершайте свое спасение* (Флп. 2. 12).
[2] *...страшен... для всех окружающих Его* (Пс. 88. 8).

№ 21

Скука случается со мною от двух причин. После того, когда я впаду в какое-нибудь дело, слово, помышление греховные, — и когда долго не займусь покаянием, хотя б в то время и был я занят занятиями полезными. Тогда душа чувствует недостаток, лишение: от ощущения недостатка — грусть.

Эта грусть врачуется покаянием и молитвою. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Помянух Бога, и возвеселихся.*

Рассмотрите себя. В вышепомянутых причинах скорби не найдете ли причину Вашей скорби? Употребите врачевание: молитву, растворенную покаянием.

№ 22

Не скрый от мене заповеди Твоя, яко пришельник есмь на земли!.. — с плачем молил Бога святый Давид. Царь обширного царства и обладатель великих богатств. Точно это *едино на потребу*, — как сказал Господь. *Мария благую часть избра, яже не отымется от нея*[1]. А прочие земные блага все отымутся — при смерти и после смерти.

[1] Лк. 10. 42.

№ 23

Предлагаю Вам священную глубокой древности повесть: «Три усердные к добродетельной жизни инока предположили для себя следующие благочестивые занятия: первый — примирять поссо-

рившихся между собою. К этому занятию приводило его слово Евангелия: *блаженни миротворцы*[1]. Второй решился всю жизнь проводить в служении больным; его привлекли к такому занятию слова Господа: *болен бых и посетисте Мене*[2]. Третий удалился на безмолвие в пустыню. Примирявший враждующих между собою имел очень скудный успех. Утомившись, он пришел к брату, посвятившему себя служению больным; но и того нашел ослабевшим, не могущим долее продолжать своего служения. Тогда оба согласились повидаться с пустынником. Пришедши к нему, они поведали ему скорбь свою и умоляли сказать им, что приобрел он в безмолвии? Пустынник, несколько помолчав, взял воды и, налив в чашу, сказал им: посмотрите в воду. Они посмотрели, но не увидели ничего, потому что вода была мутна. По прошествии немногого времени пустынник опять сказал им: вода устоялась — теперь посмотрите. Когда они посмотрели в воду — увидели в ней лица свои, как в зеркале. Он сказал им: живущий посреди человек не видит своих согрешений, будучи возмущаем развлечением мира; когда же он придет на безмолвие, особенно в пустыню, тогда начинает усматривать живущий в себе грех». Надо сперва усмотреть грех свой, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне, с извещением совести.

Зрение своих согрешений — не так легко, как может показаться по наружности, при первом, поверхностном взгляде. Чтоб стяжать это зрение, — нужно много предварительных сведений. Нужно подробное знание закона Божия, без чего нельзя знать положительно, — какие именно дела, слова, помышления, ощущения принадлежат правде, какие — греху. Грех часто принимает вид правды! — Нужно знать подробно свойства человека, чтоб знать, — в чем заключаются греховные язвы ума, в чем язвы сердца, в чем язвы тела. Нужно знать, — что падение человека? Нужно знать, какие свойства должны быть у потомков нового Адама, чтоб видеть — какие и в чем наши недостатки. Столько-то требуется предварительных сведений, сведений важных, для получения подробного сведения и ясного зрения своих согрешений! К такому зрению приводит истинное безмолвие. Оно доставляет душе устроение, подобное чистым зеркальным водам: в них видит человек и свое состояние, и, соразмерно преуспеянию своему, состояние ближних.

Мое уединение прерывается частыми внутренними и внешними молвами; вода моя по большей части мутна! редко, редко

получает она некоторую зеркальность, — и то — на мгновение! В это краткое мгновение рисуется пред очами ума моего привлекательнейшее зрелище. Вижу бесконечную ко мне милость Божию, вижу цепь беспрестанных Божиих благодеяний. За что излились они на меня? — Недоумеваю. Чем заплатил я за них Благодетелю? — беспрерывными грехами. Смотрю на грехи мои и ужасаюсь — как бы смотрел я в страшную глубокую пропасть, от одного взора в которую начинает кружиться голова. А что, если смерить эту пропасть?.. И начинаю измерять ее скорбию, измерять воздыханиями и рыданиями!.. Еще рыдаю, — внезапно изменяется в сердце печаль на восхитительную радость: как будто кто-то говорит моему сердцу: «Непостижимый благодетель Бог недоволен Своими благодеяниями; Он еще хочет ввести тебя в небо, соделать причастником наслаждения вечного». Я верю этому: всякого благодеяния, как бы оно ни было велико, можно ожидать от безмерной благости Божией. Верую, — и в тихое, упоительное веселие погружается все существо мое.

[1] Мф. 5. 9.
[2] Мф. 25. 36.

№ 24

Провожу время в праздности, тому причиною употребляемый мною образ лечения. Он приносит ощутительную пользу, но отнимает все время. Неприятные заботы о теле, которое, несмотря на все заботы о нем, должно же непременно возвратиться в свой прах, в свою землю, из которой заимствовано Создателем. Вникаю в себя, нахожу, что болезнями и обстоятельствами я сформирован для уединения; холодно, мертво мое сердце к служениям внешним. Хотелось бы одним разом, одним ударом прервать мою связь с обществом! И сделал бы я это не для себя, не для людей, но чтоб намерение мое и предприятие были чисты пред Богом, который сказал: *Никто же возложъ руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии*[1].

Впрочем, весьма различны суд Божий и суд человеческий: так выразился некоторый великий преподобный отец, особенно обиловавший даром духовного рассуждения. Не знаю, что назначил для меня Бог; а я, рассматривая себя, нахожу себя неспособным к должностям общественным, [но] более способным к уединению, к которому я приучился, проведя многие годы по причине болезни моей почти безвыходно в келлии моей. В уединении можно свободно предаваться странствованию в обла-

стях духовного мира, куда переселились с земли мысль моя и сердце. Я не в силах возвратить их на землю! И переселение их с земли совершилось без моего ведома. Я не помышлял об этом переселении, вовсе не знал, что оно возможно, — неожиданно увидел их переселенными. Уже глядят они на землю, как странники на чужбину. Побывав в чудной области нерушимого, в области блаженной благодатного мира и света, они отвратились от страны мрака, от страны распрей, ссор, непрестанного смятения, от страны, где все доброе смешано со злом! Темная страна — земля! она — страна изгнания преступников, осквернивших рай грехом, виновных в преслушании Богу, презревших общение с Ним, променявших это общение на общение с диаволом. На земле — все враждебно человеку, — и сам он — в непрестанной борьбе с собою. Земля — юдоль изгнания, юдоль первоначальных страданий, которыми начинаются страдания вечные — справедливая казнь за оскорбление бесконечно Благого. Земля — изгнание наше, потому-то сюда пришел Искупитель: искупил безмерное согрешение ценою безмерною — Своею кровию. Земля изгнание наше: потому-то Искупитель возводит принявших Его искупление с земли на небо. Небо — истинное отечество человека: шествие туда надо совершить в самом себе. В себе надо увидать миродержцев! Надо рассчитаться с ними, возвратив им принадлежащее им, заимствованное человеком от них. Заимствовали мы от них яд греха, грех во всех его мелочных видах, во всех его разнообразных формах. Отделив из себя все, чуждое естеству нашему, мы останемся сами с собою, с своим собственным непорочным естеством. Это очищение производится в нас «Словом Божиим», открывающим нам и свойства нового Адама, и язвы ветхого. Всеблагий Дух Святый, увидев белизну нашу, низойдет в нас, осенит Своим миром и светом, изменит, запечатлеет, вчинит в блаженное племя избранных, в потомство второго человека, который *Господь с небесе*. Запечатленные Духом, мы уже не будем страшиться миродержцев мрачных и злобных, пройдем сквозь темные и густые полчища их, к свету истины, найдем в лоне ее предвкушение будущего блаженства. Кто совершил этот путь на земли во внутреннем человеке, кто освободился от плена греховного и получил обручение Духа, того душа пройдет по разлучении ее с телом беспрепятственно и безбедственно мытарства воздушных истязателей. Всему этому и многому другому, необъяснимому земным словом, изучается человек в безмолвии. Дух Святый приникает

к безмолвствующему правильно, соприсутствует ему, возвещает тайны Царствия Божия, чтоб обильно напитался знанием и ощущением духовными сам безмолвник и напитал ими алчущую и жаждущую братию свою. Учение Духа — учение живое, блистает из него свет, дышит из него жизнь. Человеческое учение, из падшего человеческого естества, из знания, свойственного этому состоянию падения, — мрачно, мертво, имеет ложный свет, льстит слуху и сердечным чувствам, хранит в слушателях, умножает в них тьму, усиливает владычество смерти. Дивное чудо совершается при учении Духа, когда Дух — учитель, — произносящий слово Божие и слушающий его, разделяют между собою учение жизни. Вся слава принадлежит таинственному Учителю; произносящий слово ощущает, что он произносит не свое слово, но слово Божие, — слушающий ощущает, что слышит слово Божие: все внимание его привлечено к оживляющей его духовной силе; к человеческому слову, в которое облекается слово Божие, остается хладным его сердце. В храме душевном опрокинут, извергнут из него идол «я»; в этом храме, очищенном от скверны запустения, разливается благоухание Святого Духа, слышатся вещания Святого Духа.

Как Вы думаете, какое ощущение объемлет человека, глаголющего глаголы Духа, ощущающего в себе действие Духа? — Ощущение, которое иметь свойственно созданию пред его Создателем. Тогда человек явственно ощущает, видит, что он — ничто.

Не из книги, не от человеков, не из естественных гениальных способностей соделывается человек учеником, слышателем и органом Духа! — при посредстве веры во Христа, чрез оживление в себе Христа перенесением в себя свойств Христовых, которые Христос открыл людям в священных изречениях Евангелия. Где Христос, там Дух Его, там Ум Его — Его непостижимый Отец.

[1] *...никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9. 62).

№ 25

Какая легкость, какое благополучие, какая блаженная чистота, когда человек не останавливает в себе чувств расположения к ближним, но служит только проводником их к святому, чистому небу! когда он говорит Богу о возлюбленных своих: «Боже! они — Твое достояние, — Твои создания! Твое тебе принадле-

жит, а я — что? кратковременный странник на земле, внезапно на ней являющийся и внезапно с нее исчезающий». Кто таким образом очищает любовь от самолюбия и пристрастия, тот обретает в себе чистую любовь, любовь в Боге. Для приобретения этой любви заповедано нам самоотвержение, такое значение имеют слова Господа: *Иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 16. 25). В этих словах повеление соединено с обетованием.

Напротив того, кто вздумает найти душу свою в исполненном обольщения веке, т.е. захочет исполнять свои неочищенные пожелания, тот погубит ее. В самоотвержении — спасение.

Покорите ум ваш Христу! Когда ум покорится Христу, то не будет оправдывать ни себя, ни сердца. Когда оправдания оскудеют у сердца, — оно приходит в состояние смирения и умиления. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит;* а оправдания — ужасная греховная смерть.

Молился так святый Давид и так научает нас молиться: *Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех*[1]. «Непщевать вины о гресех» значит приводить извинения, оправдываться в своих согрешениях. Мысли и слова, в которых изображается это оправдание, названы *словеса лукавствия*. Лукаво старается грешник обмануть себя и людей! лукаво старается грешник скрыть грех свой от себя и от людей! лукаво старается он представиться праведником пред собою и пред людьми! Оправдаться пред людьми, скрыть пред ними грех свой заставляет иногда самая необходимость, польза ближнего, которого мог бы соблазнить грех наш. Оправдываться пред собою, обольщать, заглушать свою совесть — всегда беззаконно, всегда бедственно, усвоившиеся *словеса лукавствия* соделывают человека ожесточенным фарисеем, способным на всякое преступление. Оправдание в согрешениях, не нуждающееся в вымыслах и многословии, оправдание, всегда принимаемое Богом, — покаяние.

От лица покаяния бежит всякий грех; никакой грех не может устоять пред всемогущим покаянием. Покаяние — евангельская добродетель, дар Божий бесценный, купленный для нас ценою крови Сына Божия, — этою ценою, выкупающей всякое наше согрешение.

Решитесь сначала, хотя по уму, отречься себя ради Христа, лишите ум Ваш пагубного, бестолкового самовластия, подчините его заповедям Христовым, подчините его Евангелию. Начало

самоотвержения — в уме, покорившись Христу, он постепенно приведет к этой блаженной покорности и сердце и тело.

Самоотвержение страшно при первом, поверхностном взгляде на него. Но только что человек решится на него, как и ощутит в душе необыкновенную легкость и свободу: легкость, свобода — свидетели истины.

[1] *...не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных* (Пс. 140. 4).

№ 26

Ощущаю себя как бы отделенным от всего! мысль моя непрестанно вопиет к Богу, чтоб Он устроил для меня стезю к Нему, стезю покаяния. Широко отворились предо мною врата вечности. Гляжу туда, в эту бесконечную даль, в это беспредельное пространство, в эти размеры безмерные. Время сократилось предо мною, — летит несравненно быстрее, чтоб впасть, как ручей в море, в вечность. Заглядываюсь в вечность: временное — незанятливо, мелочно, суетно, ничтожно. Люблю уединение: из него можно пристальнее смотреть в вечность, — высмотреть, что там нужно, — приготовить это нужное заблаговременно, прежде исхода души из тела.

Меня занимает Евангелие. Поражают взор мой черты образа Божия и оттенки подобия Божия, изображенные в Евангелии! *Мне будьте подобны*, — говорит Бог человекам. Чтоб удобно могли они усвоить это чудное сходство, Бог — вочеловечился. Какая несказанная красота в новом Адаме, Господе нашем Иисусе Христе! Какое во мне безобразие, какое расстройство! Сколько на мне пятен! Таким вижу себя, когда смотрюсь в зеркало Евангелия. Нужно мне заняться и лицом души моей, и ее одеждами; нужно мне, чтоб при вступлении моем в вечность не нашлось во мне сходства и сродства с врагами Божиими, с темными демонами; нужно мне, чтоб Сын Божий признал меня похожим на Него, как похожи на Него все блаженные небожители. Подобие человека Богу, признанное Богом, доставит человеку блаженную вечность; утрата этого подобия влечет за собою изгнание от лица Божия в мрачный ад, в его огненную пропасть, на вечные страдания.

№ 27

Мир Христов, *превосходяй всяк ум,* соединяющий воедино человека, рассеченного грехом, — мир Христов, исполняющий все существо наше непостижимою силою и небесною сладостию,

начинает нисходить в душу, когда она очистится от страстей хранением заповедей Христовых и благочестивым подвигом. Чтоб сохранить мир Христов в себе, чтоб вкусить его обильно, чтоб измениться им из ветхого в нового человека, — необходимо уединение. Сокровище, поверженное на распутии, непременно должно быть расхищено и похищено.

Могуществен мир, истекающий от действия Святаго Духа. Кто может противустать его влечению? От лица его бежат страсти; от действия его ум и сердце переселяются на небо. Человек примиряется ко всему в Боге. Он начинает как бы плавать в неизмеримом пространстве духовного мира и познает, что заповедь Божия *широка есть зело*. Мир Христов совершил мучеников и преподобных: он выводит христианина из-под власти плоти и крови, исторгает отраву греховную из души и тела, уничтожает насильственное влияние демонов на душу и тело, вводит в христианина свойства Христовы, кротость, смирение, благость. Душа, ощутив эти свойства, начинает вкушать чудный покой — залог и начало вечного покоя праведных в селениях вечного блаженства.

№ 28

Бог наш — огнь[1], — научает Писание, но от действия этого огня постепенно угасает, наконец совершенно потухает огнь греховный, огнь плотский и душевный. Божественный огнь чист, тонок, светел — сообщает уму истину, а сердцу чудное спокойствие, чудную хладность ко всему земному, обилие кротости, смирения, благости.

Не ошибитесь! человеческого разгорячения не сочтите действием Божественного огня. Многие ошиблись и впали в пагубное самообольщение. Из состояния разгоряченного возникли бесчисленные заблуждения и наполнили лжеучением землю. За этими мрачными облаками скрывается от мира солнце правды. *От плод их познаете их*, — сказал Спаситель о лжеучении и лжеучителях. Где разгорячение — там нет истины, оттуда не может произойти ничего доброго, ничего полезного: тут кипит кровь, тут дмится и строит воздушные замки лжеименный разум. Кротость и смирение, которых действие сопровождается каким-то тонким хладом, но потом является в бесчисленных благих плодах, — свидетели неподдельного, истинного, божественного добра.

[1] Втор. 4. 24; Евр. 12. 29.

№ 29

Учение святых Отцов Восточной Церкви — верно: оно — учение Святаго Духа. Умоляю Вас: держитесь этого учения! оно будет руководить вас к блаженной вечности.

Возжжен блистающий светильник в Святой Христовой Церкви — учение Святаго Духа: не устремляйте взоров Ваших к другим светильникам, светящим на различных путях. Один путь святой истины ведет во спасение; прочие пути все ведут в погибель. Многие трудятся, многие страдают, многие подвизаются, но увенчаны будут только *подвизающиеся законно*. Истинный, законный подвиг во Христе Иисусе и Святом Духе, в ограде Святой Восточной Церкви.

№ 30

Ныне занимаюсь чтением книги, имеющейся у меня на славянском, русском и других языках, заключающей в себе «собрание изречений святых пустынножителей Египта». Эти изречения — бесценные перлы! Спускается в глубокое море водолаз, чтоб достать дорогую жемчужину: и святые Отцы удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникали в себя, находили различные бесценные, духовные перлы: христоподражательное смирение, младенческую простоту и незлобие, ангелоподобное бесстрастие, рассуждение и мудрость духовные, — словом сказать, находили Евангелие.

Сегодня я прочитал то изречение Великого Сисоя, которое мне всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: «я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Преподобный Сисой отвечал ему: «это — не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари».

Высокое занятие — непрестанное памятование Бога! но эта высота очень опасна, когда лествица к ней не основана на прочном камне смирения.

Смотрите — как Писание согласно с Отцами! Писание говорит: *Всесожжения не благоволиши... жертва Богу дух сокрушен. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*. Жертвы и самые всесожжения человеческие должны быть основаны на чувстве нищеты духовной, на чувстве покаяния. Без этого они отвергаются Богом.

Также мне очень нравится изречение Великого Пимена: «Если всегда и во всем будем обвинять себя, — сказал он, — то везде

найдем покой». Другой Отец сказал: «мы оставили легкое бремя, состоящее в обвинении себя, и взялись за тяжкое, состоящее в обвинении других». Такие изречения стоят целых книг! Никто, кажется, столько не вник в Евангелие, сколько вникли в него святые пустынножители; они старались осуществлять Евангелие самою жизнию, самыми помышлениями и чувствованиями своими. Отличительною чертою их было глубочайшее смирение; падение человека было постоянным предметом их размышления; постоянным их занятием был плач о грехах своих.

Другое направление получили подвижники Западной Церкви и писатели ее о подвижничестве со времени разлучения этой Церкви от Восточной и отпадения ее в гибельную тьму ереси. Преподобный Венедикт, святый папа Григорий Двоеслов еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная, часто исступленная мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют никакого понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию. *От плод их познаете их*, — сказал Спаситель. Известно всем, какими преступлениями, какими потоками крови, каким поведением, решительно противухристианским, выразили западные фанатики свой уродливый образ мыслей, свое уродливое чувство сердечное. Святые Отцы Восточной Церкви приводят читателя своего не в объятия любви, не на высоты видений, приводят его к рассматриванию греха своего, своего падения, к исповеданию Искупителя, к плачу о себе пред милосердием Создателя. Они сперва научают обуздывать нечистые стремления нашего тела, соделывать его легким, способным к духовной деятельности; потом обращаются к уму, выправляют его образ мыслей, его разум, очищая его от мыслей, усвоившихся нам по падении нашем, заменяя их мыслями обновленного естества человеческого, живо изображенного в Евангелии. С исправлением ума святые Отцы заботятся о исправлении сердца, о изменении его навыков и ощущений. Очистить сердце труднее, нежели очистить ум: ум, убедясь в справедливости новой мысли, легко отбрасывает старую, легко усвояет себе новую; но заменить навык навыком, свойство свойством, чувствование другим чувствованием, чувствованием противоположным, это — труд, это — усильная, продолжительная работа, это — борьба неимоверная. Лютость этой борьбы

Отцы выражают так: «дай кровь и прими дух». Значит: надо умертвить все греховные пожелания плоти и крови, все движения ума и сердца, зависящие от плоти и крови. Надо ввести и тело, и ум, и сердце в управление духа. Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще неспособен по нечистоте своей, за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные, ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все, незаконно подвизающиеся, находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг. На них-то с жадностию кидается, их-то проповедует преимущественно святыми и духовными, достойными стоять возле Священного Писания, слепотствующий и гордый мир, признающий себя просвещенным в высшей степени и потому не нуждающимся держаться неотступно преданий Восточной Церкви.

В святых Отцах Восточной Церкви отнюдь не видно разгоряченного состояния крови. Они никогда не приходят в энтузиазм, который, будучи рождение крови, часто на Западе искал пролития крови. Из их сочинений дышит истинное самоотвержение, дышит благоухание Святаго Духа, мертвящее страсти. От этого благоухания бегут прочь сыны мира, как осы улетают прочь от курящегося фимиама. *Мир любит свое*, — сказал Господь. Сочинения западных писателей, написавших из состояния самообольщения, находят многочисленных читателей, переводятся не раз на русский язык, печатаются, перепечатываются; им произносятся, пишутся и печатаются громкие похвалы; то, что исполнено смертоносного яда, одобряется и утверждается. Сочинения святых Отцов забыты! То, что они с давних времен приняты Святою Церковию, признавались единым правильным руководством в подвижнической жизни, нисколько не принимается в уважение. Их сочинения критикуют, находят в них несообразности; противоречие Священному Писанию. Всему этому причиною, что святые Отцы наставлены были Духом Святым, что они отвергли премудрость мира для стяжания пре-

мудрости Духа. Тщетны покушения тех, которые, вопреки учению Апостола, вопреки учению Церкви, покушаются войти в премудрость Духа премудростию мира. И *запинаются премудрые в коварстве их* (1 Кор. 3. 19), преткнулись, пали падением страшным. Они захотели «духовное» объяснить темным душевным разумом, — и это «духовное» в писаниях святых Отцов показалось им странным, противоречащим Священному Писанию. *Духовная духовными сразсуждающе*, — сказал святой апостол Павел. *Душевен человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть и не может разумети зане духовне востязуется* (1 Кор. 2. 13–14). Последние слова в русском переводе Нового Завета читаются так: *потому что о сем* (о духовном) *надо судить духовно*.

№ 31

Вы спрашиваете, какое мое мнение о науках человеческих? — Люди после падения начали возделывать землю, начали нуждаться в одежде и других многочисленных потребностях, которыми сопровождается наше земное странничество; словом сказать, они начали нуждаться в вещественном развитии, стремление к которому — отличительная черта нашего века.

Науки — плод нашего падения, — произведение поврежденного падшего разума. Ученость — приобретение и хранение впечатлений и познаний, накопленных человеками во время жизни падшего мира. Ученость — светильник ветхого человека, светильник, которым *мрак тьмы во веки блюдется*. Искупитель возвратил человекам тот Светильник, который им дарован был при создании Создателем, которого лишились они при грехопадении своем. Этот Светильник — Дух Святый, Он Дух Истины, наставляет всякой истине, испытывает глубины Божии, открывает и изъясняет тайны, дарует и вещественные познания, когда они нужны для духовной пользы человека. Ученому, желающему научиться духовной мудрости, завещавает апостол: *Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет* (1 Кор. 3. 18). Точно! ученость не есть собственно мудрость, а только мнение мудрости. Познание Истины, которая открыта человекам Господом, к которой доступ — только верой, которая неприступна для падшего разума человеческого, — заменяется в учености гаданиями, предположениями. Мудрость этого мира, в которой почетное место занимают многие язычники и безбожники, прямо противоположна,

по самым началам своим, мудрости духовной, божественной. Нельзя быть последователем той и другой вместе: одной непременно должно отречься. Падший человек — «ложь», и из умствований его составился «лжеименный разум», то есть образ мыслей, собрание понятий и познаний ложных, имеющее только наружность разума, а в сущности своей — шатание, бред, беснование ума, пораженного смертною язвою греха и падения. Этот недуг ума особенно в полноте открывается в науках философских.

№ 32

Старайтесь читать книги святых Отцов, соответствующие Вашему образу жизни, чтоб Вам можно было не только любоваться и наслаждаться чтением Отеческих писаний, но чтоб можно было прилагать их к самому делу. Христианин, живущий посреди мира, должен читать сочинения великих святителей, писавших для народа, научающих добродетелям христианским, идущим для тех, которые проводят жизнь среди занятий вещественных. Другое чтение для иноков общежительных: они должны читать святых Отцов, написавших наставления для этого рода жизни. И еще другое чтение для безмолвников и отшельников! Изучение добродетелей, не соответствующих образу жизни, производит мечтательность, приводит человека в ложное состояние. Упражнение в добродетелях, не соответствующих образу жизни, делает жизнь бесплодною. И жизнь истощается напрасно, и пропадают добродетели: душа не может долго удержать их при себе, должна скоро их оставить, потому что они ей не под силу. Такое, превышающее силы и способности упражнение в возвышенных добродетелях нередко повреждает душу неисцельно, расстраивает ее, надолго, иногда на всю жизнь, делает неспособною к подвигам благочестия. Господь повелел *вино новое*, т. е. возвышенные добродетели и подвиги, *вливать в мехи новые*, т. е. представлять подвижникам, уже созревшим в благочестивом подвиге, обновленным и просвещенным благодатию. Он воспретил вливать вино новое в мехи ветхие, чинить ветхую ризу новою заплатою. Не думайте, что возвышенный подвиг, для которого еще не созрела душа Ваша, поможет Вам! Нет! Он больше расстроит Вас: Вы должны будете оставить его, а в душе Вашей явится уныние, безнадежие, омрачение, ожесточение. В таком расположении Вы попустите себе бóльшие погрешности, бóльшие нарушения Закона

Божия, нежели в какие впадали прежде. «К ветхой ризе не приставляют заплаты новой, потому что от этого дира сделается только больше».

И для иноков всех вообще, и для христиан, живущих посреди мира, — полезнейшее чтение — Новый Завет, в особенности Евангелие. Но его надо читать со смирением, не позволяя себе собственных толкований, а руководствуясь толкованием Церкви.

№ 33

Пребывайте в пристанище истины. Старается враг спасения человеческого выманить мысль нашу из пристанища истины различными призраками истины. Он знает силы этой сети. Эта сеть кажется ничтожною для неопытного глаза; ум приманивается к ней любознательностию, пышным, святым наименованием, которым обыкновенно прикрыта пагуба. Так легковерный соловей, птичка, особенно любопытная, приманивается пищею, разбросанною под сеткою, — и попадает навсегда в скучную неволю. Пагубна мысль ложная: она вводит в душу омрачение, самообольщение, соделывает ее пленницею миродержителя. *Истина свободит вы*[1], — сказал Спаситель; очевидно, что ложь лишает свободы, подчиняет области князя века сего. Желаю, чтоб Вы были свободны, чтоб зрение души Вашей было чисто и светло, чтоб разум Ваш был проникнут светом истины и изливал свет благодатный на всю жизнь Вашу, на все дела Ваши. *Аще око твое светло будет*, — сказал Господь, — *то и все тело твое светло будет*[2]. Надо хранить ум! Надо, чтоб он пребывал непрестанно в истине. Желаю вам этого от искреннего сердца! Желаю Вам этого от сердца болезнующего! Потому оно болезнует, что в нынешние времена редкие, весьма редкие пребывают верными истине, — подклонили ум и сердце благому ее игу и бремени легкому, — подчинились со всею простотою и покорностию Христу и Святой Его Церкви. *Спасайтесь*, — говорит святой апостол Петр, — *от рода строптивого сего!*[3] Уклонитесь от пути широкого, по которому почти все шествуют! Изберите для себя путь узкий и прискорбный, ведущий в Царство Небесное! возлюбите скорби, посылаемые вам Промыслом Божиим! возлюбите теснины, по которым премудрый Промысл, спасающий Вас Промысл Божий, проложил стезю для земного Вашего странствования! И скорби, и теснины Ваши, и стезю тернистую жизни земной сделайте для себя приятными, сладостными. Каким способом это сделать? Предаваясь Воле Божией, славословя Промысл

Божий, признавая эту Волю и этот Промысл во всем, случающемся с Вами, благодаря Богу за все случающееся с Вами, и скорбное, и радостное. Время — начать жительство истинно христианское, сопряженное с распятием всех ощущений, пожеланий, мыслей на кресте заповедей и учения Христова. Скоро, скоро промчится земная жизнь! — уже готова каждому человеку вечная мзда его за кратковременную жизнь его, за дела его, за образ мыслей его, за чувствования его.

[1] *...истина сделает вас свободными* (Ин. 8. 32).
[2] Мф. 6. 22.
[3] Деян. 2. 40.

№ 34

Преподобный авва Дорофей, говоря о любви к ближнему, уподобляет подвижников Христовых линиям, идущим от окружности круга к его центру. Для ясности вот и чертеж! <...> Линии, чем ближе приходят к центру, тем становятся ближе одна к другой. И подвижники Христовы, чем более приближаются к Богу, тем становятся ближе друг к другу истинною любовию. Всякий путь ума и сердца, когда цель его — Бог — бесконечен. *Страх Божий чист, пребывает в век века*[1]; преуспеяние в премудрости Божией — бесконечно; преуспеяние в любви к ближнему, когда оно в Боге, бесконечно. Мало земной жизни на совершение этого духовного пути! Невозможно довольно насытиться любовию к ближнему в Боге! Напротив того, можно скоро совершить путь, можно скоро насытиться и пресытиться любовию к ближнему, когда предмет любви — только человек. Огнь любви требует много пищи для того, чтоб быть постоянным и умножаться. Когда питает его Бог — он непрестанно усиливается, нет ему предела; но когда предоставлено питать его человеку самим собою — скоро оскудеет пища для огня, — огнь потускнет, угаснет. Любовь должна питаться беспредельным Богом: мало для нее пищи в ограниченных свойствах человеческих, хотя бы и прекрасных.

[1] Пс. 18. 10.

№ 35

Сердце тогда только может наслаждаться блаженным миром, когда оно пребывает в евангельских заповедях, когда пребывает в них с самоотвержением. Когда же взойдет в него какая другая правда, — оно теряет покой свой.

Великая и всесвятая книга — Евангелие! В нем изображен новый, богоподобный человек; а какие должны быть свойства нового человека — это являют Христовы заповеди. В них Христос открыл нам Свои свойства, Свой образ мыслей и действий. Вглядываясь в Евангелие, смотрясь в это зеркало на себя, мы можем мало-помалу узнавать наши недостатки, мало-помалу выбрасывать из себя понятия и свойства ветхости нашей, заменять их мыслями и свойствами евангельскими, Христовыми. В этом состоит задача, урок, которые должен разрешить, выполнить христианин во время земной жизни своей. Надо изобразить на душе портрет Христов, сообщить ей сходство с ее первообразом. Портреты, лишенные сходства, будут отвергнуты на той же всеобщей выставке, на которой каждый из человеков будет испытан, в какой степени он сохранил и обновил в себе образ и подобие Творца и Бога своего. Образы, на которых столько искажены все черты и краски, что потеряно все сходство, все подобие, услышат: *Не вем вас!* Они не будут узнаны! От них откажется Господь!

Начнемте живопись духовную! Обратим внимание на закинутый, на покрытый грязью, царапинами и пылью образ Божий, на нас начертанный и нам вверенный Богом! Живописец — Христос; кисть Его — Святый Дух. Приготовим душу для этой живописи так, чтоб душа, как чистое, новое полотно, была способна принять на себя все — и самые тончайшие черты, самые нежные краски и оттенки.

Для такого приготовления нужно очищение себя покаянием, омовение слезами. А для того, чтоб возбудить в себе чувство покаяния, спасительную печаль и плач, непременно должно при воздержании от всех страстей часто заниматься чтением Евангелия, сличать жизнь свою с его святейшими заповедями, принуждать себя к исполнению этих заповедей, вопреки стремлениям и порывам грехолюбивой воли. Сказал некоторый святый отец: «исполнением Христовых заповедей научается человек своей немощи». Точно: тогда открывается нам, сколько мы слабы, сколько повреждены падением, когда начнем принуждать себя к исполнению евангельских заповедей. От зрения немощи своей, своего повреждения, естественно рождается плач. Плач — сердечное чувство покаяния! Плач — «дух сокрушен и смирен», столько любезный Богу.

Когда Господь увидит душу, очищающую себя покаянием, тогда Он начинает мало-помалу, соответственно чистоте ее,

обновлять на ней Святым Духом черты Своего образа, оттенки и цвета Своего подобия. Прежде всего запечатлевает ее кротостию и смирением. *Научитесь от Мене*, — говорит Он, — *яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим*. Тогда только можно найти священный покой, когда мысль и сердце погрузятся в смирение Христово и Его кротость, научившись им из Евангелия. Эти две добродетели уставляют в порядок черты образа, расстроенного смущением, которое неотступно сожительствует всякому человеку, служащему страстям. Знамение порядка — священный покой. Тогда уже по исправленным чертам полагаются святые краски, утешающие взор духовный: благость, милосердие, чистота ума, сердца и тела, живая вера, небрегущая о всем суетном, научающая человека всецело последовать Христу, терпение, несущееся превыше всех временных скорбей, любящее скорби, как участие в страданиях Христовых, — любовь к Богу и ближнему, стремящаяся исполнить все обязанности человека к его Создателю и к созданиям, себе подобным, долженствующим составлять едино в Создателе своем.

Отвергнитесь себя и последуйте Евангелию!

№ 36

Человек — как трава, и много ли надо, чтоб подкосить его? Одна минута может решительно сокрушить его здоровье и повергнуть тело или в могилу, или на одр мучительной и продолжительной болезни. Евангелие научает нас, что никакая скорбь не может нас постичь без Воли Божией, — научает нас благодарить Бога за все по мановению Его приходящие нам скорби. С одра болезни приносите благодарение Богу, как приносил его с кучи гноя покрытый смрадными струпами Иов. Благодарением притупляется лютость болезни! Благодарением приносится болящему духовное утешение! Наставленное и услажденное благодарением сердце обновляется силою живой веры. Озаренный внезапно светом веры, ум начинает созерцать дивный Промысл Божий, неусыпно бдящий над всею тварию. Такое созерцание приводит в духовный восторг; душа начинает обильно благодарить, славословить Бога, начинает восхвалять Его Святый Промысл, предавать себя Его святой Воле. Одр болезни бывает часто местом Богопознания и самопознания. Страдания тела бывают часто причиною духовных наслаждений, и одр болезни орошается слезами покаяния и слезами радости о Боге. Во время болезни сперва надо себя принудить к благодарению Бога, ког-

да же душа вкусит сладость и покой, доставляемые благодарением, — сама спешит в него, как бы в пристанище. Спешит она туда от тяжких волн ропота, малодушия, печали.

Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие. Кого возлюбит Господь, тому посылает скорби, и они умерщвляют сердце избранника Божия к миру, приучают его витать близ Бога. Во всех скорбях, в числе прочих и в болезни, следующие врачевства приносят душевную пользу и отраду: преданность Воле Божией, благодарение Богу, укорение себя и признание достойным наказания Божия, воспоминание, что все святые совершили путь земной жизни в непрестанных и лютых страданиях, что скорби — чаша Христова. Не причастившийся этой чаши не способен наследовать вечное блаженство.

№ 37

В уединении приходят странные мысли! «Ухо безмолвника услышит дивное», — сказал некоторый святой пустынножитель. И в моем ничтожном уединении встречаюсь с мыслями, сильно действующими на ум живою истиною.

Недавно я размышлял о краткости земной жизни человеческой. Внезапно жизнь представилась мне так краткою, что и остальное время моей земной жизни представилось мне уже прошедшим. Буду еще жить — и что увижу нового на земле? — Ничего: те же добродетели и те же страсти, которые до сих пор являлись пред мною в разнообразных костюмах и действиях, будут являться и впредь; точно так же добродетель будет тихо пробираться между людьми, не примечаемая, гонимая ими; точно так же порок, прикрываясь бесчисленными личинами, будет обманывать людей и господствовать в среде их. Двухлетняя жизнь и столетняя жизнь одинаково малы, ничтожны пред вечностию. Обыкновенно людям только будущее время представляется продолжительным; прошедшее кажется им так коротким, мгновенным, как бы сон минувшей ночи. Уединение, соединенное с вниканием в себя, соделывает и будущее время коротким. Коротко прошедшее, коротко будущее! Что же земная жизнь? — Путь к вечности, которым надо воспользоваться, но на котором не надо заглядываться в стороны. Этот путь надо совершить умом и сердцем, — не числом дней и годов. Ум, озаряясь учением истины, может сохранить сердце в мире, кротости, благости, терпении, короче, в свойствах нового человека. Для этого и пустыня, и безмолвие, и монастыри! Для этого и душе-

назидательная беседа, и духовный совет! для этого чтение святых Отцов! для этого молитвы. Все христиане обязаны так жить, хотя так живут очень редкие. Если не можете вполне так жить, живите так отчасти; недостатки можно врачевать самоосуждением и покаянием. Видя в себе недостатки, не должно унывать; напротив того, должно трудиться в смирении. Прекрасно сказал преподобный Исаия Отшельник: «Слава святых подобна сиянию звезд, из которых одна светит очень ярко, другая тусклее, иная — едва приметно; но эти звезды все — на одном небе».

Сколько земля на поверхности своей сменила поколений! — и они как будто никогда не были на ней. Давно ли слышались между нами многие громкие имена? — а теперь они забыты. Давно ли наше поколение вступило на поприще гражданской жизни? а теперь уже выступает на это поприще новое поколение и теснит нас из обширного круга деятельности в скромный уголок состаревших, отживших. Поколения человеческие на земле точно листья на дереве! ныне одни, — вскоре другие! губит их и зной, и мороз, и самое время, разносит их ветер, стаптывают путники.

Гляжу из уединения моего на шумящий и мятущийся мир, говорю сам себе и друзьям моим: одно занятие может быть признано занятием истинно-полезным во время кратковременной земной жизни — доколе наша чреда зеленеть — познание Христа, Который и податель вечной, блаженной жизни, и путь к этой жизни. Христос присутствует в Евангелии, Евангелие — тот вертоград, в котором может найти Христа Мария — верная душа, пребывающая в покаянии... за городом, — вне любви к миру. Там гроб Христов! там плачут Его любимые — плачут пред Ним и о себе.

№ 38

Часто беседую с Вами о Истине. Мне хочется, чтоб Вы поняли, как важно наблюдение за своим образом мыслей, за своим разумом. Человек непременно водится своим образом мыслей: это — свет наш. С большою тщательностию надо бдеть за светом нашим, чтоб он не сделался тьмою, светом лживым, показывающим предметы не на их местах, не в их виде, одни вместо других. *Блюди, еда свет, иже в тебе, тма есть* (Лк. 11. 35). Надо, чтоб наш образ мыслей был проникнут Истиною. Кроме Христа не понимаю, и не знаю другой Истины. И не слепцы ли те, кто бы они ни были, которые, в то время, когда предстоит

им Христос в страшном величии смирения, вопрошают: что есть Истина?

Вникните глубоко в слова мои! прошу, умоляю вас! умоляю Вас для вашего же спасения. Обыкновенно люди считают мысль чем-то маловажным: потому они очень мало разборчивы при принятии мыслей. Но от принятых правильных мыслей рождается все доброе, — от принятых ложных мыслей рождается все злое. Мысль подобна рулю корабельному: от небольшого руля, от этой ничтожной доски, влачащейся за кораблем, зависит направление и по большей части участь всей огромной машины. *Помышление преподобное соблюдет тя*[1], — говорит Писание; оно научает, чтоб самое «*начало словес*» наших было «*истина*». Что это за «*начало словес*», как не образ мыслей. Истина засвидетельствована на земле Духом Святым. Так говорили апостолы иудеям. Свидетель Христа-Истины — Дух Святый. Где нет свидетельства от Духа, там нет доказательств Истины. Желающий непогрешительно последовать Истине, должен пребывать в учении, запечатленном, засвидетельствованном Духом Святым. Таково учение Священного Писания и святых Отцов Восточной Церкви, единой святой, единой православной и истинной. Всякое другое учение чуждо Истины — Христа, Истины, сошедшей с неба, по несказанному милосердию Божию открывшейся человекам, *сидевшим во тме и сени смертней*[2], погрязшим в темной и глубокой пропасти самообольщения, неведения, падения, погибели.

[1] *...разум будет охранять тебя* (Притч. 2. 11).
[2] Пс. 106. 10.

№ 39

Сердцем веруется в правду, — сказал апостол, — *усты же исповедуется во спасение*[1]. Нужно исповедание правды устами и, когда можно, самыми делами. Правда, исповеданная словами и делами, как бы осуществляется, делается принадлежностию человека. И потому, что она существенна, — она верный залог спасения.

Вы убедились, что единственный непогрешительный путь ко спасению — неуклонное следование учению святых Отцов, при решительном уклонении от всякого учения постороннего, от самых своих разумений, доколе разум не исцелится от недуга своего и не сделается из плотского и душевного — духовным. Признав умом и сердцем эту правду, исповедайте ее устами:

дайте обет Богу, что Вы будете руководствоваться учением святых Отцов, уклоняясь от всякого учения, не засвидетельствованного Святым Духом, не принятого святою Восточною Церковию. Исповедав правду Божию устами, исповедуйте и делами: дав обет, исполняйте его.

Не устрашитесь этого обета! его обязан дать каждый православный сын Церкви, должен его истребовать у каждого сына православной Церкви его духовный отец при совершении таинства исповеди. Между вопросами, которые именно положено делать исповедующемуся, первое место занимают следующие: «1) Рцы ми, чадо: аще веруеши, яко Церковь кафолическая, апостольская, на востоце насажденная и возращенная, и от востока по всей вселенной рассеянная, и на востоце доселе недвижимо и непременно пребывающая, предаде и научи? — 2) Аще не сумнишися в коем предании? — 3) Рцы ми, чадо, не был ли еси еретик и отступник? — 4) Не держался ли еси с ними, их капища посещая, поучения послушая, или книги их прочитывая?» Чтение еретических книг и внимание их поучениям — тяжкий грех против веры, грех ума, недугующего гордостию и потому свергающего иго послушания Церкви, ищущего вольности безумной, греховной. А ныне этот грех уже не ставят в грех! ныне позволяют себе безразборчиво читать всевозможных еретических писателей. Против них Церковь прогремела анафемой! но ослепленные грешники не внемлют грому церковному, или внемлют ему, но только для того, чтоб посмеяться над предостерегающим от погибели голосом Церкви, чтоб ее суд и определение несмысленно назвать суеверием и варварством. Множество еретических книг переведено на русский язык, и одной из них, мимо всех Отеческих писаний Вселенской Церкви, дают первое место после книг Священного Писания. Непомерная и невероятная наглость! она выражена печатно.

Истинные христиане всех времен со всевозможным тщанием хранились от яда смертоносного ереси и прочих учений лжи. Они неотступно держались догматического и нравственного Предания Церкви. Не только веровали православно в Святую Троицу, но и жизнь свою, и подвиги свои, и нравы направляли по Преданию Церкви. Отличительною чертою всех святых Отцов было неуклонное руководство нравственным преданием Церкви, и они заповедали такого только духовного наставника считать истинным, который следует во всем учению Отцов Восточной Церкви и их писаниями свидетельствует и запечатлевает

свое учение. Кто ж думает руководить ближних из начал премудрости земной, из начал падшего разума, как бы он ни был блестящ, тот сам находится в самообольщении и последователей своих приводит к самообольщению. Святые Отцы постановили непременным правилом для желающего спастись — последование нравственному преданию Церкви. Для этого они заповедуют желающему жить благочестиво и благоугодно руководство наставлениями истинного учителя или руководство писаниями отеческими, соответствующими образу жизни каждого. По прошествии восьми столетий по Рождестве Христовом начинают Церковные святые писатели жаловаться на оскудение духовных наставников, на появление множества лжеучителей. Они заповедуют по причине недостатка в наставниках обращаться к чтению Отеческих писаний, удаляться от чтения книг, написанных вне недра православной Церкви. Чем далее времена отклонялись от явления на земле Божественного света, тем усиливался недостаток в истинных святых наставниках, усиливалось обилие в лжеучителях; они со времен открытия книгопечатания наводнили землю, как потоп, как горькие апокалипсические воды, от которых умерло множество людей душевною смертию. *Мнози лжепророцы возстанут*, — предвозвестил Господь, — *и прельстят многие: и за умножение беззакония, изсякнет любы многих*[2]. Сбылось это пророчество: исполнение его пред очами нашими. И есть еще другое предсказание Господа о характере времени, в которое будет Его Второе, страшное пришествие на землю. *Сын Человеческий*, — сказал Господь, указуя на будущую судьбу веры, — *егда приидет, обрящет ли веру на земли?*[3] Тогда будут господствовать на ней лжеименный разум, премудрость человеческая, враждебная вере и Богу.

Что значит иноческая добродетель — послушание? Она — признание разума человеческого падшим и потому отвержение его буйством веры. От веры — послушание, от послушания — смирение, от смирения — духовный разум, который — извещенная вера. Иноческое послушание процветало при обилии духовных наставников. С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости: вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтоб предмет ее был истинный и духовный: тогда она приводит к Богу. Вера в человека приводит к исступленному фанатизму. Руководство писаниями святых Отцов ведет гораздо медленнее, слабее; на пути этом гораздо больше преткновений: книга,

начертанная на бумаге, не может заменить живой книги человека. Чудная книга — ум и сердце, исписанные Святым Духом! так и дышит из нее жизнь! так и сообщается эта жизнь слушающим с верою. Но руководство писаниями отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечном оскудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным; кто же водится собственными разумениями или учением лжеучителей, того должно признать погибшим.

В образец, как об этом предмете рассуждают святые Отцы, выписываю из сочинений святых Каллиста и Игнатия следующее: «Что было для вас причиною сокрушения и мертвости, между тем как мы сначала не были сотворены такими? Что опять было причиною обновления и бессмертия? Находим, что причиною первого, т.е. тления, были самонадеянность, своечиние и непокорство первого Адама, приведшие его к отвержению и преступлению Божественной заповеди; причиною второго, то есть нетления, повиновение второго Адама, Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Отцу, единохотение с Отцом, от которых соблюдение заповеди Отца. *Аз*, — говорит Спаситель, — *от Себе не глаголах: но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю: и вем яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, якоже рече мне Отец, тако глаголю*[4]. Как в праотце и племени его корнем и материю всех скорбей было возношение, так и в новом человеке, Богочеловеке Иисусе Христе и в желающих жить подобно Ему, начало, источник всего благого — смирение. Видим, что таковое стояние и порядок соблюдается и высшею нас священною иерархиею боговидных Ангелов: подобно им хранит их наша земная Церковь. Напротив того, тайно научаемся и веруем, что уклоняющиеся от таковаго законоположения и дерзостно покушающиеся проводить жизнь в своеволии и непокорении отсекаются и отлучаются от Бога, от небесного светлого наследия, от соборной апостольской Церкви, отсылаются в тьму и огнь геенский. Мы утверждаем, что подверглись этому, по учению боговдохновенных словес, лукавые и злобные делатели диавола, злословные еретики, которые по причине самоугодия и гордости лишились Божественной славы и наслаждения, извергнуты из священного собрания».

Статью, из которой заимствую выписку, оканчивают святые так: «Мы говорим это, утверждаясь на изречениях Отеческих,

на изречениях Духа, как на столпах незыблемых» (Добротолюбие. Ч. 2. Каллиста и Игнатия о безмолвии и молитве, глава 15).

Познав путь ко спасению, не останавливайтесь вступить на него. Заключите блаженный завет, союз со святою Истиною; положите в душе Вашей пребывать верным во всю жизнь Истине. От одного этого благого намерения прольется в Ваше сердце легкость, радость, сила — свидетели принятой святой Истины.

Сердцем веруется в правду, потому что она правда, *усты исповедуется во спасение*.

[1] *...сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10. 10).

[2] *...многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь* (Мф. 24. 11–12).

[3] Лк. 18. 8.

[4] *...Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец* (Ин. 12. 49. 50).

№ 40

Прекрасно Ваше желание — находиться в полном послушании у опытного наставника. Но этот подвиг не дан нашему времени. Его нет не только посреди мира христианского, нет даже в монастырях. Умерщвление разума и воли не может быть совершаемо человеком душевным, хотя бы и добрым и благочестивым. Для этого необходим духоносный отец: только пред духоносцем может быть явна душа ученика; только он может усмотреть, откуда и куда направляются душевные движения наставляемого им. Ученик для чистоты своей совести должен с точностию и подробностию исповедовать свои помышления; но наставник не должен руководствоваться этою исповедью в суждении о душевном состоянии ученика; он должен духовным ощущением проникать, измерять его и поведать ему незримое им состояние души его. Так действовали Пахомий Великий, Феодор Освященный и прочие святые наставники иноков. Феодору Освященному говорили ученики: «Отец! обличи меня!» — и он, движимый Святым Духом, являл каждому сокровенные в нем душевные недуги. Эти великие Отцы признавали «послушание иноческое» особенным даром Святого Духа: так повествует писатель, современный им, преподобный Кассиан. Послушание — «чудо веры»! Совершить его может един Бог. И совершили его те человеки, которым дан был Богом этот дар свыше. Но когда люди захотят собственными усилиями достичь того, что дается

единственно Богом, тогда труды их суетны и тщетны; тогда они подобны упоминаемым в Евангелии здателям столпа, начинающим здание без средств к совершению его. Все мимоходящие, то есть бесы и страсти, посмеваются им: потому что по наружности они будто совершают добродетель, а в сущности находятся в горьком обмане, в слепоте и самообольщении, подчинены страстям своим, исполняют волю бесов. И многие думали проходить послушание! а на самом деле оказалось, что они исполняли свои прихоти, были увлечены разгорячением. Счастлив тот, кто в старости своей успеет уронить слезу покаяния на увлечения юности своей. О слепых вождях и о водимых ими сказал Господь: *Слепец же слепца аще водит, оба в яму падут* (Мф. 15. 14).

Нашему времени дан другой подвиг, сопряженный с многими трудностями и преткновениями. Нам пришлось совершать путешествие — не днем, не при солнечном ясном свете, а ночью, при бледном свете луны и звезд. Нам даны в руководство Священное и Святое Писание: это прямо говорят святые Отцы позднейших времен. При руководстве Писанием полезен и совет ближних, именно тех, которые сами руководствуются писаниями Отцов. Не думайте, чтоб подвиг наш лишен был скорбей и венцов: нет! он сопряжен с мученичеством. Это мученичество подобно томлению Лота в Содоме: душа праведника томилась при виде непрестанного и необузданного любодеяния. И мы томимся, отвсюду окруженные умами, нарушившими верность истине, вступившими в блудную связь с ложью, заразившимися ненавистию против писаний, вдохновенных Богом, вооружившимися на них хулою, клеветою и насмешкою адскою. Наш подвиг имеет цену пред Богом, на весах Его взвешены и немощь наша, и средства наши, и обстоятельства, и самое время. Некоторый великий Отец имел следующее видение: пред ним земная жизнь человеков изобразилась морем. Он видел, что подвижникам первых времен монашества даны были крылья огненные, и они как молния перенеслись чрез море страстей. Подвижникам последних времен не дано было крыльев: они начали плакать на берегу моря. Тогда дарованы им были крылья, но не огненные, а какие-то слабые: они понеслись через море. На пути своем по причине слабости крыл они часто погружались в море; с трудом подымаясь из него, они снова начинали путь и наконец, после многих усилий и бедствий, перелетели через море.

Не будем унывать! не будем безрассудно стремиться к блестящим подвигам, превышающим наши силы: примем с благоговением смиренный подвиг, очень соответствующий немощи нашей, подаемый как бы видимо рукою Божиею. Совершим этот подвиг с верностию святой Истине — и среди мира, шумною, бесчисленною толпою, стремящегося по широкому, пространному пути вслед своевольного рационализма, пройдем к Богу по стезе узкой послушания Церкви и святым Отцам. Не многие идут по этой стезе? — Что до того! Сказал Спаситель: *Не бойся, малое стадо: яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство. Внидите узкими враты: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им. Что узкая врата и тесный путь, вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его*[1].

[1] *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство. Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Лк. 12. 32; Мф. 7. 13–14).

№ 41

Вы спрашиваете, почему необходимо чтение святых Отцов? Не довольно ли будет руководствоваться одним Священным Писанием — чистым Словом Божиим, в котором нет примеси слова человеческого?

Отвечаю: непременно нужно при чтении Писания чтение святых Отцов Восточной Церкви. Вот что говорит святой апостол Петр о Священном Писании: *Всяко пророчество книжно по своему сказанию не бывает* (русский перевод: никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою). *Не бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаеми глаголаша святии Божии человецы* (2 Пет. 1. 20–21). Как же вы хотите произвольно понимать духовное слово, которое и произнесено не произвольно, а по внушению Духа, и само запрещает произвольное толкование себя. Дух произнес Священное Писание, и только Дух может истолковать его. Вдохновенные Богом мужи, пророки и апостолы, написали его; вдохновенные Богом мужи, святые Отцы, истолковали его. Поэтому всякому, желающему стяжать истинное познание Священного Писания, необходимо чтение святых Отцов. Если ж Вы ограничитесь чтением одного Священного Писания, то по необходимости должны понимать и объяснять его произвольно. По той же необ-

ходимости невозможно Вам будет избегнуть заблуждений; потому что *душевен человек не приемлет яже Духа Божия, и не может уразумети, зане духовне востязуется* (русский перевод: душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2. 14). *Божия никтоже весть, точию Дух Божий*[1].

Особенно ненавидят Отеческих писаний еретики всех времен: писания Отцов открывают прямой смысл Священного Писания, который враги Истины хотели бы искажать для утверждения своих лжеумствований. Ересиарх Евтихий выразил свое нерасположение к Отцам на поместном Константинопольском Соборе. «Священное Писание, — лукаво сказал он, — следует больше уважать, нежели Отцов», — и сказал потому, что тогда писаниями святых патриархов Александрии Афанасия Великого и недавно почившего Кирилла ясно обличалось его заблуждение богохульное. Вселенская Церковь, напротив того, всегда питала особенное уважение к отеческим писаниям: этими писаниями сохранялось единение церковное, для которого необходимо всеми принятое, истинное, благодатное изъяснение Писания. Вселенские соборы всегда начинались с чтения тех отеческих писаний, в которых с особенною подробностью излагались догмат или предание, рассмотрение которых составляло предмет совещаний собора. И опираясь на Отеческие писания, Собор обличал ересь, произносил православное учение и исповедание. Точно так же и в частной жизни святые подвижники первоначально воспитывались отеческими писаниями, только тогда они переходили к чтению преимущественно Священного Писания, когда уже достигли особенного духовного преуспеяния. «Глубоко море Писания, — сказал святой Иоанн Лествичник, — и не безбедственно носится по нему ум безмолвника: опасно плавать в одежде, и касаться богословия странному» (Слово 27. О безмолвии). Эта опасность, это бедствие очевидно заключается в произвольном толковании, в ложном понятии Писания, отчего многие иноки впали в гибельное заблуждение.

Напрасно еретики выставляют свое мнимое уважение к Священному Писанию, коварно намекают, что православная Церковь мало его уважает, излишне уважая святых Отцов, которых они отвергают, которых они осыпают клеветами и ругательствами бесстыдными и бессовестными. Уважение еретиков к Священному Писанию — ложное, лицемерное; что за уважение

к Слову Божию, когда предоставлено каждому, как бы он порочен ни был, понимать и толковать его произвольно? Святая Церковь, принимая благодатное толкование Священного Писания святыми Отцами, этим самым доказывает свое глубокое уважение к Священному Писанию: она чтит его, как должно чтить слово Божие. Она научает чад своих не быть дерзкими относительно слова Божия, удерживать их от гордостного своеволия и безчиния, повелевает воспитываться чтением святых Отцов и при руководстве их проникать в чудный свет Слова Божия, поражающий слепотою тех, которые осмеливаются воззреть на него без должного приготовления, умом нечистым и сердцем греховлюбивым. Стоит только обратить внимание на богослужение Восточной Церкви, чтоб убедиться в ее глубоком благоговении к Священному Писанию. Евангелие — всесвятая книга, заключающая в себе слова, произнесенные к человекам Самим воплотившимся Богом, — всегда присутствует на святом престоле, живо изображая Самого Христа. К всенародному чтению его допускаются одни священные лица; когда оно читается — все внимают ему, как говорящему Христу: когда оно выносится из алтаря, — предшествуют ему зажженные свечи. Выносится оно и полагается на налой среди храма: тогда все присутствующие православные христиане благоговейно преклоняют пред ним колена, как пред словом Божиим, со страхом и любовию лобызают его. А в это время еретик, только что хвалившийся уважением своим к Священному Писанию, соблазняется на благоговение чад Святой Церкви пред Евангелием, насмешливо называет их поклонение слову Божию идолопоклонством, поклонением бумаге, чернилам, переплету; несчастный слепец! он видит в этой книге только бумагу, чернила, переплет — не видит Евангелия Христова. Всенародное чтение апостольских посланий совершается диаконами и чтецами; чтение прочего Священного Писания совершается чтецами посреди храма. Церковные же песнопения, сочиненные святыми Отцами, содержат в себе полный курс догматического и нравственного богословия. Слава Богу, сохранившему Церковь Свою в чистоте и святыне! Слава святой Восточной Церкви, единой святой и истинной! Все предания, все обычаи ее святы, благоухают духовным помазанием! Да постыдятся все, противомудрствующие ей, все отделяющиеся от единения с нею.

Имейте благоговение к Священному Писанию, благоговение, должное для истинного сына истинной Церкви; имейте должную

доверенность и благоговение к писаниям Отеческим. Тот же самый Дух Божий, который действовал в пророках и апостолах, — действовал в святых учителях и пастырях церковных: свидетель этого догмата святой Апостол: *положи Бог*, — говорит он, — *в Церкви первее апостолов, второе пророков, третие учителей*[2].

Сообразно словам Апостола, словам Священного Писания и указанию Церкви — первое место в благочестивом чтении Вашем должны занимать писания апостолов. Между писаниями апостолов первое место занимает Евангелие. Чтоб правильно понимать Новый Завет, читайте святых учителей церковных, читайте и Псалтирь и прочие книги Ветхого Завета. Очищайте себя евангельскими заповедями и благочестивыми подвигами. Сообразно чистоте души, является ей Бог, открывается ей Божие Слово, для плотских очей прикрытое непроницаемою завесою слова человеческого.

[1] *...Божьего никто не знает, кроме Духа Божия* (1 Кор. 2. 11).

[2] *...Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями* (1 Кор. 12. 28).

№ 42

Сердце Ваше да принадлежит единому Господу, а в Господе и ближнему. Без этого условия принадлежать человеку — страшно. *Не бывайте раби человеком*[1], — сказал апостол.

Всегда трогали меня до глубины сердца слова святаго Иоанна Предтечи, произнесенные им относительно Господа и себя, сохраненные нам в Евангелии Иоанна: *Имеяй невесту*, — говорит святой Предтеча, — *жених есть: а друг женихов, стоя и послушая его, радуется за глас женихов: сия убо радость моя исполнися. Оному подобает расти, мне же малитися*[2].

Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе, должен возвещать им о бесконечной, неизреченной красоте Христа, о безмерной благости Его и силе: пусть они полюбят Христа, точно достойного любви. А наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, умалению, которое служит признаком их духовного преуспеяния. Доколе плотское чувство преобладает в учениках, — велик пред ними наставник их; но когда явится в них духовное ощущение и возвеличится в них Христос, они видят в наставнике своем только благодетельное оружие Божие.

Охранитесь от пристрастия к наставнику. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками своими в сеть диаволу. Совет и послушание чисты и угодны Богу только до тех пор, пока они не осквернены пристрастием. Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог. И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела, как благовонное курение, разносимое сильным вихрем или заглушаемое вонею смрадною. Не давайте в сердце Вашем места никакому кумиру.

И ты, наставник, охранись от начинания греховного! не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святаго Предтечи: единственно ищи того, чтоб возвеличился Христос в учениках твоих. Когда Он возвеличится, — ты умалишься: увидев себя умалившимся по причине возростшего Христа, исполнись радости. От такого поведения чудный мир будет навеваться на сердце твое: в себе увидишь исполнение слов Христовых: *смиряяй себе, вознесется*[3].

Блаженны те, которые с самоотвержением следуют истинному Евангельскому учению, которые отреклись от удовлетворения похотениям тела и похотениям души! Похотения падшего тела — греховны: греховны и похотения падшей души. Она всюду ищет осуществить свое я, соделаться каким-то отдельным, самостоятельным, первенствующим существом, для которого должно существовать все прочее. Евангелие требует, чтоб такая жизнь была умерщвлена, чтоб человек признал Бога Богом, а сам встал на свое место: в разряд созданий. По умерщвлении безумной, мечтательной, на самом деле несуществующей жизни, может явиться истинная жизнь, с преизобильным ощущением существования, — жизнь в Боге.

[1] *...не делайтесь рабами человеков* (1 Кор. 7. 23).

[2] *Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умаляться* (Ин. 3, 29–30).

[3] *...кто унижает себя, тот возвысится* (Мф. 23. 12).

№ 43

Евангелие заповедует любовь к врагам; святые Отцы похваляют любовь, равную ко всем. — Неужели любовь к ближнему должна быть чужда всякого различия?

Вот о чем думаю теперь беседовать с Вами. Хотелось бы мне сказать Вам об этом предмете слово не мое, а Божие: да дарует мне это слово милосердый Бог.

Понимаю только ту любовь, которая действует по священным велениям Евангелия, при его свете, которая сама — свет. Другой любви не понимаю, не признаю, не принимаю. Любовь, превозносимая миром, признаваемая человеками их собственностию, запечатленная падением, недостойна именоваться любовию: она — искажение любви. Потому-то она так враждебна любви святой, истинной.

Истинная, святая любовь к Богу и ближнему отчетливо изображена в евангельских заповедях; правильное, непорочное действие ее является в исполнении евангельских заповедей. *Кто любит меня*, — сказал Господь, — *заповеди Моя соблюдет*[1]. В такой любви не может быть ни мечтательности, ни плотского разгорячения, потому что исполнение Христовых заповедей совершается новоначальными с насилием над собою, с таким насилием, что оно названо распятием, а преуспевшими и ощутившими благодатное осенение — с обильным ощущением мира Христова. Мир Христов есть некоторый тонкий духовный хлад: когда он разольется в душе — она пребывает в высоком молчании, в священной мертвости.

Не приидох... — говорит Законоположитель любви святой и истинной, говорит сама Любовь — Бог: *Не приидох воврещи мир на землю, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дщерь на матерь свою, и невестку на свекровь свою: и врази человеку домашнии его* (Мф. 10. 34–36). А все поступки наши по отношению к ближнему, и добрые и злые, Господь будет судить, как бы они были сделаны относительно Его Самого (Мф. 25). Весь закон Господь сосредоточил в двух заповедях: в любви к Богу и в любви к ближнему. *Любовь — союз совершенства*[2], — сказал апостол. Если так, то для чего же меч, для чего вражда и разлучение? Потому что Бог отвергает любовь плотскую, любовь, которую узнал Адам по падении, — принимает только одну духовную любовь, которую явил миру Новый Адам, Господь наш Иисус Христос. Мы должны любить так, как Он любит: любовь падшего ветхого Адама — плод запрещенный в раю Нового Завета. Она-то преисполнена порывов, мечтательности, переменчива, пристрастна, любит создание вне Бога. Устранен Бог всецело из отношений этой любви, призван к участию в ней грех и сатана.

Любовь духовная постоянна, беспристрастна и бесстрастна, вся — в Боге, объемлет всех ближних, всех любит равно, но и с большим различием. *Любите враги ваша*, — говорит Евангелие, — *благословите клянущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам напасть и изгоняющия вы* (Мф. 5. 44). Здесь ясно и определительно изображено, в чем должна состоять любовь к врагам: в прощении нанесенных ими обид, в молитве за них, в благословении их, т.е. в благих словах о них и в благодарении Бога за наносимые ими напасти, в благотворении им соответственно силам и духовному преуспеянию, в благотворении, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врага. Пример такой любви к врагам явил Спаситель.

Но то же самое Евангелие повелевает быть осторожным с врагами своими, не вверяться им. *Се Аз посылаю вы*, — сказал Господь ученикам Своим, — *яко овцы посреде волков. Будьте убо мудри яко змия и цели яко голубие. Внемлите же и от человек: предадят бо вы на сонмы, и на соборищах их биют вас... Будете ненавидимыми всеми имене Моего ради*[3]. И так самим Евангелием предписана осторожность в отношении ко врагам и по возможности мудрое с ними обхождение. Вражду производит дух мира: часто она заступает место плотской любви. Но и самая плотская любовь очень похожа на вражду. Один потомок ветхого Адама способен к плотской любви и ко вражде: чем живее в нем ветхость, тем сильнее действуют недуги, которыми падение поразило любовь, вражда, зависть, ревность, плотская любовь. Раб Христов не может быть врагом чьим-либо.

Вы видите — Евангелие предписывает нам любовь ко врагам не слепую, не безрассудную, но освященную духовным рассуждением. Любовь — свет, слепая любовь — не любовь. Подобное этому должно сказать и о любви к друзьям. Евангелие повелевает, чтобы любовь эта была о Христе, чтоб Христос был любим в ближнем, а ближний был любим, как создание Божие. По причине этой любви в Боге и ради Бога, святые угодники Божии имели и равную любовь ко всем, и любили особенно тех, которые проводили жизнь благочестивую, как сказал святый Давид: *мне же зело честни быша друзи Твои Господи*[4]. Наставляемые чувствовали более расположения к тем наставникам, в которых усматривали особое обилие духовного разума и других духовных дарований, душеназидательных и душеспасительных.

Наставники любили более тех духовных чад своих, в которых усматривали особую тщаливость к добродетели и особенное действие благоволения Божия. Такая любовь, отдающая должную цену людям по степени их благочестия, вместе с этим равна ко всем, потому что она во Христе и любит во всех Христа. Иной сосуд вмещает это духовное сокровище больше, другой меньше. Сокровище — одно!

Где Христос, там нет зависти и рвения. *Любы не мыслит зла!* — там спокойствие, там мысли благие, там постоянство, там святой мир. Любовь, сопровождаемая рвением, — земная, плотская, нечистая. Очи у святой любви — как у орла, как у пламенного Херувима: от них не может скрыться и малейшее греховное движение. Но сама любовь неприступна для греха, всегда пресмыкающегося на земле; она живет на небе, — туда переносит на жительство ум и сердце, соделавшиеся причастниками Божественной любви.

[1] Ин. 14. 15.
[2] Кол. 3. 14.
[3] *Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас... и будете ненавидимы всеми за имя Мое* (Мф. 10. 16–17, 22).
[4] *А мне весьма почтенны друзья твои, Боже* (Пс. 138. 17).

№ 44

Один род служения ближнему, которое мне нравится, мне по душе, — служение словом богоугодным и полезным, руководствующим во спасение. Поэтому вожделенны мне пустыня и уединение. При помощи их желалось бы мне очистить мои ум и сердце, очистить их так, чтоб они соделались живыми скрижалями живого Божия Слова, чтоб оно изобразилось на них ясно, светло, чтоб из живого Божия слова истекало обильное спасение, проливалось в душу мою и в души возлюбленных моих о Господе.

Величайшее, единственное благо для человека — познание Бога. Прочие блага в сравнении с этим благом недостойны называться благами. Оно — верный залог вечного блаженства — и в самом земном странствовании нашем оно доставляет высшие и обильнейшие утешения. В величайших бедствиях и скорбях, когда уже все прочие утешения делаются недостаточными, бессильными, — оно сохраняет всю свою силу. Оно — величайший дар Божий. Блаженнейшее, высшее служение на земле — при-

влекать в себя этот дар Божий покаянием и исполнением евангельских заповедей, сообщать его ближним. Счастлив тот, кому вверено такое служение, как бы он ни был ничтожен по наружности. С этим служением несовместимы попечения земные. Оно требует, чтоб служитель был прост и невинен, как младенцы, — был так чужд сочувствия ко всему вожделенному и сладостному миру, как чужды его младенцы. Надо потерять самое понятие о зле, как бы его вовсе не было, иначе понятие о добре не может быть полным, чистым, совершенным. *Любы*, которая *соуз совершенства, не мыслит зла*, — сказал Апостол. Чистые сердцем видят всех чистыми. Надо столько преуспеть в добре, чтоб тотчас, сердечным духовным ощущением познавать приближающееся зло, как бы оно прикрыто и замаскировано ни было, немедленно, с мужественною решительностию отвергать его — и пребывать неизменно благим, благим о всеблагом Господе, дарующем свою благость человеку. Для этого нужно оставить земные попечения и самые обязанности, сопряженные с попечениями и пагубным развлечением.

Ныне во многом люди дерзнули в установления Святаго Духа ввести свои установления. По этой причине сделались установления небесные земными, духовные плотскими, святые греховными, мудрые нелепыми. Видят несообразность, видят текущее из нее разрушение; но не видят начала, из которого текут бедствия: потому что смотрят при свете собственного падшего разума, а не при свете Божием. Начало бедствий заключается в непозволительном и гордом презрении велений Святаго Духа, в заменении их своими уставами. Вот где причина всеобщего расстройства, причина падения христианства, падения нравственного, всегда предшествующего расстройству гражданскому, предвещающего это расстройство. Есть в частности христиане, но утрачено общее одинаковое знание Истины, которым бы все соединялись в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одною общею главою — Христом. Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, свою религию, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемые правильными или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляет духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, не зная, куда идет она; никто ее не останавливает, никто о ней не заботится; люди уже более не слышат — так отяжелел слух их — спасительного гласа

истинного Пастыря, раздающегося из Его Святой Церкви, который еще громко обличает их неправду, возвещает им о пути правом, указывает его. Оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспеяния. *Прилпе земли душа их*[1], неспособна к восприятию впечатлений духовных.

Но некоторые избранники доселе слышат голос истинного Пастыря, Господа нашего Иисуса Христа. На этот голос идут они, пробиваясь с величайшим усилием и трудом сквозь густую толпу, несвязно шумящую, их окружающую. Доселе эти избранники отдают справедливость на земле небесной правде. Очень мало число их! но Господь ободряет их: *Не бойся*, — говорит Он, — *малое стадо, яко благоизволи Отец вам дати Царство*[2].

Какой признак этих овец, по которому тотчас можно было узнать их? Этот признак — точное послушание святой Церкви, верность святой Истине и Святому Духу. Водимые истинным смирением, они отрекаются от разумений своего падшего естественного разума и от всех разумений человеческих, как бы они по наружности ни казались возвышенными и привлекательными. Чтоб сохранить верность Богу, они не стыдятся, что мир называет их безумными. Не только терпят они великодушно гонения от мира, но и сами себя подвергают различным лишениям и тем сохраняют в себе «мертвость Иисусову и живот Его». Это значит: «погублять душу свою в веке сем, чтоб приобрести ее для вечности чрез оживление Духом».

Пребудем в верности Святому Духу. Он Пресвят и Пречист, — почивает в одних чистых и святых, любит смиренных, доказывающих свое смирение не чем-нибудь наружным, но повиновением ума Евангелию и Церкви. Он отвращается от своеразумных, отделяющихся от единства Церкви для какой-нибудь мысли, льстящей уму и сердцу. Он удаляется от них — и приступает к ним темный дух прелести. «Одна мысль ложная, — сказал некоторый святой Отец, — может низвести в ад».

Легче думают омраченные сыны мира сего о мыслях о Боге; по их мнению, мыслить о Боге так или иначе — не большая беда. Несчастные! они не знают, как важны мысли о Боге, как важна в них Истина и ей всегда соприсутствующий и содействующий Дух. От взаимного их действия — оживление человека во спасение, которое состоит в причастии естества человеческого Божественному естеству. Напротив того, мыслям ложным всегда соприсутствует и содействует темный и лука-

вый дух обольщения. *Отец лжи — диавол*[3] — так говорит Евангелие; ложь — диавольское свойство. Усвоивший себе мысли ложные усвоил себе свойства диавола, вступил в сродство с отверженными ангелами, сделал для себя соединение с Богом несродным, неестественным. Чуждый Бога — чужд спасения и жизни духовной.

Будем сохранять себя от мыслей ложных и истекающих от них сердечных ощущений. Из таковых ложных мыслей и ощущений составляется так называемая «прелесть», или самообольщение, имеющие бесчисленные разнообразные виды, по степени, по роду принятых человеком ложных мыслей и ощущений за истинные. Стяжем истинное познание о Боге, чуждое заблуждений и умствований; оно сияет из Священного Писания и писаний святых Отцов, как свет из солнца, ярко блестящего в час полуденный с лазуревого безоблачного неба.

[1] Пс. 118. 25.
[2] Лк. 12. 32.
[3] Ин. 8. 44.

№ 45

На всех нас, человеков, взирает всесовершенный Бог. Пред Его бесконечным добром исчезает добро человеческое, которое так несовершенно, что, по весьма справедливому приговору некоторого святого Отца, его скорее можно назвать искажением Закона Божия. И самый добродетельнейший Авраам имеет похвалу за добродетели свои пред человеками, но не пред Богом. Пред Богом вменена ему в добродетель вера в восполняющего недостатки человеческие — Бога. Тогда только приемлет Бог добродетели наши, когда они — свидетели веры; сами же по себе они недостойны Бога. *Вся правда наша*, — сказал святой пророк Исаия, — *яко порт жены блудницы*[1]. По этой причине Бог, взирая на сердца наши, благоволит о одних сердцах смиренных, исполненных сознания своей греховности, исполненных покаяния, исповедующих ничтожество своего добра естественного, повреждение его падением, приносящих ему желание добра духовного. Может человек совершать душевные добродетели собственными силами; а добродетели духовные в человеке — дар в нем милосердого Бога, подающего этот дар нищим духом, алчущим и жаждущим правды Христовой.

Блаженны вы, познавшие различие между добродетелями духовными и душевными, между добродетелями, свойственными

одному Новому Адаму, и добродетелями, к которым способен ветхий Адам, между добродетелями евангельскими и добродетелями нашего падшего естества, добродетелями, которых не чужды идолопоклонники, магометане и все прочие люди, уклонившиеся от последования святой Истине. Вы говорите, что желание добра духовного в Вас еще шатко? — В ком оно не шатко? — с какою легкостию сердце изменяет добру! какою забывчивостью, ослеплением, какими увлечениями и падениями сопровождаются эти изменения! какой нужен труд, какая нужна борьба с самим собою, чтоб возвратиться к добру! и снова нужен труд, и снова нужна упорная кровавая борьба, чтоб устоять в верности к добру! Древний искуситель, опытный искуситель непрестанно предлагает вкушение плода запрещенного. Для победы над злом нам необходима помощь Божия. Когда содействует нам эта всесильная помощь — мы побеждаем; когда она удаляется от нас — мы побеждаемся. *В обилии моем,* — сказал святый Давид, — *не подвижуся во век; отвратил еси лице Твое, — и бых смущен*[2]. При побеждении нашем мы столько чувствуем немощь нашу, что состояние победителей для нас кажется несродным, невозможным; при победах, если б не уверяли нас прежние опыты, мы не поверили бы, что так близко к нам побеждение, — и таким ничтожным, отвратительным врагом, как грех. Премудрый Промысл устроил так, чтоб подвижники Божии не всегда находились в состоянии радости, торжества и победы. Таковое непрестанное состояние могло бы породить в них лютую гордость: не видя никогда на опыте побеждения своего и немощи, они возмнили бы, что состояние непрестанного торжества над грехом принадлежит им самим, а не дар Божий. Потому-то Бог растворил для них, как говорит преподобный Исаак Сирский, «утешение и нашествия, свет и тьму, брани и заступления, короче сказать, утеснение и пространство. И это признак, что человек преуспевает при помощи Божией» (Слово 78). От такого растворения побед и побеждений, от переходов от одних к другим, человек более и более познает свою немощь — постепенно возвеличивается пред ним Бог, и наконец соделывается для него *всё*, предметом всей любви его, надежды и веры. Этот путь, которым ведет человека Сам Бог, при котором человек содержится в непрестанном сокрушении духа, в нищете духовной, в зрении своих согрешений, в плаче о них, называется путем покаяния. По нему пошли все святые от греха к Богу. Этот путь освещен учением Святаго Духа, сияющим из Священного Писания и писаний Отеческих.

На пути покаяния Вы не найдете довольства собою. Смотря в себя, вы не найдете ничего льстящего Вашему самомнению: напротив того, Вы найдете многое достойное сетования и воздыханий, достойное горьких и продолжительных слез. Вас будут утешать Ваш плач и Ваши слезы; утешением Вашим будет легость и свобода совести: их принесут, постепенно будут усиливать и развивать Ваш плач, Ваши воздыхания, Ваши слезы. Одни смиренные, одни нищие духом найдут покой свой и временный, и вечный. Таков жребий и удел, отделенный Богом для тех, которых Он избрал в духовное, истинное служение Себе. В продолжение земной жизни они должны пребывать в покаянии, чуждыми наслаждений и увеселений тленных — и этим непрестанным покаянием в покаянии отличаются избранники Божии от сынов мира. Только при посредстве покаяния можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. Говорит святой Исаак Сирийский: «Если мы все грешны и ни один из нас не возвысился превыше всякого искушения, то ни одна из добродетелей не может быть превыше покаяния (то есть все добродетели, и самые высшие, должны быть растворены покаянием). Подвиг покаяния никогда не может быть оконченным: он приличествует всегда и всем грешникам и праведникам, хотящим получить спасение. Нет того предела, который бы обозначал совершенное исполнение его, потому что совершенство и самых совершенных есть поистине несовершенно. Почему покаяние не может быть определено ни временем, ни количеством подвигов даже до смерти» (Слово 71).

В другом слове этот великий наставник говорит: «Покаяние есть дверь милости Божией для тех, которые тщательно упражняются в нем. Этою дверию мы входим к Божественной милости: к этой милости не войти нам иначе, как только этою дверию» (Слово 85). Тщетны, бесплодны, часто душевредны подвиги, и самые возвышенные, когда они не растворены чувством покаяния. Покаяние чуждо самообольщения, неприступно для него. В том, что Бог открыл Вам путь покаяния, видна особенная милость Божия к Вам, особенный Промысл Божий о Вас. Отделитесь от земли умом и сердцем! Начните по открывшемуся перед Вами пути шествие Ваше к Богу. По мановению Божию все обстоятельства, даже по наружности противные, будут помогать Вам. *В терпении вашем стяжите душу вашу*, взирая с великодушным снисхождением на ее немощи, на ее невольные увлечения. Требование от себя неизменяемости и непогрешитель-

ности — требование несбыточное в этом преходящем веке! Неизменяемость и непогрешительность свойственны человеку в будущем веке; а здесь мы должны великодушно переносить немощи ближних и немощи свои. Избегайте по возможности всех согрешений; а неизбежимые Ваши немощи, в которые невольно впадает мысль и сердце, терпите мужественно. Стяжите по причине немощей Ваших глубокое и постоянное чувство нищеты духовной, столько благоприятное Богу, — не уныние и малодушие! И совершайте путь земной жизни, ходя пред Господом в сокрушении духа.

[1] См.: Ис. 64. 6.
[2] Пс. 29. 7, 8.

№ 46

Ничто тленное, преходящее не может удовлетворить человека. Если оно кажется удовлетворяющим, — не верьте ему: оно только льстит. Не долго будет льстить: обманет, ускользнет, исчезнет — оставит человека во всех ужасах нищеты и бедствия. Божие — положительно, вечно. В начале оно, подобно малейшему зерну, появляется в сердце в виде малейшего благого влечения, желания; потом начнет возрастать мало-помалу, обымет все мысли, все чувствования, обымет и душу и тело; сделается подобным древу, великому и ветвистому. Птицы небесные, то есть ангельские помышления и созерцания, придут витать на ветвях его. Это должно совершиться над христианином во время земной его жизни. Над кем оно совершится, тот, при вступлении в вечность, увидит себя гобзующим духовными сокровищами — залогами нескончающегося блаженства. Такое состояние — уже здесь на земле вечное блаженство, прежде явного вступления в вечность смертию тела. Такая жизнь — уже отселе вечная жизнь.

№ 47

Святая вера, над которою смеялись и смеются рационалисты, называя ее слепою, столько тонка и возвышенна, что может быть постигнута и преподана только одним духовным разумом. Разум мира противен ей, отвергает ее. Когда же по какой-нибудь материальной необходимости найдет ее нужною или терпимою, тогда понимает ее ложно и объясняет ее ложно: потому что слепота, приписываемая им вере, есть его неотъемлемая принад-

лежность. Тогда только вера свята и истинна, когда она — вера в святую Истину, когда она — вера, принесенная на землю вочеловечившеюся Божескою Истиною, Господом нашим Иисусом Христом. Всякая другая вера, кроме веры в святую Истину, есть суеверие. Плоды суеверия — погибель. Такая вера осуждена Богом: ею веруют идолопоклонники в своих кумиров, мусульмане в лжепророка Магомета и коран, еретики в свои богохульные догматы и в своих ересиархов, рационалисты в падший разум человеческий. Ею будут веровать в антихриста его последователи.

II

Другие письма

№ 1

Ваше Превосходительство

Вследствие [нрзб.] письма Вашего, все будет с должною точностию исполнено. Надежда на Господа, преданность Его Святой воле да утешат Вас в настоящей Вашей печали!

Все мы кратковременные гости в здешнем мире: отечество наше есть небо. Тот с благодерзновением вселяется в сие отечество, кто во время гощения своего на земли от всего сердца веровал в Спасителя, поступки свои соображал с Божественным Законом, был радостию и подпорою семейства, полезным членом гражданского общества.

Моля Господа, чтобы Он с горнего престола своего призрел на скорбь Вашу и утешил Ваше сердце Небесным утешением, вчинив покойного сына Вашего в сонм праведных, в наслаждение непрестающее и не пресекаемое никакою горестию, честь имею быть с совершенным высокопочитанием

30-го Маия 1835 года

№ 2

Бог, пославший Вам скорбь, да дарует и силы к мужественному, великодушному перенесению скорби. Блаженны те, которые уходят непорочными из этого мира, наполненного греховными соблазнами. А соблазны непрестанно возрастают, умножаются в мире, делают спасение более и более затруднительным. Святая церковь препровождает почивших младенцев из этого мира

в мир вечный не с плачевными песнями, а с песнями радостными. Она признает их блаженство верным: молитвы ея при погребении младенцев не говорят о неизвестной судьбе человека после смерти, как говорят о ней умилительно и плачевно при погребении возрастных. Эти молитвы и испрашивают у Бога почившему младенцу упокоение (потому что никакая чистота человеческая, сама по себе, не может быть достойною небесного блаженства: оно дар Божий), и признают, что упокоение дано, — почившего младенца уже называют блаженным. Младенцы в кратковременное пребывание на земле избегают всего, что лишает блаженной вечности, успевают исполнить все, что доставляет блаженную вечность; омываются от прародительского греха и сочетаваются Христу крещением, соединяются с Ним во едино приобщением Его телу и крови и соединенному с ними Божеству Его. Не успев осквернить ни священного омовения, ни блаженнейшего соединения с Богом, они отходят из сего суетного мира, идут естественно туда, куда принадлежат. Мы, возрастные, не имеем этого счастия: белая одежда души, в которую облекаемся крещением, испещряется в течение земной жизни нашей бесчисленными пятнами; соединение с Богом мы расторгаем прелюбодейным соединением с грехом. Возраст зрелый и опыт должны бы были сделать нас совершенными, а мы теряем и те достоинства, которые имели, быв младенцами. Наше душевное состояние делается столько неправильным, ложным, сочиненным, что Евангелие, призывая нас к исправлению, называет это исправление обращением, как бы из язычества или магометанства. Оно повелевает нам обратиться и придти в то состояние, в котором были детьми. *Аминь глаголю вам*, свидетельствует оно: *аще не обратитися и будете яко дети, не внидете в Царствие Небесное*[1].

Эти мысли могут утешить Вас, матерь, рыдающую о отшедшем отсюда в вечность блаженном младенце дщери Вашей. Покорите ум и сердце Ваше воле Божией премудрой и всеблагой: в этой преданности Вы найдете успокоение и отраду для души Вашей. Бог взял возлюбленное дитя Ваше на небо, и вместе с ним взял туда Ваш ум и сердце. Там — хорошо.

Никто в нас, — сказал Апостол, — *себе живет, и никто же себе умирает. Аще бо живем, Господеви живем: аще же умираем, Господеви умираем. Аще убо живем, аще умираем Господни есмы* (Рим. 14. 7–8). Оставшись жить на земли, живи не для себя, а для Господа: живет для Господа тот, кто живет

для исполнения Его воли; живет для себя тот, кто живет для исполнения своих пожеланий. Последний хотя и кажется для смотрящих одними чувственными глазами живым, но душею он мертв, вменяется как бы не существующим для Господа, не вписан в книгу живота, имя его внесено в другие книги, Господь для него как бы несуществующий. Нет Бога для того, кто не верует живою верою в Бога (Еф. 2. 12)! Первый не умирает: телесною смертию он только переходит в большее развитие жизни. Блюди! чтоб не ожить для себя! жизнию о Господе умерщвляй жизнь свою, греховную, плотскую и душевную, и тем сохраняй себя в живот вечный.

[1] Мф. 18. 3.

№ 3[1]

Блюдите како опасно ходите, яко дние лукави суть, — сказал Апостол. Если в его время нужно было это наставление спасающимся, тем нужнее оно в наше время. Точно! Нужны нам большая осторожность, большая осмотрительность, большее благоразумие: примеры святости, средства к достижению святости уменьшились, — примеры соблазнительные, средства расстроить себя грехом умножились. Беда и в пустынях, беда и в городах! Но есть еще спасающиеся и спастись еще возможно по неизреченной милости Божией.

Руководствуясь советом Евангелия (Лк. 14. 28), сочти силы свои, и душевные и телесные, соответственно им избери себе место жительства.

Тот же Бог, который спасает в пустыне, спасает и в городе. Тот же грех, который губит в городе, губит и в пустыне. Почему городской ли, пустынный ли монастырь изберешь в место жительства соответственно своим силам, помни Бога, держись близ Его, удаляйся от греха, от всех поводов к греху, — и Бог будет с тобою. Займись чтением святых отцов Восточной Церкви: они научат тебя непогрешительно идти путем иноческой жизни. Удаляйся от излишних знакомств вне и внутри монастыря и от всего, что приводит в развлечение: развлечение, подобно инею, уничтожает все младые прозябения иноческих добродетелей. Развлечение — начало всех зол для инока: так назвали его Святые Отцы. Ограничься знакомством, необходимым для твоих нужд, душевных и телесных. Не утомляй себя напрасно исканием наставников: наше время, богатое лжеучителями, крайне скудно

в наставлениях духовных. Их заменяют для подвижника писания отеческие. Таковы: Лествица, сочинения Ефрема Сирского и Аввы Дорофея, письма Великого Варсонофия, Патерик Скитский, Добротолюбие и другие. Образуй себя чтением их и молитвою в сокрушении духа. Постарайся найти хорошего, добросовестного духовника. Если найдешь его, — и тем будь доволен, ныне добросовестные духовники — великая редкость.

Многие возлагают тяжкие бремена на рамена ближних, но мало таких, которые научили и помогли носить бремена. — Остерегись от сети диавола, который внушает неприметно человеку приняться за жительство и подвиги, превышающие силы его: диавол делает это с тем умыслом, чтоб истощить преждевременно силы человека и сделать его неспособным ни к какому душеполезному занятию.

Христос с тобою. Поручаю себя твоим святым молитвам.

1848 года августа 18-го дня

[1] ОР РНБ. Ф. 1927. Д. 288. С. 275–276.

№ 4

Без Божией помощи и благодати никто из человеков не силен противостать борениям невидимым, возникающим в его сердце и производящим душевную бурю. Молитва и чтение слова Божия помогают в бурях душевных, но и при этом пособии не скоро человек справится с самим собою, не скоро взойдет в пристанище нерушимого спокойствия, потому не скоро мысли и ощущения божественные усвоиваются падшему естеству нашему, не скоро вера делается живою, как бы очами видящею Бога. От живой веры в Бога рождается полная покорность Богу, мир помыслов и спокойствие сердца.

Вам надо привить к Вашему сердцу веру в Бога, покорность Богу; вкусив их, Вы вкусите вместе с ними духовное утешение в скорби и спокойствие. Борьба с помыслами, приносящими скорбь, как бы эти помыслы ни были многосложны, запутанны и умны, должна быть очень проста, как проста и вся вера христианская, по простоте своей доступная каждому человеку, а по силе своей удовлетворяющая каждого человека. Боритесь против помыслов и ощущений печали краткими словами: «Господи! буди воля Твоя! Благословен и свят Бог во всех делах Своих!» Произносите эти слова умом, а когда Вы одни, произносите несколько вслух; произносите не торопясь, с большим

вниманием и благоговением; повторяйте эти краткие слова до тех пор, пока не затихнут помыслы и ощущения печали. Когда они снова подымутся, и Вы снова употребляйте против них то же самое оружие. Опытом узнайте силу этого оружия, по наружности своей, с первого взгляду, столько незначительного. А из состояния борьбы невозможно иначе выдти в состояние спокойствия, как победою. Подчиняться печали чрезвычайно опасно: когда она усилится в человеке, возобладает им, может убить и тело и душу. Не торопитесь умереть: и самая долговременная жизнь в сравнении с вечностию — мгновение. Отдайте себя в срок Вашего земного странствования в волю Божию; а Вы употребите этот срок для того, чтоб приготовить себя как можно лучше к вечности, чтоб сделать как можно больше добра Вашему Родителю. Не удивляйтесь тому, что Вы слабы в духовном подвиге: причина этой слабости Ваша новость. Время обогатит Вас и опытами и силою. С участием смотрю на Ваше душевное состояние: Вы переплавляетесь в лютой скорби, как в огне. Претерпите тягость этого состояния, по прошествии его Вы ощутите себя перерожденною, увидите себя обогащенною духовными сокровищами, о существовании которых не имеют понятия люди, которых земная жизнь была усыпана однеми удовольствиями. Тогда Вы узнаете, что благ Господь и в самых скорбях, Им посылаемых, потому что временные скорби приводят к вечным благам тех, которые принимают эти скорби как должно.

№ 5

Приношу Вам усерднейшее поздравление с днем Вашего Ангела! С этим поздравлением соединяю сердечное желание, чтобы святой Ангел хранитель Ваш сохранил земную жизнь Вашу в мире и благополучии, руководя Вас по этому пути к блаженной вечности. Точно земная жизнь наша — путь. Только измеряется путь этот не расстоянием, а временем. Как на обыкновенном пути переменяются предметы, беспрестанно заменяются одни другими, так на пути земной жизни сменяют друг друга события. И неизвестно человеку, какое событие ожидает его в каждый наступающий новый день.

Бог, попускающий скорби человеку, среди их же посылает и утешение. Я уверен, что это утешение приносит Вашему сердцу от престола Божия святый Ангел хранитель Ваш, потому что истинное утешение от Бога уничтожает печаль сердечную в ее корне, в мрачных помыслах безнадежия. Он приносит челове-

ку благие и смиренные помыслы покорности Богу, помыслы, полные живой веры и кроткой сладостной надежды. Пред взорами ума открывается неизмеримая вечность, а жизнь земная начинает казаться кратким странствованием, ее счастье и несчастье начинают казаться маловажными и ничтожными, потому что все неровности земной жизни сглаживаются, уравниваются созерцанием вечности.

№ 6

«Благодарение милосердому Богу, — сказал некоторый святой отец, — когда слова одного человека принесут пользу другому человеку; они оба должны благодарить Бога». Благодарю Бога, избравшего меня в орудие для утешения и питания души Вашей. Вашим письмом Вы меня очень одобрили: я надеялся видеть в Вас дальнейшие успехи на пути духовном, ведущем ко всему доброму. Не страшитесь того мрака, той пустыни, в которую Вы взошли теперь умом и сердцем: между Египтом и обетованною землею — мрак и пустыня. И скоро увидит землю обетованную, скоро насладится ее благами верный и мужественный Израильтянин. Под именем Египта разумеется жизнь мирская, исполненная суетными попечениями и развлечениями; под именем земли обетованной — жизнь духовная, наполненная Божественными утешениями; пространство, составляющее переход от одной жизни к другой, — пустыня. Верный израильтянин — человек, решившийся принести жизнь свою в служение Богу. Жалею о В.: мало-помалу его распечатывают и прочитывают. Такова судьба всех, носящих маски: нельзя же постоянно быть в маске! По временам маска снимается или спадает, взорам является обнаженное лицо души — и горе, если оно безобразно и только обманывало красотою маски. При сем прилагаю статью «Слава Богу». «Чаша» еще не напечатана окончательно.

№ 7

Спешу представить Вам слабый опыт правила, который я назвал «*Чин внимающего себе посреди мира*».

Внушилось мне сделать его по возможности общим, для того, чтобы он Вас нисколько не стеснял. Тем более показалось мне это удобным, что я Вам передал лично, как читать, по обычаю внимательных, утренние и вечерние молитвы и акафист Сладчайшему Иисусу, то есть неспешно, очень неспеш-

но, даже протяжно, не стремясь к тому, чтобы прочитать за один раз весь акафист или же собрание вечерних и утренних молитв, но заботясь о том, чтоб читаемый Вами известный отдел этих молитвословий был прочитан со вниманием, как во уши Господа Бога, а не на воздух. Руководство для деятельной жизни — Евангельские заповеди. Руководствуйтесь ими во дворце Вашем, как руководствовался ими святый Давид в дворце своем. Этот царь говорил молитвенно Богу о заповедях Его: *Свет стезям моим закон Твой; ко всем заповедем Твоим направлялся, всяк путь неправды возненавидех; путь неправды отстави от мене и законом Твоим помилуй мя; возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия; живи мя в заповедех Твоих* (Пс. 118).

Величайшие святые Отцы повелевают, чтоб правило для христианина было как можно проще и малосложнее. Великий Варсонофий говорит, что врата в царство Небесное узки и что не надо давать широкого правила для вшествия в них; широкое правило даже может помешать вшествию в них, потому что, гонясь за мелочами, мы можем упустить важнейшее.

№ 8

В ответ на письмо Ваше скажу Вам слово Божие, которое должно Вас укрепить и утешить в постигших Вас скорбях. *Аз их же люблю*, — говорит Господь, — *обличаю и наказую*. Все приблизившиеся и усвоившиеся Господу достигли этого многими скорбями, по свидетельству Священного Писания. Апостол Павел проповедовал в числе догматов, что «многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие». Напротив того, те, которые чужды скорбей, признаются забытыми Богом. Итак, не унывайте в скорбях Ваших, но благодарите за них Бога, как за великое благодеяние, и полагайтесь на Его святую волю и на Его святой Промысл. Да почитывайте Евангелие, чтоб Вам научиться из него, что не несущий креста своего не может быть учеником Христовым! Что бы было с Вами, если б Бог не обучал Вас скорбями? Вы пожертвовали бы и всем временем Вашим, и всеми способностями Вашими суете и вступили бы в вечность недостойною никакой награды; напротив того, достойною полного наказания за пренебрежение Христом Спасителем мира, Сыном Божиим, принесшим себя в жертву за Вас с тем, чтоб Вы принесли себя, для собственного Вашего блага, в духовную жертву Ему. Недостаточно быть добрым по естеству, надо быть добрым

по Евангелию. Естественное добро часто противоречит добру евангельскому, потому что наше естество находится не в первобытной чистоте, дарованной ему при создании, но в состоянии падения, при котором добро перемешано в нас со злом. И потому это добро, если не выправится и не вычистится Евангелием, само по себе непотребно и недостойно Бога! Христос с Вами! Он да укрепит и душу Вашу и тело! Он да устроит во благо и временные и вечные отношения Ваши.

№ 9

Необходима преданность воле Божией в самых попущениях Божиих. Очевидно, что христианство — этот таинственный духовный дар Божий человекам — удаляется неприметным образом (для невнимающих своему спасению) из общества человеческого, пренебрегшего этим даром. Надо увидеть это, чтоб не быть обманутым актерами и актерством благочестия; увидев, надо отвратить взоры от грустного зрелища, чтоб не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении, так как милость Божия еще дарует возможность спастись тем, которые произволяют спастись.

26 марта 1864 года

№ 10

На письмо Ваше нельзя не отвечать. Бог отверз сердце Ваше к писаниям о покаянии. Все Святые Православной Церкви в течение всей жизни своей неотступно держались покаяния, держались его и тогда, когда благодать Божия действовала на них явно. Ныне при занятии религиею более ищут или холодного познания по букве, или обольстительного наслаждения. То и другое принадлежит миру сему, а не Христу.

За послушание молюсь о Вас и о чадах Ваших. Милосердный Господь да восстановит здравие супруги Вашей. По истинной любви христианской, которая ищет не угождать, а доставлять существенную пользу ближнему, постарайтесь внушить супруге Вашей во спасение ее, что у западных верований остались лишь буква и самообольщение, а в Православной Церкви, несмотря на наше крайнее изнеможение, действуют еще Истина и Святый Дух в сосудах, приспособленных к тому правильным, по возможности человеческой, жительством христианским. Необходимо вступить в общение с Духом Божиим

посредством Истины; необходимо сделать это во время земной жизни: без этого нет спасения. За искренность слова Вашего примите, как священное возмездие, искренность моего слова, — и да благословит Вас Бог!

Апостол завещает мужу верному заботиться о доставлении бесценного сокровища истинной веры жене (1 Кор. 7. 12–16), когда она не имеет его. О, какое счастие доставить ближнему блаженство в вечности!

Е<пископ> И<гнатий>.
12 апреля 1864 года

№ 11

Искренне желаю, чтоб вы уподобились благочестивым сестрам, Марфе и Марии, упоминаемым в Евангелии, которые сподобились принять Господа в дом свой и благоугодить Ему вниманием слову Его и усердным служением Ему. Господь сказал: *Где два или три собраны о имени Моем*, т. е. живут вместе с целию истинно христианскою, *ту есмь посреде их*. Да совершится это над вами! Призывающий на вас благословение Божие ваш покорнейший слуга.

Е<пископ> И<гнатий>.
1 июля 1864 года

№ 12

Воля Божия да совершается над нами! Недавно занимался я книгою, в которой собраны сочинения различных Святых, между прочим, Антония Великого. В числе других изречений Отца помещено, что он видел нисшествие Святаго Духа на авву Афанасия и на авву Пахомия, при этом первому дано дарование патриаршества, а второму — настоятельства над общежительными монастырями. Также в Евангелии сказано, что Господь заповедал Апостолам пребывать неисходно в Иерусалиме, доколе они не облекутся силою Свыше, т. е. доколе не низойдет на них Святый Дух. Уже облеченные силою Свыше, не прежде, они вышли на проповедь и насеяли во вселенной истинное Богопознание. Святый Дух был учредителем и воспитателем христианства! Святый Дух основал Церковь! Святый Дух поддерживал Церковь чрез посредство избранных мужей, служивших Духу только орудиями! Человеки отвергли эту сверхъестественную Силу, Которую они сочли юродством, недостойным их,

и хотят действовать силами и средствами своего падшего естества. Но падшее естество заражено враждою к Богу: как же оно может действовать в пользу дела Божия? Это — противоестественно ему! Это невозможно для него! Решительная невозможность доказывается опытом в самом обширном размере. Оказалось, что люди, вздумавшие действовать из себя в пользу дела Божия, сделались главными врагами этого дела, разрушителями его. Жить проще — вернее. Стараться исполнить волю Божию и положиться во всем на Бога — самое лучшее дело.

Е<пископ> И<гнатий>.
14 ноября 1864 года

№ 13

5 февраля день моего рождения. В этот день сделан мне подарок, неизъяснимо приятный. В этот день напечатана в «Московском Вестнике» статья, в которой в основную мысль поставлено, что ложь имеет только минутные торжества, что ложью ничего нельзя взять прочно, что она не усиливает, а ослабляет и роняет дело, которому служит. Это великая, величайшей важности истина! Ее надо начертать золотыми буквами! Ее надо знать и знать всякому, кто хочет правильно управлять собою, в особенности кто хочет правильно управлять людьми и общественными делами. Что ж оказывается? В «Аскетических Опытах» эта мысль развивается во всей ясности и подробности: она высказывается в статье «Разговор об Иисусовой Молитве» (стр. 121), в начале статьи о монастыре (стр. 437) и во многих других местах. Отчего случается иногда, что люди становятся в фальшивое положение и действуют во вред себе и всем? От принятия и усвоения ложных мыслей и понятий, от действия из области человекоубийственной лжи. Вся история человечества доказывает это поразительнейшими фактами. О, когда бы у нас в России развилось величественное и благотворное для временного и вечного быта человеков правильное понятие о святой Истине! когда бы вся деятельность и частная и общественная потекли из этого Божественного источника!

Ложь не усиливает, а роняет дело, которому она служит! Как верно! Особливо это верно выказывается в делах религии. Между прочим, доказательствами этому служит недавно вышедшая в Москве книжка 26 московских лжепророков. Книжка публикована в журнале «Странник», и в книжке наведена тень

на святость лица не названного, но мною угадываемого. Ход дел таков, что обличение в больших размерах неминуемо.

13 февраля 1865 года

№ 14

Волки, облеченные в овечью кожу, являются и познаются от дел и плодов своих. Тяжело видеть, кому вверены или кому попались в руки овцы Христовы, кому предоставлено их руководство и спасение. Но это — попущение Божие. Сущие во Иудеи да бежат в горы.

23 мая 1865 года.

№ 15

Земля сама собою производит разные сорные травы (плевелы). Никто не садит их: они растут сами. Причина тому — извращенное свойство земли. Безрассудно желать от земли несвойственного ей, т.е. чтоб земля не производила плевелов. Зная такое свойство земли, земледельцы с тщательностию и терпением выдергивают из земли плевелы по мере, как они показываются; иначе плевелы заглушат собою и уничтожат полезные произрастания. Точно так должно поступать и с проявлением страстей, когда они будут возникать из сердца. — Свойственно нашему падшему сердцу рождать из себя разные греховные пожелания. От этого не должно приходить в уныние: должно врачевать страстные проявления и увлечения покаянием и исправлением себя.

2 апреля 1866 года

№ 16[1]

Неожиданным, приятнейшим утешением было для меня получение строк твоих, Ангел мой!.. Кто научил тебя быть таким милым, добрым Ангелом? — Во второй раз поступаешь со мною, как Ангел. В первый раз поступил так, когда, встретившись на дороге, пришел нарочно взглянуть на меня, познакомиться со мною, во второй раз — ныне. Сердце мое чувствительно, заметливо, памятливо.

Ты два раза записал на нем воспоминания о тебе. Не я предварил тебя приветствием моим; ты предварил это в глазах моих с своей ценою, с полною ценою.

Помни меня, Ангел!.. Помните меня, Ангелы!.. Не умею быть приветливым поверхностно для приличия светского; приветлив

ради Христа. Христос вечен и пресвят: Он хранит любовь, которая ради Его, в святыне, в неизменяемости, в ревности, в мире, в постоянстве.

[1] ОР РНБ. Ф. 1927. Д. 288.

№ 17[1]

Есть подвиг телесный, есть подвиг умственный и душевный. Есть подвиг веры. Подвиг телесный и подвиг умственный одни, сами по себе не только не полезны, — вредны. Тщетно думаем ими противостоять греху: только более и более запутываемся в его сетях, погружаемые в его пропасти. Стяжи подвиг веры! — им сокрушишь всех врагов твоих. Подвиг веры умерщвляет человеческое Я, оживляет Бога для человека, — и живый Бог совершает знамения в земли Египетской, вводит Израиля в землю обетованную, избивает от лица его иноплеменников дождем каменным и громами небесными, созидает стены Иерусалима. Стяжи подвиг веры — и будешь всемогущ, будешь всегда победителем. Тогда захочешь ли употребить в дело подвиг телесный, или подвиг душевный, — увидишь их ожившими, возмогшими о Господе. Если же захочешь обойтись без них — одною челюстию ослею — смирением, — поразишь иноплеменников. Верою возвеличь в себе Бога, и Он возвеличит тебя бесстрастием и духовным разумом.

[1] ОР РНБ. Ф. 1927. Д. 288.

№ 18

В религиозном отношении наше время — очень трудно: разнообразное отступничество от православной веры приняло обширный размер и начало действовать с необыкновенною энергиею и свободою. Это предсказано Словом Божиим и даже у нас совершается давно.

Над судьбами мира и каждого человека неусыпно бдит Промысл всемогущего Бога, — и все совершающееся совершается или по воле, или по попущению Божиим. Нам должно обращать взоры ума на себя и умолять Господа, чтоб Он сохранил нас в верности православной Церкви, открыл нам всесвятую волю Свою и непреткновенный путь к Себе, источнику истинной жизни и спасения. Спасение человеков есть дар Божий человекам, отнюдь не собственное их изобретение и приобретение, и потому оно не может иначе выработаться, как под водитель-

ством Бога — Его милостию и благодатию. Эта милость Божия избавила тебя от видений, оставив при душеполезнейшем, безопасном видении: при видении грехов своих. Милость Божия свидетельствуется успокоением сердца.

Письма святителя Игнатия в ответ соблазняющимся на «Слово о Смерти»

№ 1

Милостивейший Государь Григорий Иванович!

Искренне благодарю Вас за письмо Ваше! Я не утрудил бы Вас ответом моим, если б Вы не упомянули о соблазне некоторых по поводу «Слова о Смерти» и если б мы не имели учения Святых Отцов относительно такого рода соблазна. Учение это признаю долгом моим сообщить Вам. Оно изложено в 54-м Слове святаго Исаака Сирского, признаваемого Церковию одним из первейших наставников христианского аскетизма. «Блаженный Павел, — говорит этот Отец, — написал: *слово крестное погибающим юродство есть* (1 Кор. 1. 18). Что ж из этого? Долженствовало ли Павлу умолкнуть и прекратить проповедь по той причине, что слово крестное вменено было в юродство теми, которые не ощутили силы этого слова? Учение крестное и доныне служит преткновением для иудеев и эллинов. Итак, молчать ли нам об истине, чтоб таковые не соблазнились? Павел не только не умолк, но и воззвал, говоря: *Мне да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. 6. 14). Хваление о кресте поведано Святым не для того, чтоб соблазнить иных, но для того, чтоб была проповедуема великая сила Креста. Сообразно сему и ты, о святый! Совершай жительство твое с тою целию, которую ты положил себе пред Богом, чтоб не осуждала тебя совесть твоя, и жительство твое рассматривай по Божественному Писанию и по Преданию, которое ты приял от Святых Отцов. Если не будешь осуждаем ими (Св. Писанием и Св. Преданием), то не убойся соблазна, которому подвергнутся некоторые. Никто из человеков не возможет удовлетворить равно всех или угодить всем и в то же время угодить Богу и совести своей».

«Слово о Смерти» написано мною в Сергиевой Пустыне вследствие просьбы некоторых знакомых. Не было у меня ни намерения, ни надежды напечатать его. Это могу сказать и о прочих сочинениях моих. Особыми обстоятельствами устроилось

напечатание их, и, как понимаю, не без Промысла Божия. Об этом писали мне некоторые лица, предавшие себя в монастыре и вне монастыря всецело теоретическому и практическому изучению христианства; они выразили мне искреннюю благодарность за изложение учения святой Церкви православной, в котором они существенно нуждались, и по такому предмету, который существенно важен для всякого человека. Даже священник Матвеевский, написавший рецензию в «Страннике», сознается (стран<ица> 28), что «еще ни одна эсхатология, или часть богословия, рассматривающая последние события, касающиеся мира и человека, не входила в такое подробное решение этих вопросов, какое сделано в “Слове о Смерти”». Рецензия сама по себе не имеет ничего предосудительного, напротив того, она была очень полезною, предложив вопросы, которые затрудняли рецензента, и, разумеется, не его одного. Разрешение их должно было принести общую пользу. Было бы желательно, чтоб предложение вопросов в духовном журнале не смахивало на выходки Герцена. У нас богословие постепенно принимает характер более и более определенный, православно-восточный. Это тотчас делается ясным при сличении Богословия, составленного Терновским, с Богословием Преосвященных Антония и Макария. Естественно, что по мере перевода на русский язык Отцов Восточной Церкви предание этой Церкви обозначается отчетливее. Вообще мы еще не довольно знакомы с преданием нашей Церкви и неприметным образом усвоились нам чуждые ей некоторые мнения Запада. По этой причине «Слово о Смерти» сначала было принято многими неблагосклонно, но основательнейшие лица из духовенства на стороне его, а в Академиях, где библиотеки очень удовлетворительны, вероятно, займутся тщательною обработкою этой части Богословия и изложат ее в обычной системе.

Петербург очень удобен для уединенной жизни: это я испытал на себе в светском быту; напротив того, для монашествующих он очень неудобен. Впрочем, где бы кто ни жил, если живет по заповедям Божиим и руководствуется Словом Божиим, то живет в преддверии к вечному блаженству.

Милостивый Господь да дарует это блаженство и мне и Вам и всему Вашему благословенному семейству.

Е<пископ> И<гнатий>.

4 мая 1864 г.

№ 2

Статья «Странника» очень слаба. «Взгляд на учение Западных» очень пополнен мною. Он будет напечатан во втором томе «Аскетических Опытов» и может служить весьма удовлетворительным ответом на статью «Странника». В «Христианском Чтении» (книжка за декабрь) протекшего 1864 года помещена очень важная статья под названием: «Новые издания по расколу И. Нильского». В ней изложены обвинения старообрядцев, имеющих австрийских архиереев, на Великороссийскую Церковь. Эти обвинения, хотя не вполне одобрены с некоторою уклончивостью в общих словах, в сущности не отвергаются. На странице 486 сказано: «При Александре I архиереи сделались масонами и издавали и читали тысячи книг масонских и безбожных; издавали духовные журналы, как то: “Сионский Вестник”, “Угроз Световостоков”, самые еретические книги; даже “Христианское Чтение” каких не содержит в себе ересей...» «Кому в Церкви Российской рассуждать о догматах, о вере? По апостольскому примеру надлежит рассуждать соборне, а в Церкви Всероссийской какие соборы? Синод занимается только делами внешними, о догматах же не рассуждает, потому всяк ученый пишет на свой образец. То жили без предания по Лютерову смыслу, то обратились к преданиями Святых Отец и прибавили сие учение в Катехизис, обличая сим, что прежде уклонялись от православной веры, но переделали на свой лад, показуя сим, что не одинаково мыслят с Восточными патриархами». Исчислив другие несообразности, говорится (стр. 487): «А все оттого, что учат не по Святым Отцам, а по книгам латинским и лютеранским».

Отовсюду слышно, что раскол — с одной стороны, безбожие — с другой необыкновенно усиливается. Нельзя этому не быть. Вышеприведенному голосу поповцев как не иметь значения и силы? В ноябрьской книжке «Странника» опубликована книга: «26 Московских лжепророков» и проч. — Что же? В первых двух статьях, особливо в первой, об Иване Яковлевиче, выставлено участником их лицо, предмет общего уважения, и превращено в предмет насмешки. Опять: как этой брошюре не иметь своего действия на легкомысленных! Новые философские книги сбивают с толку ученых.

Надо бы принять благовременно меры, но они не принимаются и потом [обвинения] превращаются в поток.

Е<пископ> И<гнатий>.
1 февраля 1865 года

Письма разных лиц к святителю Игнатию

Письмо Петра Чичерина

Примите, отец Архимандрит, покорнейшую просьбу, которой я вас беспокою: подательница сего монастырского служителя дочь, в замужестве за бывшим моим конюшим, которому я и домик выстроил.

Я, собственно, прошу вашего к ним покровительства и защиты на случай какого им притеснения от обывателей.

И все, что с вашей стороны будет для них сделано, я почту себе в особенное одолжение.

Сим окончив, желаю вам быть здоровым, помолитесь о покойном Фотии[1].

И примите уверения в особенном моем к вам уважении и том почтении, с коим имею честь быть, Отец архимандрит,

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

Петр Чичерин.
Сентябрь 16 день 1838
С.-Петербург

Архимандриту Игнатию

[1] См. о нем: Т. 1. С. 488–491.

Письмо Алексея Олсуфьева

Молитвами святых Отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас. Аминь.

Ваше Высокопреподобие

Милостивый Отец и благодетель!

Благословите!

Сколько я оказываюсь недостаточен в изъявлении преданности покорнейшего сердца моего пред Вами, высочайшие мои благодетели, что даже не нахожу слов выразить оную.

При получении небесного послания Вашего и при требовании от меня, скудного разумом, скорейшего исполнения на оное, я, хотя и признавая искренно, что это попечительный Божественный Промысл коснулся греховности моей, но совесть как бы возбраняла мне в ту ж минуту приступить ко оному, ибо я был пострижен пред сим ноября 12 дня в ряску; то намеревался по силам моим хотя малейшую принести благодарность благодеявшему мне. Теперь же более и более усугубив желание достигнуть того места, которое

я с особенным удовольствием наблюдал во время походу на фрегате, а паче Вас милостивейшие промыслители моего благополучия, молю, припадая, не отриньте моего убогого прошения и будьте ходатаи к милостивому Владыце. Мое же упование да не посрамит, надежду мою в Бозе полагаю, повелевшему мне прибегнуть к милостивейшей особе Вашей. Склоненное чело до земли и признательное сердце всегда будет совокупно с покорностию благодарствовать Вашему родительскому вниманию о подобных тварях, каков я есмь. Не осмеливаюсь дерзнуть испрашивать благословения его Высокопреподобия Отца Архимандрита, будьте посредником к Его Высокопреподобию, не лишите благ чаемых и меня, раба Вашего, милостиво простите за столь смелый почерк письма сего, припишите моему невежеству.

О Благодетелю! Не оставьте!

Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя во святыя недра святыя обители Вашей

Меньшего разряду в числе послушников нижайший слуга

Алексей Олсуфьев.
1839 года октября 25 дня

Если благоволите явиться мне в Вашу обитель, то благословите заехать в Тверь к родственнику, чтоб обеспечить себя на дорогу в нужном, ибо я при себе не имею.

Письма П. А. Соколова[1]

№ 1

Ваше Высокопреподобие Отец архимандрит Игнатий,

Милостивый Государь!

По письму Вашему с особенным удовольствием принял содействие в Кире Михайлове о увольнении на поступление в монашество, — но как он еще не приписан нигде, то общество г. Кадникова принимая, соглашается и о отчислении, но с взносом 200 р<ублей> запоследствий платежа податей. — Отец Кира неимущий, отказался от таковой суммы, — а потому, извещая Ваше Высокопреподобие, могу уверить Вас, что если будет какая-либо возможность сделать угодное Вам, я в особенную честь себе поставлю устроить все по доброму делу.

Затем прося Вашего благословения с истинным почитанием и совершенною преданностию быть честь имею

Вашего Высокопреподобия

Милостивого Государя

Покорнейший и послушный Павел Соколов.

7 ноября 1839 года

г. Вологда

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

№ 2

Ваше Высокопреподобие, Милостивый Государь!

Известный Вам мещанин города Кадникова Кир Михайлов общественный приговор уже получил в увольнение его на поступление в монастырь, о сем имею часть Вас уведомить; весьма рад, что содействием моим мог исполнить желание Ваше, к тому присовокупляя, что на днях был у меня помянутый Михайлов и просил напомнить Вам о обещанном пособии Вашем, тогда он будет иметь возможность представиться под благословение Ваше, при сем прилагаю и письмо его к Вам.

С истинным почтением и с совершенною преданностию имею честь быть Вашего Высокопреподобия Милостивого Государя покорнейший слуга

Павел Соколов.

Января 1840 года

г. Вологда

Письмо К. Михайлова[1]

Ваше Высокопреподобие, Милостивый Государь!

Получая увольнение от своего общества на помещение мое в монастырь, почему готов уже отправиться в Вашу обитель, но не имею средств к отправлению и потому осмеливаюсь прибегнуть к Вашему Высокопреподобию и всепокорнейше просить Вашего благодеяния о присылке ко мне денег для необходимых путевых издержек и уплаты долга, ибо я в продолжение трех месяцев задолжал более 20 руб.

Ваше Высокопреподобие, не оставьте Вашим меня благодеянием и принять под свое покровительство, — буде же по Вашему снисхождению будете отправлять деньги ко мне, то не угодно ли адресовать оные на имя Его Высокоблагородия Павла

Аполлоновича Соколова, затем прибегая под Ваше благодеяние, с неограниченною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
Милостивого Государя
Всепокорнейшим слугой

Кир Михайлов.
Января 25 дня 1840 года
Вологда

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

Письмо неизвестной[1]

Милостивый Государь, Отец Игнатий!

Тысячу извинений прошу у Вас за то, что не умею назвать Вас по достоинству Вашего сана, но уверена, что Вы, как человек образованный, не оскорбитесь невежеством моим, и как духовно озарены свыше святою благодатию Премудрости Божией, не усумнитесь в чувствах глубокого уважения моего, свидетельствуемого доверенностию, с которой обращаюсь к Вам, Милостивый Государь.

Я мать шестерых детей и вдова военного, в военной же службе честные люди не богатеют, то и мне муж мой ничего не оставил, исключая малолетних детей. Наследственное именье мужа моего, хотя небольшое, осталось в руках брата его, с которым заводить процесс значило бы убивать время. За службу мужа моего дали мне с детьми пансиона триста рублей ассигнациями по древнему окладу. При таковых обстоятельствах я отказывалась от всего, чем пользуется человек не только порядочного круга, но что даже составляет необходимость нищего, просящего днем милостыню, а ночью покоящегося сном, укрепляющим силы его, я же не могла удовлетворять святому закону природы; обременив себя работами ниже моего звания и выше сил, я вынуждена исполнять во время ночи, скрывая как преступленье от глаз людей, которые охотно простили бы мне самое предосудительное поведение, встретив меня в блестящем экипаже и в платье, шитом по последнему журналу, но нашедши полураздетой у лоханки, в которой вода часто окрашивалась кровью из растерзанных рук моих стиркою белья, сказали бы фи! стыдно быть знакомой с ней, а если б еще кто-нибудь шепнул им, как я ночью, когда огни везде погашены, пробираюсь в сарай, где

без помощи человеческой тащу каток, нагруженный каменьями, с трепетом прислушиваясь, не проснулись ли дети мои, для которых действия мои тайна, нейдет ли дворник или чья-нибудь девушка? Мысль, что меня заметят, леденит кровь, а непомерный труд обливает лицо кровавым потом. О! тогда первая приятельница моя поспешила бы с новостью в свой пестрый Ареопаг, где громогласно сказала бы [: представьте себе, сударыня], наша общая знакомая сошла с ума, ходит ночью в сарай одна и катает что-то вроде белья, другие высказывали бы свое мнение, и ни одна из этих бездушных кукол не поняла б, что я вынуждена так сумасбродствовать, потому что рисунки, шелк и канва не доставляют мне средств существовать с детьми, а бегать из дому в дом с листком бумаги в руках для меня ужаснее всего! Но теперь мне давно минуло 50 лет, горести, невероятные труды расстроили совершенно здоровье мое, я страдаю невыносимою болью во всем организме, следовательно, не имею сил больше трудиться, трудиться же необходимо еще один год, чтобы дать возможность сыну кончить курс в Университете, после чего он уже пойдет стезею, какую Господь укажет ему, составляя звено в цепи гражданского или духовного общества. Но если по невозможности содержать его он вынужден будет оставить университет, тогда погибли труды и усилия стольких лет! и что при том будет со мной? Но до сих пор я безропотно несла мой крест! Если описанные здесь обстоятельства не убеждают Вас, Милостивый Государь, помогать мне в течение года, то просьба моя, мои моленья, конечно, ничего не успеют. А мне останется только утешительная мысль, что Вы никогда не узнаете несчастной матери, решившейся первый раз в жизни просить, и просить только у Вас, милостыни для детей своих! Но если Господь Бог избрал Вас орудием милосердия своего, то почтите меня одной строчкою, адресуя на имя подруги дочерей моих, Феоктисты Ивановны Швиковской, живущей в Петербурге в Офицерской улице близ синего моста в доме купца Зиберта, № квартиры 23, тогда сама явлюся к Вам с полной верою в душе, что там пред престолом Всемогущего я услышу глас общего Судьи, как Вы услышали мой. Он обратится к Вам и скажет: «Ты сделал более, нежели напоил жаждущего, накормил алчущего, ты спас душу страждущей матери, она не возроптала под бременем нищеты, юноша не пришел в отчаянье и не исказил образа и подобия Моего, прийми ж награду, при-

надлежащую тебе!!!» — В ожидании сего пребуду с чувством глубочайшего почтения к Вам,

Милостивый Государь,

Покорная слуга М.
Сентября 9, 1843 года

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

Письмо мещанина М. И. Парамонова[1]

Ваше Высокопреподобие
Подражатель святой жизни святителей Христовых,
Блаженствующих во Царствии Небесном,
Священно Архимандрит Милосердный отец Игнатий!

Недостает у меня мудрости, чтоб достойно благодарить ваше божественное лицо за все ваши высочайшие милости, они незабвенны будут в душе моей до скончания моей жизни, они! записаны Ангелом в книге жизни, у престола Творца неба и земли, и всего нами видимого. Засим за долг себе поставляю не только благодарить ваше человеколюбие, но и о себе уведомить Ваше Высокопреподобие. Отправились мы из святой пустынной обители вашей прямо в Бежецк. В феврале месяце я писал из Бежецка письмо благодарное Вашему Высокопреподобию, но мое письмо может быть не доставлено, потому что я на него не получал никакого ответа. В мае месяце отправились мы с сыном Иваном странствовать, и первое наше путешествие было к вашему товарищу и другу, в Югскую пустынь, и неизреченно человеколюбиво были приняты вашим другом, пречестнейшим отцом Строителем Варфоломеем[2]! Который так человеколюбиво нас принял, чего мы поистине недостойны, и наградя нас немаловажною суммою денег и даде благословение путешествовать в Киев, и мы отправились чрез Ярославль, Ростов и Сергиевскую Лавру, и Москву, Тулу и Орел в Киевскую Лавру! И где сподобились видеть не землю! А самое НЕБО! Потом были в Лубнах, в Харькове и в Воронеже и во многих прочих святых местах, пройдя 3070 верст, и 46 городов и 43 святых монастыря, и 13-го числа сего сентября возвратились в город Бежецк. Второй сын мой, Михайла, был сие время оставлен в Бежецкой богадельне, и мы теперь находимся в великой нужде и в бедности, не имея платья и пищи, и нужно иметь паспорты и отдать подушные деньги, посему и молим ваше благоутробие и заочно преклоняем колена наша пред ведущем божественным лицем

вашим высокомилосердным быть Богом нашим земным, не оставьте ради Господа нашего Иисуса Христа, пришлите хоть немножко денег на нашу кровавую нужду, не откажите ради Господа Бога, единственное наше упование и первая по Боге надежда, благодать, мир и милость Господа нашего Иисуса Христа да пребудет с вами и со всею святою братиею вашею, во веки веков

Вашего Высокопреподобия

Нижайший раб, бежецкий мещанин,

Михайло Ильин Парамонов, с детьми кланяемся всем

1843 года сентября 18 дня

Бежецк

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

[2] См. о нем: Т. 1. С. 346–348.

Письмо Н. Апрелевой[1]

Ваше Высокопреподобие

Отец Архимандрит Игнатий!

Долгом поставлю себе принесть мою чувствительную благодарность Вашему Высокопреподобию за ваше столь утешительное и чувствительное для меня письмо, которое я имела удовольствие получить от 14-го сентября сего 25-го числа; для меня весьма лестно, равно и всему моему семейству, знать, что вы приняли наше истинное усердие в том виде, как мы ценили ваше посещение, которое навсегда останется в памяти моей и детей моих. Вы меня неизъяснимо утешили, написав мне, что мы столь счастливы, что удостоились ваших священных молитв пред угодником Божиим Сергием чудотворцем, надеюсь, что Ваше Высокопреподобие и впредь меня оными не оставите.

Прося вашего архипастырского благословения, равно и на мое семейство,

Имею честь пребыть с истинным уважением и почтением к Вашему Высокопреподобию

Покорная к услугам

Настасья Апрелева.

1843 года сентября 24

Усадище Большой двор

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

Письмо А. Брюзгалова[1]

Ваше Высокопреподобие,
Всепречестнейший Отец,
Архимандрит Игнатий.

Долгом моим почитаю принести Вам мое усерднейшее поздравление с наступающим днем Вашего Ангела, сердечно желаю Вашему Высокопреподобию оный в духовной радости встретить, благополучно провести и будущих многих в совершенном здравии достигнуть. При пожелании сего с глубочайшим моим высокопочитанием и душевною преданностию навсегда имею честь пребыть

Вашего Высокопреподобия
Всепречестнейшего Отца
Покорнейший слуга

Александр Брюзгалов.
19 декабря 1843 года
С.-Петербург

[1] РГБ РО. Ф. 425. К. 4. № 3.

Письмо святителя Игнатий Брянчанинова к художнику К. П. Брюллову

Дорогой мой Карл Павлович! С сердечным прискорбием услышал я о постигшей вас болезни. Так далеко я от вас и не могу посетить вас, чего бы так желала душа моя! Надеюсь к 1-му июня приехать в Петербург; после необходимых явок к начальству постараюсь непременно посетить вас. Я лечусь, очень слаб и до сих пор еще не выходил из комнаты. Сидя писать не могу, а пишу лежа на постели, и потому пишу карандашом. Всегда я принимал в вас сердечное участие. Душа ваша представлялась мне одиноко странствующею в мире. Так странствую и я, окруженный с младенчества бедствиями. Около меня сформировался круг друзей, искренне меня любящих, но еще не встречался я с душою, пред которою мог бы я вполне открыться. И это не от того, чтобы я был скрытен; нет, я очень откровенен, но душа, пред которою я мог бы открыться с истинною пользою, должна быть способна понять меня, исследовать меня, — должна постичь самое вдохновение мое, если есть во мне какое вдохновение. Без этого откровенность

бесплодна. Мало этого, откровенность перед непонимающим только наносит новую язву душе. В моем земном странничестве и одиночестве нашел я пристань верную — истинное Богопознание. Не живые человеки были моими наставниками, ими были почившие телом, живые духом святые Отцы. В их писаниях нашел я Евангелие, осуществленное исполнением; они удовлетворили душу мою. Оставил я мир, не как односторонний искатель уединения или чего другого, но как любитель высшей науки; и эта наука доставила мне все: спокойствие, хладность ко всем земным пустякам, утешение в скорбях, силу в борьбе с собою, — доставила друзей, доставила счастие на земле, какого почти не встречал. Вы знаете, как я живу в монастыре! Не как начальник, а как глава семейства. — Несколько лет, как расстроилось мое здоровье. По месяцам, по полугодам не выхожу из комнаты; но религия вместе с этим обратилась для меня в поэзию и держит в непрерывном чудном вдохновении, в беседе с видимым и невидимым мирами, в несказанном наслаждении. Скуки не знаю; время сократилось, понеслось с чрезвычайною быстротою, — как бы слилось с вечностью; вечность как бы уже наступила. Тех, которых угнетает скорбь, пригоняет к моей пристани, приглашаю войти в мою пристань, в пристань Божественных помышлений и чувствований. Они входят, отдыхают, начинают вкушать спокойствие, утешение, и делаются моими друзьями. Вашей душе надо войти в эту пристань! Она слышит по какому-то тайному предчувствию, что ей суждено найти успокоение в этой пристани; а сердце мое к вам отворено, давно отворено. Давно видел я, что душа ваша в земном хаосе искала красоты, которая бы ее удовлетворила. Ваши картины — это выражения сильно жаждущей души. Картина, которая бы решительно удовлетворила вас, должна бы быть картиною из вечности. Таково требование истинного вдохновения. Всякая красота, и видимая и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления; она (красота) помогает удовлетворить человека, водимого истинным вдохновением. Ему надо, чтобы красота отзывалась жизнию, вечною жизнию. Когда ж из красоты дышит смерть, он отвращает от такой красоты свои взоры. Поправляйтесь, дорогой мой Карл Павлович! Желаю по приезде моем увидеть вас здоровым, укрепившимся. Еще надо бы вам пожить, пожить для того, чтоб ближе ознакомиться с вечностию, чтоб пред вступлением в нее стяжать для души вашей красоту небесную;

в душе вашей всегда было это высокое стремление. Объятия Отца Небесного всегда отверсты для принятия всякого, кто только захочет прибегнуть в эти святые, спасительные объятия. Прощайте; до свидания, которого жажду.

Архимандрит Игнатий
27-го апреля (1848).

Впервые опубликовано: Архив Брюлловых // Русская Старина. 1900. Т. 103. № 9. Приложение. С. 162–163. Печатается по первой публикации. Содержание письма святителя Игнатия к К. П. Брюллову (1799–1852) позволяет затронуть вопрос об отношении Святителя к светской живописи, а также к проблеме иконографии, вопрос о которой в послании напрямую не ставится. Несмотря на дружеский характер письма, архимандрит Игнатий поднимает в нем важные и принципиальные проблемы. Карл Павлович Брюллов, протестант по вероисповеданию (в прошлом масон, до 1822 г.), не был, так же, как и его брат архитектор А. П. Брюллов (и как другие живописцы той поры), исключительно светским художником. Он выполнял многочисленные церковные заказы, писал образа. В Сергиевской пустыни (близ Петербурга), где архимандритом был святитель Игнатий, находился образ Пресвятой Троицы, выполненный Брюлловым. Как воспитанник Санкт-Петербургской Академии художеств, ориентированной в те годы на итальянскую живопись, Брюллов, однако, неизбежно и в исполнение иконописных сюжетов вносил навыки, полученные в alma mater. Оценка святителем Игнатием подобных работ в области религиозной живописи была в целом нелицеприятной. «Воспитанники русской Академии художеств, — писал Святитель, — получили образование по образцам западным и наполнили храмы иконами, вполне недостойными имени икон. Если б эти иконы, пред которыми опускаются долу взоры целомудренные, не стояли в храме, то никто и не подумал бы, что им приписывается достоинство икон. Светский человек, насмотревшийся на все и имеющий обширную опытность, не может себе представить того действия, которое такие изображения оказывают на девственную природу» (*Святитель Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский.* Понятие о ереси и расколе. Неизданные творения святителя Игнатия (Брянчанинова) // Богословские труды. Сборник 32. М., 1996. С. 293; Полн. собр. творений святителя Игнатия Брянчанинова. М.: Паломникъ, 2002. Т. 4. С. 468). Современный исследователь, богослов и иконописец Л. А. Успенский также оценивает опыты Брюллова в иконописи как произведения художника-«римокатолика» (см.: *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. М., 1996. С. 371). Один из современников Брюллова, друг Гоголя и А. А. Иванова славянофил Ф. В. Чижов, в 1846 г. замечал: «В самом

деле, неужели кто-нибудь может принять за образ картину Брюллова — Вознесения Божией Матери, празднуемого нашею Православною Церковию под именем и значением Успения Божией Матери... Пред образом мы молимся лику Владычицы... пред Вознесением Брюллова, простите, но согласитесь, что истинно думаем о полной, прекрасной женщине и... тем, что должно бы призывать к молитве, уничтожаем святую молитву» (<*Чижов Ф. В.*> О иконопочитании. (С одобрения духовной цензуры) // Москвитянин. 1846. Т. 7. С. 117–119).

Наибольшую известность и славу Карлу Брюллову принесла написанная в Италии большая картина «Гибель Помпеи» (1833), выставленная в августе 1834 г. для публичного обозрения в Петербургской Академии художеств. «Всегда я принимал в вас сердечное участие», — замечает святитель Игнатий в публикуемом письме к Брюллову. Из дальнейших строк послания можно судить, что «Гибель Помпеи» произвела в свое время особое впечатление и на святителя Игнатия. Известно, с каким восторгом картина Брюллова была принята современниками. Оценке брюлловской картины — с центральным образом мертвой красавицы на переднем плане — посвящена, в частности, статья Гоголя «Последний день Помпеи», датированная августом 1834 г. В свою очередь, как позволяет судить творческая история повести Гоголя «Вий» (написанной в те же месяцы), образ мертвой роскошной красавицы-помпеянки с картины Брюллова послужил Гоголю и прототипом для создания образа мертвой панночки-ведьмы. Несмотря на высокую оценку «Гибели Помпеи», Гоголь хорошо сознавал чувственный характер брюлловской живописи. В статье Гоголь противопоставлял ее религиозному искусству и прямо соотносил с языческой скульптурой. Точно так же и в «Вии» «страшная, сверкающая» красота «припустившей к себе сатану» панночки является, согласно замыслу Гоголя, прямым воплощением губительного «идеала Содомского». Подобным образом и святитель Игнатий, как можно предположить, в своем письме к Брюллову имеет прежде всего в виду тот же главенствующий образ «Гибели Помпеи», когда в заключении послания замечает: «Давно видел я, что душа ваша в земном хаосе искала красоты. <...> Картина, которая бы решительно удовлетворила вас, должна бы быть картиною из вечности. <...> Всякая красота <...> должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления; она (красота) помогает удовлетворить человека, водимого истинным вдохновением. <...> Когда ж из красоты дышит смерть, он отвращает от такой красоты свои взоры».

Публикация и комментарии
И. А. Виноградова

Размышления святителя Игнатия Брянчанинова о живописи церковной

Нахожу, что описание двух картонов, сделанное Вами, украшает эти картоны многими прекрасными мыслями. Этим описанием приготовляется воображение, приготовляются взоры, чтоб увидеть прекрасные иконы, — почти живые, говорящие поучительнейшую проповедь. По крайней мере, я получил такое настроение. Но когда перенеслись взоры из чтения на рисунки, мое ожидание не осуществилось: я увидел не иконы нашей Православной Церкви, но карикатуры икон. Словно если б певец с италианской сцены начал петь на свой лад с излиянием романического чувства нашу величественную Херувимскую Песнь.

О картоне Б-и

Прекрасная, возвышенная мысль — неизобразимое изображением Божество изобразить словом Сый, от Которого — лучи!

Для чего же Ангелы отвратили взоры свои от изображенного так превосходно Божества? Они должны бы были учить предстоящих благоговению пред Божеством; в них бы должно показать стремление к Божеству всем сердцем, всею душою, всем помышлением, всею крепостию, как этого требует, этому научает Сам Спаситель. В этом состоянии находятся по самой вещи Ангелы, предстоящие славе Божией, как открывает нам Писание. Напротив, здесь Ангелы оказывают мало внимания и уважения Божеству, ни один не удостаивает взглянуть на Него, все зевают (извините за выражение) по сторонам. И стоит уединенно величественный Сый, отделенный, отсеченный от всей картины! Неужели у художника таилось в душе намерение написать критику на наше время, намекнуть нам, что Бог нами забыт, что по-видимому мы простираем к Нему руки, а по самой вещи отвратились от Него.

Четыре верхние Ангела суть фигуры женские. Этим нарушено предание Православной Церкви, которая всегда изображает Ангелов прекрасными юношами. Нет примера во всем Священном Писании, чтоб Ангел явился в образе женщины. Здесь дамы, и не важные дамы. Судя по физиономиям, в которых нет ничего Божественного, которые слишком обыкновенны, надо предполагать, что натурщицами были не более,

как горничные девушки, а натурщицею для верхней фигуры на левой стороне — какая-нибудь кастелянша-немочка, уже, как видно, пожилая, с выражением беззаботного выражения на лице, — вероятно, того чувства, которое было в ее душе в то время, когда она стояла пред художником. Отымите у фигур крылья, вместо Сый поставьте люстру и спросите, что представляет картина? — Пляску.

Для нижних трех Ангелов служили образцами мальчики. И на картине — мальчишки. Даже нет усилия произвести их в Ангелов. Средний — смотрит из окошка совсем должным вниманием ребенка на ходящий на улице народ и ездящие экипажи; а два ассистента резвились, играли и на что-то мимоходом взглянули — только не на Бога. До Него им совсем нет дела! В благовоспитанных мальчиках преобладающее чувство — невинность и нежность. А здесь — здоровенького сложения ребятишки, способные пошалить, для которых розга — не лишнее. Как должен быть осмотрителен, строг выбор натурщиков! Их чувства, их характеры, их нравственность, их способности переходят на картины. От недостатка столь нужной священной критики у нас на новейших иконах, в которых искусство живописи достигло неоспоримо высокой степени развития, вместе видны и резкие несообразности. Не намерен я исчислять их, потому что они безчисленны, но выскажу ту несообразность, которая часто терзала мои взоры, когда они в тех глазах, из которых должна бы сиять Божественная Премудрость, усматривали выражение недостатка умственных способностей. Некоторый кучер, видный, но очень ограниченного ума, поступив ко мне в услугу, сам мне сказывал: «Я был натурщиком в Академии семь лет, в такой-то церкви такая-то икона писана с меня». Он исчислял иконы, для которых служил оригиналом, которых не хочу наименовать! этого не стерпит мое сердце! Но вот причина глупых глаз на иконе: она — верный портрет статного кучера с глупыми глазами.

Иконописец должен твердо знать догматы Православной Церкви и вести жизнь глубоко благочестивую, потому что назначение иконы — наставлять народ изображениями. Посему иконы должны сообщать понятия истинные, чувствования благоговейные, точно благочестивые. В противном случае икона будет действовать так, как бы действовал с кафедры проповедник, зараженный лжеучением или с одними познаниями литературными без познаний богословских.

О картоне Р-а

Древние воины ни за что бы не остались в касках пред священным изображением Живоначальной Троицы, вынесенным дланями великого угодника Божия, знаменитого преславными чудотворениями! Древние благочестивые воины преклонили бы колена! Перенеситесь к самому событию: Преподобный Сергий благословляет Димитрия Донского на поход против Мамая. При этом обстоятельстве какое было благоговение! Какие серьезные мысли и ощущения должны были наполнять всех и каждого. Шли на кровавую Куликовскую битву, против несметных полчищ татарских, имевших на своей стороне не только превосходство в числе, но нравственную огромную силу — воспоминание двувековых побед и владычества. Россияне ясно видели, что победа для них была крайне сомнительна, что следствия побеждения должны быть самые бедственные. Пред очами всех носилась смерть! Она украшалась лишь тем, что с мыслию о ней соединялась мысль о венце мученическом, потому что в походе против Мамая все признавали не только необходимость отечественную, но и необходимость религиозную. И точно! Поход этот был более плодом веры, нежели политических расчетов; поход — благословен Преподобным Сергием!

При совершении этого благословения могла ли иметь место легкость и ветреность, которая заметна в других и даже в некоторых иноках? Здесь воины не могли иметь того чувства, которое имеют наши современные герои, когда они в манеже ожидают развода. Есть картина — поставление в Царя Михаила Феодоровича Романова. Там довольно удовлетворительно выражено на всех лицах и в постановках фигур чувство благоговения и благочестия. Это чувство дает картине единство действия, моральное и религиозное достоинство, достоинство иконы.

Не мое дело судить о самом искусстве, и потому не обращаю внимания на то, что фигура Димитрия Донского кажется мне в неестественном положении. Но должен сказать, что и поныне благочестивые военные люди, намереваясь приложиться к Святыне, снимают с себя и отлагают оружие. К чему Димитрий подносит так близко к иконе меч свой? Не для благословения ли? Для этого мечу довольно лежать повергнутым на землю. Не сходно с чувствами и понятиями проникнутого глубоким благочестием князя, чтоб он дерзнул поднести так близко к Святыне оружие, проливающее кровь человеческую. Вообще кар-

тон Р-а, не оживленный благоговением и прочими священными ощущениями, напротив того, изображающий много светскости, далеко отстоит от достоинства иконы, имея, может быть, все достоинство картины.

В Вашем описании Вы похвалили произведения художников, как художников, — и похвалили прекрасно, как литератор. Примите мои слова — это искреннее, прямое выражение чувств моих; я не остановился пред некоторыми выражениями, довольно резкими для того, чтобы нисколько не пострадала Правда. Пусть лучше немного пострадает ухо и нежный вкус! Согласитесь! Сколько должно страдать сердце, самые глаза истинного сына Православной Восточной Церкви, когда он видит на местах, принадлежащих святым иконам, лишь картины, часто прекрасной кисти, но почти всегда чуждой Богословского познания и чувства.

Письмо святителя Игнатия Брянчанинова по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя[1]

С благодарностию возвращаю вам книгу, которую вы мне доставляли[2]. Услышьте мое мнение о ней.

Виден человек, обратившийся к Богу с горячностию сердца. Но для религии этого мало. Чтоб она была истинным светом для человека собственно и чтоб издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходимо нужна в ней *определительность*, и *определительность* сия заключается в точном познании истинны[3], в отделении ее от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным. Это сказал Сам Спаситель: *Истина свободит вас*[4]. В другом месте Писания сказано: *слово Твое истина есть*[5]. Посему желающий стяжать *определительность* глубоко вникает в Евангелие и по учению Господа выправляет свои мысли и чувствования. Тогда он возможет в себе отделить правильные и добрые мысли и чувствования от поддельно и мнимодобрых и правильных. Тогда человек вступает в чистоту, как и Господь после Тайной вечери сказал ученикам Своим, яко образованным уже учением истинны: *вы чисти есте за слово, еже рех* [глаголах] *вам*[6].

Но[7] одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, — чтоб светил фонарь, недостаточно часто вымывать стекла, нужно, чтоб внутри его зажжена была свеча.

Сие сделал Господь с учениками Своими. Очистив их истинною, Он оживил их Духом Святым, и они соделались светом для человеков. До приятия Духа Святаго они не были способны научить человечество, хотя уже и были чисты.

Сей ход должен совершиться с каждым христианином, христианином на самом деле, а не по одному имени: сперва очищение истинною, а потом просвещение Духом.

Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истинна отвергает сие вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его обновлением состояния. Если же человек будет руководствоваться прежде очищения истинною своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый: потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом, более или менее.

Применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что она издает из[8] себя и свет и тьму.

Религиозные его понятия не определены[9], движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного.

Поелику он писатель, а в писателе непременно *от избытка сердца уста глаголят*[10]; или: сочинение есть непременная исповедь сочинителя, но по большей части им не понимаемая, и понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств, и в ней разложен[11] свет от тьмы; то книга Гоголя[12] не может быть принята целиком и за чистые глаголы истинны. Тут смешано.

Желательно, чтоб этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристанищу истинны, где начало всех духовных благ.

По сей причине советую всем друзьям моим, по отношению к религии, заниматься единственно чтением святых Отцев, стяжавших очищение и просвещение, как и Апостолы, и потом написавших свои книги, из коих светит чистая истинна, и кои читателям сообщают вдохновение Святаго Духа. Вне сего пути узкого и прискорбного сначала[13] для ума и сердца, — всюду мрак, всюду стремнины и пропасть! Аминь.

[1] Текст письма печатается по списку, авторизованному святителем Игнатием и прочитанному Гоголем.

[2] Так в рукописи.

[3] Так в рукописи. Далее не оговаривается.
[4] Ин. 8. 32.
[5] Ин. 17. 17.
[6] ***Вы очищены через слово, которое Я проповедовал вам*** (Ин. 15. 3).
[7] В рукописи ошибочно: *По.*
[8] Предлог *из* вписан святителем Игнатием вместо *для.*
[9] Так в рукописи.
[10] Мф. 12. 34.
[11] Так в рукописи.
[12] Слово *Гоголя* вписано святителем Игнатием вместо ошибочного *тьмы.*
[13] Слово *сначала* вписано святителем Игнатием вместо ошибочного *сказано.*

Авторизованная копия письма святителя Игнатия Брянчанинова по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями», высланная Гоголю П. А. Плетневым в Неаполь 4/16 апреля 1847 г. и хранящаяся ныне в рукописном фонде Гоголя РГБ ОР (Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 28. Л. 1об.–2). Копия (без заглавия и даты) была собственноручно исправлена святителем Игнатием (в ту пору архимандритом, настоятелем Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга) (были заменены три слова; см. подстрочные примечания) и передана его духовной дочери, бывшей ученице Гоголя, М. П. Вагнер (рожд. Балабиной), которая передала письмо Плетневу. Письмо датируется февралем-мартом 1847 г. Позднейшая (исправленная) редакция письма была впервые напечатана (без указания авторства) начальником Оптинского скита иеросхимонахом Иосифом (Литовкиным) в статье «Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. <Н.> Леонтьев пред старцами Оптиной Пустыни» (М., 1897/Отд. оттиск из журнала «Душеполезное чтение». 1898. Ч. 1. С. 157–162; см. также: *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 2. Приложения. С. 120–122).

Получив отзыв святителя Игнатия, Гоголь 9 мая н. ст. 1847 г. отвечал Плетневу: «Что касается до письма Брянчанинова, то надобно отдать справедливость нашему духовенству за твердое познание догматов. Это познание слышно во всякой строке его письма. Все сказано справедливо и все верно. Но, чтобы произнести полный суд моей книге, нужно быть глубокому душеведцу, нужно почувствовать и услышать страданье той половины современного человечества, с которою даже не имеет и случаев сойтись монах; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многих. Поэтому никак для меня не удивительно, что им видится в моей книге смешение света со тьмой. Свет для них та сторона, которая им знакома; тьма та сторона, которая им незнакома...»

Смысл последней фразы Гоголя («...тьма та сторона, которая им незнакома...»), болью которого было «страданье той половины современного человечества, с которой не имеет и случаев сойтись монах», объясняется вполне из отправленного им в тот же день, 9 мая н. ст.,

письма к отцу Матфею Константиновскому, где писатель, говоря о «Выбранных местах...», что в них есть «душевное дело, исповедь человека, который почувствовал сильно, что воспитанье наше начинается с тех только пор, когда кажется, что оно уже кончилось», замечал, что «там изложен отчасти и процесс такого дела, понятный даже и не для христианина, несмотря на неточность моих слов и выражений, непонятных для не страдавшего теми недугами, какими страждут неверующие люди нынешнего времени». Словом, речь у Гоголя идет о всех тех, которые, пребывая во «тьме», «не ходят в церковь»: «Книга моя подействовала... на тех, которые *не ходят в церковь* и которые не захотели бы даже выслушать слов, если бы вышел сказать им поп в рясе», — с ними-то и «не имеет случая сойтись монах».

Проблема расхождения между мирянином и монахом виделась Гоголю и в несколько ином освещении. В статье «Что такое губернаторша» он, например, писал, что часто священник, не искушенный в современных злоупотреблениях — в тех «видах и проделках, о которых не говорит вовсе на исповеди нынешний человек... оттого что не видит грехов своих» (статья «Нужно проездиться по России»), — «не знает, как ему быть с прихожанами и слушателями, изъясняется общими местами, не обращенными никакой стороной собственно к предмету». «Сказать: “Не крадьте, не роскошничайте, не берите взяток, молитесь и давайте милостыню неимущим” — теперь ничто и ничего не сделает», — полагал Гоголь. «Жизнь нужно показать человеку, жизнь, взятую под углом ее нынешних запутанностей, а не прежних...» Как кажется, Гоголь прямо руководствовался здесь апостольскими словами: «Кто говорит на *незнакомом* языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь. Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали... А потому, *говорящий* на незнакомом языке, молись о даре истолкования» (ср. 1 Кор. 14. 4–5, 13). 28 августа н. ст. 1847 г. Гоголь, в частности, писал Шевыреву: «Не снизойдя к другим, нельзя их возвести к себе...»

Не следует преувеличивать степень расхождения Гоголя со святителем Игнатием. Забота о христианском просвещении России была у них общая. Совпадая в критике европейской цивилизации и одинаково признавая превосходство перед ней в религиозном отношении древнего патриархального быта, Гоголь и святитель Игнатий расходились лишь в представлениях о самом характере пастырского влияния на народную жизнь (см. об этом комментарии в изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч. в 9 т. Т. 6. С. 412–413; Т. 8. Характерно, например, что развернутая двенадцать лет спустя А. И. Герценом полемика со Святителем по вопросу крепостного права и европейской цивилизации в судьбе России во многом повторяла спор Белинского с Гоголем.

Публикация и комментарии И. А. Виноградова

Елена Аксененко

София Ивановна Снессорева

Среди обширного эпистолярного наследия святителя Игнатия Брянчанинова особое место занимают 24 послания, адресованные переводчице и писательнице Софии Ивановне Снессоревой (1815 или 1816–1904) — его духовной дочери, которая, по словам самого Святителя, принадлежала к числу «очень немногих людей, оказавших ему особенную любовь». Письма охватывают 22-летний период их общения (с 1845 по 1867 г.) и свидетельствуют о тесной связи учителя и ученицы. Впервые издаваемые отдельным корпусом и откомментированные, они дают возможность наблюдать духовное водительство Владыки, благодаря которому София Ивановна прошла нелегкий путь от переводчицы журнальных романов до духовной писательницы, чьи произведения пережили своего автора и остаются благодатным и полезным чтением для каждого православного человека[1].

Помимо духовных уз, святителя Игнатия и С. И. Снессореву связывали литературные занятия, поэтому публикуемые письма имеют большое значение и для характеристики деятельности Святителя как русского духовного писателя[2]. На протяжении всего

---

[1] См. современные переиздания книги С. И. Снессоревой «Дарьюшка. Очерк жизни русской странницы». Первое издание: СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1864. 119 с.): в 1995 и 1997 гг.

Дарьюшка: Из жизни русской странницы [инокини Исидоры: Для детей] М.: Моск. подв. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: Отчий дом, 1995. 63 с.; Русская странница Дарьюшка: Рассказ с ее слов. СПб.: Воскресенский Новодевичий монастырь, 1996. 64 с.; Дарьюшка: Из жизни русской странницы [инокини Исидоры (Шурыгиной Д. А.): Повесть] М.: Отчий дом, 1997. 61 [2] с.

Главный труд С. И. Снессоревой: «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон, чтимых Православною Церковью на основании Священного Писания и церковных преданий». С изображением в тексте праздников и икон Божией Матери. (СПб.: изд. И. Л. Тузова, 1891. 560 с.)

То же: Ярославль: Верхне-Волжское изд-во, 1993. 457 с.; То же: Омск, 1996. 462 с.; То же: М.: «Синтагма», (1997). 560 с.; То же: Ярославль: Верхняя Волга, 2000. 457 с. ‖ [2] В последнее время появились работы, посвященные проблемам литературного творчества Святителя. См., например: *Любомудров А. М.* Святитель Игнатий и проблема творчества //ПСТ. М., 2000. Т. 4. С. 513–523. *Священник Геннадий Беловолов.* «Поэтические опыты» аскета: Проза святителя Игнатия Кавказского // Святитель Игнатий Брянчанинов. Песнь под сенью креста. СПб.: Диоптра, 2000. С. 5–14.

времени их знакомства, до последних дней земной жизни Преосвященного Игнатия, София Ивановна была деятельной помощницей в публикации и издании его сочинений.

У нас нет точных сведений о том, когда произошла первая встреча Снессоревой с архимандритом Сергиевой пустыни Игнатием. Знакомство их могло состояться в конце 1845 г. Именно в это время София Ивановна, страдавшая тяжелым недугом, приезжает из Астрахани в Петербург, чтобы определить своего сына в учебное заведение и тем самым устроить судьбу мальчика, так как на свое выздоровление она почти не надеялась[1].

Помощь и утешение она находит в Сергиевой пустыни, к этому времени уже значительно обновленной неустанными трудами архимандрита Игнатия: София Ивановна становится его духовным чадом.

Самое раннее из опубликованных писем архимандрита к С. И. Снессоревой (письмо № 1) — от 9 мая 1846 г. — свидетельствует, что к этому времени между ними уже сложились близкие, доверительные отношения. Возможно, желая поддержать и ободрить Софию Ивановну, архимандрит Игнатий обращается к ее литературному опыту (Снессорева занималась переводами уже с 1837 г.[2]) и знакомит со своими сочинениями, в частности с «Валаамским монастырем». Это произведение Святителя, написанное под впечатлением от его продолжительной служебной командировки на Валаам[3], было первым, предназначавшимся для печати.

Письмо, кроме того, говорит о начале нового этапа в биографии будущего Святителя: он подошел к 40-летнему рубежу своей жизни, достижение которого считал необходимым условием для начала публикации написанных им произведений[4]. Через посредничество Софии Ивановны архимандрит Игнатий ищет возможности публикации своих произведений в популярном журнале О. И. Сенковского «Библиотека для

---

[1] Ниже в публикуемой автобиографии С. И. Снессоревой. (Далее — <Автобиографическая записка>.) <Автобиографическую записку> С.И. Снессорева писала от третьего лица. ‖ [2] См.: <Автобиографическая записка>. ‖ [3] Впервые архимандрит Игнатий побывал в Валаамском монастыре в 1838 г. Поездка эта была вызвана возложенной на него Св. Синодом обязанностью разобраться в причинах беспорядков, происходивших в монастыре, и продлилась почти полгода — с мая по ноябрь. По материалам расследования архимандрит Игнатий написал подробный рапорт из шести разделов (см.: ПСТ. Т. 3. С. 394–419. О связях Святителя с Валаамским монастырем см. также: Т. 1. С. 166–168). ‖ [4] См. об этом рассказ П. А. Брянчанинова: Т. 3. С. 39.

чтения»[1]. Он также интересуется мнением известного редактора о литературной стороне предлагаемого для печати «Валаамского монастыря».

Сама С. И. Снессорева получила работу переводчицы в журнале «Библиотека для чтения» в 1848 г., но ее знакомство с О. И. Сенковским состоялось, вероятно, гораздо раньше, еще в 1836–1837 гг., когда последний редактировал тома «Энциклопедического лексикона» Плюшара[2]. Тогда София Ивановна вместе с мужем делала переводы для этого издания (тома 13–15). После возвращения ее в Петербург знакомство упрочилось благодаря дружеской поддержке Е. Н. Ахматовой[3]. Снессорева была знакома и дружила с Ахматовой со времени жизни в Астрахани (с 1838 по 1845 г.)[4], а в Петербурге часто бывала на ее литературных вечерах. Вероятно, именно с этих ахматовских «суббот», где собирались О. И. Сенковский, А. В. Дружинин, А. В. Никитенко, Н. И. Пирогов, А. А. Краевский, В. В. Стасов, В. П. Гаевский и другие литераторы, и началась дружба Софии Ивановны с некоторыми из них.

[1] *Сенковский Осип Иванович* (1800–1858) — ориенталист, лингвист, критик, журналист, писатель (псевдоним — Барон Брамбеус), редактор журнала «Библиотека для чтения» с 1834 по 1856 г. До своей болезни в 1848 г. был практически полным хозяином журнала, большинство статей писал сам. «Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Первый в России из т. н. «толстых» журналов, пользовавшийся большой любовью читателей. Издавался в Санкт-Петербурге с 1834 по 1865 г. ‖ [2] *Плюшар А. А.* Энциклопедический Лексикон: В 40 т. Т. 1–17. СПб.: Издательство А. А. Плюшара, 1835–1841. *Плюшар Адольф Александрович* (1806–1865) — известный издатель. Заведовал типографией, перешедшей ему от отца и существовавшей с 1813 г. Одним из замечательных его предприятий был «Энциклопедический Лексикон», долгое время являвшийся образцом в изданиях подобного рода. Планировался выпуск 40 томов, но по разным причинам Плюшар был вынужден прекратить издание. Всего напечатано 17 томов (буквы А–Д). О. И. Сенковский редактировал с 12-го по 16-й тома. ‖ [3] *Ахматова Елизавета Николаевна* (1820–1904) — прозаик, переводчица, издательница. В 1842 г. послала из Астрахани свой перевод с французского языка в редакцию «Библиотеки для чтения», после чего между ней и О. И. Сенковским началась переписка. В 1845 г. познакомилась с Сенковским лично, а в 1848 г. переехала в Петербург и начала сотрудничать в «Библиотеке для чтения» в качестве автора и переводчицы. В дальнейшем издавала и редактировала журналы «Собрание иностранных романов» и «Дело и отдых». ‖ [4] См.: <Автобиографическая записка>.

Сразу же после публикации «Валаамского монастыря» у О. И. Сенковского[1] очерк дважды выходит отдельным изданием в той же типографии, где печатался журнал[2].

Следующим произведением архимандрита Игнатия, опубликованным в журнале О. И. Сенковского, было «Воспоминание о Бородинском монастыре». Поводом для его написания послужило посещение в конце июля 1847 г. Спасо-Бородинского монастыря[3], куда он заехал по дороге к месту лечения: с середины августа 1847 до середины мая 1848 г. архимандрит находился на отдыхе в Николо-Бабаевском монастыре[4].

Уже 18 сентября 1847 г. он пересылает иеромонаху Игнатию[5], управляющему Сергиевой пустынью на время его отпуска, свое произведение с просьбой: «Прилагаемый при сем конверт запечатав, доставь по надписи. Тут вложена коротенькая брошюрка поэтическая “Воспоминания о Бородинском монастыре”. Прочитай. Если напечатают и тебе предоставят несколько листочков, то штук 20 отправь в Бородинский монастырь, несколько ко мне, а прочие раздели по братии и знакомым. А мне бы хотелось, чтоб напечатали»[6].

С большой долей вероятности можно утверждать, что для публикации этой «брошюрки», как ее назвал архимандрит Игнатий, он вновь прибег к посредничеству Софии Ивановны; в кон-

---

[1] Валаамский монастырь//Библиотека для чтения. 1847. Т. 82. Науки и художества. С. 66–90. Подпись: И. И. И. ‖ [2] «Валаамский монастырь». СПб.: Тип. К. Крайя, 1847. 27 с. Подпись: И. И. И.; То же. СПб.: Тип. К. Крайя, 1847. 40 с. В первом собрании своих сочинений — Сочинения епископа Игнатия: В 4 т. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1865–1867 (далее — «Сочинения...») — Святитель поместит его под названием «Посещение Валаамского монастыря» (см.: ПСТ. Т. 1. С. 394–420). ‖ [3] Спасо-Бородинский в честь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа женский монастырь основан в 1838 г. на Бородинском Поле, близ д. Семеновское вдовой героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора А. А. Тучкова М. М. Тучковой (впоследствии игуменией Марией) на месте гибели ее мужа. ‖ [4] Николо-Бабаевский мужской монастырь основан после 1500 г. в посаде Большие Соли (35 км от Костромы и 28 км от Ярославля) на правом берегу Волги при впадении в нее реки Солоницы. ‖ [5] *Иеромонах Игнатий (Васильев)* — с 1832 по 1837 г. послушник Спасо-Преображенского Валаамского монастыря и Троице-Сергиевой пустыни, с 1839 г. — иеромонах, с 1841-го — казначей, а с 1844 г. — наместник Троице-Сергиевой пустыни. Письма архимандрита Игнатия из Николо-Бабаевского монастыря за время его отпуска к иеромонаху Игнатию (см.: Т. 2. С. 297–350) содержат много ценной для нашей темы информации. ‖ [6] См.: Т. 2. С. 316. — Письмо № 13 от 18 сент. 1847 г.

це 1847 г. публикация появилась в «Библиотеке для чтения» и сразу же вышла отдельным изданием в типографии К. Крайя[1].

Видимо, София Ивановна передала в ответном письме к архимандриту Игнатию сожаление Сенковского о том, что объем произведения невелик, и просьбу выслать новое сочинение для публикации, на что Преосвященный Игнатий ответил ей: «Воспоминание о Бородинском монастыре, какое у меня было в душе, такое и вышло на бумагу. В этом заключается все мое оправдание пред справедливым обвинением в краткости. <...> Есть у меня некоторые вещи и более обширные, чем “Воспоминание”, но не знаю, идут ли они в светский журнал. Пришлю что-нибудь, когда поокрепну и предоставлю благорассмотрению И<осифа> И<ванови>ча, напечатать или нет».

Во время пребывания в Николо-Бабаевском монастыре Святитель, несмотря на болезненное состояние, полностью отдается написанию духовных произведений. С первых дней своего отпуска он беспокоится, высланы ли брошюры о Валаамском и Бородинском монастырях знакомым[2], а также через иеромонаха Игнатия передает в подарок некоторым своим духовным чадам новые произведения, которые писал нередко по их просьбе. Об этом Святитель говорил неоднократно. Например, в одном из поздних писем он писал: «Относительно моих сочинений тебе известно, что я писал их для себя и для коротких, немногих знакомых моих, из настроения, полученного и усвоенного монастырскою жизнью». Так, в начале сентября 1847 г. в ответ на просьбу своей духовной дочери — А. А. Александровой — архимандрит Игнатий обещает написать «желаемое ею краткое сочинение и прислать по почте», а уже 22 сентября просит иеромонаха Игнатия в письме: «Приложенный при сем конверт, запечатав, доставь А. А. Александровой. Тут маленькое мое сочинение для них; прочитай его, — только другим не давай». Через месяц он справится: «Отдал ли А<лександровой> Жит<ейское> море»? Таким же путем, через Сергиеву пустынь, архимандрит посылает в подарок Софии Ивановне одно из самых ярких своих произведений — «Чашу Христову».

Сочинение это было написано, вероятно, осенью 1847 г. Уже в конце сентября в письме к иеромонаху Игнатию архимандрит

---

[1] Воспоминание о Бородинском монастыре//Библиотека для чтения, 1847. Т. 85. Науки и художества. С. 121–122. — Подпись: И.; То же. СПб.: тип. К. Крайя, 1847. 4 с. — Подпись: И. См. также Т. 1. С. 486–488. ‖ [2] См.: письма к наместнику Сергиевой пустыни: Т. 2. С. 297–350.

размышлял на эту тему: «...Скорби — чаша Христова на земле. Кто на земли участник чаши Христовой — тот и на небе будет участником этой чаши. Там она — непрестающее наслаждение...» Передавая «Чашу Христову», он пишет иеромонаху Игнатию: «Приложенное письмо, прочитав, доставь Снесарев<ой>[1]. Вот образчик книги, которая давно формировалась у меня в голове, а теперь мало-помалу переходит из идеального бытия в существенное: это будет вроде “Подражание Христу” — известной западной книги[2], только наша. (Включая тебя и прочих ради Бога единомудрствующих со мною в число сочинителей книги, потому употребляю выражение: “наша”.) Совершенно в духе Восточной Церкви — и выходит сильнее, зрелее, основательнее, с совершенно особенным характером. Эту книгу желалось бы подвинуть хоть до половины, доколе я здесь в уединении. Такое дело, сделанное до половины, почти уже сделано до конца».

В письме, адресованном самой Софии Ивановне (№ 4), которая, несомненно, тоже входила в число «ради Бога единомудрствующих», архимандрит уточняет, что статей, подобных «Чаше Христовой», у него написано уже пятнадцать и он предполагает из них составить книгу — «Мой дар друзьям моим»[3]. Описывая содержание и структуру создаваемой им книги, Преосвященный Игнатий замечает, что «образ изложения, наружная форма, самый слог, — может быть, новость в духовной русской литературе». Он интересуется мнением Софии Ивановны и О. И. Сенковского о высланной «Чаше Христовой», но о публикации ее в «Библиотеке для чтения» пока ничего не пишет и просит «сохранить в тайне» это произведение.

Сочинение, которое архимандрит Игнатий посчитал возможным опубликовать в журнале после «Воспоминания о Бородин-

---

[1] Фамилию Снессоревой писали по-разному, но сама София Ивановна в документах и в своих произведениях подписывалась «Снессорева». ‖ [2] Архимандрит Игнатий имел в виду сочинение «De imitatione Christi» («О подражании Христу»), автор которого — *Фома Кемпийский*, собственно — *Ф. Гаmеркен или Гаммерлейн* (1380–1471), знаменитый мистик-аскет; родился в Кемпене близ Кёльна, был приором августинского ордена. Указанное произведение выдержало 5000 изд., переведено на многие языки. Эту книгу святитель Игнатий неоднократно называл написанной в состоянии прелести. См., например, развернутый анализ ее в статье «О прелести» (ПСТ. Т. 1. С. 212–239). ‖ [3] Замысел архимандрита Игнатия не был исполнен. Произведения, написанные в это время, Святитель включил в собрание своих сочинений; в 1862–1867 гг. некоторые из них были изданы отдельными брошюрами или опубликованы в журнале «Домашняя беседа» (См.: Библиография трудов святителя Игнатия и литературы о нем // ПСТ. Т. 4. С. 654–655, 666–668).

ском монастыре», — «Иосиф. Священная повесть, заимствованная из книги Бытия»[1]. Писал он его, вероятно, уже незадолго до своего возвращения в Петербург. Отголоски работы над повестью звучат в мартовском письме 1848 г. к наместнику иеромонаху Игнатию: «...Бог, даровавший благодать свою проданному и заключенному в темницу Иосифу, преклонивший к нему сердца всех, — по великой милости своей преклонил и здесь сердца многих ко мне...».

Свою повесть архимандрит Игнатий посылает в «Библиотеку для чтения» уже после возвращения из Николо-Бабаевского монастыря в октябре 1848 г., но рукопись возвращают, так как Сенковский в это время был болен холерой, а руководство делами редакции перешло в руки его помощника А. В. Старчевского. Автор вновь обращается за помощью к Софии Ивановне (письмо № 6): «...препровождаю к Вам и письмо мое, и рукопись, примите на себя труд то и другое доставить Иосифу Ивановичу».

София Ивановна передает рукопись по назначению, и О. И. Сенковский, несмотря на слабость здоровья, лично занимается ею. Он приостанавливает публикацию произведения А. Н. Муравьева «Скит Гефсиманский» и помещает повесть архимандрита Игнатия. При этом Сенковский не изменяет своей манере работы с публикуемыми материалами и, как он это делал почти всегда, обрабатывает текст рукописи. Но обработка коснулась только авторского предисловия, которое он подает от лица редакции, начиная его со следующего объяснения: «Мы сочли нужным остановить печатание начатой уже здесь повести, чтобы поскорее дать место прекрасному труду одного из даровитейших учителей благочестия на Руси, украсившего уже не однажды это издание творениями пера своего. Имя его, столь прекрасно известное, всегда было скрыто на этих страницах, но голос его, наверное, отозвался каждый раз в душе читателей тем душевным умилением, которое возбуждает он в слушателях в другом, более святом месте.

Несколько строк вступления объяснят и цель почтенного автора, и причину помещения здесь повести совершенно нового роду в изящной словесности. Причина может быть высказана очень коротко. Повесть — священного содержания; но изложение этой *священной повести* вполне литературное, и язык ее увлекатель-

---

[1] Бытие, гл. 37, 39–50.

ный, художественный и приспособленный к чтению, любимому современными светскими воображениями».

После появления в журнале повесть вышла отдельной брошюрой, по образцу прежних публикаций архимандрита Игнатия, в типографии К. Крайя[1]. А следом за ней — в октябре-ноябре 1849 г. — в той же типографии была издана и «Чаша Христова»[2], выхода в свет которой ждали друзья и духовные чада архимандрита. Об этом он писал одному из своих знакомых, объясняя причину опубликования брошюры: «Многие скорбящие желали иметь у себя список “Чаши Христовой”, чтоб из этого чтения почерпать утешение для душ своих. Это заставило меня напечатать “Чашу”...» Авторы «Жизнеописания» Святителя писали, что брошюра «разошлась моментально, платили под конец по десяти рублей за экземпляр, но второго издания уже не было возможности сделать по причине цензурных исправлений, исказивших статью неузнаваемо»[3].

Такого рода сложности возникали и раньше. Так, получив в декабре 1847 г. «Воспоминание о Бородинском монастыре», архимандрит писал иеромонаху Игнатию: «Прилагаю один листок брошюры “Воспоминание о Бородинском монастыре”, выправленный. Без числа ошибок! Совсем теряется и искажается смысл».

В этом свете по-иному видится и публикация «священной повести» об Иосифе: очевидно, Сенковский подает предисловие от своего лица, чтобы обезопасить сочинение от возможных цензурных вмешательств. Но поправки первых публикаций, вероятно, все-таки не столь сильно искажали смысл произведений, как изменения в «Чаше Христовой», с которыми архимандрит Игнатий не согласился.

Скорее всего, к этому же времени относится письмо № 7 (без даты), из которого следует, что София Ивановна предпринимала попытку издать отдельной брошюрой «в виде подарка подписчикам» журнала «Библиотека для чтения» произведение архимандрита Игнатия «Беседа предуготовительная к таинству исповеди», написанное в Сергиевой пустыни в 1845 г. Предвидя возможное вмешательство цензуры, архимандрит советует

---

[1] Иосиф. Священная повесть, заимствованная из книги Бытия/Предисл. авт., доп. и представлено от ред. СПб., тип. К. Крайя, 1849. IV, 42 с. — Подпись: И. Вошло в ПСТ: Т. 2. С. 14–45. || [2] Чаша Христова. СПб.: Тип. К. Крайя, 1849. 16 с. Вошло в ПСТ: Т. 1. С. 504–511. || [3] Полное жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. — С. 166. (Далее — «Жизнеописание...».)

Софии Ивановне заранее прибегнуть к помощи Сенковского и К. С. Сербиновича. «Если ж беседа будет искажена перемарками и риторикой, — пишет он, — низведена из *антологического рода,* в котором она написана, то я на напечатание ее не согласен». Благое желание Софии Ивановны сделать «Беседу» достоянием широкой аудитории не осуществилось — брошюра так и не была издана[1].

Позднее сам Святитель описал ситуацию, сложившуюся вокруг его первых публикаций, в письме к брату: «Когда я жил в Сергиевой пустыни, тогда не благоволили, чтоб мои сочинения были издаваемы печатно, имея на то свои причины. <...> Сначала мне не указывали прямо: на отказ употребляем был свой прием. Именно: так перемарывали рукопись и так изменяли сочинение, что рукопись делалась никуда не годною, а сочинение делалось чуждым мне и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешищем публики. Впоследствии один цензор был столько добр, что сказал о существовании тайного приказания относительно моих сочинений, после чего я не стал беспокоить цензуру представлением туда трудов моих».

Последние две публикации архимандрита Игнатия этого времени — стихотворения в прозе «Кладбище» и «Сад во время зимы» — появились в февральском номере «Библиотеки для чтения» за 1851 г.[2], вероятно, лишь благодаря изобретательности Сенковского, который поместил их в «Смеси», тем самым «спрятав» рассказы-миниатюры архимандрита между другими мелкими произведениями раздела. Авторы «Жизнеописания» Святителя не знали об этих публикациях: «С трудом, при личном старании Сенковского, — пишут они, — прошли тогда две статьи, напечатанные в его журнале "Библиотека для чтения": "Иосиф Прекрасный" и "Валаамский монастырь". Затем долгое время все труды архимандрита Игнатия ходили в рукописях между лицами, пользовавшимися его духовными советами»[3].

[1] Вероятно, это произведение архимандрита вошло в «Сочинения...» в составе тома «Аскетическая проповедь» под названием «Беседа в понедельник первой недели Великого поста: Приготовление к таинству исповеди» (см.: ПСТ. Т. 4. С. 44–66). ‖ [2] Кладбище//Библиотека для чтения. 1851. Т. 105. Февраль. Смесь. С. 130–131. ПСТ. Т. 1. С. 170–171. Сад во время зимы//Библиотека для чтения. 1851. Т. 105. Февраль. Смесь. С. 131–132. Вошло в ПСТ. Т. 1. С. 165–166. ‖ [3] «Жизнеописание...». С. 166. Эти первые публикации произведений Святителя «Кладбище» и «Сад во время зимы» не включены и в «Библиографию трудов святителя Игнатия и литературы о нем». См.: ПСТ. Т. 4. С. 649–776.

Конечно, способ публикации, использованный Сенковским, не мог удовлетворить автора, но архимандрит Игнатий, несомненно, оценил добрые побуждения, которые руководили редактором «Библиотеки для чтения» в этом деле. Так, письмо № 8 (1851 г., без числа), возможно, связанное с последними публикациями архимандрита в журнале, целиком посвящено Сенковскому и свидетельствует о дружеских отношениях, сложившихся между ними: архимандрит беспокоится о здоровье Сенковского и приглашает его вместе с женой посетить Сергиеву пустынь. Очевидно также, что особую роль в общении знаменитого Барона Брамбеуса с подвижником русской Церкви играла С. И. Снессорева.

Письма Преосвященного Игнатия к Софии Ивановне отражают не только перипетии литературной деятельности архимандрита конца 1840-х — начала 1850-х гг. В них запечатлен, что чрезвычайно важно для нас, пример его духовного наставничества, постепенно исцеляющего и выправляющего душу Софии Ивановны.

Поначалу духовные уроки архимандрита Игнатия, видимо, даются ей с трудом. Так, его совет, почерпнутый из святых Отцов — именем Иисуса сокрушить своих кумиров — «земные предметы и образы их, приковывающие к себе мысль и сердце», кажется Софии Ивановне жестоким. В это время ей, вероятно, еще трудно принять слова архимандрита о том, что «любовь Божия умерщвляет любовь плотскую, душевную». Но, поставляя Снессореву на первую ступень духовной лестницы, Архимандрит не требует от нее многого: «Не сетую на вас за равнодушие ко всем; не ищу от вас пламенной любви к Спасителю. Ищу сердца сокрушенного и смиренного, которого Бог не уничижит. <...> Поцелуйте за меня Колю и полюбуйтесь им: нам надо быть таким, как он, чтоб войти в Царство Небесное, которое есть Божественная Любовь» (письмо № 2).

Можно проследить, как бережно и последовательно Святитель подготавливает неокрепшую душу Софии Ивановны к духовному восхождению. Начав с заинтересованного внимания к ее мирским занятиям, он постепенно раскрывает перед ней смысл ее жизни, укрепляет в борьбе с невидимым врагом: «Вы нисколько не ошибетесь, добрейшая София Ивановна, если всю жизнь нашу уподобите продолжительной войне. Каждому из нас предназначено взять у иноплеменников свой Иерусалим и свой Царьград... Не желайте, прежде решительной победы, ни мира,

ни отдыха. Сражайтесь! <...> Доставив Коле земное счастие, постарайтесь доставить ему и небесное. Вот работа после работы» (письмо № 5).

Короткое письмо № 9 (от 27 марта 1854 г.) красноречиво свидетельствует о переменах, произошедших в духовной жизни Софии Ивановны с начала знакомства ее с архимандритом Игнатием. Снессорева, уроженка Воронежа, с детства почитала святителя Митрофана Воронежского. Переживания за судьбу России в войне с союзниками побуждают ее обратиться к архимандриту Игнатию с просьбой послать адмиралу П. С. Нахимову икону святого, передача которой стала событием для всего флота[1]. Святитель увидел в поступке Софии Ивановны проявление «смирения и благочестия».

В конце 1857 г., после наречения во епископа Кавказского и Черноморского, Преосвященный Игнатий навсегда покидает Сергиеву пустынь и уезжает в Ставрополь. Два письма Святителя (письма № 10 и № 11) относятся ко времени его четырехлетнего служения на Кавказской кафедре. Поскольку переписка становится единственно возможной формой общения Снессоревой со своим духовным отцом, первое место теперь в ней занимает главная забота Софии Ивановны — ее сын, подошедший к двадцатилетнему рубежу своей жизни.

С первых дней знакомства Снессоревой со Святителем он простер свое духовное руководство на самых близких Софии Ивановне людей: сына Колю и старшую сестру Елизавету Ивановну. И теперь (на расстоянии), как и прежде (при личных встречах), снова и снова он рассеивает тревогу Софии Ивановны за сына, помогает идти по правильному пути: «Слово Божие да будет вашим руководителем» (письмо № 10). «Бывает время сеяния; бывает и время жатвы. Непреложен нравственный закон, по которому люди должны неизбежно пожать то, что они посеяли произвольно. Но всемогущество Божие и неограниченная милость Божия могут изменить или смягчить и законную, логичную последовательность твердого нравственного закона» (письмо № 11).

После многолетних прошений об увольнении на покой в связи с болезнью Святитель получает разрешение на жительство в Николо-Бабаевском монастыре и в октябре 1861 г. переезжает туда. Половина из известных нам писем Святителя к Софии Ивановне написана им в этот последний период его жизни.

---

[1] См. об этом: Т. 3. С. 313–320.

В уединенной обстановке он вновь отдается писательскому труду, и в конце 1862 г., после более чем десятилетнего молчания[1], в печати вновь появляются его творения. Главным помощником в важном для Святителя деле публикации его трудов становится его брат — Петр Александрович, который с середины 1862 г. полностью посвящает себя делам Святителя.

Отправляя Петра Александровича в Петербург для устройства своих сочинений в печати, Святитель писал ему: «Милосердый Господь да благословит твое путешествие и да дарует из духовной сокровищницы Своей разум и премудрость совершить все по Его святой воле, во славу Его святого имени и к пользе душ наших. <...> я никак не ищу напечатания моих сочинений, никак не признаю их достойными напечатания или способными к назиданию христианского общества. Следовательно, если встретится препятствие к напечатанию, то не усиливайся, чтоб напечатали. <...> если предварительно изъявят согласие, то пусть напечатаются те сочинения, которые я назначил к напечатанию»[2].

Петру Александровичу довольно скоро удается добиться успеха. Уже через полмесяца Святитель пишет ему: «*О сочинениях моих.* Не без Промысла Божия устраивается напечатание их, доселе встречавшее затруднения»[3]. На этот раз публиковать труды святителя Игнатия берется Виктор Ипатьевич Аскоченский[4], журнал которого «Домашняя беседа» твердо стоял на православных позициях. «Сердечно буду рад, если всех сочинений моих будет издателем В. И. Аскоченский, и прошу его об этом, — писал Святитель брату 8 ноября 1862 г. — Да и в самом деле, он — двигатель этого дела! Я вполне уважаю то самоотвержение, с которым он действует. Нападки прогрес-

---

[1] С 1851 по 1862 г. вышли в свет три его произведения: Валаамский монастырь. — СПб.: Тип. Г. Трусова, 1856. 73 с.; Речь, произнесенная в Св. Синоде настоятелем Сергиевой пустыни архимандритом Игнатием при наречении его во епископа Кавказского и Черноморского, октября 18 дня 1857 года. [СПб.: Б. и., 1857]. 3 с.; То же: // Христианское чтение. 1857. Ч. 2. Июль — дек. С. 346–348; [Отзыв на проект преобразования морских учебных заведений адмирала графа Путятина] // Замечания разных лиц на проекты преобразования морских учебных заведений адмирала графа Путятина, 1860–1861. Ч. 2. Подлинные отзывы в алфавитном порядке. СПб., 1861. С. 499–510. ‖ [2] См.: Т. 3. С. 80–81. — Письмо № 52 от 30 сент. 1862 г. ‖ [3] Там же. С. 82. — Письмо № 54 от 18 окт. 1862 г. ‖ [4] *Аскоченский В. И.* (1813–1879) — прозаик, журналист, историк. В 1858–1877 гг. редактор-издатель и главный автор еженедельного журнала «Домашняя беседа», издание которого прекратилось в связи с болезнью и смертью Аскоченского.

систов, которым он подвергается[1], в глазах моих суть величайшие похвалы для него, так, как нападки бесов на угодников Божиих»[2].

Одновременно Святитель обращается к Софии Ивановне с просьбой взять на себя корректуру и поправку грамматических ошибок в подготовленных к печати его сочинениях (письмо № 12). София Ивановна сразу же соглашается. В ответном письме Святителя помимо благодарности и вопросов о сыне мы впервые встречаемся с его мнением о духовном значении переводческой работы Снессоревой[3]: «Искренне желал бы, чтоб время Ваше и силы души Вашей употреблялись на что-нибудь не столько богопротивное и враждебное Богу, сколько враждебны Богу новейшие журналы, усиливающиеся истребить в народе проповедию своею веру и нравственность. За это потребуется грозный ответ. — Милосердие Божие да устроит для Вас иное занятие» (письмо № 13).

София Ивановна со свойственной ей добросовестностью помогает Святителю в публикации его работ. 18 апреля 1863 г. Святитель писал ей: «Искренне благодарю Вас за воспоминание Ваше обо мне в письме Вашем к Петру Александровичу и за труд Ваш по моим сочинениям.

Признаю себя состоящим в долгу перед Вами и перед многими. Я говорил Вам о вере не столько, сколько следовало бы говорить. <...>

Вы, перечитывая мои сочинения, заимствуете из них все мысли и чувствования в Вашу собственность, — так понимаю — соединяетесь со мною в одно направление, в один дух. Направление заимствовано мною всецело из учения святых Отцов Православной Церкви» (письмо № 14).

Вторая часть письма дает повод предположить, что в своем письме София Ивановна сообщает Святителю о намерении Ивана Ильича Глазунова[4] издать Собрание сочинений Преосвящен-

[1] Журнал В. И. Аскоченского и сам он были постоянными объектами критики радикально настроенной и даже умеренной печати. А. И. Герцен, например, называл «Домашнюю беседу» «духовным журналом иезуитско-православного направления» (см.: *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: ИМЛИ, 1954–1965. Т. 18. С. 199). ‖ [2] См.: Т. 3. С. 84. — Письмо № 57 от 8 нояб. 1862 г. ‖ [3] Работая в редакции журнала «Библиотека для чтения», Снессорева к тому же постоянно состояла переводчицей в журналах Е. Н. Ахматовой «Собрание иностранных романов...» и «Дело и отдых». — См.: <Автобиографическая записка>. ‖ [4] *Глазунов Иван Ильич* (1826–1889) — представитель издательской и книготорговой фирмы Глазуновых, основанной в 1782 г. и издававшей собрания сочинений русских писателей, труды историков, педагогов и пр.

ного Игнатия. «Сердечно радуюсь, — пишет Святитель Снессоревой, — что Ивану Ильичу пришла благая мысль издать мои сочинения на свой кредит. Смею думать, что он сделает благодеяние всему отечественному христианскому обществу. <...> Мне и брату моему сделает Иван Ильич также духовное добро, потому что избавит нас от вещественных хлопот о напечатании... Уповаю на милость Божию, что Вы поймете все, сказанное здесь мною: оно довольно глубоко, и, несмотря на простоту и ясность дела, не всякий поймет его» (письмо № 14).

Продолжая публиковать свои произведения у В. И. Аскоченского[1], Святитель принимает предложение И. И. Глазунова и начинает готовить свои сочинения к более полному изданию. Авторы «Жизнеописания...» пишут об этом: «Книгопродавец-издатель И. И. Глазунов, старинный знакомец владыки Игнатия, вошел с ним в соглашение о напечатании всех его сочинений, принимая издержки издания на себя, и тем ввел Преосвященного в усиленное занятие пересмотром, исправлением, пополнением и приведением в одно целое всех статей, писанных им в разное время в сане архимандрита, а потом и епископа. Таким образом, составились первые два тома под названием "Аскетических Опытов"...»[2].

Как при издании отдельных произведений Святителя В. И. Аскоченским, так и теперь, когда начинается издание всех его сочинений, Преосвященный Игнатий видит в этом Божие произволение. 10 января 1864 г. он пишет брату: «Напечатание моих сочинений, очевидно, дело Промысла. И я, и ты, и о. Фотий[3], и В. И. Аскоченский, и Глазунов, и София Ивановна — орудия. Всем дано дело в общую пользу, а следовательно, и в свою. Изучающие христианство по букве и утратившие деятельное изучение его, имеют одно учение для себя, а другое для других»[4].

Когда произведения для первых двух томов были собраны, Святитель обращается к Глазунову с просьбой отнестись к изданию с особой ответственностью: «Богу благоугодно было внушить Вам расположение приобщиться моему убогому труду

[1] С 1862 г. до кончины Святителя в 1867 г. было опубликовано четырнадцать его произведений различных жанров в «Домашней беседе» и еще тринадцать вышли в издательстве В. И. Аскоченского и типографии И. И. Глазунова отдельными изданиями. См.: *Семенова Т. Н.* Библиография трудов святителя Игнатия и литературы о нем (за 1847–2001 гг.) // ПСТ. Т. 4. С. 654–655, 666–668. Все они позже будут включены в собрание сочинений святителя Игнатия. ‖ [2] «Жизнеописание...». С. 482. ‖ [3] Цензор. ‖ [4] См.: Т. 3. С. 91. — Письмо № 69 от 10 янв. 1864 г.

изданием составленных мною "Аскетических Опытов". Эта книга в собственном смысле принадлежит не мне: она вся заимствована из святых Отцов Православной Церкви. Мой труд состоит в том, что в течение всей жизни моей я занимался изучением Отеческих Писаний и сделал из них такое извлечение, какое возможно сделать только по долговременном изучении сих Писаний. <...>

Такой милостынею признал я книгу "Аскетические Опыты". Промыслом Божиим дано было мне, во спасение души моей, приуготовить спасение души Вашей, передать эту милостыню духовную нуждающимся в ней христианам. Дело Божие, И<ван> И<льич>, надо делать со тщанием, чтоб дело, данное во спасение, не было повреждено небрежением и не послужило в осуждение. Я по силе моей постарался дать возможную отчетливость и исправность книге, приготовляя ее с 1840 г., пересматривая, выправляя, дополняя ее, чтоб учение Отцов, изложенное в ней, имело удовлетворительную ясность и полноту: так и вы озаботьтесь, чтоб книга была издана исправно и в должный срок. Многие благочестивые души жаждут этой пищи духовной и желают иметь книгу в руководство жительства своего именно по той причине, что она есть сборник учения Святых Отцов православной Церкви о главных добродетелях христианских и о духовном подвиге»[1].

Одновременно Святитель обращается к Софии Ивановне с просьбой взять на себя корректуру «Аскетических опытов», если этот труд будет удобен для нее (письмо № 18). София Ивановна, вероятно, колебалась в принятии решения, чувствуя большую ответственность и критически относясь к своим способностям. Переживания ее были столь велики, что она увидела сон, о котором сразу же поведала Святителю в очередном письме. Святитель объясняет Снессоревой ошибочность ее внимания к сновидению и раскрывает духовное значение предлагаемой ей работы: «...1) полагаю, что тщательный пересмотр "Опытов" подействует благотворно на Вашу душу, уже привыкшую входить в общение с духом святых Отцов Православной Церкви и находить пищу и утешение, более — оживление в этом общении; 2) по Вашей преданности мне, по сочувствию, которое питаете к моим убогим писаниям, по Вашему знанию и навыку в этом деле я не могу указать ни на кого другого, который бы исполнил

[1]См.: Т. 3. С. 103. — Письмо № 83 от 3 марта 1864 г.

служение в общую пользу христианства с таким усердием и с такою исправностию, как Вы; 3) Вы хорошо знакомы с Глазуновым[1] и можете более, нежели другой, похозяйничать в его типографии. Затем Господь да благословит Вас на этот труд» (письмо № 19).

Еще за год до предложения заняться корректурой «Аскетических опытов» — в апреле 1863 г. — Святитель приглашает Снессореву посетить Николо-Бабаевский монастырь, совершив одновременно «приятную и полезную» поездку. Письмо № 20 дает возможность предположить, что София Ивановна в начале июня 1864 г. побывала у Святителя, который, вероятно, окончательно развеял ее неуверенность и сомнения в себе. Преосвященный Игнатий высоко оценивал работу Софии Ивановны и неоднократно благодарил ее за корректуру: «Очень приятен мне труд Ваш по корректуре “Аскетических опытов”, которые в христианском отношении имеют огромное значение» (письмо № 20). «Признаю за милость Божию к себе Ваше участие в этом деле» (письмо № 23). «С замечаниями Софии Ивановны, — писал Святитель брату, — в значительной степени я согласен. Ищу, как сокровищ, замечаний, исходящих из истинного расположения и из знания»[2].

Снова и снова Святитель пишет Софии Ивановне о духовном значении исполняемой ею работы: «Занимаясь корректурой “Опытов”, Вы трудитесь и для общей пользы, и для собственной Вашей. Смею думать, что Промысл Божий доставил Вам этот труд; чтоб дух Ваш оторвался от духа мира сего и усвоился Духу Божию, в чем сущность спасения» (письмо № 20).

Насколько успешно усваивала Снессорева духовные уроки своего учителя, можно судить по написанной ею в конце 1863 г. и вышедшей из печати в 1864 г. первой духовной книжке «Дарьюшка-странница». Это рассказ о жизни реального лица — Дарии Александровны Шурыгиной, рясофорной послушницы Новодевичьего Воскресенского монастыря, с которой был знаком Святитель и которую хорошо знала сама Снессорева. Получив книгу, Святитель писал: «Искренне благодарю Вас за присланные брошюрки о Дарьюшке: такие простые христианские души, как Дарьюшка, очень близки к Богу, между ими и Богом нет тех ширм, той каменной стены, которые поставляются образо-

---

[1] Глазунов был издателем журналов Е.Н. Ахматовой. ‖ [2] Т. 3. С. 111. — Письмо № 101 от 6 янв. 1865 г.

ванностью и обычаями мира сего» (письмо № 20). Повесть сразу же была опубликована в «Домашней беседе»[1].

Помощь Софии Ивановны в издании собрания сочинений Святителя не ограничилась лишь корректорской работой. Поначалу издание шло гладко. Но если публикации произведений Святителя в конце 1840-х — начале 1850-х гг. встретились с внешними затруднениями, то во время издания собрания сочинений возникли препятствия иного характера. По воспоминаниям П. А. Брянчанинова, когда второй том «Аскетических опытов» находился уже в типографии, И. И. Глазунов неожиданно отказался от данного им обещания издавать сочинения за свой счет, вследствие чего «были остановлены все типографские работы на неоконченном втором томе». В письме, написанном Святителем Глазунову по этому поводу, Преосвященный Игнатий, в частности, писал: «Все добрые дела наветуются скорбями, между тем Свя<щенное> Писание говорит, что начавший доброе дело да совершит его. В наше время распространению учения Св. Отцов особливо противодействуют отверженные духи, влагая разные помышления плотского мудрования и восставляя людей, руководимых плотским мудрованием. Почему я полагал бы, что вам надо придержаться с твердостью принятого вами благого намерения, а приходящие помышления и внушения людские принять за знак того, что дело ваше приятно Богу и полезно христианству потому именно, что против таких дел воздвигаются всегда препятствия и скорби, по мнению Св. Отцов. Препятствиями свидетельствуются такие дела. <...> Вы сами видите, какая ныне нужда в учении Св. Отцов для христианского общества, обуреваемого разными нечестивыми учениями. Сделав свое дело, т. е. отдав вам безвозмездно для напечатания мой двадцатилетний труд, я в остальном полагаюсь на волю Божию и желаю пребывать в мире душевном, на основании покорности воле Божией»[2]. После получения письма, как писал брат Святителя, второй том «Аскетических опытов» был напечатан, но еще два остались ненапечатанными.

Снессорева, вероятно, играла немалую роль в возобновлении издания. Зная близко Глазунова и имея возможность встречаться с ним в Петербурге[3], она, вероятно, сумела найти способы повлиять на решение издателя, что видно из письма № 23.

[1] Дарьюшка-странница // Домашняя беседа. 1864. Вып. 2–11. ‖ [2] Т. 3. С. 660–661. — Письмо № 261 от 25 окт. 1864 г. ‖ [3] Снессорева жила в Царском Селе.

«Бог благословил начинание, истекшее от Вас», — пишет Святитель Софии Ивановне, одновременно сообщая о возобновлении издания.

Завершение издания подготовленных Святителем четырех томов сочинений промыслительно совпало с последними днями его земной жизни. Преосвященный Игнатий чувствовал приближение этого рубежа, и письма его постепенно приобретали иное звучание: все меньше в них было мирского попечения, все больше слов, сказанных для Вечности: «...я, оканчивая мое земное странствование, обращаюсь с приветом любви ко всему человечеству, желая всем всех истинных благ. С особенной благодарностию обращаюсь к тем немногим, которые оказывали мне особенную любовь. В числе этих немногих, очень немногих, — Вы. Благодарю вас за сочувствия Ваши ко мне» (письмо № 22). Тем большее значение в эти последние годы приобретают обращенные к Софии Ивановне слова Святителя о ее духовной победе: «Какое великое дело Вы сделали! **Вы поручили, совсем** отдали, как пишете, Вашего сына Божией Матери. Будьте уверены, что Божия Матерь приняла его, а он пусть потщится быть достойным Высокой и Великомощной Покровительницы своей!» (письмо № 22 от 24 ноября 1864 г.).

Последний раз София Ивановна виделась с Преосвященным Игнатием 13 сентября 1866 г. По ее собственному признанию, при прощании Святитель сказал ей: «София Ивановна! Вам, как другу, как себе говорю: готовьтесь к смерти — она близка. Не заботьтесь о мирском: одно нужно — спасение души! Понуждайте себя думать о смерти, заботьтесь о вечности»![1] Через несколько месяцев после этой встречи (в первых числах мая 1867 г.) Снессорева вновь едет в Николо-Бабаевский монастырь — на похороны Святителя.

Чувства, пережитые духовными чадами Святителя после его смерти, запечатлены в анонимной статье «Кончина преосвященного Епископа Игнатия Брянчанинова», опубликованной в журнале В. И. Аскоченского через две недели после погребения Святителя и сразу же изданной отдельной брошюрой[2]. Бережное внимание, с которым описаны в ней и события последних дней жизни Святителя, и каждая деталь обстановки его комнаты,

---

[1] См.: Из записок Михаила Васильевича Чихачева // ПСТ. Т. 1. С. 600. || [2] Кончина Преосвященного епископа Игнатия (Брянчанинова) // Домашняя беседа. 1867. Вып. 21, 20 мая. С. 578–584.; То же. СПб.: тип. Морского Министерства, 1867. 13 с.

и последние строки его сочинений, говорит о глубокой любви и почтении автора к Преосвященному Игнатию. Статья, написанная от лица духовных чад Святителя, прошедших с ним путь от Сергиевой пустыни до Николо-Бабаевского монастыря, по поэтическому стилю и языку очень близка очерку о Дарьюшке и, несомненно, является тем самым «кратким описанием кончины» Святителя, о котором упоминает С. И. Снессорева в своей <Автобиографической записке>[1].

Во время работы над собранием сочинений Святитель неоднократно говорил о необходимости второго издания. После смерти Преосвященного Игнатия родственники, прежде всего брат, ищут возможности осуществить это желание Святителя. Возможность появляется в 1880 г., когда с купцом И. Л. Тузовым был заключен договор о втором издании сочинений Святителя. Один из пунктов договора гласил: «По окончательном отпечатании учредить надлежащую считку и ведение корректуры поручить г-же Софии Ивановне Снессоревой»[2]. Без сомнения, можно утверждать, что работу эту София Ивановна выполнила и издание сочинений Святителя 1886 года было подготовлено к печати ею. А в 1891 г. у Тузова же Снессорева издает свой главный труд — «Земная жизнь Пресвятой Богородицы...».

Письма святителя Игнатия к С. И. Снессоревой известны нам только в печатном виде. Впервые они были опубликованы почти через 50 лет после смерти Преосвященного Игнатия и через 11 лет после смерти Софии Ивановны — в 1915 г., на страницах фундаментального исследования Л. А. Соколова «Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения» (в 2 ч. Киев, 1915. Ч. 2. С. 99–108, 125–138). Автор труда указал, что все публикуемые им 303 письма Владыки к разным лицам получены «от родного племянника его сенатора Н. С. Брянчанинова» и «издаются впервые». Письма были собраны из двух источников: «...или из собственноручных тетрадей брата его — Петра Александровича Брянчанинова», или представляли собою «перепечатку подлинных

---

[1] Во втором (позднем) варианте <Автобиографической записки> «На память другу» Снессорева дает более подробную характеристику изданию: «По желанию родственников покойного епископа Игнатия Брянчанинова я написала, со слов очевидцев, несколько страниц о последних днях его жизни. Небольшое издание разошлось между родными и знакомыми» (РО ИРЛИ. Ф. 155, не обработан). ‖ [2] *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. В 2 ч. Киев, 1915. Ч. 2. С. 9.

писем владыки Игнатия» (Там же. С. 84). Последние выделялись наличием обращения к адресату и подписи Святителя.

В предлагаемой публикации письма Святителя к Снессоревой впервые расположены в хронологической последовательности.

До недавнего времени мы почти ничего не знали и о судьбе С. И. Снессоревой. Лишь благодаря обнаруженным в Рукописном отделе АН ИРЛИ (Пушкинский Дом) (далее РО ИРЛИ) ее биографическим материалам стали известны основные события жизни Снессоревой. В документах Литературного фонда за 1877 г. (Ф. 155, не обработан) и фонда Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам за 1895 г. (Ф. 540. Оп. 1. № 352) сохранились прошения С. И. Снессоревой о постоянном и временном пособиях. К первому — в Литфонд — приложены автобиографическая записка Софии Ивановны «На память другу», а также список ее переводов и других произведений.

Предоставление автобиографических сведений и списка литературных работ было необходимым условием для всех, обращавшихся с просьбой о помощи в Литфонд. Снессорева отнеслась к этому делу со свойственной ей добросовестностью, и ее автобиографическая записка, написанная на 15 листах, представляет собой подробное повествование о полной неустанного труда и борьбы с нуждой и болезнями жизни. Приложенный же к автобиографической записке список ее переводов за 40 лет работы в журналах насчитывает более семисот произведений!

Официальный характер автобиографической записки ограничил повествование Снессоревой только внешними событиями, внутренняя же ее жизнь и, в частности, отношения со святителем Игнатием, работа над его сочинениями не упоминаются в ней. Эта сторона жизни Софии Ивановны нашла отражение в ранней редакции автобиографической записки, хранящейся в фонде Е. Н. Ахматовой (РО ИРЛИ. Ф. 12. № 158. 1871 г. 18 л.), которая публикуется впервые как дополнение к письмам святителя Игнатия.

Документ этот, для удобства названный нами <Автобиографическая записка>, представляет собой черновой автограф, написанный рукой Снессоревой от третьего лица. Изложение основных событий жизни Софии Ивановны в ранней и поздней редакциях совпадают почти дословно, но <Автобиографическая записка> дает возможность читателю ближе познакомиться с духовным обликом многолетней и верной помощницы Святителя.

Приносим искреннюю благодарность за помощь в подготовке публикаций сотрудникам Пушкинского Дома Любови Владимировне Герашко и Алексею Марковичу Любомудрову.

Письма святителя Игнатия к Софии Ивановне Снессоревой

№ 1

Извещая Вас, что мой «Валаам» кончен[1], и желая, чтоб он был помещен в Б<иблиотеке> для чтения, я прошу Вас, примите на себя труд передать это г. Сенковскому[2]. Но таится во мне условие — и я сейчас же его Вам скажу. Мне очень желалось бы — познакомиться с г. Сенковским не только по настоящему обстоятельству, но как с литератором, которого суд мне будет наверно полезен, а потому нужен. От времени до времени может выходить из-под пера моего брошюрка с поэтическим размахом и посему служить для его журнала не совсем лишнею мебелью. Куда-нибудь в уголок! Картины мои пишу с двух приемов. В первый творю, во второй — занимаюсь отделкой. Первым приемом «Валаам» кончен, и мне хотелось бы с приступлением к второму познакомиться с г. Сенковским, услышать его мнение, употребить его с пользою; первую картину я Вам читал, далее пошли картины все разнообразные, поддерживающие, варьирующие чувство читателя. На последней финальной картине рука моя расходилась — и, кажется, последняя картина выше всех смелостию живописи. Извините — оставляю скромность для искренности, которая в сих случаях необходима. Я был бы очень благодарен, если бы г. Сенковский пожаловал ко мне поскорее; я свободен утром до 12, а после обеда с 4 часов до глубокого вечера. Ожидаю Вашего ответа.

Архимандрит Игнатий.
9 мая 1846 года.

[1] *...мой «Валаам» кончен...* — Архимандрит Игнатий сообщает о завершении работы над первым вариантом своего произведения «Валаамский монастырь» (см. сноски 2 и 3 (с. 489) к Предисловию), в основу которого, вероятно, лег его рапорт «Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем, составленное благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандритом Игнатием» (см.: ПСТ. Т. 3. С. 394–419). Архимандрит Игнатий не только художественно обработал краткие сведения о Валааме, упомянутые в небольшой первой главе рапорта, но значительно дополнил их цитатами из монастырских рукописей, Евангелия, Святоотеческих писаний и другой литературы об истории

монастыря. Доработка текста, очевидно, была закончена после второй служебной поездки архимандрита на Валаам, состоявшейся в сентябре 1846 г., о которой он писал П. П. Яковлеву 9 сентября 1846 г.: «С 3-го сентября я на Валааме; сегодня 9-е, а депутата — еще нет. Наступают осенние непогоды. ...Так во время пребывания нашего в Коневце была там сильнейшая буря, так что самый пароход пришел тремя днями позже» (см.: Т. 2. С. 589).

[2] *...г. Сенковскому...* — Сенковский О. И. См. сноску 1 на с. 606.

№ 2

Нет в моем сердце для вас укоризны. Есть в нем желание вам душевной пользы, есть искренность. Принимайте слова мои с простотою и любовию, потому что они говорятся с простотою и любовию. Любовь не подозрительна, исполнена веры, я говорю о любви духовной; плотская любовь всегда растворена ревностию и подозрительностию.

Кумирами называю, — или лучше научился называть, научился у святых Отцов, в их писаниях, — земные предметы и образы их, приковывающие к себе мысль и сердце. Эти кумиры падают, когда произносится в храме душевном всемогущее и спасительное имя Иисуса. Желаю, чтоб это совершилось во мне, а потому и в Вас. Что Вы находите в этом желании жестокого? Правда — оно ведет к тесному и прискорбному пути, совершаемому мыслями и чувствованиями о Господе, но путь сей выводит к блаженству. Не сетую на Вас за равнодушие ко всем; не ищу от вас пламенной любви к Спасителю. Ищу сердца сокрушенного и смиренного, которого Бог не уничижит. Что значит **не уничижит**? Значит, что в смиренное сердце, сокрушающееся блаженною печалию о множестве согрешений и недостатков, Бог изливает из Себя любовь к Себе. Свидетель сему святой Апостол Павел, который говорит, что в него излилась любовь Божия Духом Святым, данным ему[1]. Любовь Божия умерщвляет любовь плотскую, душевную. Она — Дух. **Она пребывает в тонком хладе**[2], всегда ровная, как в Евангелии, но научает уязвленного ею полагать душу за ближнего своего. Ибо ощущение этой любви сладостнее ощущения жизни. Она поставляет человека в правильное отношение ко всем и ко всему. Она в святом мире, и мир в ней. Она в святой чистоте, и чистота в ней. В чистоту входим покаянием; покаяние должно нас умалить, привести в состояние детей. Поцелуйте за меня Колю[3] и полюбуйтесь им: нам надо быть таким, как он, чтоб войти в Царство Небесное, которое есть Божественная Любовь.

Вам преданнейший Архимандрит Игнатий.

23 августа 1846 года.

[1] Рим. 5. 5.
[2] Цар. 19. 12.
[3] ...*Колю... — Снессорев Николай Аполлонович,* первый ребенок Аполлона Васильевича и Софии Ивановны Снессоревых. Родился 23 июля 1838 г. в Астрахани. — РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595. Л. 50 («Свидетельство о рождении и крещении сына Николая»). Дата смерти не установлена. Трое последующих детей (мальчик и две девочки) умерли в младенчестве. См.: <Автобиографическая записка>.

№ 3

Милейшее письмо Ваше, письмо предоброе Елизаветы Ивановны[1], милое письмецо Коли — получил; а отвечаю очень мало, потому что от спасительного действия лекарства весьма слаб. Не имею наличного капитала, поверите ли Вы мне в долг? Этот долг состоит в том, чтоб написать Вам, Елизавете Ивановне, Коле по особенному письмецу, когда поокрепну.

Христос с Вами! Приветствую всех вас вместе, — странники на земли, как и я!.. Всем нам одна пристань!..

Архимандрит Игнатий.
29 октября <1847 года>.

[1] ...*Елизаветы Ивановны...* — Егорова Елизавета Ивановна (1810–1895), старшая сестра С. И. Снессоревой. Жена статского советника Егорова, Обер-провиантмейстера Сибирского корпуса. — ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. 29. Оп. 138. Д. 82. Вероятно, после смерти мужа Елизаветы Ивановны сестры жили вместе в Царском Селе. ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 1. № 352. См. также <Автобиографическую записку>.

№ 4

«Долг красен платежом», — говорит русская пословица, добрая, справедливая пословица. Это мне надо исполнить относительно Вас: отвечать Вам сколько-нибудь порядочно на предоброе письмо Ваше, на премилое письмо. Когда, в последний раз, писал я к Вам, — был сам не свой; и теперь еще не свой. Это — от действия лекарства, действия спасительного, но держащего в каком-то онемении, в состоянии полужизни. Вместо обширного письма посылаю Вам статью «Чаша Христова»[1]. — Таких статей у меня написано 15, назначаются составить книгу — **«Мой дар друзьям моим»**[2], мою уплату за ту любовь, которую многие имеют ко мне в такой степени. Образ изложения, наружная форма, самый слог, — может быть, новость в духовной русской литературе. Так мне внушилось, — и я действую просто по внушению. Мне хочется, чтоб книга моя была

другом, всегда утешительным, никогда не обременительным. Читатель найдет везде начало, везде конец. Захочет прочитать всю статью, — найдет общую связь. Хочу, чтоб книга удобоприступна была каждому, как друг; и — чтоб гордый ум смиряла высотою истин и глубиною чувств: друг должен быть с характером. Книга должна состоять из 4-х частей. Статьи первой — нравственные советы — Вы имеете образчик. Статьи второй — элегии; душа рассматривает себя, свои отношения к земле, к небу и пр. Статьи третьей: внутренние действия религии христианской. Статьи четвертой: приготовление к причащению Святых Христовых Тайн. Каждая часть имеет свой тон. — Прочитайте «Чашу», скажите Ваше мнение о таком роде сочинения. Если б Иосифу Ивановичу[3] выпала минута и он бы передал Вам свой совет и мнение, — я был бы особенно благодарен.

Воспоминание о Бородинском монастыре, какое у меня было в душе, такое и вышло на бумагу[4]. В этом заключается все мое оправдание пред справедливым обвинением в краткости. Чад своих не отдаю в ортопедическое заведение — вытягивать члены, рожденные на свет короткими! — Есть у меня некоторые вещи и более обширные, чем «Воспоминание», но не знаю, идут ли они в светский журнал. Пришлю что-нибудь, когда поокрепну и предоставлю благорассмотрению Иосифа Ивановича, напечатать или нет.

«Чашу» сохраните в тайне с сестрицею Вашею[5]. Пейте вдвоем из нее духовное утешение в скорбях Ваших. Вы, конечно, не поскорбите на меня за следующее: прочитав «Чашу», отдайте ее в собственность Елизавете Ивановне. — Я хотел ей написать, — но изнемогаю, должен идти, лечь на постель. А хочется перед ней не быть в долгу, потому предлагаю Вам эту просьбу.

Преданнейший Архимандрит Игнатий.

1 декабря. <1847>

[1] *...статью «Чаша Христова»...* — Архимандрит Игнатий высылает рукопись только что написанного им произведения, которое будет издано отдельной брошюрой (Чаша Христова: Соч. архим. Игнатия, настоятеля Сергиевой пустыни. СПб.: Тип К. Крайя, 1849. 16 с. См.: ПСТ.Т. 1. С. 504–512).

[2] *...«Мой дар друзьям моим»...* — Книга под таким названием не была издана.

[3] *...Иосифу Ивановичу...* — Так архимандрит Игнатий называл Осипа Ивановича Сенковского.

[4] *Воспоминание о Бородинском монастыре, какое у меня было в душе, такое и вышло на бумагу.* — Архимандрит Игнатий имеет в виду публикацию: Воспоминание о Бородинском монастыре // Библиотека для чтения, 1847. Т. 85. Науки и художества. С. 121–122. — Подпись: И.

[5] *...с сестрицею Вашею...* — Егорова Е. И.

№ 5

Вы нисколько не ошибетесь, добрейшая София Ивановна, если всю жизнь нашу уподобите продолжительной войне. Каждому из нас предназначено взять у иноплеменников свой Иерусалим и свой Царьград. Слава на небе ожидает победителя и завоевателя, — бесчестие вечное ожидает решительно побежденного, допустившего себе падение, из которого нет восстания. Не желайте, прежде решительной победы, ни мира, ни отдыха. Сражайтесь! если чувствуете изнеможение, если побеждаетесь в мысли: то снова ободряйте себя, старайтесь не быть побежденною на самом деле и обучиться со временем к победе при столкновении одних мыслей. Доставив Коле земное счастие[1], постарайтесь доставить ему и небесное. Вот работа после работы. Ваша добродетель будет привлекать благословение Божие на Вашего сына; а за согрешение Ваше может разразиться над ним гнев Божий. Помните это и укрепляйтесь. Бог, доселе не оставлявший Вас, не оставит и на будущее время. Благословение Его да почиет над Вами.

Вам преданнейший

Архимандрит Игнатий.

24 мая 1848 года.

[1] *Доставив Коле земное счастие...* — Сын С. И. Снессоревой по личному распоряжению цесаревича Александра (будущего императора Александра II) был помещен во вторую С.-Петербургскую гимназию. См.: <Автобиографическая записка>. Также: Историческая записка 75-летия СПб. 2-й гимназии. 1–3 ч. Сост. препод. А. В. Курганович и А. О. Круглый. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1894. Ч. 2. (1831–1880). С. 424. Также: РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595. Л. 36. (Дело о дворянском происхождении рода Снесаревых.)

№ 6

Письмо мое к Иосифу Ивановичу и рукопись «Иосиф» возвратили[1], приведя причину отсутствия Иосифа Ивановича, и якобы уже не он, а кто-то другой занимается изданием «Библиотеки для чтения»[2]. Почему препровождаю к Вам и письмо мое, и рукопись, примите на себя труд то и другое доставить Иосифу Ивановичу.

Вам преданный Архимандрит Игнатий.
4 августа 1848 года.

[1] *Письмо мое к Иосифу Ивановичу и рукопись «Иосиф» возвратили...* — Архимандрит Игнатий посылает рукопись своего произведения для публикации в «Библиотеку для чтения». О причине ее возвращения см. в Предисловии.

[2] *...кто-то другой занимается изданием «Библиотеки для чтения»...* — Дела редакции в это время ведет А. В. Старчевский.

№ 7

Милостивая Государыня София Ивановна!

Имею честь препроводить «Беседу предуготовительную к таинству исповеди»[1]. Я согласен по слову Вашему, чтоб она была напечатана почтеннейшим издателем «Библиотеки для чтения», в отдельной книжке, в виде подарка подписчикам. Но должен сказать Вам, что эта беседа — подражание огласительным беседам святого Кирилла Иерусалимского[2] — очень покажется новою в настоящее время для духовных цензоров, почему и предлагаю г-ну Старчевскому (а лучше б Иосиф Иванович взял на себя этот труд) побывать у К. С. Сербиновича[3], питающего к изданиям Иосифа Ивановича особенное уважение. Если К. Сербинович одобрит беседу к напечатанию, то пусть г-н Старчевский выпросит у него записочку к цензору о. архимандриту Иоаннникию, при такой записочке о. Иоанникий[4], очень ко мне расположенный, нисколько не затруднится пропустить беседу, пропустить скоро и не подвергая операции. Если ж беседа будет искажена перемарками и риторикой, низведена из антологического рода, в котором она написана, то я на напечатание ее не согласен. — Записочка, записочка от К. Сербиновича! Она будет иметь магическую силу! Будьте здоровы!

Вам преданный

Архимандрит Игнатий.

[1] *«Беседа предуготовительная к таинству исповеди».* — Произведение святителя Игнатия под таким названием в печати не появлялось. См. сноску 1 (с. 612) к Предисловию.

[2] *...подражание огласительным беседам святого Кирилла Иерусалимского...* — Кирилл Иерусалимский (315–386) — святой Отец Церкви, с 351 г. епископ Иерусалимский. Известны его проповеди (импровизации, записанные его слушателями), огласительные и тайноводственные поучения (24) имеют важное значение для истории христианских догматов, таинств и обрядов.

[3] *Сербинович Константин Степанович* (1797–1874) — писатель. С 1833 по 1856 г. редактировал «Журнал Министерства Народного Просвещения» и в то же время состоял до 1859 г. директором Канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода. Позже был членом Комиссии прошений.

[4] *...о. Иоанникий...* — Цензор.

№ 8

Добрейшее письмо Ваше и при нем письмо Иосифа Ивановича я получил, очень жалею, что почтеннейший Иосиф Иванович, при болезненности своей, принял на себя труд написать письмо, отнявшее у него много драгоценных минут, которые можно бы было отдать или полезному труду, или столько же полезному отдохновению. Это письмо останется у меня, как щит против цензуры духовной[1]. Оставляя теперь говорить о всем прочем, выскажу только то, что надо же осуществить когда-нибудь доброе намерение Иосифа Ивановича и его супруги посетить Сергиеву Пустыню, заботу о том, чтобы устроить это, примите на себя. Это будет тою казнию, которой Вы просите от меня в последнем письме Вашем за постоянное расположение Ваше ко мне.

На днях получил его «Письма с Востока»[2]. Это сочинение мне нравится. Оно — более скромно и зрело, чем другие его сочинения.

1851 год.

[1] *...цензуры духовной...* — О. И. Сенковский в 1828–1833 гг. был цензором.

[2] *...«Письма с Востока»...* — О. И. Сенковский был выдающимся ориенталистом своего времени. Он обладал незаурядными способностями и знаниями в области восточных языков. С 1822 г. был профессором С.-Петербургского университета по кафедре арабской словесности. (Об этой стороне деятельности Сенковского см.: *Алиева Л. Г.* О. И. Сенковский — путешественник и востоковед. Автореферат канд. дис. М., 1977.) Тем не менее опубликованного произведения О. И. Сенковского с таким названием обнаружить не удалось.

№ 9

Вам надо пожаловать ко мне прочитать ответ Нахимова[1], назидательный своим смирением и благочестием. Это отклик на Ваше смирение и благочестие; водимые ими, Вы передали мне Ваше желание послать ему икону святителя Митрофана, привили мне это желание[2].

Вам преданный

Архимандрит Игнатий.
27 марта 1854 года.

[1] *Нахимов Павел Степанович* (1802–1855) — русский флотоводец, адмирал. В 1853 г. командуя эскадрой, разгромил турецкий флот в Синопском сражении. В 1854–1855 гг. руководил героической обороной Севастополя.

[2] Событие, о котором идет речь в письме, — благословение адмирала Нахимова иконой святителя Митрофана, посланной архимандритом Игнатием; опубликовано в «Записках» С. И. Снессоревой; см. также: Т. 3. С. 313–319.

№ 10

Милостивая Государыня София Ивановна!

Вчера я имел истинное удовольствие получить письмо Ваше через полковника Х.[1] Сердечно благодарю Вас за воспоминание Ваше о мне; я был уверен, что Вы меня не забыли, — и надо же было прийти Вашему письму для подтверждения моего убеждения, в те именно дни, когда за минуту предстала мне мысль о противном.

Милостивый Господь да благословит Вас и сына Вашего. Будьте утешением друг другу. Слово Божие да будет Вашим руководителем. Оно постоянно вещает страннику земному о его вечном отечестве. Это — песнь небесная, которая непрестанно напоминает о небе изгнаннику с неба. Если мы не будем внимать слову Божию, то легко можем обмануться, счесть землю своим вечным жилищем и употребить единственно для земли все силы души и тела, потом внезапно и неожиданно предстать в вечность по призыву всесильного Бога, между тем как, занятые исключительно временным, мы ничего не сделали для вечности, то есть для вечности блаженной.

По милости Божией, я живу очень спокойно, но лечение водами очень тяжело по застарелости моей болезни. За все слава Богу. Оканчиваю это письмо прекрасною молитвою: «Сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим»[2].

Ваш покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
8 февраля 1860 года.

[1] *...полковника Х.* — Лицо не установлено.

[2] *«Сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим».* — Прошение Великой ектеньи на Божественной литургии.

№ 11

Что сказать Вам на письмо Ваше от 10 июня? **Молитеся, да не внидете в напасть**, говорил Господь ученикам Своим пред наступлением напасти[1]. Бывает время сеяния; бывает и время жатвы. Непреложен нравственный закон, по которому люди должны неизбежно пожать то, что они посеяли произвольно. Но всемогущество Божие и неограниченная милость Божия могут изменить или смягчить и законную, логичную последовательность твердого нравственного закона.

Благословение Божие да почиет над Вами и над чадом Вашим, а милость Божия да сохранит Вас от всякого зла.

Ваш покорный слуга

Епископ Игнатий.
22 июня 1862 года.

[1] Мф. 26. 41.

№ 12

Милостивая Государыня София Ивановна!

Я к Вам с покорнейшею просьбою! Мой родной брат Петр Александрович Брянчанинов[1] издает некоторые мои сочинения[2]. Они нуждаются не только в отчетливой корректуре, но и в поправке грамматических ошибок, которых я делаю много. — Возьмите этот труд на себя, если он не обременит Вас.

Призывая на Вас и на милейшего сына Вашего и проч.

8 ноября 1862 года.

[1] *...Петр Александрович Брянчанинов...* (1809–1891) — брат святителя Игнатия, Ставропольский вице-губернатор, действительный статский советник, в 1862 г. по расстроенному здоровью уволен от службы, поселился в Николо-Бабаевском монастыре в положении послушника.

[2] *...издает некоторые мои сочинения.* — В 1862 г. произведения Святителя начинает издавать и публиковать в своем журнале «Домашние беседы» В. И. Аскоченский: Евангельские блаженства // Домашняя беседа. 1862. Вып. 45. С. 377–378; Вып. 46. С. 401–403. — Подпись: Николо-Бабаевский монастырь. 1847 г. Без указания имени автора; Мысли о чтении Евангелия // Домашняя беседа. 1862. Вып. 43. С. 333–335; Вып. 4. С. 357–359. — Подпись: Николо-Бабаевский монастырь. 1847. Без указания имени автора; Роса // Домашняя беседа. 1862. Вып. 48. С. 450–452. — Подпись: Сергиева пустынь. Без указания имени автора. А также отдельными изданиями: Поучение о спасении к простому народу (крестьянам) при посещении епархии, составленное Игнатием, епископом бывшим Кавказским и Черноморским, ныне жительствующим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб.: Изд. В. Аскоченского, 1862. 23 с.; Слово о смерти, составленное Игнатием, бывшим епископом Кавказским и Черноморским, ныне пребывающим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб.: Изд. В. Аскоченского, 1862. 148 с.; Чаша Христова: Соч. архим. Игнатия, бывшего настоятеля Сергиевой пустыни, ныне епископа, жительствующего на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб.: Изд. В. Аскоченского, 1862 (обл. 1863). 16 с.

№ 13

Милостивая Государыня София Ивановна!

Спаси Вас Господи за письмо Ваше от 26 ноября. Милосердие Божие да покроет Вас и сына Вашего как на поприще наступившего Нового Года, так и на поприще всей земной жизни. Это поприще самое неверное, изменчивое. Когда с него потребуют, немедленно предает и выдает, сколько бы по видимому ни ласкало и ни убеждало в верности.

Назначение Великого Князя на Кавказ[1] очень утешает меня, разумеется, по желанию блага краю. Не повлечется ли туда сын Ваш? На этот вопрос скажу опять, милость Божия да будет с Вами. Искренне желал бы, чтоб время Ваше и силы души

Вашей употреблялись на что-нибудь не столько богопротивное и враждебное Богу, сколько враждебны Богу новейшие журналы, усиливающиеся истребить в народе проповедию своею веру и нравственность. За это потребуется грозный ответ. — Милосердие Божие да устроит для Вас иное занятие. Вы знаете, как я Вас люблю! В Писании сказано: **веровах, темже возглаголах**[2]. А я могу сказать: «Возлюбил, темже возглаголах».

Напишите о себе и о милом сыне Вашем. Напишите также, в каком положении печатание моих сочинений. — Прошедший декабрь я очень изнемогал, особенно изнемогал, паче того изнеможения, в котором нахожусь постоянно.

Благословение Божие да почиет над Вами и над чадом Вашим.

С чувствами искренней преданности и уважения
имею честь быть Ваш покорнейший слуга

Епископ Игнатий.
5 января 1863 года.

[1] ***Назначение Великого Князя на Кавказ...*** — Михаил Николаевич (1832–1909) — Великий князь, 4-й сын Николая I. В 1862–1881 г. Наместник Кавказа, Главнокомандующий Кавказской армией в 1877–1878 гг.

[2] ***...веровах, темже возглаголах...*** — Пс. 115. 1.

№ 14

Милостивая Государыня София Ивановна!

Искренне благодарю Вас за воспоминание Ваше обо мне в письме Вашем к Петру Александровичу и за труд Ваш по моим сочинениям.

Признаю себя состоящим в долгу перед Вами и перед многими. Я говорил Вам о вере не столько, сколько следовало бы говорить. Думаю уплатить этот долг изданием моих писаний, причем я постараюсь тщательно пересмотреть, исправить и пополнить написанное мною с 1840 года. С этого времени я начал писать о духовных предметах, но более с 1844 года, на что была своя причина.

Вы знаете, что я всегда особенно любил Вас. Имею любовь и доверенность и к уму, и к сердцу Вашему. Мне всегда желалось, чтоб этот ум и это сердце направились к Богу, усвоились Ему. Теперь приходит мне мысль: не исполняется ли это ныне, по неожиданному стечению обстоятельств, как выражаются светские, — по особому устроению Промысла Божия, как позволю себе выразиться по моему сознанию. Вы, перечитывая мои сочи-

нения, заимствуете из них все мысли и чувствования в Вашу собственность, — так понимаю — соединяетесь со мною в одно направление, в один дух. Направление заимствовано мною всецело из учения святых Отцов Православной Восточной Церкви.

Сердечно радуюсь, что Ивану Ильичу[1] пришла благая мысль издать мои сочинения на свой кредит. Смею думать, что он сделает благодеяние всему отечественному христианскому обществу, доставив духовное чтение не из того образования, которое дает школа, сообщающая одни знания по букве, но которое приобретено монастырскою жизнию. Школа сообщает знания, которые принимаются умом к сведению, и только: монастырская жизнь сообщает деятельные христианские знания, которые непременно производят спасительное влияние на направление, настроение, деятельность читателя. Святой Исаак Сирский[2] уподобил первого рода занятия источникам вод и плодам, изображенным на стене живописью, на них можно с приятностью поглядеть, если они хорошо написаны, и только. Познания второго рода этот святой уподобил самым источникам вод, самым плодам, могущим служить к питанию человека.. «Сколько выше тела — душа, — говорит святой Иоанн Лествичник[3], — столько милостыня душевная выше телесной.. Если б мои сочинения могли быть признанными душевною милостынею, то смею думать, что Ив<ан> Ил<ьич>ч, напечатав их, сделает не столько дело коммерческое, сколько дело благочестия христианского. Время подумать о христианском благочестии! Я за денежными выгодами не гонюсь, и если какие будут, желаю, по обычаю моему, употребить в пользу человечества и христианства. Моя единственная цель: не скрыть то, что может быть полезным для многих. Если не ошибаюсь, то в этом роде у нас почти нет духовных сочинений. Мне и брату моему сделает Иван Ильич также духовное добро, потому что избавит нас от вещественных хлопот о напечатании, даст возможность нам предаться всецело нашим занятиям духовным, с которыми несовместимо развлечение.

Уповаю на милость Божию, что Вы поймете все, сказанное здесь мною: оно довольно глубоко, и, несмотря на простоту и ясность дела, не всякий поймет его. Объясните сказанное мною Ан. В.[4] и Л. Ив-не[5]. Скажите им от меня, что я приглашаю их принять участие в оказании духовного благодеяния, в подаче духовной милости обществу, весьма нуждающемуся в здоровой и питательной духовной пище. Обе эти дамы всегда были хорошо расположены ко мне. Что стоит им побывать в Бабаевском

монастыре? А с ними и Вам удобно совершить приятную, для Вас полезную прогулку.

Призываю благословение Божие на Вас и на сына Вашего. Уповаю на Бога, а прибегающего к Богу Бог сохраняет и среди опасностей. С чувствами искренней Преданности и уважения имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Епископ Игнатий.

18 апреля 1863 года.

[1] ...*Ивану Ильичу*... — Глазунов Иван Ильич — издатель сочинений святителя Игнатия.

[2] *Святой Исаак Сирский*... — Преподобный Исаак Сирин, епископ Ниневийский. Жил в VI веке. Автор аскетических сочинений.

[3] *Иоанн Лествичник* (484–563) — Игумен Синайского монастыря. Автор сочинения «Лествица, возводящая на небо» и других аскетических сочинений.

[4] ...*А. В.* — Лицо не установлено.

[5] ...*Л. Ив-не*... — Лицо не установлено.

№ 15

Милостивая Государыня София Ивановна!

То, что сказали Вы в письме Вашем от 21 апреля о сыне Вашем, могла сказать только такая нежная мать, как Вы. Он — Ваш воздух, Ваше солнце. Кажется, я никогда не забуду этого выражения, хотя сделался забывчивым донельзя. Ведь не забыл я бобрового воротника, украшенного сединами, на шинели у Коли, когда я увидел его в первый раз офицером в соборной церкви в Сергиевой Пустыне! По моей необыкновенной впечатлительности и чувствительности мне представилось, что в этом роскошном, можно сказать, воротнике каждый волосок — труд рук Ваших: и остался этот воротник изображенным в моей памяти по причине того впечатления, которое поразило меня при взгляде самом мимоходном.

Сопутствуйте сыну Вашему молитвою Вашею! Бывают скорби и частные, и общественные. Постигают людей те и другие не без попущения Божия. Гордый разум человеческий признает себя правителем мира, потому что не видит Бога, правящего миром: и потому при скорбях, превышающих постижение человеческое, впадает в уныние и безнадежие. Но кто признает Бога правителем мира, тот в затруднительных обстоятельствах обращается к нему и сверх чаяния получает помощь.

Благословение Божие да почиет и прочее.

14 мая 1863 года.

№ 16

Земная жизнь — школа. Находясь 25 лет в этой школе, Николай Н-ч (ошибочно, нужно — Аполлонович. — *Е. А.*)[1] увидел звезду, хранящую его. Звезда — это Промысл Божий. Звезды усматриваются ночью на чистом небе; при наступлении дня они, оставаясь на своих местах, делаются неприметными по причине появившегося преимущественно света, разливаемого солнцем. Солнце — Христос. Теперь познания в религии сына вашего подобны светлой ночи, и потому он заметил непостижимый, превысший описаний, но действительно существующий Промысл Божий. Когда же разум его, по особенной милости Божией, осветится христианством, тогда религиозные познания его из поверхностных, скудных, неясных преобразятся в светлые, обширные, глубокие и высокие, преизобильно удовлетворительные; они сделаются подобными прекрасному летнему дню, в течение которого умный и расположенный к добру человек возможет совершить свое спасение, то есть устроить свою жизнь и участь в вечности во благо себе.

«Отчего, мама, ты так сильно беспокоишься обо мне?» Оттого, душенька, что у мамы слаба вера в Бога, Который воспретил суетные попечения, не приносящие и не могущие принести никакой пользы, производящие только беспокойство и смущение, расстраивающие душу и тело. Немощный человек хочет действовать и действовать; хочет действовать по-своему, хочет действовать и там, где действие невозможно для него. Повсюду он простер бы свою сильную руку; везде бы указал образ действия по своему мудрейшему соображению. Признать Бога деятелем достаточно могущественным и разумным, на этом основании постоянно прибегать к Богу молитвою он не хочет. Между тем только что прибегнет человек к Богу смиренною молитвою, — не плотскою, нервною, разгоряченною движением крови, — придавая себя и ближних своих милости и воле Божией, как и успокоится.

Молитесь о сыне! тщательным чтением убогих сочинений моих входите в ближайшее соотношение с душою моею, чтоб соединиться в том мире и граде, где **несть мужеский пол и женский**[2], но все истинные слуги Бога составляют едино в Боге, как различные члены тела, соединяемые во едино существо оживотворяющею их душою.

Епископ Игнатий.

P. S. Будущее известно одному Богу; в наше переходное время может легко случиться изменение положения монастырей, и очень скоро. Мое здоровье очень плохо; уже мне не до земных дел! должно больше думать о переселении в иной мир. Впрочем, по обязательному отношению моему к монастырю я должен заботиться о его внутреннем и наружном, духовном и вещественном благосостоянии, что и стараюсь исполнять по силам, охраняясь, чтоб действие в пользу монастыря не было сопряжено с отягощением и неприятностию для ближнего.

22 августа 1863 года.

[1] *...Николай Аполлонович...* — Сын С. И. Снессоревой.
[2] *...несть мужеский пол и женский...* — Гал. 3. 28.

№ 17

Многими скорбьми — не малыми, заметьте, но многими и разнообразными — **подобает нам внити в Царствие Божие**[1]. Так определило Слово Божие. Это же всесвятое Слово повелело нам не бояться скорбей, потому что они попускаются нам Промыслом Божиим, а Промысл Божий, попуская нам их, по существенной необходимости и пользе их для нас, неусыпно бдит над нами и хранит нас. Так врач для исцеления больного дает ему горькие, отвратительные и мучительные лекарства и в то же время тщательно ухаживает за ним. Веруйте этому и переносите постигшую вас болезнь благодушно, благодаря за нее Бога.

Послушание есть спасительнейший подвиг. Сила и жизнь всех страстей человека сосредоточены в его испорченной воле: послушание, связывая и убивая волю, связывает и убивает совокупно все страсти. Другие ищут всеусильно и всеусердно этого подвига, а для вас он устроился сам собою. Старайтесь преуспевать в послушании разумно и благочестно и благодарите Бога, даровавшего вам этот подвиг. Послушание полезнее всех произвольных подвигов, хотя и представляется при поверхностном взгляде, что положение в послушании препятствует духовному преуспеянию, препятствуя совершению произвольных подвигов. Такой взгляд ошибочен. В Египетском Скиту — местопребывание величайших святых — жил юный инок Захария при родном отце своем Карионе, который был и старцем его. Захарию осенила благодать Божия, и он пришел от этого в особое состояние. О сверхъестественном состоянии своем он поведал старцу. Старец занимался одним телесным подвигом и не понимал ни духовного подвига, ни обстановки его. Он начал бить Захарию,

говоря, что совершившееся с ним есть следствие самообольщения и действие бесовское. Захария принужден был сходить тайно к одному из святых Отцов для совещания. Отец дал такой совет: «Твое состояние — от действия Божественной благодати, но иди и пребудь в повиновении у твоего старца». Очевидно, что святой Отец оставил за Захариею положение, положение послушания, на котором, как на основании, воздвиглось его душевное преуспеяние. С отъятием основания могло бы рушиться и воздвигнутое на основании.

Страх, приходящий вам по вечерам, должно отражать верою. Напоминая себе, что вы в деснице Бога и под Его взорами, прогоняйте страх, не имеющий никакого смысла.

В церкви никак особенных молитв не читайте, а внимайте богослужению. Хорошо приучиться к молитве мытаря, которая одобрена Господом и которую мытарь, как видно из Евангелия, произносил, находясь в церкви[2]. Эта молитва читается так: «Боже, милостив буди мне грешнику» или: «Боже, очисти мя грешного». Этой молитве равносильна молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» или же «Господи, помилуй». Читайте из этих молитв ту, которую найдете удобнейшею для себя. Но читайте непременно неспеша и со вниманием. Советую держаться второй (то есть Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного). Первые две молитвы — тождезначущи; третья — сокращение второй. В церкви иногда внимайте богослужению, а иногда умом произносите молитву, не преставая внимать и богослужению. Можно вместе и молиться умом, и внимать церковному молитвословию. Первое споспешествует второму, а второе первому.

Церковную службу, когда остаетесь дома, можно заменить чтением которого-либо из акафистов: акафиста Господу Иисусу или акафиста Божией Матери.

В церкви не становитесь на колени и вообще по наружности не отделяйтесь от прочих какими-либо особенностями, но сохраняйте и внутреннее, и наружное благоговение. Поклонов кладите как можно меньше. Земных поклонов полагайте всего два в течение литургии, в конце ее: когда дважды выносят Чашу со Святыми Тайнами. Удерживайте себя от разгорячения и от всех порывов, столько противных смирению. Требуйте от себя тишины и внимания и при молитве, и при чтении, и при всех действиях ваших. Таким поведением доставляется духу смирение. Смирение осеняет милость Божия.

Никакими мелочами не связывайте себя и не засужайте себя по причине мелочных погрешностей и проступков. То и другое служит источником смущения и уныния. Мелочные погрешности, в которые впадает ежечасно каждый человек, врачуются ежечасным покаянием пред Богом, покаянием, состоящим из немногих слов при сочувствии им сердца. Нередко оказывается возможным слово покаяния произнести только умом: и этого достаточно, лишь бы они произнесены были со вниманием. В церкви, когда найдете нужным сесть, садитесь, потому что Бог внимает не тому, кто сидит или стоит, а тому, чей ум устремлен к Нему с должным благоговением. Стремление к Богу, благоговение пред Богом и страх Божий приобретаются вниманием к себе. Читайте, что читали. Чтение Апокалипсиса приводит к страху Божию; воздержитесь от объяснения этой таинственной книги, довольствуясь производимым его действием на вашу душу. Когда найдете нужным прибавить или убавить что в вашем молитвословии и чтении по случаю немощи или встретившихся независимо от вас других занятий, делайте это, не сомневаясь и не смущаясь. Будьте свободны! не связывайте себя никакою скрупулезностию. Правила для человека, а не человек для правил. Противным сему пониманием производятся лишь недоумения и расстройства.

Мне приятно, что вы поняли причину, по которой предложено вам чтение сочинений святого Тихона[3]. Теперь уже нет для вас повода колебаться, когда вам будут предлагать для чтения ту или другую духовно-нравственную святую книгу. Идите своим путем, уважая и благословляя пути всех других, благочестно спасающихся. Письма Затворника Георгия[4] одного духа с сочинениями святителя Тихона.

Благословение Божие да почиет над вами.

[1] Деян. 14. 22.

[2] Лк. 18. 10–14.

[3] *...сочинения святого Тихона... – Святитель Тихон (Задонский)* (1724–1783) – духовный писатель, церковный деятель. Ко времени переписки Святителя с С. И. Снессоревой были изданы его сочинения: Полное собрание сочинений преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. СПб., 1801. Сочинения преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. Т. 1–15. М.: Синодальная типография, 1836–1837.

[4] *Письма Затворника Георгия... – Георгий Затворник* (Машурин Егор Алексеевич) (1789–1836) – послушник Задонского Богородицкого монастыря Воронежской епархии. Затворился в холодной келье и провел в затворе 5 лет. Пострижен под именем Стратоник, но в народе известен как Георгий Затвор-

ник. В 1839 г. впервые были изданы его письма из затвора: Письма в Бозе почившего затворника Задонского Богородицкого монастыря, Георгия. М.: Университетская тип., 1839. — 210, VI с.

№ 18

Не ошиблись вы, вручив сына вашего покровительству Божией Матери. Вследствие этого покровительства ему посчастливилось на службе[1]. Слышу, что вы нездоровы. В таком положении нахожусь и я. Должно положиться на Бога и стараться о благоугождении Ему. Находясь постоянно в Его полной воле и власти, мы должны непременно предстать на суд Его, на котором решится наша вечная участь, смотря по тому, приблизились ли мы к Богу или отдалились от Него во время нашего земного странствования.

Относительно корректуры «Опытов»[2] убедительно прошу вас поступить со всею искренностию и прямотою. Если этот труд удобен для вас, возьмите его на себя; если же он сколько-нибудь неудобен, то откажитесь от него. Поступив искренне, вы поступите самым приятнейшим образом для меня.

Что это значит? Веет от мира какою-то пустынею, или потому что я сам живу в пустыне, или потому, что и многолюдное общество, когда оно отчуждилось от Слова Божия, получает характер пустыни.

Благословение и милость Божии да почиют над вами и сыном вашим.

3 марта 1864 года.

[1] *...ему посчастливилось на службе...* — Сведениями о службе сына Снессоревой мы пока не располагаем.

[2] *...«Опытов»...* — Речь идет о подготовке к изданию двух томов сочинений святителя Игнатия, издаваемых под общим названием «Аскетические опыты» (См.: ПСТ. Т. 1–2).

№ 19

Прежде всего скажу Вам, что сон Ваш не имеет никакого значения. Ваше внимание к нему было ошибочное. Вы познаете это из того, что внимание к нему производило в Вас смущение, то есть приводило Вашу душу в неправильное состояние, а невнимание успокоит, то есть приведет душу в правильное состояние. Таковы действия лжи и истины на душу.

Далее скажу: если чувствуете себя в силах, возьмите на себя корректуру «Аскетических Опытов». На это имеются существенного значения причины: 1) полагаю, что тщательный пересмотр

«Опытов» подействует благотворно на Вашу душу, уже привыкшую входить в общение с духом святых Отцов Православной Церкви и находить пищу и утешение, более — оживление в этом общении; 2) по Вашей преданности мне, по сочувствию, которое питаете к моим убогим писаниям, по Вашему знанию и навыку в этом деле я не могу указать ни на кого другого, который бы исполнил служение в общую пользу христианства с таким усердием и с такою исправностию, как Вы; 3) Вы хорошо знакомы с Глазуновым[1] и можете более, нежели другой, похозяйничать в его типографии.

Затем Господь да благословит Вас на этот труд.

8 апреля 1864 года.

[1] *...Глазуновым...* — Глазунов Иван Ильич.

№ 20

С особенным удовольствием увидел я Вас в уединенной обители Бабаевской[1]; с особенным удовольствием слышал от Петра Александровича[2] поведание о том впечатлении, которое произведено на Вашу душу посещением обители. Это поведание совершенно согласно с письмом Вашим от 20 июня, полученным мною 26-го. Вы видели меня много изменившимся, приближавшимся к окончанию земного странствования. И Вы подвинулись на этом пути. Загробная жизнь уже не есть странствование, а в полном смысле жизнь, жизнь неизменяющаяся или в вечном блаженстве, или вечном бедствии.

Божия Матерь, Которой Вы предали Вашего сына, да осенит его Своею милостию и да наставит провести земное странствование правильно. И Вам искренно желаю действовать в пользу сына Вашего, не согрешая перед Господом Богом занятиями, Ему неблагоугодными[3]. Вступающие в общение с духами отверженными во время земной жизни своими помышлениями и сердечными ощущениями будут отчислены по смерти к страшному обществу этих духов. При занятиях богоугодных молитва Ваша о сыне Вашем получит силу пред Богом и привлечет благословение Божие на Вас и на сына Вашего. Милосердие Божие да дарует Вам найти занятие богоугодное. Искренне благодарю Вас за присланные брошюрки о Дарьюшке[4]: такие простые христианские души, как Дарьюшка, очень близки к Богу, между ими и Богом нет тех ширм, той каменной стены, которые поставляются образованностью и обычаями мира сего.

Очень приятен мне труд Ваш по корректуре «Аскетических опытов», которые в христианском отношении имеют огромное значение. Это не мое сочинение: по этой причине выражаюсь о нем так свободно. Я был только орудием милости Божией к современным православным христианам, крайне нуждающимся в ясном изложении **душевного христианского подвига**, решающего на вечную участь каждого христианина. Очень легко вдаться в неправильный подвиг, а посредством его вполне отчуждиться от Бога. Занимаясь корректурой «Опытов», Вы трудитесь и для общей пользы, и для собственной Вашей. Смею думать, что Промысл Божий доставил Вам этот труд; чтоб дух Ваш оторвался от духа мира сего и усвоился Духу Божию, в чем сущность спасения. В «Пет<ербургской> б<иблиоте>ке» вышла очень замечательная брошюра: «Об ужасах и искушениях, какие душа может испытывать при переходе своем в загробную жизнь»[5]. Священником, как видно академиком, описан опыт, бывший над ним в 1862 году. Опыт служит подтверждением «Слова о смерти»[6] и «Слова о видении духов»[7]. Советую Вам прочитать для Вашей душевной пользы.

Благословение Божие да почиет над Вами.

Ваш преданнейший слуга и друг

Епископ Игнатий.

Брошюра эта составлена архимандритом Макарием, бывшим ректором Тверской семинарии (ныне цензор) из собственного опыта. Ему же принадлежит брошюра «Покайтеся», изданная в начале 1865 года в пользу Афонского монастыря святого Пантелеимона[8].

28 июня 1864 года.

[1] *...увидел я Вас в уединенной обители Бабаевской...* — София Ивановна по приглашению Святителя посещала Николо-Бабаевский монастырь, вероятно, несколько раз. Точно известна дата последнего посещения — 13 сентября 1866 г.

[2] *...Петр Александрович...* — П. А. Брянчанинов — брат Святителя.

[3] *...не согрешая перед Господом Богом занятиями, Ему неблагоугодными...* — Святитель имеет в виду переводческую работу С. И. Снессоревой в светских журналах. См.: <Автобиографическая записка>.

[4] *...брошюрки о Дарьюшке...* — Речь идет о первом произведении Снессоревой: Дарьюшка: Очерк жизни русской странницы. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1864.

[5] Об ужасах и искушениях, какие душа может испытывать при переходе своем в жизнь загробную: С присовокуплением тех выводов, к которым ведет соображение необыкновенных обстоятельств, в сем рассказе помещенных, и кратких

понятий о духах злых в настоящем их положении и о влиянии их на людей, в прибавлении. СПб.: Тип. Дома Призрения малолетних бедных, 1864. 30 с.

[6] *«Слово о смерти».* — Составлено Игнатием, бывшим епископом Кавказским и Черноморским, ныне пребывающим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб.: Изд. В. Аскоченского, 1862. 148 с.; То же. СПб.: Изд. В. Аскоченского, 1863. 194 с. См.: ПСТ. Т. 3. С. 67–176.

[7] *«Слово о видении духов».* — Слово о чувственном и духовном видении духов и совещание души с умом. Составлено Игнатием, епископом бывшим Кавказским и Черноморским, ныне жительствующим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб.: Изд В. Аскоченского, 1863. 107 с. См.: ПСТ. Т. 3. С. 5–66.

[8] *Покайтеся... Покайтеся и обратитеся, да очиститеся от грехов ваших: яко да приидут времена (образы) прохладна от лица Господня* (Деян. 3. 19, 20). Изд. русского на Афоне Пантелеимонова монастыря. СПб.: Тип. Дома Призрения малолетних бедных, 1865. 26 с.

№ 21

Милостивая Государыня София Ивановна!

Пишу Вам, чтоб поблагодарить Вас и чтоб утешить Вас. Продолжительное неполучение письма с границ Персии и Турции (от сына) очень естественно. Там нет комфорта городов: не вдруг сыщется время написать письмо; не вдруг сыщется время переслать его; на пути своем оно легко может залежаться и даже затеряться. Вы поспешили предаться безмерной печали. Ее нанесли Вам мечты Ваши. Вы поручили сына Вашего Божией Матери: отдайте же его воле Великомощной Покровительницы этой и успокойтесь.

Искренне благодарю Вас за труды по корректуре «Опытов». — Радуюсь, что Вы читаете и перечитываете мою книгу: этим Вы снимаете бремя с моей совести, упрекавшей меня в том, что я мало сообщал Вам познаний духовных.

18 августа 1864 года.

№ 22

Милостивая Государыня София Ивановна!

На добрейшее письмо Ваше от 16 ноября скажу Вам, что я, оканчивая мое земное странствование, обращаюсь с приветом любви ко всему человечеству, желая всем всех истинных благ. С особенной благодарностию обращаюсь к тем немногим, которые оказывали мне особенную любовь. В числе этих немногих, очень немногих, — Вы. Благодарю вас за сочувствия Ваши ко мне.

Какое великое дело Вы сделали! Вы **поручили, совсем** отдали, как пишете, Вашего сына Божией Матери. Будьте уверены,

что Божия Матерь приняла его, а он пусть потщится быть достойным Высокой и Великомощной Покровительницы своей!

Больше не пишу Вам, потому что очень немощен. Странно, что письма уже изнуряют. Вот! до чего дожил или до чего отжил. Слава Богу!

Благословение Божие да почиет над Вами и над сыном Вашим.

24 ноября 1864 года.

№ 23

Милостивая Государыня София Ивановна!

Богу угодно дозволить, чтоб и остальные два тома моих сочинений были напечатаны. Когда я прочитал в письме Вашем к Петру Александровичу намек на некоторую надежду склонить Ивана Ильича к исполнению намерения его, высказанного им с самого начала, то почувствовал побуждение написать об этом о. Игнатию[1] И Бог благословил начинание, истекшее от Вас.

Покойный иеросхимонах Сергиевой Пустыни Стефан перед смертью своей постоянно читал «Слово о смерти» и не раз повторял мне следующие слова: **«Это не Вы писали: это Бог дал Вам написать»**. Очень верно! То же должен я сказать вообще о всех моих убогих сочинениях. Такой отзыв слышу от самых глубоких людей о «Аскетических Опытах». Так угодно Богу. Теперь вижу, что последние два тома служат пополнением к первым двум. Уверен, когда прочитаете их, то и Вы увидите это.

Признаю за милость Божию к себе Ваше участие в этом деле. Занятие Ваше им восполняет долг мой пред Вами. Помню; я уже писал Вам об этом. О себе скажу: я необыкновенно слаб. Но так как это сделалось по попущению Божию, то я должен признавать мое положение благом, исшедшим от руки Божией. Призываю благословение Божие на Вас и на Николая Аполлоновича[2]. Судя по ходу дел, деловым людям будет много дела. От души желаю Н<иколаю> А<поллонови>чу быть полезным отечеству и себе во времени, не забывая о вечности. Я отживаю и утвердительно могу сказать, что все временное и земное срочно, что срок, на который оно дается, очень короток. Нужно быть очень осторожным и не допустить временному и срочному обмануть себя. А оно делает это. И как? — Представясь вечным и неотъемлемым.

Ваш покорнейший слуга и друг

Епископ Игнатий.
25 января 1866 года.

[1] *...о. Игнатию...* — Архимандрит Игнатий (Малышев), который стал настоятелем Сергиевой пустыни после отъезда святителя Игнатия на Кавказ.

[2] *...Николая Аполлоновича...* — Сын С. И. Снессоревой.

№ 24

Милостивая Государыня София Ивановна!

Как Вам, так и мне, несмотря на нашу хворость[1], даруется продолжение земного странствования для основательного приготовления к вечности. Милосердие Господне, подающее нам дар, да подаст и разум воспользоваться даром.

Вы справедливо говорите, что «Опыты» не суть мое сочинение. Они — дар Божий современным православным христианам. Я был только орудием. То же должен сказать и о тех двух томах, которые поступили ныне в типографию. Время страшное! Решительно оскудели живые органы Божественной благодати; в облачении их явились волки: обманывают и губят овец. Это понять необходимо, но понимают немногие.

Очень сочувствую Вашей скорби, причиненной кончиною матушки Варсонофии[2]. Судьбы Божии — бездна многа. В редких случаях мы можем быть правильными судьями кончины человека, и это дается тогда, когда того требует душевная польза по особенному смотрению Божию. В описываемом Вами случае всего лучше положиться на Бога и постараться тщательным поминовением усопшей вознаградить упущение, сделанное при ее кончине[3].

Прошу Ваших молитв о мне во исполнение заповеди Божией, которая повелевает **молиться друг за друга**. По этой заповеди и я молюсь о Вас, хотя и знаю, что моя молитва вполне недостойна Бога.

Епископ Игнатий.

22 февраля 1866 года.

[1] С. И. Снессорева тяжело болела в феврале 1866 г. См. об этом в письмах Святителя: Творения. Т. 6. С. 789–790.

[2] *...матушка Варсонофия...* — Монахиня Варсонофия (в миру Мария Никитична Крымова; 1800–1866) — воспитанница графини А. А. Орловой-Чесменской, благочинная и казначея СПб. Воскресенского первоклассного общежительного женского монастыря. Умерла 1 февраля 1866 г.

[3] *...постараться тщательным поминовением усопшей вознаградить упущение, сделанное при ее кончине...* — м. Варсонофия не смогла исполнить своего желания — причаститься перед смертью. С. И. Снессорева подробно описывает кончину м. Варсонофии в книге: Игумения Феофания (Готовцева). СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1868. С. 163–168.

Подготовка текстов и комментарии
Е. М. Аксененко

С. И. Снессорева

<Автобиографическая записка>

София Ивановна Снессорева родилась в 1816[1] году в Воронеже. Она была шестое дитя из числа двенадцати человек, которыми Бог благословил ее родителей: шесть сыновей и шесть дочерей. В свое время Иван Николаевич и Елисавета Ивановна Руновские[2] были полезными и честными деятелями на общественном и семейном муравейнике, где указан был им путь. Не только Воронежская, но и соседние губернии признавали в Иване Николаевиче юриста неподкупной честности и высокого развития, и даже незнакомые издалека приезжали, чтобы получить его совет. И если он находил, что дело неправое, и не советовал его начинать, то лучше всего было последовать его совету, потому <что> как бы ни был могуч и богат ищущий и как бы ни был беден и беспомощен его соперник, в виде заброшенных сирот или безгласной вдовы, а Иван Николаевич считал уже своим долгом разыскать их документы и обнаружить истину, не щадя своих трудовых средств и не считая, что обижает детей своих, когда отдавал чужим сиротам. Звезда ли то была счастливая, или Бог помогал бесстрашному воину на поле юридической брани, только Иван Николаевич никогда не держался пословицы «один в поле не воин» и всегда выигрывал правые дела, за которые только и брался, сильный их истиною. Ну а Елисавету Ивановну знали хорошо все бедные семейства, которые всегда находили легкий доступ к ней и посильную помощь, не разбирая, прав или виноват страждущий.

Елисавета Ивановна всех своих детей выучила читать к шести годам, после этого отец благословлял грамотное дитя Евангелием, и младшие переходили на руки старшей сестре, замечательного ума и разнообразных знаний и с шестнадцати лет трудившейся над развитием младших, чем много помогала своим родителям. Кроме того, в доме постоянно жил один из лучших семинаристов-богословов на правах старшего сына до выпуска, и, сами воспитываясь и учась, они учили младших детей. До 13 лет София Ивановна училась с братьями даже по латыни и алгебре и геометрии; когда же братьев отвезли в Петербург для определения в казенные учебные заведения, она была отдана в Благородный пансион госпожи Депнер*, где она находилась

* Замечательно, что этот пансион существует начиная от 1829 года до настоящего 1871 года, не имея в основании денежных капиталов, не пользуясь пра-

с 1829 до 1834 года. Курс наук (она) имела счастье проходить под руководством лучших педагогов, которыми тогда славился Воронеж. Все наставники, начиная от законоучителя о. Иакова, госпожи Депнер, Александра Алексеевича Попова, заступившего место Павла Кондратьевича Федорова как первого преподавателя и содержателя Благородного мужского пансиона, и кончая вспыльчивым, как порох, но добродушнейшим учителем музыки, — все они были не просто учителями-наемщиками, а настоящими пастырями своего стада, которое они любили, и зато как их любили!** Они развивали вверенных им детей для того, чтобы из каждого сделать человека, и если где видели добрую землю, тогда не щадили уже своих трудов. Они учили их распознавать добро и зло, бодро вступать в борьбу, всегда готовую встретить в житейском море, и не бояться толчков судьбы. Да, это были благодетели, не отнимавшие у детей силы и энергии пустыми словами сомнения и безверия, не производившие скороспелок недозревших: они давали им в руки орудия духовной силы, чтобы побеждать земные немощи. И как дружно, как единодушно они содействовали и друг другу, чтобы дать знание и сохранить доброе чувство в ребенке. Светлая память сохраняется о них в переживших их воспитанниках!

Со смертью отца в 1832 году наступили тяжелые годы для матери, оставшейся с девятью пережившими отца детьми. Сыновья еще учились, а дочери, насколько сил и уменья было, помогали матери в ее трудовой жизни. В 1836 году София Ивановна вышла замуж[3] — брак по любви — за человека, богатого умственными капиталами, и немедленно уехала[4] с ним в Петербург. В те далекие времена трудно было, даже труднее, чем теперь, пристроиться к месту человеку — будь хоть он семи пядей во лбу, — не имеющему ни связей, ни туго набитого кошелька. Пришлось служить первые месяцы без жалованья.

вительственными субсидиями; поддерживается же единственно умственным капиталом этой достойной уважения женщины, одаренной редкой добросовестностью и всеми семейными добродетелями, педагогическими способностями, знанием дела и сердца человеческого. Почти полвека отдала она на пользу русских детей, оставляя в сердцах их неподкупную благодарность. Не следовало ли обращать внимание и оценять по достоинству труды подобных деятельниц на русской земле? — *Примеч. С. И. Снессоревой.*

** Чтоб иметь полное понятие об этом счастливом для воронежских детей времени, полезно прочитать прекрасную биографию Станкевича, написанную Анненковым. — *Примеч. С. И. Снессоревой.* [См.: *Анненков П. В.* Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. М., 1857 (на обл. 1858). С. 18–20 (первая пагинация). — *Е. А.* и *Е. П.*)]

К счастью, нашлась работа по силам: первый опыт их переводов был помещен в Энциклопедическом словаре Плюшара[5]. Деньги платились большие, но условие было тяжелое: если на писаной странице было более трех поправок от редакции — страница не шла в расчет. К счастью, редакция была замечательно добросовестная и доброжелательная к труженикам-переводчикам. Работа нашлась и у Масальского, издававшего отдельные романы[6]. Кроме того, Кашкин[7], старый знакомый и содержатель собранной его трудами Библиотеки для чтения книг, заказал им перевод Музыкальной школы Калькбреннера[8]. Кашкин тоже был замечательной личностью Воронежа, подобно Кольцову и Никитину, он самоучкой добился такого знания в музыке и науке, какими не всякий ученый обладает.

Жестокая простуда уложила Софию Ивановну в постель. Доктора присудили ее к чахотке и смерти с разлитием Невы, но обещали торжество молодости и хорошего сложения, если немедленно увезти ее в более теплый климат. Муж принял первое место[9] и уехал с нею в Астрахань. Тут прожили они с 1838 до 1842 года. Время жгучих впечатлений во всем, что дорого сердцу! Она похоронила тут трех детей и наконец мужа... Первые слова, которые донеслись до слуха ее рассудка, после многих недель мрака и воспаления в мозгу, были слова ее двухлетнего сына[10], который с плачем говорил утешающей его крестной матери, незабвенной С. Ф. Тимирязевой[11]: «Ничего не хочу, только маму мне надо!» Гальванический ток пробежал по телу, жизнь, покидавшая уже рассудок и сердце, забилась свежею струею, голова просветлела, руки охватили ребенка, и она мысленно дала слово жить для него...

Потекли однообразные непрерывные годы трудовой жизни и забвения всего, чтоб исполнить свой долг... Несмотря на жгучие страдания, Астрахань памятна ей и по светлым личностям, посланным Провидением, чтобы сберечь ее от отчаяния. Сердце сохранило все те дорогие имена — их было немало, — но два семейства сроднились с ее душою и всегда участвовали в ее жизни: семейство Тимир<язевых> и семейство Ахмат<овой>[12]. С 1838 года до настоящего 1871-го сохранялись между ними дружеские отношения, не поддающиеся ни гнету времени, ни переменам обстоятельств, как капитал, не теряющий своей ценности. До 1848 года София Ивановна жила педагогическими трудами, то в саратовских неоглядных степях, то в курской черноземной глуши, и наконец много трудилась над огранением каменных мостовых в петербургских улицах. Трудясь много и всегда с любовью к делу, она

не торговалась со своими силами и вся отдавалась своим обязанностям. Эта несоразмерность часто отражалась на здоровье и навсегда повредила зрение: последние двадцать лет она работала одним правым глазом; левый же глаз после долгих упорных страданий tic douloureux[13] оказался парализованным, так же, как и вся левая сторона тела. И несмотря на то, она продолжала без устали свою трудовую жизнь одною правою стороною тела. Не есть ли это явное, осязательное доказательство, что есть Провидение Высшей Невидимой, но ощущаемой Силы, Которую мы называем Бог?

Приехав в Петербург в 1845 году для того, чтобы хлопотать о помещении сына в учебное заведение, она всюду встретила отказы. Было отчего прийти в отчаяние: без средств, без покровительства, одна с семилетним сыном, она безмолвно взывала: «Верую, Господи, помоги моему неверию!» Как единственная отрада в чуждом городе, была для нее любовь ее старшей сестры, такой же труженицы, как и она сама[14].

Убедившись, что, кроме отказа, она [ничего] не может добиться от власть имущих, она очутилась в Царскосельском саду пред Государем Наследником, ныне благополучно царствующим Александром II, в ноябре 1845 г. Увидев робких мать и сына, державших друг друга за руку, Он сам подошел к ним, и когда на вопрос его: «Что вам угодно?» — измученная, болезненная женщина, после тщетных усилий заговорить, отвечала только слезами, катившимися по ее бледному болезненному лицу, — сильные ощущения лишили ее голоса, мальчик, смотря прямо на свою Надежду и сознавая болезненное онемение матери, сказал своим детски-простодушным языком: «Государь, утешь мою маму! Прими меня в гимназию воспитанником сына Твоего!» У Него слезы, как блестящая от солнца роса, навернулись на глазах: «Успокойтесь! Я все сделаю для вашего сына. Но кто вы? Как вас зовут?» Совсем потеряв способность говорить и продолжая проливать тихие слезы, она вынула из кармана приготовленную записку: «Государь! Если Ты не поможешь мне, то мне остается умереть», — было в ней. На другой день, по приказанию Государя, она пришла в контору Его, и тут показали ей ее же записку, наверху которой ровным жемчужным почерком было написано: «Сына вдовы Николая принять воспитанником моего сына Николая. Александр»[15]. Да будет благословенно имя Его, утешителя вдов и сирот! День и ночь молитва за Него...

При первом облегчении глаз — почти два года она не могла работать от боли — опять спешила искать труда и до 1860 года

давала уроки. Трудно было зимою преодолевать бурю и непогоду, чтобы поспевать вовремя и не пропускать уроков; но летом еще было труднее: ученицы разъезжались по дачам; ездить на извозчиках немыслимо дорого, и приходилось странствовать по белу свету. А даль-то какая: с Петербургской стороны или потом с Глухого переулка за Вознесенским проспектом — в Лесной, или на Аптекарский, или на Петров остров. Тогда не везде были мостовые, а от Черной речки до Лесного была земля глинистая; чуть дождь, ноги разъезжаются, сил нет вытащить: поневоле остановиться надо да вздохнуть к Богу — откуда опять силы возьмутся. И место какое пустое было: ни жилья, ни людей, а только длинный, бесконечный ряд огородов. А как часто гроза, ветер, дождь были ее спутниками! Придет промокшая насквозь, потоки льются с нее — и ничего: ни злой человек, ни опасное приключение не коснулись одинокой, по видимому беспомощной странницы, встававшей в 5 часов, чтобы поспеть на урок до солнечного зноя! Кажется, путь предлежал не на розах, а сколько было утешения! Сознание, проникавшее до глубины души, что Господь хранит и зовет к Себе всех тружеников и обремененных, явное ощущение близости Его милосердия! А дорога длинная: скоро (быстрым шагом. — *Е.А.* и *Е.П.*) идти два часа туда да два с половиною оттуда (больше усталость и жарко)... Всех друзей успеешь вспомнить, живых и ожидающих в вечности, и помолиться за всех — удобное время, никто не помешает. И такое было ей счастье: ни одной не было ученицы, на которую надо бы рассердиться или взыскание сделать, — все дети добрые, любящие. Бывало, в глаза смотрят, как бы угодить: хорошенько учиться да что-нибудь доброе сделать. Добрая земля предлагалась. Эта благодарная любовь и готовность пользоваться уроками много услаждали труд. Вот и о них думалось дорогою, не одни тернии предлагавшей, а и розы такие душистые.

В 1848 году по ходатайству Е.Н. Ахматовой София Ивановна получила работу при «Библиотеке для чтения»[16]. Легко и приятно было переводчикам при таком редакторе, как О.И. Сенковский[17]. Он сам выбирал статьи, сам своею рукою на полях оригинала писал по-русски оглавление, все иностранные имена, технические слова и даже целые фразы, представлявшие какое-нибудь затруднение; сокращения тоже сам производил на оригинале же. Для фраз выше понимания переводчики должны были оставлять пробелы на своих страницах и выписывать на полях эти фразы. Кроме того, последнюю корректуру держал Сенковский,

и тогда все переводы проходили через его очистительное перо. По напечатании книги сам Сенковский немедленно рассчитывал сотрудников (выплачивал деньги. — *Е.А.* и *Е.П.*). Вежливый, добросовестный был редактор; сам честный труженик, умел ценить труд своих сотрудников, не усчитывая и не обделяя никого.

При начале карьеры переводчицы над Софией Ивановной готова была разразиться буря, готовая преградить ей дальнейший путь. «Загробные записки Шатобриана» стали выходить в какой-то газете, «Presse», кажется. В числе других и она получила свою часть для совместного и скорейшего перевода этой знаменитости. Дался же им этот Шатобриан: газетная бумага гадкая, шрифт в фельетонах мельчайший и какой-то слепой, коррект<орских> ошибок без числа, а слог — прости ему, Господи! прости и его переводчиков, не добром поминавших его! Словом, дело идет о знаменитой фразе по случаю la charette, напечатанной не прописной буквой, как бы следовало для собственного имени. Билась, билась с этою фразою — решительно смысла нет для la charette, так и пришлось оставить пробел, а на полях записать ужасную фразу. Когда принесли корректурные листы, Сенковский был болен и несколько ночей не спал от жестокой зубной боли. Сам он не мог поднять головы, но кто-то из близких читал вслух и поправлял по его указаниям. Дошло дело и до la charette — оригинала не случилось под рукой, была только выписанная фраза на полях. Рассыльный торопит, время не терпит, и вот вышла знаменитая фраза о роковой тележке вместо генерала Ла Шарета... и как уж обрадовались чужие редакции! Подхватили они эту фразу и чуть не целый год носились с нею, как кошка с салом. Да, было то праздное время, когда переводы и мелких статей в «Б.д.ч.» разбирались даже в серьезных журналах! Поднялась буря: кто переводил это роковое место? Разумеется, Снес<орева>. Но и тут выручила справедливая дружелюбная Ахм<атова>: потребовали по ее настоянию листки, и оказалась истина: сам Сенк<овский> приказал написать эту фразу.

До самой его смерти Снессорева работала в его журнале.

Жена Сенк<овского> писала свои сочинения на франц. языке, которым владела превосходно, на русский же язык давала переводить своим друзьям. Снес<сорева> была в числе неизменных ее переводчиц, и никто не заметил даже, что ее сочинения писались не по-русски. За год до смерти мужа Сенк<овская> поручила Снес<соре>вой свой последний труд, в котором она пыталась нарисовать истинный портрет своего мужа. Снессорева

не только переводила, но и часто по указанию сочинительницы вставляла целые рассказы, и по два-три раза случалось одни и те же переделывать. Работа длилась около двух лет. Сенковский умер, жена его прожила после него год и жила в лихорадочной деятельности, желая издать избранные сочинения мужа, которыми искренно гордилась; написала его биографию; но не успела напечатать своего последнего любимого романа с натуры — «Соперницы». Пред смертью она продиктовала ближайшей родственнице свои последние желания и между прочим просила передать 400 экз. (4000 книг), изданных ею, Снессоревой, свидетельствуя при том о своей глубокой благодарности за ее неизменную любовь. Между наследниками вышли споры, Снессоревой не отдали ни одной книги; но она жалеет не о пропавшем даром труде двух лет, а о том, что рукопись «Соперницы» пропала без вести. Кому она понадобилась? Кто не желал видеть ее в печати? Или чья небрежность совершила это преступление против чужой собственности?

Вопрос о «женском труде» был решен ею в 1856 году.

После смерти Сенковского она года два еще работала в «Библиотеке для чтения», перешедшей в достояние Старчевского и Печаткина[18]; потом у Зарина[19] и наконец у Боборыкина[20]. Ей предоставлялись мелкие статьи, что, по ее мнению, гораздо труднее многотомного романа, где переводчик успевает свыкнуться и с языком, и с манерою сочинителя, и с характерами действующих лиц. Тогда как каждая мелкая статья требует особенного изучения и часто особенных познаний, потому что редакция, не сообразуясь, присылает мелкому переводчику статьи и по ботанике, и по зоологии, и медицинские, и военные. Уж слишком большое разнообразие сведений требуется от переводчика. Из больших же сочинений ею переведены: «Орлийская ферма» Антония Троллопа[21], «Дело темной ночи» мистрисс Гаскель[22] и обзор «История английской литературы» англичанина Тэна[23]. Кроме того, из «Отечественных записок», когда там участвовал Зарин[24], иногда присылались ей отдельные главы разных романов, которых не успевал докончить их обычный переводчик.

В ту пору, когда в Италии совершался великий переворот и Гарибальди явился героем и деятельным помощником своего короля для объединения Италии, сестра Снессоревой, переселившаяся в Италию, писала к ней письма с животрепещущими описаниями совершавшихся на ее глазах событий. По просьбе Дружинина[25], этого безукоризнейшего и изящнейшего литератора и доброго знакомого, она составляла из этих писем статьи

для его журнала, кажется «Век»[26]. В «Пантеоне»[27], в «Сыне Отечества»[28] попадались случайно налетом ее статьи.

Но настоящая ее деятельность, надежная, выручавшая из всех бед с 1856 года до настоящего 1871 года, относится к журналу Е. Н. Ахматовой «Собрание иностранных романов»[29]. Создавая этот журнал, Ахматова имела в основании благородную цель: самой жить трудами и другим женщинам-труженицам давать средства трудами жить.

Все одиннадцатый год трудящиеся по ее журналу — женщины, поддерживающие семьи свои честным трудом и благословляющие имя основательницы журнала, тихо, без печатных криков проводящей в жизнь свою душевную мысль: жить и другим давать жить.

Беспристрастный историк много найдет сказать об этой благородной личности, высоко поднимающейся над толпою. Трудно исчислить все ее труды: она перевела более 250 сочинений с французского и английского языков, успевая перечитывать все журналы и лучшие книги на этих языках, чтобы выбрать лучшее для своего журнала и познакомить с неизвестными, но талантливыми писателями.

В отношении ценз<урных> и почтов<ых> переворотов она передовой и бесстрашный боец. Чувство чести в ней глубоко развито, на ее слово можно положиться, память необычайная, твердость и обдуманность характера, какие трудно встретить и в мужчине. Система и порядок царствуют во всех ее делах: [стоит] только взглянуть на ее конторские книги, чтобы понять, какой мастер дела заведывает ее журналом.

Одна беда: своих друзей она хочет ставить на свое место и ожидает от них таких же способностей, какими сама одарена. Поэтому ее друзьям приходится иногда очень жутко. В 1857 году она сказала Снессоревой, что переводов с французского совсем недостаточно, тогда как с немецкого переводчицы нет, а вышел новый роман Герстекера «В Америку», который надо поместить в «Собрании», так Снессоревой надо призаняться немецким языком, чтобы перевести его. А Снессорева давно уже забыла немецкий язык. Однако нужда — удивительный учитель. Пригласив молоденькую образованную немку, только что кончившую курс в Annen Schule[30], она просила ее заниматься с нею по методе, которую сама для себя придумала: прочитав фразу, каждое слово она переводила, требуя объяснения не только слова, но и каждой частички речи. Трудно было,

но с помощью талантливой молодой учительницы и энергии старой ученицы дело пошло на лад: через 8 месяцев роман «В Америку» почти в 800 страниц был напечатан в «Собрании романов»[31], к общему удовольствию заставившей и заставленной. В 1860 году повторилась та же история и с английским языком, потому что для журнала потребовалась переводчица с английского. С тех пор Снессорева наслаждается еще большим разнообразием в переводных статьях и все больше мелких рассказах, но есть и большие книги: «В Америку» Герстекера; «Тайный брак» Уилки Колинза, «Фанни» Эрнеста Фейдо, «Роман Молодого Бедняка» Октава Фелье, рассказы американца Рупиуса, уголовные процессы Темме, «Картинки без картинок» Андерсена, «Филипп Август», «Война Амазонок», «Семь поцелуев» Букингама, «Воспоминания Старого охотника», «Анна Гирфорд», «Идеал в деревне» и «Золотой ключ» пополам с Ахматовой[32].

Но никогда Снессорева не работает с большею охотою, как над статьями для детей, и когда Ахматова задумала издавать детский журнал «Дело и Отдых»[33], тогда Снессоревой трудно было оторваться от работы. «Дело и Отдых» публика не умела оценить вовремя, а жаль: это был действительно прекрасный журнал, предлагавший роскошное угощение не только для детей, но и для взрослых. Ахматова вела это дело с необыкновенным знанием и добросовестностью, не из желания приобрести выгоду, но истинно по глубокому сознанию, что она может принести пользу и детям. Кроме многих мелких статей, отлично выбранных, лучшими статьями из переведенных Снессоревою, можно назвать «Черная пантера», «Рюбен Дэвиджер», «Коралловый риф», «Плавание по лесам», «Мальчик в плену», «Школьные воспоминания», «Записки Черного принца», «Бурда, или Заметки о кошках», рассказы о собаках и комедия, переделанная на русский лад, «Кошки вон, а мышки в дом»[34]. Отдельно изданные детские книги — «Мальчик, отыскивающий отца в Полярном море»[35] и последняя половина книги «Как иметь успех в жизни».

В минуты отдыха Снес<сорева> перевела и издала «Народные сказки Бр<атьев> Гриммов»[36], которые вышли и вторым исправленным изданием (первая пока часть, а вторая в типографии) с прекрасными портретами и картинками, талантливо сочиненными русским художником Шпаком[37]. Из собственных ее сочинений она издала по просьбе друзей «Дарьюшка, или Очерк

жизни русской странницы»[38], затем после двухлетних трудов издала биографию игумении Феофании Готовцевой[39], замечательной по своей жизни как в большом свете, так и в монастыре. Вышла книга с приложениями в 30 листов, с 17 картинами и двумя портретами.

Кроме того, ее любимейшим занятием было дело, порученное ей Преосвященным Игнатием Брянчаниновым, скончавшимся в Николо-Бабаевском монастыре Костромской губернии. Он поручил ей надзор за печатанием, корректурой и редакцией его творений, составивших пять томов и около 150 листов, т.е. 2400 страниц большого формата. Краткое описание кончины его было ею же написано[40].

Если надо выводить мораль из всякой истории, то из этой жизни можно такое заключение сделать: при благоприятных обстоятельствах и верных друзьях труд прокормит переводчицу, но никогда не обогатит и не обеспечит. Труд модистки, труд портнихи — не говоря о француженках, но даже русских — представляет более возможности оставить «про запас на черный день». Avis aux lectrices[41], которые в Петербурге и провинции тревожат себя надеждами, а редакторов просьбами дать работу, думая, что можно прожить одними переводами.

Еще маленькое замечание: а богатые барыни, переводящие романы от нечего делать и наслаждающиеся тщеславием, что их работа красуется в печати, должны опасаться, как бы не вынуть кусочек хлеба изо рта голодных, не имеющих протекции в литературном мире.

И невольно вспомнишь, как смешны казались неутомимым труженицам, всю жизнь работавшим без криков и покровительственных партий, как смешны казались им эти натянуто-разгоряченные страницы романа «Что делать?». Какая-нибудь крикунья Вера Павловна воображала, что она выведет русских женщин из подвала на чистый воздух самобытного труда и свободной мысли! Сами сидят в подвалах напускных модных теорий и воображают, что без них никто и Америку не открывал. А пригляделись бы получше к жизни и к людям бывалым, так и узнали бы, что и за пятьдесят лет по всей России бывали женщины, не терявшие своей жизни на бесплодное безделье. Вообще говоря, нигде, может быть, женщина не была так самостоятельна, как в России, и в гражданском отношении, и в семейном быту. А что мужья в старину бивали жен и что жены, по сохранившемуся преданию, плакали, что муж не бьет — значит разлюбил, так и теперь бывают

подобные случаи у всех народов. Но не у всех народов женщина имеет права собственности, права голоса, собственница. В России никто никогда не мешал ей учиться и прославляться, если талант был. А если правительство не позволяло женщине кричать по улицам и провозглашать разные теории в обществах, так, право, оно бы так и лучше. Вообще говоря, много бы вышло хорошего для мира, если бы всякий муравей потихоньку старался принести посильную пользу в свой муравейник, трудясь в своей окружности, насколько сил и умения хватает.

[1] *...родилась в 1816 году...* — В документах более позднего времени София Ивановна называет 1815 год. См., например: ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. № 375. Л. 3. (Прошение С. И. Снессоревой в Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам. 22 ноября 1895 г.)

[2] *...Иван Николаевич и Елисавета Ивановна Руновские...* — Отец Софии Ивановны, происходящий из обер-офицерских детей, получил личное дворянство, служа на Кавказе. Внесен в 3-ю часть Дворянской родословной книги Воронежской губернии. В 1826 г. произведен в коллежские асессоры. Мать (по-видимому, сирота) была «крестной дочерью генерал-майора и кавалера Ивана Козмича Краснова». См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. № 3377 (Дело о дворянстве рода Руновских). Л. 6, 9, 11.

[3] *...вышла замуж...* — Муж Софии Ивановны — Аполлон Васильевич Снессорев — коллежский секретарь, служил письмоводителем Воронежского комитета о земских повинностях. Венчание состоялось 17 апреля 1836 г. — РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595 (Дело о дворянском происхождении рода Снесаревых). Л. 46об., 51.

[4] *...немедленно уехала...* — 4 мая 1836 г., через две недели после венчания, А. В. Снессорев был уволен от должности письмоводителя Воронежского комитета о земских повинностях, по прошению. — Там же. Л. 46об.

[5] *...в Энциклопедическом словаре Плюшара.* — См. сноску 2, с. 606. София Ивановна с мужем писали для этого издания статьи на букву «Г», которые помещены в 13–15 томах, изданных в 1838 г.

[6] *Масальский Константин Петрович* (1802–1861) — прозаик, драматург, поэт, критик, переводчик. В 1842–1844 гг. и в 1847–1852 гг. — редактор журнала «Сын Отечества». Со второй половины 1830-х гг. занялся исторической беллетристикой, при этом тщательно прорабатывал исторические источники, в т. ч. иностранные и архивные; публиковал их в составе художественных произведений или отдельно.

[7] *Кашкин Дмитрий Евгеньевич* (1771–1843) — стихотворец, переводчик, музыкант-самоучка: играл свои музыкальные сочинения на изобретенном им самим инструменте (гигантской гитаре с 36 струнами — «димитаре»).

[8] *Калькбреннер Фридрих Вильгельм* (1788–1849) — немецкий пианист, композитор, музыкальный писатель. Возможно, София Ивановна перевела написанное им пособие «Mäthode pour apprendre le pianoforte a l'aide du quide-mains» (1830).

[9] *Муж принял первое место...* — А. В. Снессорев в феврале 1838 г. был вызван на службу в Астраханскую губернию в должности чиновника особых поручений при Военном губернаторе. См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595.

Л. 46об. Должность астраханского военного губернатора и управляющего гражданской частью с 1834 г. исполнял Иван Семенович Тимирязев (1790–1867). См.: «Астраханские губернаторы: Историко-краеведческие очерки. Астрахань, 1997. С. 57–68.

[10] *...двухлетнего сына...* — Сын-первенец А. В. и С. И. Снессоревых — Николай — родился 23 июля 1838 г. в Астрахани. См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595. Л. 50. («Свидетельство о рождении и крещении сына Николая»).

[11] *Тимирязева Софья Федоровна* (1799–1875) — жена *И. С. Тимирязева.* (См. примеч. № 9.) Вместе с управляющим астраханской таможнею надворным советником А. Ю. Поливановым была восприемницею во время крещения Николая, которое состоялось 7 августа 1838 г. в астраханской церкви Входа в Иерусалим. См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595. Л. 50–50об.

[12] См. сноску 3, с. 606 к Предисловию.

[13] tic douloureux — болезненный тик *(фр.).*

[14] См. сноску к письму № 3.

[15] См. сноску к письму № 5.

[16] *«Библиотека для Чтения»* — ежемесячный журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Первый в России из т. н. «толстых» журналов. Издавался в Санкт-Петербурге с 1834 по 1865 г. Издатели — А. Ф. Смирдин, М. Д. Ольхин, В. П. Печаткин. Редакторы: 1834–1836 гг. — О. И. Сенковский и Н. И. Греч, 1837–1855 гг. — О. И. Сенковский, 1856–1860 гг. — А. В. Дружинин, 1860–1863 гг. — А. Ф. Писемский, 1863–1865 гг. — П. Д. Боборыкин.

[17] *Сенковский Осип Иванович* (1800–1858) — см. сноску 1, с. 606 к Предисловию.

[18] *...Старчевского и Печаткина...* — Старчевский А. В. — в 1848–1856 гг. помощник редактора «Библиотеки для чтения», а фактически — редактор. Печаткин В. П. — один из издателей «Библиотеки для чтения».

[19] *Зарин Ефим Федорович* (1829–1892) — литературный критик, переводчик, поэт. В 1861–1863 гг. вместе с Д. Ф. Щегловым заведовал отделами наук, критики и публицистики «Библиотеки для чтения». По воспоминаниям современников, от него зависела публикация переводов в журнале. См.: *Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 518.

[20] *Боборыкин Петр Дмитриевич* (1836–1921) — плодовитый прозаик, драматург, литературный и театральный критик. В начале 1863 г. приобрел право на издание «Библиотеки для чтения» и был редактором его до 1865 г. Неопытность в редакторских делах привела к финансовым затруднениям. Вынужден был приостановить издание в мае 1865 г. и после выхода последнего номера в августе уехал за границу. В течение 20 лет выплачивал долги.

[21] *Троллоп Антоний.* Орлийская ферма // Библиотека для чтения. 1863. Январь — октябрь. Троллоп Энтони (1815–1882) — крупный английский романист 2-й пол. XIX в., признанный мастер семейных хроник и политического романа.

[22] *Гаскель Э.* Дело темной ночи // Библиотека для чтения. 1863. Ноябрь — декабрь. С. 1–169. Гаскелл Элизабет (1810–1865) — известная английская писательница.

[23] История английской литературы. (Histoire de la litterature anglaise, par. H. Taine. Paris, 1864): Из Westminster Review // Отечественные записки. 1864. Т. 154, июнь. С. 561–609. Тэн Ипполит-Адольф (1828–1893) — французский литературовед и философ-позитивист, критик.

[24] *Зарин Е. Ф.* в 1864–1866 гг. участвовал в редактировании журнала «Отечественные записки».

[25] *Дружинин Александр Васильевич* (1824–1864) — прозаик, критик, переводчик. Был редактором «Библиотеки для чтения» с 1856 по 1860 г.

[26] *«Век»* — еженедельный общественно-политический и литературный журнал, был основан в 1861 г. П. И. Вейнбергом (его официальным редактором), А. В. Дружининым, В. В. Безобразовым и К. Д. Кавелиным.

[27] Журнал *«Пантеон»* в разные годы имел различные названия. Под названием «Пантеон: ежемесячный литературно-художественный журнал» — он издавался в 1852–1856 гг. В эти годы редактор журнала — А. Ф. Кони.

[28] *«Сын Отечества: политический, ученый и литературный журнал»* — выходил еженедельно с апреля 1856 по 1861 г. Издатель-редактор — А. В. Старчевский. С 1862 г. «Сын Отечества: ежедневная политическая, литературная и ученая газета».

[29] *«Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык»* — журнал, бессменным редактором которого с 1856 по 1885 г. была Е. Н. Ахматова. С 1884 по 1885 г. журнал назывался «Собрание переводных романов, повестей и рассказов». Выходил ежемесячно. В 1856 г. издателем был Королев, затем — И. И. Глазунов, с 1870-х гг. — сама Ахматова. В год выходило 10–12 больших романов и до 50 повестей. (В дальнейшем: «Собрание иностранных романов...»)

[30] Школа при церкви Св. Анны была открыта в 1736 г. в период правления императрицы Анны Иоанновны. Находилась в Петербурге по адресу: Кирочная, 8. См.: *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1996. Т. 3. С. 242.

[31] *Герштекер* (в современном написании) *Фридрих*. В Америку! // Собрание иностранных романов... 1857. Т. 4–6.

[32] Переводы всех этих произведений помещены в «Собрание иностранных романов...» с 1859 по 1870 г.

[33] *«Дело и Отдых: чтение для мальчиков и девочек всех сословий»* — журнал выходил ежемесячно. Просуществовал с 1864 по 1866 г. Редактор и издатель Е. Н. Ахматова.

[34] Все перечисляемые ниже Софией Ивановной ее переводы опубликованы в журнале «Дело и отдых» за 1864–1866 гг.

[35] Рассказ о мальчике, который отыскивает своего отца, пропавшего без вести в Северном Полярном море. С англ. СПб., 1870.

[36] *«Народные сказки, собранные Братьями Гриммами».* Т. 1, 2. СПб., 1862–1864. Тома состоят каждый из четырех книжек. Книжка первая вышла в 1862 г., книжки со второй по четвертую — в 1863 г., остальные — в 1864 г.

[37] *Шпак Виктор Сильвестрович* (1847–1883) — художник, иллюстрировал книги, писал карикатуры. Сотрудничал в журнале Старчевского «Сын Отечества», а также других журналах.

[38] *Дарьюшка, очерк жизни русской странницы.* СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1864. 120 с.

[39] *Игумения Феофания (Готовцева).* СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1868. 272 с.

[40] Кончина Преосвященного епископа Игнатия (Брянчанинова) // Домашняя беседа. 1867. Вып. 21, 20 мая. С. 578–584. То же. — СПб.: Тип. Морского Министерства, 1867. 13 с.

[41] *Avis aux lectrices (фр.)* — к сведению читательниц. (Здесь — некоторая игра слов. *Avis aux lecteurs* (букв.: к сведению читателей) означает «предисловие»; «(обращение) к читателю».)

Подготовка текста, публикация и комментарии
Е. М. Аксененко и Е. А. Павликовой

Письма святителя Игнатия к Ивану Ильичу Глазунову

№ 1

Богу благоугодно было внушить Вам расположение приобщиться моему убогому труду изданием составленных мною «Аскетических Опытов». Эта книга в собственном смысле принадлежит не мне: она вся заимствована из Святых Отцов православной Церкви. Мой труд состоит в том, что в течение всей жизни моей я занимался изучением Отеческих Писаний и сделал из них такое извлечение, какое возможно сделать только по долговременном изучении сих Писаний. Учение, принадлежащее Святым Отцам, должно принести существенную пользу современным христианам, желающим проводить жизнь благочестивую и богоугодную, но не имеющим возможности основательно и подробно изучить Отеческие Писания. То, что говорю, доказано опытом: многие, читавшие в рукописи наставления о покаянии, молитве, о кратковременности земной жизни, находящиеся в книге моей, почувствовали на себе сильное действие чтения, способствовавшего их духовному преуспеянию. Так и должно быть! «Аскетические Опыты» — книга практическая. Она единственная потому, что со времени введения в России образования никто еще не писывал в этом роде.

Святые Отцы сказали, что милостыня, оказываемая душе, настолько выше милостыни, оказываемой телу, насколько душа выше тела. Такой милостынею признал я книгу — «Аскетические Опыты». Промыслом Божиим дано было мне, во спасение души моей, приуготовить спасение души Вашей, передать эту милостыню духовную нуждающимся в ней христианам. Дело Божие, И<ван> И<льи>ч, надо делать с тщанием, чтоб дело, данное во спасение, не было повреждено небрежением и не послужило в осуждение. Я по силе моей постарался дать возможную отчетливость и исправность книге, приготовляя ее с 1840 года, пересматривая, выправляя, дополняя ее, чтоб учение Отцов, изложенное в ней, имело удовлетворительную ясность и полноту:

так и вы озаботьтесь, чтоб книга была издана исправно и в должный срок. Многие благочестивые души жаждут этой пищи духовной и желают иметь книгу в руководство жительства своего именно по той причине, что она есть сборник учения Святых Отцов православной Церкви о главных добродетелях христианских и о духовном подвиге.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на семейство Ваше, с чувствами совершенного почтения и искренней преданности и имею честь быть Ваш покорнейший послушник

Епископ Игнатий.

3 марта

№ 2

Все добрые дела наветуются скорбями, между тем Св. Писание говорит, что начавший доброе дело да совершит его. В наше время распространению учения Св. Отцов особливо противодействуют отверженные духи, влагая разные помышления плотского мудрования и восставляя людей, руководимых плотским мудрованием. Почему я полагал бы, что Вам надо придержаться с твердостью принятого Вами благого намерения, а приходящие помышления и внушения людские принять за знак того, что дело Ваше приятно Богу и полезно христианству, потому именно, что против таких дел воздвигаются всегда препятствия и скорби, по мнению Св. Отцов. Препятствиями свидетельствуются такие дела. Напротив того, дела, совершаемые в духе мира сего, во вред и в осуждение души своей и душ ближних текут как по маслу. Вам всего ближе видеть это: вы видите, как быстро распространяются книги, губящие и веру и нравственность, какие расходы делаются на напечатание их, с каким усердием одни стараются распространить их, а другие покупают. Как вы думаете, каково это пред взорами Бога? И чего должно ожидать за это на суде Божием?.. Неверующие кричат, что нет Бога, нет и суда Божия. Из-за такого крика, которым разврат усиливается только заглушить представления совести, Бог не перестал существовать. Он есть, непременно воздает каждому человеку по делам его. Самое отступничество предсказано со всею ясностию Св. Писанием и служит свидетельством того, сколько верно и истинно все, сказанное в Писании.

Сими строками я исполнил долг мой пред Вами и предо мною; впрочем, Бог предоставил каждому человеку во время его земной жизни на произвол делать добро или не делать его. Вы сами

видите, какая ныне нужда в учении Св. Отцов для христианского общества, обуреваемого разными нечестивыми учениями. Сделав свое дело, т. е. отдав Вам **безвозмездно** для напечатания **мой двадцатилетний труд**, я в остальном полагаюсь на волю Божию и желаю пребывать в мире душевном, на основании покорности воле Божией.

25 октября 1864 года

Письмо И. И. Глазунову написано вследствие принятого им намерения отложить напечатание сочинений Епископа на свое иждивение и требования печатать их на иждивение Епископа и брата его в противность прежде данному обещанию напечатать **все** сочинения на его, Глазунова, иждивение. В этих видах были оставлены все типографские работы на неоконченном II томе. По получении письма II том «Опытов» окончен печатно, но два остальные остались ненапечатанными. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

В семействе Брянчаниновых увлечение поэзией было традицией. Определенную дань поэзии отдали оба деда святителя Игнатия. По материнской линии стихотворцем был Афанасий Матвеевич Брянчанинов, несколько его поэм дошли до нашего времени, а дружба с известным поэтом XVIII в. Михаилом Никитичем Муравьевым до сих пор привлекает внимание литературоведов. Увлекалась поэзией и дочь Афанасия Матвеевича, матушка святителя Игнатия, Софья Афанасьевна. Ее сохранившийся альбом свидетельствует о том, что она превосходно знала и русских, и французских поэтов. Очень сильным было увлечение поэтическими творениями и деда Святителя со стороны отца, Семена Андреевича Брянчанинова: он не только сам пытался сочинять, но на постановку комедий Мольера, Сумарокова и др. растратил бóльшую часть состояния.

Также известно, что в годы учебы в Инженерном училище, вращаясь в поэтическом кружке в доме А. Н. Оленина, Дмитрий Александрович пробовал свои силы в стихотворстве. (Кстати, «кропанием» стихов занимался и его брат, Петр Александрович.) Однако юношеские стихотворения Дмитрия Александровича до нас не дошли. А в последующие годы его литературная деятельность перешла в другую область, хотя некоторые из его «Аскетических опытов» написаны как стихотворения в прозе.

В настоящее время известны четыре стихотворения святителя Игнатия, о которых **священник Геннадий Беловолов** писал[1]: «Два из них [стихотворения] были опубликованы: “Убили сердце” — в книге С. Нилуса “Святыня под спудом” (Сергиев Посад, 1911. С. 11–12); “Совет душе моей” — помещено игуменом Марком (Лозинским) в выпуске “Богословских трудов” (Московская Духовная академия, 1971. № 6). Два других стихотворе-

[1] Роман-газета XXI век. 1999. № 6. С. 64–66.

ния публикуются впервые. Они находятся в рукописном сборнике художественных произведений [святителя] Игнатия, составленном им самим собственноручно, хранящемся в Рукописном отделе Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (ныне РНБ).

Свои стихи святитель Игнатий не включил в собрание сочинений и при жизни нигде не публиковал. Предназначались они, по-видимому, только для узкого круга знакомых.

Стихи святителя Игнатия очень разные как по форме, так и по настроению, что говорит о том, что писались они не систематично, "по случаю". Они связаны с романтической традицией русской поэзии первой половины прошлого века. Однако за характерным для романтической поэзии мотивом разочарования в стихах святителя Игнатия выражена идея монашеского отречения от мира сего. В них мы находим те же аскетические мысли и чувствования, что и в "Аскетических опытах".

Одно стихотворение — "К земному страннику" — датировано 15 декабря 1848 года. Судя по тому, что в этой рукописной тетради прослеживается хронологический принцип расположения, можно предположить, что помещенное рядом с ним стихотворение "Жалоба" написано также в это время, а "Совет душе моей" несколько ранее. Стихотворение "Убили сердце" автор не включил в эту тетрадь.

Для первых двух стихов характерен мотив разочарования, жалобы, ухода от "ценностей" этого мира. "Убили сердце..." (название, видимо, дано С. Нилусом) написано с явной аллюзией на "скорбные строфы" Овидия. Стихотворение "Жалоба" восходит к традиции русской романтической поэзии. Чтобы их понять, нужно знать, сколь скорбным было подчас настоятельство Игнатия в Сергиевой пустыни.

Стихи "Совет душе моей" и "К земному страннику" обращены к своему внутреннему человеку. Они являются прямым продолжением его "стихов в прозе". Их главной темой является то, что архимандрит Антоний (Бочков) в одном из писем назвал "поэзией покаяния". Для адекватности и полноты восприятия необходимо учитывать, что многие слова и образы в этих стихах (такие, как "сердце", "плач", "пустыня", "странник"), кроме поэтического, имеют еще и совершенно точный аскетический смысл: "сердце" — средоточие духовной, прежде всего молитвенной жизни человека, "плач" — покаяние о своих грехах, приводящее в состояние умиления, и т. д. Стихи для святителя

Игнатия не были некой литературной самоцелью. Они немногочисленны, и автор никогда не публиковал их при жизни. И все же невозможно не ощутить абсолютной чистоты смысла, удивительной ясности мысли, молитвенного настроя стихов поэта-аскета».

Стихи

Убили сердце...

Здесь всё мне враждебно, всё смерти тлетворным дыханием дышит:
Пронзительный ветер, тяжелые воды, пары из болота,
Измены погоды и вечно нахмуро-грозящее небо.
Как бледен луч солнечный, Бельта повитый туманом и мглою!
Не греет он — жжет!.. Не люблю, не люблю я сиянья без жизни!
Сражен я недугом, окован как цепью, к одру им прикован,
Им в келлии заперт. Затворник невольный, влачу дни ко гробу.
А сердце мое?.. Ах! Убили его!.. Оно жило доселе,
Страданьями жило, но жило. Теперь — тишина в нем могилы.
Его отверзал я с любовью и верой, открытой всем ближним.
Вонзили мне в сердце кинжалы; и были кинжалы наградой
За дружбу, за слово прямое, за жизнь, принесенную в жертву!..
Уйду я, убитый, уйду от людей я в безвестность пустыни!..
Я вижу, что людям приятно и нужно: им нужны лесть, подлость,
Тщеславие, чуждое истинной славе. Забыли, что слава — от Бога,
От совести чистой. Но Бог им не нужен и совесть — им бремя;
Не нужны им в слуги наперсники правды с общественной пользы желаньем, —
Им нужны рабы — орудья их воли развратной...
Уйду от людей и в глубокой пустыне предамся рыданьям:
Там в пищу мне будут лишь стоны, а слезы — напитком.
Оплачу себя, мое сердце убитое, мир, во зло погруженный, —
И сниду в могилу печальный, в надежде отрады на небе.

В кн.: *Нилус С.* Святыня под спудом. Сергиев Посад, 1911. С. 11–12.

Жалоба

Для страждущей души моей
Искал я на земле врачей,
Искал я помощи, отрады:
Моим болезням были рады.

Надежда тщетна на друзей
Моих минувших счастья дней:
Они со мною пировали —
И одаль встали в дни печали.
Не утушит тоски вино!
Напрасно сердцу утешенья
Искать среди самозабвенья:
Грустней пробудится оно.
И в развлеченье нет отрады!
Нет прочной в нем тоске преграды:
Еще веселья слышен шум,
А грусть, как ночь, туманит ум.
Испытан я судьбой, врагами,
Изранен многими стрелами:
Пытали клеветой меня,
Предательством был мучен я.
И долго, долго я томился...
Но наконец сквозь толщу туч,
Сквозь мрак суждений мира, луч,
Луч света радостный пробился.
Прозрел я, ожил. Оживленный,
Святою верой просвещенный,
Спокойно совершаю путь,
Которым к вечности идут.

РНБ. Q. 1. 1520. С. 280–282.

Совет душе моей

Какой подам душе совет,
Когда Христос — от Света Свет —
Советует скорбей терпенье,
Чтоб в горнее достичь селенье!
Плотская страсть, земная честь
И тленного богатства лесть,
Пленяющие человека,
Пребудут ли при нем в век века?
Приходит смерть; ее коса
Лицеприятия не знает:
Равно пред нею упадает
Власть, сила, гений и краса.
Бедняк забвенный — вот лежит

Близ богача или героя.
И червь, во тьме могильной роя,
Главу надменного смирит!
Душа, душа! Прими совет!
Вне стезь Его спасенья нет!
Укрась себя постом, слезами,
Молитвой, многими скорбями!
В святый Божественный чертог,
В светлейшую обитель рая
Ты вступишь, радуясь, играя!
Там ждет тебя с наградой — Бог!

РНБ. Q. 1. 1520. С. 87–88.

К земному страннику

О путешественник земной!
проснись от сна:
Твоя сума грехов,
одних грехов полна;
Ты погружен, как в сон глубокий,
в нераденье.
Престань напрасно жизнь,
бесценный дар, мотать!
Не то придет к тебе внезапно
смерть, как тать.
А в вечности вратах —
ужасно пробужденье!
В последний жизни час...

15 декабря 1848 года

РНБ. Q. 1. 1520. С. 280.

Публикация священника Геннадия Беловолова

Содержание

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПИСЕМ
СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА
Том III
Переписка с мирянами

Составление
О. И. Шафранова

Обложка
Анна Любавина

Редактор
Александра Доброцветова

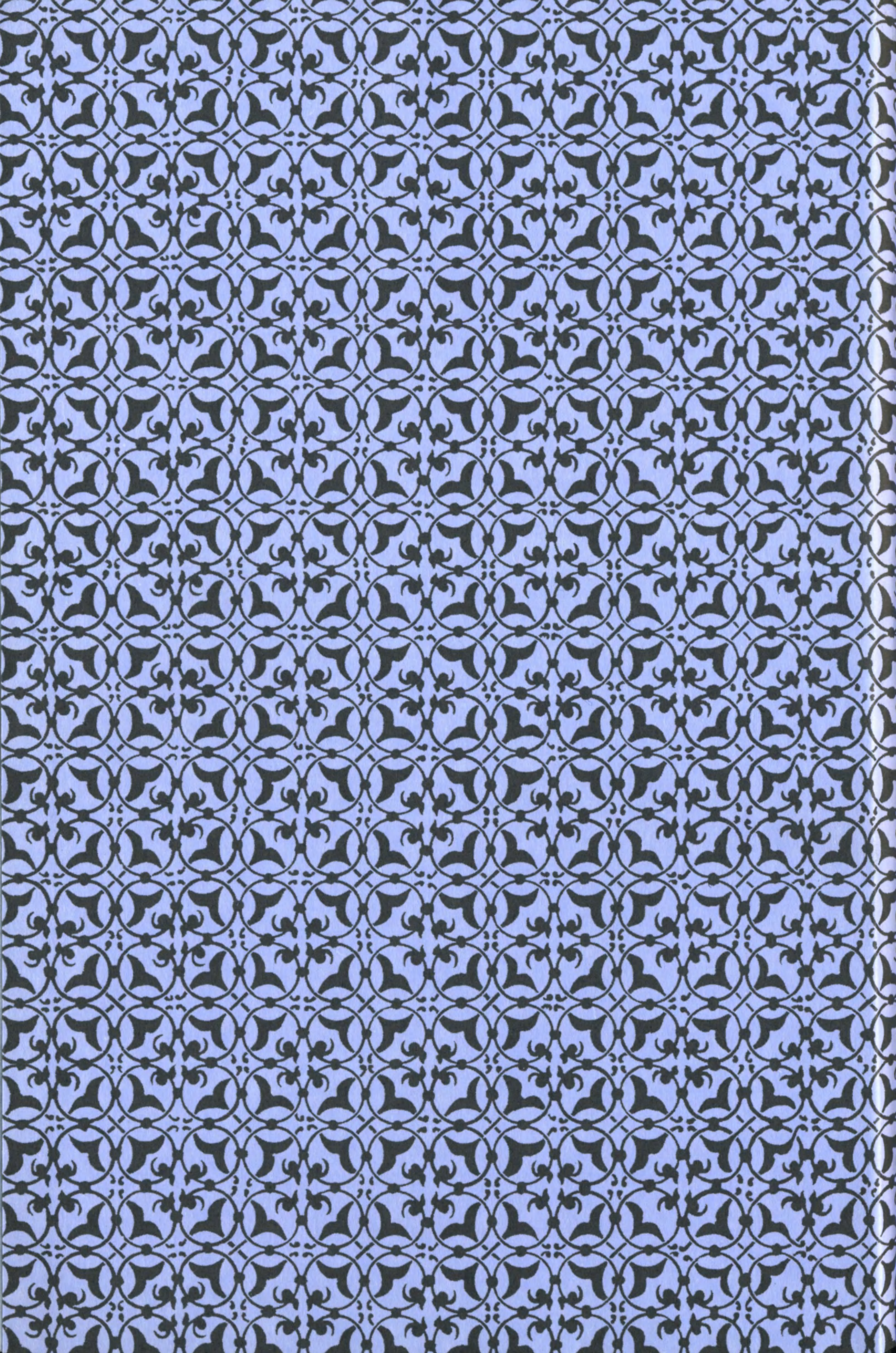
Корректор
Ольга Грецова

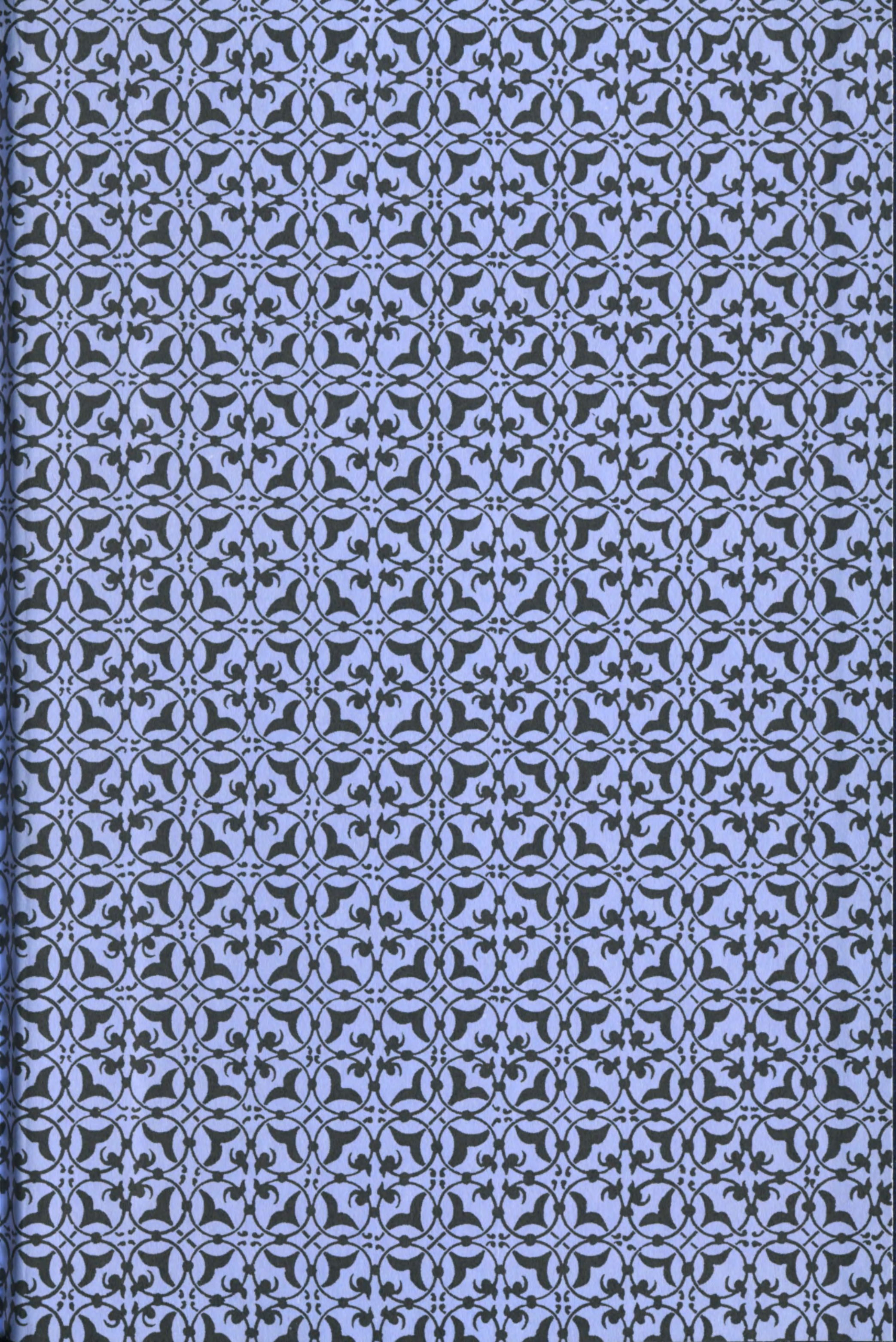
Верстка
Екатерина Белогорцева

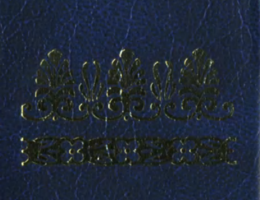
Подписано в печать 15.09.2011.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Объем 42 п.л. Тираж 7000 экз. Заказ № 1115510.

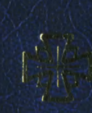
Издательство «Православный паломник-М»
111141, Москва, Плеханова, 15.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ПИСЕМ
СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ

Том
III